

У ИСТОКОВ ЮЖНО- УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (IX — начало XV века)

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

История Южного Урала

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в каменном веке

Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век

Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал

в эпоху ранних кочевников

Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII века)

Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века)

Том 6. Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко,

М. В. Моисеев. Южное Зауралье

(первая треть XV — конец XIX века)

Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев.

Горнозаводская политика России

и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов.

Южный Урал. Век двадцатый

**У ИСТОКОВ
ЮЖНО-
УРАЛЬСКИХ
НАРОДОВ.
ЮЖНЫЙ УРАЛ
В ЭПОХУ
ЗОЛОТОЙ
ОРДЫ (IX –
начало XV века)**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
Б86

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин,
член-корреспондент Российской академии наук

Б86

Боталов, С. Г.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды
(IX — начало XV века) / С. Г. Боталов и др. // История Южного Урала : в 8 т. Т. 5.
Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 424 с.

ISBN 978-5-696-05090-4 (т. 5)
ISBN 978-5-696-05081-2

Пятый том «Истории Южного Урала» посвящен событиям и культурно-историческим процессам в регионе и на сопредельных территориях в развитом и позднем Средневековье. Исследование археологических объектов этого времени позволило воссоздать сложный алгоритм взаимодействия различных этнических групп населения на значительных пространствах Срединной Евразии. Большое внимание уделено истории Золотой Орды, Улуса Шибана и династии Шибанидов.

Рассчитано на студентов и учащихся, специалистов-историков и широкий круг читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-696-05090-4 (т. 5)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Боталов С. Г., Костюков В. П., Маслюженко Д. Н. и др.,
тексты, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
Б86

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

У истоков южно- уральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века)

Том **5**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» имеет большое значение не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Это проект, значение которого выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной. Данный том посвящен истории Южного Урала в эпоху развитого Средневековья и во времена Золотой Орды (IX — начало XV века). Это время становления южноуральских и западно-сибирских народов, когда закладывались основные значимые этнокультурные черты

южноуральских башкир, мадьяр, поволжских и сибирских татар и раннеказахских родов, которые впоследствии вошли в состав казахской народности (кыпчаки, кимаки, кыргызы). Существование Волжской Булгарии, Хазарского каганата и в особенности сложение улусной системы Золотой Орды включили племена Южного Урала в состав раннегосударственных образований урало-казахстанских степей. Материалы, представленные в данном издании, будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края, в том числе учащимся общеобразовательных школ и студентам высших учебных заведений, для понимания глубинных исторических корней межкультурных и межцивилизационных взаимосвязей России, Урала и Казахстана.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

Данное издание является пятым томом в рамках большого проекта «История Южного Урала», работа над которым была организована Южно-Уральским государственным университетом. В издании представлены новые, ранее не известные страницы истории этногенеза автохтонных народов региона: башкир, казахов, уральских угров.

Впервые много внимания уделено интереснейшему аспекту южноуральской средневековой истории, который раскрывает мадьярскую проблему. Возникновение, развитие и судьбы протовенгерских племен, обитавших в пределах нашего региона, вызывают живой интерес не только в самой Венгрии, но и у широкого круга исторической общественности России, Казахстана, Украины и Молдавии. Ранняя история кыпчаков-половцев, также протекавшая в пределах урало-алтайского региона, крайне важна для исследователей тюркоязычных народов Евразии.

В основу исторических построений, выводов и реконструкций, приводимых автором этого издания, легли и материалы исследований последних десятилетий — например результаты раскопок погребального комплекса Уелги, проводимых совместной экспедицией Южно-Уральского государственного университета, Российской и Венгерской академий наук.

На страницах книги представлена сложная, многоплановая и яркая история сложения южноуральских, казахских и западносибирских народов, освещено их участие в бурных драматических событиях в период монгольского нашествия и в последующем установлении раннегосударственных институтов кочевой империи Золотой Орды.

Президент Южно-Уральского государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

Введение –
10

Глава 1.
У истоков
формирования
южноуральских
народов. Башкиры,
мадьяры, кыпчаки,
кыргызы в IX–
XII веках –
16

Наследие
В. Ф. Генинга
и Н. А. Мажитова –
19

Финал раннего
железа и начало
Средневековья
в истории лесостеп-
ных племен За-
уралья и Западной
Сибири –
27

Большое Бакальское
городище как зеркало
многокультурности ба-
кальского горизонта –
46

Что такое кушнарен-
ковская и караякупов-
ская культуры? –
64

Угры Среднего Урала,
или Проблемы этно-
генеза неволинской
культуры –
75

Урало-казахстанское
и алтайское единство
в недрах некрополя
Уелги –
81

Проблемы венгерской
прародины
«Magna Hungaria» –
112

Пределы угорской
ойкумены –
141

Первые следы
мировых религий
на Южном Урале –
166

Мадьяры
и кыпчаки –
175

Южноуральские степи
и Восточный Дешт-
и-Кипчак. Вопросы
происхождения –
180

Погребальный обряд
кочевников Восточного
Дешт-и-Кипчака (XI —
начало XIII века) –
191

Киргизы в составе
Дешт-и-Кипчака
и улус Шибана.
Аскизские памятники
урало-казахстанских
степей –
206

2

Глава 2. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (первая треть XIII – 1420-е годы) – 218

История исследования памятников золотоордынского времени (С. Г. Боталов) – **221**

Монгольское нашествие и его последствия для народов Средней Азии, Казахстана и Южного Урала (С. Г. Боталов) – **225**

Монгольское нашествие и формирование улуса Джучи (Д. Н. Маслюженко) – **242**

Погребальная обрядность и этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды (С. Г. Боталов, В. П. Костюков, А. Ф. Яминов) – **257**

Жертвенно-поминальные традиции и святилища кочевников (XIII–XIV века) (Г. Н. Гарустович) – **298**

Раннемусульманская мемориальная архитектура (С. Г. Боталов, Г. Н. Гарустович, Е. В. Русланов) – **312**

Источники и история изучения улуса Шибана (А. В. Парунин) – **339**

Улус Шибана: основные проблемы истории (В. П. Костюков) – **352**

Шибаниды в «Великой Замятне» (Е. И. Сорогин) – **367**

Шибаниды и Токтамыш (И. М. Миргалеев) – **379**

Борьба Шибанидов за власть над улусом в начале XV века (Д. Н. Маслюженко, А. В. Парунин) – **390**

Заключение
(С. Г. Боталов) – **405**

Сведения об авторах – **419**

Список литературы – **408**

Погребальный комплекс
Уелги. Челябинская область.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

5
том
Введение

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание посвящено особому этапу в историческом развитии народов Южного Урала — эпохе развитого и позднего средневековья. Временной охват его с VIII по XV век. Однако, логика изложения основной канвы событий вынуждает автора первой главы вернуться к процессам и событиям, происходившим в пределах Южного Урала и сопредельных территорий на раннесредневековом этапе (IV–VII вв.). Что было необходимо для реконструкции этнокультурных процессов, имевших место в лесостепной полосе Южного Предуралья и Зауралья, где сформировались и существовали магистральные культуры и горизонты: бахмутинская, турбаслинская, ломоватовская, неволинская и бакальский историко-культурный горизонт. В их недрах были заложены основные черты и культурные традиции, которые впоследствии легли в основу будущих южноуральских народов. Поэтому первая глава носит говорящее название «У истоков южноуральских народов».

В определенном смысле на долю южноуральских археологов выпал счастливый случай обнаружить и исследовать уникальный памятник этой эпохи, которым явился погребальный комплекс Уелги. Этот некрополь включил в себя всю толщу историко-культурных погребальных горизонтов, которые напластовывались в течение трехсот лет (с IX по XI век).

В процессе исследований погребений, жертвенных комплексов и тайников этого могильника, нам удалось реконструировать и воссоздать сложный алгоритм взаимодействия различных этнических групп населения, который имел место в пределах Южного Зауралья. Эти процессы этно- и культурогенеза имели существенные последствия в историческом развитии большого региона севера Срединной Евразии. Так окончательное сложение местного протоугро-мадьярского (кушнаренковско-караякуповской общности) кочевого объединения и последующая локализация этого населения в южноуральских степях и предгорьях Южного Урала, связанная с приходом в урало-казахстанские степи алтайских ранних кыпчакских племен, в IX веке приводит к его распаду, и часть южноуральского населения уходит на запад. Это событие в исторической литературе получило название — переселение венгров-мадьяр на Новую Родину. Процесс активного взаимодействия оставшегося населения с пришлым алтайским явился отправным моментом в формировании башкирской народности. Все эти события, как и продвижение ранних угров (протоманси) в пределы лесостепного и лесного Зауралья (петрогромско-юдинский ИКГ — историко-культурный горизонт), в IX веке

овещество в материалах Уелгинского комплекса, который сегодня становится эталонным памятником для истории развитого средневековья.

Приход алтайских кыпчаков, и в их составе кимаков и кыргызов, на длительный период превращает урало-казахстанские степи в восточные провинции большой страны «Дешт-и-Кипчак», которая простиралась от Иртыша и Алтая до северо-западного Причерноморья, где находились необъятные степи «Половецкого поля». Могущество кыпчаков-половцев в начале XIII века было сокрушено другим более грандиозным степным сообществом монголов. Непобедимый Темучин-Чингис Хан и его могучее воинство разметало по большой степи роды половцев-кыпчаков, каракитаев, канглов, найманов, башкир и других, сокрушило русские княжества и богатые города Волжской Булгарии и установило новый степной порядок, в котором урало-казахстанские степи вошли в улусы Джучи и Шибана в составе Великой Золотой Орды. Этим драматическим событиям посвящены разделы главы 2 настоящего издания. Большое внимание было уделено истории улуса Шибана и династии Шибанидов, так как история Южного Урала, Зауралья и части Западной Сибири связана именно с территориями этого улуса. История династии Шибанидов до недавнего времени была неизвестной, противоречивой, не исследованной. Открытие произошло благодаря нашему коллеге Владимиру Петровичу Костюкову, вошедшему в историю научных исследований Южного Урала своим особым вкладом — открытием таинственного Улуса Шибанидов.

Безусловно, золотоордынская история нашего региона еще недостаточно изучена и оценена в своей культурно значимой составляющей. Думается, что такие знаменитые мемориальные сооружения южноуральских степей как мавзолеи Кесене, Бэндэбикэ, Хусайнбека и Тура-хана являются лишь своеобразной «вершиной айсберга» всей толщи раннегосударственной культуры и истории южноуральского населения в XIV–XV веках.

Тимьян. Республика Башкортостан. Фото С. Арканова

Курган до раскопа.
Уелги. 2010 год.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

5
ТОМ
глава
1

У ИСТОКОВ
ФОРМИРОВА-
НИЯ ЮЖНО-
УРАЛЬСКИХ
НАРОДОВ.
БАШКИРЫ,
МАДЬЯРЫ,
КЫПЧАКИ,
КЫРГЫЗЫ
В IX–XII веках

Глава 1.

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ НАРОДОВ. БАШКИРЫ, МАДЬЯРЫ, КЫПЧАКИ, КЫРГЫЗЫ В IX–XII веках

Наследие В. Ф. Генинга и Н. А. Мажитова

Все началось с раскопок Бирского могильника. Памятник расположен на южной окраине города Бирска (Башкортостан), на правом высоком берегу реки Белой. Могильник был обнаружен более ста лет назад (1901 г.) известным российским археологом, знатоком урало-поволжских древностей А. А. Спициным. Несмотря на то что первые погребения этого некрополя были раскопаны уже в 1910–20-е годы прошлого столетия, настоящий интерес он привлек к себе, когда Н. А. Мажитовым в 1956–1962 годах были исследованы 206 погребений, материалы которых указывали на сложный многокультурный состав населения, проживавшего в Южном Предуралье более пятисот лет (с II по VIII век).

Первые масштабные раскопки на этом памятнике обнаружили чрезвычайно разнообразие материалов в исследуемых погребениях. Основным археологическим показателем этого разнокультурного калейдоскопа явилась, безусловно, керамика, поскольку именно она в археологической практике обладает особым кодом, способным маркировать культурное своеобразие погребенного. Молодой исследователь, каким был тогда Нияз Мажитов, столкнувшись с этим синкретическим многообра-

зием, тем не менее, пришел к выводу, что данный памятник является, по всей видимости, большим межплеменным погребальным центром местного приуральского населения. При всем типологическом многообразии эти родоплеменные группы были объединены в рамки бахмутинской культуры, которая существовала в Бельском Предуралье в течение двух этапов — раннего (II–IV вв. н. э.) и позднего (V–VII вв. н. э.). Кроме того, Н. А. Мажитов выделил среди бирских памятников погребения кушнаренковско-караякуповского типа, впоследствии объединенные им в кушнаренковскую культуру. Одновременно с этим, исследуя Новотурбаслинское поселение и могильник в среднем течении реки Белой, он пришел к выводу об относительно синхронном существовании в районе слияния рек Уфа и Белая еще одной оригинальной культуры — турбаслинской (V–VIII вв. н. э.) [199].

С резкой критикой этой схемы выступил В. Ф. Генинг, на тот момент уже известный корифей средневековой археологии Волго-Уралья. С особой скрупулезностью аналитика он разобрал материалы Бирского могильника, а также большого числа памятников Камско-Бельского бассейна, выделив до десятка особых археолого-этнических типов (АЭТ) и проследив их возможные истоки. В его интерпретации основной компонент раннего этапа бахмутинской культуры составляло население предшествующей, мазунинской, культуры, истоки которой были связаны с населением Камы и Белой финала раннего железного века (чандарская,

Нияз Абдулхакович Мажитов (20.08.1933—11.10.2015) — советский и российский археолог, академик Академии наук Республики Башкортостан, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан (2006–2012), профессор Башкирского государственного университета. Родился в деревне Тугаево Гафуринского района БАССР. Отец — сельский учитель, мать — крестьянка. Учился в Башкирской республиканской школе-интернате (ныне республиканская гимназия-интернат № 1 им. Рами Гарипова). Доктор исторических наук (1989), профессор (1990). Заведовал сектором археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (1956–1979). С 1979 года работал в Башкирском государственном университете,

с 1991 года заведовал кафедрой археологии, древней и средневековой истории. С 2012 года заместитель директора по научной работе Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа». Член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан (1992). Основные направления научных исследований связаны с разработкой проблем железного века и средневековья Южного Урала. Как археолог открыл и исследовал многочисленные археологические памятники средневековья Южного Урала. Внес вклад в разработку классификации, периодизации памятников железного века Урало-Поволжья, этнокультурной и социально-экономической истории народов степной Евразии, включая башкир. Участник археологических экспедиций 1957–2006 годов (научный сотрудник, начальник экспедиций). Основные исследованные в экспедициях памятники: Бирский могильник (Бирский район), Турбаслинские курганы (Уфа), городище Уфа II (Уфа). Выдвинул и обосновал гипотезу автохтонного происхождения и развития башкир, связав возникновение кушнаренковской, караякуповской, турбаслинской, бахмутинской археологических культур с процессами становления древнебашкирского этноса.

пьяноборская культуры). На позднем этапе бахмутинское многообразие обогатилось по меньшей мере еще пятью типологическими компонентами: кушнаренковским (куштерьякским), караякуповским, бирским, чермосанским, кансиарским [79]. Прошло полвека со времени этих научных баталий, и мы с удивлением обнаруживаем, что оба исследователя, хотя и в разной мере, но оказались правы в своих взглядах на этнокультурную карту Южно-

Владимир Федорович Генинг (10.05.1924—30.10.1993) — советский и украинский археолог, основатель свердловской школы археологов. Родился в Алтайском крае. В годы Великой Отечественной войны как этнический немец находился в трудармии. После войны учился на историко-филологическом факультете Пермского университета. Методику и технику археологических раскопок изучал под руководством известного археолога О. Н. Бадера. По окончании вуза работал в школе, затем в Удмуртском республиканском музее. В 1960–1974 годах преподавал на историческом факультете Уральского государственного университета (Свердловск). Здесь в 1961 году по его инициативе была создана Уральская археологическая экспедиция (УАЭ), участниками которой был накоплен,

го Приуралья эпохи поздней древности и раннего Средневековья.

Намеченные Н. А. Мажитовым археологически маркируемые этнокультурные сообщества выдержали испытание временем и апробацию новыми данными. Бахмутинская культура, как многообразная общность приуральского оседлого населения, состоящая из множества компонентов различного ранее существовавшего и вновь пришедшего насе-

систематизирован и частично введен в оборот громадный материал, характеризующий хозяйственную деятельность, быт, культуру коренного населения края в эпоху бронзы и железа. В. Ф. Генинг является создателем концепции историко-культурного развития населения Урало-Поволжья в эпоху Средневековья. Особенностью научного творчества основателя свердловской школы археологов было то, что он не ограничивался описанием археологических находок, а стремился использовать их как источник для воссоздания характера общественных отношений в глубокой древности. Он проявлял особый интерес к вопросам методологии и теории, полагая, что без этого археологическая наука не может быть достаточно эффективной. Позже В. Ф. Генинг переехал в Киев, где работал в Институте археологии Академии наук Украинской ССР. В 1974 году защитил докторскую диссертацию по теме «Этническая история Южного Прикармья в I тысячелетии н. э.».

ления, отражает тот историко-культурный облик, который возник в бурный период начала Великого переселения народов. Наиболее яркий инокультурный компонент в нем составляло именно население кушнаренковско-караякуповского типа (культуры), приход которого В. Ф. Генингом, а равно и другими учеными был справедливо связан с районом лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Особенно оказались и материалы турбаслинской культуры, памятники которой сосредоточены южнее Бирска.

По характеру подкурганых захоронений, конструкциям погребальных камер, своеобразию и богатству погребального инвентаря эти некрополи (Уфимские курганы, Новотурбаслинский, Шареевский и другие могильники) резко отличаются от Бирского могильника. Эти факты позволили основному исследователю турбаслинской культуры Ф. А. Сунгатову прийти к выводу о связи ее с гунн-

ским населением, возвращавшимся из западных походов и установившим свой протекторат над районом слияния рек Белая и Уфа [205; 208]. Особенно яркую картину этого средневекового этнокультурного многообразия продемонстрировали материалы раскопок известного городища Уфа II (о нем см. том IV данного проекта «Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала. II–VIII вв.»). Масштабные раскопки этого памятника были начаты в 1990-е годы. Культурный синкретизм Бирского могильника яркой мозаикой заиграл в напластованиях мощных культурных слоев городища. Население, постоянно проживавшее в его пределах, по меньшей мере, с II по X век, оставило артефакты всех культур и типов, выделяемых ранее (мазунинской, бахмутинской, бирской, кушнаренковской, караякуповской, турбаслинской и др.). Стало очевидным, что, вероятнее всего, в VI веке, после распада зауральского

Бирский могильник.
Аэрофотоснимок

бакальского историко-культурного горизонта, действительно на территории Приуралья, в частности среди насельников городища Уфа II, появляются племена носителей керамики зауральского бакальского горизонта. Это были как сами бакальцы, так и уже упоминавшиеся кушнаренковцы и караякуповцы, а также какое-то население позднебакальского (кашинско-прыговского) типа, имендяшевы

и ранние неволинцы. Кроме того, в слоях городища Уфа II обнаружены обломки горшков удивительных форм с характерным сетчатым орнаментом, которые принадлежали раннеболгарскому кочевому населению, попавшему в Бельское Зауралье из казахстанских степей.

В этой связи обнаруживается один парадоксальный момент в южноуральской средневековой

Погребальный инвентарь.
Бирский могильник.
Бахмутинская культура.
Фонды ФГБОУ ВО «БГУ»

истории. С одной стороны, и Бирский могильник, и городище Уфа II подтверждают факт длительного (с раннего железного века) проникновения на территорию Южного Приуралья оседлого автохтонного зауральского населения. С другой стороны, постоянный пульсирующий приток новых групп населения, прежде всего с востока (хотя не исключено и западное влияние (турбаслинцы,

именьковцы) и даже южное (протоболгарское население с сетчатой керамикой)), трансформировал культурный облик сообществ Камско-Бельского бассейна. Несмотря на то что процентное соотношение местного и пришлого населения, судя по количеству керамического материала, было не в пользу последних (доля инокультурной керамики не превышала 20 %), новые, более мобильные

Керамика.
Бирский
могильник.
Бахмутинская
культура.
Фонды ФГБОУ
ВО «БГУ»

Керамика.
1–3 — Бирский могильник.
Бахмутинская культура.
Фонды ФГБОУ ВО «БГУ».
4 — Ново-Турбаслинский
могильник. Фонды НМ РБ

Керамика.
Ново-Турбаслинский
могильник. Фонды НМ РБ

и консолидированные группы мигрантов вносили кардинальные изменения в облик приуральского сообщества, что в итоге привело к формированию

этнической карты региона и сложению современных народностей.

Погребальный инвентарь. Бирский и Ново-Турбаслинский могильники. Фонды ФГБОУ ВО «БГУ»

Финал раннего железа и начало Средневековья в истории лесостепных племен Зауралья и Западной Сибири

Глобальная хронология, составленная за много лет исследований различных регионов, несмотря на свою практическую целесообразность, в то же время достаточно условна. Особенно сложно установить четкие границы переходных эпох, когда, например, точно происходит исторический переход от эпохи раннего железа к Средневековью. Тем более что формирование нового формационного этапа тесно связано с процессами, происходившими в недрах предшествующего. Особенно сложной представляется эта картина для леса и лесостепи, так как здесь все культурные изменения происходили в среде населения, автохтонно проживавшего в этих районах. Все инновации фиксируются археологами, как правило, по изменениям в материальной культуре, а главным их маркером является керамика. Это фактически единственный наиболее информативный артефакт, который способен чутко передавать появление новых традиций и инноваций.

Таким образом, выходит, что археологическая хронология зачастую строилась «на горшках». Так, собственно, и обстоит дело с лесостепными и лесными памятниками Зауралья и Западной Сибири до начала XXI века, когда в арсенал археологического источниковедения стал активно внедряться метод радиоуглеродного датирования. И хотя он был разработан еще в середине прошлого столетия, активное использование его с целью датирования групп материалов в нашей стране пришлось именно на начало нового века. Сегодня впервые удалось соотнести и датировать горизонты залегания многочисленных типологических групп керамической посуды, встречающейся на поселенческих и погребальных памятниках Урало-Сибирского региона и сгруппировать их в сравнительную таблицу. К примеру, городища долины Исети длительный период могли принадлежать «одному территориальному объединению и эксплуатировались поочередно в качестве военного центра и убежища» на протяжении многих сотен лет [229, с. 98–99]. Как

нам представляется, это наиболее позитивный на данный момент результат исследований.

Действительно, с точки зрения формального культурного единства, население, соорудившее и эксплуатировавшее эти селища и городища длительный период — в эпоху раннего железа и Средневековье, — несмотря на многочисленные перманентные инфильтрации из сопредельных регионов продолжало оставаться большим этнокультурным единством — союзом родов или родовых кланов. Однако с исторической точки зрения это сообщество переживало различные по своему содержанию историко-культурные этапы.

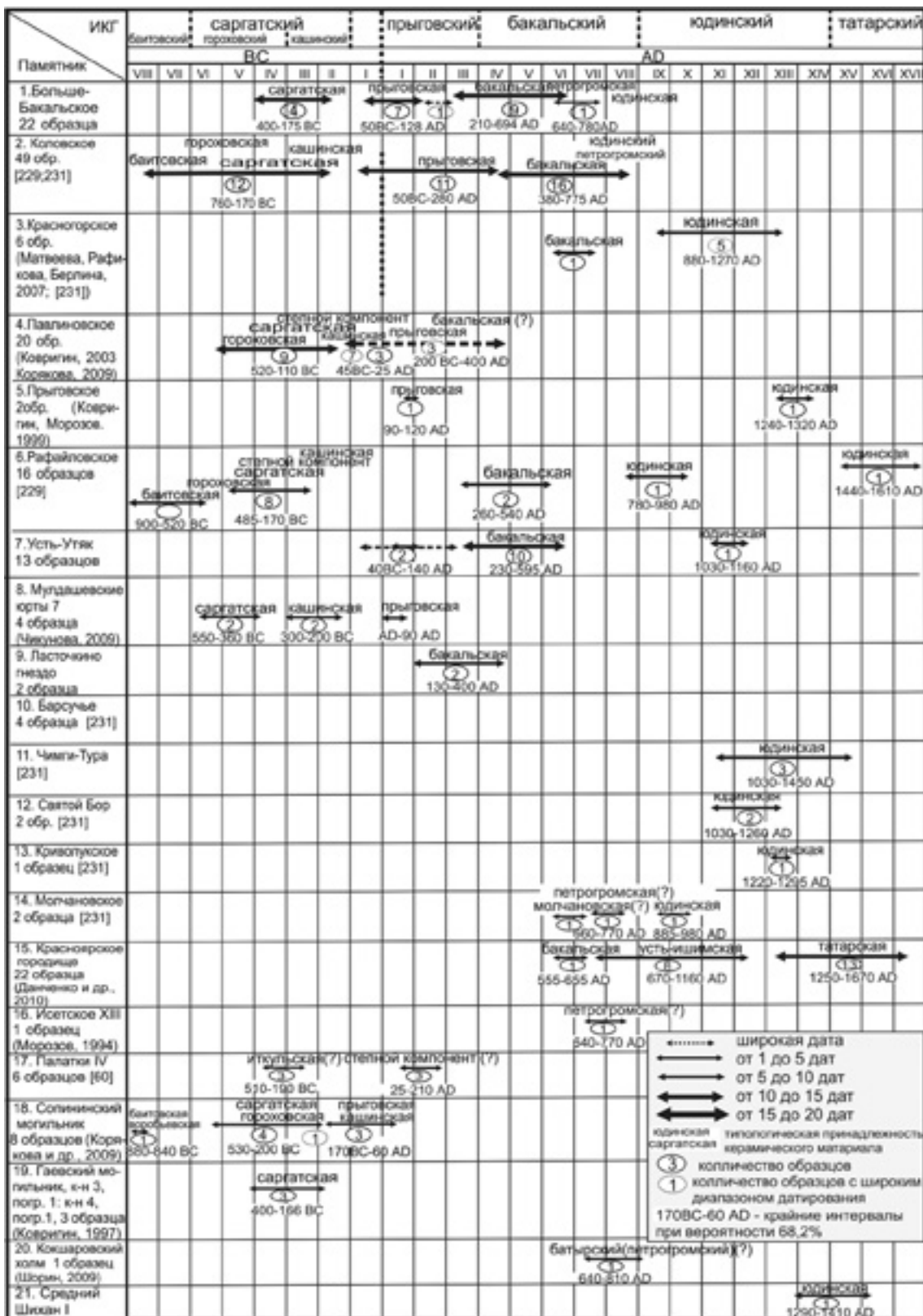
Предложим именовать их историко-культурными горизонтами (ИКГ). Они соотносятся с ранее выделенными культурными типами керамического и другого инвентаря.

Далее мы вынуждены перейти к довольно сложной процедуре выяснения историко-культурной позиции отдельных памятников лесостепного Зауралья.

До определенного периода хронологическая и культурная позиция того или иного поселенческого горизонта считалась весьма сложным и подчас спорным вопросом. На больших и малых городищах Поисетья и Притоболья лесостепное население Южного Зауралья проживало на протяжении не только нескольких поколений, но и в разные исторические эпохи — от 100 до 500 лет и более. При этом новое население, приходившее на площадку ранее обжитого городища, начинало перестройку его фортификационных конструкций (валов, рвов, стен, проходов) и выборку старых котлованов жилищ. Это в конечном счете приводило к перемешиванию старого культурного слоя и неравномерному залеганию нового.

Историко-культурный горизонт — археологически определяемый исторический период существования единых групп разнородного населения в пределах одних и тех же археологических комплексов.

Историко-культурные горизонты (ИКГ) лесостепного Зауралья по данным радиоуглеродного анализа. Таблица I

Большое Бакальское городище. Общий вид

Археологическая стратиграфия — порядок чередования напластований культурного слоя по отношению друг к другу, а также к подстилающим и перекрывающим его горным породам и отложениям. Изучение стратиграфии необходимо для установления относительной датировки слоев, прослоек (а также сооружений, погребений, артефактов). Особенно большое значение оно имеет в случаях, когда естественный порядок слоев нарушен перекопами, обвалами, оползнями, эрозией и т. п. Стратиграфия археологических памятников устанавливается путем изучения вертикальных разрезов. При помощи других методов археологии, а также методов естественных наук от относительных стратиграфических датировок

переходят к абсолютным датировкам. Стратиграфические выводы по одному памятнику часто могут быть использованы для установления относительной датировки памятников целой области. При помощи данных стратиграфии была установлена относительная, а затем и абсолютная хронология каменного века. Особое значение стратиграфия имеет для изучения памятников с мощным (иногда сильно потревоженным) культурным слоем — первобытных поселений, древневосточных, античных и средневековых городов, где каждый слой отражает определенный этап истории. Последовательность территориального роста поселений или могильников в археологии называют *горизонтальной стратиграфией*.

В этой связи на поселенческих комплексах раннего железного века и Средневековья, как правило, отсутствует традиционная археологическая стратиграфия, позволяющая установить историко-культурную последовательность существования конкретных памятников.

С началом широкого использования радиоуглеродного метода датирования появилась возможность выстроить хронологические колонки для отдельных типов археологических материалов. Однако и здесь обнаружились свои сложности. Для того чтобы точно определить время существования тех или иных культурных типов, нужно определенно знать, что участок их залегания не соприкасается с горизонтами других культур (более ранних или более поздних). В археологии это называется «закрытым комплексом». Из чего понятно, что на поселениях и городищах, в отличие от могильников, определить такие комплексы крайне сложно. В этой связи мы вынуждены использовать метод поэтапного наложения отдельных культурных и типологических горизонтов на отдельных памятниках (см. табл. I). Это в конечном счете позволило оконтурить и локализовать во времени период

Городище Усть-Утяк-1.
Общий вид и графическая
реконструкция

существования в регионе того или иного этнокультурного сообщества и таким образом создать единую макростратиграфию.

Анализ сравнительных данных, помещенных в единую сводную таблицу, позволяет говорить, что наиболее ранняя фаза горизонта раннего железного века на большинстве памятников относительно непрерывно продолжается с VI по II век или середину I века до н. э. (Коловское, Павлиново, Рафайловское, Большое Бакальское городища, Со-

пининский и Гаевский могильники) (табл. I, 2, 4, 6, 14, 15). При этом в двух случаях — на Коловском и Рафайловском городищах — соответственно два и четыре образца дали наиболее ранние даты, укладываемые в диапазон конца VIII — начала VI века до н. э. (780–520 BC) [229, с. 57, табл. 2; с. 90, табл. 8]. По справедливому мнению исследователей, они маркируют наиболее ранний баитовский ИКГ, который представлен в материалах именно этих памятников. При этом в калиброванных материалах радиоуглеродного датирования Рафайловского городища существует небольшой перерыв между двумя сериями дат 780–520 BC (четыре образца) и 485–210 BC (восемь образцов) (табл. I, 6).

Коротко охарактеризуем предшествующие горизонты раннего железного века, для того чтобы было понятно, на какой основе складывались культурные типы раннего Средневековья.

Саргатско-гороховский историко-культурный горизонт начинается с рубежа VI–V веков до н. э. Он, по нашему мнению, имеет три основных фазы, или стадии, представленные типологически идентифицированными материалами: саргатско-гороховская (ранняя), саргатско-кашинская (средняя), позднесаргатская, или прыговская (поздняя)

(табл. I, 1, 2, 4, 6, 14). Однако наиболее поздняя, прыговская, фаза в силу значительных историко-культурных трансформаций, происходивших на этой стадии, и определенной локализованности своего развития определена нами как особый, прыговский (позднесаргатский) ИКГ. Рубеж между первой и второй фазой, вероятнее всего, приходится на III–II века до н. э. Однако это предварительные наблюдения, построенные на общих представлениях о генезисе памятников гороховской культуры с конца VI по III век до н. э., их последующем гороховско-саргатском взаимодействии и сосуществовании [161; 221; 223; 224; 226], а также об основных историко-культурных предпосылках и этапах генезиса памятников кашинского типа в III веке до н. э. [58, с. 81–85; 60, с. 95; 61, с. 173–174].

Суммируя вышеприведенные данные, можно установить, что саргатско-гороховский ИКГ повсеместно начинается с VI века до н. э. и продолжается на раннем этапе в рамках саргатско-гороховской фазы до IV–III веков до н. э. Непрерывный переход в следующую фазу, условно названную нами саргатско-кашинской, происходит в рамках III века до н. э. Он связан с проникновением в восточные районы лесостепного Зауралья иткульского населения и кочевников Южного Урала. В пределах I века до н. э. и рубежа эр повсеместно наблюдается прерывание единой хронологической шкалы памятников раннего железа, что, возможно, означает перерыв в жизнедеятельности на поселенческих объектах и, соответственно, функционировании некрополей. Новая фаза (ИКГ), вероятно, наступила в период с рубежа эр до 90 года н. э.

Прыговским (позднесаргатским) ИКГ (I–III века н. э.) мы называем следующий этап, который является особым периодом историко-культурного развития региона. Двойное именование в этом случае подчеркивает преемственность этого ИКГ с общесаргатским, несмотря на существующий перерыв между кашинской и прыговской фазами. Как уже было сказано, последняя в связи с особым масштабом и характером трансформации в этот период определена как ИКГ. Причины перерыва в существовании отдельных поселков не ясны. В этой связи мы разделяем мнение исследователей, считающих, что после определенного этапа запу-

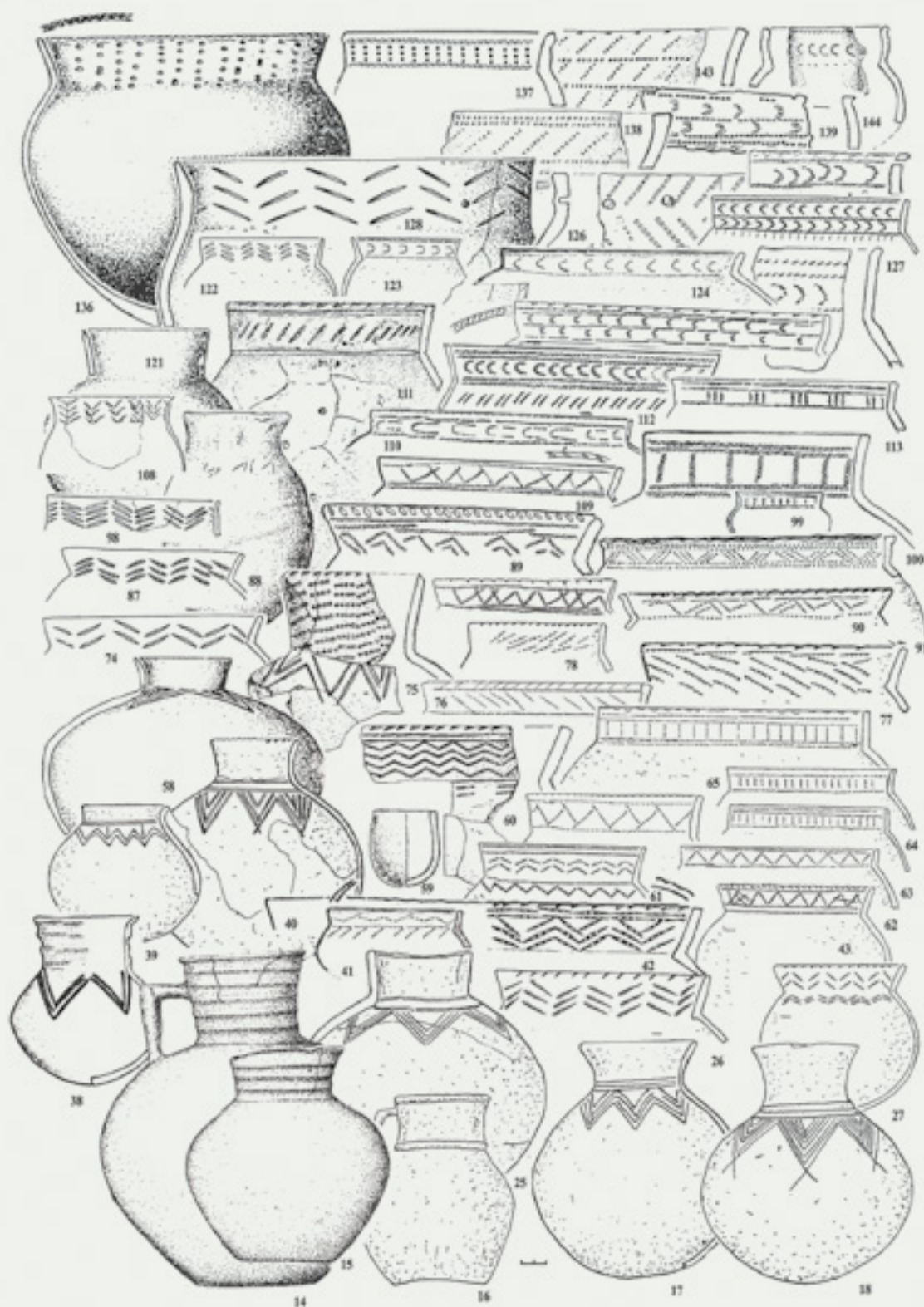
щения функционирования городищ и некрополей было возобновлено, вероятно, единокультурными племенами — потомками обитавших здесь ранее насельников. То есть прыговская линия развития, по сути, продолжает общесаргатский культурогенез. Установившаяся на этом этапе особая композиция (сочетание культурных типов) явилась результатом: а) завершения гороховско-саргатской и саргатско-кашинской интеграции; б) включения новой (вероятно, горнолесной) традиции шнуровой орнаментации; в) проникновения степного культурного компонента (сарматского и раннегуннского населения).

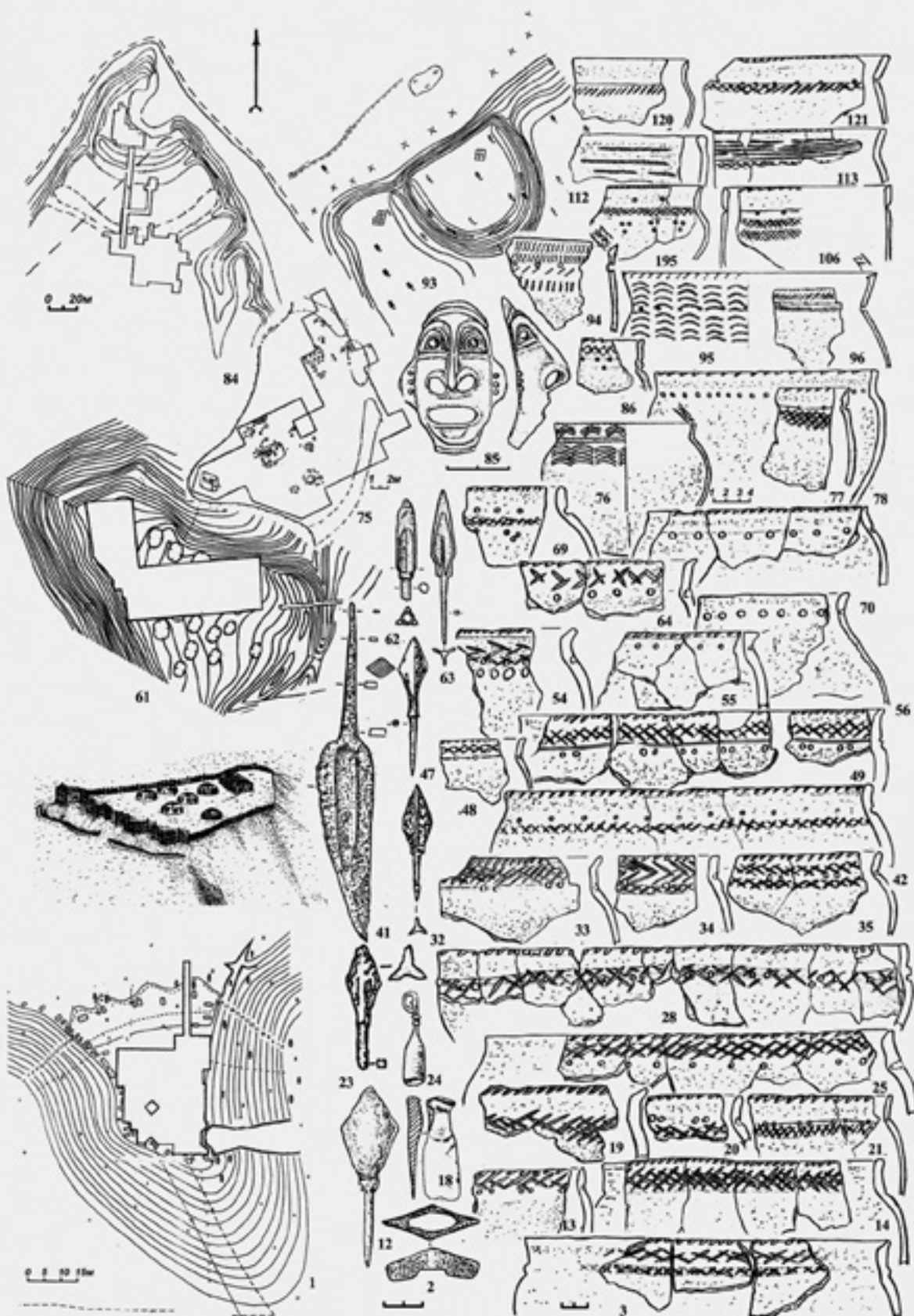
Бакальский историко-культурный горизонт (IV–VII вв.) демонстрирует резкое изменение вектора социокультурных связей. Что явилось первопричиной этой новой историко-культурной пертурбации? Однозначно сказать сложно. Возможно, причиной был исход ранних гуннов в Европу в конце IV века н. э. или экологический экстремум (гумидизация таежной зоны, поднятие уровня верховых болот), пик которого также пришелся на IV век, о чем уже говорилось выше. Однако мы вынуждены констатировать, что с начала формирования бакальского ИКГ вектор «степь — лесостепь», являющийся основным коммуникационным алгоритмом для прыговской (позднесаргатской) стадии, сменился на направление «лес — лесостепь». Попытаемся изложить это подробнее.

Возможно, возникнет вопрос: почему бакальский горизонт рассматривается нами в рамках данного раздела, а не в главе, посвященной раннетюркскому периоду? Безусловно, бакальское население существовало в лесостепной зоне в тот период, когда южнее, в пределах степного Зауралья, обитали племена «народа десяти стрел» (он окбудун). Однако существование этого горизонта устанавливает алгоритм дальнейшего этнокультурогенеза всей лесостепной зоны Урала по обеим сторонам Уральского хребта. Существование и распад бакальской общности напрямую связаны с протомадьярскими и раннеугорскими миграциями на Уфу, Белую и на Среднюю Каму. В этой связи рассмотрение названного процесса в рамках данной главы абсолютно объективно.

Сводная таблица памятников прыговского (позднесаргатского) ИКГ (I–IV вв.). Планы памятников, погребений и погребальный инвентарь

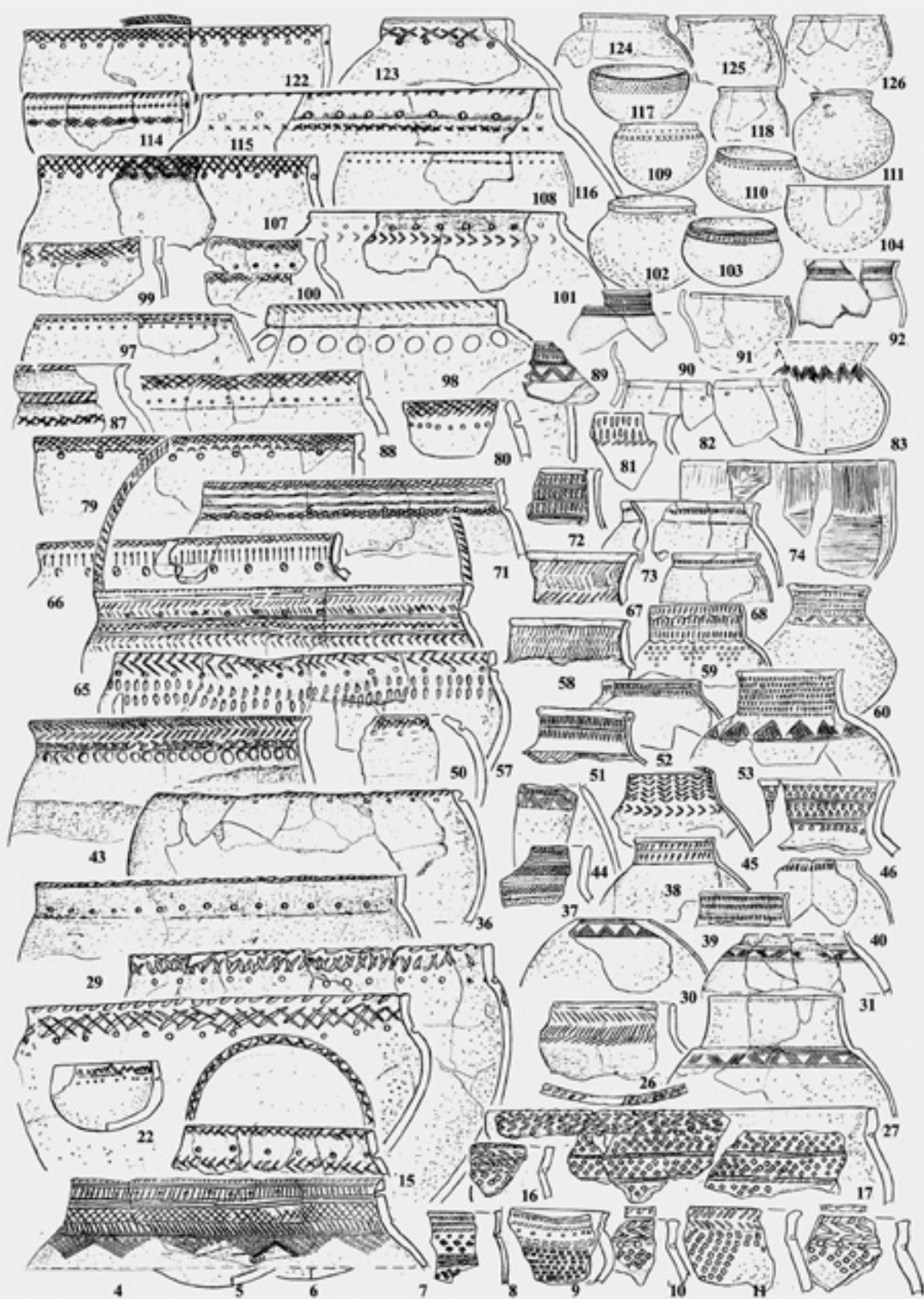

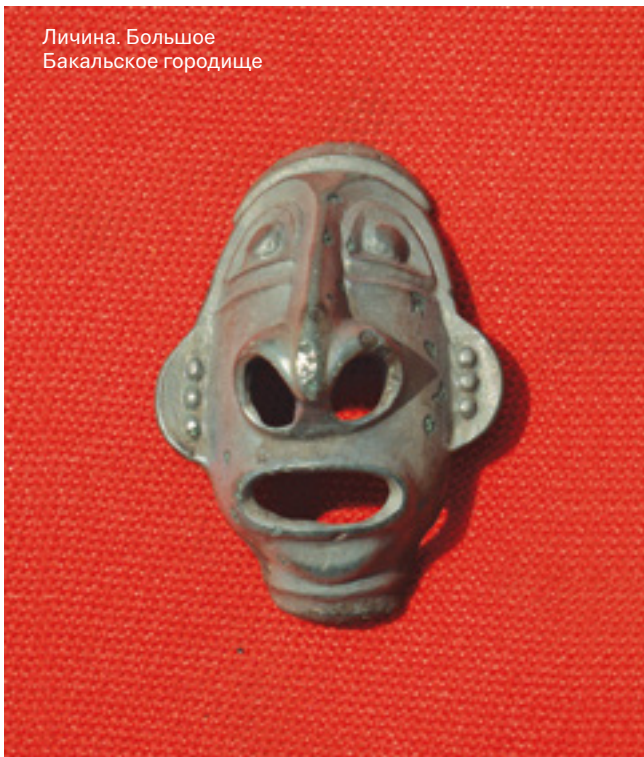

Сводная таблица памятников бакальского ИКГ (IV–VII/VIII вв.).

Планы памятников, погребений и погребальный инвентарь

Личина. Большое
Бакальское городище

Бакальский историко-культурный горизонт

назван по Большому Бакальскому городищу, которое находится на юго-западной окраине Шадринска, близ деревни Бакалды. Первые археологические исследования Большого и Малого Бакальских городищ производились в 1950–60-е годы под руководством К. В. Сальникова [347] и Т. М. Потемкиной [310]. Тогда же была выделена бакальская культура — по характерной керамике с резным и прочерченным орнаментом в виде кривой решетки. Длительное время хронологические рамки ее существования многократно пересматривались — от IV–VIII до IX–XIV веков, что нашло отражение на страницах археологи-

ческой и энциклопедической литературы. В 1990-е годы известный уральский археолог В. М. Морозов выступил с инициативой вернуться к датировке бакальской культуры, предложенной К. В. Сальниковым (IV–VI вв.). Дальнейшие исследования памятников этого типа подтвердили правильность этой позиции. Однако с получением в последние десятилетия устойчивых радиоуглеродных данных и благодаря раскопкам первых могильников бакальского населения (Устюг I и Козловский) стало возможным конкретизировать существование этой культуры в рамках IV–VI веков (с возможным удревнением до III века и сохранением ее традиций вплоть до VIII века).

Вячеслав Михайлович Морозов (01.06.1947 — 01.06.2008) — известный археолог, специалист по лесной и таежной археологии Урала и Западной Сибири. Исследовал многочисленные памятники раннего железного века и Средневековья в Сургутском Приобье и на Среднем Урале.

Итак, бакальский ИКГ изначально формировался как еще более многокомпонентный и многокультурный (в понимании археолога-этнических типов, по В. Ф. Генингу), чем предшествующий прыговский. Он своеобразно пресекал дисперсно существовавшую до того момента саргатскую линию историко-культурного развития.

По результатам исследований Большого Бакальского городища нами достаточно подробно был изучен керамический комплекс, полученный из слоя памятника. Можно кратко подытожить полученные результаты. Бакальский керамический комплекс составляют следующие типологические группы: саргатская, позднесаргатская, кашинско-прыговская. В состав основного (бакальского) комплекса входят, помимо собственно бакальской, керамика кушнаренковско-караякуповского круга (сводная таблица на предыдущем развороте, 26, 27, 30, 31, 37, 44–46, 58–60, 102–104, 109–111, 124–126), фигурно-штампованная керамика карымского и зеленогорского облика (там же, 4–12, 16, 17) и, наконец, шнуровая керамика, в большинстве своем относящаяся к сосудам петрогромского типа, который позже получил распространение за пределами бакальского ИКГ.

Позднесаргатскую керамику кашинского и прыговского типов составляют горшки с закрытым устьем, прямой или отогнутой шейкой, венчиком, имеющие уступ с внутренней стороны. По способам орнаментации в этом комплексе выделяются пять подгрупп керамики: а) с резным прочерченным орнаментом, б) гладким штампом, в) ямочно-гладким штампом, г) гребенчатым, д) ямочным орнаментом (там же, 54, 76, 95; 57, 43).

Среди сосудов основного (бакальского) комплекса можно выделить горшки с резной и гре-

бенчатой орнаментацией, которые демонстрируют наряду с общесаргатской и прыговские традиции (многорядный зигзаг, многорядная елочка, вертикальные колонки гладкого штампа). Преобладают сосуды собственно бакальского типа с резной или гребенчатой орнаментацией в виде косой решетки, наколами и характерной решетчатой орнаментацией венчика.

Существует точка зрения Е. М. Данченко относительно происхождения форм бакальской посуды и орнаментальных традиций. Он считает, что сложение бакальских традиций непосредственно связано с территориями южно-таежного Прииртышья, где характерные приемы — резная и гребенчатая косая решетка, многорядная елочка на шейке, плечах, а также косая нарезка по венчику — использовались при орнаментации сосудов журавлевской и богочановской культур. Характерными типами этого комплекса являются закрытые горшки с шейкой и венчиком, загнутым внутрь [93, с. 188–191]. Как известно, верхняя граница существования богочановского этапа сегодня ограничивается II веком до н. э., однако, вероятнее всего, этот рубеж нуждается в уточнении, так как дальнейшая судьба южно-таежного населения Поиртышья непонятна, а памятники рубежа эр на этой территории идентифицируются сложно.

Несколько иной вектор внешнекультурных связей демонстрируют сосуды со шнуровой орнаментацией, а также несколько фрагментов фигурно-штамповой керамики от горшков синдейского типа, происхождение которой В. Д. Викторова связывает с северными районами верховьев Исети, Туры и бассейна Тавды в лесном Зауралье [61, с. 174–181]. Вопрос типологической интерпретации бакальской группы шнуровой керамики достаточно сложен. Н. В. Матвеевой фрагменты четырех горшков из Большого Бакальского городища, орнаментированных шнуром, однозначно были отнесены к юдинской керамике [310, с. 49, рис. 10]. Возникновение юдинской и петрогромской керамики связано, как известно, с районами лесного Зауралья.

Вероятно, некоторые петрогромско-юдинские черты угадываются в традиции нанесения орнамента в виде многорядного горизонтального мелко-

Валентина Дометьяновна Викторова (род. 11.08.1933, Москва) — известный уральский ученый-археолог, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Блестящий знаток памятников раннего железного века и Средневековья на Среднем Урале и в Западной Сибири. Сфера научных интересов: древняя история Урала, духовная культура ранних обществ Урала, теория и методология археологической науки.

витого и, особенно, крупновитого шнура на шейки сосудов. Однако, по нашему представлению, на примере этой группы, мы видим процесс интеграции двух культурных тенденций, а именно наложение на ранее существовавшую бакальскую культуру инновационной раннепетрогромской. Это хорошо сочетается с периодом сосуществования бакальского и молчановско-петрогромского горизонтов (640–770 AD), что выявлено по радиоуглеродным датам Молчановского городища и погребально-культурного комплекса Исетское XIII Б (табл. I, 14, 16). Таким образом, появление группы шнуровой керамики на Большом Бакальском городище, вероятнее всего, приходится на самый конец существования бакальского горизонта (VII — начало VIII в.) и также указывает на смену культурных связей, которая спустя определенный период приведет к формированию нового ИКГ — юдинского. Каков характер перехода от бакальского к петрогромско-юдинскому ИКГ, пока остается непонятным. Думается, что в пределах Большого Бакальского городища этот этап был заключительной фазой существования поселка, так как более поздних дат по нему не выявлено.

Важным также является вопрос о времени появления фигурно-штамповых традиций орнаментации в рамках бакальского ИКГ. Здесь можно однозначно говорить лишь об образцах, демонстрирующих хорошо выделяющиеся способы и композиции орнаментов карымского типа. Речь идет о фрагментах сосудов, орнаментированных фигурным штампом в виде крестообразных

Юдинская культура была распространена на территории таежного Зауралья в акваториях рек Тура и Тавда. Относится к X–XIII векам. Поселенческие комплексы представлены городищами, на которых размещалось от четырех-пяти до семи-восьми жилищ. Жилые сооружения двух типов — срубные и шатровые. Оборонительные сооружения хорошо изучены на Юдинском городище. Земляной вал заключен в деревянную клеть. Во рву и за его пределами зафиксированы два ряда частокла. Погребальный обряд известен по захоронениям Ликинского могильника (кремация в ранних погребениях и засыпка трупа углями в поздних). Особое место в погребальном обряде отводилось лошади. Орудийный набор: железные орудия труда и оружие. Популярно бронзовое художественное литье. Главные персонажи — медведь, водоплавающие птицы. Керамика круглодонная, слабо профилированная. Орнаментом (горизонтальные пояски оттисков шнура, гребенчатого штампа) покрывалась верхняя часть сосуда. Из глины изготавливалась антропоморфическая пластика. Характерная черта погребального обряда — преднамеренная поломка сопровождающих предметов. Носители юдинской культуры связываются с предками манси. Наиболее известным памятником является Ликинский могильник, исследованный В. Д. Викторовой [1973].

Ликинский могильник расположен в Свердловской области, в двух километрах к востоку-юго-востоку от деревни Ликино Гаринского района на высоком (семиметровом) мысу при слиянии рек Ивелька и Ликинка (правый приток Лозьвы). Мыс неоднократно заселялся в бронзовую эпоху. Культурный слой этих стоянок частично перекрыт, а большей частью нарушен некрополем. Раскопаны остатки 40 погребений, две кремационные ямы, площадки с прокалом, жертвенные комплексы и клад, или, возможно, предметы из жертвенного домика. Вещи из Ликинского могильника по происхождению и территории распространения составляют четыре группы. Железные ножи, наконечники стрел, кресала и бубенчики встречаются на памятниках Восточной Европы и Сибири IX–XIII веков. Топоры, витые браслеты, перстни, трехбусинные серьги изготавливались в мастерских Волжской Булгарии для экспорта на восток и северо-восток. В третью группу входят вещи финно-угорского происхождения: пронизки со вздутиями, шумящие подвески и пронизки, встречающиеся в Прикамье, Зауралье и Западной Сибири. Четвертый вид изделий происходит из лесного Зауралья и Приобья: широкие браслеты с зооморфными изображениями, украшенные изображениями животных, подвески, пряжки, рукоятки ножей.

и ромбовидных вдавлений, гребенчатых «гусеничек» и подковок. Учитывая наличие прямых аналогов некоторых горшков из этой группы (с крестоштамповой орнаментацией в виде заполненных фестонов, идущих вдоль плеча) и судя по образцам из хорошо датирующихся комплексов могильника Усть-Тара VII на Среднем Иртыше [93, с. 47], период появления этого типа фигурно-штампованной керамики, вероятнее всего, падает на раннюю фазу существования бакальского ИКГ — IV–VI века.

Инвентарь.
Юдинская
культура

Керамика.
Петрогром-
ский тип

Гора Петрогром — археологический памятник, площадка металлургического производства (Свердловская область, г. Верхняя Пышма, пос. Сагра, р. Полдневая). Исследован Е. М. Берс. Занимает плато трех из восьми каменных палаток, вытянувшихся цепочкой с запада на восток по хребту горы. Высота каменных палаток 8–14 м. Основной археологический материал — вещевой комплекс двух культур: иткульской (V–III века до н. э.) и петрогромской (вторая половина I тысячелетия н. э.). Из сооружений на площадке зафиксировано 18 оснований металлургических горнов. Остатки горнов фиксируются под зольниками, в серо-коричневом гумусе с большим содержанием золы и крупинки жженных костей. В культурном слое обнаружены керамика, шлак (медный и железный), фрагменты глиняных воздухоудных сопел, тиглей,

обмазка горнов, каменные песты и точильные бруски, тальковая форма для отливки трехгранных наконечников стрел, глиняные сердечники для отливки наконечников копий и кельтов, заготовки для матриц. Найдены изделия из цветного металла: трехгранный наконечник стрелы, подвеска в форме плоского конька (V–VI вв. н. э.), ручка от котла; из железа — однолезвийные ножи. Площадки на вершине горы Петрогром служили местом производства металла (меди, железа) и металлоизделий.

Основная масса керамики с памятника представлена двумя большими коллекциями сосудов иткульского и петрогромского типов. В состав находок входят также фрагменты керамики бакальского, прыговского, батырского, молчановского и юдинского облика. Такое разнообразие керамического материала может свидетель-

ствовать, во-первых, о вероятной преемственности в производстве металла на горе Петрогром в период от V века до н. э. до XII–XIII веков н. э., во-вторых, о постоянных связях горноуральского населения с племенами лесостепной и лесной зон Зауралья. Памятники петрогромского типа второй половины I тысячелетия н. э. расположены в горнолесной части Среднего Зауралья на высоких плато и останцах в верховьях рек Тагил, Нейва, Реж, Исеть. До сих пор не установлено, что собой представляют места постоянного проживания населения, поскольку все известные памятники петрогромского типа являлись временными стоянками, либо местами металлургического производства (Гора Петрогром, Большие и Малые Шарташские каменные палатки), либо жертвенными местами (Адуйское жертвенное место, Камень Балабан).

Для сосудов петрогромского типа характерна высокая вертикальная или слегка наклонная кнаружи шейка, четко переходящая в округлое тулово. Способы орнаментации посуды различны, что может говорить о различных слагающих компонентах. Первый — шнуровой, продолжающий традиции более ранних памятников типа могильника Калмацкий брод. Второй компонент — местный, гребенчатый, среди узоров которого преобладают горизонтальный зигзаг, поясок из наклонных линий, наклонные столбики гребенчатых отрисков. Эти элементы, характерные для иткульских сосудов, традиционно сохраняются на посуде кашинского и прыговского типов. В конце I тысячелетия н. э. при сложении юдинской культуры (зауральские протоманси) памятники петрогромского типа, видимо, вошли в ее состав.

Керамика.
Козловский могильник

Наталья Петровна Матвеева (род. 17.03.1956, Омск) — археолог, доктор исторических наук (1998), профессор (2002). Окончила Тюменский государственный университет (ТюмГУ, 1978). В 1978–1990 годах ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры всеобщей истории ТюмГУ. С 1990 года старший науч-

ный сотрудник, заведующая лабораторией археологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, по совместительству (с 2001) профессор кафедры археологии, антропологии и этнографии ТюмГУ. Специалист в области археологии Западной Сибири. В круг ее научных интересов входят проблемы культурогенеза в эпоху раннего железа в регионе, социально-экономические реконструкции древних популяций. Проводит археологические исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи раннего железа. Существенные результаты получены в области изучения саргатской культуры. Высказала важную гипотезу о формировании кушнаренковской культуры в лесостепном Зауралье.

Козловский могильник — археологический памятник I тысячелетия до н. э. (Тюменской области). На поверхности фиксируется в виде небольших всхолмлений округлой формы диаметром 4–5 м. Раскопки, произведенные в 1952 году В. Н. Чернецовым, показали, что каждое из таких всхолмлений является небольшой курганной насыпью высотой от 0,2 до 0,4 м. Погребения грунтовые, костяки лежат вытянуто на спине и ориентированы головой на север. Глубина захоронений от 0,7 до 1,25 м от основной насыпи. Размеры могильных ям 0,7–0,9×1,8–2,5 м. Непосредственно под насыпью, на грунте рядом с ямой нередко видны следы костровищ. В некоторых захоронениях сохранились следы бревенчатого сооружения (сруба?), в который

укладывали покойника. Инвентарь погребений невелик. В большинстве случаев слева в головах погребенного находился сосуд, рядом с которым справа иногда лежала кость лошади. В области пояса найдены небольшие медные пряжки с длинным изогнутым язычком, характерные для памятников IV–V веков, железные ножи, подвески в виде полых фигурок медведей, бусы. Большая часть керамики, орнаментированная отпечатками ромбических и квадратных штампов, расположенных в шахматном порядке, идентична сосудам туманского типа (Туманское селище, святилище, костище) населения лесного Зауралья. Вторая группа сосудов, украшенная насечками, может быть сопоставлена с находками из памятников лесостепного населения Зауралья.

Как известно, проникновение фигурно-штамповой орнаментации на территорию Зауральской лесостепи нами и другими исследователями напрямую связывается с процессом формирования кушнаренковско-караякуповской керамической традиции [225; 250, с. 83; 252; 253, с. 86; 258]. Это подтверждается тем фактом, что керамический комплекс Козловского могильника содержит наряду с карымскими образцами посуды, орнаментированными фигурным штампом (крестовидным, «гусеничками»), и горшки со сложившейся протокушнаренковской традицией орнаментации [225, рис. 6, 7]. Время появления этого типа керамики на зауральских городищах можно установить по предметам из городища Усть-Утяк 1. Шесть калиброванных образцов оконтурили временной отрезок между существованием здесь бакальского горизонта (306–595 AD). Среди бакальской керамики на этом памятнике найдены фрагменты 70 сосудов (около 23 %) кушнаренковско-караякуповского облика, которые хорошо выделялись не только по ор-

Инвентарь.
Козловский могильник

наментации (горизонтальные пояски из плоского треугольного и гребенчатого штампа, зональный прочерченный орнамент), но и по характерной тонкостенности и особому типу лощения поверхности.

В заключение хотелось бы отметить еще один интересный факт. Учитывая то, что радиоуглеродные даты указывают на непрерывность существования городища Усть-Утяк 1 в рамках бакальской культуры до VI века, а на данном памятнике не обнаружено керамики со шнуровой орнаментацией, следующий, петрогромско-юдинский ИКГ, скорее всего, начинается с VII века.

Городище Усть-Утяк 1 расположено в Кетовском районе Курганской области. Керамический комплекс относится к бархатовско-гамаюнской и бакальской культурам. Кроме того, обнаружена кушнаренковская и карымская посуда. В целом комплекс относится к эпохе раннего Средневековья. Расположен на уровне второй надпойменной (боровой) террасы, неподалеку от места впадения реки Утяк в Тобол. Фортификация представлена валом высотой до 1,5 м с напольной стороны с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны. Ров, въезд на площадку, а также жилищные впадины визуально не фиксируются. Основные периоды функционирования городища Усть-Утяк 1 — переходное к раннему железному веку время и Средневековье. Средневековый комплекс

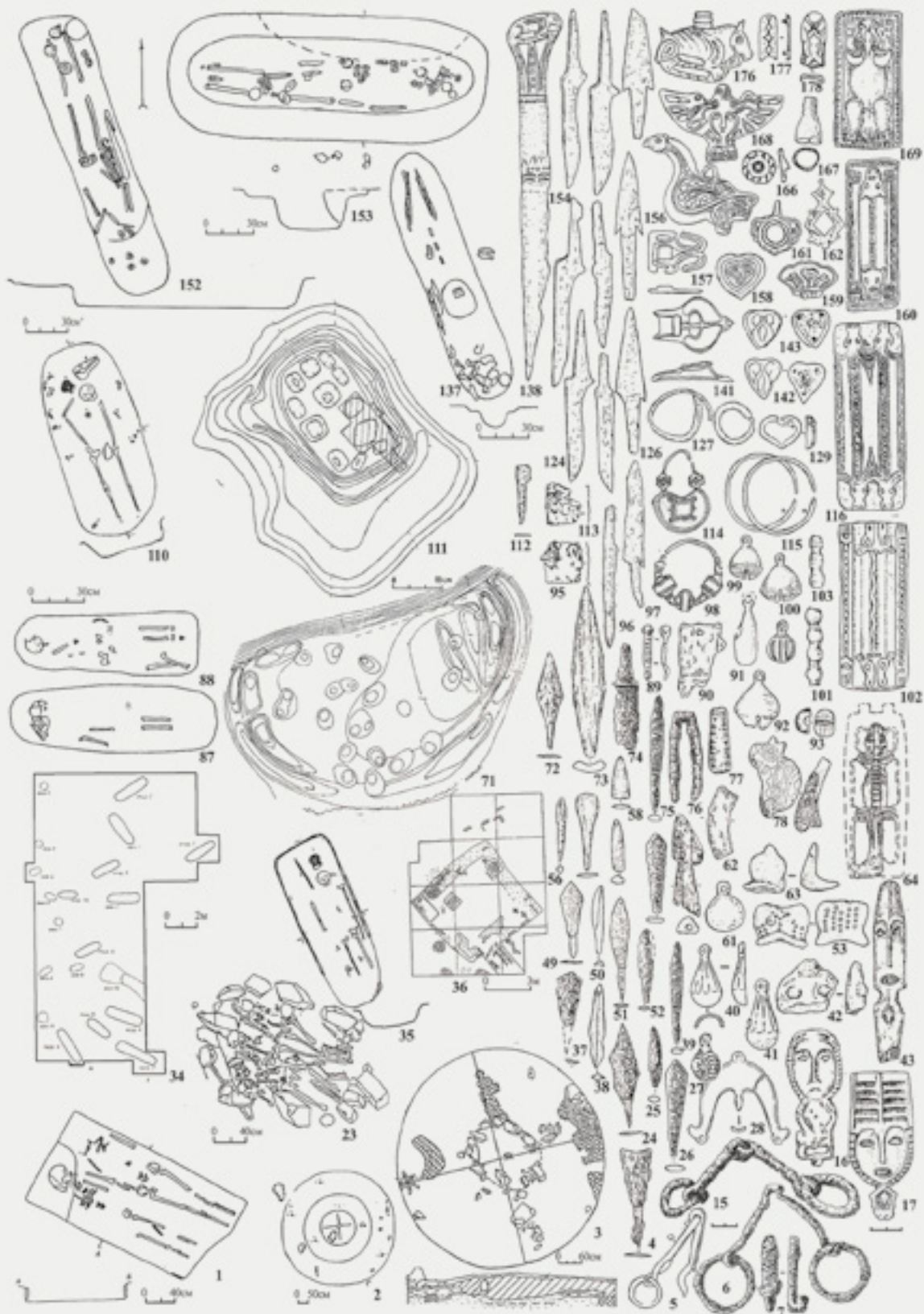
городища Усть-Утяк 1 включает в себя остатки сооружений и фортификационных конструкций, керамическую коллекцию, инвентарный набор. На площадке основного раскопа были зафиксированы остатки предположительно пяти сооружений. Керамика эпохи Средневековья городища Усть-Утяк 1: I тип (бакальская); II тип (кушнаренковская); III тип (карымская). Анализ палеозоологической коллекции показал значительное преобладание домашних видов животных (89,22 %) над дикими (10,78 %). Для городища Усть-Утяк 1 было получено пять дат, которые в результате калибровки ограничивают интервал I–VI вв. н. э. (60–530 гг.). Полученный интервал имеет общий хронологический отрезок с датами Большого Бакальского и Коловского городищ — IV–VI вв. н. э.

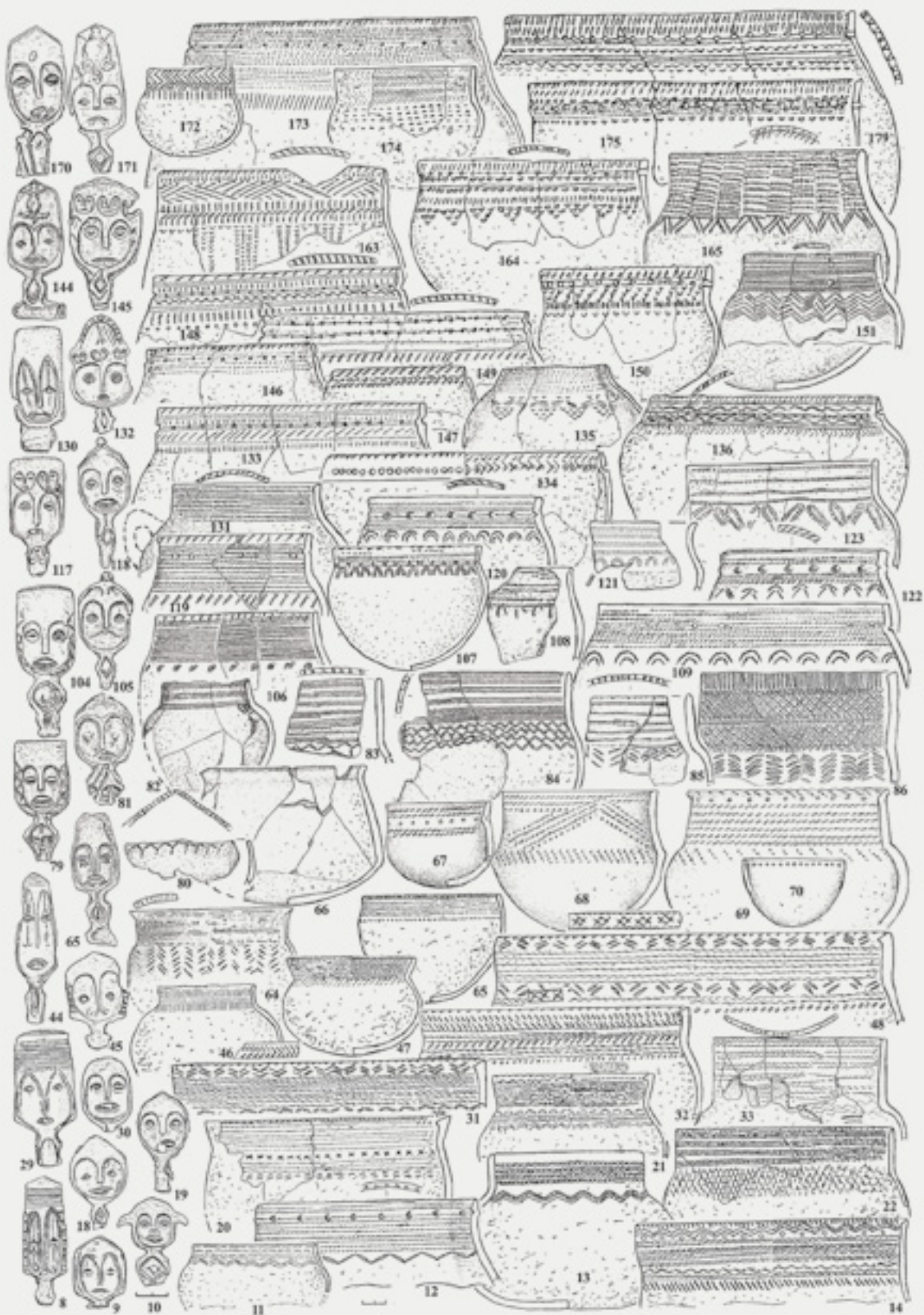
Петрогромско-юдинский историко-культурный горизонт занимает наиболее позднюю позицию в культурогенезе Зауралья и Западно-Сибирского региона. Как уже упоминалось, даже в случае с Красногорским городищем серия поздних дат имеет более чем двухсотлетнее прерывание между предшествующими образцами, которые, вероятнее всего, связаны с датировкой бакальского горизонта на этом памятнике (табл. I, 3).

Для слоя эпонимного памятника — Молчановского городища — также получены две даты (ранняя — 660–770 AD; поздняя — 885–980 AD), расстояние между которыми составляет более ста лет. Как нам представляется, этот факт не случаен и позволяет утверждать, что вряд ли правильно все материалы этого памятника относить к самому позднему юдинскому горизонту. В определенном смысле подтверждается целесообразность выделения особой молчановско-петрогромской стадии, которая предшествует юдинской и частично существует в рамках бакальского горизонта. На это указывает имеющийся керамический материал Большого Бакальского городища. Здесь наряду с петрогромскими образцами шнуровой керамики, о чем уже говорилось выше, встречены фрагменты

Сводная
таблица
памятников
петрогромско-
юдинского ИКГ
(IX–XIV вв.).
Планы памят-
ников, погре-
бений и по-
гребальный
инвентарь

фигурно-штамповой и гребенчатой керамики, которые с определенным допуском можно соотнести с молчановскими. Наличие на молчановской посуде такого маркерного способа орнаментации, как ромбическая сетка и шнуровой орнамент, своеобразно указывает на определенное единство бакальского, петрогромского и молчановского комплексов, хотя бы в рамках определенного исторического этапа. Вероятнее всего, установление юдинского горизонта можно отнести к периоду не ранее конца IX века (880 AD). Далее он продолжал свое непрерывное существование вплоть до XV века (1400 AD). Это подтверждают радиоуглеродные даты материалов Красногорского, Прыговского, Барсучьего, Святого Бора 5, Криволунского и Молчановского городищ (табл. I, 3, 5, 8–11) [228].

Наступление юдинского ИКГ знаменует собой глобальную историко-культурную нивелировку в пределах большого региона, от Поволжья до Приобья, накануне формирования здесь обско-угорских, пермских и тюркоязычных народов Западной Сибири, Среднего и Южного Урала.

Полагаем, что пока нет достаточно дифференцированных материалов для детализации локальных вариантов и этапов этого ИКГ. Вероятнее всего, суммируя точки зрения отдельных исследователей этих памятников, стоит признать, что возникновение его напрямую связано с петрогромским или молчановско-петрогромским населением Среднего, или горнолесного Урала. Контакты неволинского населения Сылвинско-Иренского поречья с носителями петрогромских керамических традиций (гребенчато-шнуровая, тальковая керамика), по мнению И. Ю. Пастушенко, имели место уже в конце VI — VII веке с продолжением вплоть до VIII века [287, с. 116]. Наибольшее развитие этого ИКГ в пределах Поволжья и Приуралья происходит на следующем постпетрогромском этапе (X–XII вв.). По мнению Е. П. Казакова, в этот период традиции гребенчато-шнуровой круглодонной керамики проникают глубоко в инфраструктуру Волжской Булгарии, появляются на многочисленных поселениях и в могильниках Самарской Луки и на обширной территории Предуралья, Северной Башкирии и Оренбуржья. Подобная посуда встре-

Евгений Петрович Казаков (род. 22.10.1934) — советский, российский археолог, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (1999), лауреат Государственной премии Республики Татарстан (1994). Специалист по древней и средневековой археологии Волго-Камья и археологии волжских булгар. Учился в Казанском университете (до 1966), затем в аспирантуре отдела археологии и этнографии Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (до 1967). После работал в этом же учреждении: младший (1967–1978), затем старший (1978–1995), ведущий (1995–2001) и главный (с 2001) научный сотрудник. Тема кандидатской диссертации — «Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Булгарии)» (1972), докторской (по совокупности опубликованных работ, МГУ) — «Культура ранней Волжской Булгарии» (1994). Главный научный сотрудник Института археологии Академии

наук Республики Татарстан (2014). Активно участвует в подготовке энциклопедии Татарстана, редактор журнала «Finno-Ugrica». Е. П. Казаков — исследователь памятников от каменного века и до позднего Средневековья на территории Татарстана, составитель «Археологической карты Республики Татарстан», открыл чияликскую и постпетрогромскую культуры средневековых угров в Предуралье. Разработал «угорскую концепцию», определявшую значительную роль угров в средневековой истории народов Волго-Камья, и «сарматскую гипотезу» предбулгарского времени, отождествив памятники именьковской культуры с так называемыми поздними сарматами. Обосновал и разработал периодизацию раннебулгарского этапа в археологии волжских булгар, первым исследовал ранние стационарные поселения булгар в приустьевой части Камы, систематизировал огромный материал из могильников раннебулгарского времени, а также селищ X–XIII веков в низовьях Камы.

чена в Удмуртии и Кировской области [140, с. 121]. Г. Н. Гарустович группу памятников с гребенчато-шнуровой керамикой, расположенных на широте Южного Урала, относит к комплексам чияликского типа, включающего два этапа: ранний (конец X — XII в.) — мряслимовский, и поздний (XIII–XV вв.) — чияликский [74].

Скорее всего в рамках общности приуральского населения, носителей гребенчато-шнуровой керамики, существовало два ареала — прикамский и южноуральский. При этом петрогромские традиции в Приуралье наблюдаются в единых рамках с неволинскими памятниками, однако на определенном этапе (сухоложская стадия) отмечается перерыв в развитии этой традиции на протяжении

Чияликский тип памятников — тип археологических памятников рубежа I–II тысячелетий н. э. на территории лесостепи от Восточной Татари до западного склона Урала. Выделен Е. П. Казаковым. Памятники чияликского типа вместе с макушинскими (В. Д. Викторова) оставило в лесостепи Зауралья население угорской общности — полукочевые коневоды. Для этих памятников характерны: погребения под курганной насыпью; традиция покрывания лица умерших тканью, а глаз и рта — металлическими пластинками; сосуды с гребенчато-шнуровым орнаментом; размещение в могильной яме рядом с умершим головы и ног лошади (Мрясимовские, Каранаевские, Макушинские курганы).

Судьба угров лесостепи XII–XIII веков различна. Приуральская (чияликская) группа приняла мусульманство и частично продолжала кочевать, а частично вошла в состав Древнего Болгара. Зауральская (макушинская) группа до XIII века сохраняла свой образ жизни и материальную культуру. Судя по находкам на городищах в бассейне рек Исеть (Большое Бакальское, Лыбаевское, Прыговское городища), Пышма (Мохиревское городище) и Ница (Юдинское городище), это были скотоводы и ремесленники. Волна тюркского земледельческого населения с памятников туралинского типа в XIII–XIV веках двинулась к северу, а часть его, возможно, ассимилировала угров зауральской степи.

зоны) и северный (комплексы бассейнов рек Тавда, Лозьва, Пелым и Вагиль) — вполне оправданно и целесообразно [231, с. 148]. В этом случае более четко отображается культурное своеобразие этих локальных вариантов. Так, традиции керамического комплекса северных памятников тяготеют к нижне-обскому культурному ареалу (присутствие фигурно-штамповых композиций вожпайского типа), а фигурно-штамповая керамика зауральской степи составляет культурно-типологическое единство с уральскими чияликскими комплексами. Таким образом, вероятнее всего, этот горизонт вполне целесообразно именовать юдинско-чияликским. Смена петрогромских и юдинских орнаментальных традиций и тот факт, что основное количество материалов этого ИКГ, продатированных на основании весьма представительного количества дат (13 образцов), позволяют признать, что возобновление стабильной жизнедеятельности на Красногорском, Прыговском и Молчановском городищах, как и возникновение городищ Барсучье, Святой Бор, Криволюкское (табл. I, 3, 5, 8–11), началось в большинстве случаев с конца IX века и продолжалось до XV века.

Таким образом, эпоху поздней древности и средневековья лесостепного Зауралья составляют три основных историко-культурных горизонта: позднесаргатский, или прыговский (II–IV вв. н. э.), бакальский (III–IV — VI–VII вв.) и петрогромско-юдинский (VIII–IX — XV вв.). В их рамках происходила непрерывная жизнедеятельность на отдельных городищах и селищах.

Развитие внутри этих горизонтов своеобразно маркирует основные периоды обитания поселков и освоение районов южно-таежного, горнолесного и лесостепного Зауралья.

VII–IX веков [287, с. 116]. Вероятнее всего, в последующий период (начиная с X века) она возрождается в материалах постпетрогромского и чияликского круга. Очевидно, что эта ситуация синхронизируется и с материалами лесного и лесостепного Зауралья, где, по мнению исследователей, основной период существования петрогромских памятников падает на VI–VIII века [259], что подтверждается и приведенными нами радиоуглеродными данными (табл. I, 11–13). Непрерывная деятельность поселков возобновилась на рубеже IX–X веков и продолжалась вплоть до XV века (табл. I, 3, 5, 8–11).

Безусловно, предложенное Н. В. Матвеевой разделение юдинских памятников на два варианта — южный (памятники лесостепной и подтаежной

Большое Бакальское городище как зеркало многокультурности бакальского горизонта

В течение длительного периода раннего средневековья лесостепное Зауралье оставалось территорией обитания племен бакальской культуры, хотя даже для специалистов эти материалы были недоступны и не совсем понятны. Само название возникло после первых исследований, проведенных на Малом и Большом Бакальских городищах у южной окраины Шадринска, близ поселка Бакалды (Курганская область), на правом берегу реки Исети Константином Васильевичем Сальниковым в 1956 году. На основании сравнительного анализа характерной керамики с резным штампом в виде крестной решетки он и выделил данную культуру, назвав ее бакальской. Большая часть материалов была добыта на Большом Бакальском городище, которое явилось эпонимным памятником этой культуры.

Впервые К. В. Сальниковым была определена и хронологическая позиция памятника и культуры IV–VIII вв. [347]. Позже он сузил ее до IV–VI вв. Впоследствии по мере накопления материала в течение пятидесяти лет многими авторитетными исследователями неоднократно пересматривалась эта хронологическая позиция. Вначале, после раскопок более поздних западносибирских памятников (городище Кучум Гора, Пахомовский могильник) и памятников сылвенской культуры в Восточном Прикамье, Б. Б. Овчинникова предложила отнести бакальские памятники к вновь выделенной сылвенской культуре [280], установив таким образом при и зауральское единство. Однако датирование их при этом предлагалось в рамках IX–XIII вв. (!).

Десятилетием позже прикамские исследователи Р. Д. Голдина и Н. В. Водолаго [83] пришли к выводу об отсутствии «сылвенских» комплексов на территории Прикамья. По их мнению, вещевой инвентарь свидетельствует о непрерывности линии культурного развития и связан с неволинской культурой (см. ниже) Иранско-Сылвенского поречья V–IX вв. Таким образом, сылвенская оказалась культурой-призраком. Однако намеченное в тот период некое культурное единство памятников по обеим сторонам уральского хребта оказалось весь-

Эпонимный — в переводе с древнегреческого буквально «давший имя». В археологии традиционно памятники, выявившие новый культурный комплекс черт и артефак-

тов, принято определять, как эпонимные и их именем называть культуру, культурные типы или культурно-хронологические горизонты (этапы).

ма важным в дальнейших историко-культурных реконструкциях. Однако на тот момент сложившаяся ситуация поставила под сомнение целесообразность сохранения названия «сылвенская культура». В. А. Могильников предложил вернуться к старому названию — «бакальская культура» — для памятников Зауралья [254] и без видимых аргументов вновь расширил ее хронологические рамки с IX вплоть до XV века. Столь спорные и разбросанные во временном интервале позиции, на наш взгляд, были обусловлены явно малым количеством как датированных предметов, так и культуромаркерного материала вообще. Не было устоявшегося мнения о том, каков круг памятников и материалов следует считать собственно бакальскими. Тем не менее, уже в 1990 году В. М. Морозов и С. Г. Боталов выступили с предложением вернуться к ранее предложенной К. В. Сальниковым датировке бакальской культуры — IV–VI вв. Как показали последующие исследования ранее известных памятников этого типа, а также новых городищ и, что очень важно, могильников (Козловский, Козлов Мыс, Устюг), эта позиция оказалась наиболее конструктивной. В этой связи остается только поражаться научной интуиции К. В. Сальникова, который на основании минимального количества материала точно установил не только хронологическую позицию, но и выделил археологическую культуру.

В большей степени установить хронологическую позицию материалов бакальского типа и затем их культурно-типологическую характеристику удалось в первом десятилетии нашего столетия, когда прошли масштабные исследования как памятников, содержащих бакальские горизонты, так и самого Большого Бакальского городища. В этой связи считаем необходимым особый раздел посвятить результатам его исследований.

Большое Бакальское городище является эпонимным объектом, давшим наименование бакальской археологической культуре. Начало его исследований связано с первым описанием, сделанным А. А. Спицыным [361]. В предвоенные годы К. В. Сальников выполнил первую глазомерную съемку при составлении ситуационного плана, включающего Большое и Малое Бакальские городища. В это же время были выполнены детальная съемка, обмеры и шурфовка Большого Бакальского городища. В 1956 году собранный археологический материал позволил выделить бакальскую археологическую культуру и определить ее хронологические рамки IV–VIII вв. н. э. [347].

В связи с разрушением площадки памятника при рытье песчаного карьера (этот факт был зафиксирован в 1961 году разведочной группой археологической экспедиции под руководством Т. М. Потемкиной) были проведены охранные археологические раскопки памятника в полевом сезоне 1962 года,

результаты опубликованы Н. П. Матвеевой 35 лет спустя. Общая площадь исследованной территории составила около 600 кв. м. Были исследованы цитадельная часть городища и участки внешней площадки [310].

Памятник расположен на правом берегу реки Исети. В 2006 году площадка памятника уже входила в черту города Шадринска (северная окраина поселка Осеево, в 400 м к западу от поселка Бакалда). Во время исследований К. В. Сальникова это была незаселенная зона между селами Ершово и Бакальское (Бакалда). Городище занимает мыс высотой 8 м с почти отвесными краями. С напольной стороны оно ограждено двумя парами валов и рвов. Внутренние вал и ров отличаются большой мощностью (высота вала 2,5 м, ширина 14 м; глубина рва 1,6 м, ширина 11 м), что нехарактерно для Исетских городищ. Внешние вал и ров имеют меньшие размеры: высота вала 0,5 м, ширина 7,5 м; глубина рва 0,3–0,5 м, ширина 1,5 м. Обе пары валов и рвов

Большое Бакальское городище. Космоснимок 2002 года и соотношение внешних контуров мыса 1940 года [по Сальникову, 1956]

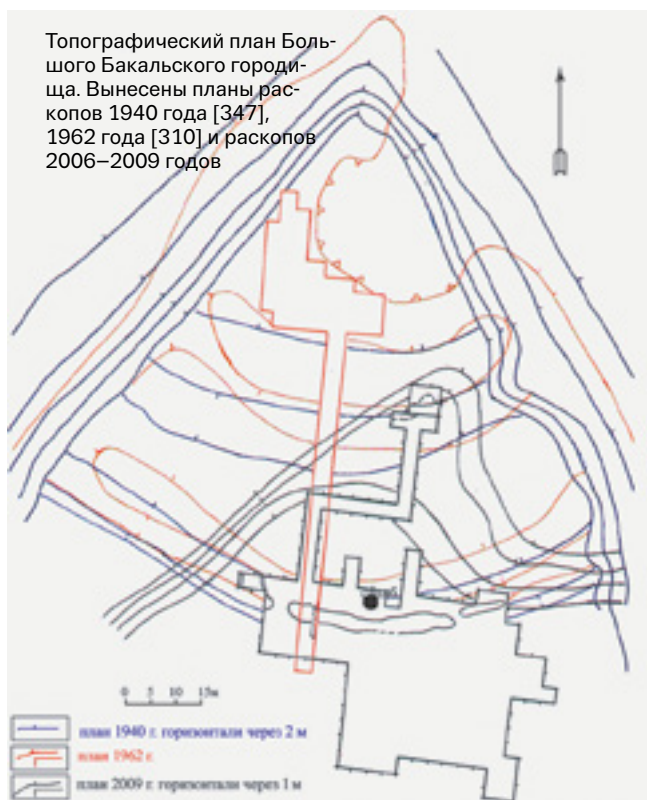
несколько выгнуты в наполную сторону. Площадь, защищенная внутренним валом, равна приблизительно 1500 кв. м. Защищенная внешним валом площадка в два раза больше. Въезд (ворот) на памятнике отмечено не было, лишь на внутреннем валу имеются две незначительные седловинки. На внутренней площадке видны едва заметные впадины, по-видимому, от древних жилищ [347, с. 193]. Результаты замеров К. В. Сальникова фактически совпадают с данными топографической съемки 1962 года Т. М. Потемкиной [310, с. 40].

Т. М. Потемкиной в полевом сезоне 1962 года была исследована вся цитадельная часть городища (362 кв. м), так как ее северо-восточная часть активно уничтожалась при рытье песчаного карьера. Важный факт, который сообщался автором раскопок: «В обнажении северо-восточной и северо-западной части карьера в 1961 году хорошо выделялись очертания, по-видимому, остатков древних жилищ с отвесными стенками, углубленными в глинистый грунт на 20 см, длиной 2,5 и 2 м, но к началу раскопок они уже обвалились» [310, с. 41].

В 2006 году было принято решение продолжить исследование Большого Бакальского горо-

дища в связи с решением вопросов культурно-хронологической характеристики как самого городища, так и бакальской культуры в целом.

Однако после начала раскопок на Бакальском мысу стало очевидным, что топография памятника в течение последних сорока лет претерпела необратимые изменения. Сравнение топографических результатов аэродешифрирования и полевых материалов топографических съемок К. В. Сальникова и Т. М. Потемкиной позволило сделать вывод, что на момент последних исследований сохранившаяся часть площадки памятника, оконтуренная внешним рвом и валом, составила примерно треть общей площади. Сегодня можно прийти к выводу, что в результате исследования Большого Бакальского городища мы располагаем материалами из его цитадельной части. Т. М. Потемкиной был исследован участок, составивший примерно треть площадки городища, оконтуренной внутренним валом, а также крайняя южная наполная площадка памятника, примыкающая к внешнему рву и валу и далее к югу от него. Исследования были проведены в 2006–2009 годах на площади 1755 кв. м, что в 1,5 раза больше прежней величины.

В течение четырех лет в ходе раскопок был исследован фактически весь оставшийся культурный слой городища. Из слоя памятника извлечено в общей сложности более трех тысяч артефактов — в подавляющем большинстве фрагментов керамики. Уже с самого начала раскопок многие коллеги-археологи относились скептически к тому, что оставшаяся после разрушения часть памятника будет достаточно информативной. Однако полученный материал, дополненный 22 радиоуглеродными датами, позволил говорить о Большом Бакальском городище, с одной стороны, как о многослойном памятнике, площадка которого обживалась на протяжении более тысячи лет — в течение четырех хронологических этапов: саргатского (V–II вв. до н. э.), кашинско-прыговского, или позднесаргатского (I в. до н. э. — II (III) в. н. э.), бакальского ((III) IV–VI (VII) вв.) и, вероятно, петрогромско-юдинского (VII–VIII вв.), а с другой, как об эпонимном памятнике бакальской культуры, который включает в себя несколько культурных компонентов. Следовательно, речь идет о некоем синкретическом историко-культурном горизонте.

Ранний саргатский и позднесаргатский (кашинско-прыговский) этапы представлены сосудами крупных размеров с толстыми стенками, прямой или вогнутой внутрь шейкой, изготовленные из теста, в котором кроме крупного песка наблюдается тальковая примесь. Их общее количество в бакальской коллекции не превышает 30 %. Сосуды украшены резным или гребенчатым орнаментом в виде горизонтальной одно- или многорядной елочки или горизонтальных многорядных колонок, характерных для орнаментов керамики наиболее позднего этапа (саргатского и иткульского облика) в период распространения кашинской и прыговской орнаментальных традиций. Необходимо отметить, что сосуды с орнаментальными элементами позднесаргатского (прыговского) облика были распространены длительное время. Это подтверждает тот факт, что ряд горшков этого облика, с характерной бакальской профилировкой, скорее всего, относятся к бакальскому горизонту в Большом Бакальском городище и, безусловно, в городище Усть-Утяк I (в связи с отсутствием материалов позднесаргатского времени).

Среди этих сосудов выделяется большой сосуд оригинальной профилировки (прямой, с округлой снаружи шейкой), орнаментированный косой гребенкой, многорядным сюжетом мелкого плоского штампа и наколами в верхней части шейки. Фрагменты этого сосуда были отданы на радиоуглеродный анализ Ki-15910, благодаря которому получена дата 210–40 BC (68,2 % probability), о чем будет сказано отдельно. Появление этого сосуда связывается нами с южнотаежным влиянием богочановского круга.

Как уже говорилось, эта керамика относится к более раннему этапу обитания Бакальского мыса — саргатскому и кашинско-прыговскому времени. Важен тот момент, что позднесаргатский этап, судя по данным радиоуглеродного датирования, непрерывно продолжался в раннебакальское время в рамках II–IV веков. Отдельные сюжеты позднесаргатских традиций также отмечаются в бакальских образцах. Это, безусловно, говорит о преемственности этапов.

Керамика бакальского основного типа. Наибольшее число сосудов (190 ед.) представляют Бакальский ИКГ. Эта коллекция складывается из собственно бакальского комплекса (63,3 %). Ее составляют лепные сосуды, в тесте которых прослеживаются крупный песок и шамот, с подостренным дном, грубой заглаженностью внутренней и иногда наружной части. Условно ее можно разделить на несколько групп по способу орнаментации.

Керамика с плоским штампом. Использование данного штампа в орнаментации считается одним из характерных признаков сосудов бакальской культуры. Гладкий ивовидный штамп использовался как на банках, так и на слабо и сильно профилированных сосудах. С помощью этой техники декорировались верхний срез сосуда, шейка, плечо. Иногда можно заметить, что отпечатки штампа имеют следы, как при использовании щепы.

Керамика с гребенчатой орнаментацией. Оттисками гребенки украшались как баночные, так и профилированные сосуды. Орнамент, созданный при помощи гребенчатого штампа, более плотный, чем при использовании гладкой и прочерченной техники. Среди элементов орнамента доминируют пояски из наклонных, вертикальных

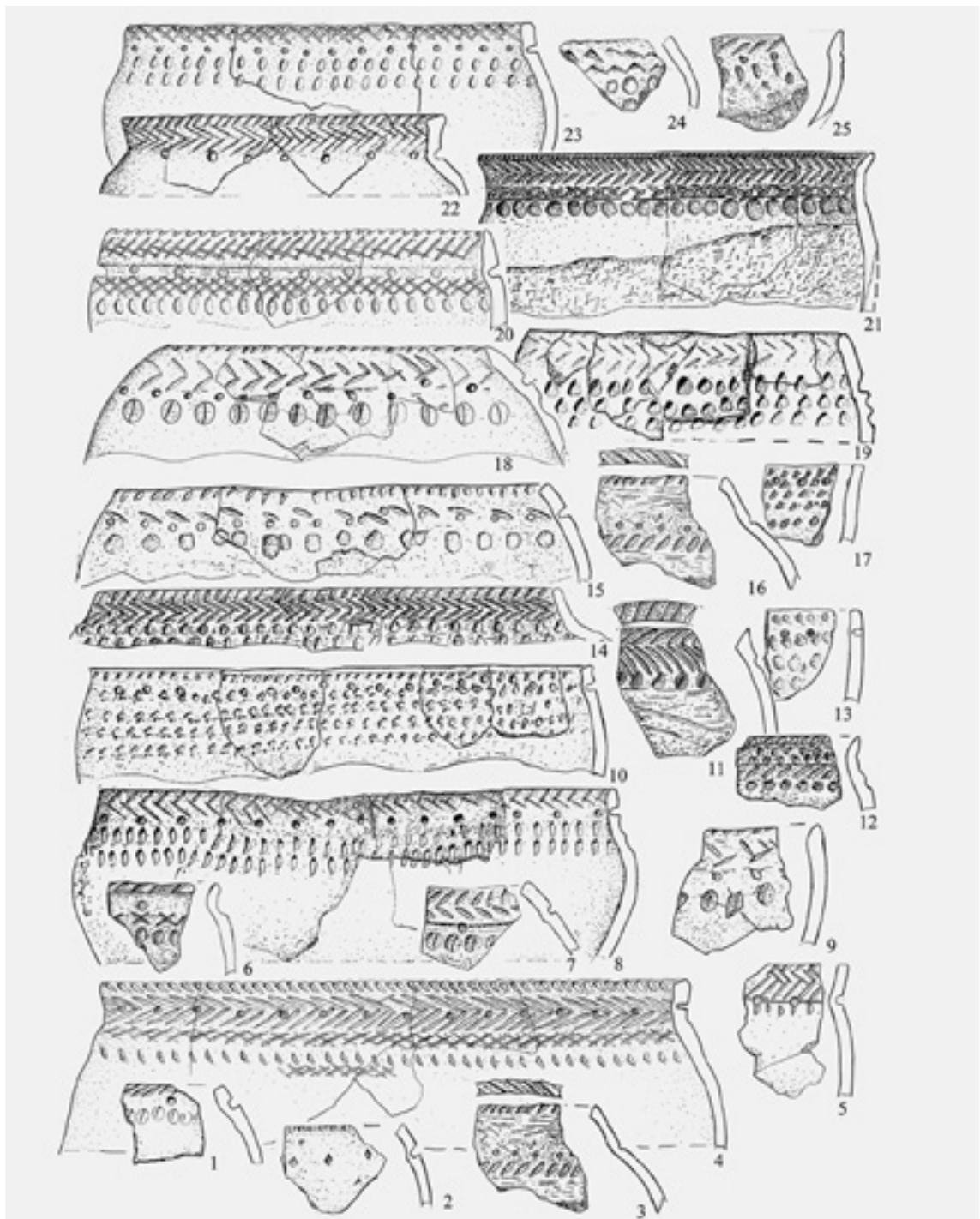
и горизонтальных оттисков штампа. Как правило, оттиски гребенчатого штампа комбинируются с наколами. Следует отметить, что гребенчатая орнаментация на сосудах наиболее характерна и часто встречается именно на Большом Бакальском городище. Вероятнее всего, это связано с наличием в этом памятнике, занимающем крайнее западное положение во всем бакальском ареале, на предшествующем позднесаргатском этапе значительной доли горшков с гребенчатой орнаментацией позднеиткульского (кашинского) облика.

Керамика с резной прочерченной орнаментацией (сеткой). Сетка считается традиционно ба-

кальским орнаментом, а от бакальцев она распространилась на орнаментацию керамики в других культурах. В эту группу включены сосуды как баночных, так и горшечных форм. У банок сеткой украшалась верхняя часть, у горшков — верхняя часть шейки и плеча. Орнаментальные пояса, как правило, разорваны. Верхний край сосуда срезан со скосом вовнутрь или горизонтально, как правило, с небольшим утолщением.

Керамика, орнаментированная крупными ямочными вдавлениями, представлена и горшечными, и баночными формами. Верхний срез сосуда прямой, иногда скошенный или приостренный. Ямки, как

Керамика с плоским штампом. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

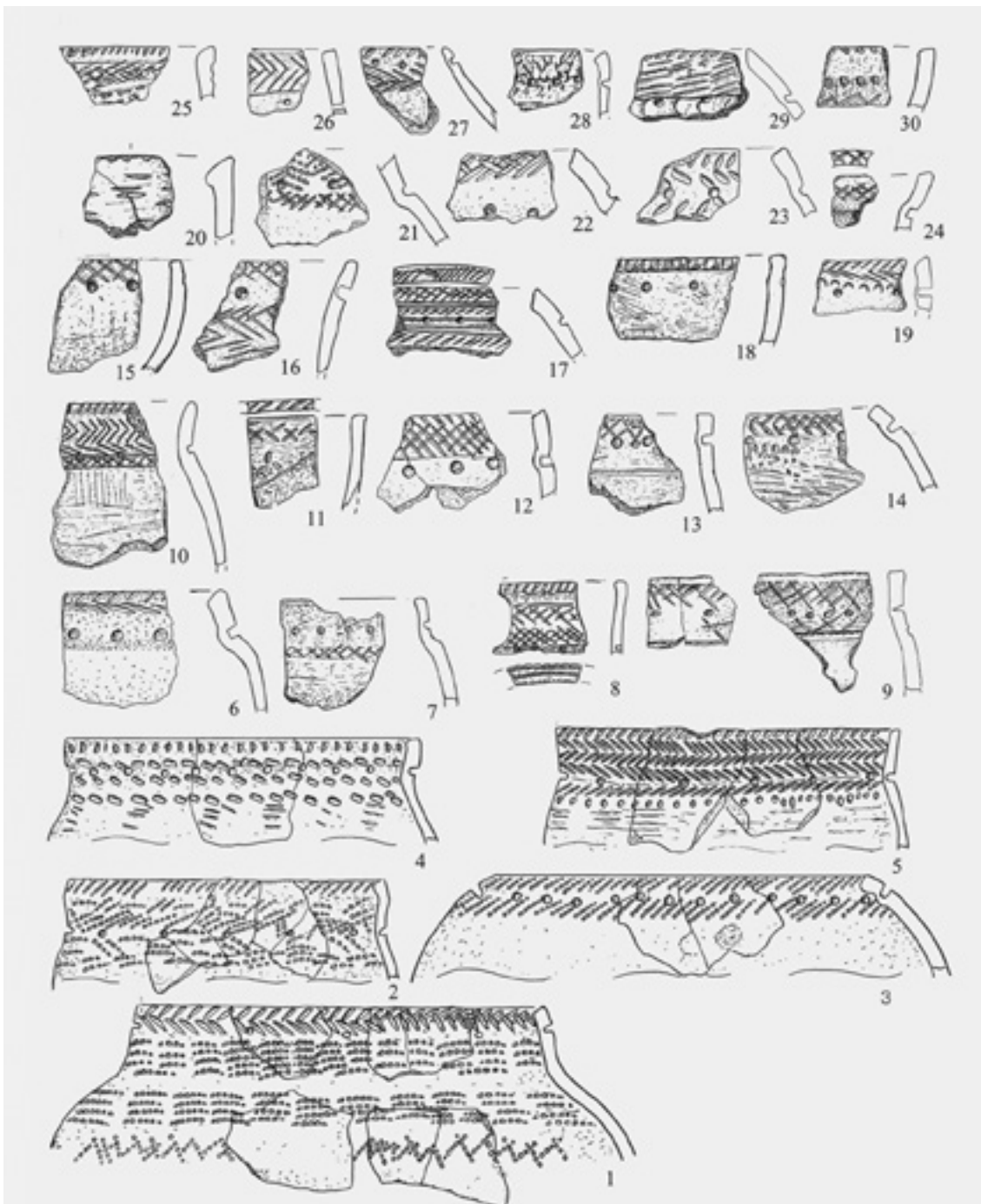

Фрагменты керамики, орнаментированной плоским штампом. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

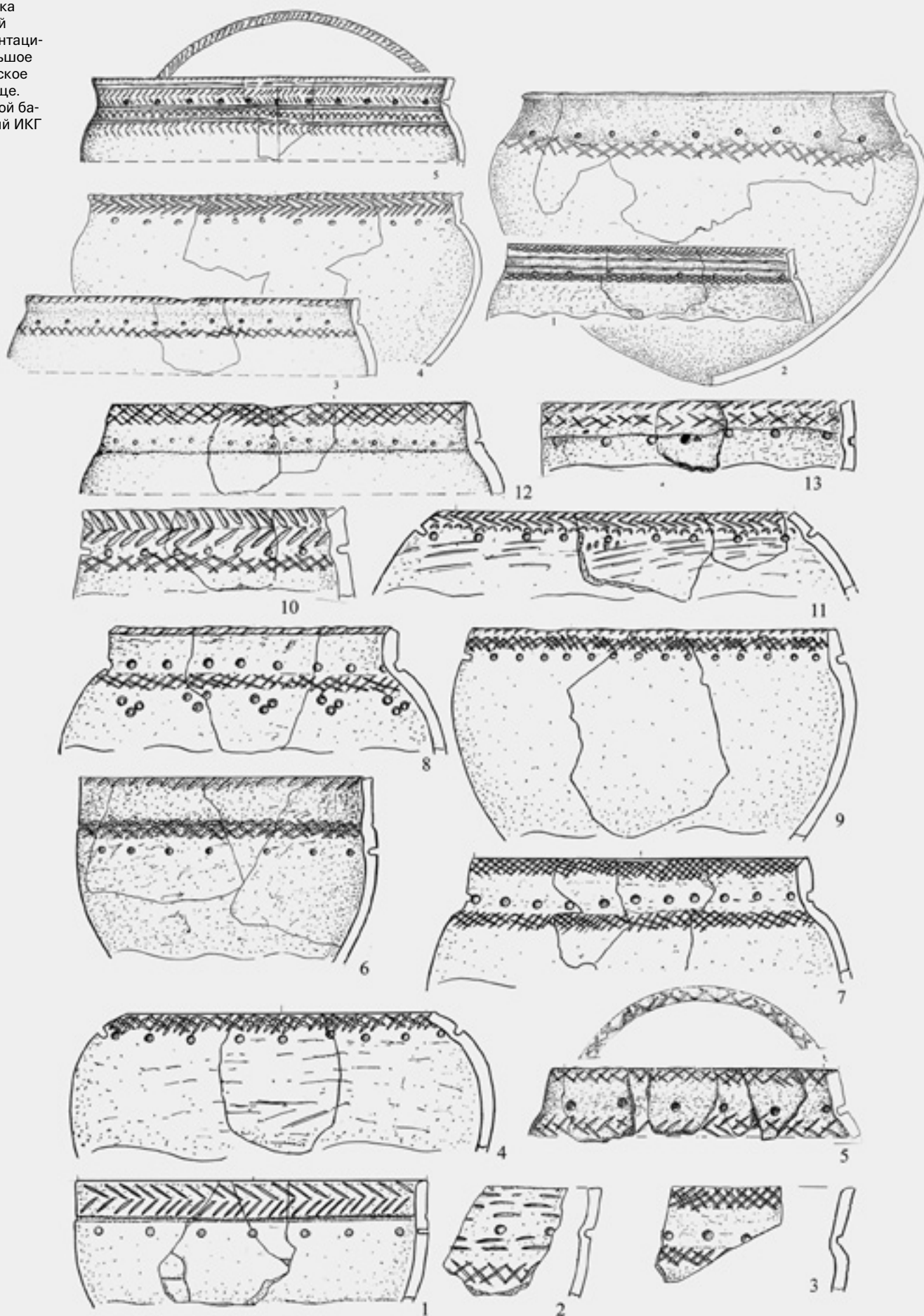

Фрагменты керамики с гребенчатой орнаментацией. Большое Бакальское городище. Основной бакальский тип

Керамика переходного облика с орнаментацией позднесаргатского (прыговского) и бакальского типов. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

Керамика
с резной
орнаментаци-
ей. Большое
Бакальское
городище.
Основной ба-
кальский ИКГ

Керамика с резной орнаментацией. Большое Бакальское городище. Основной бакальский тип

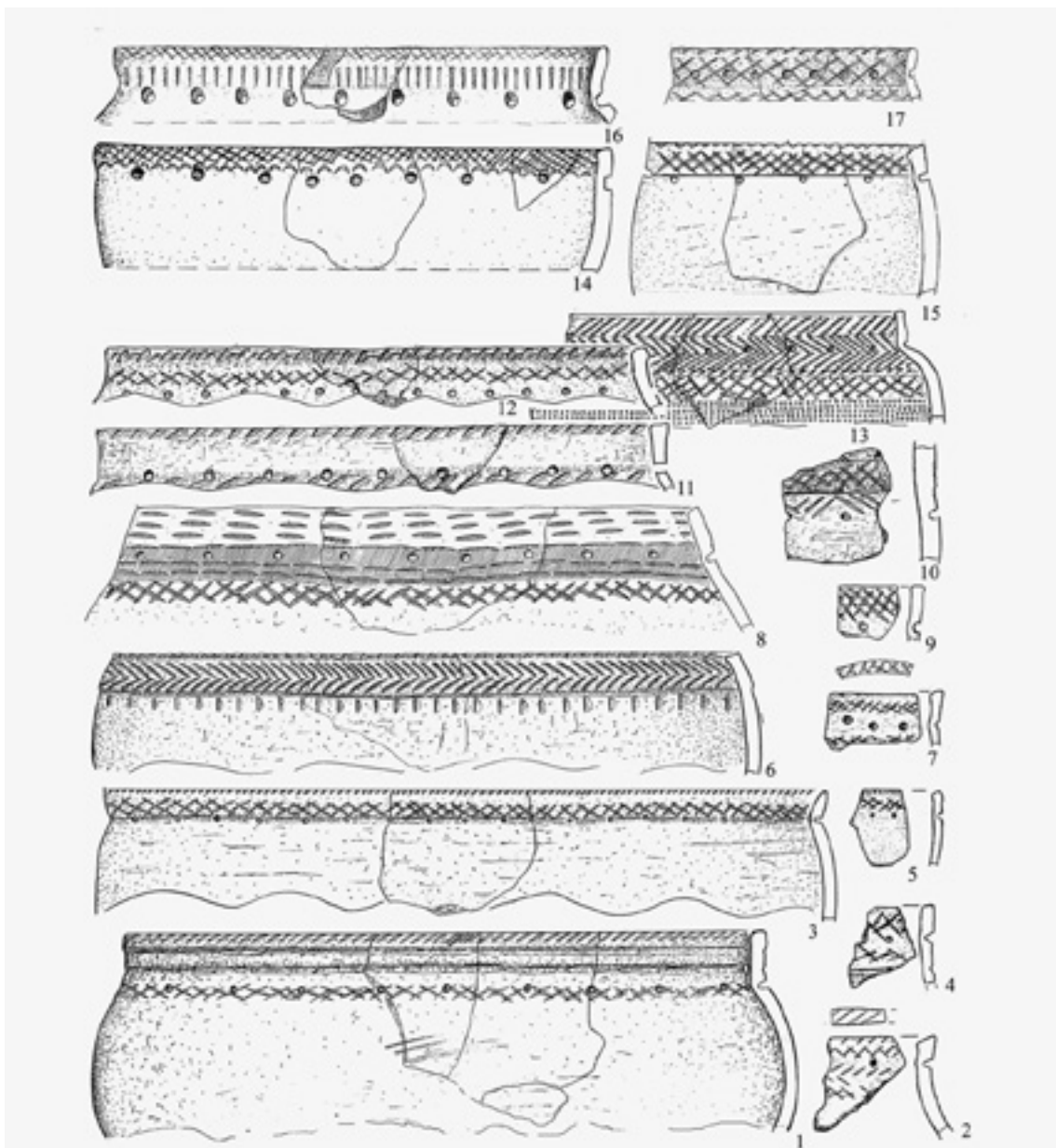

Глиняный горшок с резной орнаментацией. Городище Усть-Утяк-1. Основной бакальский тип

Керамика с гребенчатой орнаментацией. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

Керамика с гребенчатой орнаментацией. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

правило, сочетаются с наколами, гладким, гребенчатым штампом (очень редко) или прочерченными линиями. Форма ямок весьма разнообразна — подтреугольная, округлая, овальная, серповидная. Расположены ямки горизонтальными поясками, на равном расстоянии друг от друга.

Если ямки не являются единственной техникой нанесения орнамента на сосуде (не считая наколов), то они всегда расположены в основании шейки или в верхней части плеча, под наклонными оттисками гребенчатого, гладкого штампа или прочерченными линиями. По форме сосуды обычно имеют типично бакальскую профилировку. Характерной чертой является наличие пояска из одного ряда ямочных вдавлений в основании шейки у горшков и в верхней части тулова у банок.

Бакальский горизонт представляют также фрагменты сосудов, условно называемых нами горшками кушнаренковско-караякуповского облика, хотя в реальности они являют собой лишь некоторые предшествующие формы, а также керамику с фигурно-штамповым орнаментом. На Большом Бакальском городище удалось проследить следующую ситуацию: кушнаренковско-караякуповская керамика встречается на данном памятнике в ос-

новном либо в цитадельной части городища или на напольной площадке, концентрируясь в основном на линиях А'–Г. Этот участок напольной площадки отличает также максимальная концентрация крупных объектов.

Кушнаренковско-караякуповские сосуды (22 % сосудов, относящихся к бакальскому историко-культурному горизонту) имеют небольшие размеры, хорошо профилированы, более тонкие, чем бакальские, внешняя поверхность их часто залощена. Преобладает орнаментация гладким штампом, прочерчиванием, тонким шнуром, насечками и наколами. По композиции орнамент кушнаренковско-караякуповских сосудов не такой плотный и «нарядный», как у сосудов из могильников Приуралья. Особенностью зауральской керамики является небольшой воротничок по краю венчика. Орнаментом покрывались шейка сосуда, верхняя часть плеча, но не обязательно. Керамическое тесто хорошо отмученное, цвет обжига от желто-оранжевого до темно-серого. К этому типу можно также отнести значительное число сосудов без орнаментации, которая, на наш взгляд, вполне демонстрирует некоторые протокараякуповские формы.

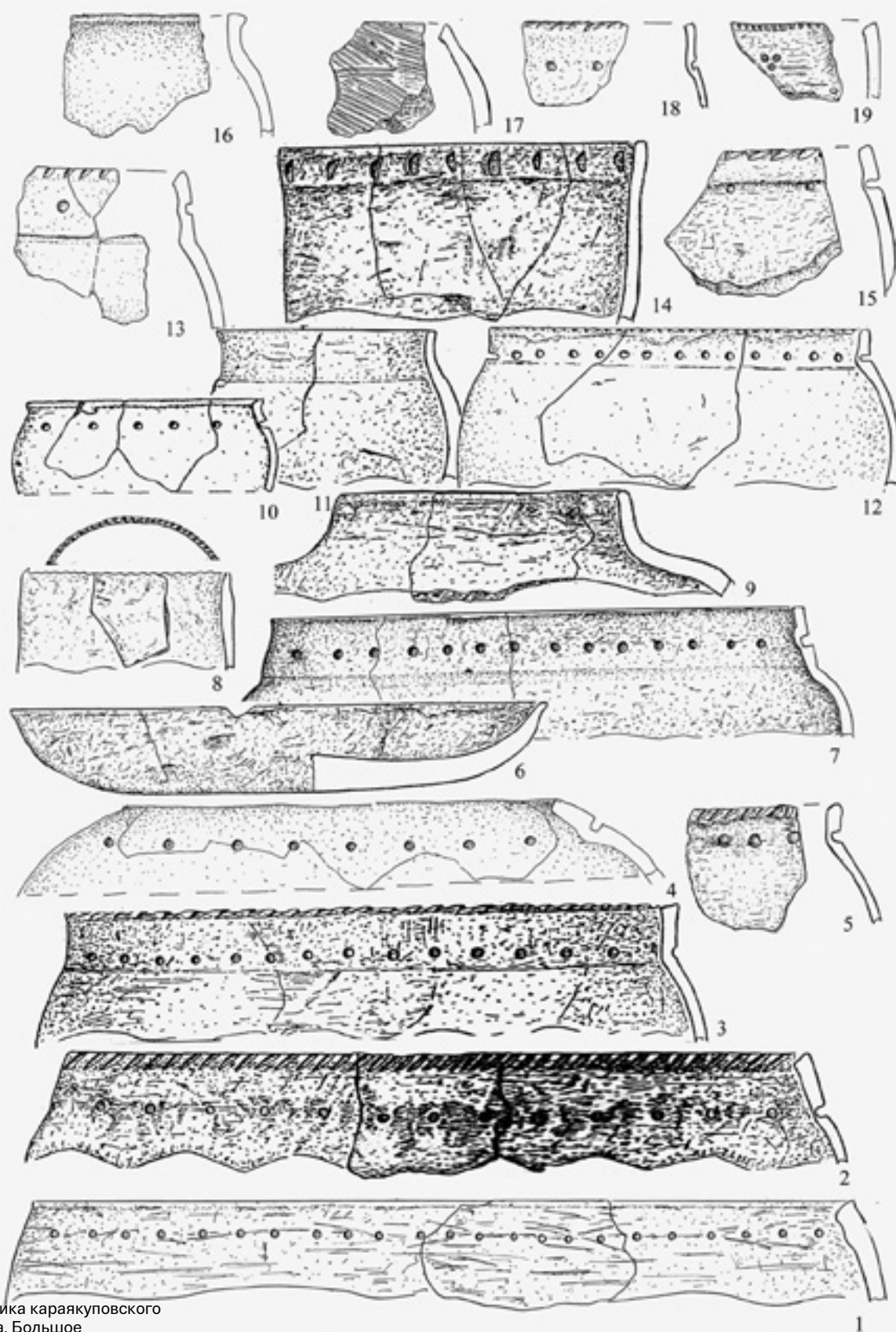
Фрагменты керамики кушнаренковско-караякуповского типа.

Большое Бакальское городище

Керамика кушнаренковско-караякуповского облика.

Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

Керамика караякуповского облика. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

Фигурно-штамповая (карымская) керамика (около 10,7 % сосудов, относящихся к бакальскому ИКГ) на городище представлена фрагментами сосудов с невысокой шейкой (прямой или слегка вогнутой) и плавным переходом от шейки к тулову, а также со слегка вогнутой или выгнутой шейкой, с небольшим воротничком-уступом при переходе в тулово. В тесте имеется примесь песка. Эти сосуды отличаются более тщательной обработкой по-

верхности. По орнаментации посуда этой группы отличается от сосудов из основного комплекса. Декор покрывает не только шейку, но и плечо, а иногда и верхнюю часть тулова. Отмечены орнаменты, нанесенные гребенчатым, глазчатым, струйчатым, «карымским» и полулунным штампами. Гребенчатый и прочерченный орнаменты образуют горизонтальные полосы, состоящие из вертикальных или наклонных оттисков, или сетку. Обязательным

Карымский этап (IV–VI вв.) — период в развитии нижнеобской культуры обских угров, главным образом предков ханты. Выделен В. Н. Чернецовым по материалам городища Карым в бассейне реки Конды и ряда других памятников Нижнего Приобья [403]. К карымскому этапу относятся: городища Барсов Городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские II и IV — в Сургутском Приобье; Карым Чилимка — в бассейне Конды; Люликар, Хангласам — на Северной Сосьве и др.; поздняя часть вещей из Холмогорского клада на водоразделе Тромъегана и Казыма. Наиболее выразительно специфика культуры карымского этапа отражена в керамике. Характерны лепные круглодонные сосуды с хорошо выраженной шейкой. Венчики скошены внутрь, сверху приплюснуты оттисками зубчатого штампа или ногтевыми вдавлениями, имеют свисающий внутрь карнизик. Под венчиком на шейке идет горизонтальный поясок ямок. Сосуды украшены чередующимися горизонтальными зонами оттисков зубчатого и фигурных штампов — ромбического, треугольного, овального и др. Зоны орнамента покрывают обычно верхнюю часть — шейку и плечики сосудов. От плечиков вниз спускаются фестоны в виде столбиков из горизонтальных или наклонных оттисков штампов, часто сгруппиро-

ванных по три-четыре. На одном сосуде сочетаются оттиски двух-трех, реже одного, еще реже четырех штампов. Чаще всего (90 %) встречаются оттиски гребенчатого штампа. Для карымского этапа характерны также ромбические штампы с четырьмя точками в центре (около 35 % сосудов), а также узоры уточка и змейка, унаследованные от кулайского времени. К редким штампам относятся круглый, крестовый, «след медведя», «голова медведя». От предшествующей керамики кулайского времени карымскую посуду отличает орнаментация неизвестными ранее фигурными штампами: ромбическим, уголковым, округлым и др., а также завершение орнаментальных зон свисающими фестонами. Основную массу находок на поселениях составляют фрагменты глиняных сосудов. Металлические изделия редки, но представление о них дает Холмогорский клад. Это предметы вооружения: палаш, кинжалы, боевые ножи, наконечники копий и стрел, подобные аналогичным вещам из памятников лесной полосы Среднего Приобья (Парабельский, Ишимский и Елыкаевский клад, Томский могильник). Бронзовые культовые фигурки с полированной внешней поверхностью представлены сложными антропоморфными изображениями. Это хищные

птицы с личинами на груди, с декором поверхности в виде кантов из геометрических фигур. Окончательно оформился изобразительный канон фронтально расположенной фигуры человека в доспехах с косами и сложенными на животе руками, что указывает на формирование культа воина-богатыря. Основу хозяйства составляли рыболовство и охота, а также собирательство и различные домашние промыслы: обработка и изготовление изделий из дерева, кости, кожи, меха, глины. На

поселениях производилась также плавка и обработка металла. Для плавки бронзы использовались рюмковидные тигли, сменившие тигли в виде плоски с носиком, свойственные эпохе раннего железа. На карымский этап приходится распад обско-угорской общности с выделением из нее предков ханты и манси, а также более четкое обособление культуры обских угров от культуры самодийцев, подвергшихся нивелировке во время предшествующей кулайской экспансии.

Керамика карымского типа. Селище Сартым-Урий 16. Приобье

Валерий Николаевич Чернецов (17.03.1905–29.03.1970) — советский этнограф и археолог, специалист по угорским народам. Родился в Москве в семье архитектора. После революции некоторое время учился на естественном факультете Пречистенского института, позже в Московском электротехническом институте. В 1923 году в составе геодезической экспедиции приехал на Северный Урал. Именно в этой поездке определился круг его интересов: история, этнография и археология народов Северного и Среднего Урала. За годы

пребывания в этом регионе В. Н. Чернецов выучил язык манси, стал одним из авторов первой азбуки и учебников мансийского языка.

С 1925 по 1930 год он учится на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета. В 1930-х годах преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, был научным сотрудником сначала Института народов Севера, затем Музея антропологии и этнографии. В 1940 году переехал в Москву и до конца жизни был научным сотрудником Института истории материальной культуры Академии наук СССР. В 1970 году подготовил к защите докторскую диссертацию по теме «Наскальные изображения Урала».

Валерий Николаевич был одновременно археологом, историком, этнографом, фольклористом и лингвистом, тесно соприкасался с естественными и техниче-

скими науками, историей искусств. Все это придавало широту и прочность его научным изысканиям. Интенсивно работал в этнографических экспедициях у лозьвинских, сосьвинских и обских манси, собрал колоссальный этнографический материал. До последних дней жизни он был членом редакционной коллегии журнала «Советская этнография». Также В. Н. Чернецов вел активные археологические исследования; открытые им памятники вошли в золотой фонд уральской археологии. Особое место в его научной деятельности занимали наскальные рисунки — уральские писаницы. Их поиску, копированию и интерпретации посвящены многие годы его упорного труда. Сбор материалов по наскальным изображениям был начат Чернецовым в 1927 году на реке Тагил. Первые экспедиции (1927, 1938) он проводил в одиночку, но, несмотря на это и на

труднодоступность многих мест, сумел открыть и зафиксировать памятники на берегах Тагила, Нейвы, Режа, Туры, Серги. С конца 1950-х годов исследования уральских писаниц проводились им совместно с экспедицией Института археологии Академии наук СССР (бытовые зарисовки из экспедиции 1960 года можно найти в мемуарах участницы экспедиции Анны Масс). Был собран огромный материал, обобщенный впоследствии в двух томах его монументальной работы «Наскальные изображения Урала» (1964, 1970). Работа построена с учетом всей суммы собранных автором данных о духовной и материальной культуре народов региона. Помимо публикации накопленного материала, касающегося непосредственно уральских писаниц, работа содержит многочисленные факты и наблюдения этнографического характера, собранные автором в течение жизни.

элементом орнамента являются глубокие круглые ямки, расположенные в один ряд и образующие выпуклины на внутренней поверхности сосудов. Есть и резные узоры в виде косых насечек, елочки и решетки. Этот тип керамики относится к карымскому типу таежной керамики, выделенной В. Н. Чернецовым для районов Нижнего Приобья.

Около двух десятков сосудов представлено *керамикой со шнуровой орнаментацией*, их объединяют фрагменты, содержащие орнаментацию шнуром, который часто сочетается с прочерченным, гребенчатым, гладким штампом и ямочными вдавлениями.

Несколько сосудов в этой группе могут быть отнесены к батырским горшкам, которые обычно имеют небольшой диаметр. Сосуды сильно профилированы, край венчика у них плоский и широкий, иногда с небольшим наплывом внутри. Часты находки горшков с четко выраженным ребром. Орнаментация мелким шнуром часто сочетается

Фигурно-штамповая керамика карымско-зеленогорского облика. Большое Бакальское городище

с круглыми и овальными наколами и отпечатками мелкозубчатого гребенчатого штампа и угловых вдавлений. Орнамент расположен густо и покрывает венчик, шейку и плечо сосудов, а в некоторых случаях и верхнюю часть тулова. В керамическом тесте фиксируются дресва, тальк, слюда.

С нашей точки зрения, данный комплекс шнуровой керамики, вероятно всего, может быть отне-

сен к переходному петрогромско-юдинскому типу. Основные признаки этой посуды: приземистость, слабая профилировка, круглодонность, низкая шейка. В орнаментации в основном использованы многорядные горизонтальные линии в шнуровой или гребенчатой технике, дополненные вертикальными, наклонными гребенчатыми оттисками, елочкой, зигзагом. Помимо простого квадратно-

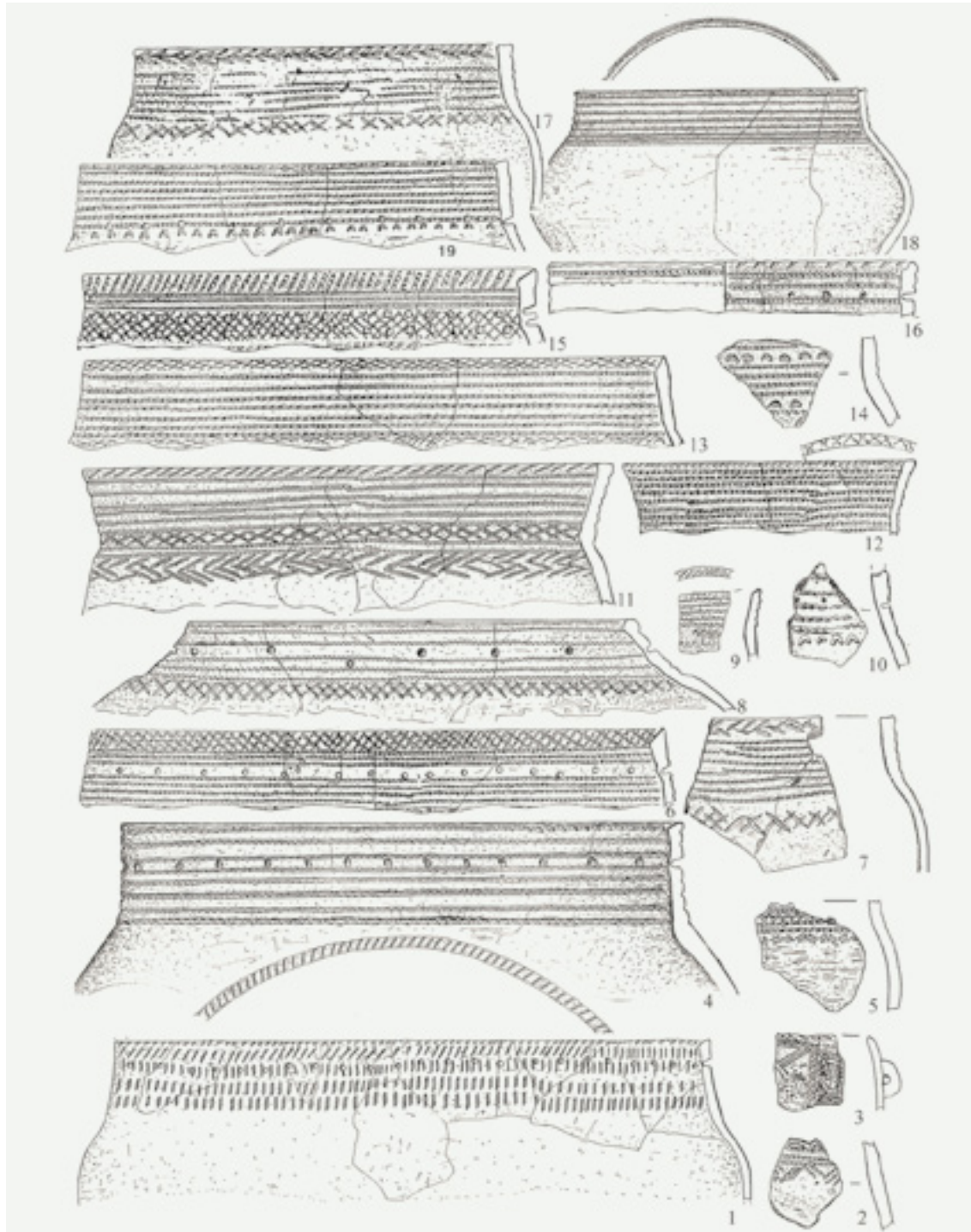
Фигурно-штамповая керамика карымско-зеленогорского облика. Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

ромбического или круглого штампа встречаются защипы. Как правило, обязательно присутствует ряд ямок, реже жемчужин по шейке, вдоль венчика. Пояски из отпечатков шнура обычно сочетаются с рядами из наклонно поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. При этом по профилировке сосудов и сочетанию горизонтального шнура и гребенчатой, реже резной косой «бакальской»

решетки в орнаментации можно предположить, что эта керамика является неким синкретическим переходным типом между позднепетрогромской и раннеюдинской керамикой с яркими маркерными чертами и орнаментацией бакальского облика.

Именно эти образцы, где очевидно смешение двух традиций — бакальской и петрогромско-юдинской, — позволяет нам рассматривать

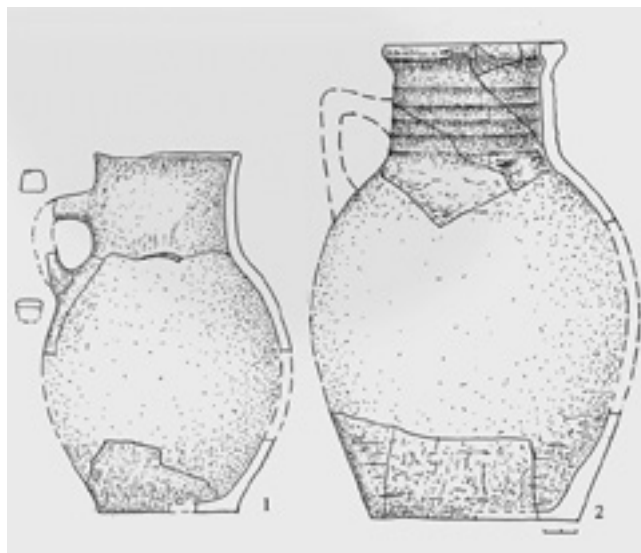

Керамика со шнуровой орнаментацией: батырского (9, 19); переходного (бакальская, петрогромско-раннеюдинская — 6, 7, 11, 13, 15, 18); юдинская (1–5, 9, 10, 12, 14–17). Большое Бакальское городище. Основной бакальский ИКГ

Керамика со шнуровым орнаментом. Большое Бакальское городище

Гончарная керамика гунно-сарматского облика. Городище Усть-Утяк-1

шнуровую керамику в рамках основного бакальского ИКГ. Хотя, как нам представляется, этот тип керамики появился на самом позднем этапе обжигания бакальской площадки. Скорее всего, образцы VII–VIII веков относятся именно к этому самому позднему горизонту Большого Бакальского городища.

Еще один тип керамической посуды, который неизменно присутствует в бакальских слоях многих исетских городищ и могильниках этой культуры, — так называемая степная гончарная керамика. В Большом Бакальском городище обнаружено лишь несколько разрозненных фрагментов. В этой связи приведем описание кувшинов из бакальского слоя городища Усть-Утяк 1.

Гончарные красноглиняные кувшины. Найдено двадцать фрагментов двух красношечных плоскодонных кувшинов. Обжиг ровный. Посуда толстенная, шейки плоские или округлые. Кувшины вытянутых пропорций с прямой шейкой, в одном случае с многорядными горизонтальными желобками. В месте перехода от средней части шейки к плечу имеются ручки. Это керамика из гунно-сарматских (раннегунских) памятников урало-казахстанских степей.

Анализ показывает, что Большое Бакальское городище демонстрирует в период существования населения в рамках бакальского ИКГ опреде-

10,7%
фигурно-штамповая керамика

5%
керамика со шнуровым орнаментированием

Диаграмма распределения керамики разных типов в коллекции Большого Бакальского городища

Синкретизм — сочетание разнородных культурных компонентов в одной системе без их объединения.

ленный культурный синкретизм. Его составляют, по меньшей мере, четыре этнокультурных компонента. Основным является бакальский (63,3 %). Причем на начальном этапе своего формирования он неразрывно связан с позднесаргатскими (кашинско-прыговскими) традициями. Это отразилось не только в орнаментальных сюжетах, но и в непрерывности радиоуглеродной линии датирования, когда трудно провести рубеж (определить прерывание) между II и IV веками н. э. Следующий культурный компонент (протомадьярский) составляют сосуды кушнаренковско-караякуповского облика (22 %). Небольшую долю (10,7 %) составляет яркая фигурно-штамповая керамика карымского типа, оставленная населением, которое было связано с уграми таежного Приобья. И, наконец, самую малую часть составляют горшки со шнуровым орнаментом (5 %), которые маркируют начало самого позднего этапа освоения площадки памятника (VII–VIII вв.) зауральским угорским населением петрогромско-юдинского облика.

Раскопки могильников периода бакальского ИКГ (Козловский, Устюг 1, Ревда 5, Козлов Мыс 2, Ипкульский) позволили прийти их исследователю Н. П. Матвеевой к схожим выводам. В некрополях бакальской культуры погребальный обряд сочетал немногочисленные сохранившиеся от раннего железного века традиции и новые черты, связанные с внедрением в бакальскую среду пришлого населения. Некоторые из этих инноваций (расположение могил рядами, кремация) впоследствии были утрачены. Среди разнокультурных компонентов угадываются кушнаренковско-караякуповские и мазунинские компоненты. Они указывают на то, что одни и те же группы участвовали в культурогенезе как Зауралья, так и Приуралья.

Большое количество костяков с кольцевой деформацией черепа, северная ориентировка, погребения с конем, а также европеоидный облик

погребенных, по мнению Н. П. Матвеевой, подтверждают появление в лесостепном Зауралье гуннских и тюркских элементов культуры (болгарских, аварских). Причем все это происходило глубоко в лесостепной зоне к северу от основных путей миграций и перемещений кочевого населения Евразии [222].

В могильниках бакальского ИКГ наряду с бакальской, кушнаренковско-караякуповской керамикой, кувшинами и горшками степного гунно-сарматского облика большую долю (более трети) составляют карымские горшки, появление которых связывается с проникновением в лесостепную среду угорских племен из лесного Приобья.

Из всего вышесказанного следует, что в слоях Большого Бакальского городища как в зеркале отразился культурный синкретизм бакальского ИКГ, сформировавшегося в зауральской и на крайнем западе сибирской лесостепи в эпоху Великого переселения народов. Вероятно, в рамках этого региона возник своеобразный очаг культурной интеграции, куда с юга (из урало-казахстанских степей) и севера (из лесного Зауралья и Приобья) устремилось разнокультурное население. Особого осмысления требует вопрос о причинах этих урало-сибирских миграций. Вероятнее всего, имелся целый комплекс причин, вызвавших данные процессы. С одной стороны, это были палеоэкологические изменения (гумидизация (увлажнение) таежной зоны, поднятие уровня болот) и гетерохронная аридизация (осушение) степей, с другой, события внешнеполитического порядка: возвращение гуннской орды из западноевропейских походов; появление народа он-ок будун (оногур) — десяти стрел и приход раннетюркского населения гаогюй (теле). Создававшаяся чрезмерная плотность населения бакальского горизонта в бассейнах Исети, Тобола и Иртыша, при своей синкретической разнокультурности, была изначально неустойчивой, что привело к ее перманентному распаду и постоянному оттоку отдельных групп населения на северо-запад в область проживания неволинского населения; на запад в район проживания бахмутинского и турбаслинского населения (переселение кушнаренковско-караякуповцев) и, наконец, на юг — в зауральские и казахстанские степи, в страну народа «десяти стрел».

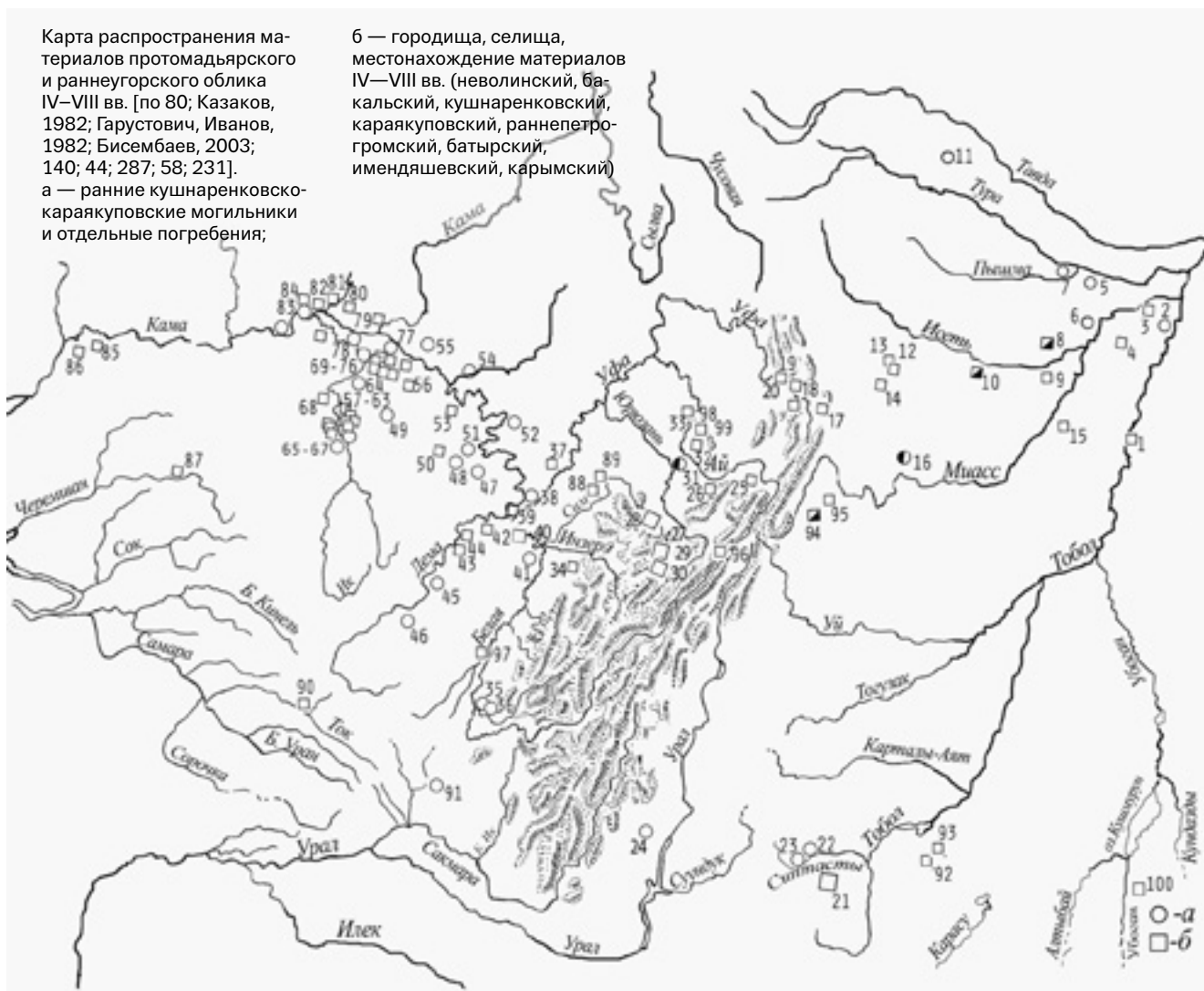
Гетерохронность — одновременность, асинхронность, несовпадение во времени отдельных явлений. В изменении климата это проявляется как обратимый эффект

воздействия на различные ландшафтные зоны. Так, увлажнение лесной зоны, как правило, сопровождается осушением (аридизацией) степной зоны.

Что такое кушнаренковская и караякуповская культуры?

В 1950–60-е годы на городищах и селищах по рекам Белая и Кама и в районах Прикамья были обнаружены оригинальные материалы (керамика), которые выделялись на общем фоне керамических комплексов Южного Приуралья. Это были тонкостенные круглодонные горшки с орнаментацией в виде горизонтально расположенных сюжетов. Первую группу составили сосуды с горизонтальными резными поясками в верхней части тулова, чередуемыми с двойным гребенчатым или резным зигзагом и поясками из оттисков гребенчатого или фигурного («гусенички») штампа. Керамика этого типа была названа кушнаренковской — по одноименному селищу (окраина деревни Кушнаренко-

во), где впервые была обнаружены во время раскопок под руководством В. Ф. Генинга (1955–1959). Вторая группа технологически схожей керамики была названа караякуповской — по Караякуповскому городищу, исследованному Г. И. Матвеевой в 1962 году. Как уже отмечалось, происхождение населения, производившего посуду этого типа, изначально связывалось основными его исследователями (В. Ф. Генинг, Н. А. Матвеева, В. А. Могильников) с районами Южного Зауралья и Западной Сибири. Поселенческие слои, содержащие этот тип керамики, отличаются небольшой глубиной залегания, за исключением слоев больших городищ (типа Уфа II), где они встречаются как отдельный компонент наряду с керамикой других культурных типов (бахмутинской, турбаслинской, мазунинской и др.).

Погребальный обряд этого населения представляет собой типичный комплекс, характерный для раннеболгарского и раннемадьярского населения в период с VI–VII по IX–X века (неглубокие захоронения под курганными насыпями, ориентировка умерших головой в западный (северо-западный, юго-западный) сектора¹).

Исследования начала II тысячелетия подтвердили предположение о восточном характере этих культурных типов. Комплексы с керамикой протокушнаренковского и протокараякуповского типов были обнаружены в городищах бакальского ИКГ (Большое Бакальское, Усть-Утякское, Коловское, Павлиново, Рафайловское и др.) в бассейнах рек Исеть и Тобол. В последующее время в могильниках Южного Зауралья (Граултры, Байрамгулово, Лагерево, Уелги) эти культурные типы встречались в перемешанном виде вплоть до X века. Это позволило впоследствии объединить их в единый круг памятников кушнаренковско-караякуповского облика и связать с протобашкирским и протомадьярским населением.

Как происходило формирование этого типа памятников, которые сегодня большинством авторов соотносятся с протомадьярскими?

Сегодня можно сделать предварительные заключения по данному вопросу. На стадиях бакальского ИКГ, а вероятнее всего, уже в рамках позднесаргатско-прыговской фазы, в бассейнах рек Исеть (среднее течение), Тобол и Иртыш в культуре саргатского населения, традиционно занимавшего этот регион, происходили существенные культурные трансформации. Они были связаны с активным взаимодействием лесостепного позднесаргатского населения и кочевников Южного Зауралья, а также с притоком в этот регион южно-таежных племен, о чем говорилось выше. Результаты этих культурных диффузий отразились

в формировании особых традиций в керамическом производстве, их с определенной осторожностью можно связать с начальным этапом кушнаренковско-караякуповского культурогенеза.

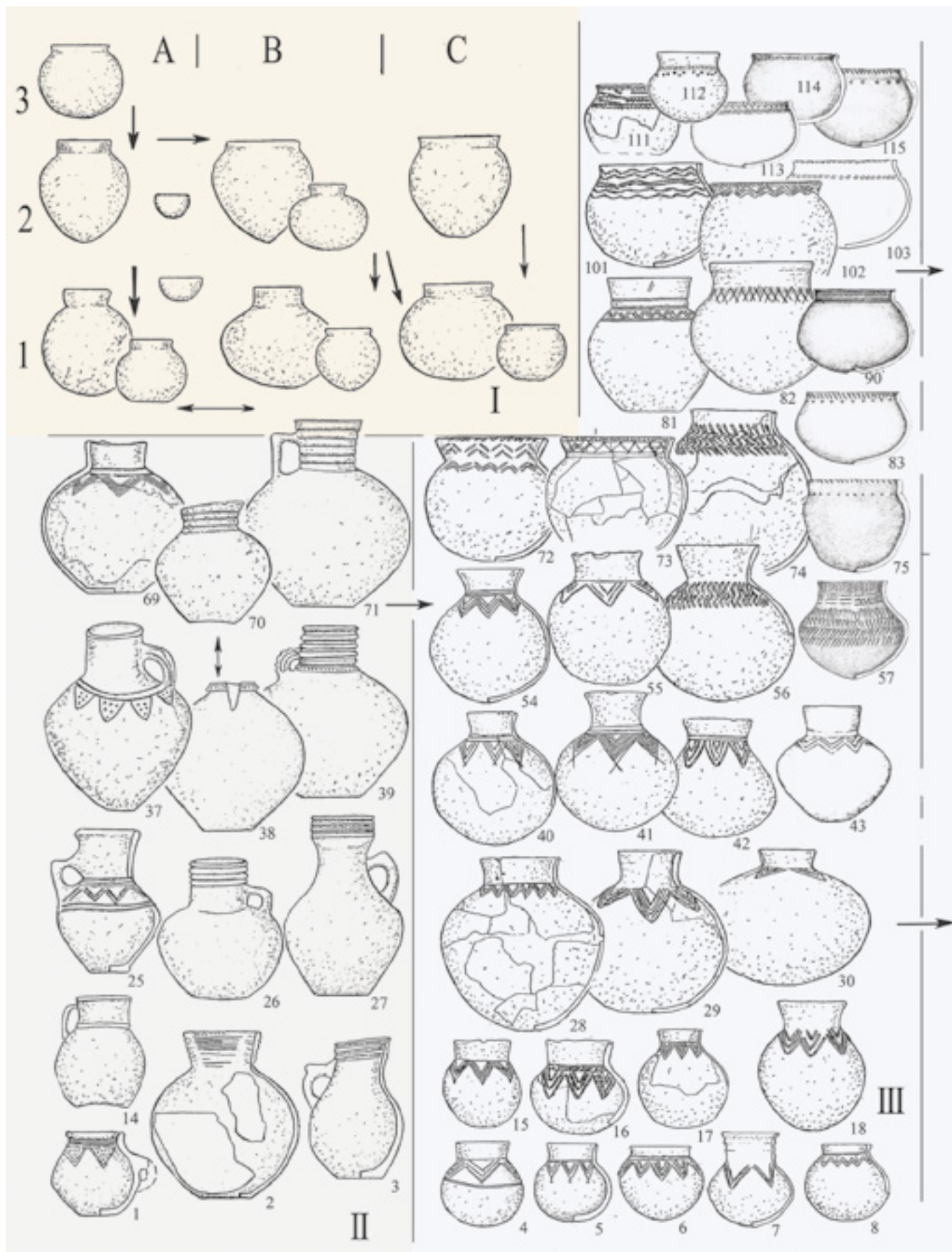
На позднесаргатско-прыговском этапе повсеместно внедрялись новые формы керамики и орнаментальные приемы. Саргатская керамика из Поиртышья, Поишимья и Притоболья представлена двумя доминирующими группами — кувшинообразными, шаровидными, бомбовидными сосудами с высокой прямой или отогнутой шейкой и круглодонными горшками со слегка отогнутой невысокой шейкой. Орнаментация в первом случае представляет собой многорядные прочерченные треугольники, опущенные вершинами вниз и расположенные на уровне шейки (рис. на след. развороте, 4–7, 13–16, 31–33, 37–39, 32, 33), во втором — различные композиции из многорядных зигзагов гребенчатого штампа, резной елочки, косой решетки, расположенных вдоль шейки и в самом верху плеча (там же, 54, 65–67, 73–74, 92, 93, 99–101).

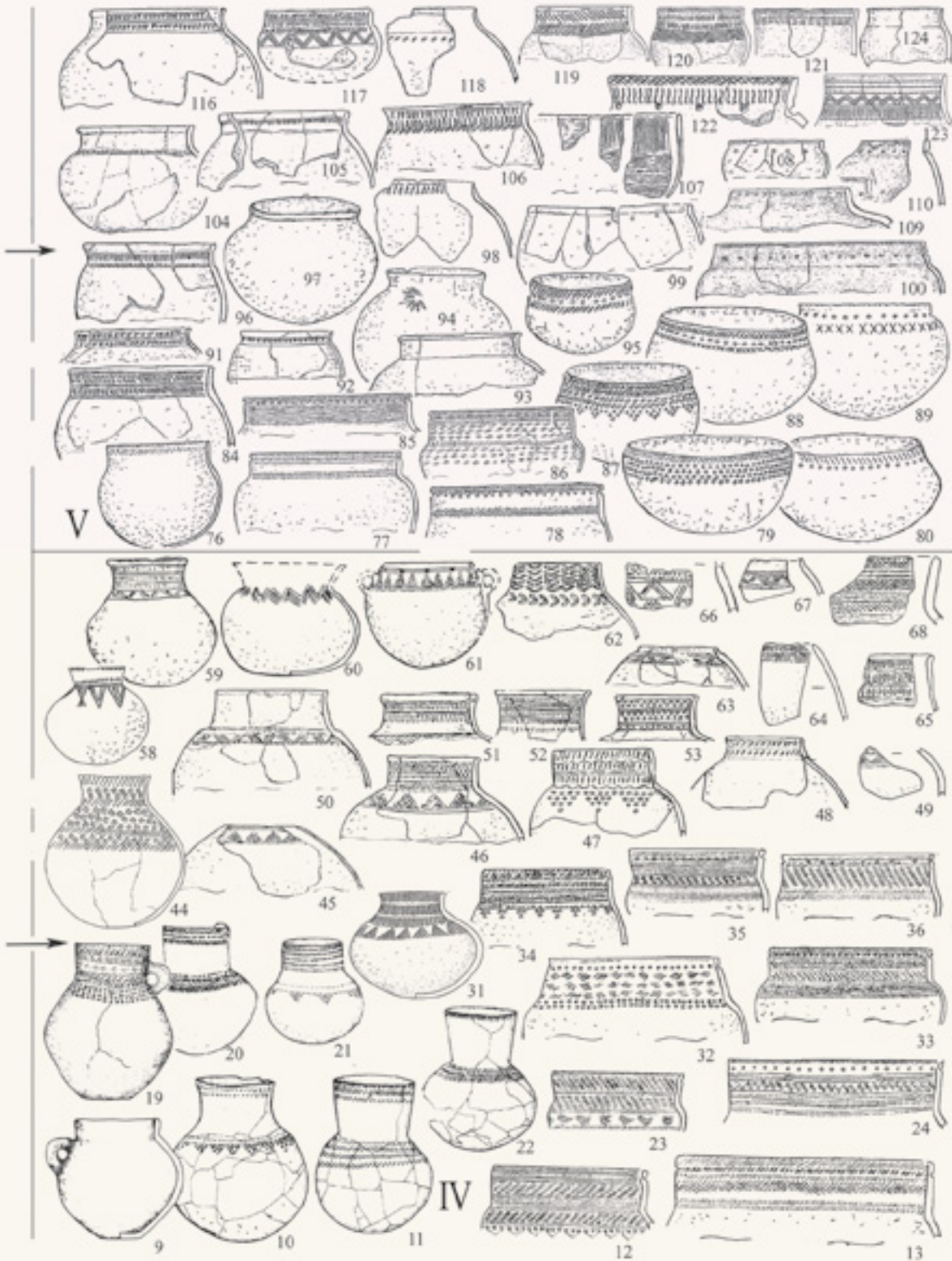
Как нам представляется, на формирование первой типологической группы большое влияние оказали керамические традиции кочевого гунно-сарматского населения (там же, II). Это особенно ярко прослеживается на примере керамического комплекса из кургана могильника Карасье 9 (там же, 62–64) [153].

К сказанному можно добавить, что этот тип керамики в течение финального этапа существования саргатской общности становился все более изящным и сравнительно тонкостенным по сравнению с другими видами керамики. По нашему убеждению, эта линия развития, определенно трансформируясь, продолжалась в раннесредневековый период. Образцы посуды, определяемые сегодня как некоторые протокушнаренковские, в большинстве своем повторяют облик кувшинообразных и крынкообразных горшков с шаровидным и бомбовидным туловом и высокой прямой шейкой (Перейминский, Козловский, Устюг, Коловское, Больше Бакальское, ст. Лыбаевское) (там же, IV, 8–19, 40–43, 45–49, 35, 36, 38, 56, 61). Орнаментация этой группы протокушнаренковской керамики, на первый взгляд, приобретает более сложный и не схожий с позднесаргатскими сюжетами облик.

1

В справочной литературе существует устойчивое заблуждение — характеризовать погребальный обряд кушнаренковцев по материалам Кушнаренковского могильника (исследования В. Ф. Генинга). Однако этот памятник, судя по сопровождающим сосудам и погребальному обряду (курганные захоронения в ямах со ступеньками и нишами, наличие у умерших черепной деформации), следует отнести к позднегуннскому населению турбаслинской культуры.

Керамика из погребальных комплексов Зауралья и Западной Сибири I тыс. н. э. Формирование кушнаренокско-каракуповского типа. I — схема развития основных форм керамики саргатской культуры [по Корякова, 1982]; II — гунно-сарматская группа урало-казахстанских степей; III — поздне-саргатская (прыговская) группа Западного Зауралья; IV — протокушнареновская группа Зауралья и Западной Сибири; V — протокаракуповская группа Зауралья и Западной Сибири

Появляются многочисленные горизонтальные пояски, заполненные косой решеткой, оттиском гребенчатого или фигурного штампа, многорядным зигзагом (см. рис. на предыдущем развороте, 17, 24, 41, 42, 43, 45–51, 55–61). В этих инновациях явно усматривается влияние со стороны традиций лесного, южно-таежного населения Поиртышья сперановско-раннепотчевашского типа. Это хорошо просматривается на примере параллелей керамики из Логиновского городища (там же, 10, 11, 20–23, 25–27, 76). Какая-то отдаленная параллель с позднесаргатскими орнаментальными образцами угадывается в плечевых поясах треугольников, заполненных прочерченным рикшетом, многорядными линиями и оттисками штампа (там же, 8, 18, 24, 40–42, 45, 46, 54, 57, 59, 60). Однако в этом случае их вершины направлены вверх. Вторая керамическая группа представляется нам как совокупность сосудов, облик которых (форма горшков и орнаментальные мотивы) продолжил свое развитие в образцах караякуповской керамики.

В целом предложенные построения важны для понимания того обстоятельства, что формирование протокушнаренковско-караякуповского пласта в недрах бакальского ИКГ происходило на местной позднесаргатской основе с синкретическим участием культур кочевого населения Южного Зауралья и, вероятнее всего, южно-таежных прииртышских племен, продвинувшихся в Тоболо-Иртышское междуречье в карымский период. Формирование протокушнаренковской и протокараякуповской культурных основ шло на одной территории, внутри единых поселенческих комплексов. Типологическое своеобразие их, вероятнее всего, объясняется различным соотношением одних и тех же культурных компонентов, формирующих будущие историко-культурные типы.

Важным в этой связи является тот факт, что появление кушнаренковско-караякуповских прототипов, как, собственно, и их последующее движение и развитие на западе, в Приуралье шло параллельно, с точки зрения культурных преобразований, и синхронно во времени.

Это определяется, прежде всего, самим фактом появления раннекушнаренковских и караякуповских комплексов в пределах Камско-Бельского

Галина Ивановна Матвеева (27.07.1933—06.11.2008) — советский, российский археолог и педагог. Родилась в городе Аша (Челябинская область) в семье учителей. Окончила историко-филологический факультет Пермского государственного университета (научный руководитель — О. Н. Бадер). В 1961–1969 годах преподавала археологию и историю первобытного общества в Башкирском государственном университете.

В этот период впервые исследовала и систематизировала караякуповские памятники в бассейне реки Белой. Основатель Средневожской археологической экспедиции. Была в числе первых преподавателей Самарского (Куйбышевского) государственного университета, создала археологический центр в Самаре. Одна из авторов принципиально новых разработок, посвященных древнейшей истории Среднего Поволжья, в том числе концепции появления ранних славян в Среднем Поволжье в первые века нашей эры. Основные направления научной деятельности: изучение раннесредневековых поселений на Самарской Луке, интерпретация именьковской культуры, исследование материальной культуры ранних болгар. Автор около 144 научных трудов.

Приуралья, которое падает на VI век. При этом хорошо картографируется сам процесс притока как собственно бакальского, так и раннекушнаренковского населения на запад. Основной его вектор пролегал по правым притокам Исети (Теча, Багаряк, Синара), в результате чего появились бакальские материалы на городищах Зотинское IV и Красный Камень [39, с. 128–133; 41, с. 112]. Затем, минуя Каслинско-Иртышское межозерье, население продвигалось по долинам рек Ай, Юрюзань и Уфа, на что указывают материалы, относящиеся к раннему кушнаренковскому, караякуповскому и бакальскому этапам (пещеры Веселовка, Сикияз-Тамак, Буранная, Путанная, Игнатиевская, гроты Серный Ключ, Малый у Омута, Араслановская, Бурановская, Игнатиевская писаницы, Ашинский пещерный комплекс, Калиновская, Абдулино, Акаваз, Кадыровское, поселение Месягутовское III)²,

²

В. Т. Петрин и А. Ф. Шорин в своих публикациях о находках у подножия скалы Араслановской и в Игнатиевской пещере – фрагментах бакальского облика – традиционно относят их к «сылвенским».

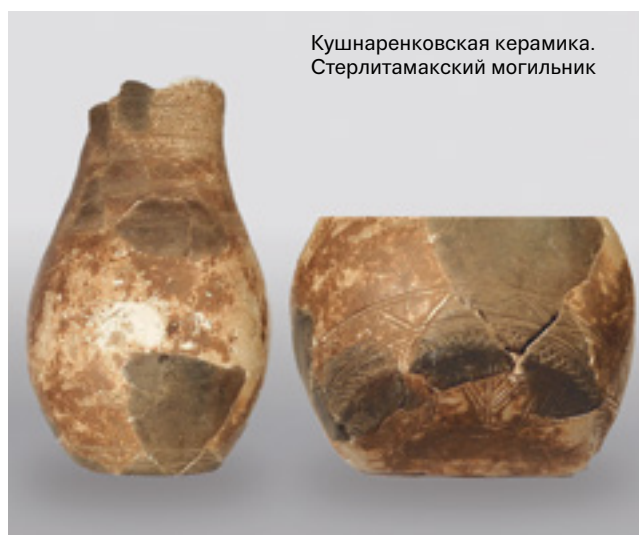
Чебаркуль IV³ [40, с. 17; 289; 367; 407, с. 200, рис. 2, 5–9].

Возвращаясь к вопросам кушнареновско-караякуповского культурогенеза, следует заметить, что, несмотря на довольно большое количество выявленных в Приуралье кушнареновских и караякуповских поселенческих комплексов, стационарные исследования производились на единичных памятниках. Насколько позволяют судить результаты исследований, материалы, связанные с кушнареновско-караякуповским горизонтом, идут как сопутствующие с преобладающими артефактами местных культур (как правило, бахмутинской и турбаслинской). Процентное соотношение кушнареновской и караякуповской керамики на одних и тех же памятниках неодинаково. При наличии в культурных слоях керамики обоих типов чаще всего наблюдается преобладание какого-то одного из них. Так, на Караякуповском, Старо-Калмашевском и Таптыковском городищах явно преобладает караякуповская керамика, на Кушнареновском селище, городище Уфа II и Ново-Турбаслинском поселении — кушнареновская. Безусловно, эти наблюдения носят предварительный характер и требуются более масштабные исследования памятников (за исключением городища Уфа II). Так как мощность слоев на поселенческих комплексах с керамикой этого типа незначительна, остается сложным вопрос датировки этих материалов. И если можно согласиться с мнением Г. И. Матвеевой о нижней границе и кушнареновского, и караякуповского горизонтов в пределах VI–VII веков, то верхняя временная граница поселенческого горизонта требует уточнения. Возможно, послынное радиоуглеродное датирование городища Уфа II позволит решить этот вопрос.

Так, для караякуповского населения характерно устойчивое бытование круглодонных горшков с округлым туловом и невысокой отогнутой шейкой. Из орнаментальных приемов сохранялись резная елочка и пояски наклонного гребенчатого штампа, наколы и разделительные горизонталы

в месте перехода от шейки к плечу — то есть элементы, которые мы фиксируем в Зауралье в позднесаргатское и бакальское время. Хотя следует признать, что новым и часто используемым элементом на караякуповских горшках становятся в это время «жемчужины».

При всем своем своеобразии кушнареновская керамика сохраняла устойчивые формы узкогорлых горшков с прямой высокой шейкой и округлым или бомбовидным туловом, появившихся на позднесаргатском этапе (рис. на следующем развороте, 1–4, 6, 7, 21, 25, 30, 33, 34, 39, 43). Хотя уже наметилась тенденция удлинения форм посуды и стали появляться небольшие кринкообразные горшки. Исследователям часто встречаются, особенно среди поселенческой керамики, сосуды синкретических форм, сочетающие явно караякуповский облик с орнаментом кушнареновского типа

Кушнареновская керамика.
Стерлитамакский могильник

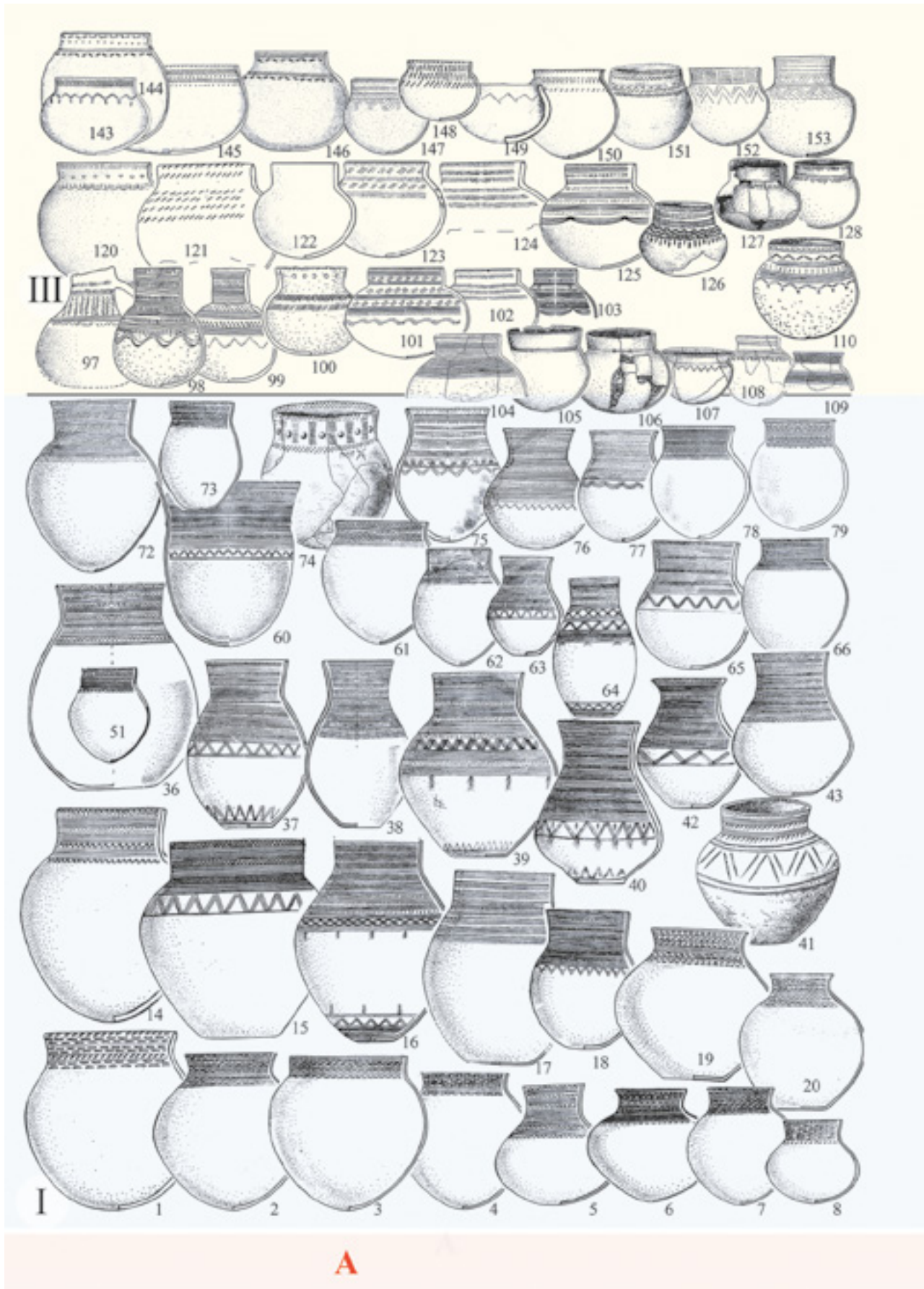

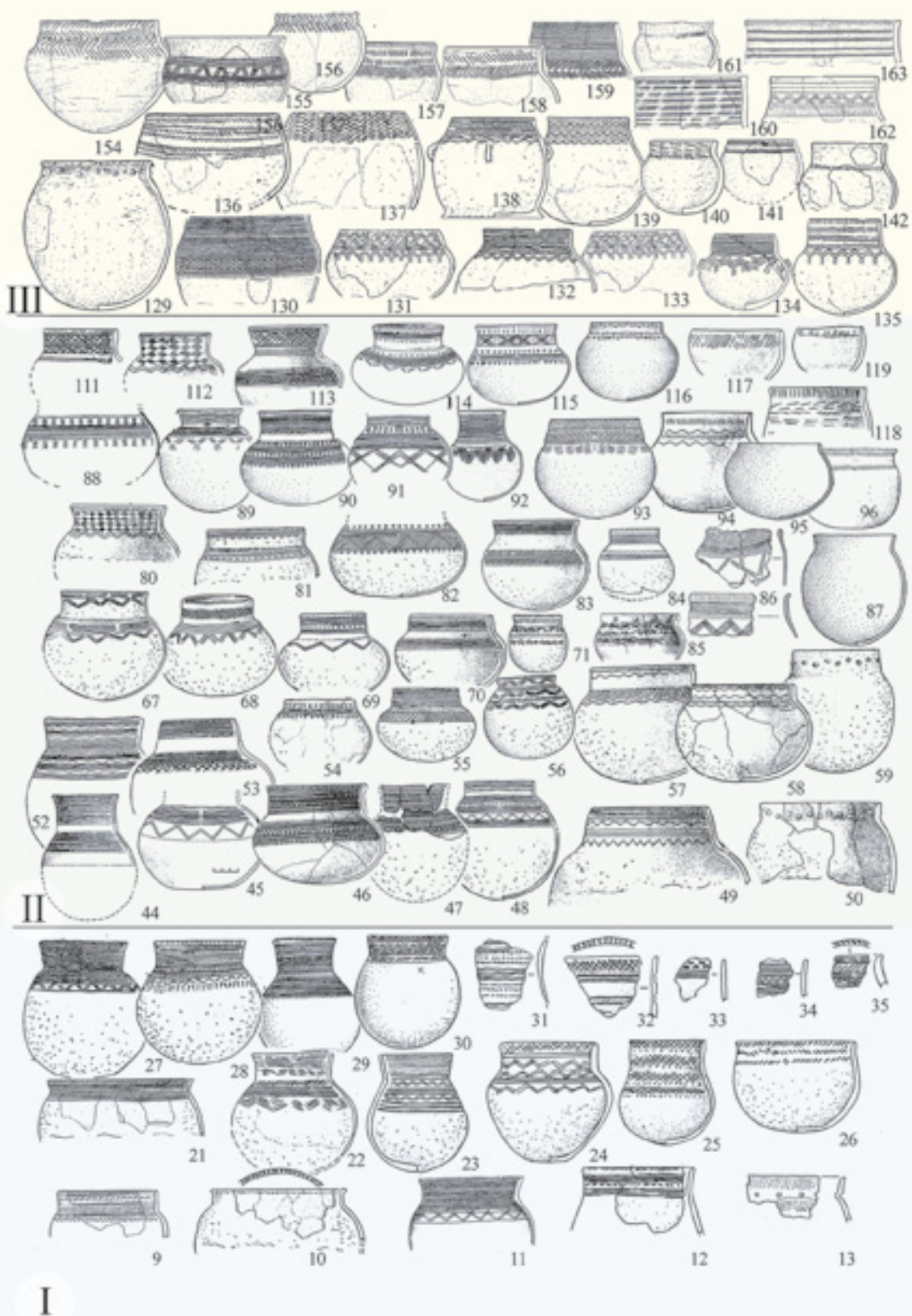
Глиняные сосуды.
Бирский могильник

3

Выражаю благодарность Г. Н. Гарустовичу и В. И. Юрину за любезно представленную ими подборку материалов из поселенческих комплексов горнолесного района.

Керамика куш-наренковско-караякповского типа в Приуралье (А), Зауралье и горнолесной (Б) зонах. I — хронологическая группа IV–VIII вв.; II — хронологическая группа IX в.; III — хронологическая группа X в.

(Старо-Калмановское, Уфа II) (рисунок на предыдущем развороте, 8–20, 22, 23, 26–28, 32, 35–37, 41, 44–47, 48, 49).

Преодолев Уральский хребет, зауральское население кушнаренковско-караякуповского кру-

Глиняные сосуды.
Манякский могильник

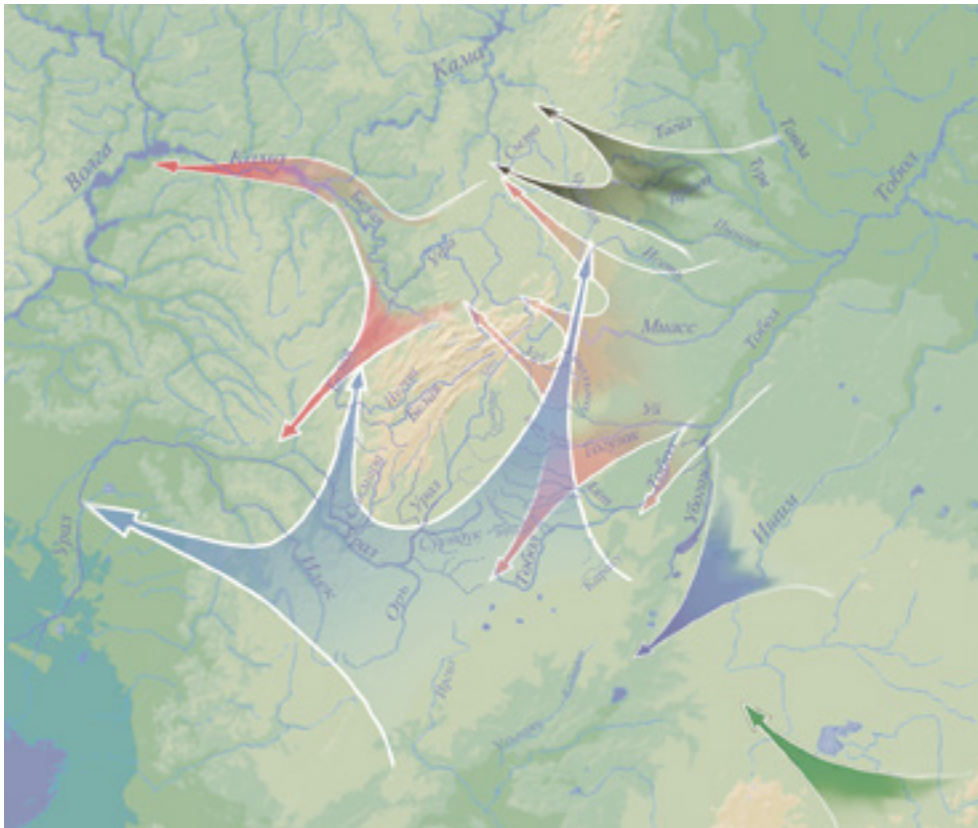
Глиняные сосуды.
Бирский могильник

га, а также многочисленные синкретические группы, составлявшие бакальский ИКГ, вошли в состав населения Среднего и Южного Предуралья, плотность которого была выше, чем в Зауралье. В районах Прикамья они влились в состав неволинско-ломоватовских племен Уфимско-Бельского бассейна, в среду турбаслинских и бахмутинских племен. В этой связи и дальнейшее развитие кушнаренковско-караякуповской культуры происходило в двух ареалах.

Рисунок на предыдущем развороте позволяет проследить динамику развития кушнаренковско-караякуповского комплекса. Возникнув как культурная инновация в недрах позднесаргатского (прыговского) и бакальского ИКГ (с распадом последнего в VI веке), население — носитель этих культурных типов, а также других, составлявших бакальский горизонт (бакальская, «сылвенская», имендьяшевская, кансиярская), переселялось по долинам рек Исеть, Теча, Багаряк, Миасс и далее по направлениям: по рекам Уфа и Ай — в Месягутовскую лесостепь, по долинам Юрюзани и Сим — в долину Уфы и Белой. По крайней мере, эти векторы переселения (освоения территорий?) вырисовываются при картографировании мест находок бакальской, кушнаренковской, караякуповской керамики в горнолесных районах Южноуральского края.

После этих перемещений в слоях селищ и городищ, на могильниках по долинам Белой и Камы появляются яркие материалы, которые и принято считать собственно кушнаренковской и караякуповской культурами. Нет смысла давать их описание, так как им посвящено довольно значительное количество публикаций. Еще раз акцентируем внимание на том факте, что на памятниках с мощным культурным слоем, включающим разнокультурные напластования, материалы этого облика содержатся в относительно небольшом количестве (10–20 %). Основные же материалы связаны с местными типами — турбаслинским, бахмутинским и другими, они абсолютно преобладают в коллекциях. Собственно, эта картина весьма схожа с той, что мы видим при рассмотрении зауральских памятников бакальского ИКГ. Справедливости ради заметим, что при внимательном ознакомлении с поселенческими материалами городищ Уфа II,

Этнокультурные перемещения в Южном Зауралье в V–VIII веках.

Отток бакальского и кушнаренковско-караякуповского населения в Южное Приуралье в VI веке

Переселение угорского (петрогромского, батырского и молчановского) населения в Прикамье в VI–VIII веках

Распад страны «Он-Ок-будун» (ареал курганов с «усами»), и отток протоболгарского населения на север и запад в конце VII–VIII века

Продвижение тюркотелесского населения кыпчаков (сеянто) в Казахстан в конце VII–VIII века

Распад Восточно-Тюркского каганата и приход карлуков в Южный Казахстан в конце VII века

Старое Калмашское и Кара-Якуповское фрагменты зауральских сосудов бакальского ИКГ фиксируются лишь как некие инокультурные маркеры.

Ранняя хронологическая группа в могильниках Южного Приуралья наиболее массово представлена кушнаренковской керамикой, которая содержит фактически все вариации этого типа, как по форме, так и по орнаментации.

В Зауралье эта группа представлена горшками из могильника Уелги⁴, а также тремя сосудами юдинского облика из разрушенных «черными» поисковиками погребений Усть-Терсюкского могильника и кургана Озерный, который по своему материалу весьма близок к комплексам Ликинского и Сайгатинского могильников IX–X вв. В этих хронологических группах собственно кушнаренковский и караякуповский типы присутствуют как видоизмененные наиболее поздние формы этой посуды. В

степном и лесостепном Приуралье они встречены в более ранних комплексах этой хронологической группы, датированных концом IX — X в. (Стерлитамакский, Ишимбаевский, Старошалиловский). По своему облику кушнаренковские сосуды из этих курганов аналогичны горшкам из хронологической группы III из Зауралья и горнолесной зоны (рис. на предыдущем развороте, 80–81, 102, 106, 107).

Кушнаренковская керамика из нижнекамских памятников также претерпевала существенные изменения. Так, горшки из Танкеевского могильника при сохраняющейся тонкостенности и темного цвета поверхности изменились по форме: тулово стало более бомбовидным, приземистым, переход цилиндрической горловины к тулову — резко выраженным. В орнаментации наблюдается строгая линейность [141, с. 128]. Появились новые сюжеты: вместо зигзага и треугольников, идущих вдоль верхней части плеча, стала использоваться многорядная волна (там же, 80–81, 111, 125). Относительная преемственность кушнаренковской керамики и сосудов из хронологической группы II наблюдается и при изучении материалов из зауральского

⁴ Думается, наличие прямых аналогий между материалами из могильников Уелги и Синеглазово позволяет предположить, что общее количество материалов этой группы было бы значительно большим, если бы Синеглазовский некрополь не был разрушен.

могильника Уелги, однако в погребениях этого памятника их обнаружены единицы (рис. на с. 70–71, 130, 141, 155). Гораздо большее их количество можно отнести к караякуповским формам (там же, 140–142, 156, 157, 161, 163). Подавляющее большинство сосудов из могильника Уелги относится к особому типу керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией, отличительным орнаментальным сюжетом в виде незамкнутых шевронов, идущих вдоль плеча, а также одиночных и многорядных зигзагов (там же, 131–135, 137–140) гребенчатого или шнурового штампа.

Этот тип керамики, с одной стороны, характерен для каранаевских курганов X–XI вв. (там же, 120, 126, 143, 153), с другой — демонстрирует явное петрогромско-юдинское влияние со стороны южно-таежного региона Зауралья и Западной Сибири.

Особой деталью в этой связи являются ушки, встреченные на двух уелгинских сосудах (там же, 134, 138). В зауральскую хронологическую группу III помещены три сосуда из разрушенных погребений могильника Усть-Терсюк. Сопровождающий инвентарь позволяет датировать эту коллекцию X–XI вв. В культурно-типологическом смысле эта керамика может быть отнесена к лесостепной керамической группе юдинского комплекса [231, с. 148]. Просматривается схожесть форм и приемов орнаментации (круглодонные горшки с прямой отогнутой и закрытой шейкой, многорядный зигзаг, резная техника, поясной гребенчатый штамп, зональные пояски гребенчатого и шнурового штампа). Особо следует отметить типологическую близость каранаевского и уелгинского керамических комплексов, что изначально позволило отнести эти памятники к единому культурно-хронологическому кругу. Синкретический характер этого комплекса не вызывает сомнений.

Анализ таблицы (там же) наглядно показывает, что динамика развития этих групп керамики в Приуралье и Зауралье существенно различаются. Немногочисленная группа ранней зауральской кушнаренковской керамики относится в большинстве своем ко второй половине этого периода — VII–VIII вв. При этом, как уже говорилось, четыре

находки кушнаренковских горшков сделаны в степной зоне, на самом юге Челябинской области и Зауральской Башкирии (Кайнсай, Селенташ, Берсуат, Туркменево 2). Эта тенденция сохраняется и на следующем хронологическом этапе — в IX веке. Памятники этого периода фактически отсутствуют в Приуралье.

География памятников, содержащих керамику самых поздних групп (форма III), связана, в основном, с районами прикамской и зауральской лесостепи. Исключение составляют комплексы Стерлитамакского и Ишимбаевского могильников IX–X веков, расположенные в степной части Южного Приуралья. Это заключительный этап существования керамики кушнаренковско-караякуповского типа. Эта группа включает особый синкретичный тип керамики, условно называемый уелгинским, к нему относятся сосуды с «уходящими» чертами вышеназванных типов и новых форм петрогромско-юдинского историко-культурного горизонта.

Зауральская протокушнаренковско-караякуповская керамика. Горodiще Усть Утяк 1

Угры Среднего Урала, или Проблемы этногенеза неволинской культуры

В отечественной историографии давно установилась традиция под этнонаименованием угры подразумевать не только обские народы манси (вогулов) и хантов (остяков), но и средневековых венгров. «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) называет их уграми. При этом в ней содержатся сведения о более ранних неких «белых уграх» (вероятно, оногурах) и «черных» собственно венгро-мадьярах времени «Обретения Родины».

Этот стереотип, вероятно, значительно повлиял на этнокультурную идентификацию как уральских народов, так и мадьярского этноса. Сложность понимания культурных трансформаций, происшедших на Южном и Среднем Урале, по сей день вызывает бурные дискуссии между этнологами и палеолингвистами по поводу этнической интерпретации тех или иных археологических сообществ и культур. Процентное соотношение угронимов и тюрконимов в венгерском языке — также не до конца разрешенная проблема. В этой связи мы попытаемся показать, насколько это позволит накопленный археологический материал, сложный процесс трансформаций и перемещений различных культур и типов в пределах лесостепной полосы, которая начинается в северной части Южного Урала (река Уй) и заканчивается в южной части Среднего Урала (реки Нейва, Чусовая).

Так уж вышло, что именно в этом широком коридоре в раннем Средневековье происходили все наиболее важные историко-культурные процессы, ставшие предпосылкой формирования народов Урала в целом и Южного Урала в частности. На севере этого лесостепного пространства ощущалось наиболее мощное инокультурное влияние со стороны населения таежно-лесного ареала, а на юге, безусловно, — со стороны населения урало-казахстанских степей. При этом меридиональное расположение Уральской горной системы с ее горно-таежной полосой создавало дополнительные предпосылки для этнокультурной азональности, то есть глубокого распространения на юг влияния культур таежно-лесного ареала. На определенной

стадии исследований мы обратили внимание на то, что движения и трансформации культур и этнокультурных типов в северной лесостепи в итоге привели к формированию блока пермских (в Приуралье) и угорских (в Зауралье) народов. При этом влияние заурало-угорского населения имело определенно решающее значение в сложении конечного облика и в формировании приуральских народов. Окончательная тюркокультурная ориентация юга лесостепи и всего Южного Урала впоследствии, на определенной стадии, включала этап формирования протомадьярского ареала (Magna Hungaria — Великая прародина), о чем подробнее будет сказано ниже. Несмотря на то, что на начальном этапе эти разнокультурные компоненты сосуществовали в рамках единого бакальского ИКГ в пределах Тоболо-Исетского бассейна и Поиртышья. Впоследствии развитие угорских культурных типов и протомадьярского сообщества пошло совершенно по-разному. В этой связи считаем важным показать оба направления культурных трансформаций, которые происходили в пределах самой северной широты южноуральских лесостепей и всей остальной части нашего макрорегиона.

Неволинская культура и угорская составляющая. Мысль о зауральско-западносибирском происхождении неволинской культуры не нова. Впервые она была высказана полвека назад В. Ф. Генингом [78]. В наши дни на основании материалов масштабных исследований эпонимного Неволинского могильника и других погребальных и поселенческих памятников Сылвинского и Чусовского бассейнов основной исследователь этой культуры Р. Д. Голдина пришла к более развернутому выводу: возникновение неволинской культуры как историко-культурное явление напрямую связано с распадом саргатской общности (по Л. Н. Корякова [160, рис. 1]). Движение саргатцев, начавшееся в конце V века с Великим переселением народов, осуществлялось вдоль рек Сылва и Чусовая из верховий Исети и Пышмы. Появившись на Сылве, это позднесаргатское население (угорского облика) вошло в контакт с обитавшим здесь местным финно-пермякским населением. На саргатские параллели, по мнению автора, указывают очевидные аналоги

Алексей Викторович Шмидт (27.07.1894, г. Тарту Лифляндской губ. — 26.04.1935, Ленинград) — советский археолог и востоковед, один из основателей Прикамской археологии. Сын профессора, доктора медицины Дерптского университета Виктора Карловича Шмидта. Окончил петербургскую гимназию Видемана (1911), Петроград-

ский университет (1916), где был учеником академика Б. А. Тураева (учителями его также были С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев и В. В. Струве). С 1917 года жил в Перми, работал хранителем в музее древностей Пермского университета, собирал материалы для музея. В 1919–1924 годах преподавал в Пермском государственном университете — читал лекции по археологии и истории Пермского края, истории Древнего Востока и первобытной культуре. С 1920 года сотрудничал с Пермским краеведческим музеем, где заведовал археологическим отделом. Совершал поездки по уездам Пермской губернии для осмотра и изучения уральских древностей. С 1923 года работал в Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, заведовал отделом Африки в Музее антропологии и этнографии Академии

наук СССР. Во время «чистки» академии был уволен из музея. Известно, что 24 марта 1925 года А. В. Шмидт был арестован, приговорен к трем годам ссылки и отправлен в Туруханский край. Благодаря обращению его сестры к Екатерине Павловне Пешковой 17 июля 1925 года Шмидт был освобожден под подписку о невыезде. В 1929–1935 годах был научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. В 1932–1933 годах в качестве руководителя Камской археологической экспедиции ГАИМК проводил археологические работы в Пермской области и Башкирской АССР. В 1920–30-х годах исследовал проблемы этногенеза и древней истории народов Прикамья, происхождения и развития древнего искус-

ства и религии народов Урала, создал совершенную на то время методику классификации археологических культур, их периодизации и хронологии. Обследовал и провел раскопки ряда неизвестных памятников Урала — Левшинской неолитической стоянки, Турбинского могильника эпохи бронзы, городища Кара-Абыз, Качкинского, Неволинского и Бахмутинского могильников. Обследовал Уфимское (Чертово) городище и селище Воронки, городище Каменная Гора у деревни Бажино, Соколинный Камень, Чандарское селище и городище под Благовещенском. Опубликовал свыше 30 научных работ по археологии Урала, Севера СССР и египтологии. По неподтвержденным данным, был арестован в 1933 году и умер в Ленинграде во время следствия. Место его захоронения неизвестно.

Неволинская археологическая культура (конец IV — IX в. н. э.) сформировалась в Западном Приуралье (Сылвенско-Иренское поречье) на основе местного населения гряденовской археологической культуры и пришедшего из лесостепной зоны Западной Сибири угорского населения либо сарматского населения. Неволинская археологическая культура близка ломоватовской, является южным вариантом культуры протопермских народов. Название получила по селу Неволино на правом берегу реки Ирень в Кунгурском районе Пермского края, где впервые в 1926–1927 годах А. В. Шмидт исследовал курганный могильник, относящийся к этой культуре. Крупнейшие памятники неволинской археологиче-

ской культуры: городища Верх-Саинское, Ермаково, Кунгурское, Бартымские селища, могильники Бродовский, Верх-Саинский, Неволинский. Материальная культура неволинцев также близка ломоватовской археологической культуре. Из находок выделяются кожаные пояса, так называемого неволинского типа, украшенные на концах пряжкой, наконечником и многочисленными накладками. Неволинские пояса были предметом дальней торговли и обмена, известны в погребениях Швеции и Финляндии. Неволинская глиняная посуда отличается большим количеством резного орнамента.

Могильники неволинской археологической культуры представляют собой сложные комплексы, состоящие из курганных и бескурган-

ных частей. Предполагается, что до VII века погребения осуществлялись в курганах, затем установилась традиция бескурганных погребений. Сочетание курганных и бескурганных захоронений свидетельствует о длительности функционирования могильников. Способы погребения — индивидуальные и групповые (чаще всего парные) трупоположения. Могильные ямы содержат богатый инвентарь, для мужских захоронений типичны маски и оружие.

К неволинской археологической культуре относится большое число кладов, содержащих металлическую посуду иранского, византийского и среднеазиатского происхождения, что свидетельствует об оживленных связях этого населения с отдаленными террито-

риями. Наряду с единичными предметами встречаются комплекты из двух и пяти сосудов. Большое количество импортной посуды найдено в окрестностях селища Бартымское I: византийская чаша, иранская ладьевидная чаша, четыре хорезмийские чаши, а также серебряная чаша с 264 византийскими монетами Ираклия и др. Находки датируются VII — началом VIII в. н. э.

В X веке неволинская культура исчезла, вероятно, в результате появления кочевников-протобашкир. Возможно, часть неволинцев мигрировала в Верхнее Прикамье и слилась с родственными племенами ломоватовцев, часть переселилась в Нижнее Прикамье и вошла в состав Волжской Булгарии [85].

в вещевом инвентаре и погребальный (курганный) обряд неволинских памятников [82, с. 86–87].

Эта историко-культурная реконструкция достаточно точно подтверждается данными археологических исследований. Так, в позднесаргатских памятниках Тобольско-Исетского бассейна в массовом количестве отмечается керамика с горизонтальной и вертикальной многорядной резной елочкой — характерным орнаментальным элементом неволинской керамики [160, рис. 8, 7–11, 15, 20, 23, 25].

Интересно, что керамика с этими орнаментальными мотивами сопутствует сосудам именно позднесаргатского (прыговского) горизонта в слоях городищ и погребальных комплексах западного варианта (по Л. Н. Коряковой [160]) саргатской общности (могильники Ипкульский, Прыговский, Черноозерье, городища Розановское, Дуванское, Коловское) [161, рис. 21, 4; 25, 10; 31, 4, 5, 8, 12; 32, 7, 14, 16, 18; 227, рис. 80, 4, 8; 81, 7, 9, 10; 84, 2, 5; 85, 1, 3; 86, 7]. Таким образом, позднесаргатский компонент в неволинском культурогенезе действительно просматривается достаточно предметно. Историко-культурные процессы распада и общей дестабилизации, связанные, прежде всего с палеоклиматическими изменениями в зауральской и западносибирской лесостепи в III–IV веках и последующими культурными трансформациями, мы рассматривали выше. В данном разделе будет интересно проследить маршруты позднесаргатского населения во время оттока. По мнению Р. Д. Голдиной, саргатский компонент праневолинского населения проникал вдоль рек Исеть и Пышма, верховья которых близко подходят к рекам Сылва и Чусовая [82, с. 86]. Этот, судя по всему, магистральный маршрут в ходе формирования неволинской культуры в пределах Сылвенско-Иренского поречья не вызывает сомнений, однако сегодня достаточно хорошо просматривается еще один — южный вектор протоневолинского (позднесаргатского) продвижения из Зауралья. Он, скорее всего, связан с оттоком постсаргатского населения вдоль бассейна Исети и рек Багаряк и Теча, а также вдоль Миасса в район Кыштымско-Каслинского приозерья, где сходятся верховья этих рек, а также рек Ай и Уфа.

Римма Дмитриевна Голдина (род. 10.11.1941, с. Большая Соснова Пермской области) — советский, российский археолог,

доктор исторических наук, профессор. Окончила исторический факультет Пермского госуниверситета (1962). Директор Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете. Бессменный руководитель Камско-Вятской экспедиции. Основатель современной концепции этнокультурогенеза средневековых народов Приуралья. Автор фундаментальных работ по пьяноборской, ломатовской и неволинской культурам Среднего и Верхнего Прикамья. Основатель удмуртской историко-археологической научной школы.

Здесь, на городищах Иртяшского микрорайона (Гусева Гора, Семеновский Остров, Иртяш II, Шатанов I), содержащих керамический материал гамаюнской и иткульской культур, обнаружены сосуды позднесаргатского (кашинско-прыговского) облика, отдельные экземпляры которых, судя по их форме и орнаментации (резная и гребенчатая елочка, гребенчатый зигзаг, вертикальные и наклонные ряды гребенчатого штампа), можно отнести к праневолинской керамике. Безусловно, сосуды из этих памятников имеют региональные особенности, что позволяет говорить о том, что, вероятнее всего, здесь, в горнолесной зоне Южного Урала шел процесс активного смешения местного позднеиткульского и пришлого позднесаргатского населения, результатом чего стало формирование вышеописанных особенностей в керамическом комплексе иртяшских городищ. Дальнейшее продвижение, возможно, происходило по долинам рек Ай и Уфа. На это указывают находки керамики на поселении Месягутово III (месягутовское Предуралье, среднее течение реки Ай), исследованные Ф. А. Сунгатовым [367]. По внешнему облику сосудов (закрытые чаши, невысокие горшки с прямой шейкой) и стилю орнаментации (резная елочка, гребенчатый зигзаг, вертикальные и наклонные пояски крупногребенчатого штампа, наколы) их можно отнести к неволинским формам. Керамика

подобного облика, обнаруженная при раскопках Бажикаевского городища (расположенного на следующей дистанции означенного вектора движения, в среднем течении Уфы), как уже говорилось, была отнесена В. В. Овсянниковым и Ф. А. Сунгатовым ко второй (бахмутинской) группе [278, рис. 6, 10; 8, 13; 12, 7, 8, 9, 15; 13, 3, 7, 9]. Это вполне закономерно, потому как сосуды вышеописанного облика довольно давно фиксируются среди материалов поселенческих и погребальных комплексов Бельско-Камского бассейна и традиционно относятся к единому бахмутинскому керамическому комплексу [199, табл. 9, 8; 32, 33; 203, табл. II, 4, 9, 10; IV, 1, 14].

Такова картина начальной стадии формирования неволинской культуры и роли зауральского позднесаргатского населения в ее культурогенезе.

Возникнув и окончательно сформировавшись на ранних стадиях (конец IV — VI в.), далее эта культура существует в виде саморазвивающейся системы в региональном пространстве, которое определилось как вмещающий ландшафт нового сообщества. Это достаточно хорошо прослеживается в поселенческих и погребальных традициях. Однако керамический комплекс демонстрирует достаточно яркие разнокультурные компоненты, появившиеся в последующие периоды развития культуры, в особенности на неволинской стадии. На этих этапах, насколько позволяют судить публикации, происходит унификация основных форм посуды: она представлена невысокими приземистыми горшками с прямой шейкой и отогнутым венчиком (впоследствии наблюдается некая динамика увеличения высоты шейки) и традиционными полусферическими мисками. Окончательно утверждаются две основные орнаментальные традиции — резная и гребенчато-шнуровая. При этом в первом случае к изначально существовавшей постсаргатской традиции украшения сосудов резной (гребенчатой) горизонтальной и вертикальной елочкой добавляется новый орнаментальный сюжет в виде резной косой решетки, расположенной, как правило, ниже елочки, по верхнему краю плеча. Керамика со шнуровым орнаментом, появившись на самых ранних стадиях, к неволинскому времени образует устойчивую группу наравне с посудой с резным орнаментом.

При этом наблюдается определенная вариабельность развития керамического комплекса с таким типом орнамента. Если на ранних этапах это были единичные горшки, орнаментированные мелкогребенчатым штампом в виде непрерывных многорядных горизонтальных поясков от плеча к венчику, то к неволинской стадии появляются сюжеты шнуровой орнаментации, усложняются сочетания резного и гребенчатого орнаментов (ниже горизонтального пояса идет резной или гребенчатый зигзаг, ряд из резных или гребенчатых уголков, подковок и наколов), появляются пояски с прерывистым шнуровым орнаментом [82, табл. 202, 1, 12; 203, 2; 83, табл. LVII, 8, 13; LVIII, 1, 14; 84, табл. 47, 1–6].

Таким образом, изменения в составе неволинского керамического комплекса фиксируют как минимум два этапа культурных инноваций, связанных, вероятнее всего, с притоком новых групп зауральского населения. При этом данные импульсы, условно названные бакальским и петрогромским, имеют различную культурную и территориальную локализацию. Выше мы уже говорили о южных маршрутах миграции населения бакальского ИКГ — в долины рек Уфа и Белая. Вероятнее всего, после начала распада этого горизонта (после VI века н. э.) в течение VII века часть бакальского населения также передвигается из Притоболья вверх по долине Исети на Чусовую и Сылву, что и отразилось на появлении бакальской керамики или бакальских орнаментальных традиций (косая решетка, наколы, жемчужины, скошенный внутрь венчик, насечки по венчику) на материалах неволинской стадии.

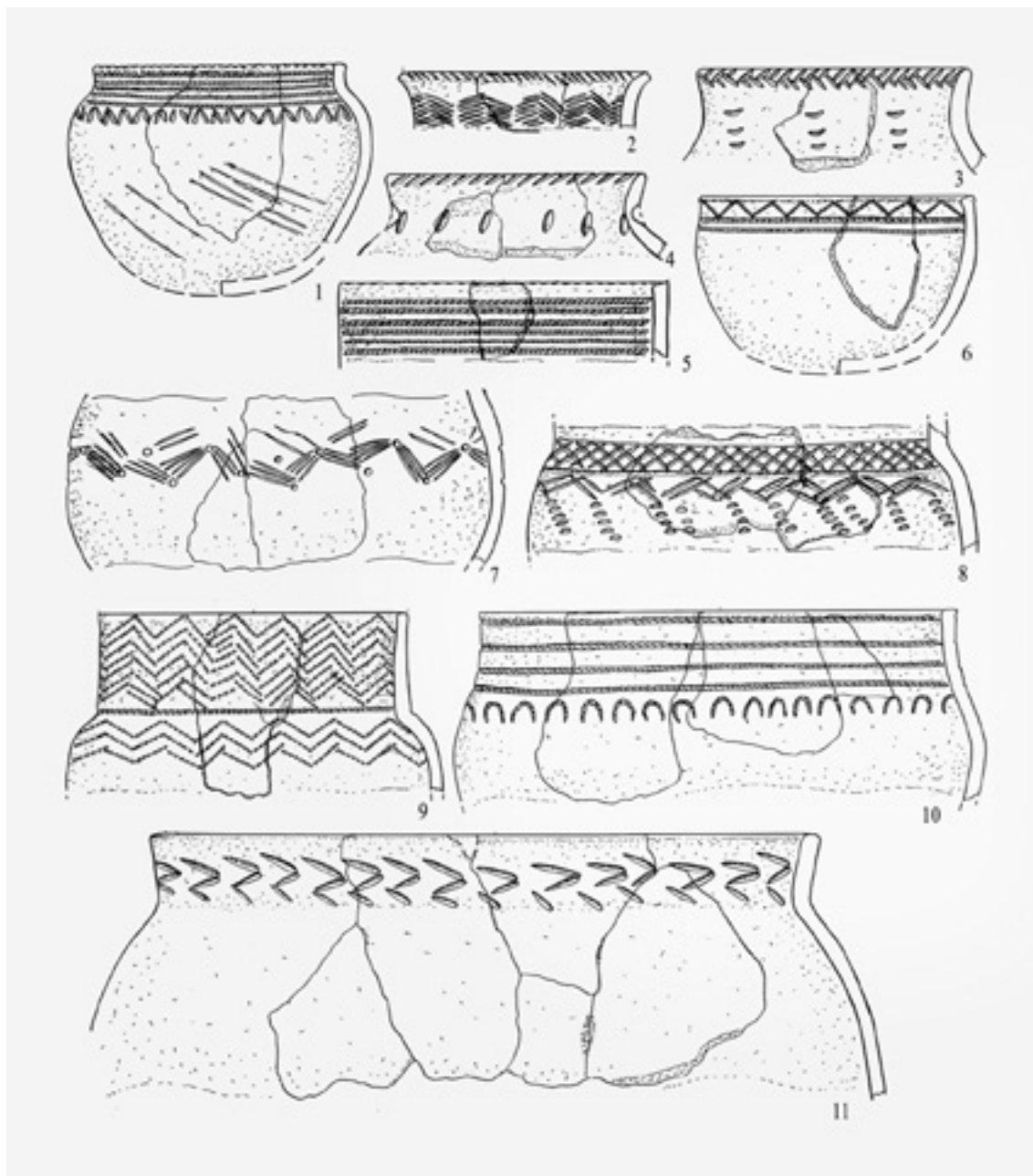
Примерно в этот же период (VI–VII вв.), по мнению И. Ю. Пастушенко, происходит и проникновение зауральского населения — носителей тальковой шнуровой керамики петрогромского типа — в районы Сылвенского-Иренского поречья [287, с. 116]. По мнению екатеринбургских коллег, это движение шло из горнолесных районов Среднего Зауралья [34; 62]. Хотя, как считает В. М. Морозов, носители шнуровой керамики в районах Среднего Зауралья также являются пришлыми по отношению к местному населению [259, с. 111]. Они проникают сюда в более ранний период, в IV–V веках, с северных таежных территорий.

Вероятнее всего, утверждение шнуровых традиций (равно как и постсаргатских, бакальских) в неволинской среде следует связывать также с неволинской стадией (конец VII–VIII в.). Однако, в отличие от постсаргатских (кашинско-прыговских) и бакальских инноваций, приток зауральского населения петрогромско-юдинского ИКГ происходит не разово, а в виде длительной инфильтрации, продолжавшейся более полутора тысячелетия. При этом расширение ареала петрогромско-юдинского населения шло не только в западном направлении. В районах горнолесной зоны, лесостепи Южного Зауралья сегодня известно достаточно много памятников и находок сосудов с гребенчато-шнуровой орнаментацией петрогромско-юдинского облика (Средний Шихан, Шершни, Малышево, Смолино). Некоторые находки позволяют говорить об опре-

деленной культурной синхронности появления отдельных сосудов на юге зауральской лесостепи и в неволинских материалах.

У части керамики петрогромско-юдинского облика из исследованной недавно В. И. Юриным Зотинской пещеры на реке Багаряк (сосуды с гребенчатым и шнуровым орнаментом в виде поясков, зигзагов, резных вертикальных подковок и горизонтальных уголков) имеются прямые аналоги среди материалов неволинской стадии.

Еще один сюжет возникает при интерпретации особого типа посуды, которая тоже большей частью характерна для неволинской стадии. Речь идет о сосудах с ушками или их имитацией. Эти горшки в большинстве своем имеют гребенчато-шнуровую орнаментацию. Значительное количество горшков с ушками известны в уелгинском комплексе. Этот

Керамический комплекс Зотинской пещеры. Раскопки В. И. Юрина

факт также позволяет говорить об единых центрах зарождения и распространения — по всей видимости, в пределах горнолесных и таежных районов Среднего Зауралья.

Возвращаясь к Ингалинскому святилищному комплексу, речь о котором шла в четвертом томе, отметим, что керамический комплекс памятника представлен фрагментами пяти сосудов. Один из них — круглодонный горшок с короткой шейкой, косым венчиком, орнаментированный гребенчатым штампом в виде характерных горизонтальных рядов ромбов и отходящих вниз трех лучей умбона, — относился к потчевашским образцам, у другого — высокой толстостенной плавнoproфилированной вазы с сужающейся сверху прямой шейкой, изготовленной из характерного грубого теста, — имеются прямые аналоги среди образцов посуды из курганов с «усами» и сосудов селенташского типа. И, наконец, имеются фрагменты и черепок от сосудов, орнаментированных косой елочкой, наколами, а также косой решеткой, которые могут быть отнесены как к бакальским, так и к неволинским образцам.

Аналогично распределяется и металлический инвентарь. Птицевидные и антропоморфные подвески характерны для западносибирских памятников карымского и релкинского круга. Инкрустированные стеклянными и каменными вставками геральдического пояса, серьги и браслеты относятся к ярким образцам степных древностей прото-

мадьярского круга. Пояс позднегеральдического типа с прорезной орнаментацией — яркий маркер материалов неволинского типа [82, табл. 37, 62; 83, табл. XXX, 46–56]. Хотя все они в разной степени, так же как и керамика, могут быть отнесены к степным протомадьярским древностям.

Еще одним ярким примером комплекса неволинского типа является поясной набор (грабительские раскопки) из могильника Калкан в Башкирском Зауралье (Учалинский район). Ажурная серебряная пряжка и характерные накладки идентичны неволинской поясной гарнитуре VIII века.

Особо отметим, что, говоря о зауральском инкультурном влиянии, инфильтрациях и перемещениях населения в неволинскую среду Камского Приуралья, автор вовсе не намеревался говорить о некоей миграционной доминанте в формировании прикамских культур. Как нам представляется, все взаимонаправленные изменения и перемещения, так или иначе, происходили в рамках урало-западносибирского лесостепного единства, существовавшего с глубокой древности до позднего Средневековья. В конкретном же случае блок культур, сформировавшись на ранних этапах харинской и бродовской стадий (конец VI — VII в.) неволинского ареала под бесспорным влиянием постсаргатско-прыговских поздних групп саргатского населения Южного Урала и Зауралья, фактически на самом раннем этапе представлял собой большой пласт местного (прикамского) населения.

Таким образом, неволинская культура с момента возникновения и до самой последней стадии своего существования испытывала постоянное воздействие со стороны населения Зауралья. Механизм этого взаимодействия, вероятнее всего, не был прямолинейным и односторонним. С распадом позднесаргатского (прыговского) (IV в.) и бакальского (VI–VII вв.) ИКГ мы наблюдаем, скорее всего, единоразовые или перманентные импульсы, которые отразились на неволинском керамическом комплексе (сосуды с резным орнаментом в виде горизонтальной и вертикальной елочек, косой решетки, с косыми оттисками гребенчатого штампа, зигзагами, наколами). Проникновение носителей раннепетрогромских традиций (керамика с гребенчатой орнаментацией), начавшееся в VI веке,

Инвентарь. Могильник Калкан.
Учалинский район. Башкирия

продолжалось длительный период (до чияликского времени — XIII–XIV вв.) и, вероятнее всего, носило такой же перманентный инфильтрационный характер.

Данное разнокомпонентное синкретическое разнообразие неволинской культуры окончательно складывалось на неволинской стадии и в последующее время. Вероятнее всего, оно существовало в рамках большого среднеуральского единства, которое возникло между Прикамьем и Зауральем в период формирования петрогромско-юдинского ИКГ. По всей видимости, в данный период культурные и хозяйственные связи возникали и реализовывались в самых различных направлениях в рамках этого гигантского лесостепного пространства от Волги до Иртыша.

Месторасположение раскопа 2010 года
Границы могильника по результатам топографической съемки 2010 года

Топографический план.
Погребальный комплекс Уелги

Урало-казахстанское и алтайское единство в недрах некрополя Уелги

В июле 2009 года на сайте поисковиков (domongol.ru) появилась информация об очень интересных находках, датированных IX–XI вв. Это были многочисленные бронзовые и серебряные предметы из ременной гарнитуры, конской узды, украшения и элементы вооружения. После недолгих выяснений обстоятельств обнаружения этих предметов оказалось, что они были в составе поверхностных сборов, сделанных по берегам озер Уелги и Сайгырлы в семи километрах от поселка Кунашак. Так был обнаружен Уелгинский могильник.

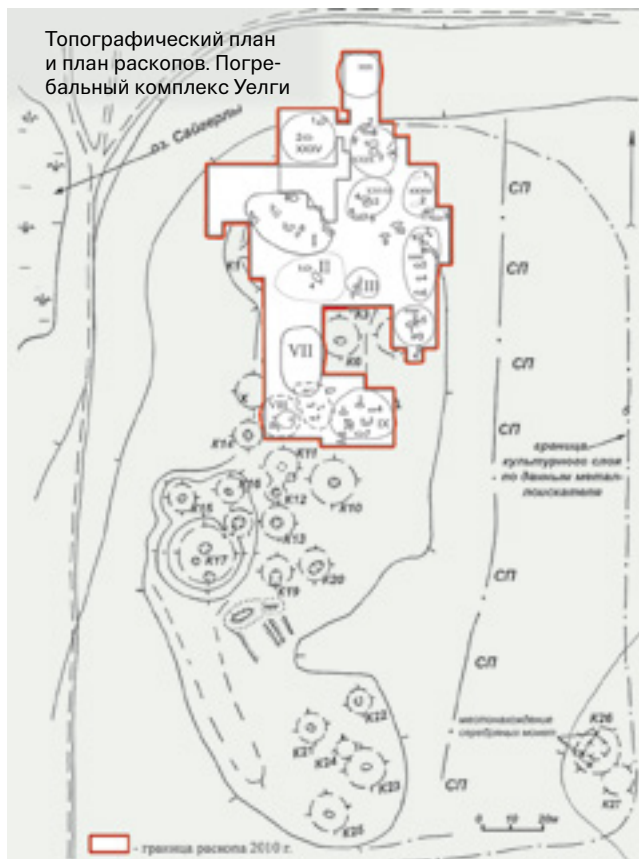
В ходе разведочных работ в 2009 году был сделан план и описаны основные характеристики памятника. Он занимает площадку размером 120×300 м и охватывает небольшие береговые возвышения — останцы террас на межозерье Уелги и Сайгырлы. Первоначально на площадке было зафиксировано чуть более тридцати небольших курганных насыпей.

Первые раскопки проводились в 2010 году. Все могильное поле исследовалось с применением сплошного раскопа (поселенческая методика), ввиду того что курганные насыпи располагались достаточно близко друг к другу, фиксировались случаи досыпок курганов, а также потому, что в результате древних ограблений предметы из вещевого комплекса были разбросаны на значительной площади. Было выявлено, что первоначальные курганные насыпи испытали многократные пристройки, причем происходило наложение одних на другие. В этой связи количество раскопанных насыпей увеличивалось с каждым годом. Под каждым из них содержалось от двух до десяти и более погребений.

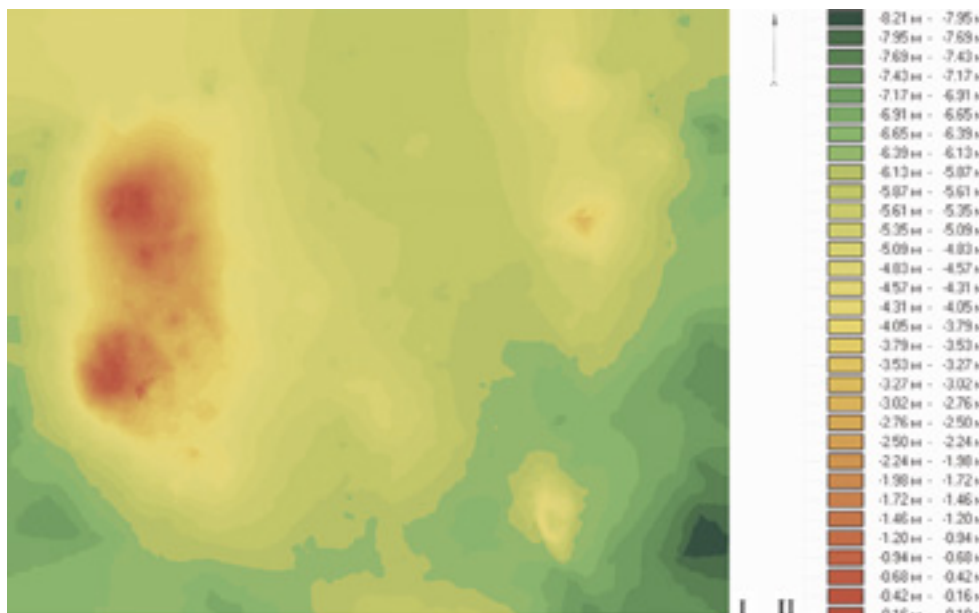
За все время исследований (2010–2017) было вскрыто до шести тысяч кв. м площадки памятника, расчищены более 80 погребений, два жертвенника, один тайник. Несмотря на то, что в 2009 году произошло разграбление могил в приповерхностной части памятника (его достаточно оперативно остановили), в течение двух недель археологам удалось собрать внушительную коллекцию (до 300 ед.) артефактов, которые при самом поверхностном рассмотрении датировались ранним IX — XI в.

и разделялись на несколько стилистических групп. Впоследствии эти данные убедительно подтвердились по результатам продолжившихся археологических раскопок.

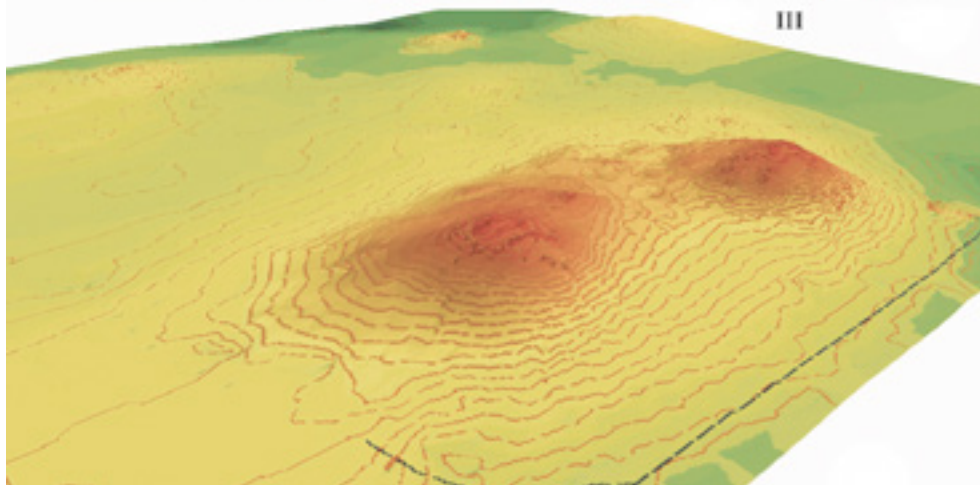
Предметы из стилистической группы 1 преимущественно не орнаментированы и изготовлены из бронзы, реже из серебра. Общий контур прямой, волнистый. Отличительные декоративные особенности — оформление псевдопетельчатых, лепестковых, когтевидных выступов и наличие нервюры или валика по центру. Отдельную категорию составляют лунницевидные (билунницевидные) с парными выступами накладки. По аналогии с материалами из памятников Южного Приуралья группа может быть датирована периодом от IX до XI века, преимущественно X–XI веков [110, с. 143–149, рис. 1–35, 36, 41; 201, с. 136, рис. 6–16, 17а, 21, 25, 30в]. Некоторые варианты лунницевидных и бабочковидных накладок встречаются далеко на западе — в памятниках субботцевского типа [420, с. 64–66].

Стилистические группы выделялись по общей форме изделий, наличию и характеру орнамента, его декоративных элементов, технологическим особенностям. Все это позволяет определить историко-культурные и географические ареалы бытования изделий.

Могильник Уелги. I — матрица высот; II — шкала относительных отметок; III — 3D модель (вид с северо-запада)

Инвентарь, стилистическая группа 2 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги

Инвентарь, стилистическая группа 1 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги

Стилистическую группу 2 составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии на Южном Урале, в Казахстане и Восточной Европе. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники с золотой амальгамированной поверхностью, соотносимые с материалами Лагеревских, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских курганов Южного Урала [200, с. 87–113; 201, с. 132–135]. Рассматриваемую группу можно отнести к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы имеют сходство с хазарской (салтовской) стилистикой [296, с. 62–75].

Стилистическая группа 3 — «венгерская». В нее входят в основном серебряные предметы с золотой плакировкой (с позолотой). Среди орнаментальных мотивов помимо растительного (трилистник либо четырехлепестковый рисунок) присутствует зооморфный и антропоморфный. Бордюр декорирован чередующимися овалами и кружками.

На сегодняшний день мы можем очертить ареал этой группы: Южное Зауралье (Уелги, Синеглазово), Южное Приуралье (Каранаево) [201, с. 132, рис. 4–33, 34], Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский могильники) [138, с. 162, рис. 1; 395, с. 170–171, рис. 11, 12], Приднепровье (памятники типа Субботцев) [420, с. 65, рис. 3; 6: 10–13; 8: 5–8]. Похожие накладки обнаружены и в развеянном погребении близ поселка Эмба [37, с. 62 — 64].

Стилистическая группа 4 — восточно-казахстанская, алтайская. Предметы с толстыми стенками, выраженными бортиками. Растительный орнамент с обилием завитков, распространенный мотив на сердцевидных накладках — цветок в профиль. Округлые накладки с розеткой обнаружены на могильниках Гилево IV (курган 1), Гилево V (курган 6), Гилево VII (курган 4) и др. [251, с. 144, рис. 18; с. 153, рис. 25; с. 176–177, рис. 47, 48].

Подобные уздечные наборы с растительным орнаментом, предметы вооружения, украшения характерны для памятников сrostкинской культуры

Инвентарь, стилистическая группа 3 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги

Верхнего Приобья. Наборы конской узды из Уелгинского могильника имеют артефакты, фактически аналогичные изделиям из алтайских комплексов. Предметы орнаментированы, большинство из них позолочены. Наиболее распространен геометрический орнамент (линии, «сетка», их сочетание и др.), в композиционном исполнении отмечаются симметрия, чередование. Растительный орнамент стилизован.

Стилистическая группа 5 — лесная уральская. Аналоги таких вещей происходят из памятников неволинской культуры (неволинской и сухоложской стадий), урынской стадии ломоватовской культуры [81, с. 230, табл. XXII, 31–35; рис. 16; 83, с. 165, табл. LXVIII, 42, 43], а также из памятников в Западной Сибири и лесном Зауралье. В изобразительных сюжетах распространены антропоморфные (личины, человеческие фигуры) и зооморфные

Инвентарь, стилистическая группа 4 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги

Инвентарь, стилистическая группа 5 (цветной металл). Погребальный комплекс Уелги

Табаристанская драхма (788–789 гг.). Погребальный комплекс Уелги, курган 23 (по заключению К. В. Кравцова)

Аббасидские дирхемы (911–926 гг.). Найдены во второй части могильника вблизи курганов 26, 27. Погребальный комплекс Уелги, (по заключению Д. Г. Мухаметшина)

мотивы. Кресала с антропоморфно-зооморфными мотивами известны в марийских памятниках.

В настоящее время мы располагаем фрагментами более 50 сосудов. Они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковского и караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Отметим, что в полевом сезоне 2013 года в насыпи кургана 9 (в непосредственной близости от курганов 7 и 8) обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковского облика. Горшки с орнаментацией шнуровым крупногребенчатым и плоским фигурным штампом, а также сосуды с ушками и большой примесью талька в тесте указывают на сильное влияние со стороны лесного, вероятно, петрогромского и юдинского культурных ареалов. Следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и таежно-лесного населения — носителей шнуровой керамики, наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана.

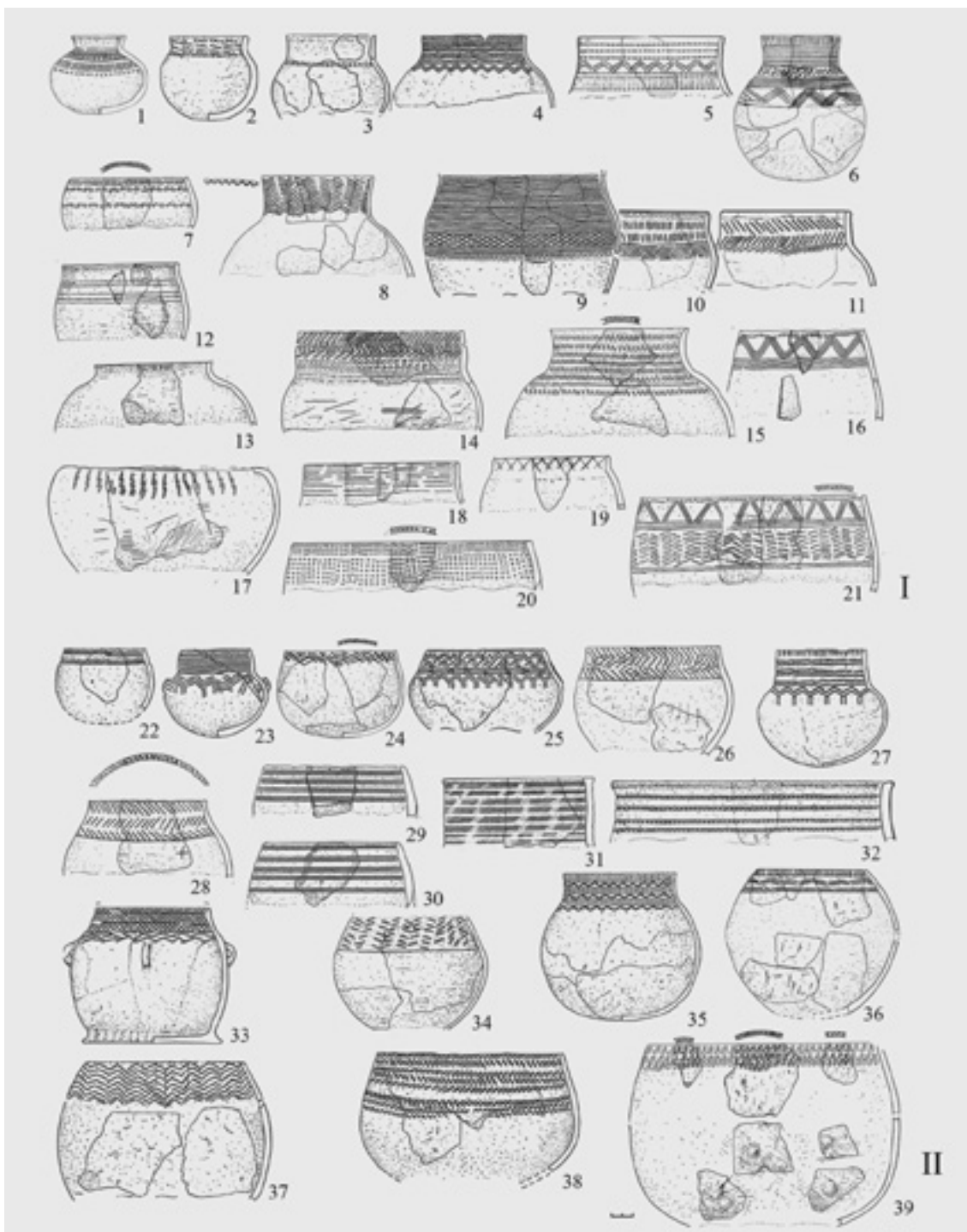
Хронология существования могильника Уелги в настоящее время может быть восстановле-

на по данным радиоуглеродного анализа. Первые корректные даты получены для нескольких объектов: погребения 5 из кургана 7 (две пробы) и погребения 1 из кургана 3 (три пробы). Комбинирование результатов дало следующую картину. Первоначально общий диапазон совершения погребения 1 в кургане 3 — от 890 до 1020 года н. э. (95,4 % вероятности) с наиболее вероятным пиком (47,2 % вероятности) от 945 до 995 года н. э. Погребение 5 кургана 7 датируется периодом от 890 до 1040 года н. э. (95,4 %), а более узко (68,2 %) — от 970 до 1025 года н. э.

Однако с расширением площади раскопок и по результатам исследования более ранних курганов обнаружилось, что начальную дату существования некрополя следует скорректировать. Так, наиболее ранее погребение 16 из кургана 32 дало радиоуглеродную дату от 803 до 842 года. Таким образом, сочетание радиоуглеродного датирования и традиционного метода археологического типологического сравнения дало общую дату существования Уелинского некрополя — от первой половины IX века до середины XI века.

Керамический комплекс. Могильник Уелги. Курганы 1, 2, 7, 9

Керамика погребального комплекса Уелги. I — кушнаренковско-караякуповский тип; II — петрогромско-юдинский тип

Наиболее позднюю дату (помимо радиоуглеродного верхнего значения) дают найденные монеты-подражания саманидским дирхемам. По заключению Джамия Мухаметшина (Казань) первая монета – подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада. Круговая легенда одна, это характерно волжско-булгарским подражаниям. Надписи искажены. Халиф Ал-Муктадир (908–932), саманидский эмир Наср б Ахмад (914–943). Вторая монета – Ал-Мути биллах (946–974), Нух б. мансур (976–997). Самарканд, год? Имя саманидского эмира искажено (возможно, Нуха б. Мансура). Эти монеты содержались в подъемном сборе из кургана 26, занимавшего крайнюю юго-восточную точку на значительном удалении (сто метров) от основной группы курганов могильника. Учитывая период хождения этих дирхемов в среде средневековых кочевников, можно предположить, что они попали в уелгинское погребение самое раннее в конце X или в середине XI века.

Постепенно, по мере формирования уелгинской коллекции, стала выявляться и культурная разнокомпонентность керамического материала. Первоначально стало очевидным, что горшки из Уелгов делятся на две магистральные группы. Условно их можно назвать зауральской лесной и зауральской лесостепной.

Первую группу (зауральскую лесную) составляют круглодонные и плоскодонные сосуды со шнуровой орнаментацией. Несколько сосудов имеют характерные ушки для подвешивания. Этот тип керамики был распространен у населения петрогромской культуры в лесном Зауралье. Встречается он и в предуральских памятниках неволинской культуры в Сылвенском Предуралье. Вторая группа (зауральская лесостепная) представлена уже упоминавшимися горшками кушнаренковского и караякуповского облика. Однако во втором случае круглодонные караякуповские горшки с резной, прочерченной, гребенчатой и плоскоштамповой орнаментацией несут сюжеты, характерные для керамики бакальского ИКГ, которые складываются в нем с позднесаргатского времени. В орнаментации резной елочкой наряду с бакальскими угадываются и неволинские сюжеты. Если принять во внимание, что на позднем этапе существования могильника

у населения сrostкинской культуры исчезла традиция помещения керамической посуды в могилы при захоронении умерших, что, собственно, видно по погребениям с материалами алтайского облика (группа 4), становится очевидным, что керамический комплекс Уелги обладает культурным многообразием.

Десятилетние исследования Уелгинского некрополя выявили до двух десятков курганов, под которыми были совершены более 80 достоверно установленных погребений. Однако, кроме могильных ям, там были обнаружены и многочисленные жертвенники с костями и черепами животных (в основном лошадей) и несколько ямок с тайниками, содержащими различные артефакты. Таким образом, выбор методики сплошного раскопа оказался верным и оправданным, несмотря на значительное увеличение трудозатрат.

На первый взгляд, погребальные обряды некрополя Уелги демонстрируют общие типологические черты, однако при детальном рассмотрении комплексов были выявлены весьма важные и интересные детали. Каждый год раскопок приносил все больше вопросов. Стало очевидным, что ни один комплекс (насыпь кургана, подкурганная площадка и могильные ямы) не походил на другой. Были ли это семейные захоронения или какие-либо внутриродовые мемориальные сектора сказать трудно. Вся картина, бесспорно, смазывалась ввиду тотального разграбления могильника (ему подверглось до 90 % захоронений). В этой связи совершенно невозможно было определить точный половозрастной состав погребенных под каждым из курганов. Также трудно было восстановить и внутреннюю стратиграфию курганных комплексов. В курганах других эпох часто четко фиксируется периодичность появления отдельных ям, так как земляные выкиды из поздних ям перекрывают выкиды из более ранних погребений. В нашем случае чаще всего фиксировались выкиды из грабительских ям. Создавалось впечатление, что погребения совершались в неглубокие ямы прямо с поверхности, а затем, спустя какое-то время, группы погребений (от двух до шести) покрывались гумусной насыпью. При этом на погребальной площадке в относительной близости от могил сооружались жертвенные

Археологические раскопы
2015 года. Погребальный
комплекс Уелги

Археологические раскопы
2010 года. Погребальный
комплекс Уелги

Археологические раскопы
2012 года. Погребальный
комплекс Уелги

вымостки из голов и конечностей лошади. Причем это могли быть выкладки из костей от одного животного, а также гигантские скопления костей более двух десятков лошадей. Судя по неразграбленным погребениям и общей ориентировке могильных ям, покойники укладывались по линии 3–В с отклонением (по сезонам) в юго-западный либо (реже) в северо-западный сектора. Особым образом из этого числа погребений с ингумацией, то есть труположением, выделялись три погребения воинов-лучников, которые оказались неразграбленными (погребение 16 в кургане 32, погребение 12 в кургане 11, погребение 1 в кургане 14). В них были обнаружены колчаны со стрелами. Вероятно, там же лежали и луки, хотя достоверно присутствие лука удалось зафиксировать лишь в одном погребении — там сохранились специальные костяные накладки, усиливавшие убойность оружия. Приведем краткое описание этих трех захоронений.

Курган 32, погребение 16. Расположено на юго-восточной периферии кургана 32, а также на западной периферии кургана 10 (в этой части насыпь кургана 10 перекрывала курган 32). Ориентировано по линии 3–В. Имеет полуовальную форму.

Захоронение произведено на глубине 50–55 см с небольшим впуском в районе нижних конечностей и головы. В ногах покойного находились сосуд и мелкие кости животного. С левой стороны у бедра располагалась срединная костяная накладка на лук (две концевые отсутствовали). У костей таза сохранились распределительные кольца с колчанного ремня, а также железный колчаный крюк. На одном из пальцев правой руки обнаружено наполовину сохранившееся железное кольцо. У правой стороны грудной клетки, возле плечевого сустава найдено шесть корродированных железных наконечников стрел. Справа возле черепа находилась берцовая кость лошади.

Курган 11, погребение 12. Расположено на восточной периферии кургана 11, вблизи западной оконечности кургана 32. Ориентировано по линии 3–В. Имеет подпрямоугольную форму. Захоронение произведено на глубине 10 см. На левом колене погребенного находилось стремя, чуть поодаль от правого колена — удила с железным и костяным псалиями, железный нож. Чуть выше кости ноги, ближе к тазобедренному суставу, располагался выложенный полукругом небольшой пояс, состоящий из 11 сердцевидных накладок и пряжки. Чуть выше

Жертвенник из костей животных. Могильник Уелги. Раскопки 2012 года

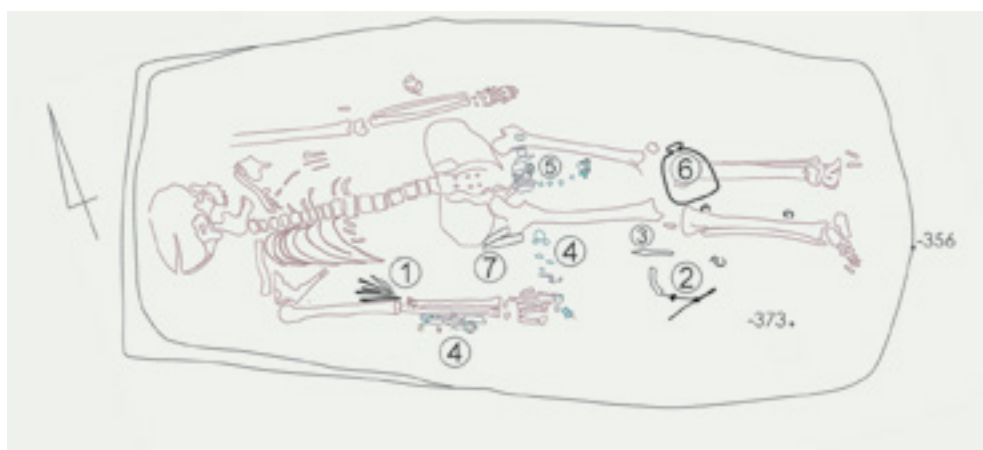

Общий план и инвентарь погребения лучника. Могильник Уелги. Реконструкция лучника по материалам погребения

Расчистка и общий план погребения лучника. Могильник Уелги

Расчистка, общий план и детали (предметы конской упряжи, наконечники стрел) погребения лучника. Могильник Уелги. Раскопки 2017 года

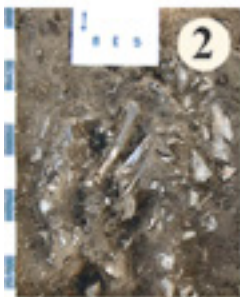
Воинское погребение.
Могильник Уелги, курган 11, погребение 6.
Раскопки 2019 года

него от правого запястья по контуру тазобедренного сустава тянулся второй пояс, состоящий из трех распределительных колец, нескольких накладок и пряжки. Сверху он был частично перекрыт древесным тленом. Чуть выше у левого бедра располагалась составная срединная накладка на лук, состоящая из трех частей (две концевые отсутствовали). С правой стороны груди у костей рук находился колчан, состоящий из четырех железных и двух костяных наконечников стрел.

Курган 14, погребение 1. Расположено на юго-восточной периферии кургана 14. Ориентировано по линии 3–В. Имеет полуовальную форму. Захоронение произведено на глубине 20 см. Справа у нижних конечностей погребенного обнаружены железные удила с костяными псалиями. Чуть выше располагалась костяная пряжка. На левой стороне возле бедра лежала бедренная кость лошади (на кисти руки), возле нее — железный нож. На правой стороне возле руки находилась срединная накладка на лук, состоящая из двух частей (концевые накладки отсутствовали). Возле правого плеча обнаружен колчан, содержащий два массивных костяных и три небольших железных наконечника стрел. У южного края могильной ямы обнаружена серебряная накладка неизвестного назначения (вероятно, служила для украшения колчана).

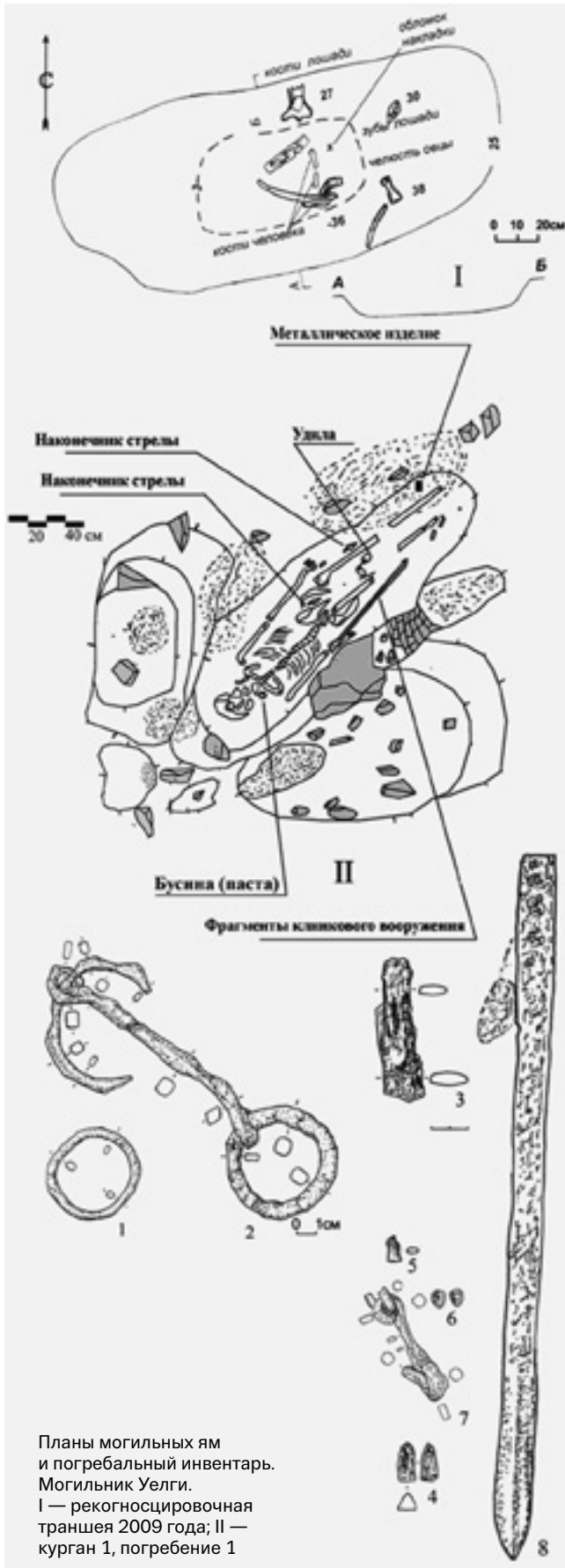
Из числа погребенных легковооруженных воинов особо выделяется воинское погребение из кургана 11, исследованное в 2019 году. Это был мужчина среднего возраста, похороненный в дощатом гробу. Вещевой инвентарь его составлял весь комплект вооружения воина-всадника: наборный пояс,

План могильной ямы и погребальный инвентарь.
 Могильник Уелги.
 Погребения с кремацией:
 1 — курган 1, погребение 5;
 2, 3 — курган 31

Кыргыз.
 Реконструкция

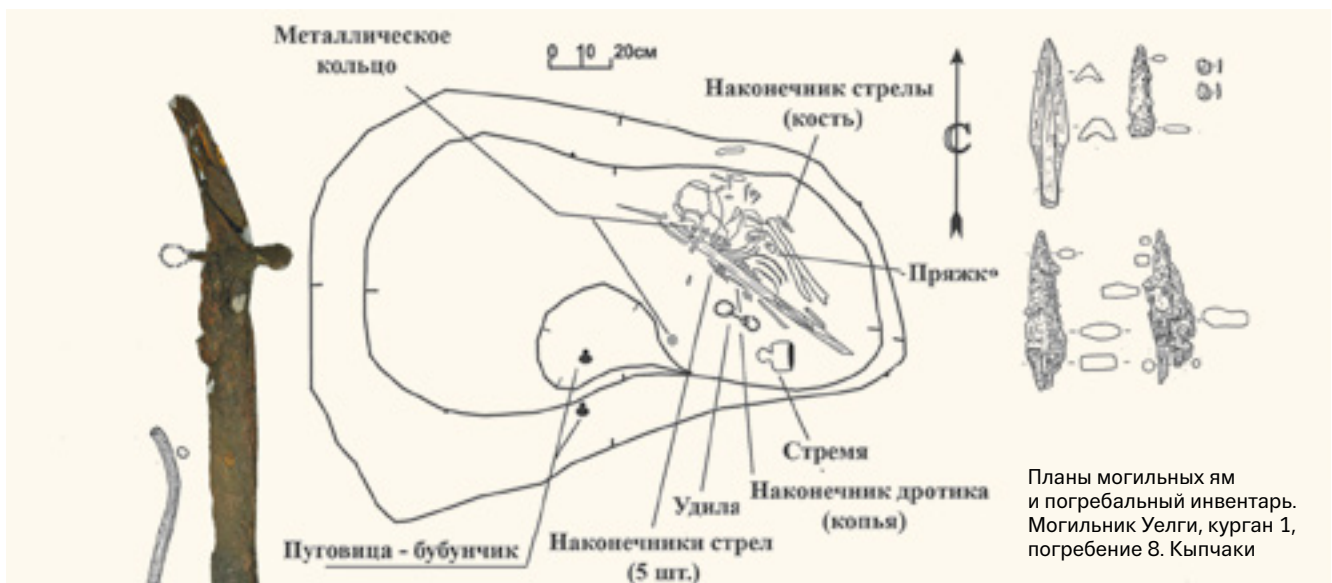

колчан, лук, нагайка, сабля, кинжал или короткий меч в серебряных ножнах. В головах его было уложено седло, а в ногах установлен кушнарниковский горшок. По всем приметам это погребение принадлежало грозному южноуральскому кочевнику IX века.

Особый интерес представляет группа погребений из трех курганов (1, 6, 31), где зафиксирован обряд трупосожжения. Эти курганы уже визуально отличались по характеру насыпей. Они были сложены из интенсивно обожженного на стороне

грунта, а в погребениях находились лишь остатки кальцинированных костей погребенных и их вещей. В этом погребальном обряде угадывалось явное влияние традиций алтайских племен так называемой сроткинской культуры. К этой же группе, по всей видимости, относятся и более поздние погребения воинов с саблями из курганов 1 и 7, что подтверждается найденными в них предметами из ременной гарнитуры четвертой (алтайской) стилистической группы. Отличительной особенностью могил в этих курганах является отсутствие кера-

мической посуды. Найденные в этой погребальной группе сабли, колчаны с бронебойными наконечниками стрел и, наконец, части сложного ламеллярного доспеха (панцирного типа), сложенного из многочисленных стальных пластин, ярко выделяют эти погребения на фоне уелгинских комплексов. Погребальный обряд и сопровождающий материал (стилистическая группа 4) позволяют соотнести эти погребения с новой волной миграции кыпчако-кыргызского населения, пришедшего в X–XI веках из Саяно-Алтайских предгорий на Южный Урал,

чтобы присоединить его к своим владениям. Вероятно, население этой наиболее поздней волны окончательно перекрыло и видоизменило погребальную культуру Уелгинского комплекса.

Нельзя утверждать, что вновь пришедшие в Уелгинское урочище обитатели намеренно грабили или разрушали более ранние могилы. Хотя все указывает на то, что большая часть погребений действительно была потревожена именно в древности: разорители точно знали их местонахождение. При этом они не особо заботились о содержимом мо-

Общий вид и детали погребального обряда. Могильник Уелги, курган 32, женское погребение в насыпи кургана

Степень разграбления захоронений. Могильник Уелги. Курган 29, погребения 1, 2

гил, на что указывает огромное количество выброшенных и оставленных на поверхности достаточно дорогих по тем временам предметов. Хотя кости погребенных подвергались особому измельчению. Эта традиция преднамеренного разграбления требует особого осмысления.

Несмотря на указанные обстоятельства за десять лет работы на памятнике удалось исследовать значительное количество и не разграбленных комплексов — погребений людей, а также тайников и захоронений взнузданных лошадей. Первые относительно не тронутые грабителями погребе-

Детали головного убора и графическая реконструкция. Могильник Уелги, курган 32

ния содержали останки женщины и ребенка. Так, в насыпи кургана 32 располагалось женское погребение. Разрушенной оказалась лишь нижняя его часть (ноги). Погребение было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Археологами был расчищен частично разрушенный скелет (сохранилась лишь верхняя его часть). Скелет принадлежал женщине возрастом старше 55 лет, при которой были обнаружены остатки богатого костюма. Внимание в первую очередь привлекает головной убор, от которого сохранился ряд плотно расположенных билунницевидных накладок, закрепленных на коже, а затем на берестяной полоске. Вероятно, это налобная диадема, в композиции которой прослеживается симметрия (по 16 накладок с каждой стороны), центральное место на лбу занимала гантелевидная накладка. Сверху на бляшках сохранился фрагмент грубого текстиля — вероятно, остатки савана, в который была завернута погребенная. У правого и левого висков расчищено по плоской серьге. В области шеи обнаружены бусины, бубенчики и серебряная сердцевидная подвеска — остатки нагрудного ожерелья. В комплект бусин входят 20 экземпляров: четыре костяных, восемь каменных, восемь стеклянных (две розовые и шесть голубых).

Курган 32, детское погребение (№ 11). Возраст погребенного четыре-шесть лет. Рядом с ним обнаружен разнообразный инвентарь. На уровне пояса находился ремень с шестью бляшками и четырьмя тренчиками, порядок расположения которых удалось проследить. Пряжка не была обнаружена — возможно, пояс подвязывался. На левой руке расчищен браслет, у височной части черепа — серьга. Ниже пояса находился перстень. В ногах стоял керамический сосуд, а немного выше погребенного (справа, ближе к ногам) зафиксированы костные остатки двух мясных кусков лошадиной туши. Состав инвентаря (пояс с серебряными накладками, перстень, серьга) довольно определенно указывает на высокий социальный статус погребенного.

Вещевые наборы достаточно типичны для южно-уральских погребений в некрополях Башкортостана (курганы Лагеревские, Бекешевские, Хусаиновские). Подобная диадема была обнаружена в кургане 42 Лагеревского могильника.

Интересно, что изобразительный образ билунницевидных накладок с двумя сферическими отростками по краям несет определенную семантическую нагрузку. Неслучайно этот сюжет является связующим обрамлением изображений на золотом кувшине из клада, обнаруженного в местечке Надь-Сент-Миклош.

Детское захоронение. Могильник Уелги, погребение 11

Общий вид,
детали
погребаль-
ного обряда,
графическая
реконструк-
ция костюма.
Могильник
Уелги, кур-
ган 32, детское
погребение 11

Надь-Сент-Миклошский (Надьсентмиклошский)

клад — клад, обнаруженный в 1799 году близ деревни Надь-Сент-Миклош недалеко от города Сегедина. Содержал 23 золотых сосуда — кубки, кувшины, блюда и один ритон, — щедро украшенные изображениями людей, птиц, зверей, крылатых чудовищ, растительным и геометрическим орнаментом. На одном из кувшинов изображения

(всадник в кольчуге, ведущий пленника; обнаженная женщина, танцующая с цветами в руках; стреляющий из лука охотник; орел и грифон, терзающий оленя) помещались в круглых медальонах. На ряде сосудов имелись надписи на греческом и тюркском языках. Все сосуды датируются по-разному — в пределах V–VIII вв. Предполагается, что владельцем клада был древнеболгарский вождь.

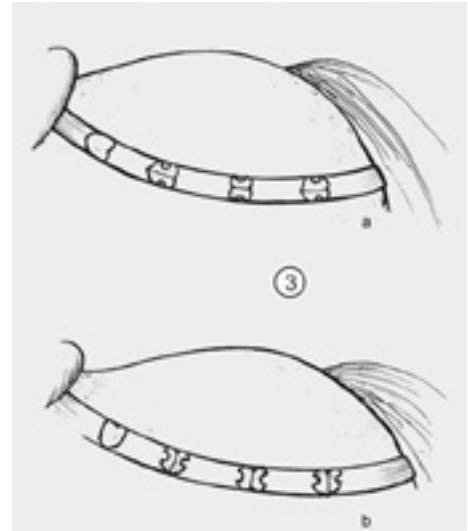
Орнамент на сосудах из Надь-Сент-Миклошского клада

Курган 32, погребение коня (№ 3). Судя по положению костяка, конь лежал на животе, подогнув ноги, и был немного завален на левый бок. Кости были осмотрены непосредственно в поле остеологом Ласло Лихтенштейном (Венгрия), который заключил, что конь в возрасте три-четыре года был умерщвлен специально для захоронения путем перерезания горла. В могиле обнаружен инвентарь, судя по которому, конь был полностью снаряжен. На голову его была надета узда, ремни которой украшены серебряными бляшками. Во рту находились удила с S-видными псалиями и дополнительным кольцом для повода. От петли удил к щечному ремню отходили две бляшки и один распределитель. Ближе к вискам лежал целый ремешок с четырьмя накладками (одна из них концевая). Полевые наблюдения позволяют предположить, что этот ремешок был подвесным и отходил от перекрестия щечного и налобного ремней. Такое же расположение бляшек зафиксировано и с левой стороны черепа. О наличии седла свидетельствуют серебряные пластинки-скобы, украшавшие переднюю луку. Седельный набор включал также одно стремя и железную подпружную пряжку, крепившую ремень седла под животом лошади. Стремя, вероятно, пришедшее в негодность, было отремонтировано специально для захоронения. В районе крупы обнаружено восемь серебряных блях в форме якорьков и сдвоенных лунниц, украшавших крупный ремень — по четыре с каждой стороны. Авторами раскопок приведено два варианта расположения бляшек, однако не исключено, что они подвешивались на дополнительных ремешках. Данный набор конской узда также типичен для средневековых комплексов Башкортостана (Лагереvские, Каранаевские, Бекешевские курганы), относящихся к IX веку.

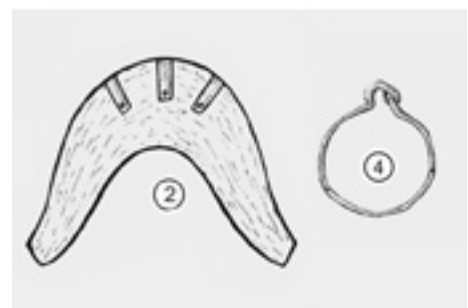
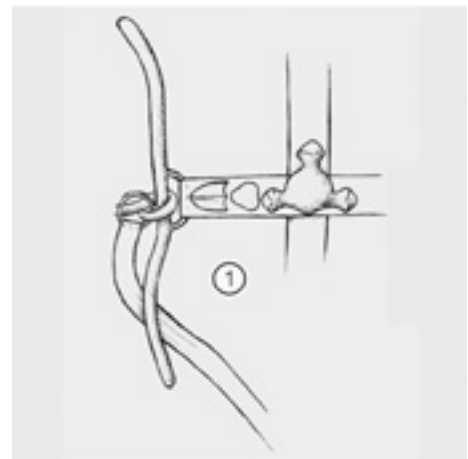
Коллекция предметов из Синеглазовских курганов включает 15 прямоугольных и 23 квадратных позолоченных блях и один крупный наконечник ремня с зооморфным орнаментом. В 2009 году В. С. Стоколос передал этот комплект в Челябинский областной краеведческий музей. Он же уточнил историю обнаружения предметов: они были извлечены рабочими из отвалов разрушенного бульдозером кургана. Комплект включает две

Реконструкция погребения
коня. Могильник Уелги,
курган 32, погребение 3.

1 — удила с псалиями; 2 —
детали оголовья; 3 — стремя;
4 — бляшки крупного
ремня; 5 — декоративные
пластинки седла

Реконструкция конской
упряжи по материалам архе-
ологического исследования
памятника. Могильник Уелги,
курган 32, погребение 3

группы предметов. Первую составляют крупные прямоугольные накладки, вторую — квадратные накладки относительно меньшего размера. Сюда же, судя по ширине, должен относиться и наконечник ремня. Все предметы позолочены, орнаментированы и благодаря выраженному бортику выглядят объемными. Накладки крепились на широкий (подпружный, седельный или нагрудный) ремень. По-видимому, центральную часть ряда занимала концевая накладка с изображением фантастиче-

ского животного, от которой вниз отходил ремень, соединявшийся с подпругой. Накладки из второй группы по ширине подходят для ремней оголовья. Сохранился один ремешок, на котором две накладки прикреплены вплотную друг к другу, поэтому можно предположить такое же плотное расположение остальных деталей. Округлая бляшка могла занимать центральное место на переносице, либо крепиться на месте перекрестных ремней.

Могильник Синеглазово.
Общий вид

Синеглазовские курганы — археологический памятник. Располагались на юго-западном берегу озера Синеглазово.

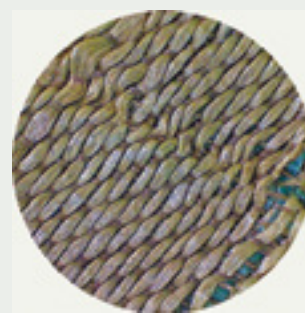
В 1906, 1908, 1909 годах археологи-краеведы Н. К. Минко и С. А. Гатцук исследовали 12 курганов различных эпох.

В 1959 году В. С. Стоколос изучил еще два кургана этого могильника, разрушенного карьерными работами. Курганы, исследованные Минко и Гатцуком, имели земляные насыпи диаметром 10–15 м и высотой не более 0,5 м и каменно-земляные насыпи диаметром 6 м. В шести курганах кроме человеческих костей найдены и кости лошади. В числе находок — предметы вооружения (наконечники стрел, накладки на лук, сабля), конской упряжи (удила, псалии, стремяна, подпружные пряжки), детали наборных поясов (серебряные и бронзовые пряжки и накладки, наконечники ремня), а также украшения (бусы, подвески, браслеты), позволяющие датировать их X в. н. э.

В одном из курганов, исследованных В. С. Стоколосом, обнаружена могильная яма со скелетом мужчины, одетого при захоронении в халат из расписного шелка («челябинская ткань»). В могиле найдены оружие, остатки конской сбруи и другие

предметы, подчеркивающие высокий социальный статус погребенного. В его изголовье стояла серебряная чаша с гравированным орнаментом на дне. На левом запястье мужчины был надет серебряный браслет, а на безымянном пальце правой руки — серебряный перстень с камнем. Курган датируется IX–X вв. н. э. Предполагается, что могильник сооружен населением мадьярского и кимако-кыпчакского происхождения.

«Челябинская ткань» — остатки шелкового халата или кафтана, найденные в 1959 году в средневековом погребении могильника Синеглазово III. «Челябинская ткань» является уникальной находкой, так как представляет собой пока единственный артефакт, свидетельствующий о существовании позднеасанидской одежды на территории Урала. Сохранившихся фрагментов достаточно для реконструкции повторяющейся части рисунка (раппорта). Ткань изготовлена в технике уточной саржи — с двумя основными и тремя утками. Орнамент образуют изображения царственных всадников, следующих рядами в одном направлении. Они выполнены в синевато-зеленом цвете на коричневато-золотистом

«Челябинская ткань». Реконструкция раппорта и увеличенный фрагмент ткани. Могильник Синеглазово

фоне. Кони изображены в спокойном движении. Сбруи богато убраны бляхами и подвесками. Непропорционально велика фигура царя. Он одет в длиннополый кафтан, перехваченный на талии ремнем, и доходящие до щиколоток шаровары. Корпус и, вероятно, руки защищены пластинчатым доспехом. Голова увенчана зубчатой короной с навершием в виде полумесяца и шара и развевающимися лентами. Волосы собраны в бучки. В правой руке — длинное копье с двумя флажками, в левой — маленький щит, на правом боку — меч. По мнению А. А. Иерусалимской, изучавшей «челябинскую ткань», сюжет и стиль изображения, ряд его характерных деталей (поза коня, особенности короны и др.),

а также технологические параметры ткани со всей очевидностью указывают на то, что она была произведена в Иране. Наиболее вероятная дата изготовления — VIII в., может быть, рубеж VIII–IX вв. В Иране в это время господствовали арабы, но традиции сасанидского искусства не были нарушены, и ислам еще терпимо относился к изображению человека. Использование дорогих иранских тканей знатью урало-казахстанских степей говорит о широких масштабах посреднической торговли, мобильности кочевнических объединений и их активном участии в борьбе кланов Ирана и Средней Азии.

«Челябинская ткань».
Могильник Синеглазово

План погребения, погребальный инвентарь, реконструкция мадьярского воина. Могильник Синеглазово

Ременные накладки.
Могильник Синеглазово

Погребальный инвентарь.
Могильник Синеглазово

Медальон.
Могильник Синеглазово

Погребальный инвентарь.
Могильник Уелги.
Курган 29. «Тайник»

Насколько мы можем заметить, синеглазовский набор конской узда отличается от предыдущих находок. Накладки, как, впрочем, и некоторые другие предметы из Синеглазовских курганов (иранская шелковая ткань, серебряное блюдо, накладки с растительным орнаментом и зооморфными сюжетами), представляют собой элементы постсасанидской изобразительной традиции. Эти предметы, как и подобные, из могильника Уелги, составляют стилистическую группу 3, которая соотносится с мадьярским культурным комплексом.

Наконец, еще один сохранившийся комплекс был обнаружен под западной полкой кургана 29. В яме прямоугольной формы, ориентированной по линии 3–В обнаружены остатки уздечного набора — 34 накладные бляшки сердцевидной формы. Две пары накладных блях бóльшего размера имели сердцевидную и розетковидную формы. Недалеко от них лежал предмет, по всем признакам напоминающий пряжку — овальная рамка с двумя когтевидными штифтами. Зафиксированные *in situ* накладные бляшки позволяют восстановить основные ремни оголовья. Достоверно можно говорить о щечном, подбородном, налобном и затылочном ремнях, перекрестия которых украшались розетковидными бляшками. На затылочный ремень

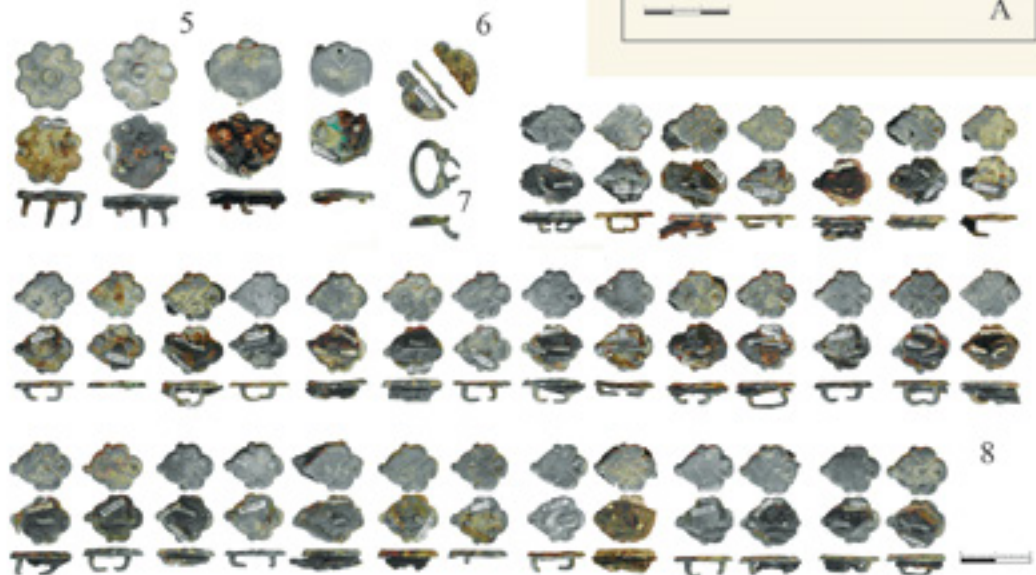
Общий вид. «Тайник».
Курган 29. Могильник Уелги

приходилось по две бляшки, на подбородный — по две, на налобный — по три. Указанное количество распределение подтверждается еще и тем, что бляшки из нижнего слоя (левая сторона уздечки), лежащие перевернуто, в точности повторяли ответвления.

Сложнее обстоит дело с наносным, щечным ремнями и их перекрестием. Бляшки от них лежали без какого-либо порядка. Скорее всего, сочленения украшали сердцевидные накладки большего размера. Их также найдено две, причем у одной из них утрачено более половины. Пространство

Реконструкция конской упряжи. Могильник Уелги, курган 29, «Тайник»

между узловыми (сердцевидной и розетковидной) бляшками было заполнено, скорее всего, семью маленькими сердцевидными бляшками с каждой стороны. Лишь одна накладка — сердцевидной формы с псевдопетельчатым выступом — внешне отличалась от других и не имела пары. Возможно, она занимала центральное положение на наносном ремне. Не представляется возможным включить куда-либо пряжку. Она обнаружена на значительном отдалении от скопления бляшек, за удилами. Возможно, как и передняя часть узды, пряжка была потревожена землеройными животными. Не исключено, что с помощью нее соединялись концы подгубного ремня.

Уздечный набор из этого тайника в целом схож с уздой из погребения коня в кургане 32. Однако сопровождающий инвентарь, включающий браслеты, серьгу, ажурную подвеску с зооморфным сюжетом, а также подвески с орнаментацией («игольницы»), указывает на явное влияние лесного угорского ареала. Отсюда очевидно, что неслучаен факт присутствия такого большого количества керамических сосудов со шнуровой и крупногребенчатой орнаментацией, относящихся к юдинско-петрогромскому типу, наряду с теми предметами, которые образуют пятую стилистическую группу, характеризующую пермско-угорское культурное влияние. Эту культурную ориентацию подтверждает наличие накладки с изображением антропоморфных личин. Стилистически изобра-

жения также выполнены в традициях угорской пластики.

Таким образом, рассмотренные комплексы и их реконструкция позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности погребального комплекса Уелги. Безусловно, эта разнокультурность складывалась и существовала не одномоментно. Напомним, что погребения в некрополе совершались почти три столетия. И та картина, которая наблюдалась на раннем этапе существования Уелгинского некрополя, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале. Однако, судя по этому динамическому изменению этнокультурного облика населения Уелгинской долины, можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого Средневековья.

Историко-культурные реконструкции, которые удалось провести по результатам анализа материалов исследованного комплекса Уелги, указывают на то, что в недрах этого некрополя закладывался своеобразный алгоритм сосуществования различных этнических групп, как ранее обитавших на необъятных просторах урало-казахстанских степей и зауральской лесостепи, так и племен, пришедших из предгорий Алтая и западносибирских лесов. В итоге этих взаимодействий началось формирование облика многих современных народов Урала, Поволжья, Казахстана и основы венгерского этноса, переселившегося впоследствии в далекие пределы Восточной Европы.

Декоративные накладки.
Могильник Уелги

Проблемы венгерской прародины Magna Hungaria

Первыми попытались установить место древне-мадьярской прародины и объяснить причины переселения угров-мадьяров с территории России на берега Дуная основоположники отечественной историографической школы XVIII–XIX вв. В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Н. Я. Данилевский, К. Я. Грот и др. Многочисленные исторические исследования, продолжавшиеся более 250 лет, остро требовали вещественного подтверждения. В этой связи к середине прошлого столетия в уралоповолжской археологии появился особый аспект указанной проблематики.

Magna Hungaria, или **Древняя (Великая) Венгрия** — гипотетическая прародина венгров, о которой упоминает в отчете о своем путешествии французский монах XIII века Джованни да Плано Карпини. Ее поисками занимались в 1230-е годы венгерские доминиканцы, наиболее известен из них Юлиан. Согласно наиболее распространенной версии, Великая Венгрия находилась в лесостепных районах Южного Урала, в ареале кушнарниковой и караякуповской культур, согласно другим — на Северном Кавказе (Б. Мункачи), либо в Нижнем Поволжье (А. П. Смирнов), либо на западных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности (Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов), либо в лесостепных районах Среднего Поволжья (П. Д. Степанов). Также некоторые тюркские языковые заимствования могли перейти к венграм от хазарского племени каваров, присоединившихся к венграм в первой половине IX века после неудачного восстания против верховной власти в Хазарии. Эти племена являлись самым боеспособным и свирепым контингентом венгерского войска.

Согласно сочинению «Gesta Hungarorum», истоки венгров связывались со страной Hungaria Major / Hungaria Magna (Великая Венгрия), находившейся дальше на восток, чем более поздние прародины венгров — Levedia и Etelköz.

С другой стороны, в работах арабских и персидских географов и путешественников начиная уже с X века названия мадьяров и башкир употребляются для обозначения одного и того же народа. Эти два обстоятельства привели к тому, что уже в средние века Великая Венгрия стала связываться в литературе со страной башкир и впервые, видимо, у брата Иоанна де Плано Карпини (середина XIII в.): «Bascart, или Hungaria Magna». Имеется целый пласт племенных названий у башкир, которые, без сомнения, имеют общее происхождение с племенными названиями венгров (точнее, с названиями племен того, очевидно, разноязычного союза, возглавлявшегося Арпадом, который в конце IX века «завоевал родину» венгров в Паннонии). При

Карта переселения мадьяров (по Аттиле Тюркю)

этом большинство этих названий имеют тюркское происхождение. Учитывая то обстоятельство, что ни в культуре, ни в антропологическом типе, ни в языке башкир нет никаких реальных следов венгерского (или угорского) влияния, а значимость тюркского компонента в генезисе венгерского языка и народа не подлежит сомнению, эти данные могут быть интерпретированы как свидетельства участия в сложении башкир и венгров одних и тех же, преимущественно тюркских, родоплеменных групп, что вполне естественно: оба этих народа формировались как союзы кочевых племен примерно в одно и то же время (во второй половине I тыс. н. э.) на близких территориях (венгры — между Волгой и Днестром, башкиры — между Приаральем и Уралом).

Таким образом, проблема Великой Венгрии является скорее предметом историографического и текстологического исследования и должна рассматриваться отдельно от проблемы прародины венгров и былого присутствия протовенгерских групп в Приуралье

и Поволжье. Реального внимания заслуживает сообщение брата Юлиана о том, что в 1320-е годы он во время своего путешествия в Волжскую Булгарию (предпринятого специально для поиска «оставшихся» на востоке венгров) встретил в одном из городов на правобережье Средней Волги язычников, говоривших по-венгерски. Его рассказ находит отклик в русских документах XV–XVI вв., касающихся районов правобережья Средней Волги и Приказанья, в которых упоминается этноним «мочары / мочары» — рядом с мордвой, черемисами, башкирами, бесермянами. Данный этноним как будто невыводим из самоназвания татар-мишарей — «мишар», и из названия летописной Мещеры, но может рассматриваться как отражение древней формы самоназвания венгров-мадьяров и является, таким образом, свидетельством пребывания на данной территории если не прямых потомков юлиановых «венгров», то, по крайней мере, людей, еще сохранявших древнее венгерское самоназвание.

Петер Хайду (венг. Hajdú Péter, 27.12.1923, Будапешт — 19.09.2002, Будапешт) — венгерский лингвист-уралист, самоедолог, специалист по селькупскому и ненецкому языкам. Известен своим вкладом в определение прародины уральских народов с помощью метода лингвистической палеонтологии.

В 1964 году пришел к выводу, что из всех зоо- и фитонимов лучше всего для исследований в области лингвистической палеонтологии подходят названия деревьев. Продемонстрировал, что в языке относительно целостной древней уральской общности имелись названия деревьев сибирских таежных пород, а из европейских лиственных деревьев — название вяза. Из этого Хайду сделал логическое заключение, что прародину нужно искать там, где в VI–IV тыс. до н. э. встречались оба типа лесов: примерно восточнее северной части уральских гор — между Уралом и Обью.

Гипотеза о волго-уральской прародине венгров на основе имеющихся археологических параллелей между приуральскими угро-мадьярами и населением Карпатской котловины впервые была высказана В. Ф. Генингом в конце 1950-х годов [78]. Бурное накопление археологических материалов по средневековой археологии Урала и Западной Сибири в по-

Фодор Иштван (род. 09.09.1943, г. Зента, Венгрия) — археолог, доктор исторических наук. По окончании исторического факультета Московского государственного университета (1967) работает в Венгерском национальном музее (Будапешт), с 1986 года директором музея, с 1993 года почетный директор. Одновременно в 1974–2008 годах преподавал в Сегедском университете. В 1997–2008 годах заведовал кафедрой археологии, в 1974–2001 годах преподавал древнюю историю финно-угорских и венгерских народов в Будапештском университете. Читал лекции в Гёттингене, Париже, Лодзи, Любляне, Уфе.

С 1968 года руководил археологическими экспедициями в Венгрии и Украине. В научной деятельности большое внимание уделяет ранней истории финно-угорских народов, в том числе венгров, а также археологии эпохи обретения венграми Родины и средне-

вековой археологии. Автор более 540 научных работ, в том числе 11 монографий. Редактор журнала «Folia Archaeologica», член редколлегий ряда отечественных и иностранных журналов. Организатор крупных музейных выставок в Венгрии, странах Европы и США. Автор наиболее обоснованной концепции венгерского культурогенеза. В 1970-е годы впервые высказал идею о переселении в начале I тысячелетия н. э. древних мадьяров из-за Урала на территорию Башкирии и о принадлежности им памятников кушнаренковского типа. Провел также параллели между погребальными обрядами могильников «периода обретения Родины» и памятников караякуповского типа. Автор множества работ и книг на тему о происхождении венгров. Последняя из них — «Венгры. Древняя История обретения Родины» — вышла в 2015 году в Перми.

следующие 1960-е и в начале 1970-х годов вовлекло в исследовательский процесс по данной тематике самый широкий круг отечественных специалистов, а также венгерских археологов и историков: Петера Хайду, Иштвана Ердели, Иштвана Фодора и др. [409, с. 128–144; 423–426].

Атила Тюрк (род. 04.09.1973, г. Эгер, Венгрия) — венгерский археолог, историк.

Закончил Сегедский Университет в 2000 г., потом работал Сегедском Музее им. Ференца Мора, с 2005 по 2010 год — в Институте археологии, с 2012 года адъюнкт в Католическом Университете им. Петера Пазманья.

В 2011 году защитил кандидатскую диссертацию по теме мадьярского культурогенеза. Им опубликована одна монография, 114 статей, и прочитано более 50 докладов на различных конференциях, в том числе международных. С 2013 года организовал совместно с молдавскими, украинскими и российскими коллегами экспедиции по изучению памятников древних венгров на территории от Западной Сибири и Урала до Предкарпатья. Благодарная научным исследованиям А. Тюрка мадьярская проблематика в последние годы получила особое углубленное развитие.

Иштван Эрдели

(род. 1931, г. Орадя, Румыния) в 1955 году с отличием окончил Государственный университет им. Л. Этвеша в Будапеште, в 1959 году — аспирантуру в Ленинградском госуниверситете. В 1976 году защитил докторскую диссертацию по теме «Авары и Восток в свете археологических источников». В 1959–1991 годах работал в Институте археологии Венгерской академии наук (Будапешт), был старшим научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР (Москва). Профессор университета им. Л. Этвеша (Будапешт),

Реформатского университета им. Г. Кароли (Будапешт), Печского университета.

В течение семи лет являлся соруководителем международной археологической экспедиции на Маяцком городище, в 1961–1990 годах руководил монголо-венгерской археологической экспедицией. Автор многочисленных статей и монографий по средневековой истории и археологии Венгрии, о влиянии кочевников евразийских степей на культуру генез Карпатской котловины, а также фундаментального русскоязычного издания «Археология Венгрии». Первым опубликовал и прокомментировал извлечение из «Хроники Венгерского Анонима» на русском языке (1967).

В 1950-е годы высказал интересную концепцию о местонахождении «земли Дентумогер» (Magna Hungaria) между северным побережьем Черного моря и Танаисом (Доном). Это была та территория, с которой мадьяры расселялись по двум направлениям: на запад — в Паннонию, и на северо-восток — в Приуралье.

Наиболее значительными событиями в этот период являются обнаружение и раскопки известных памятников: Больше-Тиганского, Танкеевского, Такталачукского и других могильников в Волго-Камье, а также Лагеревских, Стерлитамакских, Бекешевских, Каранаевских и других курганов на Южном Урале [203; 395]. К этому периоду дискуссия об урало-венгерских параллелях достигла своего наивысшего уровня [24, с. 118–127; 138, с. 161–167; 392; 394; 396, с. 145–160; 409, с. 128–144; 425]. В ходе нее были выявлены весьма яркие аналогии, позволяющие связывать район Волго-Уралья с правенгерской территорией. Так, оказалось, что наиболее соответствующими мадьярским погребальному обряду, металлическому инвентарю и керамике оказались материалы кушнарников-

Владимир Александрович Иванов (род. 28.04.1950, Уфа, Башкирская АССР) — российский и башкирский историк-археолог, доктор исторических наук, профессор. В 1972 году окончил Башкирский государственный университет. С 1976 года работал в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. В 1990 году защитил докторскую диссертацию по теме «Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э.». Параллельно с 1991 года ведущий научный сотрудник, с 1996 года заведующий кафедрой всеобщей истории, с 1998 года декан историче-

ского факультета Стерлитамакского педагогического института. С 2002 года работает в Башкирском государственном педагогическом университете. Автор большого количества научных монографий и статей в отечественных и иностранных изданиях. Предложил развернутую концепцию правенгерского культуругенеза в Приуралье, раскрыл причины, механизмы и маршруты последующих миграций угров-мадьяров на запад. С его точки зрения, угры-мадьяры (носители кушнарниковской и караякуповской культур, сложившихся в Приуралье) изначально входили в этнокультурный ареал угорских культур урало-сибирского региона. В середине IX века, оказавшись зажатыми между двух внешнеполитических опасностей (с востока — со стороны тюхтяжских, древне-хакасских кочевников, с запада и северо-запада — со стороны раннеболгарского и финно-пермского населения), они вынуждены были мигрировать на запад вдоль южной кромки восточно-европейской лесостепи.

ской и караякуповской культур Южного Урала. Эти выводы были подробно изложены в вышедшей в самом конце столетия обобщающей работе В. А. Иванова [106], которая своеобразно подвела итог археологическим исследованиям истекшего периода.

В связи с тем, что целенаправленные полевые исследования памятников Южного Урала и Поволжья по ряду причин существенно замедлились в середине 1970-х годов, целый ряд вопросов остался нерешенным. Так, например, непонятны истоки и облик памятников кушнарниковско-караякуповского круга, а также этапы культуругенеза населения, оставившего эти памятники, — от его возникновения (VI в.) до периода исхода протомадьярского населения на запад (конец IX в.).

По сей день остается неясным вопрос о территории исхода мадьяр, то есть, собственно, о местоположении легендарной Magna Hungaria. Приуральское позиционирование натолкнулось на ряд существенных препятствий. Во-первых, наиболее ранние памятники кушнареновско-караякуповского круга, связываемые большинством исследователей с прамадьярским населением, появляются в поселенческих комплексах Исетско-Тобольского бассейна в лесостепном Зауралье в IV–V веках н. э. и только затем широко распространяются вдоль лесостепного Камского бассейна. Во-вторых, поздние кушнареновско-караякуповские комплексы конца IX — X века (то есть времени исхода мадьяр на запад) в большинстве своем появляются в районах зауральских степных предгорий, в лесостепной и горнолесной зонах, тяготеющих к Южному Зауралью. В районах Волго-Камского поречья такие памятники появляются достаточно неожиданно в самом конце IX века (после векового перерыва после раннекушнареновских в Нижнем Прикамье) и продолжают свое существование в последующий раннеболгарский период.

В начале XXI столетия, спустя почти тридцать лет, археологические поиски Уральской Правенгрии активизировались. Основной исследовательский вектор переместился на восток и охватил весь Южный Урал, хотя параллельно активно разрабатывалась тема истории предуральских утров и Приуральской Правенгрии. Данные темы продолжают оставаться особенно актуальными, с одной стороны, в связи с упоминаемыми письменными источниками (Аноним, Юлиан) [105; 106; 109; 137; 390, с. 154], с другой — в связи со значительным расширением сравнительной базы материалов из приуральских памятников, относящихся к ломоватовской, неволинской, кушнареновской и караякуповской культурам, артефактов из зауральских средневековых памятников (батырского, юдинского, макушинского, чиаликского и других типов), а также ряда ярких маркирующих артефактов угорской принадлежности [31, с. 123–261].

В 2000-е годы в пределах лесостепного Тоболо-Исетского региона начали активно раскапываться поселенческие и погребальные раннесредневековые комплексы, включающие

протокушнареновские материалы (городища Коловское, Рафайловское, Большое Бакальское, Усть-Утяк, могильники Козловский, Устюг-1). Стало очевидным, что кушнареновско-караякуповский культурный компонент появляется в составе синкретического бакальского ИКГ IV–VI вв.

С 2010 года к изучению уральских памятников и мадьярской проблематике активно подключается венгерский исследователь Аттила Тюрк, организовавший вместе с российскими археологами большое число венгерско-российских экспедиций на памятниках Приуралья, Южного Урала и Западной Сибири, а также работу Международного мадьярского симпозиума. Эта целенаправленная исследовательская деятельность существенно активизировала изучение мадьярской и средневековой тематики большого Уральского региона. Таким образом, открылись новые возможности для исследования исходных позиций формирования протомадьярской культуры и культуры средневековых утров Урала.

Оговоримся, что мы склонны видеть весьма существенные различия между определениями культурного периода «протомадьярские» и «раннеугорские». Не вдаваясь в тонкости этнокультурных идентификаций этих явлений, которые в конечном счете связаны с проблемами лингвистического или языкового свойства, и принимая в целом точку зрения В. В. Напольских, высказанную им в одной из последних своих программных статей [266], мы вслед за нашими коллегами В. Ф. Генигом, Е. П. Казаковым, А. М. Белавиным, В. А. Ивановым и Н. Б. Крыласовой в раннеугорском (протомансийском) компоненте склонны видеть лесное население Среднего Зауралья и Западной Сибири — носителей керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией (раннепетрогромского, батырского, макушинского, юдинского и других типов) [78; 135, с. 114; 31, с. 123–126]. На это указывают яркие параллели общекультурного порядка в керамических комплексах раннеломоватовского (харинского) и ранневолинского времен (IV–VI вв.) в памятниках Среднего Прикамья. Данная транскультурная коммуникация продолжает свое развитие вплоть до постпетрогромского (чияликского) периода (XIII–XIV вв.), который отчасти

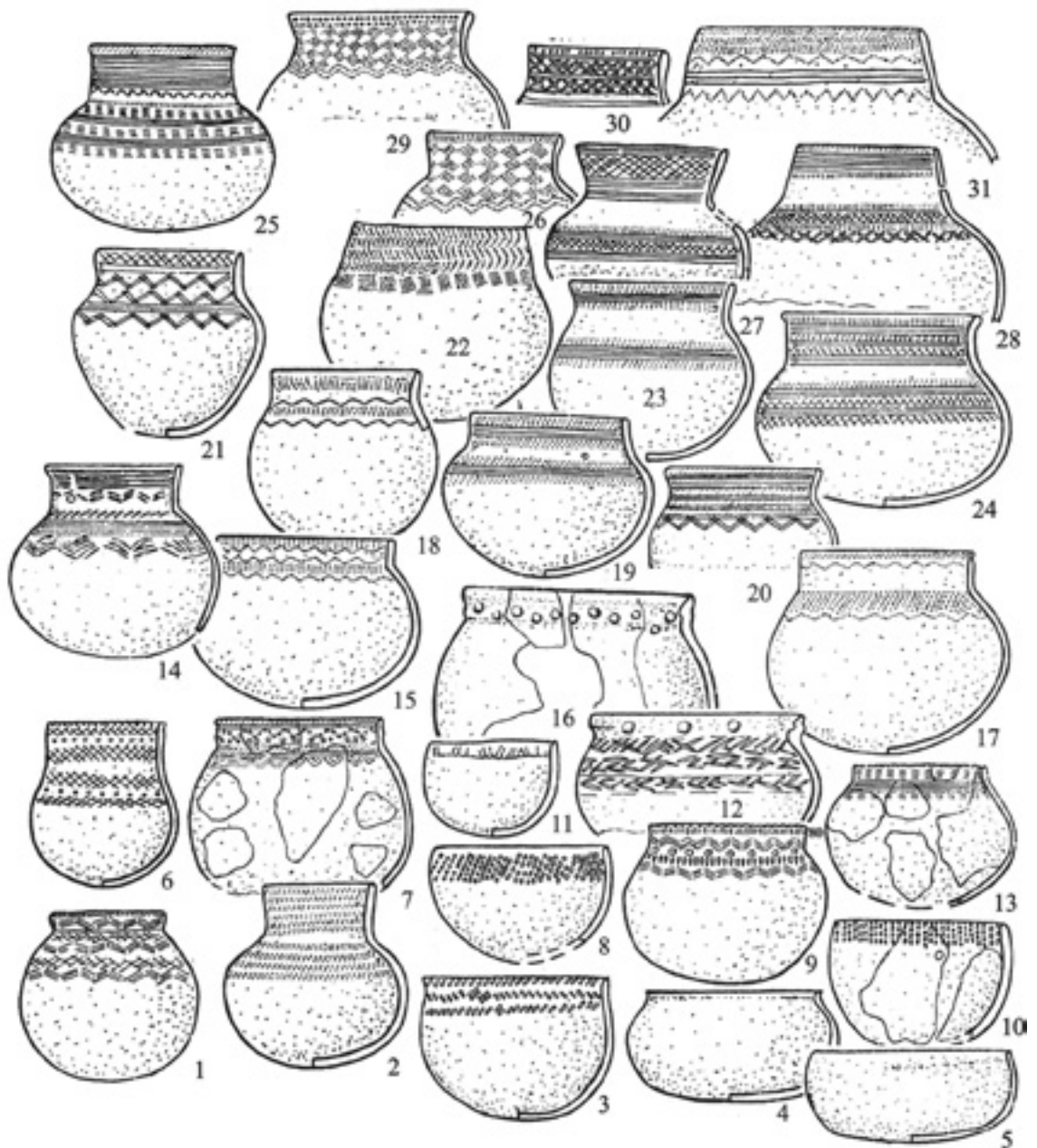
принимается В. В. Напольским как период распространения собственно угорского или мансийского населения Предуралья [266, с. 23–24].

Что же касается протомадьярской линии развития, то она, по всей видимости, имеет значительные различия с истоками и динамикой культурогенеза раннеугорских (протомансийских) культур северной лесостепи и леса Западной Сибири, Среднего Зауралья и Предуралья. В этой связи мы не разделяем точку зрения некоторых исследователей, которые используют двойное название («угры-мадьяры»), так как это подразумевает некоторое

тождество между этнокультурными терминами (хотя справедливости ради следует сказать, что в некоторых предыдущих работах мы также употребляли такое название в данном контексте). Это население мы связываем с носителями керамики кушнаренковско-караякуповского типа. Двойное название указывает на то, что такая керамика в равной степени присутствует в разных памятниках.

В этой связи достаточно нагляден керамический комплекс могильника Граултры, где в погребениях, относящихся к IX веку, в равном количестве содержались горшки как кушнаренковского, так

Керамический комплекс. Могильник Граултры (конец VIII–IX в.)

Могильник Граултры.
Общий вид

Могильник Граултры — средневековый памятник. Могильник оставлен раннебашкирским и мадьярским населением. Расположен относительно недалеко от погребального комплекса Уелги, в 1 км к северу от деревни Сураково Кунашакского района Челябинской области, на высоком западном берегу мыса озера Тишки. Обнаружен нами в 1980–90-е годы. Всего было раскопано семь курганов, в кото-

рых обнаружено до тридцати погребений. Во всей граултринской серии не было ни одного неразграбленного комплекса. Однако полученный материал позволил достаточно точно установить культурно-хронологическую принадлежность разных курганов, основная масса которых относилась к IX веку. Несколько более древним является курган 11: судя по характерной поясной гарнитуре, он относится к рубежу

VIII–IX веков. Интересно, что керамический комплекс из этого кургана также имеет более ранний облик. В орнаментации этих горшков явно угадываются постбакальские и неволинские элементы (кошарная решетка, резная елочка). Эти же элементы наблюдаются и в других граултринских горшках, хотя в целом весь комплекс представляет собой характерный набор сосудов кушнаренковско-караякуповского типов.

Погребальный обряд могильника в целом схож с уелгинским (западная и северо-западная ориентировка умерших, наличие костей ног лошади рядом с погребением или внутри него). Своеобразие граултринских курганов составляют жертвенные комплексы в виде керамических горшков в берестяных туесках, поставленных на прокаленную подкурганную площадку.

Керамика.
Могильник Граултры

и караякуповского облика. Данные типы керамики сложились в результате сложных трансформаций, происходивших в Тоболо-Исетском регионе на заключительном этапе позднесаргатского (прыговского) ИКГ. В них участвовали по меньшей мере три культурных компонента — лесостепной (позднесаргатской), степной (гунно-сарматский) и южно-таежный (карымский), — что было показано выше.

Обособившись в синкретической среде бакальского ИКГ как две, вероятно, родственные (фратриальные) группы носителей керамики

Инвентарь.
Могильник Граултры

Инвентарь.
Могильник Граултры

кушнаренковского и караякуповского типов, они начинают вместе с бакальским зауральским населением движение в двух основных направлениях — на запад и на юг.

В западном направлении население перемещалось вдоль бассейнов рек Верхняя Уфа, Ай и Сим. После чего на поселенческих и в погребальных комплексах во второй половине VI века появились материалы соответствующего облика. Судя по незначительной мощности поселенческих слоев (и отсутствию вследствие этого архитектурных данных), а также сравнительно небольшой доле посуды кушнаренковско-караякуповского облика в поселенческих и погребальных комплексах Южного Приуралья, можно предположить, что переселенцы представляли собой полуседлые группы

Фрагменты керамики.
Могильник Граултры

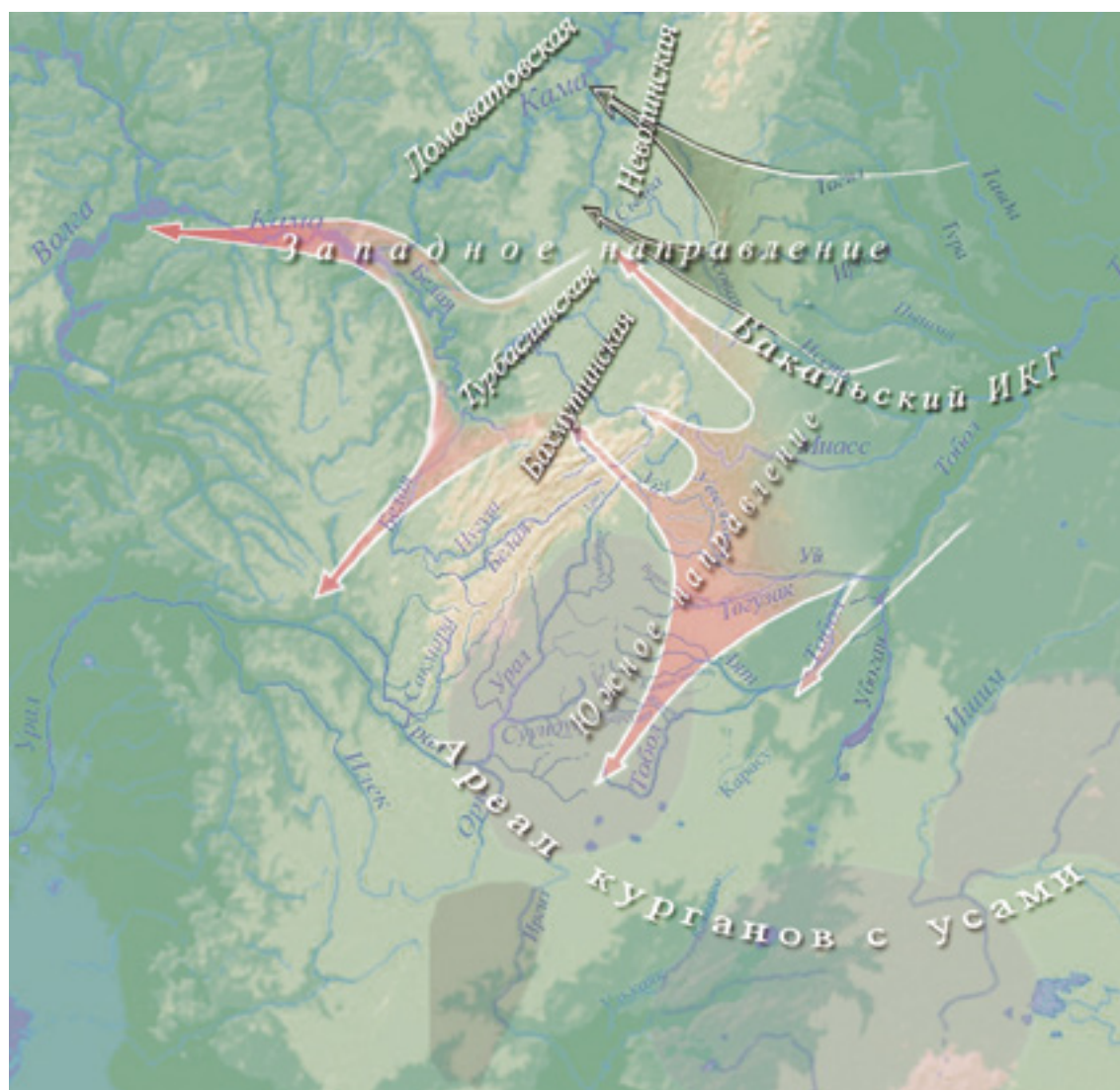
Инвентарь.
Могильник Граултры

скотоводов, инкорпорирующихся в VI–VIII веках в среду местного турбаслинского и бахмутинского населения [203, табл. I].

Вероятнее всего, Камско-Бельский бассейн оказался локальной зоной развития культуры этих групп протомадьярского населения, что отразилось в трансформации керамического комплекса. У носителей кушнаренковской культуры на смену круглодонным и остродонным горшкам шаровидной и реповидной формы с преобладанием фигурно-штамповой орнаментации пришли плоскодонные кувшино- и крынкообразные крупные сосуды с прочерченным и гребенчатым орнаментом, технологически и функционально повторяющие турбаслинские. Данная особенность просматривается на материалах могильников. Кушнаренковский

комплекс с крынковидными и крупными кувшинообразными сосудами, резной, прочерченной и гребенчатой орнаментацией происходит из погребений Манякского, Ново-Турбаслинского и Бахмутинского могильников, Ново-Бикинского и Булгарского курганов, датируемых, скорее всего, поздним временем (VII–VIII вв.). В массе многочисленных типологических вариаций бахмутинской посуды растворяются протокараякуповские образцы, сохранившиеся в представлениях специалистов лишь как несущие зауральские формы, способы и сюжеты орнаментации в общей массе бахмутинской посуды.

Наиболее поздний этап развития этого типологического комплекса падает на самый конец IX века. Позднекушнаренковская и позднекараякуповская

Карта этнокультурных перемещений в Южном Зауралье в V–VIII веках

посуда встречается в погребальных комплексах Месягутовского Предуралья (долина реки Ай), Лагеревских, Старохаилиловских и Каранаевских курганах, а также в Ишимбаевском и Стерлитамакском могильниках на юге степного Предуралья. Некоторым образом, автономно стоят нижнекамские памятники с поздними образцами кушнаренковско-караякуповской керамики (Танкеевский и Большетиганский могильники).

Забегая вперед, заметим, что появление новых кушнаренковско-караякуповских форм на позднем этапе развития протомадьярского комплекса связано с очередным притоком кочевого населения из степного Южного Приуралья и Зауралья и, вероятно, Казахстана. В этой связи линию кушнаренковско-караякуповского развития мы условно называем «степной».

По нашему убеждению, памятники Айской долины маркируют новый миграционный поток из Зауралья, основная мощность которого падает на конец IX—X век. Он связан с перемещением кочевого раннетюркского (мадьярского, кыпчакского, кыргызского) населения из урало-казахстанских и алтайских степей. Данное движение начинается уже в конце VIII века, сразу после падения Западно-Тюркского каганата.

Формирование степных приуральских комплексов в равной степени маркируют все вышеназванные процессы, которые опредметились в степном Зауралье, и появившиеся здесь, в степной предгорной зоне, многочисленные кочевнические позднекушнаренковские и позднекараякуповские комплексы (Бекешевские I и II, Хусаиновские, Муракаевские и Наровчатские курганы). Появление нижнекамского очага, равно как и памятников и слоев с кушнаренковско-караякуповской керамикой в Башкирском Приуралье, не явилось фактом поступательного саморазвития раннекушнаренковского населения, оставившего памятники VII–VIII вв. (Такталачутский, Игимский и другие могильники). Вероятнее всего, речь идет об одnorазовом миграционном импульсе кочевого протомадьярского и протобашкирского населения из Южного Приуралья и Западного Казахстана в родственную среду раннеболгарского населения Волго-Камья. Этот процесс достаточно ярко отоб-

разился в оригинальных формах позднекушнаренковской керамики этого региона.

Все вышесказанное достаточно аргументированно объясняется процессом кушнаренковского и караякуповского культурогенеза, происходившего в пределах Южного Зауралья.

Южное направление. Как уже упоминалось в разделе о курганах с «усами» и памятниках селенташского типа, в конце 1980-х годов на самом юго-восточном пограничье Челябинской области были исследованы комплексы селенташского типа: могильники Селенташ (курганы 4 и 5) и Кайнсай (курган 14), Туркменево II, в которых обнаружена кушнаренковская керамика — отдельные фрагменты и развал сосуда. Отсутствие у них какого-либо историко-культурного контекста не позволило нам должным образом оценить значение этих артефактов. Несколько позже, после нахождения кушнаренковских образцов керамики в Берсуатском поселении, расположенном на границе с Казахстаном, стало очевидным, что появление кушнаренковского населения в южных районах урало-казахстанских степей — факт не случайный. Радиоуглеродный анализ выборочных материалов с памятников селенташского типа позволил поместить их в целом в рамки VI (возможно, конца V) — VIII веков.

Появление кушнаренковских материалов в степной зоне Южного Урала указывает не только на процесс культурно-хозяйственной адаптации местного населения к новым аридным условиям и неизбежный процесс инкорпорации его в среду кочевников из урало-казахстанских степей, но и на особую линию культурогенеза протомадьярского населения лесостепного Зауралья.

Материалы, которые можно связать с ранним этапом зауральского кушнаренковско-караякуповского культурогенеза, указывают на то, что сложившиеся в рамках региона изначально кушнаренковско-караякуповские керамические традиции (круглодонные горшки с высокой прямой отогнутой шейкой, прочерченным поясным орнаментом с промежуточным заполнением в виде косой гребенки или косой решетки — в кушнаренковском комплексе; приземистые круглодонные горшки, открытые банки с резным (елочка) гребенчатым, накольчатый (на раннем этапе) и жемчужи-

нами (позже) орнаментом, а также неорнаментированные горшки — в караякуповском) остаются неизменными на протяжении последующих этапов: первого (VI–VIII вв.), второго (IX в.) и третьего (конец IX — XI вв.). Он характеризует собой линию развития кушнаренковско-караякуповского керамического комплекса, условно названную нами «степной».

Движение кушнаренковско-караякуповского протомадьярского населения из лесостепного Зауралья на юг началось, вероятнее всего, в начале VI века н. э. (возможно, в конце V века). Оно было связано с завершением крайне неблагоприятной фазы похолодания и падения уровня годовых осадков в северо- и центрально-казахстанских степях, пик которых пришелся на III–IV века н. э. (согласно А. Д. Таирову), с другой стороны — со значительным опустением урало-казахстанских степей на позднегуннском этапе.

Попадание кушнаренковской посуды в селенташские комплексы, вероятнее всего, отражает процесс этнокультурной диффузии протомадьярского и раннетюркского населения (которая, по всей видимости, носила характер брачных контактов) в пределах Южного Зауралья. Немногочисленность материалов не позволяет проследить характер этого межкультурного микширования, однако, можно предположить, что этот процесс не был прямолинейным, односторонним и равномерно-поступательным.

Так, процесс завершения мадьярского этногенеза в среде гунно-болгарских (огур) и раннетюркских кочевников (вызревание титульного родоплеменного ядра) был закономерно замедлен другими историческими обстоятельствами, которые напрямую повлияли на формирование протомадьярского горизонта в степях и лесостепях Средней Евразии в конце VII — первой половине IX века.

Сложение Хазарского каганата и последующие его экспансии на запад и север привели к завершению этнокультурогенеза причерноморских, дунайских и волжских болгар. Деструктивные процессы в казахстанской степи, связанные с распадом Западного и Восточного Тюркских каганатов, огузская экспансия в Центральный Казахстан

и на Сырдарью, карлукское и кимако-кыпчакское переселение на Иртыш, в Сары-Арку и на Урал в VIII — начале IX века — все эти явления, с одной стороны, препятствовали консолидации части тюрко-мадьярского населения севера казахстанских степей и юга лесостепной полосы от Южного Зауралья до Волго-Донья. С другой стороны, безысходность создавшихся обстоятельств, в которых оказалась эта часть большого нуклеарного протомадьярского этноса с притоком восточнотюркских переселенцев из Азии, вероятнее всего, явилась решающей в конечной фазе этногенеза. Драматизм событий состоял в том, что вновь пришедшие племена существенным образом отличались от насельников Западно-Тюркского каганата раннетюркской эпохи. Они не только являлись осколками или составными частями восточно-тюркского этнокультурного ареала (карлуки, уйгуры, огузы, кыпчаки и др.), территория зарождения которых осталась далеко на востоке, но и говорили на абсолютно других, хотя и тюркских наречиях (восточнотюркская группа Saz). Вытолкнутые к концу VIII века из большей части степного ареала своего обитания (поишимские, тургайские, мугоджарские и уралоаральские степи, являющиеся, вероятнее всего, районами зимовий племен протомадьярского горизонта), они откочевывают в лесостепную полосу. Именно в этот период (с конца VIII века) в лесостепной и горно-лесной зонах появляются кочевнические памятники, предшествующие основному этапу существования (вторая хронологическая группа) степного кушнаренковского и караякуповского населения (Лагеревские курганы; Граултры, курган 11; Байрамгулово, курган 1). Ко второй половине IX века процесс локализации кочевого позднекушнаренковского и караякуповского населения в пределах предгорных, лесостепных и горнолесных районов (курганы Лагереве, Старохашилово, Граултры, Синеглазовский), а также вблизи степных предгорий Зауралья и Предуралья (Бекешевские I и II, Хусаиновские, Наровчатские, Стерлитамакский, Ишимбаевский) становится необратимым. Последний мощный выплеск кочевников из этого культурного ареала приходится на конец IX — начало X веков. Вероятнее всего, это связано с победой огузской коалиции (гузы, кыпчаки, карлуки и,

вероятно, кимаки и киргизы) над объединением печенегов, башкир, бурджан, «нукерде» и, возможно, мадьяр, которая, по сведениям аль-Масуди, произошла в самом начале X века. Эти деструктивные процессы привели к окончательному распаду ранее существовавшего нуклеарного кочевого сообщества урало-казахстанских степей и оттоку составляющих его племен и кланов в различных направлениях — на запад в Поволжье (Ромашинское, Немчанка, «116-й километр» и Луговское), Поднепровье (памятники субботцевского типа) и далее в Карпатскую котловину [106, с. 93–96; 420, с. 56–69], на северо-запад в низовья Камы, на Среднюю Каму (Балановский) и далее на запад.

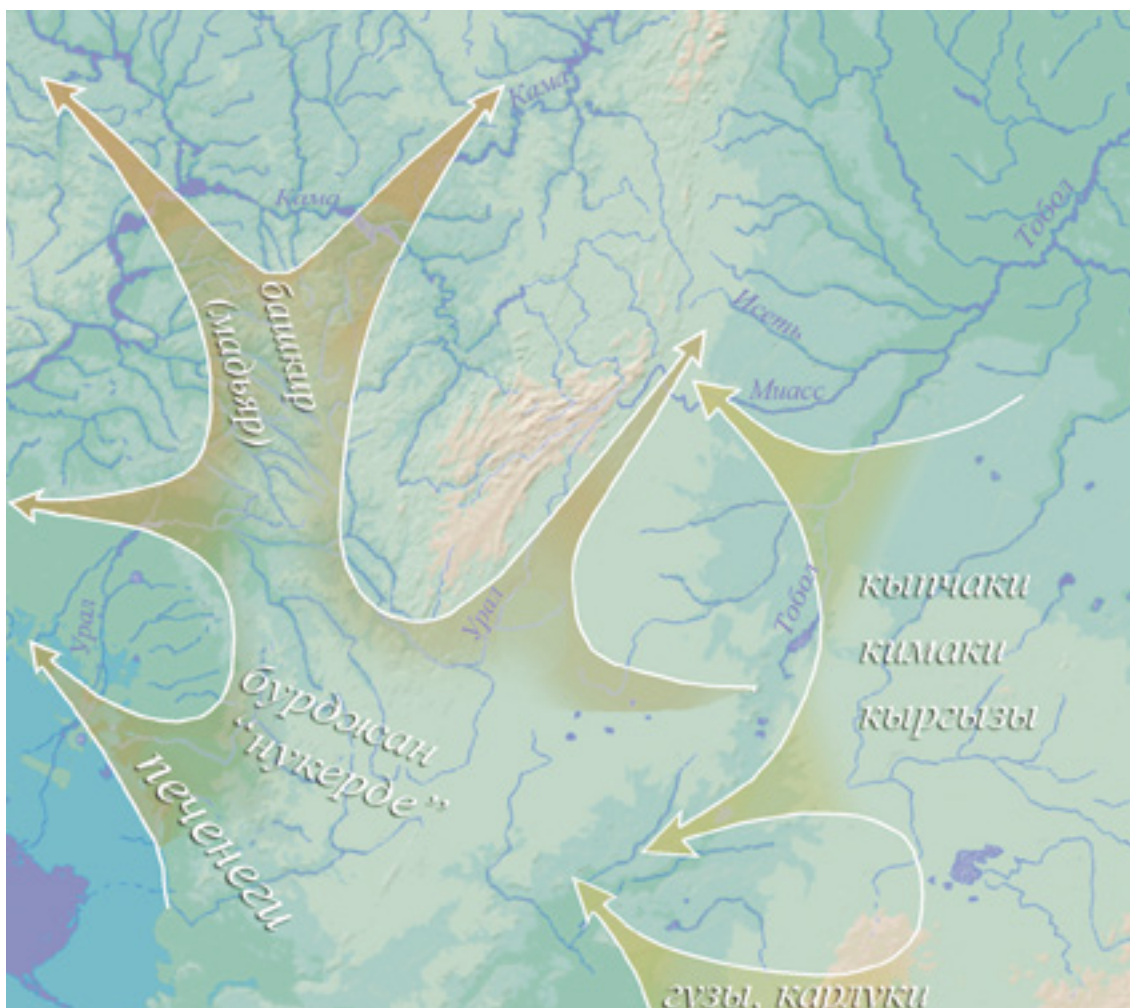
Вероятнее всего, эти перемещения сыграли решающую роль не только в мадьярском этногенезе, но и в возникновении печенегов, башкир и волжских болгар. Веком позже эта северная волна докатывается до широт Сургутского Приобья,

в погребальных и культовых комплексах которого (Сайгатино, Барсова Гора) появляется вещевой кочевнический комплекс.

Продвижение кимако-кыпчакского стросткинского населения из районов Прииртышья окончательно нивелируют протомадьярскую составляющую в культуре южноуральского населения. По своему этнокультурному облику это были племена, относящиеся к кругу тюркизированного угорского населения юго-западной Сибири [256, с. 164–167; 267; 342; 344].

Образно говоря, продвинувшееся с востока — из Приобья и Барабы — население является конечным результатом культурных трансформаций угорского населения этих районов, длительное время находившегося в непосредственном взаимодействии с тюрками Алтая и Саян (юрт-акбалыкский этап верхнеобской культуры). При этом в пределах лесостепных районов Южного Урала в этот период

Карта этнокультурных перемещений на Южном Урале в IX–XI веках

наблюдается активное воздействие со стороны лесного угорского (протомансийского) населения — носителей юдинско-чияликских традиций.

Остается еще один весьма важный вопрос: каким был характер взаимодействия этих двух, с одной стороны, весьма близких между собой, а с другой — существенно различных в своей этнокультурной направленности групп средневекового уральского населения? Думается, что этот аспект требует особого исследования. Вероятнее всего, взаимодействия представителей этих групп имели форму соседских отношений, которые в конечном счете отразились в межкультурных диффузиях, а также военных столкновений, что, безусловно, оставило след в ярких мадьярских вещевых комплексах средневековых памятников Прикамья (сумки-ташки, погребальные маски, поясные гарнитур).

Такова, с нашей точки зрения, основная канва событий и культурных трансформаций, происшедших в лесостепной и степной зонах Южного Урала ко второй половине I тысячелетия н. э. Они явились причинно-следственными обстоятельствами последующих переселений болгар, мадьяр, печенегов, огузов, кыпчаков, куманов на финальной стадии Великого переселения народов.

Однако, возвращаясь к теме этого раздела — проблема *Magna Hungaria* и процесс переселения мадьяр на свою «Новую Родину», — необходимо выяснить характер и механизм этого движения. Дело в том, что, говоря о переселении венгров, как, впрочем, и других средневековых народов, не всегда следует подразумевать единоразовые однонаправленные миграции. Чтобы понять суть этих событий, необходимо разъяснить такое понятие, как «миграционный ареал».

Миграционный ареал — область распространения одноразовых или многократных, однонаправленных, разнонаправленных или циклических миграций, которая формируется в процессе

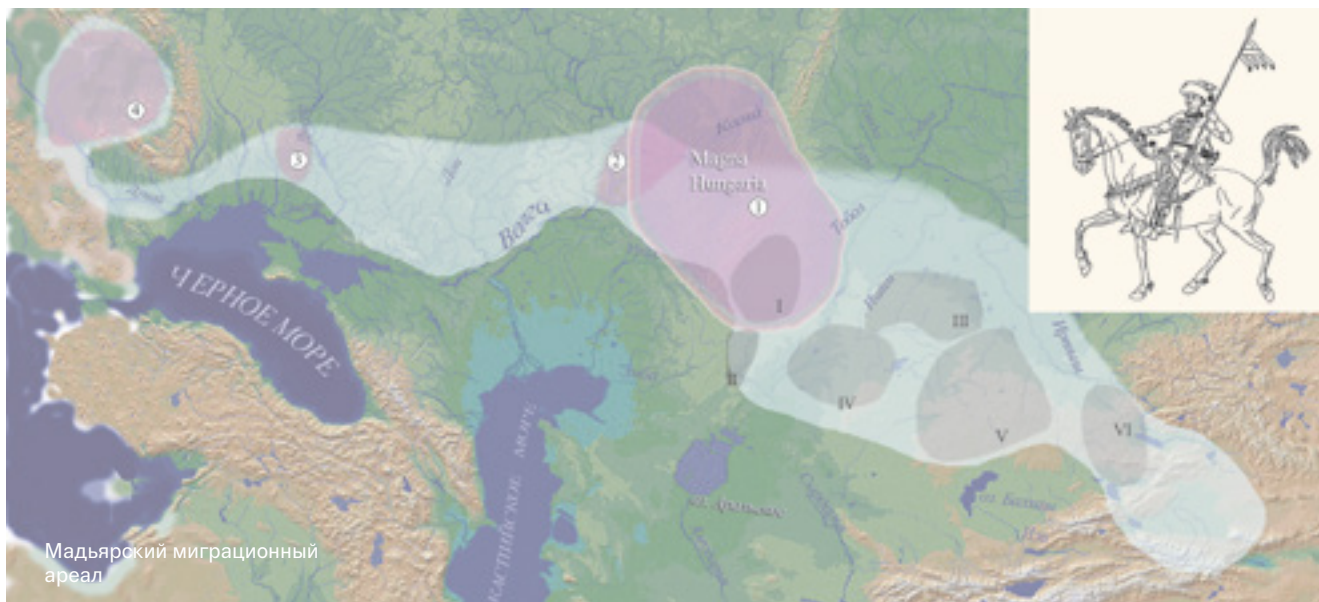
переселения (или репатриации), определенной подвижки группы населения. Ее подвижность отчасти определяется нестабильностью социальной интеграции данного сообщества.

Реконструируя последствия историко-культурных процессов, происшедших в недрах вечно подвижного и динамичного сообщества кочевников поздней древности и Средневековья, мы не раз отмечали тот факт, что многие нашествия и переселения кочевых империй происходили в рамках неких строго регламентированных пространств. В пределах этих территорий, как правило, происходили и поступательные движения миграций в начальный наиболее мощный период переселения, и последующие волны притока новых переселенцев на завоеванный плацдарм, и, наконец, некоторое обратное движение либо репатриантов, либо эпизодических визитеров на свои прежние родовые земли. Данные пространства и предлагается называть миграционными ареалами.

Если мы имеем в виду некую пространственную категорию, то очевидно, что миграция предусматривает исходную начальную точку движения, возможно, промежуточные остановки и конечный пункт переселения. Это хорошо иллюстрируется легендарным переселением мадьяр с территории Великой Прародины (*Magna Hungaria*) в Леведию, Ателькузу и, наконец, в Карпатскую котловину. Миграционный ареал в этом случае простирается от урало-казахстанских степей, далее через Среднее Поволжье в Поднепровье, до Большого

Ателькуза и Леведия — исторические области расселения древневенгерской конфедерации племен во время их миграции из неизвестной прародины (Великая Венгрия) в Паннонию (современная Венгрия). Их расположение и время существования являются предметом дискуссий в историографии. Леведия, или Лебедия (греч.), упоминаемая в трактате Константина Багрянородного (X в.) «Об управлении империей», обычно локализуется в степях Дона и на северном побережье Азовского моря. Николай Карамзин ограничивал Леведию

пределами Харьковской губернии. Современные исследователи связывают ее с территорией Среднего Поволжья. Ателькуза (Этелкёз, Этел либо Кузу — букв. «междуречье») локализована в Днестро-Днепровском междуречье. Заселение венграми Леведии могло произойти в течение VIII века. Прежде на этой территории кочевали тюркоязычные булгары и сохранялось аланское земледельческое население, причем территория к западу от Днепра признавала власть хана дунайских болгар Крума, а к востоку — хазарского.

Альфельда. Как некая общая схема, она долгое время не вызывала сомнений у исследователей данной тематики. Более того, со временем этот мифологизированный сюжет стал обрастать исторической плотью — по мере накопления археологических материалов: открытия поволжских комплексов с яркими венгерскими параллелями (Большеутиганский, Танкеевский могильники), исследования комплексов субботцевского горизонта на Среднем Днепре, обнаружения ярких параллелей в Балановском могильнике (Пермское Прикамье) и в Южном Зауралье среди материалов Уелгинского некрополя.

Таким образом, мадьярский миграционный ареал постепенно стал обретать свою археологизированную пространственно-временную реальность. Однако здесь необходимо сделать весьма важную оговорку. Попытки реконструировать процессы перемещений и переселений больших групп кочевых социумов зачастую ограничиваются созданием неких единоразовых, как правило, однонаправленных схем (миграций), которые при детальном разборе отдельных узловых моментов оказываются несостоятельными.

По всей видимости, установление и функционирование того или иного миграционного ареала — процесс отнюдь не единовременный. Он имеет определенную продолжительность, которая зависит как от степени вызревания и дальнейшего

развития, определения социокультурного единства (этноса), так и от внешнеполитической конъюнктуры.

В случае с древнемадьярским культурогенезом остается дискуссионным вопрос о начальной стадии формирования венгерского миграционного ареала, как, впрочем, и об окончании его существования. В евразийской истории существует некий этап наиболее активных социокультурных трансформаций в недрах этого ареала в IX веке, которые получили свое отражение на страницах нарративных анналов Константина Багрянородного («Венгерские хроники» — *Gesta Hungarorum*) и ПВЛ. Присутствие венгров в Европе в 822–898 годах (822–826 гг. — участие мадьяр в хазарской междоусобице; 839 г. — появление мадьяр на Днепре; 860 г. — участие мадьяр в Крымском походе; 895 г. — разгром Великой Моравии и переселение в Паннонию; 884 г. — с общего согласия семи вождей венгры покинули Magna Hungaria; 898 г. — «шли угры мимо Киева...» [13, с. 336–352; 410, с. 174–175].

Очевидно, что и в этом калейдоскопе дат содержатся явные нестыковки и противоречия. Как известно, эти обстоятельства легли в основу давней, фактически непрекращающейся дискуссии о проблеме мадьярского переселения. Чтобы установить даты или построить схему миграционного ареала, необходимо установить начальную точку (исход-

Константин VII Багрянородный (17(18).05.905, Константинополь — 09.11.959, Константинополь) — византийский император из македонской династии, номинально царствовал с 945 по 959 год. В своей политике выражал интересы столичного чиновничества, выступая против центробежных

тенденций провинциальной знати. Активизировал военные действия против арабов. Начало оказалось неудачным, и посланное на отвоевание Крита войско было разбито (949). Византийские армии перешли Евфрат (952), но были отброшены. Завоевания на Востоке были восстановлены благодаря Никифору Фоке и Иоанну Цимисхию. Высшим достижением ромейского оружия стало взятие Самосаты (958). Константин VII назначил на должность «паракимомена» (первого министра) внука Василия Лекапена (сына свергнутого императора Романа I), который приобрел огромное влияние и сохранял его при последующих императорах. Константин VII известен как один из образованнейших людей своей эпохи, покровитель и издатель компилятивных сборников, автор сочинений «О фемах», «О церемониях», «Об управлении империей», являющихся важнейшими источниками для изучения истории Византии, Киевской Руси и других стран. Перу Константина принадлежит один из разделов хроники Продолжателя — жизнеописание императора Василия I Македонянина.

ный исторический момент), становление ареала, динамику территориального расширения и заключительный этап его затухания.

Как было сказано выше, обособившись из синкретической среды бакальского ИКТ, две, вероятно, родственные (фратриальные) группы носителей керамики кушнаренковского и караякуповского типов вместе с бакальским зауральским населением начали движение в двух основных направлениях: на запад (вдоль бассейнов Верхней Уфы, Ая и Сима) и далее в Камский бассейн, после чего во второй половине VI века на поселенческих и в погребальных комплексах появляются материалы

нового облика. Одновременно с этими идет движение на юг, в степное Зауралье и степи Северного Казахстана. Особый интерес представляет именно этот, южный, миграционный импульс. Он отмечен появлением характерной кушнаренковской посуды в так называемых памятниках селенташского типа, представленных курганами с «усами» (грядями) или каменными оградами в Южном Зауралье (Кайнсай, Селенташ, Туркменево), а также кушнаренковско-караякуповской, бакальской и карымской керамики на поселениях и стоянках на юге Урала.

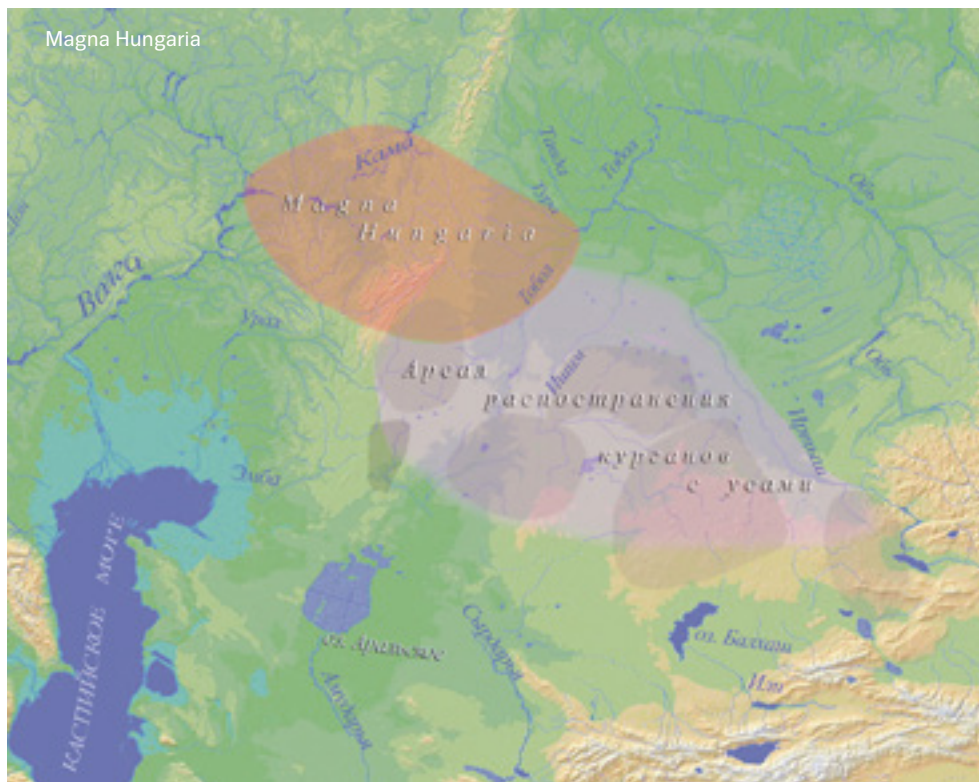
Яркая архитектурно-планиграфическая особенность курганов с «усами» позволяет очертить грандиозную территорию в пределах урало-казахстанских степей. Крайнюю южную позицию занимают комплексы в предгорьях Казахского Алатау. Северные памятники располагаются по южной кромке южноуральской лесостепи, западные — в восточных предгорьях Мугоджар, а восточные и юго-восточные памятники — в Поиртыше и Семиречье. Наибольшая их плотность наблюдается в Южном Зауралье, Восточном Тургае и Сарыарке.

Памятники селенташского типа мы давно соотносим с комплексами постгуннского, гунно-болгарского круга, составлявшего в период своего существования (V–VIII вв.) основу Западно-Тюркского каганата (объединение он ок будун (оногур), состоящее из союзов дуло и нушеби).

Вероятнее всего, на самом раннем этапе южной миграции часть раннемадьярского (кушнаренковско-караякуповского) населения была инкорпорирована в гунно-болгарскую среду кочевого сообщества Западно-Тюркского каганата (V–VI вв.).

С этого периода формируются окончательные границы очага протомадьярского ареала, получившего впоследствии наименование Magna Hungaria. Он охватывал достаточно большой регион — от Исети и Тобола на востоке, Камское Предуралье на западе и до степной полосы южноуральского и североказахстанского пограничья на юге. Возможно, это покажется слишком грандиозной территорией, однако стоит заметить, что размеры обитания мадьяр, приводимые персидскими источниками (Гардизи и Худуд-ал-Алам), тоже впечатляющи — 150×100 или 100×100 фарсангов.

Мадьярский воин.
Реконструкция

Фарсанг, или **персидская миля** в зависимости от характера местности равняется 5,5–8 км. Соотносится с часовым переходом лошади или верблюда. С учетом относительно равнинного

характера этой части урало-казахстанских степей означенные расстояния могут рассчитываться по минимуму 550×550 км, а по максимуму 800×1200 км.

Гардизи (полное имя Абу Са'ид Абд аль-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи) — персидский историк.

О его жизни ничего не известно. Как показывает его нисба, он был родом из Гардиза, в одном дне пути от Газны в Индию. Его труд «Зайн аль-ахбар» («Украшение известий») написан при Газневиде Абд ар-Рашиде (1049–1053) и содержит историю персидских царей,

Мухаммеда и халифов до 1032 года и подробный рассказ о Хорасане со времени арабского завоевания до 1041 года; сюда вставлены также трактаты о греческой науке. Заключительные главы посвящены генеалогии (Ансаб) и науке; среди них находятся подробная, имеющая также очень большое значение для географии Средней Азии глава о тюрках и глава об Индии.

«Худуд ал-Алам» — географический трактат 982 года неизвестного персоязычного автора. Полное название сочинения — «Худуд ал-'Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Границы мира с востока на запад»). Самый ранний образец географического трактата на персидском языке. Компилятивное сочинение «Худуд ал-Алам» было написано в 372 году по мусульманскому календарю (то есть в 982–983 годах н. э.) и посвящалось эмиру Гузганана (территория Северного Афганистана) Абул-Харису Мухаммаду бин Ахмаду ал-Фаригуни. С оригинального манускрипта в 1258 году была снята копия, которую в 1892 году обнаружил в Бухаре русский ориенталист капитан А. Г. Туманский. Рукопись представляет собой часть более общего свода и состоит из 39 листов

размером 28×8 см, размер написанного текста 20×3 см. На каждой странице 23 ровные строки, написанные правильным и красивым шрифтом внутри очерченной рамки. На титульном листе помещены название книги, стихи, написанные тем же почерком, но к тексту книги отношения не имеющие, имя переписчика, а также некоторые поздние добавления, не представляющие интереса. Заметки на полях некоторых страниц не имеют большого значения.

В 1896 году Туманский опубликовал перевод на русский язык глав о «славянах обращенных в христианство», славянах и руссах с кратким комментарием. После смерти Туманского (1920) его жена передала манускрипт ориенталисту В. Ф. Минорскому в Париж, который, в свою очередь, с согласия жены

Туманского передал манускрипт в Академию наук СССР, в Ленинград.

Там в 1930 году вышло факсимильное издание на оригинальном языке под редакцией академика В. В. Бартольда, который перевел на русский язык фрагмент, посвященный Восточной Европе. В заключительных словах своего Предисловия к изданию Бартольд говорит, что основной причиной отказа от идеи полного перевода манускрипта было «огромное количество географических названий, прочтение которых остается неизвестным». В 1937 году Оксфордским университетом опубликован на английском языке полный перевод Худуд ал-Алама, выполненный В. Ф. Минорским. Минорский снабдил перевод также обширным научным комментарием и 12 картами отдельных географических районов. Карты были реконструированы им по тексту сочинения.

Худуд ал-Алам сегодня остается наиболее полным, но спорным источником по истории и географии средневековых народов Евразии. Реконструкции ее, предлагаемые различными авторами, вот уже почти сто лет неизменно вызывают споры и бесконечные уточнения.

Часть карты Азии из «Худуд ал-Алам»

Александр Григорьевич Туманский (1861–1920) — генерал-майор русской императорской армии из рода Туманских. Известен главным образом как военный переводчик и востоковед.

Туманский является одним из первых, открывших для русскоязычных исследователей и читателей сведения о бабитском движении в Персии в середине XIX века и о первых Бахаи на Востоке. Он нашел и перевел на русский язык (1899) «Китаб-и-Агдас» Бахауллы. Сейчас книга «Китаб-и-Агдас» общедоступна, в то время это было эпохальное открытие. Во время своих исследований бабитского движения Туманский вел переписку с Э. Г. Брауном через барона В. Р. Розена.

Другое его значительное открытие — находка утраченной работы Улугбека и перевод из нее древней рукописи, озаглавленной «Оулуз-и-арбаха», часть из которой под названием «Худуд аль-алам» была опубликована в 1930 и в 1937 году. В 1896 году Туманский опубликовал переведенную на русский язык главу о «славянах обращенных в христианство», славянах и руссах с кратким комментарием. После смерти Туманского (1920) его жена передала манускрипт ориенталисту В. Ф. Минорскому в Париж, который, в свою очередь, с согласия жены Туманского передал манускрипт в Академию наук СССР, в Ленинград.

Василий Владимирович Бартольд (3(15).11.1869, Санкт-Петербург — 19.08.1930, Ленинград) — российский и советский востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог; один из основателей российской школы востоковедения. Академик Санкт-Петербургской Академии наук (1913), член Императорского Православного Палестинского Общества. Один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и первого издания «Энциклопедии ислама».

Родился в семье биржевого маклера немецкого происхождения. В 1887 году окончил 8-ю петербургскую гимназию. Поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков. Окончил университет в 1891 году, с 1892 года там же и работал. Преподавая в университете, ежегодно совершает поездки в страны Востока. В мае 1913 года Бартольд предпринял научную поездку по Южному Уралу, Сибири и Центральной Азии, посетил Оренбург, Уфу, село Стерлибашево Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

В феврале 1917 года Бартольд вошел в состав академической Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. После Октябрьской революции Бартольд возглавил Коллегию востоковедов, созданную в 1921 году при Азиатском музее.

В 1924–1926 годах бывал в Баку, где принимал деятельное участие в организации силами профессоров Ленинградского и Казанского университетов восточного факультета в Азербайджанском университете. Являлся одним из участников и организаторов Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926). Занимался во многих библиотеках мира (Англии, Германии, Франции, Турции и др.), СССР (Ленинград, Москва, Ташкент, Баку и др.). Главной целью его поездок за границу и по Советскому Союзу стало исследование восточных рукописных собраний.

Труды Бартольда представляли исключительную ценность, так как позволили ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы, в том числе работы Гардизи и «Худуд ал-Алам».

Первое издание Худуд ал-Алам

Владимир Федорович Минорский (24.01[05.02]. 1877, Корчева, Тверская губерния, Российская империя — 25.03.1966, Кембридж, Англия, Великобритания) — русский востоковед и дипломат, исследователь истории, исторической географии, литературы и культуры Персии и Закавказья. Незаурядный геополитик.

Окончил 4-ю Московскую гимназию с золотой медалью (1896), юридический факультет Московского университета (1900) и Лазаревский институт восточных языков (1903). В 1903 году поступил в Азиатский департамент МИД. В 1904 году избран членом Московского археологического общества. Служил дипломатом в Иране (Персии) и Турции: драгоман генконсульства в Тавризе (1904–1908), второй драгоман миссии (с 1906 года). Полевым методом изучил курдский язык, что помогло ему стать одним из виднейших курдологов своего времени. С 1912 года Минорский —

2-й секретарь русского посольства в Константинополе. 4 ноября 1913 года Минорский был включен в состав четырехсторонней комиссии (русско-британо-турецко-персидской) по Турецко-персидскому разграничению. С 1915 года Минорский — 1-й секретарь русской миссии в Персии; в феврале 1917 года вступил в управление миссией в качестве поверенного в делах. После Октябрьской революции до мая 1919 года он оставался в Тегеране, затем долго жил во Франции. Работал в посольстве Российской империи в Париже (вплоть до его закрытия) экспертом по Ближнему Востоку и Кавказу.

С 1923 года читал лекции по персидской литературе и истории ислама в Национальной школе живых восточных языков в Париже. В 1930 году назначен «восточным секретарем» намеченной на 1931 год Международной выставки персидского искусства в Берлингтон-Хаусе (Лондон). В 1934 году Минорский участвовал в праздновании Тысячелетия Фирдоуси в Тегеране. В 1937 году он получил звание профессора Кембриджского университета. В 1944 году вышел в отставку. В 1948–1949 годах Минорский преподавал в Университете Фуада (Каир).

Внес большой вклад в области турецких, монгольских, курдских, азербайджанских, армянских и византийских исторических исследований.

Несколько позднее в степи Восточного и Центрального Казахстана пришло объединение (после поражения от тогуз-огузов в 647 году) сеянокыпчаков, что подтверждается археологическими данными (иконография каменной скульптуры, архитектура памятных оградок Сарыарки). Вероятно, с этого времени (вторая половина VII в.) данный миграционный ареал, который условно можно назвать оногурским, раннеболгарским или протомадьярским, приходит в движение. Он максимально нарастает к середине VIII века, что, по мнению А. Досымбаевой и П. Голдена, связано с падением Восточно-Тюркского каганата и приходом в Южный Казахстан карлуков. Процесс знаменуется окончательным исходом народа «десяти стрел» (он ок будун) из урало-казахстанских степей. На это указывает то, что, по данным радиоуглеродного анализа и типологии инвентаря, наиболее поздние курганы с «усами» датируются концом VII в., в то время как наиболее поздние селенташские комплексы (без «усов») доживали только до середины VIII в.

Широтное движение населения в рамках этого ареала устанавливается по целому ряду фактов. Именно с VII века на запад направляется некий вектор культурных инноваций, которые происходят на территории от Волжского правобережья до Центральной Европы. Так, стоит признать, что раннеболгарские комплексы к западу от Волги появляются не ранее второй трети VII века и дисперсно встречаются в пределах VII–VIII веков в Приазовье

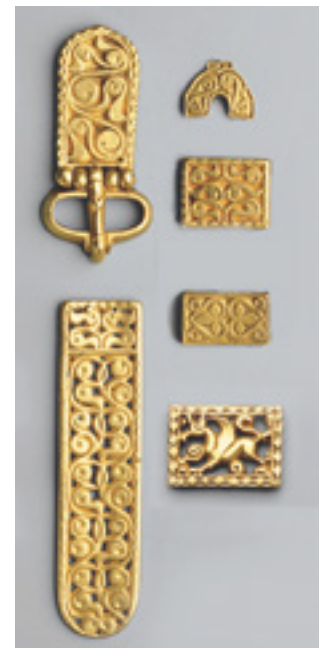
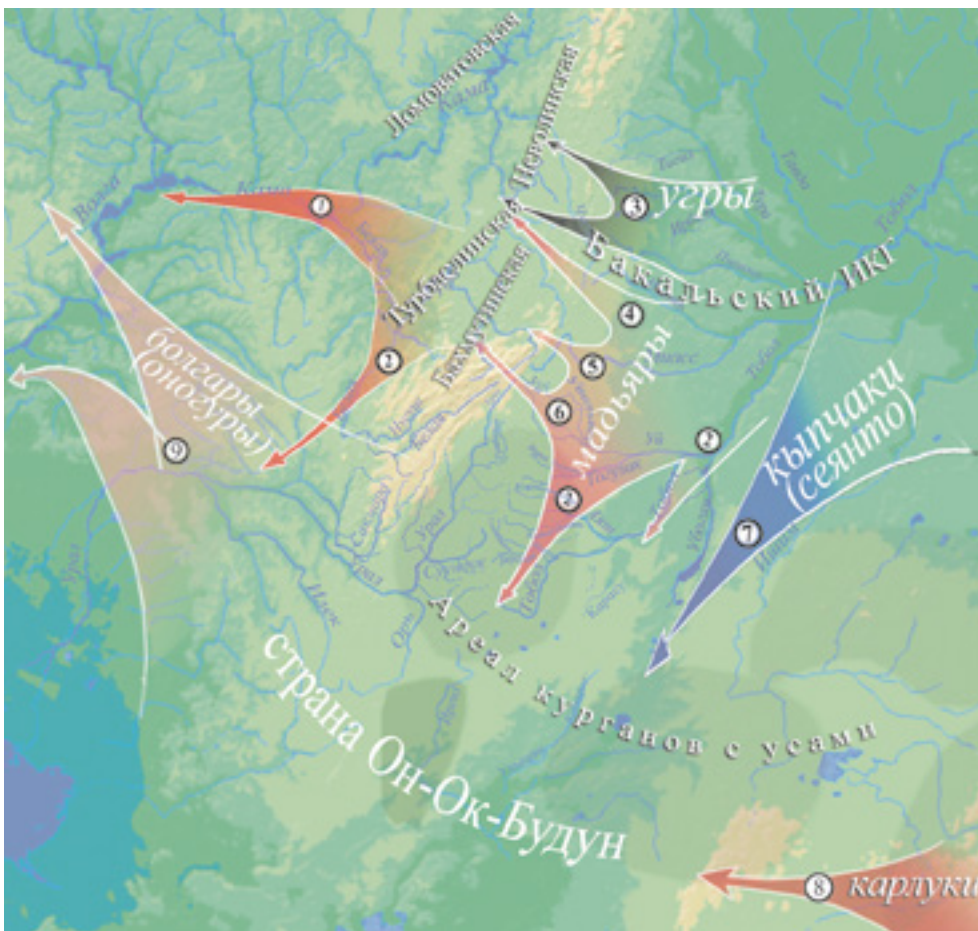
Вещевой инвентарь Комаромского могильника. Словакия

и Причерноморье, исторически маркируя Великую Болгарию, по Р. Рашеву [421, с. 12–52]. К концу VII века этот импульс достигает Балканской Болгарии и, наконец, к самому концу среднеаварского периода (VII — начало VIII в.) — Карпатской котловины.

В Западном Причерноморье появляются материалы, своеобразно маркирующие новый стиль: бляшки с полукруглым вырезом в верхней части, трапециевидные бляшки с кольцом в нижней части, орнаментированные рядами «эсовидных» элементов, в конце которых круг с завитком, растительными и фаунистическими сюжетами (так называемый стиль с «грифами и плетями»), серьги со стеклянными подвесками. Этот стиль получил название «Врап-Ерсеке» и достаточно хорошо вычленяется в материалах среднеаварских могильников (Комаром, Питварош, Болы, Сентеш-Берхат, Полисмарог-Мария). В Венгрии эти материалы маркируют некий горизонт, условно названный нами комаромским — по наиболее яркому некрополю,

возникшему в северной части Большого Альфельда в конце VII века. В связи с тем, что материалы этого круга довольно точно маркируют раннесредневековые пояса дунайских болгар, есть основание связывать комаромский горизонт с приходом нового населения на Дунай в 670–680 годах. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения служит информация о результатах анализа древних копий из Комарома. Они были изготовлены из древесины шелковичного дерева (тутовника). Как известно, самым западным регионом выращивания этого дерева к тому моменту могли быть Восточный Туркестан (Синьцзян) и Средняя Азия.

Попытка подвергнуть вышеназванные археологические трансформации исторической реконструкции невольно подталкивает нас к участию в одной весьма бурной дискуссии, которая разгорелась в венгерской исторической науке в 1960–90-е годы. Речь идет о теории «двойного обретения Родины», выдвинутой известным археологом и общественным деятелем Дьюло Ласло в связи

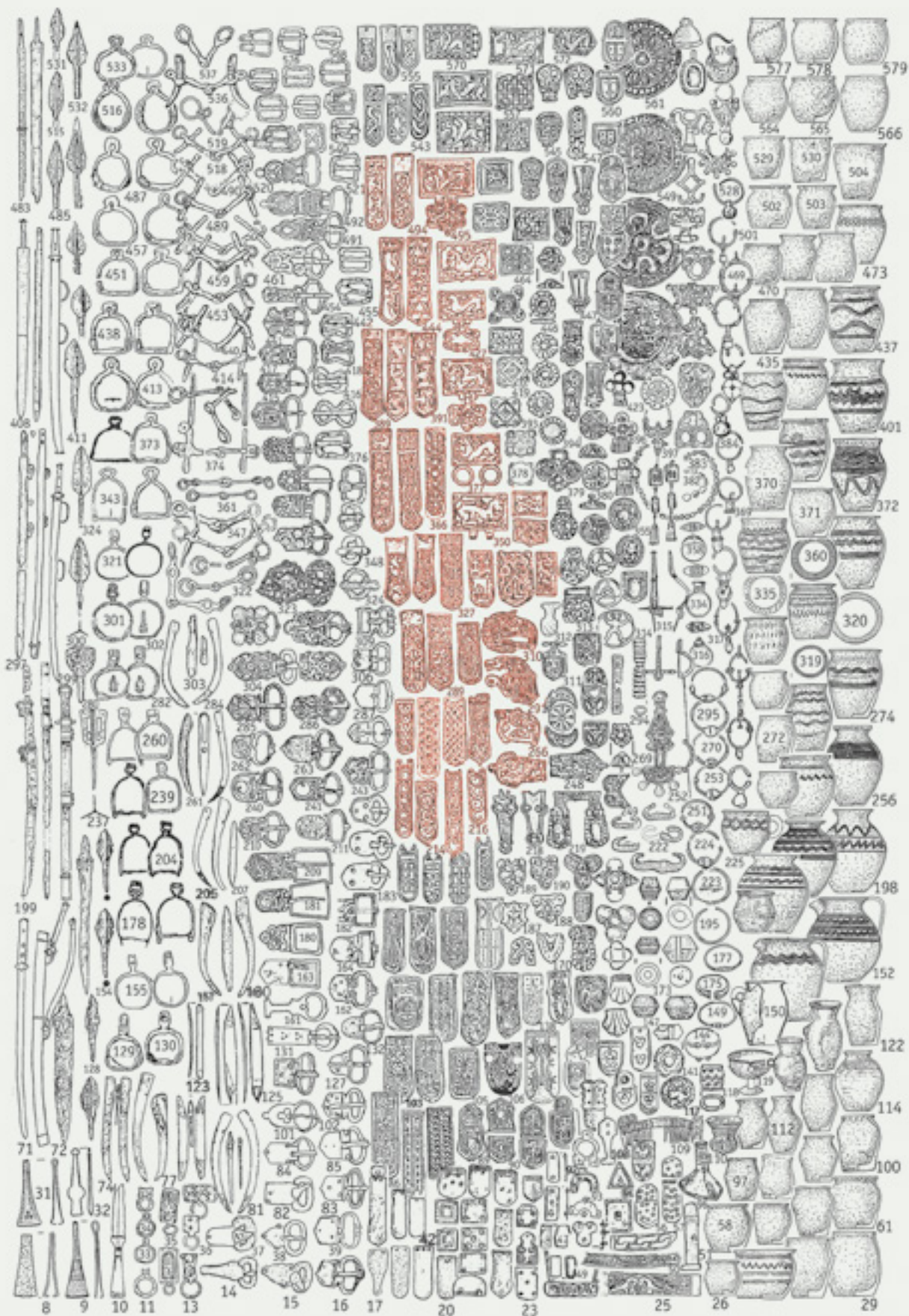

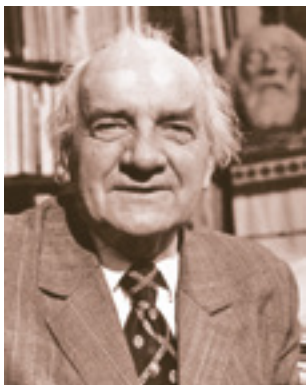
Стиль Врап-Ерсеке

Карта этнокультурной ситуации в Южном Зауралье в VI–VIII веках

Погребальный обряд и инвентарь средне-аварского периода в Венгрии (конец VI–VII в.). Красным цветом выделен Комаромский горизонт

Дьюла Ласло (венгр. László Gyula; 14.03.1910, Кёхалом, — 17.07.1998, Орадя) — венгерский историк, археолог, художник и преподаватель университета. С 1996 года являлся членом Венгерской художественной академии.

Дьюла Ласло окончил Академию Художеств в Будапеште в 1932 году — при этом, он одновременно изучал археологию и этнографию в Будапештском университете. С 1937 по 1940 год Ласло являлся сотрудником Венгерского национального музея — в 1952 году вернулся в это учреждение в роли заведующего отделом средневековой археологии, сохранив данный пост до 1957 года. В 1940 году стал преподавателем университета в городе Клуж, проработав на этой должности до 1949 года; затем он стал профессором Будапештского университета, а с 1957

Дьюла Ласло.
Медаль

по 1980 год — заведующим кафедрой археологии там же.

Ласло специализировался на археологии и истории эпохи Великого переселения народов (особенно — переселении авар). Кроме того, его интересовали вопросы, связанные с «обретением Родины» венграми, историей древних венгров и средневековым искусством региона. Он руководил раскопками венгерского поселения X в. в Чонград-Фелдье и рядом других археологических работ. Ласло считается создателем венгерской школы «археологии с человеческим лицом» — что подразумевает использование этнографических параллелей в изучении быта и мировоззрения древних народов, реконструкцию их общественных отношений (на основе анализа могильников и других источников).

Дьюла Ласло являлся автором дискуссионной теории о «двойном обретении Родины» венграми: переселенцев, появившихся на территории современной Венгрии в 670-е годы, он отождествил с первой волной миграции — в то время как их потомки, по его версии, составили слой общинников в конце IX века (во время появления венгров Арпада, «обретателей Родины»). Сам Ласло являлся наиболее известным венгерским археологом — популяризатором данной науки.

с наличием в исторических источниках фактов переселения «белых угров» в Карпатскую котловину в период правления Ираклия (согласно ПВЛ — в 610–641 гг.) или в 670–677 годах, согласно информации византийских источников («Хронограф» Феофана). Краткая суть вопроса сводится к тому, что лагерь историков и археологов разделился. Одни склонны считать наиболее ранними венграми «белых угров» (которые, согласно ПВЛ, ассоциируются с историческими оногурами) — мадяров или протомадьяров. Другие уверены, что именно «черные угры» (согласно все той же ПВЛ) являлись собственно венграми, следующими на свою новую родину.

Представим историческую канву событий, приведших к изменению мадьярского миграционного ареала.

Распад Западно-Тюркского каганата и стремительное освоение кимако-кыпчакскими кочевниками Восточного и Центрального Казахстана, а союзом тогуз-тюргешей (карлуков) — Южного Казахстана и Семиречья, привел во второй половине VIII века к оттоку болгаро-мадьярского населения огуров не только на запад, о чем уже говорилось, но и в более северные районы Урала. В итоге произошло интенсивное обживание степным населением (урало-казахстанскими кочевниками) глубоких остепненных ниш Южного Урала: Месягутовской и Красноуфимской лесостепи (Каранаевский могильник), Убалинской горной степи (Хусаиновские курганы), горнолесных остепненных долин рек Ай и Юрюзань (Лагереvские, Старо-Халиловские и Идельбаевские курганы), баймакских остепненных предгорий (Бекешевские I и II, Муракаевские и Хусаиновские курганы), а также крайнего северного участка зауральской лесостепи (Байрамгулово, Синеглазово, Граултры и Уелги). Основной особенностью культурной преемственности этого населения остается керамический комплекс, который в основном принадлежит кушнаренковско-караякуповскому типологическому ряду, продолжающемуся с конца VIII до X века. При этом на самом позднем этапе в некоторых памятниках (Каранаево, Синеглазово, Уелги) появляются вещевые комплексы, позволяющие проводить прямые параллели с материалами Карпатской котловины.

Пояс. Серебро, тиснение. Баяновский могильник, погребение 315. Пермский край (по И. Фодору)

Прорисовка деталей Византийского поясного набора. Баяновский могильник. Пермский край [92]

Этот факт, как, впрочем, и наличие других ярких мадьярских параллелей (поясная гарнитура, вооружение, погребальные маски, поясные сумочки-ташки) в Большеитганском, Танкеевском, Баяновском и других памятниках Приуралья, объяснить сегодня непросто, если представить, что с окончательным исходом венгров на новую родину в конце IX века существование мадьярского миграционного ареала прекратилось. Да и был ли некий большой одноразовый легендарный исход мадьяр?

Ограниченность северных остепненных ниш в пределах Большого Урала в конечном счете диктовала перманентный отток мадьярского населе-

ния в пределах большого европейского степного и лесостепного коридора, ранее обособившегося в огромный миграционный ареал от Урала до Карпатской котловины. Это движение, по всей видимости, осуществлялось своеобразным циклическим волновым образом (сезонные разведочные рейды, торговый эскорт, набеги). Участие в различных внешнеполитических кампаниях в Хазарии, на Кавказе, в Крыму, Дунайской Болгарии позволяло мадьярам занимать временные форпосты, некие плацдармы в излучине Камы и Волги, на Среднем Днепре, где оставался своеобразный мадьярский след (ряд погребений Большеитганского

Пояс, маска, диск со священным оленем. Серебро, литье, чеканка, позолота. Баяновский могильник. Пермский край (по И. Фодору)

Мадьярская воинская сумка-ташка. Реконструкция

и Танкеевского могильников, а также несколько погребений субботцевского горизонта). Кроме того, в пределах маршрута, пролегающего через весь этот ареал, встречаются хотя и яркие, но весьма редкие погребения. Этот этап почти столетнего (а возможно, и более продолжительного) существования мадьярского миграционного ареала в легендарной мифологизированной памяти венгров остался как образ некой страны — Леvedии и Этелькезы, о пространственно-временном позиционировании которых дискутируют исследователи, занимающиеся решением мадьярской проблемы.

Остается еще один важный и интересный вопрос: сколь долго сохранялась жизнеспособность данного ареала?

Первые исследования Уелгинского погребального комплекса и более ранние находки на Синглазовском могильнике в причелябинском За-

Погребальные маски (серебро, чеканка), мадьярские воинские сумки-ташки. Баяновский, Танкеевский, Рождественский могильники. Пермский край, Республика Татарстан (по Фодору И., 2015; [31])

уралье позволили получить наряду с другими культурно-стилистическими группами — местной южно-уральской, казахстанской, алтайской (сросткинской) и угорской (юдинской) — яркие наборы поясной и сбруйной гарнитуры, выполненной из серебра с золотым амальгамированием, прямые аналоги которых можно встретить среди материалов венгерских комплексов периода «обретения Родины» и последующего времени (X–XI вв.). Некоторыми исследователями высказана мысль о некоем возвращении венгров на свои родовые земли и существовании определенного долговременного этапа взаимодействия карпатских и уральских мадьяр. Особенно ярко это проявилось на примере богатого венгерского и византийского инвентаря и традиций (маски, поясные сумки, ташки, серебряные пояса) в погребениях X в. Баяновского могильника (Пермский край) [92].

Остается не совсем понятным коммуникационный историко-культурный механизм, действовавший в период наиболее позднего существования мадьярского миграционного ареала. Были ли это брачные миссии или рекрутские эпизодические кампании, когда богато украшенные культовые вещи и предметы роскоши попадали далеко на восток в виде дорогих подарков.

Однако очевиден тот факт, что попадание столь высокотехнологичных и абсолютно схожих с карпатскими артефактов целевым образом за несколько тысяч километров в родственную среду не может быть объяснено традиционно — спорадическими торговыми связями. Вероятно, неким отголоском этих обратных коммуникаций в рамках

Инвентарь. Могильник Усть-Терсюк. Курганская область

Инвентарь. Могильник Усть-Терсюк. Курганская область

Юлиан — венгерский монах-доминиканец, совершивший в 1230-е годы два путешествия на восток в поисках Великой Венгрии (Magna Hungaria) — прародины венгров. Известен как «Колумб Востока» (по выражению Л. Бендефи). Еще до Юлиана (вероятно, в 1231–1232 годах) на поиски восточных венгров, которые «все еще остаются в заблуждении неверия», отправлялись четыре венгерских доминиканца. Трое из них погибли, но четвертому, Отто, удалось получить сведения о пути к Великой Венгрии и вернуться на родину после трехлетних странствий. Несмотря на то что Отто через восемь дней после возвращения скончался, он успел поделиться этими сведениями с братией. В первые дни мая 1235 года

Юлиан с тремя другими доминиканцами пустился в путь из монастыря, расположенного, вероятно, в Буде или Пеште. Они ехали с охранной грамотой и на средства князя Белы (будущего короля Белы IV). Монахи были облачены в мирское платье, кроме того, они отпустили бороды и волосы, чтобы не выделяться среди «язычников». Следуя через Секешфехервар, Печ, Белград, Ниш, Софию, Филиппополь и Адрианополь, доминиканцы за месяц достигли Константинополя.

После 33 дней плавания на корабле вдоль берегов Малой Азии монахи оказались в Матархе (Тмутаракань). Ожидание попутчиков затянулось на 50 дней, и лишь в конце августа путешествие продолжилось. Пройдя вдоль реки Кубани, от ее

изгиба они повернули на северо-восток и в конце сентября достигли страны аланов. Два спутника Юлиана решили вернуться в Венгрию «из-за боязни татар, которые, по слухам, были близко». Оставшиеся Юлиан и Герард провели шесть месяцев, практически не имея средств к пропитанию, и, видимо, не ранее 20 марта 1236 года отправились дальше на север. После 37 дней труднейшего пути через пустыню монахи достигли страны Вела (вероятно, на берегах реки Уил). Они пожилы некоторое время в городе Бунда, а затем перешли в другой город, где 7 мая брат Герард скончался. Сам Юлиан, нанявшись слугой, вместе со своим хозяином отправился в Великую Булгарию. Там он повстречал женщину, которая указала ему путь в искомую страну. «Близ большой реки Этиль» Юлиан нашел людей, язык которых «совершенно венгерский: и они его понимали, и он их». Будучи принят

радушно, доминиканец около месяца прожил среди них.

20 июня Юлиан пустился в обратный путь. Он прошел через мордовскую землю и примерно в середине августа достиг Нижнего Новгорода. Затем миновал Владимир, Рязань, Чернигов, Киев и Галич, а 27 декабря перевалил Карпаты. В начале 1237 года Юлиан, вероятно, был в Буде с докладом королю Беле IV, а весной того же года — в Риме, где его донесение папе Григорию IX записал монах Рихард. Осенью 1237 года Юлиан вновь отправился в путь. Достигнув восточных пределов Руси, он узнал, что и Великая Венгрия, и Булгария уже разорены монголами. От беженцев Юлиан узнал, что монгольские войска сосредоточены вблизи границ русских княжеств и готовы к вторжению зимой, когда реки и болота замерзнут. На обратном пути на Родину Юлиан побывал в еще не затронутой войной Суздале, где был принят князем.

маршрута все того же миграционного ареала возможно объяснить и миссии доминиканских монахов (Юлиан) в поисках своей венгерской прародины в 1230-е годы. Однако позднее, насколько нам известно, монгольское нашествие и установление улусной системы Золотой Орды окончательно прервали и кардинально видоизменили характер движения внутри миграционных ареалов всей Евразии.

Пределы угорской ойкумены

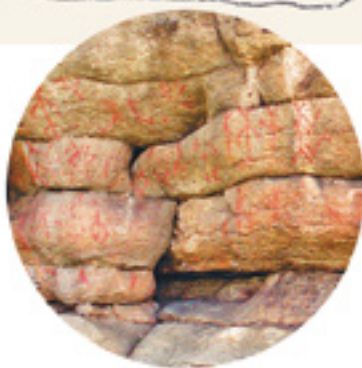
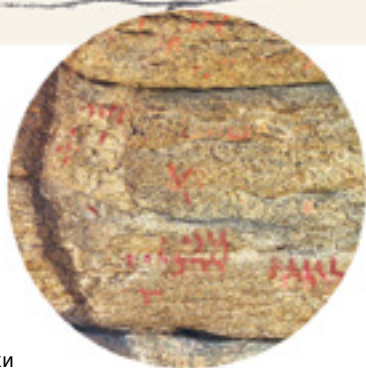
Присутствие в погребальных горизонтах некрополя Уелги артефактов, связанных с угорским населением таежной зоны Урала и лесных племен Западной Сибири (характерные горшки с примесью талька, шнуровым орнаментом и ушками для подвешивания в отдельных погребениях), указывают на прямое присутствие угорского (скорее всего, женского) населения среди уелгинцев. Это подтверждает нахождение в нескольких десятках километров известных святилищ, которые, вероятно, принадлежали тем же угорским некрополям.

Большеалакское святилище расположено на юго-западном высоком берегу озера Большие Аллаки. Представляет собой гранитный скальник, выход матрацевидных гранитов. Природные условия придали аллакским скалам замысловатые формы.

Вероятно, это обстоятельство явилось решающим для обживания этого берега человеческими сообществами. Вблизи скальника и внутри него сохранились культурные слои, имеющие возраст от палеолита до позднего Средневековья.

Гранитные скалы на берегу озера Большие Аллаки. Каслинский район, Челябинская область

Аллакские писаницы.
Озеро Большие Аллаки

Аллакская писаница была исследована В. Я. Толмачевым и В. Т. Петриным, который скопировал древние рисунки и произвел раскопки под писаницей на площади 20 кв. м. Писаница содержит 68 рисунков, расположенных тремя группами: первая и вторая группы — на крайней северо-западной скале, третья — на юго-западной. Первая группа находится под небольшим скальным козырьком на плоскости, обращенной к северу, в сторону озера. Рисунки нанесены на высоте 1,3–2,8 м над землей, на площади 21,5 кв. м. Петриным отмечены 45 фигур: около десяти антропоморфных существ (многие с раздвоенной головой); фрагменты сетчатых мотивов; гребневидный, ромбовидный знаки и неопределенные изобразительные мотивы — остатки геометрических форм. Появление рисунков следует отнести к эпохе Средневековья. Во второй группе, расположенной на той же скале, присутствуют геометрические мотивы в виде прямых горизонтальных линий с отростками и рядом соевидных форм, диагональный крест и неопределенные изобразительные мотивы. В третьей группе на крайнем юго-западном скальном останце обнаружены пять рисунков: V-образная фигура, пересеченная сверху дугой, и попарно расположенные схематичные изображения зооморфных и антропоморфных фигур в плане сверху. Все изображения нанесены охрой бордового и светло-красного цветов на скалу линиейми толщиной 1–2 см.

**Аракульский святы-
лищный комплекс** нахо-
дится на западном берегу
озера Аракуль, располо-
женного на стыке терри-
торий города Верхний
Уфалей и Каслинского
района. Стоянки и место-
нахождение комплекса
расположены на верши-
нах (Шихана Большого,
Среднего и Малого)
Аракульских гор, кото-
рые возвышаются над
озером на 80–270 м.

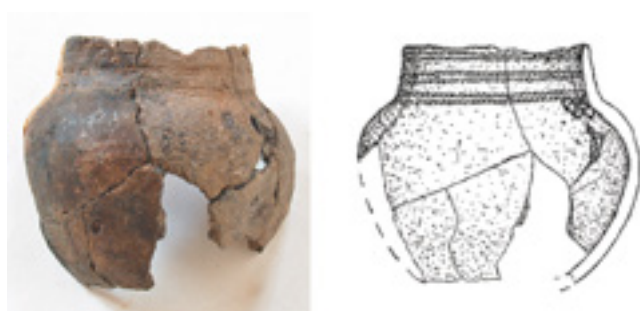
Археологические
памятники (стоянки,
святылищные места, ме-
стонахождения, писани-
ца и менгир) привязаны
к живописным скальным
грядам матрацевидных
гранитов и «курумов»
(каменные россыпи),
возвышающимися над
береговой поверхно-
стью на 20–50 м.

Обследованиями
комплекса в начале
2000-х годов занималась

экспедиция Е. В. Тидеман
(Гущиной). В этот же
период были обна-
ружены и описаны
Аракульские писаницы
В. Н. Широковым.

Археологический ма-
териал (керамика, кость,
металлические предме-
ты, всплески металла,
шлак) располагался как
в слое кратковременных
стоянок, расположенных
вблизи стен и навесов
со стороны напольной
части, защищенной от
открытого простран-
ства со стороны озера,
а также в своеобразных
«святылищных» чашах,
образованных естествен-
ными природными ус-
ловиями (мерзлотное
расслаивание грани-
тов в местах прогибов
и углублений). Основ-
ными хронологическими
горизонтами комплекса
явились ранний иткуль-
ский (IV–II вв. до н. э.)

Фрагмент сосуда котлоид-
ной формы и его прорисовка.
Петрогромско-юдинский
горизонт (X–XIV вв.).
Стоянка Средний Шихан I,
озеро Аракуль

Фрагмент сосуда
петрогромско-юдинского
горизонта и его прорисовка.
Стоянка Средний Шихан I,
озеро Аракуль

Естественная
«святылищная чаша»
в граните. Озеро Аракуль

Средний
Шихан.
Озеро Аракуль

Стоянка
Средний
Шихан I.
Озеро Аракуль

Большой
Шихан.
Озеро Аракуль

Стоянка
Средний
Шихан I.
Озеро Аракуль

и позднесредневековый петрогромско-юдинский (X–XIV вв.). Наиболее информативной из всех оказалась стоянка Средний Шихан I, исследованная в 2005 году. Она расположена вблизи вертикальной стенки у подножия скального выхода. Здесь выявлены столбовые ямки — остатки деревянной конструкции типа навеса. Были индивидуальные находки — фрагмент основания дна печи, металлический (свинцовый) всплеск, фрагмент литейной формы для отливки украшения, фрагмент медного котла, фрагменты медных изделий, одно из которых орнаментировано, фрагмент орнаментированной трубчатой кости, две гальки.

Особенности рельефа памятника исключают

возможность долгого проживания. Вершина г. Средний Шихан, вероятно, служила как для кратковременных стоянок, так и как наблюдательный пункт. Важная особенность памятника — наличие следов цветной металлургии, но не в производственных масштабах, а как ритуальное производство. У восточного подножия скального выхода Среднего Шихана были обнаружены писаницы, нанесенные традиционным методом, что и в уральских писаницах. Сохранилось две фигуры: слева некий образ решетчатого знака, справа антропоморфная мужская фигура с согнутыми в коленях ногами, поднятыми вверх руками. Особо выделен фаллический признак.

Аракульская писаница. Аракульский святилищный комплекс, озеро Аракуль

Араслановская писаница находится в окрестностях села Араслановского, у грота скалы Яман-таш (тат. Яман — плохой, обманчивый), на правом берегу реки Уфы. Содержит наскальные рисунки, датированные эпохой Средневековья. Писаница обнаружена в 1968 году В. Т. Петриным, в начале 1990-х годов изучалась В. Н. Широковым.

Выделены две группы рисунков — северные (шесть фигур) и центральные (восемь изображений); найдены также два одиночных рисунка. В северной группе крайнюю позицию слева занимает фигура животного, напоминающего медведя. В центре — композиция из Ф-образной антропоморфной фигуры (антропоморфизм — донаучное представление, будто животные, растения и явления неживой природы обладают человеческими свойствами — мыслями, чувствами, волей) и трех изображений животных. Справа от них — композиция из двух антропоморфных фигур, между которыми изображено копытное,

напоминающее лошадь. По некоторым данным, еще в 1960–1964 годах родственники местной мансийской семьи посещали скалу как священное место. Сведения о почитании мансийским населением первой половины XX века некоторых писаниц на скалах на Тагиле приведены в исследованиях Чернецова.

Данные, полученные при изучении южноуральских писаниц, связанных с традиционной обрядностью современного угорского населения, могут быть использованы для реконструкций этнической среды южноуральского региона.

В. Т. Петриным при раскопках возле Араслановской писаницы были обнаружены остатки жертвенного комплекса: обломки глиняных сосудов, кусочки охры, каменные изделия, в том числе пест, а также кости козули, лошади, птицы и некоторые неопределенные фрагменты.

По обобщенным данным рисунки датированы Средневековьем (бакальская, неволинская культуры).

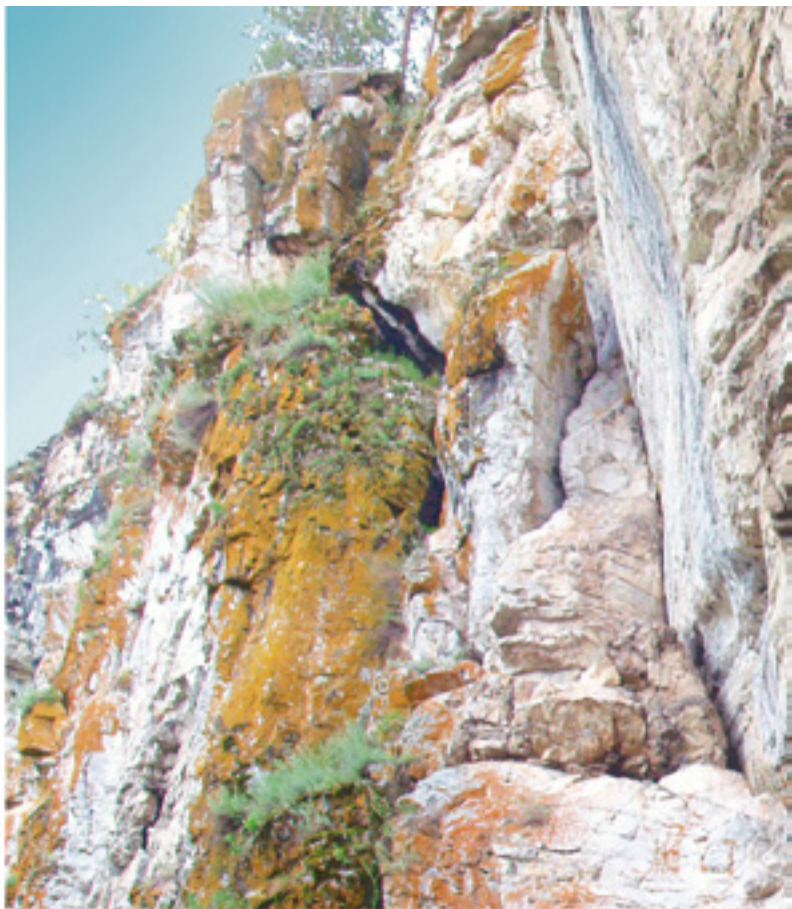
Араслановская писаница

Писаницы.
Араслановское святилище

Писаницы.
Графическая реконструкция.
Араслановское святилище

Араслановский грот

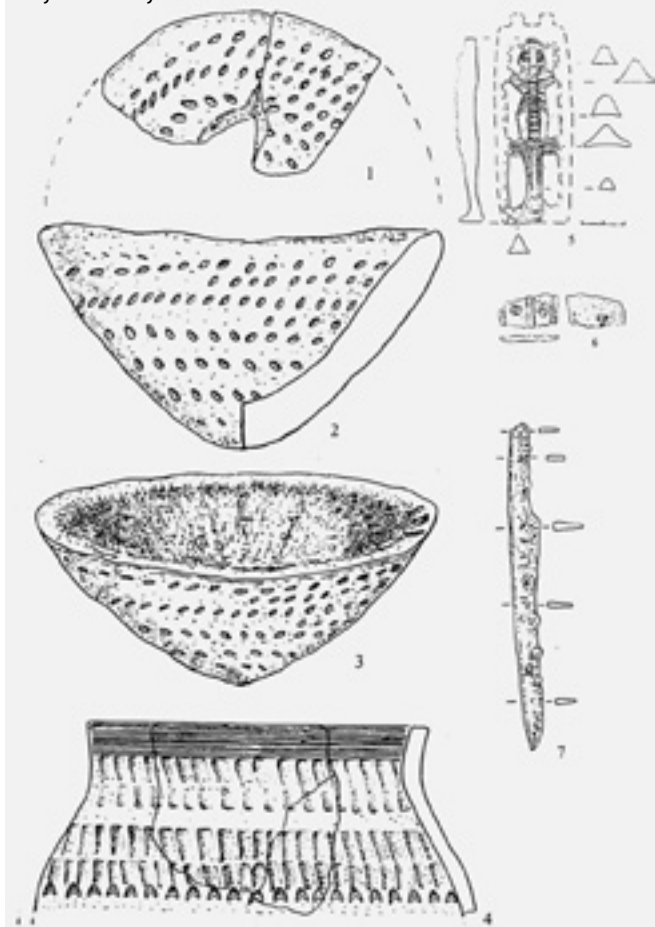
Араслановское святилище

Археологический комплекс у села Нечунаево. Общий вид. Курганская область

Нечунаевское святилище располагалось на высокой надпойменной бортовой террасе правого берега реки Исети, в двух километрах на северо-восток от села Нечунаево (Курганская область). К сожалению, информация о местонахождении бронзовых личин была получена от поисковиков. Археологические исследования приходилось проводить после того, как большая часть бронзовой металлопластики была извлечена из культурного слоя. На основании полученных в ходе полевых исследований данных с определенной долей условности можно говорить о заселенности площадки памятника в энеолите — раннем бронзовом веке, раннем железном веке и Средневековье. Стратиграфические наблюдения в разных частях памятника позволили достаточно точно выделить несколько горизонтов. Светло-коричневый песок, обнаруженный в западной части раскопа и содержащий фрагменты керамики эпохи энеолита, является наиболее ранним. По всей видимости, слой серой супеси под дерном, зафиксированный по всей исследованной площади и маркирующийся находками, можно отнести к самому позднему горизонту — раннесредневековому. Не вызывает сомнений, что антропоморфные личины, найденные в ходе самовольных раскопок, относятся к наиболее позднему периоду. В процессе раскопок были обнаружены: керамический тигль со всплесками бронзы, железный нож, обломок личины с зооморфной пряжки и фрагменты от горшка юдинского облика. Описание и прорисовка большей части личин были выполнены по фотографиям. Ниже приводятся сведения о наиболее интересных экземплярах.

Находки из культурного слоя. Археологический комплекс у села Нечунаево

Личина № 1 (см. рис. на с. 152, 1). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 8,4 см; ширина 3,3 см; длина (черешка) 2,1 см. Форма подпрямоугольная, основание прямое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови релье-

ефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Глаза и рот переданы ромбовидными углублениями с выступающим в центральной части валиком. Верхняя часть изделия покрыта рельефным орнаментом в виде семи горизонтальных параллельных линий. Черешок небольших размеров, его края подчеркнуты слегка выступающими бортиками, центральная часть выпуклая. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны хорошо полированы. Имеется петелька для подвешивания. Фиксируются следы коррозии.

Личина № 3 (рис. на с. 152, 3). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 9,2 см; ширина 1,5–2,4 см, длина (черешка) 2,5 см. Форма изделия овальная, основание слегка выпуклое. Верхняя и центральная части слегка деформированы (отсутствует бортик и незначительна внутренняя часть). Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Детали выполнены в том же стиле, что и на личине № 1, однако в целом изображение слегка вытянуто. Верхняя часть украшена двумя рельефными горизонтальными параллельными линиями. Черешок длинный, по его контуру проходит широкий бортик, а центральная часть выпуклая. Литник удален. Тыльная сторона частично полирована, присутствует патина. Кроме того, имеется петелька для подвешивания.

Личина № 4 (рис. на с. 152–153, 4). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 7,9 см; ширина 2,15 см, длина (черешка) 1,8 см. Форма прямоугольная, основание стрельчатое, пологое. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Глаза представлены углублениями ромбовидной формы, рот — двумя прямоугольными вдавлениями, смыкающимися под тупым углом в районе носа. Верхняя часть изделия покрыта рельефным орнаментом в виде трех горизонтальных параллельных линий, плавно переходящих в украшение бортиков изделия. Черешок — короткий, уплощенный. Литник удален. Тыльная сторона хорошо отполирована. Имеется петелька для подвешивания с обломлен-

ной центральной частью. На лицевой и тыльной стороне присутствует патина.

Личина № 6 (рис. на с. 152–153, 6). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 9,3 см; ширина 3,5 см; длина (черешка) 3,7 см. Форма прямоугольная со слегка скругленной нижней частью, основание прямое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Глаза и рот обозначены углублениями овальной формы с линзовидным выступом в центральной части. Бортики покрывает орнамент в виде рельефного зигзага. Черешок достаточно длинный, верхняя часть его увеличена. По краям имеется невысокий бортик, в центральной части — выступ полусферической формы. Литник удален. Тыльная сторона частично заполирована. Имеется петелька для подвешивания. На лицевой и тыльной стороне присутствует патина.

Личина № 8 (рис. на с. 152–153, 8). Антропоморфное литое бронзовое изображение. Размеры: высота 7,35 см; ширина 3,15 см; длина (черешка) 2,6 см. Форма прямоугольная со слегка скругленной нижней частью, основание прямое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Все детали выполнены в том же стиле, что и на личине № 6. Литник удален. Лицевая часть хорошо заполирована. На тыльной стороне присутствуют дефекты литья. Имеется петелька для подвешивания. По всей поверхности — незначительные очаги коррозии.

Личина № 9 (рис. на с. 154–155, 9). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 9,3 см; ширина 2,3–3,4 см; длина (черешка) 2,5 см. Форма прямоугольная со слегка скругленной нижней и удлиненной верхней частью, основание стрельчатое, пологое. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Слева нижняя часть изделия утрачена. Глаза оформлены овальными углублениями с выступом в центре. Рот представлен дугой. В центральной части к нему примыкает пара сдвоенных косых рельефных

линий. Верхняя часть изделия украшена зооморфным изображением (бобр?), детали которого крайне нечеткие, за исключением хвостовой части, на

которую нанесен ромбический орнамент. Черешок ромбовидной формы, в центральной части имеется выступ. Небольшой желобок соединяет черешок

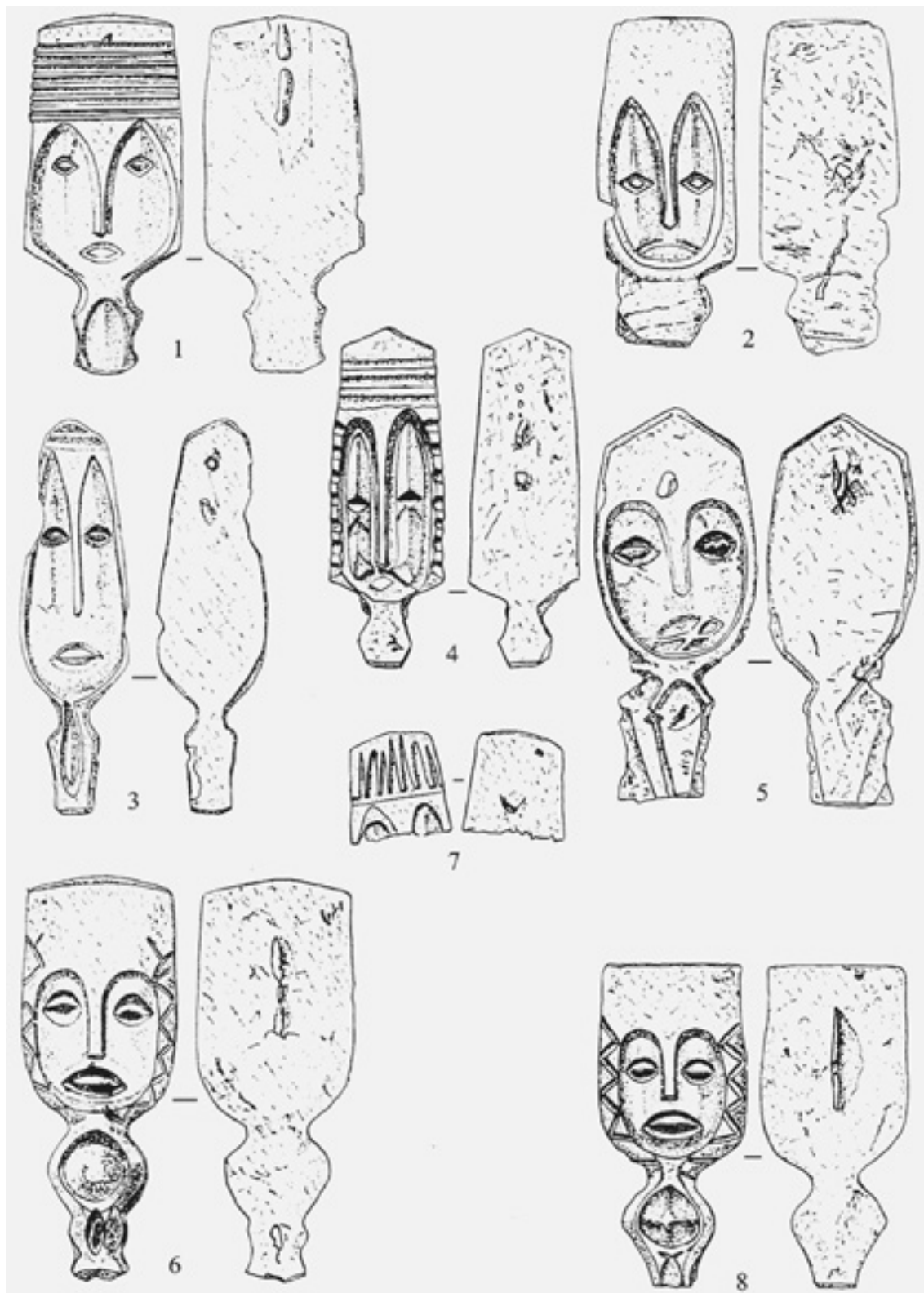
Бронзовые
личины.
Археологический комплекс у села Нечунаево. Фото С. Арканова

и личину. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной. На тыльной стороне изделия имеется петелька для подвешивания.

Личина № 11 (рис. на с. 154–155, 11). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 7,2 см; ширина 2,5–3,5 см; длина (черешка)

Бронзовые личины. Графические изображения. Археологический комплекс у села Нечунаево

2,8 см. Форма подпрямоугольная, основание стрельчатое, пологое. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Все детали выполнены в том же стиле, что и на личинах № 3, 6, 8 и 10, однако левый глаз слабо выражен из-за

достаточно мощного слоя патины. В верхней части изделия, как и на личине № 9, имеется зооморфное изображение (белка?). Его голова, туловище и четыре лапки рельефно выделены, а хвост ромбовидной формы обозначен четырьмя полусферическими выступами. Черешок ромбовидной формы, с выступом в центральной части. Литник не уда-

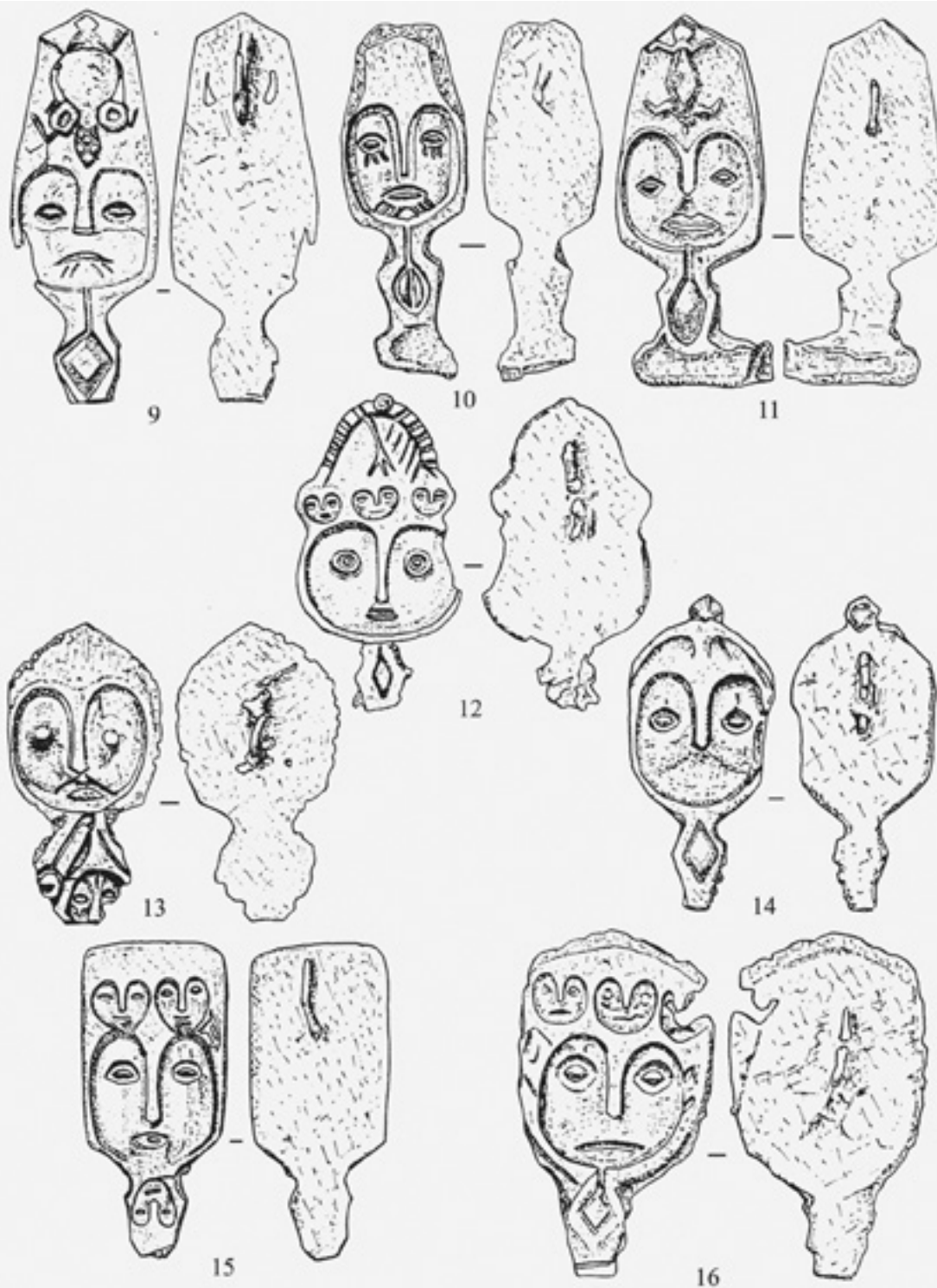
Бронзовые личины. Археологический комплекс у села Нечунаево. Фото С. Арканова

лен. Имеется петелька для подвешивания. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной.

Личина № 12 (рис. на с. 154–155, 12). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 7,4 см; ширина 3,7–4 см; длина (черешка) 1,7 см. Форма овальная, основание вытянутое, полуовальное, декорированное. Представляет собой

реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. В сравнении с другими личинами данное изделие немного вытянуто в ширину. Глаза оформлены бортиком и желобком округлой формы с полусферическим выступом в центральной части. Рот

Бронзовые личины. Графические изображения. Археологический комплекс у села Нечунаево

представляет собой две параллельных коротких рельефно выделенных линии с небольшим углублением между ними. Над бровями располагаются в ряд три стилизованных рельефных антропоморфных изображения. Верхняя часть изделия немного деформирована (вытянута), имеет высокий бортик, украшенный насечками и сферическим

выступом в центре. Черешок ромбовидной формы. В его центральной части имеется выступ. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной. Петелька для подвешивания обломана.

Личина № 15 (рис. на с. 154–155, 15). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 7,5 см; ширина 3,4 см; длина (черешка) 2 см.

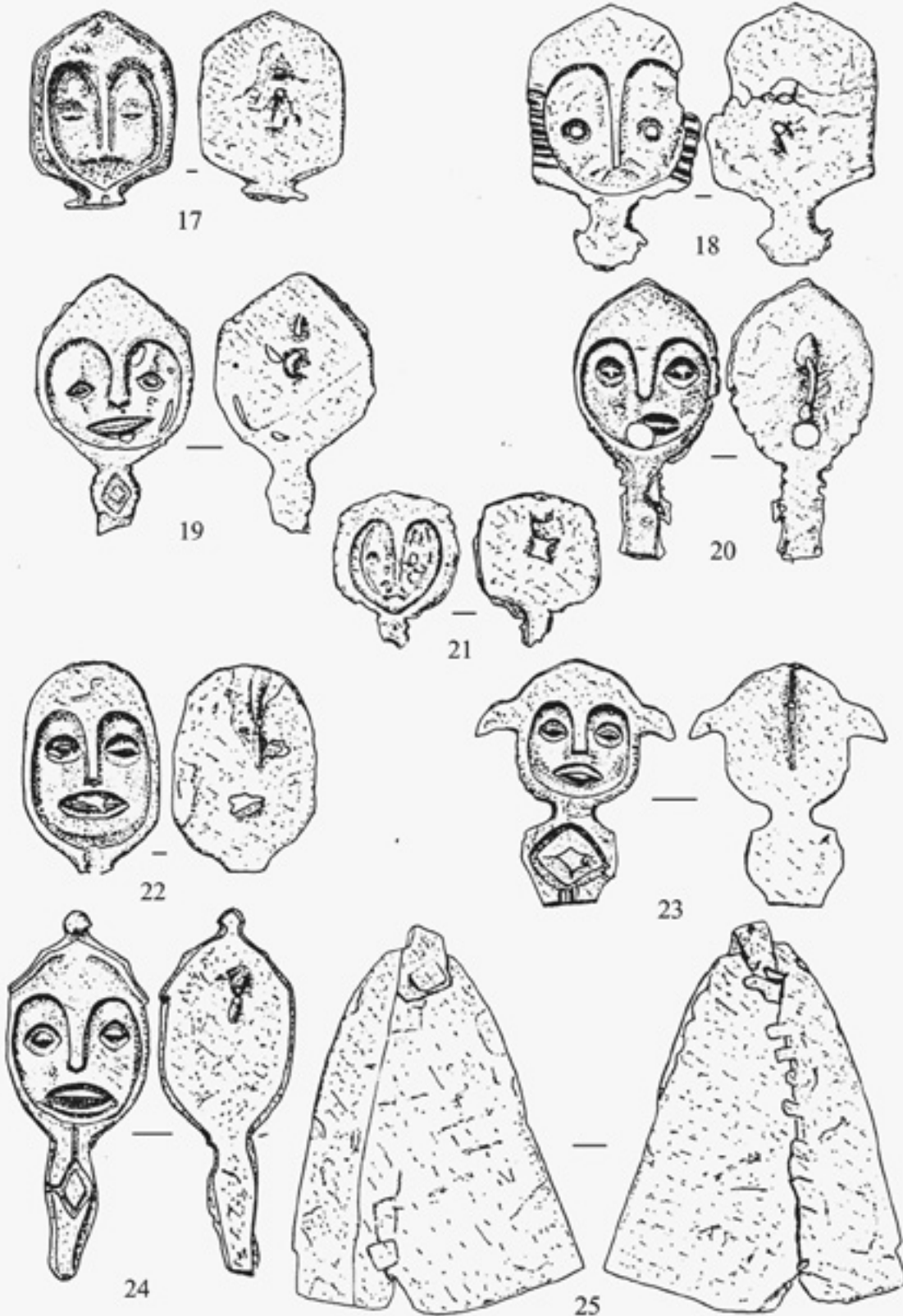
Бронзовые
личины.
Археологиче-
ский комплекс
у села Нечу-
наево. Фото
С. Арканова

Форма прямоугольная, основание прямое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Все детали выполнены целиком в том же стиле, что и на личине № 1. Кроме того, на верхней части изделия над бровями и на череш-

ке располагаются три стилизованных рельефных антропоморфных изображения. Бортик с обеих сторон по контуру лица украшен двумя (резными, зооморфными?) фигурами. Черешок ромбовидной формы. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны хорошо заполированы. Имеется петелька для подвешивания.

Бронзовые личины. Графические изображения. Археологический комплекс у села Нечунаево

Личина № 16 (рис. на с. 154–155, 16). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 8,3 см; ширина 4,3 см; длина (черешка) 2,3 см. Форма овальная, основание полуовальное с насечками по контуру. Верхняя часть изделия слегка деформирована. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Глаза полуовальной формы с полусферическими выступами в центре. Рот рельефно выделен дугой. Черешок ромбовидной формы, с выступом в центральной части. В верхней части изделия над бровями — три расположенных в ряд и примыкающих друг к другу стилизованных рельефных антропоморфных изображения. Личина и черешок соединены небольшим желобком. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной. Имеется петелька для подвешивания.

Личина № 17 (рис. на с. 156–157, 17). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 4,3 см; ширина 3,3 см. Форма подпрямоугольная со слегка скошенной нижней частью, основание стрельчатое, пологое. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Остальные черты выделены рельефно, но детально выражены очень слабо. Черешок отсутствует. Лицевая и тыльная стороны хорошо отполированы. Петелька для подвешивания обломана.

Личина № 18 (рис. на с. 156–157, 18). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 6 см; ширина 3,7 см; длина (черешка) 1,5 см. Форма подпрямоугольная со слегка скошенной нижней частью, основание стрельчатое, пологое. Представляет собой стилизованное изображение человеческого лица анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Детали лица слабо выражены. В центральной части имеются два полусферических слегка уплощенных выступа. Оба бортика украшены параллельными насечками. Верхняя часть изделия слегка деформирована. Черешок короткий, уплощенный. Литник удален. Лицевая и тыльная

стороны покрыты патиной. Петелька для подвешивания обломана.

Личина № 19 (рис. на с. 156–157, 19). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 5,9 см; ширина 3,3–3,7 см; длина (черешка) 1,7 см. Форма овальная, основание стрельчатое, пологое. На верхней и центральной частях изделия имеются дефекты. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Все детали выполнены в том же стиле, что и на личинах № 3, 5, 6, 8, 10 и 11. Черешок ромбовидной формы, с выступом в центральной части. Литник удален. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной. Петелька для подвешивания обломана.

Личина № 22 (рис. на с. 156–157, 22). Антропоморфное бронзовое литое изображение. Размеры: высота 4,8 см; ширина 3,3 см. Форма овальная, основание округлое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Все детали выполнены в том же стиле, что и на личинах № 3, 5, 6, 8, 10, 11, 19 и 20. В области рта и глаз имеются небольшие дефекты. Лицевая и тыльная стороны покрыты патиной. Черешок полностью отсутствует. На тыльной стороне имеется петелька для подвешивания.

Личина № 23 (рис. на с. 156–157, 23). Антропоморфное литое бронзовое изображение. Размеры: высота 5,5 см; ширина 2,8–4,4 см; длина (черешка) 2,3 см. Форма овальная, основание округлое. Представляет собой реалистичное изображение человеческого лица в анфас. Нос и брови рельефно выделены выступом, плавно переходящим в бортик по контуру лица. Глаза и рот представлены углублениями овальной формы с линзовидным выступом в центральной части. В верхней части изделия по его бокам располагаются симметричные отростки прямоугольной формы с сильно скошенными краями. Личину и черешок отделяет небольшая перемычка. Черешок овально-ромбовидной формы со слегка уплощенным полусферическим выступом в центре. Литник удален. Лицевая и тыльная сто-

рона хорошо отполированы. Имеется петелька для подвешивания.

В целом все изделия имеют одну общую стилистическую особенность — контур лица, нос и брови рельефно выделены бортиком-выступом. Форма изделия — прямоугольная или овальная. Черешок в большинстве случаев ромбовидной формы, с выступом в центральной части. На тыльной стороне — петелька для подвешивания. Довольно значительны различия между изделиями в оформлении глаз и рта.

В заключение следует отметить, что полученная поисковиками коллекция и первичные полевые исследования позволяют условно определить данный памятник как особую ритуальную площадку (святилище) полифункционального назначения. Безусловно, принадлежности для литья (тигель с остатками бронзы) и характер неполной обработки некоторых личин (наличие наряду с целыми экземплярами фрагментов) наводят на мысль, что мы имеем дело с производственной площадкой по выплавке бронзы. Однако явная культовая принадлежность найденного инвентаря, зональность его распределения по площадке позволяют предполагать некоторый ритуальный, культовый характер памятника. Бронзолитейное производство,

как и кузнечное дело у традиционных народов, имело особый сакральный смысл. Следовательно, зауральские угры в этом смысле не были исключением. И мы можем уверенно говорить о культовом и производственном назначении Нечунаевского святилищного центра.

Что касается времени возникновения описываемого памятника и его артефактов, то, судя по ряду известных аналогов, коллекция металлопластики может быть отнесена к петрогромско-юдинскому горизонту и датирована в рамках IX–XI вв. [104; 228, рис. 7, 12; 230, с. 80; 276, с. 130–131]. Обломок пряжки с изображением ящерицы характерен для материалов Ликинского могильника [58, с. 158, 90, рис. 87, 80; 59]. К этому же культурному типу можно отнести фрагменты сосуда, орнаментированного методом отступающего вдавления плоского штампа (рис. на с. 150, 4).

Самый важный вопрос, возникающий после знакомства с нечунаевской коллекцией: каков семантический смысл иконографического ряда на бронзовых личинах-подвесках? Прежде всего поражает то, что все эти личины, по всей видимости, отражающие один и тот же смысловой образ, по исполнению (форме) не повторяют друг друга. Связано ли это с технологическими особенностями отливки (в одноразовые формы) или с сугубо индивидуальным предназначением каждой личины, однозначно ответить сложно. Однако, если последнее предположение верно, то, очевидно, личины можно условно разделить на несколько типологических групп. Четырнадцать экземпляров (№ 3–5, 9–14, 17–20, 24) можно условно отнести к идолам-«шлемоносцам», одиннадцать (№ 1, 2, 6–8, 15, 16, 21–23) — к идолам в головных (меховых) уборах. По степени детализации и размерам явно выделяется группа наиболее маленьких личин с упрощенной детализацией (рис. на с. 156–157, 17–24). Возможно, личины из этой группы можно отнести к «детским» амулетам. Среди «шлемоносцев» выделяются личины № 9 и 11 с изображением бобра и белки в надлобной части. Еще три экземпляра имеют изображения трех личин: либо все три в надлобной части головного убора (№ 12, 16), либо два изображения на головном уборе и одно под подбородком на нижнем черенке (№ 15). В одном случае (№ 23) личина имеет

Обломок пряжки с изображением ящерицы и ее графическая реконструкция. Археологический комплекс у села Нечунаево

своеобразные ушки на головном уборе, характерные для некоторых типов угорских головных уборов.

В изображении боевых шлемов угадываются шлемы-шишаки, куполообразные и наборные шлемы из клепанных горизонтальных пластин. Во всех случаях хорошо выражены наносные детали.

Думается, не вызывает сомнений, что данные подвески являлись своеобразными оберегами. Вполне возможно, что воинские образы («шлемоносцы») предназначались для мужчин, а личины в головных уборах — для женщин. Однако это всего лишь предположение.

Судя по всему, образ-оберег, по-разному интерпретированный в личинах из нечунаевской коллекции, имеет единое персонифицирование. С нашей точки зрения, этот образ принадлежит одному из главных и популярных у угров божеств — Мир-Суснэ-Хуму.

В силу всего вышесказанного не вызывает сомнения, что именно этот мифологический герой, который, по мнению различных исследователей религии, в своем палеокультурном, более древнем происхождении связан с другими известными бо-

Трехголовая фигурка остяцкого князя. Поселок Верхнее Нальдино, Нижнее Приобье. МА ИАЭТ СО

жествами мировых религий. Не противоречит этому и некоторая дополнительная атрибуция на отдельных личинах. Так, трехликое изображение на трех подвесках олицетворяет, скорее всего, образы духов-помощников на коронах, золотых князей — великих богатырей, обручи шаманов, осуществляющих все те же функции защитников и покровителей людей, что и Мир-Суснэ-хум.

Мир-Суснэ-хум («смотрящий за миром») — в мифологии угорских народов седьмой сын высшего божества Нум-Торума, посредник на путях живых и мертвых. В хантыйских сказках он часто упоминается под именем Эква-пыгрись. Имеет также другие названия: «золотой богатырь», «купец, странник», «небесный мальчик», «в песнях прославляемый человек», «в сказках прославляемый человек».

В сказки этот герой перешел под именем Эква-пыгрись (женщины сынок — намек на то, что его покинул отец).

Мир-суснэ-хума представляли всадником на белом восьмикрылом коне с золотой гривой (Товлынг-луве), скачущем по небу. Это «царь идущих облаков». Каждую ночь он объезжает землю, проверяя, все

ли в порядке, и передавая людям наказы своего небесного отца, выслушивает просьбы камлающих в темных чумах шаманов. Символы седьмого сына — золотой гусь и береза.

Весь образ Мир-суснэ-хума, культурного и национального героя обских угров, пропитан чертами южных культур. Возможно, в нем сказалась память о прежнем кочевом прошлом. С другой стороны, имя героя «за миром наблюдающий человек» равнозначно переводу имени Авалокитешвары — «управляющего Миром» милосердного Бодхисаттвы в махаяне буддизма. Наконец, одним из эпитетов индоиранского божества Митры был «озирающий всю землю». Ряд признаков Мир-суснэ-хума (сын божий, выросший на земле, посланник неба среди людей)

способствовал его отождествлению с Иисусом Христом.

Согласно мансийскому эпическому циклу, повествующему о жизни и деяниях Мир-суснэ-хума, он — младший из семи сыновей Нуми-Торума, рожденный между небом и землей в тот момент, когда его мать, наказанная Нуми-Торумом за супружескую неверность, была сброшена с неба. Когда Мир-суснэ-хум подросток на земле, он захотел повидать мир и своего небесного отца. На коне Товлынг-лув Мир-суснэ-хум объезжает вселенную, включая подземное и подводное царства, всюду разрушая козни злых сил и выбирая себе жен. С помощью матери Мир-суснэ-хуму удастся первому предстать перед Нуми-Торумом, благодаря чему он получает не принад-

лежавшее ему по рождению главенство над братьями и подтверждает его в поединках с «законным» претендентом Полум-Торумом (Тапал-ойкой). С этих пор земля находится под присмотром Мир-суснэ-хума.

Жертвуй Мир-суснэ-хуму, манси были уверены в том, что он обязан покровительствовать человеку: «Для того тебя произвел твой отец золотой Кворыс, чтобы ты защищал душу моей дочери, моего сына. Ночью умоляем тебя со слезами, днем умоляем тебя со слезами: защити нас от болезни. Если заболит женщина, вылечи ее, если заболит мужчина, вылечи его! Золотой князь, золотой человек, об этом тебя просим, об этом тебя умоляем».

Интересно, что символ бобра на берегах с изображением этого божества имеет особый «очищающий» смысл. Дело в том, что у манси бобр был особо почитаемым животным, так как у них существовал особый обряд «очищения» тлеющей бобровой струей в тех случаях, когда человек опасался быть оскверненным. Манси «очищали» мужчину, который нечаянно прошел под какой-нибудь принадлежностью женского костюма, и женщину при ее возвращении в дом после родов. Таким образом, обереги-подвески с изображением бобра сочетают как минимум две важные для их носителей функции — охранительную (Мир-Суснэ-хума) и очистительную, оздоравливающую (бобр).

Дополнительно следует заметить, что наиболее традиционными считаются подвески с изображением Мир-Суснэ-хума в виде всадника. Находки таких подвесок широко известны не только в западно-сибирском Приобье, но и в памятниках пермских культур, а также Поволжья и даже в Венгрии. Подобная подвеска обнаружена и на берегу озера Аргази, близ деревни Сигаево. Безусловно, этот образ всадника на золотом коне с серебряными копытами, объезжающего вселенную и озирающего мир людей, ярко атрибутирован в угорской мифологии. При этом не стоит забывать, что облик священного (небесного) всадника в указанный период был весьма популярен в кочевых и оседлых культурах Евразии, и это отразилось в его широком распространении.

Столь яркие проявления угорской сакральной мифологии на Южном Урале указывают на необычайный расцвет угорских культур не только на Южном Урале, но и в Прикамье и Среднем Поволжье. Это объясняется тем фактом, что в целом угорский мир Среднего Урала и Приобья в начале II тысячелетия вступил в эпоху окончания этногенеза и формирования раннегосударственных обществ — довольно многочисленных вогульских (мансийских) и остяцких (хантыйских) княжеств. Поначалу это были небольшие образования с нечеткими границами, весьма слабо политически организованные, однако с уже структурно определенными, качественно новыми формами организации людей по территориальному и этнополитическому принципам.

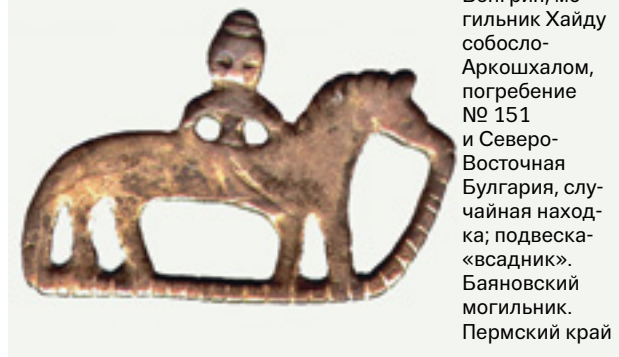
Всадник. Находка близ села Сигаево, озеро Аргази, Южный Урал

Бронзовые фигурки Мир-сусне-хума в виде всадника. Штуровское культовое место. Томское Приобье. ТОКМ

Подвески-«всадники». Венгрия, могильник Хайду собосло-Аркошлом, погребение № 151 и Северо-Восточная Булгария, случайная находка; подвеска-«всадник». Баяновский могильник. Пермский край

На следующем этапе в течение нескольких столетий, концентрируясь и укрепляясь, бесконечно воюя между собой, отражая походы новгородских «ушкунников» (торговых разбойников, пиратов, ходивших на Обь на своих суднах — ушкуях), сибирских татар, к XV веку они сложились в гигантское угорское цивилизационное пространство, получившее в русских летописях наименование «Югра».

Наиболее значительным из вогульских раннегосударственных образований было Пелымское княжество, столица которого располагалась в месте слияния рек Пелым и Тавда. Оно находилось в вассальной зависимости от Сибирского ханства. К северо-востоку от него располагалось Кондинское княжество (бассейн реки Конды, левого притока Иртыша), которое в свою очередь находилось

в вассальной зависимости от Пелымского княжества. К северу от Пелымского располагалось обширное по территории и влиянию Сосьвинское княжество, представленное вогульским и остяцким населением. В бассейнах рек Ляпин, Северная Сосьва и Куноват (левобережный водосток Оби) находилось Ляпинское княжество, столицей которого был городок Кунаут-наш. В Среднем и Нижнем Приобье существовали легендарные остяцкие княжества Кодское, Эмдерское, Обдорское, Белогорское (Самаров), Бардока и другие.

Такова была обширная и культурно значимая угорская ойкумена Урала и Западно-Сибирского Приобья — эта своеобразная средневековая цивилизация, которая, безусловно, обладала гигантским культурным влиянием на Южном Урале (по крайней мере, на раннем этапе своего существования),

Остяцкий князь в позе «священного танца». Реконструкция А. М. Соловьева

Таежный тяжеловооруженный воин. VIII–XII вв. Реконструкция А. М. Соловьева

что и проявилось в характере этнокультурных взаимодействий, происходивших здесь в эпоху развитого Средневековья.

Последующая историческая судьба Югры, как известно, пестрит бесконечными столкновениями с новгородскими и московскими вольными дружинами и отрядами, которые организовывались как частные или государственные кампании в Пушной край с XII по XVI век. Они завершились с разгромом Сибирского ханства казачьей вольницей Ермака в 1580-х годах и присоединением Сибири к Московскому государству.

Говоря об этих этапах легендарной угорской истории, происходившей достаточно далеко в таежных районах Западной Сибири в эпоху позднего средневековья, мы невольно вызываем вопрос читателя: а какое отношение к этому имеет Южный Урал?

В этой связи нам представляется, что история уральских угров-вогулов-манси нам известна лишь отчасти. Большое число находок, выполненных в антропоморфной или зооморфной пермско-угорской стилистике, найденных на территории Южного Зауралья не привязаны к конкретным

памятникам. Однако они четко маркируют здесь присутствие угорского населения. По всей видимости, вогульские рыболовы и охотники находились в горнолесной зоне Южного Урала и в период Улуса Шибана, и во времена Тюменского ханства и, вероятно, в более поздний период. Мы уже говорили в сюжете об Араслановской писанице, что последние посещения семей манси этого святилищного места отмечены в 60-х годах прошлого столетия.

В конце 90-х годов известный южноуральский археолог-спелиолог В. И. Юрин обнаружил и начал исследования интересного пещерного комплекса в Увельском районе Челябинской области. Подземная пещера расположена в карстовом логу на значительном удалении от правого берега р. Увелька. Представляла собой узкий лаз. По образному определению исследователя пещеры этого типа им называются «охотничьими». Пещера получила название Копейско-Зауральская. В слоях ее кроме костных остатков были обнаружены три антропоморфные фигурки. Они были достаточно грубо вырублены из железной жести, однако общая стилистика изображений с оконтуриванием головного убора (шлема?) и половых признаков отчетливо

Пещера Копейско-Зауральская. Увельский район, Челябинская область

сближает их с более ранними образцами угорской антропоморфной металлопластики. По своей сохранности и технологическим особенностям эти предметы относятся к наиболее позднему периоду (возможно к XVIII – началу XX в.), когда уральская железная жесть была доступна для населения. Безусловно, местонахождение этих предметов внутри пещеры указывает на сакральный характер этих находок.

По мнению исследователей, антропоморфные изображения могли заменить человеческие жертвоприношения. У манси известен обычай изготавливать и приносить на святилища человеческие фигурки в случае болезни ребенка. Еще одна возможная функция антропоморфных изображений — вместилище душ умерших. У обских угров и самодийцев, как только человек умирал, сразу же готовили его изображение — мохар. Ханты верили, что душа умершего переходит в сотворенного идола.

Таким образом, находки из Копейско-Зауральской пещеры, расположенной на границе Зауральской лесостепи и степи указывают на то, что здесь под землей подалеже от людских глаз располагалось вогульское святилище в тот бурный период, когда рядом простиралась беспокойная киргиз-кайсацкая степь, а к северу возникали и развивались промышленные города-форпосты русской колонизации. Уральские угры незримо проживали среди нового уральского населения. Вероятно, их присутствие и в среде русских посе-

ленцев породило легенду о чуди белоглазой — таинственном низкорослом населении, живущем глубоко в земле.

Таковы реалии угорской истории. Учитывая сложность изучения памятников этой этнокультурной составляющей в южноуральской истории, думается, что в будущем нам еще предстоит обнаружить и изучать затерянные в глухих уголках нашего региона удивительные памятники угорского наследия, дабы осознать их вклад в единую культуру Южного Урала.

Угорская металлопластика.
Случайная находка.
Шадринский район,
Курганская область

Угорская металлопластика.
Случайная находка.
Ханты-Мансийский округ

Антропоморфные идолы. Пещера Копейско-Зауральская

Вогулы

Чудь белоглазая — чудаки и чудаки, сиб. чудь (т. е. странный и чужой), народ дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли.

У П. П. Бажова при описании преданий Полевской области (возле Екатеринбурга) чудь упоминалась как «стары люди». Это отмечено и на стендах туристической тропы на Азов-горе, известной по его сказам. Согласно научным источникам в этих краях прежде жили манси (они же вогулы). Бажов писал:

«Были они «стары люди» не русски и не татара, а какой веры-обычая и как

прозывались, про то никто не знает. По лесам жили. Одним словом, стары люди. Домишек у них либо обзаведенья какого — банешек там, погребушек — ничего такого и в заводе не было. В горах жили. Вот живут себе стары люди, никого не задевают, себя сильно не оказывают. Только стали по этим местам другие народы проявляться...»

Чаще всего говорилось о «старых людях». По одним вариантам, эти «старые люди» «натаскали тут всякого богатства, а потом, как наши пришли в здешние края, эти стары люди навовсе в землю зарылись». По другим вариантам — «старые люди вовсе в золоте не понимали, толку не знали. Хотя золота тогда было много, его даже не подбিরали». По третьему варианту, «стары люди вовсе маленькие были». Они ходили под землей по одним им ве-

домым «ходкам» и «знали все нуто». Потом «стары люди из здешних мест ушли».

Стары люди — может быть, потому, что Полевской завод строился на месте древних рудокопен — «чудских» капаней, здесь были живы рассказы о «старых людях». В этих рассказах «стары люди» изображались по-разному. Одни говорили, что «стары люди» жили в земле, как кроты, а потом засыпали себя, когда в этот край пришли «другие народы»; другие говорили, что «стары люди» брали медь только сверху, а золота вовсе не знали и жили охотой да рыболовством. Предполагалось, что слой земли, на котором жили «стары люди», уже так завален сверху, что до этого слоя приходилось «докапываться». «Докопались до той земли, где стары люди жили, — нет золота. Не на место, видно, угадали».

Подобная легенда существовала на Урале о подземном народе «дивьи люди»: «Дивьи люди живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры. В заводе Каслях, по Луньевской железнодорожной ветке, они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. Дивьи люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослудском, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью...»

Первые следы мировых религий на Южном Урале

*Всмотрись в моё пророчество
В тот талисман самшитовый,
Где боги наши корчатся
И реют средь небес.
Где пихт священный лес
Вселенский свод разверз,
Где вознесённый перст
И разведённый крест.
Где остря луны
Войной воспалены,
Где мы обручены,
Где мы обречены...
В когтях каганской милости
Твой цвет веротерпимости.
Прости меня, меня прости,
Но дальше нет пути.
И на развилках мудрости,
Где нет ни вер, ни совести?
Буддийским лотосам цвести,
Крестам дубовым вознестись
И звездным месяцам взойти...*

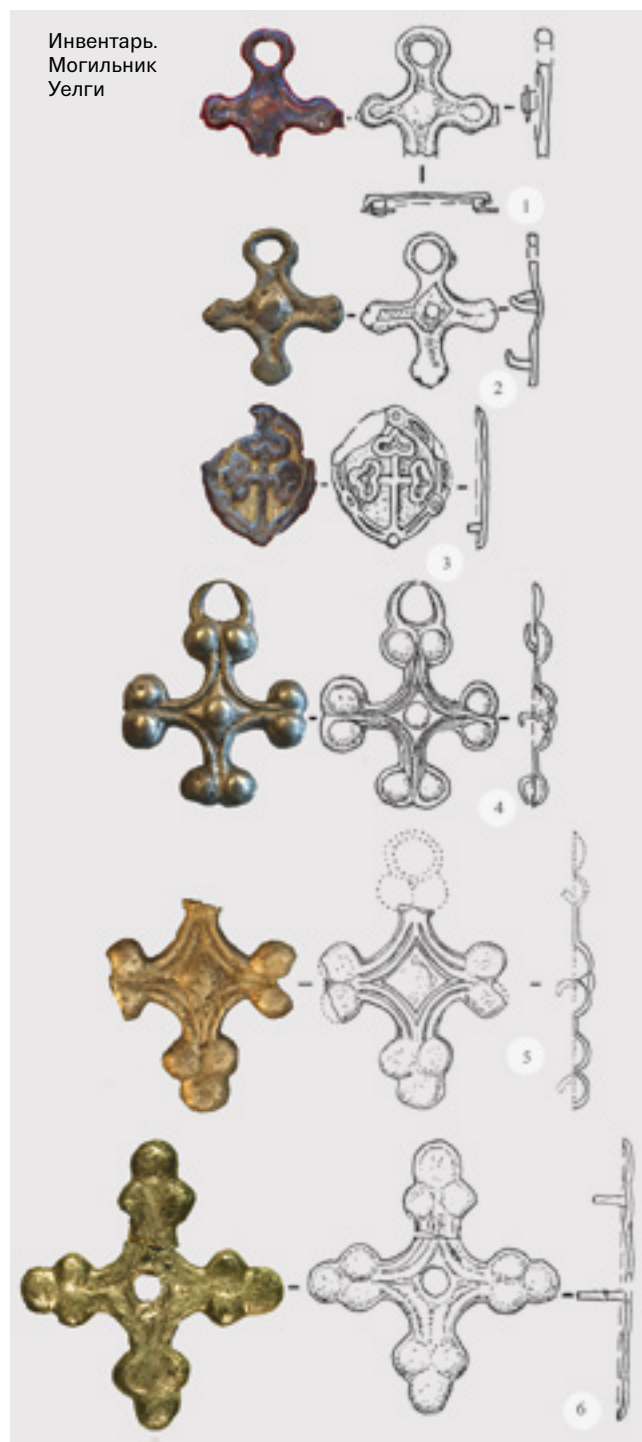
«Хазарская молитва» из цикла Номады

Во время исследования могильника Уелги на площадке, занятой курганом 1, среди артефактов одними из первых были обнаружены три крестовидные серебряные накладки. В связи с тем, что абсолютное большинство погребений этого могильника было разграблено в древности, не удалось точно идентифицировать, к какому из них относились эти артефакты. К этой категории находок можно также отнести две крестовидные и одну округлую накладки с изображением креста с лотосовидными окончаниями, обнаруженные ранее при поверхностных сборах.

Таким образом, по результатам раскопок Уелгинского некрополя стала складываться интересная коллекция крестовых символов, не имеющих аналогов среди артефактов из одновременных средневековых памятников сопредельных регионов. Приведем краткую характеристику этих находок.

Крестообразная бронзовая накладка (литье с последующей подчеканкой) (см. рис. на с. 166, 1). Длина по вертикали 2,2 см (с обломанной ниж-

ней частью). В верхней части имеется петля с отверстием 0,3 см. Все угловые концы с округлым расширением. По краям в нижней части идет расширяющийся округлый валик шириной до 0,1 см. На обратной стороне сохранились два крепежных щитка, расположенные по краям горизонтальной части.

Крестообразная бронзовая накладка (литье с последующей подчеканкой) (см. рис. на с. 166, 2). По форме напоминает предыдущую, но имеет другие размеры: длина горизонтальной части 2,3 см, вертикальной — 3,1 см. Выполнена значительно грубее. Внешний валик фактически сливается по краям. В центре хорошо читается сферическое возвышение диаметром до 0,6 см. На верхнем конце имеется петля, которая расширяется, образуя более геометрическое (ромб, трапеция) окончание. На обратной стороне — три заостряющихся кверху крепежных шпенька высотой 0,4–0,5 см.

Накладка серебряная (штамповка) (см. рис. на с. 166, 3). Округлой формы, размеры 2,2×2,3 см. С внешней стороны по краю характерный орнамент в виде круглых розеток, соединенных между собой овальным двухрядным валиком. В центре изделия располагается крестовидное изображение размерами 1,8 см по вертикали и 1,5 см по горизонтали, имеющее лотосовидные трехсоставные формы на верхнем и на двух горизонтальных окончаниях.

Крестообразная серебряная накладка (литье с последующей подчеканкой) (см. рис. на с. 166, 4). Длина по вертикали 3,8 см, по горизонтали — 3 см. Вверху имеется петля для подвешивания (разомкнута), диаметр отверстия 0,6 см. Все окончания имеют бисферические объемные изображения элементов диаметром до 0,6 см. По краям центральной части креста хорошо оконтуренный валик шириной 0,08–0,1 см. Центр оформлен в виде вогнутого ромбика и имеет сходное с окончаниями сферическое оформление. С обратной стороны находятся четыре крепежных шпенька длиной 0,5–0,8 см.

Крестообразная серебряная накладка (литье с последующей подчеканкой) (см. рис. на с. 166, 5). Длина по вертикали 3,5 см, по горизонтали — 3 см. В древности утрачены верхнее и часть левого окончания. Горизонтальные окончания оформлены в виде двух сферических отростков размерами 0,4×0,5 см. Нижний имеет три слившихся сферических окончания диаметром от 0,4 до 0,7 см. Центральная часть оформлена в виде вогнутого ромба, по краю — двойной валиковый бордюр, в центре — едва заметное сферическое возвышение, смещенное влево. На оборотной стороне сохранились три

крепежных шпенька (два горизонтальных и один нижний).

Крестообразная серебряная накладка (штамповка) (см. рис. на с. 166, 6). Длина по вертикали 4,6 см, по горизонтали 4,3 см. Концы оформлены в виде тройных слившихся сферических выпуклостей (гроздь) различного диаметра (от 0,4 до 0,7 см). Центральная часть выполнена в виде вогнутого ромба с бордюром в виде двойного валика и отверстием по центру диаметром 0,5 см. С обратной стороны располагаются три крепежных шпенька (верхний и два горизонтальных) высотой до 0,9 см.

Данный вид крестообразных накладок первоначально не вызвал каких-либо интерпретационных идей у исследователей. Однако впоследствии выяснилось, что подобные накладки не были обнаружены при раскопах 2011–2015 годов. При всем разнообразии форм и изобразительных сюжетов уелгинской гарнитуры такие предметы представлены единичными оригинальными экземплярами. Даже разграбленные комплексы, как правило, демонстрируют повторяемость отдельных типов накладок. Несмотря на очевидную функциональную принадлежность описанных накладок (наличие шпеньков на обратной стороне), остается непонятным наличие у отдельных экземпляров рудиментарного кольца для подвешивания на верхнем вертикальном окончании. И, наконец, хорошо фиксируется схожесть по форме этих накладок с крестами с удлиненной вертикальной частью, расширяющимися конусами, декорированными двумя или тремя сферическими отростками, которые получили наиболее широкое распространение как образцы, демонстрирующие несторианские традиции в горизонтах X–XI вв. городов Семиречья, юга Казахстана и Кыргызстана.

Вопрос о проникновении описанных христианских символов на Южный Урал, как и в целом о распространении христианства в Центральной Азии, является наиболее сложным при изучении истории культуры Востока.

Тюркское население Западного и Восточного каганатов познакомилось с несторианством в конце VI века. В 591 году были взяты в плен тюрки, которые воевали на стороне потерпевшего в тот год

поражение военачальника Бахрама Чубина. У многих захваченных тюрков на лбу был нарисован крест. Такой знак по совету христиан рисовали на лбу новорожденных для отвращения различных болезней (прежде всего чумы). Это свидетельствует о том, что в указанное время тюрки уже переняли некоторые, пусть внешние, обычаи христиан. Заслуга в обращении некоторых тюркских племен в христианство приписывается Митрополиту Мерва Илию, жившему в середине VII века.

Достаточно распространенными являются найденные в Жетысу (Семиречье) нательные кресты эпохи несторианства, изготовленные из самых разных материалов (нефрит, серебро, бронза). Так, например, во время раскопок на территории поздней несторианской церкви Суяба был найден нательный крест из нефрита, на Краснореченском городище найден другой нефритовый нательный крест. Нередко подобного рода предметы встречаются в казахстанской части Чуйской долины, в частности на верхней террасе реки Аксу. Здесь была найдена подвеска из нефрита. Территориальная близость Жетысу и непосредственно Южного Казахстана к территории Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока во многом обусловила достаточно тесное взаимодействие этих регионов как в политическом, так и в культурном плане (распространялось оно и на религию). Огромную роль в распространении той или иной религии в средние века играл Великий шелковый путь. В VI–VII веках его северный маршрут переместился на территорию Семиречья и Южного Казахстана. Христианство в данном регионе распространялось наряду с иными верованиями — различными видами язычества, зороастризмом, манихейством, буддизмом.

Как известно, значительную роль в распространении среди тюркоязычного населения несторианства сыграли также согдийцы, которые к тому времени колонизировали Восточный Туркестан, вели оживленную торговлю на Великом шелковом пути. Служба в несторианской церкви велась только на сирийском языке, однако религиозная проповедь — на местном. На местные языки активно переводились священные книги и другая религиозная литература. Это облегчало понимание тюрками догматов христианской религии. Проникновению

христианства в среду кыргызской аристократии способствовал конфликт енисейских кыргызов с уйгурским каганатом. С 764 года манихейство официально стало религией уйгурского каганата. Оказавшись у власти, манихейское духовенство достаточно нетерпимо относилось к иным культам. Это привело к тому, что кыргызы обратились к христианству, которое, в свою очередь, выступало в качестве идейной основы военного союза с карлуками. Следует отметить, что в настоящее время широко известны некоторые стелы, на которых сохранились надписи енисейских кыргызов VIII–IX вв. вместе с крестами. Известны также изображения на енисейских скалах несторианских священников. Влияние христианского вероучения проявилось и в погребальном обряде: кыргызы заменили кремацию на ингумацию. Можно сделать вывод о поверхностном влиянии христианства на культуру енисейских кыргызов. Никаких следов указанного влияния уже к концу IX века в верховьях Енисея не осталось. Следует отметить, что в 840-е годы буддизм, а также христианство постепенно вытеснили манихейство. Что касается уйгуров, то они перекочевали на территорию Кучи, Карашара, а также Турфана. Происходило их постепенное смешение с коренным населением указанных территорий. Появившееся новое объединение получило наименование «Уйгурия».

Со второй половины VIII века несторианство становится инструментом политической борьбы между племенами и государственными образованиями тюрков: карлуки и енисейские кыргызы используют несторианство как базу для союза в борьбе против уйгуров-манихеев. Оплотом несторианства среди тюрков продолжает оставаться оседлое население Саяно-Алтая, зачастую иноплеменное (согдийцы, сирийцы, персы) — жители торговых факторий, городов. Приблизительно с X–XI веков можно говорить о новом периоде в развитии восточного христианства. Для указанного времени характерно проникновение западного несторианства в Восточный Туркестан, что было вызвано расцветом сирийской христианской культуры на западе и последовавшим за ним притоком ближневосточных христиан в Центральную Азию. По мнению Л. Н. Гумилева, привнесенное

Накладки с буддийским сюжетом. Серебро. Могильник Уелги

кочевыми народами несторианство в период формирования новых кочевых государственных объединений, явилось неким оформлением общего идеологического фронта против мусульман на западе и востоке Китая.

Что касается происхождения уелгинских артефактов, то можно предположить, что либо традиция изготовления крестообразных накладок возникла в среде алтайского кимако-кыпчакского населения (и найденные археологические предметы прибыли вместе с представителями этих кочевых народов), либо кочевое население Южного Урала было достаточно тесно связано с Южным Казахстаном (в рамках своего хозяйственно-кочевого цикла) и заимствовало эти несторианские символы, контактируя с населением Семиречья, Таласа, Отрара и других территорий.

Подтверждением того, что изобразительные сюжеты на ременной garniture могут нести сугубо религиозные символы, явилась серия серебряных накладок с яркими буддийскими мотивами — человек, сидящий в позе лотоса (буддийская позиция «падмасана»). Они были также обнаружены при раскопках 2010 года. Как уже упоминалось, основная часть раскопа охватывала курган 1. Было обнаружено шесть погребений, которые можно отнести к наиболее позднему этапу существования некрополя — X–XI вв. По типологическому составу основная часть деталей garniture относилась к так называемой четвертой стилистической группе. Восточно-казахстанские, алтайские параллели просматриваются в предметах вооружения и защитном доспехе (сабля, колчан, стрелы, остатки ламеллярного доспеха). При исследовании погребений 3 и 4 были зафиксированы признаки обряда кремации, который также имеет прямые аналогии в сrostкинской культуре Алтайского Приобья и связан с кыргызским населением.

Буддийским сюжетам в раннемадьярской торевтике была посвящена одна из последних работ венгерского исследователя Клима Ласло. Им была проанализирована целая серия артефактов, обнаруженных в памятниках, расположенных в пределах большого мадьярского миграционного ареала: могильники Субботцевский, Катериновка, Новониколаевка (Украина); Ишимбаевский (Башкортостан), Редикор (Пермский край).

По устоявшемуся мнению исследователей эти памятники относятся к кругу мадьярских древностей Восточной Европы. Наиболее яркие буддийские изобразительные сюжеты содержатся в материалах Субботцевского могильника. Наиболее сложным из них, по мнению Клим Ласло, является изображение старца на щитке пряжки. Он восседает в позе лотоса (padmasana), правая рука поднята в двуперстном знаменнии, в левой руке он держит посох с горизонтальным навершием-перекладной. По мнению исследователя, подобная иконография не известна в буддийской символике и вполне может быть связана некой синкретической религиозной формой, которая наиболее ярко демонстрируется в манихействе.

Что же касается других накладок, изображающих танцующих крылатых девушек-ангелов, которые изображены на субботцевских накладках, то они, по мнению автора, могут быть отождествлены с буддийскими апсарями, что ярко подтверждается изобразительными параллелями в барельефах из храмов Индонезии, Камбоджи и Индии.

Буддийский сюжет также присутствует и на наконечнике ремня из Ишимбаевского 3 кургана,

Манихейство — синкретическое религиозное учение, возникшее в III веке в государстве Сасанидов. Названо по имени своего основателя — Мани с добавлением эпитета «живой». Учение Мани было составлено в основном из христианско-гностических представлений, опирающихся на специфическое понимание Библии, однако со временем впитало большое число заимствований из других религий — зороастризма и буддизма — по мере их распространения. Для манихейского учения было характерно представление о вселенском характере истинной религии, которое проходит через скрытую и явлен-

ную стадии. Именно это позволило манихейству встраиваться в самые разные культурные контексты — от античного до китайского. По определению исследователей манихейство стало не мировой религией, а «мировой ересью».

В VII–VIII веках манихейство проникает в Китай. В 762 году в манихейство обратился Бегю-каган — глава уйгурского государства; официальной религией оно было до разгрома каганата в 840 году, но впоследствии сохранилось в уйгурском Гаочанском государстве, а также проникло в Южную Сибирь, где просуществовало до монгольского завоевания.

погребение 3 (Башкортостан). По мнению Клим Ласло¹ изображение человека с четырьмя руками

1
Klima László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренокской и ломоватовской культур) // Археология Евразийских степей. № 6. 2018.

может быть интерпретировано как образ Авалокитешвары (бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех будд). Таков ряд интересных артефактов, имеющих место в культурном комплексе большого мадьярского ареала в период движения южноуральского населения на запад. Сегодня пока трудно однозначно интерпретировать степень

Пряжка с буддийским сюжетом. Серебро, позолота. Субботцевский могильник

Наконечник ремня с буддийским сюжетом. Ишимбаевские курганы, курган 3, погребение 3. Башкортостан

Субботцевские накладки с буддийским сюжетом и барельефы из храмов Индии, Индонезии, Камбоджи

религиозной значимости этих материалов для мадьярского кочевого сообщества. Очевидно, что эти предметы, безусловно, из разряда социально значимых (серебро, серебро с позолотой, сложность и оригинальность изобразительных сюжетов), подобные пояса и украшения могли быть выполнены по указу кочевой элиты. Во-вторых, появление не может быть связанным с исключительно спорадическим культурно-религиозным влиянием среднеазиатских цивилизационных центров (Согд, Иран) Хорезма или Хазарского каганата и традиционным торговым обменом. Эти комплексы возникают как адресные. Их семантическая нагрузка вполне осознанно воспринимается определенной частью кочевого сообщества. Безусловно, этот пантеизм не был универсальным для всех номадов. Скорее всего, он имел хождение в высших слоях кочевых кланов, в то время как простые соплеменники оставались в рамках традиционного шаманизма и тенгрианства. Нечто подобное мы видим на примере общества хазарского каганата. Персидский ученый-энциклопедист X века Ибн Русте в книге «Ал-Алак ан-нафиса» (Книга драгоценных ожерелий) упоминает следующее: «Жители области Сарир (Хазарии) были до такой степени веротерпимы, что ходили по пятницам, следуя мусульманскому обряду в мечеть, по субботам — по еврейскому обряду в синагогу и, как христиане, по воскресеньям — в церковь».

Думается, что южноуральская кочевая знать (баскарт, мадьяр), имевшие длительные соприкосновения с хазарским государством, задолго до своего исхода на запад (822–826 — хазарские войны, 860 — участие мадьяр в совместном с хазарами крымском походе [по данным *Gesta Hungarorum* и Константина Багрянородного]) переняли традиции исповедания наиболее престижных на тот момент мировых религиозных трендов.

Каким образом эти заимствования повлияли на становление культурного, в том числе и религиозного, самосознания этих сообществ, впоследствии однозначно сказать сложно. Думается, что оставшееся в пределах урало-казахстанских степей автохтонное средневековое население продолжило эту практику пантеизма вплоть до принятия ислама в период Золотой Орды. Мадьяры же, обретя «Новую Родину», во второй половине X века приняли

христианство и впоследствии их доминиканские миссии, вплоть до нашествия монголов, предпринимали неоднократные попытки окрестить своих соплеменников на далекой восточной прародине. При этом известный факт, что в Карпатской котловине и на Южном Урале в религиозных верованиях венгров и башкир отчетливо сохраняются ранние пережитки традиционных языческих верований, выразившихся в элементах тенгрианства: почитания духов природы, сохранение культа животных (конь, собака, ворон и др.), возведение особых знаков — турэ и караски (особые каменные постройки на вершинах гор) у башкир и захоронение коня у венгров.

Сохранились в той или иной мере элементы шаманизма (жрецы — талтоши и колдуньи босоркани — у венгров и шаманы (курэээ) — у башкир). Эти факты, безусловно, указывают на то, что население Южного Урала, несмотря на особую пантеистическую пластичность в восприятии различных верований и религий, продолжало сохранять в основе своей духовной культуры некие элементы исходных религиозных предпочтений как важнейший этносоциальный генерирующий код, сохраняющий культурную общность.

Появление буддийских сюжетов, с точки зрения В. П. Костюкова, не случайно. По мнению ученого, влияние буддизма на среду южноуральских кочевников было связано с гибелью государства Каракитаев в Центральной Азии и вытеснением оттуда части племен найманов и меркитов в XII веке.

Особенно масштабным было движение киданей (каракитаев) во второй четверти XII века. Они достигли низовий Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, что вызвало перемещение на запад местных племен караханидо-каракитайского происхождения [2]. В этой связи большой интерес представляют впускные погребения в курганах 6 и 7 могильника Шумаевский II (Ташлинский район Оренбургской области), датируемые домонгольским временем [257, с. 90–93, 107–117, рис. 57, 60, 70–74]. Указанные погребения, отличающиеся сложным обрядом, отнесены нами к кыпчакским (половцы). Возможно, эта всегда *a priori* подразумеваемая атрибуция верна. Вместе с тем очевидно, что у шумаевских погребений нет аналогов среди половецких памятников по

многим признакам. С другой стороны, в них легко обнаруживаются черты известных на территории Китая элитных киданьских погребений: бальзамирование, обмотка головы и туловища умершего полосами шелковой ткани, оснащение погребального костюма металлическими предметами, наличие в инвентаре мелких изделий из камня, провололочные медные сетки на руках и ногах и др. Киданьская знать, как известно, исповедовала буддизм, но в буддийские ритуалы было вплетено многое из традиционной языческой обрядности.

Действенность политики исламизации степных этнополитических объединений домонгольского времени археологически подтверждают расположенные у присырдарьинских и хорезмских городов обширные кочевнические мусульманские некрополи, которые исследователи датируют, по меньшей мере, в рамках IX — начала XIII в. Ни одного подобного погребения в степи до недавнего времени известно не было, и лишь благодаря радиоуглеродному датированию получило подтверждение предположение о раннем распространении ислама среди кочевников урало-казахстанского региона. Речь идет о захоронениях из могильника Большеказакбаевский 2 (Кунашакский район Челябинской области). Все могилы были впущены в восточную полу насыпи, возведенной над погребением эпохи бронзы; умершие (21 индивид, в большинстве — дети) погребены по мусульманскому обряду (индивидуальные захоронения в неглубоких простых ямах, иногда с подбоем или уступами, по преимуществу ориентированных вдоль линии ВЮВ–ЗСЗ, положение умерших — на спине или на правом плечу, лицом к кыбле, без инвентаря), но с чертами, типичными для ранней фазы приобщения к исламу (неустойчивость форм могильных ям и позы погребенных, следы огненных ритуалов, наличие деревянных внутримогильных конструкций, нестрогое соблюдение кыблы, единичный инвентарь при погребенных, кости животных и украшения).

Согласно результатам радиоуглеродного анализа, калиброванные значения календарных интервалов составляют 1044–1254 (1σ) и 1016–1289 (2σ) [162, с. 88]. Это означает, что какой бы ни была реальная хронологическая позиция в указанных рамках, некрополь существенно старше общепринятого

Каракитай, или каракидани («черные кидани») — ветвь родственного монголам кочевого народа киданей, которая после разгрома государства Ляо чжурчженями в 1125 году откочевала в Среднюю Азию, где заселила Таласскую и Чуйскую долины. К середине XII века каракитай распространили свою власть на всю Среднюю Азию к югу от Балхаша и к востоку от Ферганской долины.

Среди их данников оказались правители Балха, Хотана и Гаочана, а также хорезмшахи. Столицами служили Баласагун, Узген и Кашгар. В 1211 году бежавшие под натиском Чингизхана найманы наводнили Среднюю Азию и пленили Гурхана, однако уже семь лет спустя каракитайское государство вошло в состав Монгольской империи. Под властью монголов каракитай растворились в окружающих племенах.

Каракидани на охоте. Роспись по шелку

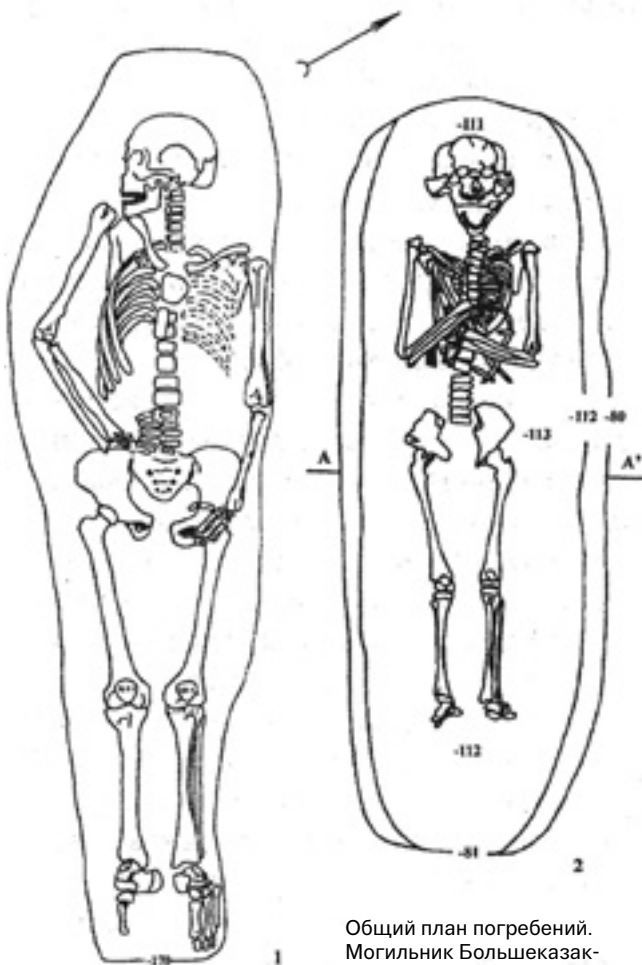
Каракитай. Реконструкция

нижнего порога — середины XIV века. Надежность радиоуглеродной даты удостоверяется некоторыми особенностями памятника, сближающими его с погребальными комплексами из южных некрополей: компактностью кладбища, отсутствием или, скорее, незначительными размерами надмогильных сооружений. Особого внимания заслуживает поза взрослого человека, предположительно женщины, в погребении 19 — вытянуто на спине, со скрещенными на груди руками. Едва ли она может быть свидетельством христианского вероисповедания погребенной, как полагают авторы публикации. Во-первых, это маловероятно в условиях небольшой социальной группы, которая по антропологическим данным определяется как семья. Во-вторых, небезосновательно считается, что в Средневековье лишь в исключительных случаях, связанных с какими-либо бедствиями, допускались погребения представителей разных конфессий на одном кладбище. И, наконец, в-третьих, такая же

или очень близкие ей позы были неоднократно зафиксированы на раннемусульманских кладбищах на Сырдарье и в Хорезме. Например, в некрополе у городища Куйрыктобе (в округе Отрара), датированном IX — началом XII в., умершие были захоронены в вытянутой позе, на правом боку или на спине, головой на С–СЗ, при этом череп покоился на затылке или на правом виске, а одна или обе руки лежали на груди. Подобные позы погребенных отмечены в некрополях у городищ Сарыга и Якалыга в Чуйской долине (XII — начало XIII в.), в погребениях XI–XII вв. (а также, по-видимому, XIII–XIV вв.). Изредка положение одной или обеих рук на груди встречается в раннемусульманских погребениях на северной периферии степи — в Такталакчукском могильнике, в могильниках Покровский IV, Лебедевка VIII, Мамбеталы-1 [139, с. 53; 185, с. 106]. Семантика и происхождение этого признака неясны. Не исключена его зависимость от христианской обрядности, хотя, с другой стороны, в среднеазиатских христианских могильниках он не являлся обязательным. Впрочем, важнее другое — такое трупоположение характерно для мусульманских некрополей, в первую очередь домонгольских.

Конечно, комплекс могильника Большеказакбаевский 2 пока целиком подпадает под суждение «одна ласточка весны не делает», но, с другой стороны, показательно, что уже первый опыт радиоуглеродного датирования дал результат, согласующийся с сообщениями письменных источников. Следовательно, можно констатировать, что среди кочевников начала II тысячелетия, хозяйственные интересы которых простирались до Южного Зауралья (или ограничивались им), несомненно, были группы, вовлеченные в орбиту ислама. У некоторых из них исламизация достигла той степени, когда она уже достаточно рельефно проявлялась в погребальной обрядности.

Таким образом, проникновение в IX–XI веках религиозной символики христианства, несторианства, буддизма и ислама — исторически обусловленный процесс становления раннегосударственных формирований средневековых номадов. Хотя необходимо заметить, что кочевники воспринимали, скорее всего, внешние формы обрядности, так как выполнение требований этой религии для

Общий план погребений.
Могильник Большеказакбаевский 2

них было затруднительно, тем не менее, известный языческий пантеизм кочевого сообщества способствовал не только беспредельному расширению божественного пантеона, но и предоставлял определенные внешнеполитические преференции раннегосударственным объединениям номадов. Вероятнее всего, в уелгинской ременной гарнитуре крестообразные накладки отражают не просто слепое заимствование символов религиозной культуры, а весьма сложный и многоплановый процесс культурно-политических трансформаций в недрах культур Центральной Азии.

Мадьяры и кыпчаки

*Еще наступит утро
С предвестием пути,
Еще с дороги мудрой
Твой конь сойдет в Итиль.
Сквозь займища Леведий
Вдоль киевских ворот
На торжество и беды
Уйдет мадьярский род.
Тем утром удостоит
Судьба и твой итог:
Из печенежских стойбищ –
На византийский торг.*

Из цикла Номады

В 1980-х годах на юге Челябинской области были исследованы интересные курганы «селенташского» типа». Об этом уже упоминалось выше. Основной этнокультурной особенностью материалов, найденных на площадках этих памятников, были сосуды и металлические предметы, имеющие далекое восточное происхождение: из предгорий Саян и Алтая. Одновременно с этим в некоторых из них были обнаружены фрагменты кушнаренковской культуры. Эта керамика была обнаружена как в южноуральской степи, так и в североказахстанской степи Костанайской области.

С определенного момента стал очевидным факт, что если в степи мы обнаруживаем некое угро-мадьярское проникновение, то в лесостепной и предгорной зоне Южного Зауралья в кушнаренковско-караякуповских курганах с са-

мого конца VIII века и особенно в IX–X веках (Лагереvские, Каранаевские) также появляются материалы восточно-алтайского (сросткинского) облика. Так начиналась кыпчакизация Южного Урала, которая, с одной стороны, явилась решающей для исхода мадьяр, с другой — привела к окончательной тюркизации и этно-культурогенеза южноуральского населения.

Трудно сказать, каков был характер взаимодействия восточных пришельцев и местных насельников. Наблюдения, сделанные на материалах могильника Уелги (см. выше), указывают на то, что это была длительная межродовая интеграция, которая беспрестанно происходила в недрах Евразийских степей, где главную роль играли межкультурные и межродовые браки, сплачивающие и объединяющие новые разноэтничные сообщества.

Общность природно-климатической зоны, единство хозяйственно-экономического уклада и этносоставляющих основ сыграли интегрирующую роль в сложении к концу VIII века единого Урало-Алтайского ареала. Археологически это единство подтверждается некоторым сходством материалов лесостепных памятников IX–X вв., расположенных на территории от Урала до Алтая, с материалами памятников синеглазовского круга. Сходство прослеживается при соотнесении погребального обряда и вещевого инвентаря отдельных комплексов — могильники Сростки, Ближние Елбаны, Катанда, Змееvский на Алтае и в Южной Сибири; Бобровский, Гилево, Орловский в Восточном Казахстане; Синеглазово, Граултры, Уелги в Зауралье; Муракаевские, Лагереvские, Каранаевские, Старохаалиловские, Ишимбаевские курганы, Стерлитамакский в Башкортостане; Большетиганский, Балановский в Нижнем Прикамье.

Что же это за массив в этноисторическом плане? На востоке эти памятники соотносятся с комплексами сросткинской культуры, которые, по мнению Д. Г. Савинова, принадлежат племенам кимако-кыпчакского круга.

Письменные источники содержат в основном сведения по этнополитической истории кимако-кыпчакского союза. Так, например, по данным «Худуд-ал-Алам», на территории государства кимаков примерно в конце IX века выделялось

несколько самостоятельных областей, две из которых были связаны непосредственно с кыпчаками. По мнению Б. Е. Кумекова, С. М. Ахиджанова, одна из этих групп кочевала от Аральского моря и междуречий Волги и Урала до низовий рек Чу и Талас, другая — в предгорьях Урала и бассейне Ишима и Тобола. В IX–X веках южные границы кыпчакских территорий примыкали к районам печенегов, а северные — к необитаемой пустыне. Печенеги расселялись в бассейне Сырдарьи и приуральских степях. Следовательно, южная граница кыпчаков с печенегами проходила по юго-восточной части Южного Урала.

Что касается западного крыла Урало-Тобольского междуречья, то, вероятнее всего, население его представляло сложный этнокультурный конгломерат, основную роль в котором играл угорский компонент. По нашему мнению, этот круг племен, вероятно, и следует соотносить с союзом средневековых мадьяр.

Не пытаясь доказывать или опровергать ту или иную точку зрения, напомним сведения, ко-

торые сообщает арабский путешественник середины IX века Селям Тарджеман о стране яджуджей и маджуджей. Данное сообщение отрывочно и полуфантастично, однако Селяму удалось довольно точно локализовать эту страну: она располагалась севернее кочевий эдкешей и теркешей (тюргешей), занимавших район от страны гузов до Семиречья и Западного Алтая. Таким образом, яджуджи и маджуджи расселялись к северу от степей, между Уралом и Алтаем. Здесь же, к северо-западу от кимаков, несколько позже (по данным Идриси) размещалась легендарная страна Гога-Магога. Следует напомнить также, что, по данным венгерского Анонима (XII–XIII вв.), вождь мадьяр Учек и его сын Алмуша происходили из рода короля Магога.

Интереснейшие данные содержатся в сочинении аль-Фергани 860-х годов. В трех климатах (5–7) он описывает территории Западной Азии и Восточной Европы и на крайней восточной позиции помещает страну Йаджудж, которая на западе граничит с Хазарией, огузами и, вероятно, с печенегами. Достаточно точное указание местоположения реаль-

Карта этнокультурных процессов на территории урало-казахстанских степей и лесостепей. X–XII века

ных топо- и этнонимов в сведениях аль-Фергани позволяет считать, что размещение столь значительной страны Йаджуджей в районах Западной и Юго-Западной Сибири не случайно. Данные сведения вряд ли точны, но обращает внимание явная схожесть корневой основы названий, данных автором, либо самоназваний, принятых для этнонимических определений того времени: мадьяры — маджары, маджуджи; башкиры — башкорт, батджурд, баджирт. Здесь же следует упомянуть, что одна из раннекыпчакских групп, кочевавших между Уралом и Ишимом, носила название йагсун (йажун) — йасу — яджудж.

Очерчивая западные и юго-западные границы расселения кыпчаков в X веке, аль-Масуди сообщает о войне между племенами гузов, кыпчаков и карлуков, с одной стороны, и печенегов, башкир, бурджан и «нукерде» — с другой, в которой первые одержали победу. Сведения относятся к началу X века. В это же время (922 г.) Ибн Фадлан упоминает о своей встрече с башкирами в Северо-Западном Приаралье.

Финальные памятники этого периода (IX–X вв.) типа Синеглазово, Уелги отражают процесс инфильтрации кимако-кыпчакского населения в мадьярскую среду.

Проникновение кыпчакского элемента на Урал, осуществлявшееся вдоль лесостепной полосы и Обь-Иртышского междуречья, и уход мадьяр — вероятно, звенья единого этнополитического процесса (хотя в письменных источниках не указаны границы между кыпчаками и мадьярами и отсутствуют сведения об их контактах в Урало-Поволжье, за исключением одного упоминания, которое приводит Абулгази в легенде об Огуз-хане, когда тот посылает младшего сына Кыпчака на усмирение взбунтовавшихся урусов, олаков, маджар и башкурд).

В хронике короля Белы о причинах ухода мадьяр сказано, что земля первоначального проживания венгров была «очень переполнена», и с «общего согласия семи вождей мадьяры покинули ее, переправившись через реку Этил (Волгу — Каму) в 884 г.» Хотя первое проникновение мадьяр в волгодонские степи произошло, по мнению М. И. Арта-

Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Мухаммад аль-Фергани (ок. 798–861) — один из крупнейших персидских ученых IX в., среднеазиатский астроном, математик и географ. Уроженец Ферганской долины. В Западной Европе был известен под латинизированным именем *Alfraganus* (аль Фергани). Биографических сведений о нем практически не сохранилось, точное место рождения неизвестно. В среднем возрасте аль-Фергани жил в Багдаде, работая в «Доме мудрости» (Академия аль-Мамуна), основанном правителем аль-Мамуном. В академию приглашались видные ученые и деятели науки со всех концов Средней Азии. Здесь работали также: астроном и математик аль-Хорезми, физик аль-Кинди, медики Абу Бакр ар-Рази и Хунайн ибн Исхак. В Багдаде были выстроены две обсерватории, оснащенные самым лучшим по тем временам инструментарием, который позволял ученым наблюдать за звездным небом и делать математические вычисления. Астрономические исследования аль Фергани были сопряжены с его исследованиями по географии. В конце трактата «Свод науки о звездах» аль-Фергани поместил таблицу известных географических пунктов, разместив их в соответствии с семью климатами с востока на запад с указанием координат. Он также написал труды «Введение в географию» и «Названия известных на Земле стран и городов, а также их климатические условия».

Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди (ок. 896, Багдад — сентябрь 956, Каир) — арабский историк, географ и путешественник. Как первый арабский автор, объединивший разрозненные прежде исторические и географические наблюдения в крупномасштабную работу энциклопедического характера, заработал прозвище «арабского Геродота». Сведений о жизни аль-Масуди почти не сохранилось. Из его собственных сочинений можно сделать вывод, что он родился в Багдаде. Происходил из рода потомков Абдуллаха ибн Масуда — сподвижника пророка Мухаммеда. После многих лет странствий обосновался в Дамаске, но уже через два года переехал в Фустат, где написал «Книгу указаний и наблюдений». Во время своих путешествий побывал в различных провинциях халифата Аббасидов, в Индии, на Кавказе, в регионах, прилегающих к Каспийскому морю, в Сирии, Аравии и Египте. Некоторые исследователи предполагают, что аль-Масуди также мог посетить Китай, Занзибар, остров Шри-Ланка и даже Мадагаскар. Аль-Масуди также упоминает в своих работах Древнерусское государство и Хазарию, и его работы являются важным источником сведений об истории этих стран.

монова, основывавшегося на западных источниках, гораздо раньше — в 822 году. Заметим, что и Аноним говорит, будто «после на своем пути мадьяры не нашли никаких городов», «пока не пришли в Русцию», которая называлась Сусудал (Суздаль).

Ахмад ибн Фадлан — арабский путешественник и писатель первой половины X века. Один из немногих арабских путешественников, лично побывавших в Восточной Европе. В 921–922 годах в качестве секретаря посольства аббасидского халифа аль-Муктадира посетил Волжскую Булгарию.

В своем отчете «Рисале», написанном в виде путевых заметок, оставил уникальные описания быта и политических отношений огузов, башкир, болгар, русов и хазар.

Арабское посольство аль-Муктадира, возглавляемое Сусаном ар-Раси, выехало из Багдада 21 июня 921 года (11 сафара 309 года хиджры) и возвратилось в Багдад весной 923 года. В состав посольства в качестве секретаря был включен Ахмад ибн Фадлан. Помимо задачи упрочения ислама в странах Восточной Европы халиф рассчитывал усилить свое политическое влияние в регионе и получить от союза с правителем болгар торговые привилегии. Путь пролегал в обход хазарских земель через Среднюю Азию: через Рей, Нишапур в Бухару, оттуда назад к Амударье и вниз по реке до столицы Хорезма Кят. Перезимовав в Джурджании (Старом Ургенче), 4 марта 922 года послы двинулись по суше

к берегам Волги. «Отроки», выехавшие с посольством из Багдада, а также законовед (факих) и вероучитель (муаллим) покинули посольство, «побоявшись въехать в эту страну» (страну огузов). С этого момента выполнение всех миссионерских задач посольства пало на одного Ахмада ибн Фадлана, он стал его фактическим руководителем.

Совершив переезд через Устюрт, посольство около 20 марта прибыло в страну огузов (или «гуззов»), занимавших тогда приблизительно область Западного Казахстана. Среди знати наибольшее влияние имел Этрек, начальник войска огузов. Ибн Фадлан поднес ему царские подарки. Этрек радушно принял посольство, но к предложению принять ислам отнесся очень осторожно, сказав, что даст халифу ответ, когда послы будут ехать обратно. Однако военачальники огузов, собранные Этрэком на совещание, обсуждали вопрос не о принятии ислама, а о том, как поступить с самими послами. Были предложения разрезать каждого из них пополам, дочиста ограбить или отдать их хазарам в обмен на пленных огузов. Таким образом, в стране огузов посольство потерпело полную дипломатическую неудачу

и было радо, что смогло благополучно выбраться оттуда.

12 мая 922 года (12 мухаррама 310 года по хиджре) посольство халифа прибыло в ставку правителя болгар. Ничего из задуманных планов не было выполнено. Огузы ислама не приняли, правитель болгар, не получив денег на постройку крепости, разуверился в помощи халифа и предпочел сохранить тесную связь со Средней Азией. В Хазарии мусульманская партия подверглась репрессиям.

В Булгарии Ибн Фадлан видел прибывших туда для торговли русов и оставил ценное описание их обрядов, включая свидетельство о погребении в ладье.

По возвращении в Багдад Ахмад ибн Фадлан составил «Записку» (араб. «Рисале»), написанную в виде путеводных заметок и являющуюся одним из важнейших источников по средневековой истории Поволжья, Заволжья и Средней Азии. Финальная часть «Записки» не сохранилась, поэтому об обратном маршруте миссии ничего не известно. Однако из категоричного свидетельства Йакута ар-Руми следует, что Ибн-Фадлан довел рассказ до возвращения в Багдад. В «Записку» ибн Фадлан включил и рассказ о Хазарии.

Абулгази, Абу-л-Гази-хан (24.08.1603, Ургенч — 1664, Хива) — хивинский хан шейбанид, известен также как историк. В 17 лет получил от отца удел, после чего поссорился с братьями и был изгнан ими в Сефевидскую империю. В 1644 году возвратился в Ургенч и был провозглашен ханом. Вступил на престол в 1645 году после длительной борьбы со своими братьями. Воевал против туркмен, калмыков и Бухарского ханства.

В 1663 году отказался от престола в пользу своего сына Мухаммед-Ануша.

Умер в 1664 году.

Известен как автор двух исторических сочинений: «Родословная туркмен» (закончена к 1661 году) и «Родословная тюрок» (напечатана в Казани в 1852 году и в Петербурге в 1871 году). Последняя переведена на некоторые европейские языки, в том числе на русский, Саблуковым и помещена в третьем томе изданной И. Н. Березиным «Библиотеке восточных историков» (Казань, 1854).

В последние годы жизни Абулгази начал писать на узбекском (кыпчакском) языке историю родов Чингисхана и Шибана.

Таким образом, напрашивается вывод, что Поволжская Венгрия являлась лишь эпизодом в истории продвижения мадьяр на запад. На наш взгляд, ее с определенной долей условности можно соотнести со страной Леведией на территории Приуралья и на востоке Европы.

Археологически процесс ухода мадьяр и проникновения кыпчаков проявился в сложении нового историко-культурного комплекса (ИКК): исчезла керамика в курганах, в инвентаре явно преобладали материалы из Южной Сибири (сросткинский тип узды, типы оружия, аналогичные алтайским

и тувинским). На Южный Урал смещается восточная часть тюркизированного угро-самодийского населения, заселявшего ранее Среднее Прииртышье и Барабинскую лесостепь.

Скорее всего, кимако-кыпчакская экспансия на данном этапе носила относительно мирный характер, что подтверждается и материалами некропелей Уелги и Синеглазово. Произошло обычное для кочевнической среды явление, когда один племенной союз (а точнее, его часть) вошел в состав более могущественной конфедерации и принял ее самоназвание. Не случайно этноним «мадьяр» появля-

ется вновь на страницах источников лишь после монгольского нашествия, когда была основательно разрушена родоплеменная структура кыпчакско-половецкого союза.

Расширение кимако-кыпчакского ареала привело к активной тюркизации угорского и самодийского населения Западной Сибири и Южного Урала. В археологическом плане это отразилось в появлении в лесостепных и горнолесных районах Южного Урала памятников, в материалах которых наблюдается сложное влияние со стороны тюркокультурного ареала Южной Сибири (Верхнее Приобье): особые формы конской узды (эсоили восьмерковидные железные псалии, костяные псалии в виде ласточкиного хвоста или сапожка, костяные подпружные пряжки, типы стремян и ременной уздечной гарнитуры). Примерно с конца IX века начинает формироваться культурное единство южноуральских и южно-сибирских памятников сроснинского круга, которое Д. Г. Савиновым совершенно справедливо связывается с расширением границ кыпчакского каганата. Расширяясь, тюркокультурный кимако-кыпчакский ареал охватил довольно значительные лесостепные и даже лесные территории Среднего Приобья и Прииртышья, где стали появляться памятники с характерными для этого круга материалами (Басандайка, Гилево I, Орловское, Бобровский, Чульпи 2, Преображека 3, Венгерово VII, Иня, Красный Яр, Кулундинское, Ригозака, Камень II).

Историко-культурный комплекс южноуральских памятников кимако-кыпчакского круга начал

Аноним — хронист и нотариус при дворе короля Бела III в конце XII — начале XIII века, автор «Gesta Hungarorum» («Деяния венгров»). Личность Анонима однозначно не установлена. Сам он называет себя «мастером, именующим себя П». Из предисловия к «Gesta Hungarorum» следует, что автор обучался в Западной Европе, предположительно в Парижском университете. Большинство исследователей отождествляют «короля Бела» с королем Венгрии

Белой III (ок. 1148 — 1196). Наиболее вероятными кандидатами на роль Анонима считаются епископ Дьёрский Петер и епископ Трансильванский Петер Пал. Существует также версия, что Аноним — это мастер Поус (Pous), нотариус при дворе Бела IV. Аноним был одним из самых известных средневековых венгерских авторов. В 57 главах он описал историю расселения венгров и помимо прочего назвал имена племенных вождей.

формироваться на предыдущем этапе — в VIII–XI веках, однако его окончательное сложение и последующее возникновение наступило в IX–X веках. К этому времени относится большинство памятников: курганы Наровчатовский, Синеглазово,

Кыпчакский лучник XII века.
Реконструкция М. В. Горелика

Хусаиново, Старохалиловские, Бекешевские, Каранаево, Лагерево. Они представляли собой небольшие грунтовые насыпи, содержащие погребения со шкурой коня и северо-северо-западной ориентировкой умершего.

Южноуральские степи и Восточный Дешт-и-Кипчак. Вопросы происхождения

Впервые термин «Дешт-и-Кипчак» встречается у персидского автора Насира Хосрова в XI веке, когда кипчаки (половцы), придя с берегов Иртыша, с 1030 года стали северными соседями Хорезма и заняли территории современного Казахстана, а впоследствии и степи Северного Кавказа, Приазовья и Северного Причерноморья.

Тюркоязычные кипчаки известны, согласно китайским источникам, с III–II веков до н. э. как племена сеянто, проживавшие на Северном Алтае. Значительно позднее, на рубеже VII–VIII веков, они оказались в подчинении Тюркского каганата, а с середины VIII и до конца X века составляли западную ветвь населения Кимакского каганата. В XI веке, когда власть каганата ослабла, часть кипчаков начала переселяться на более плодородные и теплые земли, вытеснив печенегов и часть северных огузов. Подчинив себе эти племена, кипчаки пересекли Волгу и дошли до устьев Дуная. Таким образом, они стали хозяевами Великой Степи от Дуная до Иртыша, которая и вошла в историю как Дешт-и-Кипчак (сокращенно — Дешт). В западноевропейских источниках кипчаки названы «куманами» (есть мнение, что куманы — это западная группа кипчаков).

Мощное движение на запад в XI веке как бы стало обретением Родины. Помимо печенегов и огузов (гузов) кипчаки ассимилировали также остатки булгар в низовьях Дона, тем самым укрепив свои позиции в Восточной Европе. В то же время кипчаки разделились на две основные, тесно связанные между собой группы: западную (между Днепром и Днестровско-Дунайским междуречьем) и восточную (от Днепра до Волги и Яика). Западной частью половецких степей правил хан Боняк, получивший позднее титул «великого хана», восточной — Тогур-хан (в русских летописях — Тугоркан).

Непросто складывались отношения кипчаков с русскими княжествами: в период с 1061 по 1097 год произошло около десяти сражений между ними, победу одерживали в основном кипчаки. Однако в начале XII века под предводительством киевского князя Владимира Мономаха русские воины совершили двенадцать успешных походов на Дешт; в результате множество половецких пленников оказались на Руси, началась славянизация кипчаков, продолжавшаяся и в период правления сына Мономаха — Мстислава. После его смерти в 1132 году положение существенно изменилось: отношения русских и половцев пере-

Половцы. Миниатюра из Радзивилловской летописи

стали быть напряженными, хотя отдельные очаги былой вражды еще вспыхивали.

Дешт-и-Кипчак переживает возрождение, начинается новый этап половецкой истории. Появляются могущественные ханы, среди них знаменитый Кончак, который взял в плен новгород-северского князя Игоря в победном сражении 1185 года, захватил Переяславль и Путивль. Помимо русских летописей эти

события были описаны и в «Слове о полку Игореве».

Именно в этот исторический период разрозненные племена объединяются в более крупные орды, расширяются сферы их кочевий, численность населения возрастает. Укрепляются феодальные отношения, устанавливается феодальная иерархия: хан — султан (сын хана) — бек (крупный феодал) — би (аристократ рангом ниже).

Антропологическая реконструкция кипчака по железной маске. Погребение у села Квашникова Саратовской области. XII–XIII века. Автор Г. В. Лебединская

Кыпчако-половецкий этап (XI — начало XIII в.).

Истоки формирования традиций кимако-кыпчакского ИКК связаны с районами алтайского тюрко-телеского ареала, где к первым векам нашей эры среди различных групп погребальных памятников выделяются раннекатандинские погребения с конем или шкурой коня, расположенными на ступеньках, и с западной ориентировкой, несмотря на то что в раннетюркский период у телеского населения Саяно-Алтая господствовал обычай хоронить умерших головой на восток (реже на юг) в сопровождении лошади. Определенная доля исследованных погребений VI–VIII вв. содержала останки умерших, ориентированных головой в западный сектор. Нередко встречается западная ориентировка погребений с конем раннесросткинского (инского) этапа в памятниках VII–VIII вв. Верхнего Приобья. По мнению С. П. Неверова, данные памятники (Иня, Ст. Шарап, Чудская гора, Усть-Тартасский, Гоньбае) стали появляться в результате проникновения в лесостепное Приобье кочевого тюркского населения Горного Алтая на самом раннем этапе, в VI–VII веках. Из чего сле-

дует, что формирование раннетюркского населения Приобья происходило в результате диффузий тюркских кочевников Алтае-Телеского ареала и местного лесостепного угро-самодийского населения Южной Сибири. Эта реконструкция довольно четко подтверждается тем фактом, что на значительной территории лесостепного Зауралья и Юго-Западной Сибири, обживаемой населением культур угорского и самодийского круга (саргатская, верхнеобская, большереченская, одинцовская, релкинская и др.), в погребальных комплексах западная и северо-западная ориентировка умерших если не абсолютно господствует, то наряду с северной занимает главенствующее положение. Результатом довольно длительного взаимопроникновения тюркского и угро-самодийского населения является формирование к IX веку собственно сросткинской культуры, которая Д. Г. Савиновым не без основания соотносится с культурой населения кимако-кыпчакского каганата [342; 343].

С этого времени, вероятнее всего, начинается расширение кимако-кыпчакского ареала на запад, в урало-казахстанскую лесостепь и впоследствии

Дмитрий Глебович Савинов (род. 20.03.1941, Ленинград) — российский археолог, специалист по древней и средневековой археологии и истории Сибири, доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «Археология» (1964). В 1959 — середине 1990-х годов принимал участие в археологических экспедициях (с 1965 года в должности начальника отряда, затем — начальника экспедиции) — в основном в Туве, Хакасии, Горном и степном Алтае, Кемеровской и Новосибирской областях.

Научные интересы: археология степных обществ от эпохи бронзы до монгольского времени; проблема соотношения различных видов источников — археологических, письменных и этнографических; памятники древнего изобразительного искусства. В 1980-е годы Д. Г. Савинов предложил интересную теорию об этнокультурных ареалах Южной Сибири в эпоху Средневековья. В 1996–2001 годах заведовал кафедрой археологии СПбГУ. В 2005 году совместно с С. Г. Кляшторным издал фундаментальную монографию «Степные империи древней Евразии», где была представлена оригинальная концепция тюркского культурогенеза на основании археологических данных.

Ибн-Хаукаль (Абуль-Касим Мухаммад ибн Хаукаль ан-Нисиби) — арабский географ и путешественник X века. Родился в городе Насиб (Месопотамия). Большую часть жизни провел в путешествиях. Дополнил труд ал-Истахри. В произведении «Китаб ал-масалик ал-мамалик» («Книга путей и стран», 960–970-е гг.) приведены историко-этнографические сведения об огузах, карлуках, кимаках, кыргызах, тогуз-огузах, хазарах; описаны места их расселения, указаны маршруты Великого шелкового пути и других торговых магистралей. Имеются характеристики городов Исфиджаб, Тараз, Сауран, Суткент, Фараб, Кедер, Шаухар и др., Каспийского и Аральского морей, рек Итиль и Сырдарья. В приложении — географические карты «Сурат ал-ард» («Лик земли»). Труд издан М. де Гье (1873) и Крамерсом (1938–1939). Ибн-Хаукаль переработал и дополнил сообщение аль-Балхи и аль-Истахри о разделе поданных русов на три группы (Куйаба, ас-Славия, ал-Ар-сания) и об их торговых связях с Хазарией, Волжской Булгарией и Византией. Работа Ибн-Хаукаля является самым ранним источником, в котором упоминается восточный поход киевского князя Святослава Игоревича.

Махмуд Кашгарский (Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммед ал-Кашгари) (1028 или 1029, г. Барсхан, государство Караханидов — предположительно, 1101 или 1126, Опал, близ Кашгара) — выдающийся тюркский филолог и лексикограф. Известен благодаря созданному им «Собранию тюркских языков» («Диван лугат ат-тюрк») — словарю-справочнику различных тюркских языков, равному тюркологической энциклопедии. Махмуд аль-Кашгари происходит из знатной семьи, получил хорошее по тем временам образование. Учился в кашгарском медресе Саджиа, где преподавали известные в регионе учителя, такие как Имам Захид Хусейн. В 1056 году в Кашгаре к власти пришел дед Махмуда — Мухаммад Бограхан. Но уже вскоре в результате дворцового заговора Хусейн и Мухаммад Бограхан были отравлены. Поэтому Махмуд в 1057 году был вынужден бежать из Кашгара. Он ушел на запад, в Мавераннахр, а оттуда — в Багдад, где правили тюрки-сельджуки. При этом он долгое время путешествовал по землям, населенным тюркскими народами и племенами.

Знаменитая книга Махмуда аль-Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк» представляет собой энциклопедию, в которой собран и обобщен обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал. «Дивани» аль-Кашгари — памятник тюркской культуры, увековечивший этические ценности и нормы поведения, специфическое мировосприятие тюркских народов в XI веке. В книге наряду с древним зороастрийско-шаманистским миропредставлением запечатлены базовые элементы ислама и такой его ветви, как суфизм.

Аль Истахри (Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль-Истахри) (ок. 850–934) — арабский географ. Родом из Истахра (в пяти километрах от Персеполя). Путешествовал по Ирану, посетил ряд стран Средней, Южной и Западной Азии. Между 943 и 965 годами составил сочинение на арабском языке о географии «Книга климатов», богатое описаниями, но с ошибочным представлением о географическом расположении стран. Автор «Книги путей государств» («Китаб масалик аль-мамалик»), оказавшей влияние на труды многих арабских и персидских географов. Известны труды со схожими наименованиями у других средневековых географов, в частности у Ибн Хордадбе-ха («Книга путей и стран»).

в степь, что нашло подтверждение в материалах могильника Уелги и отражено в арабо-персидских и европейских письменных источниках (Худуд-ал, Алам, Махмуд Кашгарский, Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, аль-Масуди, К. Багрянородный и др.). Возникновение и сложение сросткинской культуры знаменует собой формирование вначале кимакского, а впоследствии кыпчакского единого этнополитического ядра. Такова логика предложенной реконструкции сложения кимако-кыпчакского союза как двукомпонентного (тюрко-телеского и угро-самодийского) этнокультурного процесса, который изначально протекал в конкретных ландшафтно-географических условиях предгорий Алтая и южно-сибирской лесостепи бассейна Верхней Оби.

В этой связи встает вопрос о кыпчакской предистории, которая воссоздается на страницах исследований, посвященных этому народу, основанных на полулегендарных данных письменных источников (Таншу, Селенгинский камень, надпись Куль-Тегину, Бильче-Каган и др.). С. Г. Кляшторный и С. М. Ахинжанов воссоздают яркие исторические этапы, предшествующие тому периоду, когда, собственно, кыпчаки и кимаки выходят под этими именами на историческую арену [17; 149]. Речь идет даже не об истории кыпчаков, а об исторических деяниях народов, упоминающихся различными информаторами под этнонимом сир и сеяньто. Формальное соответствие названий конкретных тюрко-телеских племен с более поздним наименованием «кыпчак» позволило вышеназванным авторам в контексте истории кыпчак-кимакского каганата приводить и легендарные события, связанные с деятельностью сеяньто в период существования тюркских каганатов и даже в более ранний период. В качестве яркой иллюстрации сказанного можно привести следующую весьма пространную фразу: «В середине I в. н. э. в восточной части Центральной Азии существовало два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен — тюрки и теле. Сеяньто являлись частью полиэтничной по своему составу и слабо связанной между собой телеской племенной коалиции, занимавшей, по мнению многих исследователей, огромные пространства

Евразийских степей от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе».

История кимако-кыпчакского этноплеменного объединения начинается со второй половины VIII века, когда этот этноним и появляется на страницах письменных источников. В рамках предлагаемой периодизации этот этноним появляется на предшествующем тюргешско-огузском этапе. С точки зрения историко-культурного содержания, эти названия довольно точно характеризуют ситуацию в урало-казахстанских и южносибирских степях в VIII–IX веках. На наш взгляд, тюргешскую составляющую определяют позднеселенташские комплексы (Елантау, Каменный Овраг, Кызыл Жар), продолжающие культурные традиции, сложившиеся в данном регионе в период существования Западного тюркского каганата.

Что же касается огузской составляющей, то здесь вопрос обстоит особым образом. Несмотря на то что, по мнению некоторых авторов, первоначально термин «огуз» был нарицательным, впоследствии он стал общим наименованием племен, образовавшихся в приуральских степях в результате смешения тюркютов с местными племенами. Судя по письменным данным (древнетюркские рунические надписи в честь Куль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука — великих каганов Второго тюркского каганата), первоначально, в первой половине VIII века, основное ядро огузов (тогуз-огузов, уйгуров) занимало территории к северу от владений орхонских тюрков (бассейн Толы, Селенги, Юго-Восточные Саяны). Лишь к началу IX века, по данным арабских авторов (Ибн Хордад-бех, Аль Якуби и др.), огузы совершают поход в Среднюю Азию на Уструшану и таким образом появляются в верховьях Сырдарьи, где оказываются в непосредственной близости от другого не менее известного союза, который носит общепринятый среди исследователей идентификации этноним — «кангюй» («кангар», «кепгелес», «буджак», «печенег»).

Данные сведения об огузах весьма важны, так как в этом случае письменные источники, данные родословных и легенд, во-первых, картографируют огузов изначально в Присаянье, затем в Приобье, Поиртышье и, наконец, в казахстанско-среднеазиатских степях; во-вторых, в связке

Ибн Хордадбех (Абуль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех) (ок. 820 — ок. 912/913) — мусульманский географ иранского происхождения. Выходец из знатного рода Табаристана. Его дед был зороастрийцем, но перешел на службу халифам и обратился в ислам. Отец Абдаллах в 816–819 годах был правителем Табаристана и прославился как храбрый полководец. Известно, что он был образованным и дал подобающее воспитание сыну. Благодаря своему знатному происхождению и образованности Ибн Хордадбех занял пост начальника почт (сахиб ал-барид ва-л-хабар) в области ал-Джабал (Северо-Западный Иран). В его обязанности входил детальный сбор сведений о подопечной области. Вероятно, на этой должности он составил черновой вариант своего труда «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»). Некоторое время жил в Самарре. Дослужился до начальника всего почтового ведомства Халифата, последние годы жизни провел в Багдаде. Его «Книга путей и стран» — первый дошедший до нас образец жанра арабской описатель-

ной географии. Содержит многочисленные сведения по истории и топонимике Халифата и окрестных стран, в том числе самые ранние в арабской географии упоминания о русах и славянах.

Сам Ибн Хордадбех не путешествовал. Источниками сведений для него были архивы Багдада и сообщения современных информаторов: путешественников, воинов, купцов и дипломатов, побывавших в разных странах. Описание Византии он получил от Муслима ибн Абу Муслима ал-Джарми, который побывал в византийском плену и был освобожден в 845 году. Об экспедиции к стене Гога и Магога ему рассказал ее руководитель Саллам ат-Тарджуман. Ибн Хордадбех стал основоположником нового направления в арабской географии. Произведения, возникшие в рамках этого направления, посвящались описанию торговых магистралей и проживающих вдоль них народов. Самой ценной чертой этих работ было то, что они основывались на современной информации, в противовес предшествующим сочинениям, которые базировались на книжной традиции, восходящей к Птолемию.

Аль-Якуби (Абуль-Аббас Ахмад ибн Исхак аль-Аббаси) (род. в Багдаде, дата неизвестна — ум. 897 или 905) — арабский историк, географ и путешественник. Один из первых представителей прагматического направления в арабской исторической литературе. Родился в семье чиновника, вольноотпущенника одного из членов Аббасидского дома. Отсюда и его нисба аль-Аббаси. Молодые годы Якуби прошли в Армении, затем он поступил на службу к Тахиридам в Хорасане. В 873 году династия Тахиридов пала, и Якуби отправился в путешествие по Индии. Затем обосновался в Египте, откуда ездил в Магриб.

В Хорасане написал двухтомное сочинение «Та'рих» («История») — одно из первых произведений в арабской литературе, посвященное всемирной истории. Сведения включают данные об административном делении, полезных ископаемых, обычаях и образе жизни населения. Однако географические названия, приводимые в книге, не всегда поддаются точной идентификации. В книге также содержатся сведения по истории Ассирии, Египта,

Греции и других государств древности. В целом «Та'рих» включает значительное количество сведений, которых не содержат другие источники и поэтому представляют немалый интерес. Около 891 года Аль-Якуби закончил географический труд «Китаб аль-булдан» («Книга стран»). Труд дошел до нас не полностью. По своему характеру «Книга стран» ближе всего к сочинениям типа административно-географических справочников Ибн Хордад-бега и Кудама ибн Джафара, но с большим количеством личных наблюдений автора. Интересно отметить, что Аль-Якуби очень критично отнесся к изложению известных ему сведений и почти не включил в свой труд рассказы мифического характера.

В «Книгу стран» включены сведения о путевых маршрутах, расстояниях между областями, полезных ископаемых и их добыче. Наиболее подробно описаны земли в верховьях Нила. Меньше сведений о Судане. Интересно отметить, что, хотя описания различных областей в «Истории» и «Книге стран» не противоречат друг другу, они сильно разнятся.

с огузами, как единородственные, упоминаются кимаки, кыпчаки и карлуки.

Динамика расселения огузского этнополитического влияния вполне соответствует становлению границ тюрко-телеского археологического ареала погребений с конем и преобладающей западной ориентировкой. Восточные границы этого ареала очерчивают районы Присяянья, а западные — восточные районы Центрального Казахстана. Письменные источники сообщают о череде войн в последующий период, вплоть до X века, между печенегами и огузами за земли «вокруг моря Джурджан» (Арал). В союзе с огузами (гузами) аль-Масуди упоминает кыпчаков и карлуков,

а с печенегами — башкир, бурджан и нукерде. К началу X века огузский союз племен одержал верх над печенегами, в результате чего последние вынуждены были покинуть приаральско-сырдарьинский ареал своего исконного обитания.

Из приведенных сведений следует, что весьма трудно провести грань между продолжающейся огузской и начинающейся кыпчакской историей. Кыпчаки в это время участвовали в деяниях огузского союза и являлись составной частью огузского (тюрко-телеского) этнокультурного единства. В этой связи понятна та сложность, с которой сталкиваются исследователи кочевнических древностей восточноевропейских степей, когда пытаются

Огузы, также **гузы**, **тюрки-огузы** — средневековые тюркские племена, жившие до XI века в степях Центральной Азии и Монголии. Народы, говорящие на юго-западной ветви подсемейства тюркского языка, также иногда называют огузскими тюрками. Согласно М. И. Артамонову, термин «огуз» первоначально был нарицательным обозначением племени и с числительным детерминативом применялся для наименования союзов племен, таких, например, как уйгуры (токуз-огуз — «девять племен»), карлуки (уч-огуз — «три племени»). Впоследствии термин потерял свое первоначальное значение и стал этническим наименованием племен, образовавшихся в приаральских степях в результате смешения тюркютов с местными угорскими и саргатскими племенами.

На историческую арену огузы вышли как восточные вассалы Хазарского каганата. Первым их «историческим деянием» стало вытеснение печенегов из Западного Казахстана в донские степи в конце VIII века. Эта часть огузов стала известной на Руси под названием «торки». Торки часто враждовали с племенным союзом буртасов — татар-мишарей. В XI веке их потревожили половцы и заставили мигрировать вслед за печенегами. В «Повести временных лет» описано, что объединенные силы русских князей в 1060 году нанесли торкам сокрушительный удар. Судьба этих огузов оказалась недолговечной,

поскольку им пришлось частично слиться с печенегами, впоследствии исчезнувшими, частично перейти под власть русских и быть ассимилированными.

В X веке другая часть огузов мигрировала на юго-восток. Там они приняли ислам, нанимались на военную службу к местным правителям Саманидам и Караханидам, однако, воспользовавшись ослаблением этих государств, стали поднимать мятежи и образовали государства Газневидов (с центром в Афганистане) и сельджуков (с центром в Туркмении). Сельджукиды, захватив практически весь Ближний Восток, оказались самыми жизнеспособными.

По сообщению Ипатьевской летописи, в состав проживавших в Поросье черных клобуков входили торки, печенеги, берендеи и ковуи. Также по одному разу летопись упоминает турпеев (1150 г.) и каепичей (1160 г.).

Огузы жили в отдаленных им на кормление русских городах, но основали и несколько своих: Торческ, Саков, Берендичев, Берендеево, Ижеславль, Урнаев и др. Последнее упоминание в летописи тюркских вассалов киевских князей относится к 1235 году и касается торков. Согласно археологическим данным, после монгольского завоевания часть черных клобуков была переселена монголами в Поволжье и Молдавию. Однако полуоседлая и оседлая часть черных клобуков осталась в Поросье и приняла участие в генезисе запорожских казаков.

Кимакский каганат — древнее государство кочевников, располагавшееся на территории современного Казахстана и Южной Сибири примерно с конца IX века по 1035 год. Каганат был основан древними тюрками, которые ушли на запад после падения Восточно-Тюркского каганата. Занимал территорию в бассейне Иртыша и западнее, до Уральских гор. Основным населением были кимаки, занимавшие восточные земли каганата; земли ближе к Уралу принадлежали кипчакам, считавшимся западной ветвью кимаков. Также каганат населяли: эймуры, татары, байандуры, ланиказы, аджлау, смешанные кимако-кыргызские племена и др. Столицей государства был город Имакия на Иртыше. Северной границей каганата служила Сибирская тайга, восточной — горы Алтая, южная заканчивалась в безжизненной степной зоне. Накануне середины VIII века Кимакский каганат на юге граничил с карлуками и тогуз-огузами, на востоке — с енисейскими кыргызами. После развала Уйгурского каганата в 840 году большое количество тюркских племен присоединились к кима-

кам. В начале XI века кимаки и кипчаки вытеснили огузов в южном направлении, печенегов — в западном, карлуков — в юго-восточном, угров — на север, в степи сибирской тайги. Полунезависимые ханы Кимакского каганата, почувствовав силу, стали проводить сепаратистскую политику, ослабляя центральную власть кагана. Каган превратился только в военного лидера с небольшим подвластным ему ополчением. Отдельные ханы имели собственное ополчение. В каганате в это время не было централизованной армии. Примерно в том же XI веке кипчаки двинулись дальше на запад, занимая земли, ранее принадлежавшие огузам. Кипчаки усилились и поставили кимаков в зависимое положение. Согласно оценкам некоторых источников, кипчакская миграция была продуманным захватом лучших пастбищ. Вместе с кипчаками на запад ушло большое количество кимаков, остальные остались на своих территориях около Иртыша.

Эта миграция на запад кипчаков, кимаков и печенегов кардинально изменила этническую карту степной зоны Восточной Европы.

Печенеги — союз тюркоязычных кочевых племен, сложившийся предположительно в VIII–IX веках. Печенежский язык, по мнению ряда специалистов (Н. А. Баскаков и др.), относился к огузской подгруппе тюркской языковой группы. Согласно мнению некоторых ученых, печенеги представляли собой часть народа канглы. По К. Багрянородному, часть печенегов называла себя кангарами. В конце IX века те из них, которые носили название «пацзынак» (печенеги), в результате климатических изменений (засухи) в степной зоне Евразии, а также под давлением соседних племен кимаков и огузов форсировали Волгу и оказались в восточно-европейских степях, где ранее кочевали мадьяры. Около 882 года печенеги достигли Крыма. Тогда же они вступили в конфликт с князьями Киева Аскольдом (875; столкновение описано в поздних летописях и оспаривается историками), Игорем (915, 920). После краха Хазарского каганата (965) власть над степями к западу от Волги перешла к печенежским ордам. В этот период печенеги занимали территории между Киевской Русью,

Венгрией, Дунайской Болгарией, Аланией, территорией современной Мордовии и населявшими Западный Казахстан огузами. Гегемония печенегов привела к упадку оседлой культуры, поскольку земледельческие поселения приднепровских славян (тиверцы, Екимоуцкое городище) и донских алан (Маяцкое городище) были разорены и уничтожены.

К XI веку теснимые полочанами печенеги (13 племен) кочевали между Дунаем и Днепром. Часть их исповедовала несторианство. Христианство среди них с помощью Владимира проповедовал Бруно Кверфуртский. Ал-Бакри сообщает, что около 1009 года печенеги приняли ислам. Около 1010 года в среде печенегов возникла распря. Печенеги князя Тираха приняли ислам, тогда как два западных племени князя Кегена (Белемарниды и Пагуманиды общей численностью 20 000 человек) перешли через Дунай на византийскую территорию под скипетр Константина Мономаха в Добрудже и приняли христианство византийского образца. Византийский император планировал сделать из них пограничную стражу. Однако в 1048 году

огромные массы печенегов (до 80 000 человек) под предводительством Тираха пересекли Дунай по льду и вторглись в балканские владения Византии.

Последним, документально зафиксированным русско-печенежским конфликтом является осада Киева в 1036 году, когда осаждавших город кочевников окончательно разбил подоспевший с войском великий князь Ярослав Мудрый. Ярослав использовал расчлененное по фронту построение, поставив на флангах киевлян и новгородцев. После этого печенеги перестали играть самостоятельную роль, а выступали как значительная по численности часть нового племенного союза берендеев, называемых также черными клобуками. Память о печенегах была жива и значительно позже: например, в литературном произведении тюркский богатырь Челубей, начавший поединком Куликовскую битву, назван «печенегом».

Битва под Киевом в 1036 году была завершающей в истории русско-печенежских войн. В дальнейшем основная часть печенегов ушла в степи

Северо-Западного Причерноморья, а в 1046–1047 годах под руководством хана Тираха перешла по льду Дунай и обрушилась на Болгарию, бывшую в то время византийской провинцией. Византия периодически или вела с ними ожесточенную войну, или задаривала подарками. Далее печенеги, не выдержав натиска торков, половцев и гузов, а также войны с Византией, частью на правах федератов поступили на византийскую службу, частью были приняты венгерским королем для несения пограничной службы, и с той же целью частично были приняты русскими князьями. Другая часть сразу после своего поражения под Киевом ушла на юго-восток, где ассимилировались в среде других кочевых народов.

В 1048 году западные печенеги осели в Мёзии.

В 1071 году печенеги сыграли непонятную роль в разгроме византийского войска под Манцикертом.

В 1091 году византийско-половецкое войско нанесло сокрушительное поражение печенегам у стен Константинополя.

Смерть Святослава в битве с печенегами. Миниатюра из «Хроники Иоанна Скилицы»

выявить четкие критерии выделения огузских (гузских) и кыпчако-половецких комплексов IX–XI вв. Решающими в этом случае являются, как правило, не археологические, а письменные данные, констатирующие, по сути, смену этноплеменного названия, на наш взгляд, единого этноплеменного союза, произошедшую на рубеже XI–XII веков. Единая культурная основа явилась причиной того, что формальные черты сходства погребально-обрядов сохранялись достаточно длительный период. В этой связи, вероятно, невозможно, да и нет смысла выявлять особые различия в огузских (гузских), торческих и раннекыпчакских или раннеполовецких комплексах. Различные «особые» категории вещевого материала (копоушки, птицевидные и лазуритовидные подвески и др.), безусловно, отражают хронологические особенности и культурно-географические изменения в среде гузо-половецкого населения. Однако, как нам представляется, они не могут в полной мере выступать этнокультурными реперами.

Иная ситуация складывается вокруг огузских и печенежских комплексов. Несмотря на единство мнений о том, что основные очаги культуросогенеза огузов и печенегов отстоят друг от друга на тысячи километров (печенеги: баджак, кангелес, канглы, кангюй) — Сырдарья, Приаралье; огузы (тогузогузы) — Присяянье, в последующий период их единой истории, которая протекает в степях Западного Казахстана, Волго-Донья и Приднепровья, они рассматриваются в общем контексте. Их изначальное культурное своеобразие нивелируется

и исчезает в необъятном океане кочевой синкретической культуры. Попытки выделения среди общей массы многочисленных кочевнических комплексов данного периода памятников отдельно печенежских, отдельно огузских (гузских, торческих) не представляется возможным либо не имеет убедительных критериев.

С нашей точки зрения, данная ситуация не отражает реального облика культур указанных кочевых народов. Действительно, если принять за основу, что культуросогенез печенегов связан с народом страны Кангюй, то очевидно, что истоки материальной культуры печенегов необходимо искать в памятниках среднеазиатских и южноказахстанских оазисов, где с первых веков нашей эры существовал ряд культур (каунчинская, джетысарская, арысская, кенкольская и др.), которые большинством исследователей, и нами в том числе, связываются с культурой Кангюя. Мы объединили эти памятники в алано-кангюйский ИКК. Характерной объединяющей особенностью погребальной культуры данного населения является катакомбный обряд (дромосные катакомбы с подбоями и простыми ямами с южной ориентировкой погребенных). Несмотря на начавшуюся активную тюркизацию, которая начинается во второй половине VI века после походов Истеми-хана в Среднюю Азию, думается, что основной ИКК алано-кангюйского населения сохраняется вплоть до распада и прекращения существования данной этнокультурной общности. Как известно, фактически все памятники отраро-каратаутской, джетысарской, каунчинской,

Победа русского богатыря над печенежским (992). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Печенеги, отрезанные озером от союзников. Битва под Любечем (1016). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Всадник Хазарского каганата из богатой аланской семьи. Середина IX века. По материалам С. А. Плетневой

Салтово-маяцкая культура — археологическая культура эпохи Средневековья на юге России и юго-востоке Украины. Датируется серединой VIII — началом X века, периодом господства в этом регионе Хазарского каганата. Название дано по двум крупным памятникам — Салтовскому городищу близ села Верхний Салтов на левом берегу Северского Донца (Харьковская область, начало раскопок — 1900 г.) и Маяцкому городищу близ места впадения в Дон реки Тихая Сосна (Воронежская область, 1906 г.). Культура аланского населения лесостепной части Подонья, сложившаяся

в результате переселения в этот регион аланских племен, генетически связана с культурой алан Северного Кавказа. Ее принято также определять как «государственную культуру Хазарского каганата» и включать в ее ареал степное Подонье, Приазовье, Тамань, Восточный Крым, Нижнее Поволжье и Прикаспийский Дагестан. В этом случае культура подразделяется на два локальных варианта — лесостепной аланский и степной, условно называемый «болгарским». Последний, в свою очередь, делится на несколько территориальных вариантов.

Тюрешы — тюркский народ, входивший в племенной союз дулу. Делился на кара- и сары-тюрешей. Их вождь Ушлик (Уч-элиг) сверг китайского губернатора и направил в Китай посольство с требованием признать его каганом.

Тюрешский каганат — тюркское государство. Простиралось от Шаша (Ташкента) до Турфана и Бешбалыка (Семиречье, бассейны рек Или, Чу и Талас). Столица каганата — город Суяб, малая ставка — Кунгут. Восточные тюрки также вынуждены были признать существование нового государства. В начале VIII века каган Ушлик перенес свою ставку в Суяб и поделил всю территорию каганата на двадцать областей (тутук). В каждой области насчитывалось до семи тысяч воинов. В 705 году вплотную

к южным границам тюрешей подошли арабские войска, воевавшие с согдийскими государствами. Ушлик заключил союз с Китаем, и Согдом и дважды разбил арабов под Пайкендом и Бухарой. Только разногласия между тюрешами и согдийцами позволили арабам отступить и избежать полного разгрома. Сын Ушлика, Согэ каган, изгнал арабов из Средней Азии и стал фактически гегемоном в этом регионе. Однако успех его оказался недолог.

В 708 году в Тюрешском каганате началась междоусобная война между каганом и его вассалом Кули-Чури. Кроме того, родной брат Согэ, Чжен, перешел на сторону Восточно-Тюркского кагана и обратился к нему за помощью в борьбе за престол. Восточно-тюркские войска выступили в поход, и в 710 году на реке Болочу

тюрешское войско было разбито. Согэ начал собирать новые войска, но вновь потерпел поражение и попал в плен, а каганом стал Чжен.

Поражение тюрешей позволило арабам возобновить наступление на Среднюю Азию и в 711 году взять Самарканд. В 713 году арабы захватили Ходжент, Фергану и попытались завладеть Ташкентом, а в 715 году — проникнуть в Восточный Туркестан. Однако арабская экспансия вновь была остановлена тюрешами, которые в том же 715 году очистили от захватчиков Фергану, а уже в 717 году талантливый каган Сулук сумел восстановить прежнюю мощь каганата.

Пользуясь междоусобицами тюрешей, арабы завершили завоевание Согда, подавили сопротивление Самарканда, Ташкента и Отрара и к 738 году уста-

новили твердую границу с тюрешами. Возобновили наступление и китайцы, которые в 748 году разрушили Суяб. Две армии, арабская и китайская, встретились в 751 году у реки Талас. Ожесточенная битва продолжалась пять дней и закончилась победой арабов. Китайцы были изгнаны из Семиречья, но и арабы были вынуждены отступить из-за постоянных восстаний в покоренном Согде.

В 756 году война между кара- и сары-тюрешами возобновилась и окончательно обескровила каганат. Власть в Семиречье перешла к другому тюркскому племени — карлукам.

В том же году умер последний тюрешский каган, и каганат прекратил существование.

арысской и других позднекангюйских культур прекращают свое существование к рубежу VII–VIII веков. Происходит это в два этапа: мелкие поселки и селища перестают функционировать к V–VI векам, а городища — к рубежу VII–VIII веков. Это подтверждают и материалы могильников, где встречены наиболее поздние артефакты, датируемые VIII–IX вв. Распад Кангюя был вызван, прежде всего экологической катастрофой, произошедшей в этот период в зоне арало-сырдарьинских степей, и, безусловно, усложнившейся внешнеполитической обстановкой (завоевание Западно-Тюркского и Тюркешского каганатов и огузов).

Как нам представляется, следствием этого явилась длительная миграция аланского населения страны Кангюй в волго-донские, северокавказские и днепро-дунайские степи, где с VI по X век появляются памятники салтово-маяцкой (или хазарской) культуры, по характерным особенностям (планировка и фортификация городищ, катакомбный обряд, состав керамической посуды) схожей с алано-кангюйским ИКК. Безусловно, принимая тезис о многокомпонентности салтово-маяцкой культуры, нельзя не признать, что ее аланская составляющая доминирует. Динамика исчезновения аланских памятников Кангюя, возникновение и последующее расширение ареала хазарских (салтово-маяцких) комплексов наводит на мысль о взаимосвязанности этих процессов. Если на начальном этапе алано-кангюйские миграции из арало-сырдарьинской зоны привели к сложению аланской компоненты хазарского каганата, то, по всей видимости, завершающим аккордом был исход печенежского (в значительной мере тюркизированной), в основе своей кангюйского и, следовательно, аланского населения.

Из всего сказанного следует, что салтово-маяцкая культура, с одной стороны, отражает общеаланское культурное единство, с другой — несет двукомпонентное этнополитическое содержание: на раннем этапе (VI–VIII вв.) это аланское население хазарского каганата, на позднем (IX–X вв.), и прежде всего это касается населения хазарского западного порубежья и днепро-дунайских территорий — картографирует расселение печенежской орды.

Антропологическая реконструкция. Могильник Линевка I. XIII–XIV вв. Автор А. И. Нечвалода

Появление на рубежах хазарского каганата огузско-раннеполовецкого населения маркирует комплексы типа Саркел (Белая Вежа) и знаменует собой не только последний период существования хазарского каганата, но и пребывание собственно печенежского населения в пределах этих районов. Это ознаменовалось прекращением существования наиболее крупных салтово-маяцких некрополей в регионе и расширения ареала салтовской культуры на запад, что соотносится с уходом печенежской орды на запад, в Подунавье.

Для урало-казахстанских степей начало кимако-кыпчакского периода, как уже говорилось, падает на конец IX века. Историческая фабула событий раннекыпчакской истории выглядит примерно следующим образом. К этому времени кыпчаки в урало-аральских степях разгромили печенежскую коалицию. На юге, в бассейне Сырдарьи, они одержали верх над огузами и в 1030 году оказались у границ Хорезма. Окончательно вышли из политической зависимости кимаков в XI веке, после падения кимацкого государства (каганата),

Хазары — тюркоязычный кочевой народ. Стал известен в Восточном Предкавказье (равнинный Дагестан) вскоре после гуннского нашествия (V–VI вв.). Имя «хазары» является самоназванием, его этимология до конца не ясна. По одной из версий, происходит от тюркской основы *kaz* («кочевание»). Первоначально, обитая в районе к северу от Дербента в пределах современного равнинного Дагестана, хазары стали расселяться в контролируемых регионах: в Крыму, на Дону и, особенно в Нижнем Поволжье, куда в VIII веке переместилась столица государства. Несколько групп хазар в результате длительных войн против Ирана и Арабского халифата были насильно переселены в Закавказье. Религиозные верования состояли из общетюркских языческих

ритуалов, характерной чертой которых было поклонение богу Тенгри и обожествление кагана. Благодаря географическому положению и веротерпимой политике правительства в хазарскую среду интенсивно проникали христианство и ислам.

В VIII–IX веках часть хазар, во главе с правящим родом, перешла в иудаизм. До VII века хазары занимали подчиненное положение в сменявшихся друг друга кочевых империях. В 560-е годы оказались в составе Тюркского каганата, после распада последнего в середине VII века создали собственное государство — Хазарский каганат (650–969), который стал одним из самых долговечных кочевых объединений в этом регионе.

После неудачной попытки Византии натравить в 932 году на хазар аланов

византийцы подкупили князя русов Хельгу (Олега). Тот в 940 году напал на хазарский город Самкерц на Тамани. В отместку хазарский полководец, наместник хазарского царя на Боспоре Песах разорил византийские города Крыма, а затем победил Хельгу и приказал ему идти в поход на Византию.

В 965 году русский князь Святослав Игоревич разгромил Хазарию. После окончания войны Святослава с Византией (971) все владения Хазарского каганата в Крыму вошли в состав империи. В юго-восточной части полуострова, населенной главным образом хазарами, была образована Боспорская фема, и крымские хазары стали подданными Византийской империи. После взятия Херсона войсками князя Владимира Святославовича (989) Боспорская фема была

ликвидирована; на землях крымских и таманских хазар образовано новое русское княжество с центром в Таматархе (в русской летописи — Тмутаракань). Так на некоторое время часть «Хазарской Руси» обрела политическую форму. На княжение в Тмутаракани был посажен один из младших сыновей Владимира — князь Мстислав.

Независимое хазарское княжество с центром в Керчи было завоевано в 1016 году в совместном походе византийских и русских войск. В 1064 году три тысячи хазарских семей переселились в Хахтан-Самандар. Зависимое от Хорезма небольшое политическое образование в Нижнем Поволжье с центром в Саксине, находившейся на месте Итиля, подверглось исламизации.

в разгроме которого, вероятно, участвовала одна из восточных группировок. Раннекыпчакское население сдвинуло лесостепные сроткинские племена и хакасов из Обь-Иртышского междуречья на восток, а на западе предприняло первые набеги на волго-донские районы (город Саксин) и далее на Русь (1055 и 1061 гг.).

Историческая канва достаточно убедительно показывает, что кочевники заурало-казахстанских степей в XI веке, безусловно, находились в ареале кыпчакской политической зависимости. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлись кочевьями кыпчаков.

К XII веку восстановилась прежняя пастбищно-кочевая территория в рамках Урало-Аральского региона, что способствовало этнической консолидации и окончательной тюркизации к XIII веку населения западноазиатских степей.

С конца XII — XIII века кочевое население Дешти-Кыпчака активно осваивало северную часть южноуральских и западносибирских степей и частично юг лесостепей. Это обусловило появление комплексов XII–XIII вв. в лесостепной Башкирии (могильники Мрясимовский, Кушулевский, Сыпты, Шахтау, у поселка Комсомольский, на Охлебнинском городище). Это население активно контактировало с угорскими племенами, оставившими памятники чияликского типа в лесостепном Приуралье и Зауралье, а так же памятники «сылвенского круга» в Юго-Западной Сибири.

Погребальный обряд кочевников Восточного Дешт-и-Кипчака (XI — начало XIII в.)

До определенного времени считалось, что погребальный обряд представлен относительно немногочисленными комплексами (курган у «Третьего Пlesa»; Кайнсай, курган 2; Змеинный Дол, курган 2; Шот-кара; Житимацкие II; Тавлыкаевские; Илек-шар I, курган 1, погребение 2; Шумаевский, курган 7, погребение 5; Челкар (Шелкар) III; Болгарка, курган 1; Эмба и др.). Однако в последнее десятилетие, благодаря активным исследованиям археологов, прежде всего казахстанских [36; 37], количество таких памятников увеличилось, теперь их насчитывается более четырех десятков (по данным С. Г. Боталова и И. В. Матюшко [237, с. 192–195]). Указанные памятники равномерно картографируют регион южноуральских и примыкающих североказахстанских степей на юго-западе, достигая

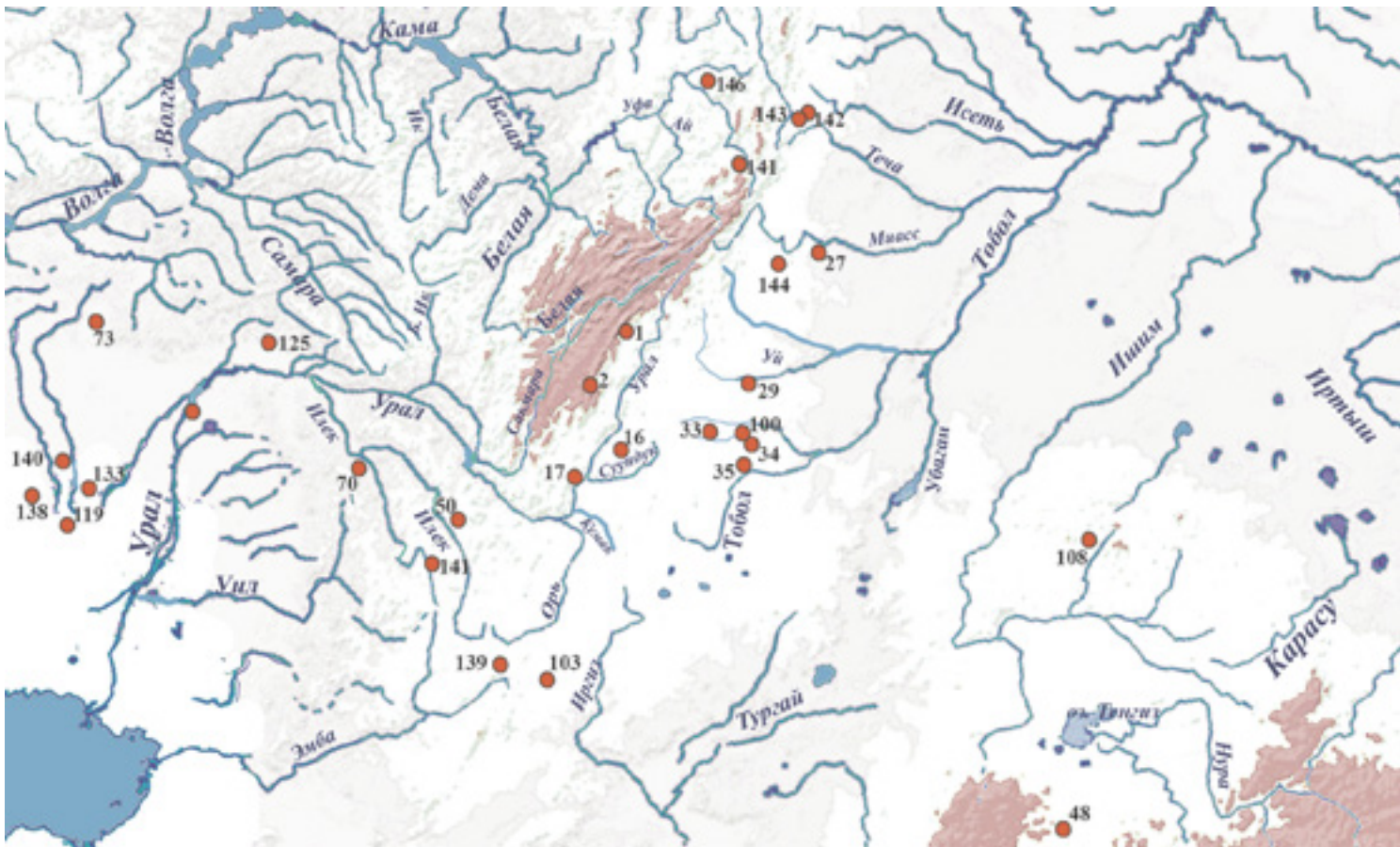
Центрального Казахстана, на северо-западе — Южного Приуралья. Существует точка зрения о крайней малочисленности степных памятников, что косвенно указывает на отсутствие здесь кыпчакского населения на данном этапе.

По нашему представлению, относительная малочисленность урало-казахстанских комплексов данного этапа объясняется определенными причинами историко-культурного характера. По всей вероятности, население кыпчакско-половецкого этапа было достаточно дисперсным, особенно в удаленных провинциях Дешт-и-Кипчака, коими являлись южно-уральские и североказахстанские степи. Основная масса кочевников сосредоточивалась либо в наиболее благоприятных зонах северопрichernоморских и волго-донских степей, либо вблизи азиатских оазисных городских цивилизаций, которые располагались в северных районах Средней Азии, предгорьях Улутау или Казахского мелкосопочника (Нурынско-Ишимское междуречье), где

Погребальные памятники, святилища и жертвенно-поминальные комплексы кочевников Урало-Казахстанских степей IX–начала XIII века. (по Я. Я. Бисембаеву, С. Г. Боталову, В. П. Костюкову, И. В. Матюшко, Г. Н. Гарустовичу).

1 – Ишкуловский II; 2 – Тавлыкаевские II; 16 – Новоорский I; 17 – Новый Кумак; 29 – Катенино; 33 – Кайнсай; 34 – Аксак; 35 – Змеинный Дол; 48 – Шот-Кара; 50 – Увак; 70 – Тамар-Уткуль; 73 – Солянка II; 80 – Челкар (Шелкар) III; 85 – Лебедевка VIII; 100 – Третий Плес;

103 – Атра II; 108 – Кошкарбай; 141 – Араслановские писаницы; 142 – Аракуль; 143 – Большие Аллаки; 144 – Синеглазово; 145 – Уелги; 146 – Каранаево; 119 – Карасу; 133 – Джангалы; 137 – Болгарка I; 138 – Оз. Раим; 139 – Эмба; 140 – Кос Оба; 125 – Шумаево I, II

обнаружены города гузов X–XII вв. Исследования данных микрорайонов сегодня только начинаются (городище Бузок, окраина города Нурсултан). Основные составляющие черты кимако-кыпчакского ИКК: погребение со шкурой коня, 3–С3 ориентировка. В отличие от предыдущего периода эти комплексы располагаются в пределах обширного региона урало-казахстанских степей.

В целом они продолжают традицию раннекыпчакских погребений, которые появляются среди материалов погребального комплекса Уелги уже в X–XI веках. Впервые на схожесть южноуральских материалов с алтайскими памятниками сrostкинской культуры, соотносимыми с памятниками кимако-кыпчакского населения, обратил внимание Д. Г. Савинов [342; 343].

Наибольшую схожесть со сrostкинскими памятниками, на его взгляд, демонстрировали самые

поздние курганы (XI в.) у озера Синеглазово, исследованные в начале прошлого века Н. К. Минко и С. А. Гатцуком. В общей сложности ими раскопаны 11 курганов, в которых обнаружено 12 погребений (все были ограблены). Погребальный обряд установить сложно, так как не сохранились чертежи раскопок, однако своеобразные типы погребального инвентаря позволили достаточно точно установить культурную принадлежность этих комплексов, имеющих массу аналогов среди алтайских материалов сrostкинского типа.

Это, прежде всего наборы наконечников стрел. Большая часть их (27 экз.) костяные, черешковые: 15 с уплощенной формой пера, 11 с ромбическим, 1 — с трехгранным сечением. Среди железных наконечников (17 экз.) имеются трехлопастные с остроугольной головкой и слегка выступающим упором, трехлопастные ассиметрично-ромбические, плоские с остроугольным острием пера, двухлопастные с луновидной формой пера, четырехгранные.

Костяные накладки от сложносоставного лука (19 экз., целые и фрагментированные): 13 для лука, срединные боковые массивные накладки длиной до 17 см и шириной до 2,3 см (две целые) и 10 фрагментов; одна узкая прямоугольная срединная фронтальная накладка, края ее слегка расширяются, в сечении трапециевидная, и шесть фрагментов накладок, функциональное значение которых выяснить сложно.

Предметы конского снаряжения: две пары удила и псалиев. Представлены полностью: железные односоставные двукольчатые удила с S-видными псалиями, с пластинчатыми петлями на них и двумя сцепленными между собой кольцами для крепления ремней; железные односоставные двукольчатые удила и костяные двудырчатые псалии. Псалии стержневые, один слегка изогнут в верхней части и имеет слабое расширение на конце. Два фрагмента железных удила с восьмеркообразным внешним кольцом; два железных кольца, вероятно, из упряжи; три обломка костяных псалиев, имеющих изгиб в средней части и расширяющихся (в виде «сапожка») или раздваивающихся на конце; фрагмент костяного псалия с двумя отверстиями. Подпружные пряжки: костяные — массивные подпружные пряжки (8 экз.) с двойной прорезью по центру для

Сrostкинская культура была распространена в лесостепном Приобье и лесостепном Обь-Иртыше. Выделена М. П. Грязновым (1956). Относится к VIII–XIII вв. Сложилась в результате смешения автохтонного угро-самодийского и пришлого тюркского населения. Степень присутствия составляющих этнических компонентов обусловило наличие локальных вариантов сrostкинской культуры. Выделяются три этапа в ее развитии: VIII–IX вв. (могильники Иня, Камень II); IX–X вв. (могильники Сrostки, Ближние Елбаны, Старый Шарап); XI — начало XIII в. Раннесrostкинский пласт представлен захоронениями с конем и без него. Погребальный инвентарь в целом идентичен инвентарю из типичных тюркских курганов (железное

оружие, конская упряжь, наборные пояса и т. д.). Керамика, как правило, местная. Для второго этапа сrostкинской культуры характерны погребения под одной насыпью вокруг центрального захоронения нескольких умерших. Погребенных заворачивали в бересту, могилу перекрывали бревенчатыми накатами. В мужских захоронениях найдено оружие, в женских — украшения. Керамика плоскодонная, слегка профилированная, орнаментирована по шейке цепочкой из ямочных наколов. Орудия труда, оружие и украшения аналогичны кимацкому инвентарю, что свидетельствует об активном участии кимаков в формировании сrostкинской культуры. На заключительном этапе влияние тюркского субстрата еще более усилилось.

Погребальный инвентарь.
Синеглазовские курганы
Раскопки Н. К. Минко
и С. А. Гатцука, 1908 год

Николай Кириллович Минко (1880, г. Филиппополь (ныне Пловдив) — 1918, Румыния) — археолог, историк, нумизмат. Родился в семье офицера, болгарина по происхождению. В 1899 году окончил гимназию и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В студенческие годы проявил интерес к археологии, совмещал получение юридического образования с занятиями в Императорском археологическом институте. Во время русско-японской войны (1904–1905) был направлен уполномоченным Красного Креста в район Восточной Сибири. С 1906 года работал в Челябинске на переселенческом пункте в должности заведующего. К 1906 году относятся его первые археологические исследования курганов близ озера Синеглазово (около поселка Исаково) и курганного могильника на 11-й версте по Миасскому тракту. В 1906–1910 годах он изучал окрестности Челябинска. В радиусе 20–25 верст (21,2–26,5 км) от города обнаружил около 800 курганов (по данным археолога С. Н. Дурылина),

из которых под его руководством были раскопаны 110. Археологические исследования Николай Кириллович проводил на собственные средства. Результаты его раскопок вошли в «Отчет археологической комиссии за 1909 год». Значение их было столь велико, что в тот же год Императорская археологическая комиссия поручила Минко проводить дальнейшие исследования.

В 1911 году Минко вынужден был прервать археологическую деятельность: в связи с неурожаем в Челябинском уезде его назначили уполномоченным по снабжению хлебом неурожайных районов Оренбургской губернии. В мае 1914 года возвратился в Челябинск, вновь приступил к раскопкам в окрестностях города, но ненадолго.

С началом Первой мировой войны, 4 августа 1914 года, он был отправлен на фронт в качестве уполномоченного Красного Креста. За время службы в армии Н. К. Минко объездил Галицию, Буковину, Венгерские Карпаты. После войны намеревался вернуться в Челябинск, однако в 1918 году пропал без вести.

костяного или железного язычка. Железная пряжка с цельнолитой рамкой и двумя поперечными параллельными прорезями для язычка и ремня. В коллекции имеется еще одна костяная пряжка по форме напоминающая бронзовые геральдические пряжки. По центру Т-образное отверстие для язычка. Стремя с дужкой арочной формы, широкой подножкой, слегка приподнятой в местах перехода к дужкам, и загнутыми вниз краями. К верхней части дужки прикована пластина с прямоугольной прорезью для ремня.

Украшения конской сбруи: две круглые и одна сердцевидная серебряная бляшки; две железные пластинки длиной до 11 см с крепежными шпеньками на внутренней стороне, служившие, вероятно, для крепления колчана.

Погребальный инвентарь. Синеглазовские курганы. Раскопки Н. К. Минко и С. А. Гатцука, 1908 год

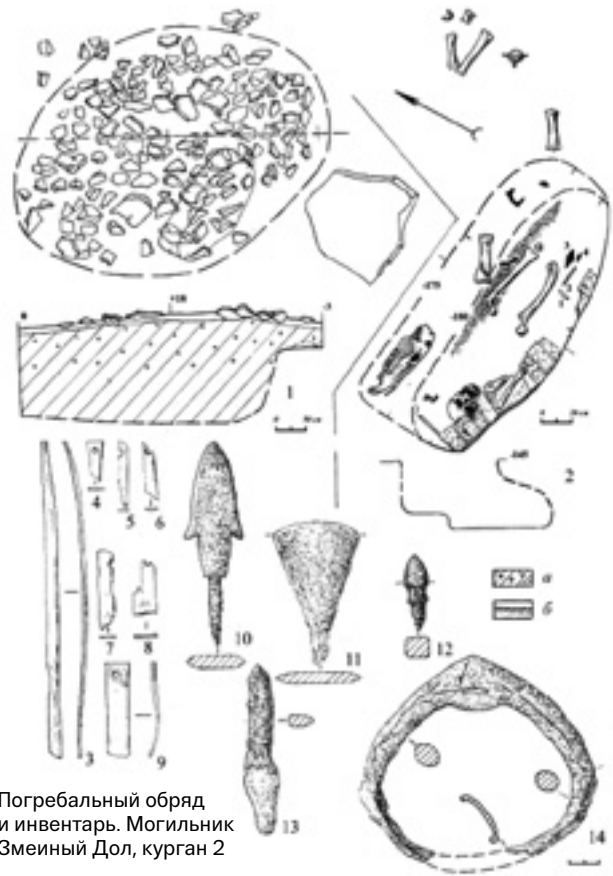
Выявленный круг аналогов вещевого материала синеглазовских курганов позволяет определить ареал памятников, близких хронологически и, вероятно, этнически. Синеглазовский горизонт с приуральскими курганами конца IX — X в. (курганы Каранаевские, Лагереvские, Житимасские, могильник Уелги). Следует отметить определенное своеобразие погребального инвентаря Синеглазовских курганов, основную долю которого составляют предметы вооружения и конской сбруи. Эта особенность сближает их с одновременными памятниками сrostкинскогo круга Южной Сибири, Алтая и Восточного Казахстана (могильники Ближние Елбаны, Змееvский, Бобровский, Орловский, Гилевский). Эти памятники, как уже упоминалось, объединены Д. Г. Савиновым в сrostкинскую культуру, которая этнически связывается с племенами кимако-кыпчакского круга. Разделяя мнение Д. Г. Савинова, Н. А. Мажитов также указывает на то, что в сложении культуры курганов X–XI веков Южного Урала сыграли активную роль пришлые южносибирские кочевники.

С нашей точки зрения, Синеглазовские курганы X–XI веков отражают этап становления Восточного Дешт-и-Кипчака, на следующем этапе (XI–XII вв.) происходит широкое расселение кыпчакского населения в пределах урало-казахстанских степей. Рассмотрим те немногочисленные, но достаточно яркие комплексы кыпчакского периода (XI — начало XIII в.), обнаруженные в пределах южноуральских и североказахстанских степей. В последние годы в степной зоне Южного Зауралья и Казахстана было исследовано несколько курганов раннего этапа этого периода (Змеиный Дол, курган 2; Кайнсай, курган 5; курган у Третьего Плеса; Илекшар I, курган 1; Илекшар III, курган 1; Лисаковский, курган 4; Шумаевский II, курган 7). Все зауральские памятники располагались в сходных ландшафтных условиях — на невысоких мысовидных возвышенностях вблизи широких пойменных ложбин с высоким уровнем почвенных вод и хорошим травостоем.

Курган 2 могильника Змеиный Дол располагался на маловодном левом притоке реки Желкуар (Жетыгаринский район Казахстана), в ее верхнем течении. Насыпь, сложенная из камня, имела

размеры 5×4 м и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. У южного края зафиксирован крупный плитообразный камень. Форма могильной ямы прямоугольная (1,85×0,25 м), ориентировка широтная, глубина от уровня материка — 1,3 м. Подбой устроен в южной стенке, на ступеньке найдены остатки шкуры, череп и отдельные кости ног лошади, растащенные сурками. На дне подбоя лежал потревоженный грызунами скелет человека. Судя по сохранившимся *in situ* костям, погребенный был уложен на спину, головой на запад. При выборке заполнения ямы над скелетом фиксировались фрагменты берестяного перекрытия. В заполнении и на дне найдены восемь костяных колчаных накладок, стремена, три железных наконечника стрел и нож.

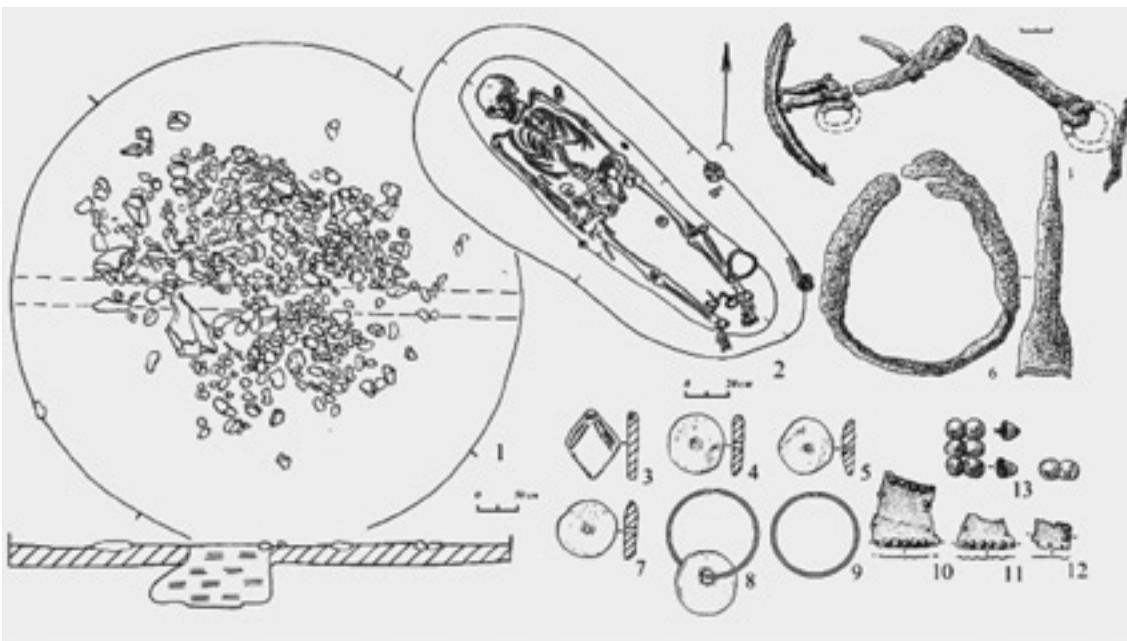
Курган 5 могильника Кайнсай находится в нижнем течении реки Синташта (близ села Андреевка). Насыпь овальной, почти округлой формы (4×3 м) сложена из камня. У юго-западного края лежал массивный стелообразный камень. Могильная яма овальной формы (2,1×0,95 м) ориентирована по линии СЗ–ЮВ, глубина ее от уровня материка — 0,7 м. У северо-восточной стенки стояли два березовых столбика. В юго-западной стенке прослеживался небольшой подбой. Погребенная лежала вытянута на спине, головой на северо-запад. На ее тазовых костях справа в такой же позе покоился скелет младенца. Вещевой комплекс включал железные удила и стремя, пять азуритовых подвесок (одна в серебряном кольце), серебряное кольцо, два десятка шпеньковых накладок (вероятно, оловянных) и три обломка серебряных пластинок.

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Змеиный Дол, курган 2

Азуритовые подвески и серебряные кольца. Могильник Кайнсай, курган 5

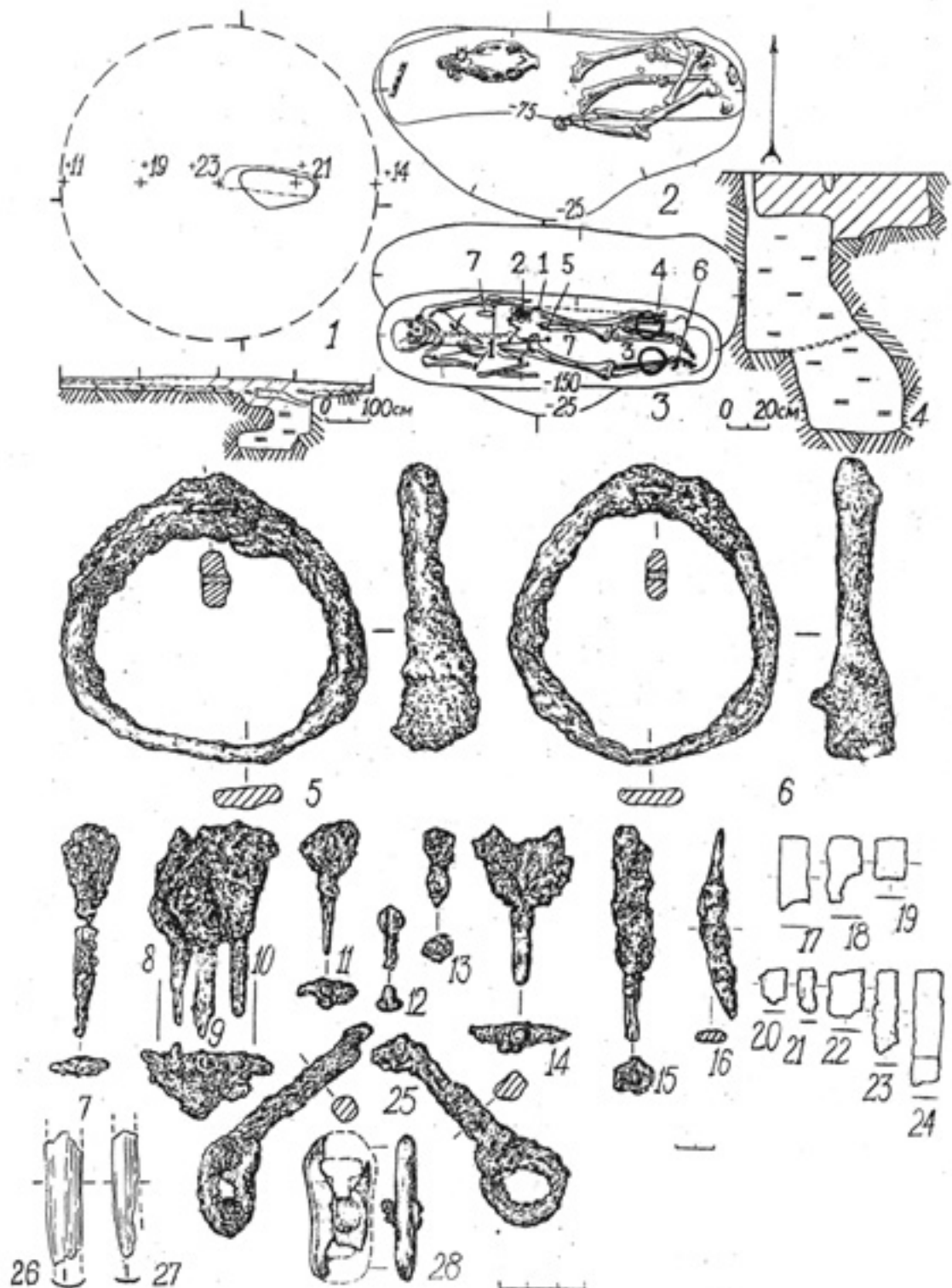

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Кайнсай, курган 5

Одиночный курган у «Третьего Плеса» находился на расстоянии 0,8 км северо-восточнее села Великопетровка Карталинского района Челябинской области (в 25 км к северу от города Карталы), на правом берегу реки Нижний Тогузак. Насыпь земляная, округлой в плане формы, уплощенная, диаметром около 8 м и высотой 0,25 м. Могила размещалась под восточной полой насыпи. У ее юго-западного края («в головах» основного погребения) на уровне древней почвы было вскрыто безынвен-

тарное захоронение младенца, позу и ориентировку которого, к сожалению, установить не удалось. Могильная яма подбойная, с усложненным профилем. Под южной стенкой был сделан подбой высотой до 0,75 м и шириной до 0,35 м. Полость ямы на уровне ступеньки была перекрыта растительным материалом, волокна которого простирались перпендикулярно осевой линии ямы. На растительной подстилке лежали череп, кости нижних отделов ног и хвоста коня. Череп, покоившийся на нижней че-

Погребальный обряд и инвентарь. Курган у Третьего Плеса

люсти и ориентированный лицевой частью на запад, находился в западной половине ямы, а кости ног, отчлененных по коленным суставам, — в восточной. Вблизи черепа коня зафиксированы два обломка жердей. На дне подбоя лежал истлевший скелет. Тело покойного было помещено в тесном пространстве подбоя вытянуто на спине, головой на запад. Коллекция вещей, найденных в погребении, включает железные удила, два железных стремени, железный нож, остатки колчана с восемью железными наконечниками стрел, костяную пряжку, костяные накладки лука, небольшой каменный предмет и 14 серебряных пластинок. Сохранность металлических и костяных предметов плохая.

Удила, как уже отмечалось выше, находившиеся в пасти лошади, двухчастные, с кольцами. Стремени, несколько различающиеся пропорциями, лежали на берцовых костях покойного. Между костями правой стопы и стремени найдена сильно поврежденная костяная подпружная пряжка с железным шпеньком. Вдоль костей левой ноги фиксировались следы колчана в виде аморфных пятен органического тлена белесого и черного цветов. Судя по пятну плотного тлена красно-коричневого цвета около проксимальной части бедренной кости, зону приемника колчана украшала костяная обкладка. В колчане были оставлены восемь стрел. Наконечники плоские, с упором, асимметрично-ромбической формы. Вычленяются лишь три наконечника, о форме пера которых можно судить уверенно: один плоский, пламенивидной или овально-крылатой формы; второй — плоский, в виде лопаточки с раздвоенным концом; третий — с длинным узким пером прямоугольной формы, возможно, бронебойный.

От лука сохранились две костяные накладки: концевая, лежавшая близ локтевого сустава левой руки, и центральная, располагавшаяся параллельно левой бедренной кости с ее внутренней стороны. Под тленом центральной накладки лежал острем на восток маленький нож с горбатой спинкой. Рядом с ножом найден небольшой камень светло-серого цвета (окремненный известняк).

В разных местах погребения обнаружены серебряные пластины. В их размещении отчетливо

проступала регулярность, выражавшаяся в парности и симметричности.

Некоторые детали погребения и последовательность действий после помещения тела покойного в нишу подбоя могут быть реконструированы следующим образом. Умерший был похоронен в костюме, компонентами которого являлись головной убор с наушниками, кафтан или халат с длинными рукавами и, вероятно, сапоги с высокими голенищами. Нож и кварцитовый камень, по всей видимости, находились в чехлах, крепившихся на поясе. Слева на нижнюю половину тела покойного были положены колчан и лук, а в области голеностопных суставов размещены элементы сбруи, включавшие стремени и подпружную пряжку. Вслед за тем могила до уровня нижней ступеньки была заполнена материковой глиной и выстлана растительным материалом, вероятнее всего, камышом. На ступеньке и в заполнении ямы были уложены голова и конечности коня. Взаиморасположение черепа и костей ног, наличие костей хвоста указывают на высокую вероятность использования шкуры для макетирования целой туши в положении на животе с подогнутыми ногами. В пасть коня были вложены удила; вместе с тем расположение стремян в ногах умершего, очевидно, делало излишним включение в сопровождающий инвентарь седла.

Отдельные черты комплекса у «Третьего Пlesa» имеют оттенок индивидуальности и престижности. К таковым следует отнести неординарно большое количество стрел в колчане (в большинстве синхронных погребений количество стрел не превышает три-четыре экземпляра), одиночное расположение кургана, подзахоронение младенца, а также наличие в инвентаре полупрозрачного камня. Все эти детали могут маркировать шаманские погребения.

Могильник Илекшар I расположен на небольшом возвышении у обрыва в пойме реки Илек, на расстоянии 1,5 км к востоку от аула Ульгули (Илекшар) (Уральская область, Казахстан). Состоял из 16 земляных курганов, расположенных по цепочке длиной 420 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Самые крупные курганы могильника (№ 1 и 2) находились в южной части цепочки. В центре располагались глиняные сооружения эпохи позднего

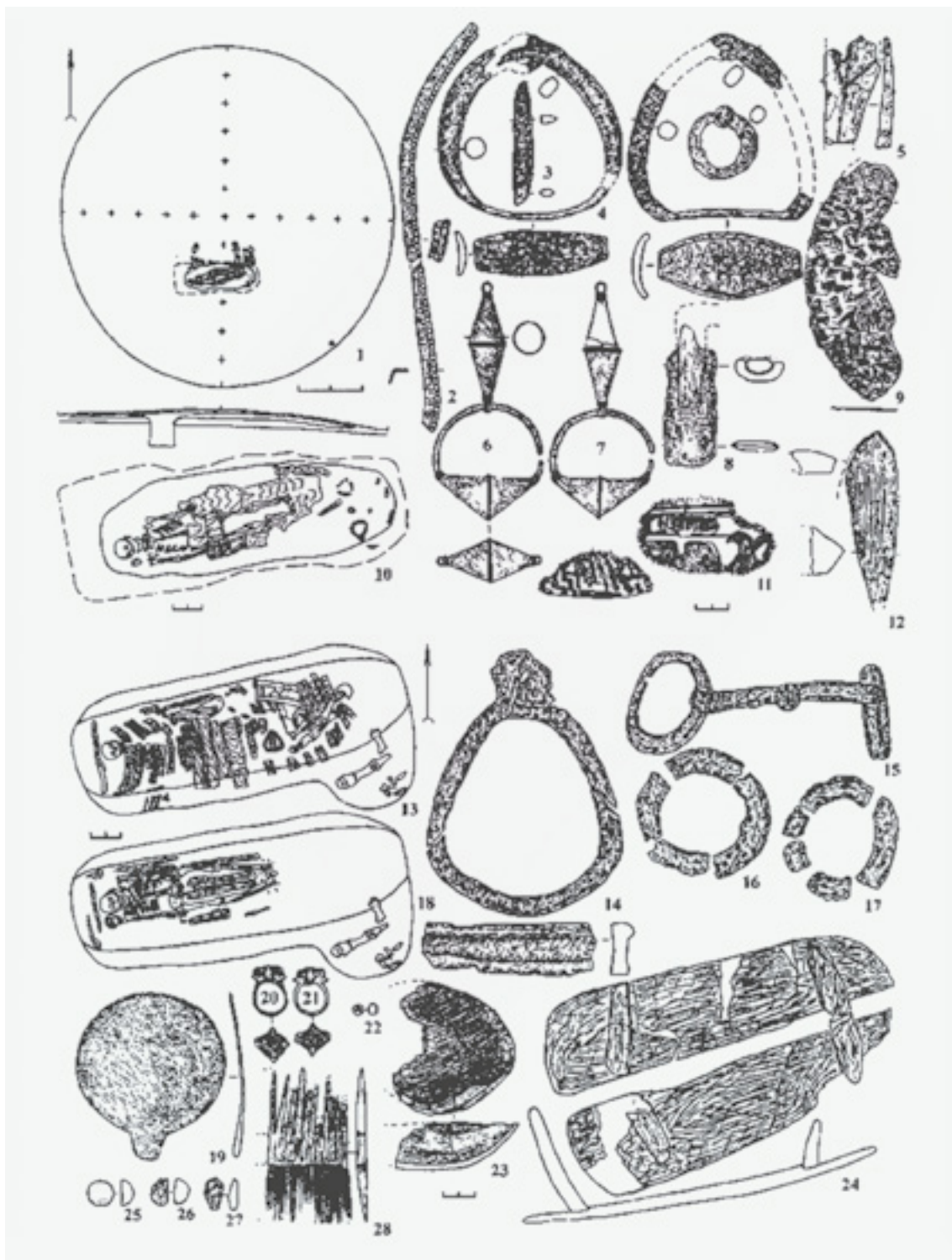
Средневековья размерами от 0,3×0,3 до 0,3×5–13 м. В 2003 году на могильнике среди прочих был раскопан курган № 1.

Курган № 1 самый крупный в группе. Он имел земляную насыпь полусферической формы высотой 5 м и диаметром 48 м. На его вершине находилась воронка диаметром до 25 м и глубиной более одного метра. Вокруг кургана фиксировался ров диаметром 12 м и глубиной до метра. При исследовании в насыпи кургана обнаружены три вводных погребения, относящихся к разным эпохам и куль-

турам. К эпохе Средневековья относилось погребение 2.

Погребение 2 располагалось в 3,7 м к югу и в 3,6 м к востоку от условного центра кургана. На глубине 0,3 м от условного нулевого уровня выявлены контуры прямоугольной ямы, ориентированной по оси ЗЮЗ–ВСВ, размерами 1,0×2,8 м. Вдоль длинных стен ямы зафиксированы уступы шириной 12–15 см, на которых поперек могилы лежали небольшие плашки (шириной 10 см) от деревянного перекрытия. В юго-восточном углу ямы был

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Илекшар I, III

оставлен сегментовидный уступ шириной 0,8 м и высотой 0,4 м, на котором лежали кости ноги лошади, отрубленной по метаподии. Севернее на перекрытии (уровень –50) лежали кости еще одной ноги лошади, а также стремяна и деревянное седло. В 30 см западнее этих предметов, у северной стенки, мордой на запад лежал взнузданный череп лошади с кольчатыми удилами.

Под перекрытием в деревянной гробу, от которого сохранились брусья каркаса (северный и южный — от продольных стенок, западный — от поперечной), на глубине 0,6 м расчищен скелет взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на 3–Ю3. Кисти рук были тесно прижаты к скелету, кости ног на уровне стоп лежали рядом. Погребение сопровождал достаточно многочисленный инвентарь: на фалангах обеих рук — два бронзовых перстня с вставками из минералов черного цвета (агат?); на правом крыле таза — фрагмент фольги из металла желтого цвета (золото); в районе ступней — восемь нашивок-вставок полусферической формы из агата (?); справа от черепа — деревянная чаша (или, скорее всего, футляр), бронзовое зеркало круглой формы и деревянный гребень.

Могильник Илекшар III обнаружен на возвышении в 200 м от края первой надпойменной террасы правого берега реки Илек, в двух км к востоку от аула Ульгурли и в 0,5 км к востоку от могильника Илекшар I. Исследовался в 2003 году. Состоял из двух небольших земляных курганов с пологими насыпями, расположенных по оси 3–В, на расстоянии 40 м друг от друга.

Курган № 1 находился на западном краю всхолмления. Представлял собой небольшую уплощенную насыпь, выделявшуюся на поверхности благодаря наличию польнных ассоциаций. Северный склон насыпи более крутой, что объясняется расположением кургана на склоне возвышенности. Вокруг него визуально прослеживался пологий ровик. Высота кургана 0,42 м, диаметр 12 м. На глубине 0,2 м от нулевой отметки, за которую был принят условный центр кургана, в 2 м южнее центра кургана зафиксированы фрагменты деревянных плах шириной 10–15 см и толщиной около 3 см, лежавших по линии ССВ–ЮЮ3. Они являлись остатками перекрытия могильной ямы. Глубина расположения до-

сок — от –14 у края ямы до –74 к ее центру — позволяет предполагать, что перекрытие сооружалось на кургане, возведенном в более древнее время. Этот вывод подтверждает и найденный в южной поле кургана глиняный сосуд, относящийся к эпохе поздней бронзы.

Могильная яма располагалась в двух метрах к югу от условного центра кургана. Яма была перекрыта досками, ориентирована широтно с некоторым отклонением. На уровне материка размеры ямы составляли 2,5×0,85 м, глубина — 0,95 м от уровня погребенной почвы. Ко дну стенки постепенно расширялись, образуя достаточно широкие ниши в торцах. Размеры ямы на уровне дна 2,0×1 м. В восточной части ямы, над гробом при расчистке встречались разрозненные фрагменты деревянного седла, окованного металлическими пластинками. Погребенный был уложен головой на запад с небольшим отклонением к югу, череп лежал лицевой частью вверх. Кости рук были прижаты к туловищу, кости ног лежали прямо, со сведенными стопами. Погребение сопровождалось богатым погребальным инвентарем: возле височных долей черепа на кусочке ткани (шелк?) с богатым орнаментом — бронзовые биконические подвески; у кисти правой руки — железный нож; возле правой голени — железное тесло; в ногах в восточной половине ямы — железные кольчатые удила и два железных стремяна; в ногах в восточной половине ямы — железный седельный крюк.

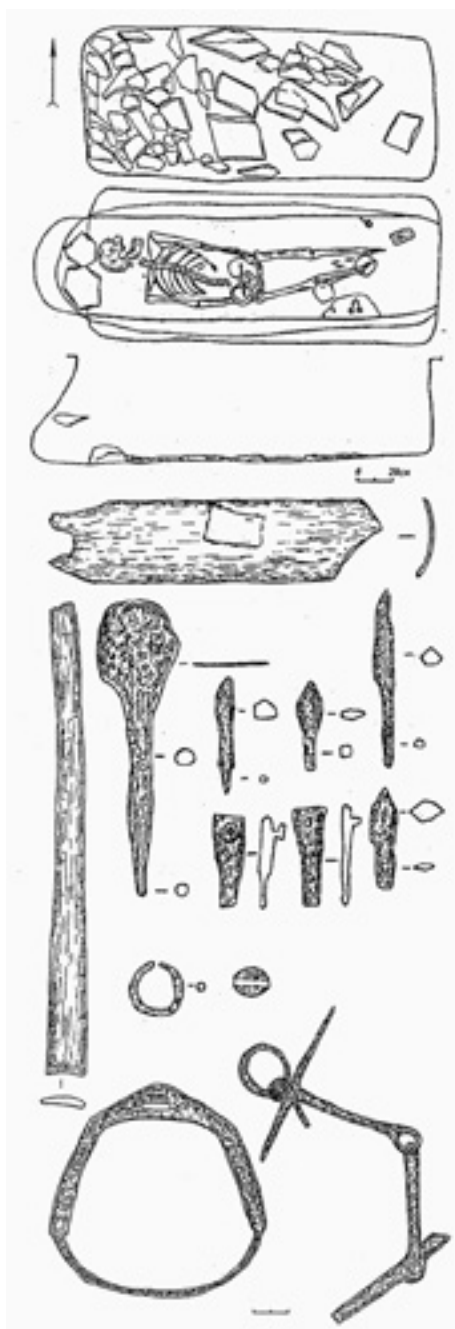
Несколько ранее на правом берегу реки Тобол, в окрестностях города Лисаковск Э. Р. Усмановой был исследован кочевнический комплекс, который по ряду признаков также может быть отнесен к памятникам домонгольского периода.

Могильник Лисаковский, курган 4. Расположен одиночно, в 800 м к западу от одноименного некрополя эпохи бронзы. На современной поверхности был зафиксирован по нескольким камням. Сооружение подовальной в плане формы имело размеры 5×4 м и высоту около 0,2 м. После снятия дерна обнажилась каменная «рубашка» кургана. Камни были уложены плотно, преимущественно в один слой. В центральной части памятника камни отсутствовали. При вскрытии кургана была оставлена бровка по линии С–Ю. Камни убирались по

секторам, затем производилась расчистка секторов до уровня материка. На глубине 25 см в центральной части кургана были зафиксированы очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 2,2×0,95 м с закругленными углами. Яма была ориентирована по линии 3–В и забутована камнями вперемешку с супесью темно-коричневого цвета. Забутовка отмечалась до глубины 100 см.

Между левой и правой берцовыми костями погребенного лежали три железных наконечника. В 8 см от левого голеностопного сустава найдены

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Лисаковский, курган 4

фрагмент деревянного предмета (дубинка?) с сохранившейся корой березы и предмет размерами 0,07×0,15 м, круглый в разрезе. Рядом с этим предметом находился наконечник стрелы с плоским пером и сохранившимся древком. У южной стенки камеры, в 10 см от берцовой кости лежали железные удила и железные пластины с накладками (–135 см). Дно камеры (супесь коричневого цвета с большим количеством каменной крошки) было зафиксировано на глубине 1,2 м от уровня материка.

В 2003 году оренбургские коллеги издали коллективную монографию, посвященную трехлетним исследованиям курганных могильников Шумаевский I и II (запад Оренбуржья) [257]. Этот памятник дал исключительно богатый материал по разным эпохам древней и средневековой археологии Южного Урала. Один комплекс (из погребения 5 кургана 7 могильника Шумаевский II) содержал совершенно оригинальный материал, относящийся к кыпчакскому периоду.

Могильник Шумаевский II, курган 7. Расположен в Ташлинском районе Оренбургской области, к северо-востоку от села Шумаева. Памятник занимает площадку первой надпойменной террасы на левом берегу реки Иртек (правый приток Урала). Был исследован экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета в 2000–2002 годах.

Погребение 5 занимает крайнее северное положение в центре кургана 7. Могильное пятно было обнаружено на уровне материка, на глубине 170 см от условного нулевого уровня. В заполнении ямы на глубине от 190 см выявлены черепа и конечности двух лошадей, лежавших в центре вдоль длинной оси ямы. Черепа удовлетворительной сохранности, лежали теменной частью вверх. Верхние теменные кости продавлены внутрь.

Череп № 1 располагался в восточной части ямы (мордой) на восток. По обе стороны от него лежали две ноги в полном сочленении с копытами, третья нога — под черепом. Четвертая нога была согнута в колене и располагалась выше черепа № 1 (нижняя конечность), а ее бедренная кость упиралась в череп № 2. К копытам была прикреплена серебряная фольга, вставленная в тонкую кожаную кайму-

обшивку. Форма фольги соответствовала форме нижней части копыта.

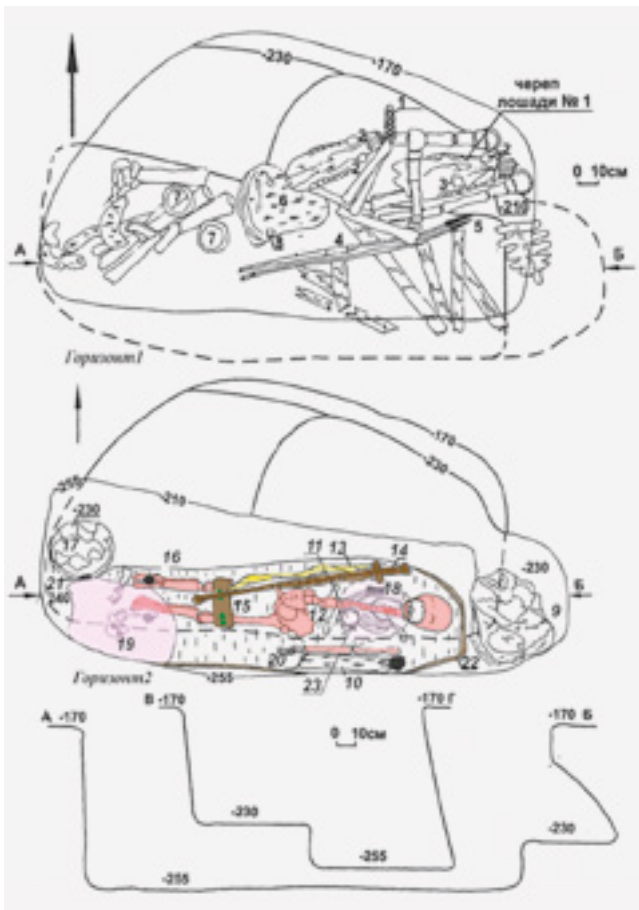
В зубах лошадей были зажаты железные кольчатые удила. На черепе № 1 найден железный султан, сильно окисленный, с бронзовыми заклепками. Череп № 2 лежал западнее черепа № 1, на одной линии с ним, мордой на северо-восток.

Конечности еще четырех ног, видимо, относящихся к черепу № 2, находились в западной половине ямы, на глубине 210 см. Плотнo прижатые друг к другу конечности ног лежали примерно на одной линии с черепами. У двух конечностей имелись астрагалы, остальные кости были обнаружены позднее в заполнении железного сосуда, находившегося ниже, у западной стенки, в ногах погребенного. Между черепом № 2 и скоплением костей ног в западной части ямы находилось седло плохой сохранности. Оно имело овальную форму. Сохранились фрагменты лука. Нижняя часть представляла

собой тонкую деревянную основу (береза), покрытую толстой плотной кожей, а также грубой шерстяной тканью. Среди лошадиных костей найдена пара железных стремян одинаковой формы.

Несколько в стороне от скопления костей, у задней стенки могилы, находилось лошадиное копыто, рядом с которым лежали три березовые плашки и деревянный предмет серповидной формы длиной 25 см, шириной 10 см и толщиной 5 мм. Он был изготовлен из березы, по всей поверхности хорошо просматривались следы обработки ножом. К сожалению, из-за плохой сохранности сохранить предмет не удалось.

В восточном углу ямы, справа от черепа № 1, обнаружены позвоночные кости лошади, часть которых уходила в подбой — нишу в углу ямы. Кости лежали на железной кольчуге. Чуть южнее костей находились два дротика (древки и железные наконечники) остриями на восток. Древки были

Погребальный обряд и инвентарь. Шумаевские курганы, курган 7, погребение 5

изготовлены из вяза. Перпендикулярно им располагались пять деревянных (из тополя) плах толщиной 5–8 см, округлой в сечении формы — видимо, остатки перекрытия погребения. Одни концы плах упирались в южную стенку, другие находились ниже верхних примерно на 20–30 см и частично перекрывались конечностями лошадей. Дротики находились выше перекрытия.

Под костями лошадей обнаружилась ступенька шириной около 60 см, идущая вдоль северной стенки ямы. Ступенька делилась на две части. Западная часть (длиной 95 см) находилась на глубине 210 см, восточная (125 см) — на глубине 230 см. В центре ступенька была разрушена грызунами, устроившими здесь норы. Большая нора вела под северную стенку, следовательно, первоначально ступенька была, скорее всего, сплошной.

Нижняя ступенька переходила в дно ниши в восточной стенке ямы. В нише на плоском дне на глубине 235 см лежала сложенная кольчуга-рубашка.

Ниже ступеньки, идущей вдоль южной стенки, выявлено заполнение погребальной камеры. На дне ямы на глубине 255 см лежал скелет мужчины (?) вытянуто на спине, головой на восток, с руками вдоль тела. Скелет лежал на деревянных носилках с бортиком высотой около 10 см. Носилки были изготовлены из коры, снятой пластом с тополя. Весь сопровождавший погребенного инвентарь находился внутри носилок.

Западный край носилок перекрывался обмазкой из мела (или алебаstra?) белого цвета толщиной 1–2 см. Обмазка была нанесена на ткань простого плетения, которая не сохранилась, но четко отпечаталась на нижней стороне обмазки. Обмазка закрывала до половины левую берцовую кость погребенного. В центре слоя обмазки, под ней, на поверхности носилок находился кожаный предмет с закрепленными на его поверхности двумя бронзовыми круглыми бляхами. Внутри предмета были зажаты фаланги левой ступни погребенного, обернутые шелком зеленоватого цвета. Аналогичной кожей были обернуты нижние концы голени. На правой ноге обертка состояла из двух кусков кожи, которые скреплялись швами вверху и внизу, а сверху, поверх шва, была закреплена бронзовая бляха, обшитая белой тканью простого плетения.

Бляха и по форме, и по размерам аналогична двум предшествующим. На левой ноге кожаная обкладка (обмотка) сместилась влево, так что швы оказались по бокам. Бронзовая бляха находилась с левой стороны голени.

Ноги чуть выше колен были скреплены накладкой сложной конструкции: толстая кожа, поверх которой наложена в несколько слоев ткань гобеленового плетения, изготовленная из шелка с зеленым узором. Между слоями ткани находились бронзовые заклепки-пуговицы круглой и выпуклой формы, симметрично располагавшиеся с разных сторон костей ног. Между слоями ткани была проложена и тонкая серебряная пластина (фольга). Кости ног были плотно обернуты этой накладкой. Визуально фиксировалось, что накладка была наложена на ноги сверху и закреплена вокруг костей.

Кости таза и ног погребенного были покрыты обмазкой красного цвета толщиной около одного мм на тканой основе. Обмазка состояла из шерстяной ткани, пропитанной красноватым минеральным веществом. Плотное прилегание красной обмазки и кожи от накладки к костям погребенного позволяет предположить, что с трупа перед погребением были сняты мышечные ткани.

Красная обмазка на шерстяной основе также прослеживалась на руках и черепе погребенного. Верхняя часть туловища и голова были в три слоя забинтованы шелковыми лентами. Бинты с плеч переходили на череп, внахлест покрывая голову. Под подбородком обнаружен сложный узор, скреплявший обмотку черепа и грудной клетки. Между лентами на груди обнаружена прямоугольная (30×11 см) пластина из тонкой серебряной фольги. Для бинтования использовались два различных вида ткани: тонкая полотняного плетения (скорее всего, льняная) и толстая шелковая ткань с гобеленовым рисунком. Поверх тканевого бинта голова была обмотана тонкими лентами древесной коры, покрытой сверху красной обмазкой. На нижней части лица, от глазниц до подбородка, обмазка имела темно-зеленоватый цвет. На лицо был положен кусок материи белого цвета с простым переплетением нитей.

У левой руки погребенного, у южной стенки ямы, обнаружены семь железных сильно коррози-

рованных наконечников стрел, лежавших остриями вверх. Вдоль руки прослежены древесные фрагменты, которые, по всей видимости, являлись частями несохранившегося в полном виде деревянного колчана.

Правая часть скелета (рука, крыло таза и ноги) была перекрыта железным палахом в деревянных ножнах и плохо сохранившимся луком. На запястье и кисти правой руки после снятия палаша обнаружен кусок шелковой ткани, свернутый в несколько слоев и прошитый по краям. Между слоями ткани был проложен лист серебряной фольги.

Процесс совершения данного захоронения представляется достаточно сложным. Видимо, тело умершего подвергли специальной обработке, включавшей несколько операций. Первоначально с тела, видимо, удалили мягкие ткани. Подтверждением данного предположения, помимо упомянутых выше аргументов, служит отсутствие каких-либо признаков одежды, в то время как наблюдается хорошая сохранность тканей погребального савана (?). Вероятно, были удалены и все внутренние органы, а брюшная полость и грудная клетка заполнены какими-то специальными веществами растительного происхождения, и введена ртуть или соединение ртути (консервирующее средство?), так как под костями позвоночного столба была обнаружена цепочка лужиц ртути. Все кости грудной клетки имели черную окраску, а ткани и части носилок под ними были покрыты мшистыми волокнами. Голова и грудь обмотаны шелковыми лентами. Особое внимание было уделено моделированию головы. Ноги под коленями были скреплены специальной повязкой. Аналогичная по материалу повязка отмечена на правом запястье руки. Какую-то символическую (?) роль играли кожаные накладки с бронзовыми пряжками на окончаниях голеней и левой ступне. Хорошая сохранность не позволяет рассматривать эти предметы как остатки обуви. В завершение обряда тело умершего было обмотано тонкими лентами древесной коры, шерстяной тканью, пропитанной каким-то красноватым минеральным субстратом, и уложено на деревянные носилки. На носилки с правой стороны от погребенного были положены лук и палах, с левой — колчан со стрелами. За пределами носилок в специально сделан-

ной за головой погребенного нише была помещена кольчуга, в ногах — железный котел.

Здесь же можно упомянуть три комплекса могильника Тавлыкаевский II, исследованного в Зауральской Башкирии. Данные курганы, имеющие аналогичные ИКК и набор вещевого инвентаря, надежно датируются автором раскопок X–XI вв. [260, с. 134–137]. В этот же ряд включается и погребение с городища Шот-Кара (Жезказганская область, материалы раскопок Ж. Смаилова), датирующееся по стремнам с дужками в виде крылышек XI в.

Описательный список памятников этого периода может быть увеличен на определенное количество комплексов, которые встречаются во всех регионах Южного Урала: в Башкортостане (погребения 1–3 на Охлебининском городище, Ивановский курган, памятники мрясимовского типа (Мрясимовские, Бакальские курганы, могильники Кушулевский, Сынтыштамакский I)); Оренбуржье (Рубежка, Новокуманский, курган 2, погребения 1, 2; Новоорский I, курганы 1, 2); Западном Казахстане (Лебедевка VI, курганы 10, 11; Лебедевка VIII, курган 6; Болгарка I; Шалкар II, курган 8; Шалкар III, курган 12; Карасу I, курганы 8, 10, 11, 20; Урках I, курган 15; Солянка II, курган 1; Калмак Чабан I, курган 8; Жаман Карагала I, курган 25) и Южном Зауралье (Катенино, Кичигино).

Эти памятники позволяют сделать основные выводы о погребальном обряде кочевников кыпчакского периода. Насыпи курганов XI — начала XIII века сложены или полностью из грунта, или из грунта и камня. Погребение совершалось в ямах со ступенькой, реже с подбоем, с продольной стороны. В середине стены на ступеньке располагались шкура коня (череп и конечности — более 50 %). В большинстве случаев погребенные ориентированы головой в западный сектор с существенным отклонением к юго-западу. По всей видимости, шкура коня сопровождала мужские воинские погребения. В тех случаях, когда фиксировалось женское погребение (Кайнсай, Катенино), кости лошади в нем отсутствовали. По преимуществу отмечалась западная ориентировка умерших, в двух случаях (Лебедевка VIII, курган 6; Шумаевский II, курган 7) зафиксирована восточная ориентировка.

В этой связи весьма убедительно мнение В. П. Костюкова, предположившего, что погребение в кургане 7 Шумаевского могильника совершено по буддийскому обряду и может принадлежать каракитайскому воину. Думается, что столь мощное кочевое объединение, которым являлось Каракитайское государство, занимавшее Чуйскую и Таласскую долины, оказывало серьезное культурное влияние на население степей Восточного Дешти-и-Кипчака.

Датировка описанных комплексов может быть ограничена рамками кыпчакско-половецкого этапа и XI — началом XIII века. На этот период указывает, прежде всего, набор стремян из этих погребений: они относятся к типам БI, ГI, ДIII (по Г. А. Федорову-Давыдову), датируются XI — началом XIII века [387, с. 115]. Наиболее архаично стремя грушевидной формы с сильно прогнутой неширокой подложкой, имеющей два ребра жесткости и плоское раскованное ушко для путалища, из кургана 1 могильника Илекшар I. Прямые аналоги данного стремени обнаружены в Синеглазовском кургане 15. Очень сходно по форме стремя из кургана 5 могильника Кайнсай, а также из кургана 17 Лагеревского могильника; погребения 3 кургана 3 Ишимбаевского могильника; кургана 7 Каранаевского могильника; погребения 1 кургана 5 Муракаевского могильника. Данный экземпляр позволяет датировать погребение XI–XII вв. Своеобразно дополняют аргументацию в пользу этой даты форма и конструкция перстня из данного погребения. Подобные образцы также встречены в курганах Башкортостана IX–XI вв. [204, с. 96, рис. 51, 15; с. 120, рис. 63, 2; с. 83, рис. 44, 14].

Четыре оставшихся стремени арочной формы с заостренным верхом, прямоугольной прорезью для путалища и прогнутой или прямой неширокой раскованной подложкой (Илекшар III, курган 3; Шумаевский II, курган 7, погребение 5; Лисаковский, курган 4), вероятнее всего, позволяют датировать эти памятники XII — началом XIII века. Подобные образцы встречены в Мрясимовских курганах 1, 14, 22 [там же, с. 150, рис. 73, 4; с. 154, рис. 75, 6, 14, 15], кургане Змеиный Дол и у «Третьего Плеса». Эту датировку подтверждают железные удила с прямыми двудырчатыми псалями из Ли-

саковского погребения (тип БI по Г. А. Федорову-Давыдову) [387, с. 17, рис. 2; с. 115], бронзовые четырехгранный и трехгранный наконечники стрел из этого же погребения (группа IV, типы 2, 3 по Ю. С. Худякову) [400, с. 103, табл. 9], а также серебряная округлая проволочная серьга и бронзовые серьги с биконической вертикальной и горизонтальными подвесками, украшенными по краям и по центру витой проволокой (косичкой) (типы I, IV по Г. А. Федорову-Давыдову) [387, с. 38, 39, рис. 6; с. 115]. Подобные биконические серьги встречаются в половецких курганах южноуральских степей, датируются VI–XII вв. Схожие по технологии изготовления и приемам украшения (проволочная косичка посередине и по краям) серьги со сферическими подвесками были обнаружены в Ново-Троевском погребении X–XII вв. на Средней Волге. Кроме них в этот комплекс входили лазуритовые подвески с резным орнаментом, которые довольно хорошо маркируют половецкую эпоху.

Все указанные аналоги позволяют отнести эти кочевнические комплексы к домонгольскому времени и ограничить их сооружение кыпчакско-половецким этапом (XI — началом XIII века). Курган у «Третьего Плеса» автором раскопа В. П. Костюковым отнесен к XIII–XIV вв. Однако наличие в этом кургане стремени грушевидной формы БI, ГI, ДIII (по Г. А. Федорову-Давыдову), а также костяной подпружной пряжки с железным языком, которые не встречены в погребениях золотоордынского времени и, наоборот, в массовом количестве встречаются в курганах кыпчакского времени (Синеглазово, Челкар III), позволяет нам отнести эти комплексы к памятникам XII — начала XIII века. Этому не противоречат и особенности погребального обряда (западная ориентировка, помещение на деревянное перекрытие шкуры коня). При этом, несмотря на небольшое количество комплексов, бросается в глаза особенность, отмеченная ранее уфимскими коллегами В. А. Ивановым и А. Ф. Яминовым — грунтовые курганы в Приуральских памятниках и каменные в Зауралье [114, с. 160]. Два западноказахстанских (приуральских) впускных погребения имеют грунтовое заполнение могильной ямы, в то время как зауральское Лисаковское — забутовку из камня (подавляющее большинство

зауральских курганов и погребений, относящихся к данному периоду, сложены и заполнены камнем).

Таким образом, описанные в этом разделе погребальные комплексы своеобразно дополняют карту кимако-кыпчакского периода, который, по мнению некоторых исследователей, характеризовался крайне слабой заселенностью территории Дешт-и-Кипчака в пределах урало-казахстанских степей. Думается, с продолжением исследований список памятников этого периода будет неуклонно увеличиваться. Хотя следует отметить, что в пределах южно-уральских и в примыкающих в них казахстанских степях к этому периоду относятся в основном одиночные погребения и курганы. Скорее всего, это связано с определенными административно-территориальными особенностями Дешта, когда наряду с относительно слабо используемыми пастбищно-кочевыми провинциями существовали активно обживаемые районы с высокой степенью родоплеменной консолидации. В результате этого появились долговременные некрополи, такие как молочнинская группа на Нижнем Днепре, саркельская — на Дону, а также быковско-царевская — в Нижнем Поволжье. Однако, с нашей точки зрения, это абсолютно не означает, что какие-то степные наделы Дешт-и-Кипчака не использовались как кочевые уголья или ареалы обитания населения кыпчакского союза, о чем говорят немногочисленные, но яркие погребальные и жертвенно-поминальные семейные некрополи, разбросанные на большой территории от Урала до Иртыша.

Общность топографии памятников и сходство погребального обряда (форма могильных ям, подбой, ориентировка в западный сектор, укладывание шкуры лошади и узды), сходство наборов и типов вещей (удила, стремена, колчан, украшения) — все это позволяет объединить перечисленные комплексы в одну группу. Установить хронологическую позицию этой серии памятников позволяют некоторые предметы конской узды и типы стрел.

Стремена арочной и грушевидной формы, с круглыми в сечении массивными дужками, уплощенной, заостряющейся верхней частью и неширокой уплощенной подножкой с загнутыми краями характерны для кочевнических комплексов

южноуральских степей XI–XIII вв. (типы I, II, III по Г. А. Федорову-Давыдову [387, с. 115]). Русские комплексы с данным видом стремян (тип VII по А. Н. Кирпичникову [148, с. 48–49]) также датируются XII–XIII вв. Некоторые аналоги стремян из южно-уральских, сибирских и казахстанских памятников позволяют несколько удревить данный тип. Близкие по форме экземпляры найдены в Синеглазовском кургане 15 (IX–X вв.), Муракаевских курганах 4 и 9 (X–XI вв.) [200, с. 140, рис. 69, 24; с. 145, рис. 71, 8] и Ждановских курганах 18 и 20 (X–XII вв.) [12, рис. 49, 50]. Следует заметить, что в некоторых кыпчакских комплексах XII–XIV вв. Южного Приуралья также найдены стремена сходных форм [112, с. 32, рис. 8, 1, 2; с. 35, рис. 11, 20]. Однако они имеют тонкие дужки и более широкие подножки и представляют собой фактически другой тип стремян. Стремена с дужками в виде крылышек — типа экземпляров из погребения Шот-Кара — аналогичны стременам X–XI вв. из кочевнического могильника Саркел – Белая Вежа. Одно стремя из кургана 2 могильника Змеиный Дол весьма похоже по форме на крылышковидные стремена, хотя концы крылышек у них лишь едва намечаются в нижней части широкой расплющенной дужки.

Стрелы представлены несколькими типами (по Ю. С. Худякову): массивные плоские наконечники с прямо срезанными краями (группа VI, тип 4); плоские ассиметрично-ромбические (группа VI, тип 1); четырехгранные боеголовые (группа IV, тип 2). Данные типы были также распространены в кочевнических комплексах X–XII вв. Тувы и Минусинской котловины [66; 400, табл. XXIV]. Плоские рогатые наконечники встречаются среди средневековых материалов X–XII вв. [147; 157, с. 98, рис. 2, 8; 200, рис. 60, 16; 64, 16]. Не характерен для степных комплексов плоский наконечник со срезанными под острым углом в виде шипов лопастями (рис. 3, 10). Подобные наконечники встречаются лишь в памятниках VII–X вв. лесостепного и таежного Прииртышья и Приобья [157, с. 98, рис. 2, 2, 5, 6; 357, с. 43, табл. V, 1, 2, 22]. По мнению С. В. Неверова, подобные типы наконечников появились в степной и лесостепной зонах, не ранее IX века и существовали до XII века [267, с. 12].

Датирующими являются азуритовые подвески ромбической формы с косыми нарезками и круглые подвески на серебряном кольце (рис. 3, 3–9). Данный тип украшений весьма характерен для женских погребений XI–XII вв. восточноевропейских степей. Большое количество аналогичных подвесок было найдено в комплексах Басандайского могильника на Средней Оби, датированных X–XI вв.

Таким образом, вышеописанные памятники можно датировать XI — первой половиной XIII века.

По характерным особенностям погребального обряда, типам инвентаря данные комплексы весьма близки к комплексам могильника Басандайка. Причина сходства видится не только в одновременности этих памятников, но и, возможно, в этнической близости оставивших их групп населения.

Вероятно, несколько преждевременно говорить об этнокультурной принадлежности вышеупомянутых комплексов. Однако отметим, что на основании особенностей погребального обряда и инвентаря можно с некоторой долей уверенности говорить о том, что эти курганы оставлены тюркоязычным населением, пришедшим, вероятно, из Юго-Западной Сибири. Такая же деталь обряда, как сооружение ям с подбоями и костями лошадей, по мнению Б. Б. Овчинниковой, появилась в Туве вместе с уйгурами в VIII веке [279, с. 71–72]. Помещение с умершим головы и ног лошади — специфическая черта поздних сросткинских памятников (тип 3 по С. В. Неверову) [267, с. 15]. Погребения IX–XI вв., покрытые берестой, со шкурой коня (наличие черепа и конечностей) характерны для лесостепной Барабы. По мнению авторов исследований, (Молодин и др.) они «оставлены тюркскими племенами, проникающими в середине VIII века в лесостепные районы Обь-Иртышья» [255, с. 75]. Эти погребения соотносились также с кимако-кыпчакским этносом [253, с. 45–46; 256, с. 135–136].

Киргизы в составе Дешт-и-Кипчак и улус Шибана. Аскизские памятники урало-казахстанских степей

Говоря о кыргызском влиянии на районы Южного Урала, мы пока не рассматривали эти материалы предметно как в археологическом, так и в историческом аспектах.

Ознакомившись впервые с материалами селенташского типа, известный южносибирский исследователь Леонид Романович Кызласов высказал мысль о том, что комплексы с характерными высокими сосудами-вазами — типа Александровских, Селенташских и курганов Кызыл-Жар — относятся к тюхтятской культуре Южной Сибири. Это культура енисейских кыргызов эпохи Великодержавия (IX–X вв.). Письменные источники указывают на то, что после разгрома Уйгурского каганата (840 г.) в результате длительных экспансий кыргызы завоевали Туву, Монголию, Забайкалье и Восточный Туркестан. Археологические данные дополняют эту картину. Погребение с трупосожжением из погребального комплекса Уелги и вышеназванные курганы селенташского типа указывают на то, что кыргызская экспансия активно осуществлялась в зауральской степи и лесостепи. При этом началась она, вероятно, в VIII веке, судя по радиоуглеродным датам селенташских комплексов.

Тюхтятская культура.

Ареал распространения — Минусинская котловина, район среднего Енисея и городов Канск и Красноярск — на востоке, среднее течение Иртыша — на западе, верхнее течение Иртыша и Горный Алтай, Тува и Монголия — на юге. Относится к IX–X вв., выделена Л. Р. Кызласовым. Представлена погребальными комплексами и могилами. Насыпи курганов сооружены из камня и земли, диаметр их 4–17 м, высота 0,2–1,3 м. Встречаются как единичные захоро-

нения, так и погребения двух-четырех человек, трупосожжения взрослых и трупоположения детей. Погребальный прах хоронили собранным в небольшую кучку или в сосуде. В качестве жертвенной пищи помещали мясо овец, лошадей, режее коров. Иногда под насыпь курганов помещали две-три конские головы и лошадей без голов. Сожжения производились в ямках круглой или овальной формы, либо в кострищах на поверхности земли. Им сопутствовали ямки с жертвенной

Леонид Романович Кызласов (24.03.1924 — 24.07.2007) — советский и российский археолог-востоковед, специалист по истории и этнографии Сибири, Средней и Центральной Азии, доктор исторических наук (1967), профессор (1969), заслуженный профессор МГУ. Лауреат Государственной премии СССР (1985) и Ломоносовской премии МГУ I степени (1982). Родился в селе Синявино Хакасского уезда Енисейской губернии. Еще школьником в 1940 году принял участие в археологических раскопках под руководством В. П. Левашовой, слушал популярные лекции С. В. Киселева по древней истории Южной Сибири. В 1941 году поступил на историко-

филологический факультет Томского университета.

В 1943–1945 годах в действующей армии, сражался на 4-м и 1-м Украинских фронтах (Польша, Чехословакия, Германия). С 1945 года являлся студентом кафедры археологии исторического факультета МГУ, с отличием защитил дипломную работу по теме «Алтай в V–X вв.».

С 1949 года аспирант кафедры. В 1953 году защитил кандидатскую диссертацию «Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины», ставшую основой для известной монографии. Параллельно с учебной в 1946–1949 годах участвовал в раскопках археологических памятников. В 1950–1991 годах возглавлял Хакасско-Тувинскую археологическую экспедицию МГУ. Экспедиция, исследовавшая разновременные памятники — от культовых изваяний конца эпохи неолита до могил XV–XVII вв. — на территории Тувы, Хакасии, Красноярского края, Казахстана, Киргизии, Прибайкалья и Приморья, постепенно стала основной базой по

подготовке специалистов по археологии Сибири.

В течение четырех десятилетий члены экспедиции проводили широкомасштабные археологические исследования в Южной Сибири, в результате чего были получены значительные материалы по истории двух народов — тувинского и хакасского. Естественным результатом работ Л. Р. Кызласова стала докторская диссертация «История Тувы в средние века», защищенная в 1966 году. Большой вклад в изучение духовной жизни народов Южной Сибири внесли открытые экспедицией под руководством Л. Р. Кызласова первобытные святилища, средневековые буддийские и манихейские храмы, несторианская церковь. Значительные работы были проведены в Киргизии и Казахстане.

Л. Р. Кызласов являлся членом ученого совета Института археологии АН СССР (1968–1991), экспертной комиссии ВАК по историческим наукам (1969–1973), Научно-технического и Научно-методического советов Минвуза СССР

и Министерства просвещения РСФСР (1979–1986), Комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР/РАН (1988–1993), редколлегий журналов «Советская археология» (1979–1988) и «Татарская археология» (с 1997). Руководил Хакасской (1950–1986), Тувинской (1955–1985), Киргизской (1953–1954), Славянской (1967) археологическими экспедициями МГУ. Ученый секретарь совета исторического факультета (секция археологии и этнографии, 1953–1960). Входил в состав трех диссертационных советов исторического факультета МГУ и Института археологии АН СССР.

Участвовал в работе V и VI Международных тюркологических конгрессов в Стамбуле (1985, 1988), Международного исторического конгресса в Москве (1964), Всесоюзных археологических (с 1951), региональных, исторических, тюркологических, писательских и других сессий, совещаний, чтений и конференций в различных городах СССР и России, Москве и Санкт-Петербурге.

пищей или ямки-тайники с вещами. Нередки сооружения в виде специальных четырехугольных оградок. По конструктивным особенностям относятся к предшествующей культуре чаатас. В погребения помещали характерные баночные сосуды. В ряде курганов обнаружены фрагменты кыргызских ваз, выполненных на гончарном круге. Найдены танские лаковые чаши, амфорные изделия из китайского фарфора, а также металлическая посуда, берестяные тусса, серебряная посуда среднеазиатского происхождения. Кроме того, в погребальный инвентарь

входило конское снаряжение (узды, детали седла, упряжи). Умершие воины сжигались одетыми в железные панцири или кольчуги, с луками и стрелами, мечами, саблями и кинжалами. Найдены железные копья. Мечи помещали в могилу согнутыми. Орудия труда в погребальных комплексах: земледельческо-плотницкий и столярный инструмент, предметы для шитья, прядения, огниво и трут. Бытовые предметы: зеркала, пинцеты, серьги из бронзы и золота, перстни, булавки. В женских захоронениях встречены бронзовые монеты династии Тан, раковины каури,

тюркешские и хорезмийские монеты. Порой предметы расплавились при сожжении и встречаются археологам в виде слитков.

В Хакасии выявлены архитектурные сооружения, позволяющие предполагать основы градостроительства. Дома возводились из сырцового кирпича и дерева. Есть основания говорить о дворцово-храмовой архитектуре, оросительных системах. Основой хозяйственной деятельности являлись земледелие и скотоводство, ремесла (прежде всего железодельное) и промыслы.

Государство енисейских кыргызов, Уйгурский каганат — государство тогуз-огузов VIII–IX веков, пришедшее на смену Восточно-Тюркскому каганату. По данным ибн Хордад-бега, Уйгурский каганат граничил с Китаем, Тибетом и карлуками. Под натиском кыргызов они были вынуждены откочевать в Ганьсу и Восточный Туркестан. В результате длительной войны кыргызы завоевали Туву, Монголию, Приамурье. Их столица первоначально располагалась в Минусе, на восточном берегу Енисея, после победы над уйгурами — у южных склонов гор Лао Шань.

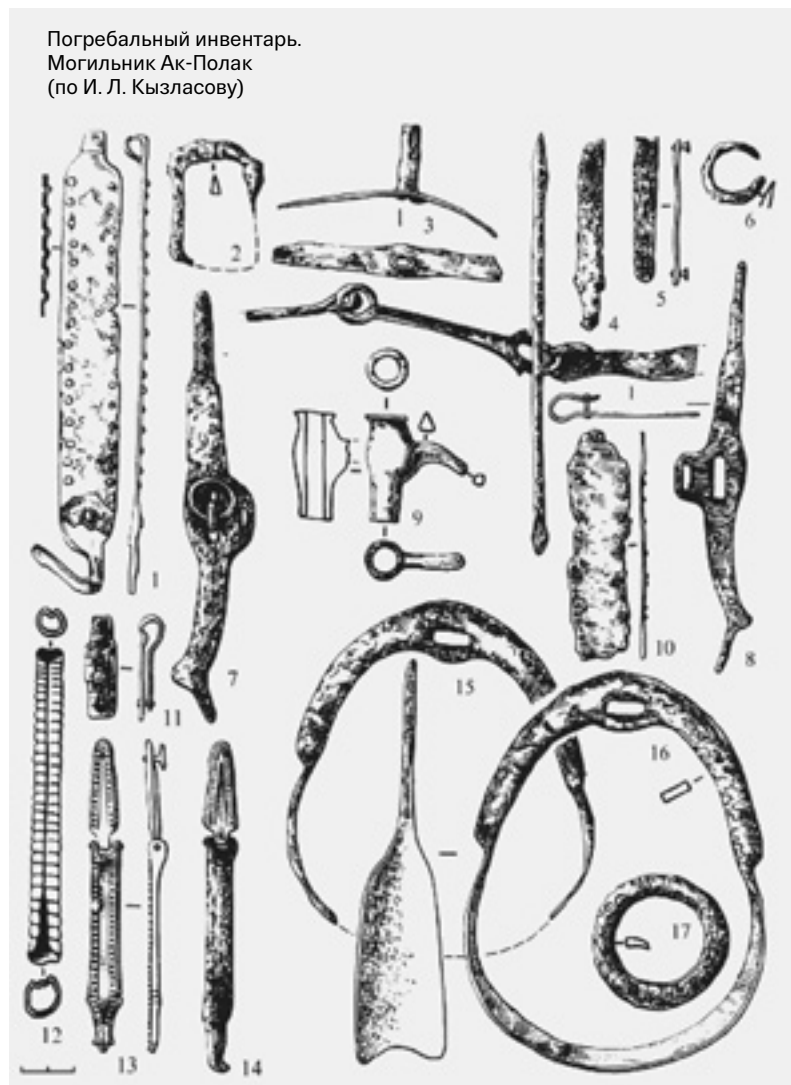

Игорь Леонидович Кызласов (род. 28.08.1951, Москва) — советский и российский историк, археолог, доктор исторических наук. Сын известного советского археолога Л. Р. Кызласова. Окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии (1974), аспирантуру Института археологии (ИА) РАН (1977). Еще в школьные годы дважды побывал в археологических экспедициях. Впоследствии вел активную самостоятельную экспедиционную деятельность: изучал памятники центральных регионов России, Хакасии, Тувы, Якутии,

Алтая, Украины, Таджикистана, Болгарии и других регионов. Основные научные интересы: археология Южной Сибири и Центральной Азии, история и культура тюркских народов, мировоззрения в древности и Средневековье, степные рунические письменности Евразии (эпиграфика и палеография). Ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии ИА РАН. Член ученого и диссертационного советов ИА РАН. Активно занимается педагогической деятельностью: читает курсы лекций «История культуры тюркских народов. Домусульманский период», «Древнейшая письменность тюркских народов (историко-филологические основы тюркской рунологии)» в Институте стран Азии и Африке при МГУ, в Башкирском, Хакасском, Горно-Алтайском государственных университетах, Тобольском и Липецком государственных педагогических университетах; курс лекций «Археология и история тюркских народов» в Институте восточной культуры и античности РГГУ.

Аскизская культура (X–XIV вв.) — культура, распространенная на территории Минусинской котловины, Тувы, Горного Алтая, Кузнецкого Алатау. Выделена Л. Р. Кызласовым. Подразделяется на малиновский (X–XII вв.) и каменный (XIII–XIV вв.) этапы. К этой культуре относятся неукрепленные поселенческие комплексы, каменные крепости-убежища, город в устье реки Уйбат с замком из сырцового кирпича. Характерны трупосожжения, захоронения на горизонте под невысокими каменными курганами кольцевидной формы. В ряде случаев

сложенные плиты образуют не ограду, а сплошную насыпь. Во многих курганах фиксируется шкура коня без головы. Встречаются погребения огромных боевых собак. Аскизские могильники располагаются на горах, включают не более десяти насыпей. Курганы концентрируются в непосредственной близости друг от друга. Редко встречаются надмогильные стелы и стелы с эпитафиями. Аскизскую культуру отличает широкое использование железа высокого качества, что свидетельствует о высоком уровне развития черной металлургии и кузнечного ремесла.

Погребальный инвентарь. Могильник Ак-Полак (по И. Л. Кызласову)

Особое место в аскизских комплексах занимают предметы вооружения из железа: наконечники стрел, копий, мечи, сабли. В погребальных комплексах обнаружены боевые луки, берестяные колчаны со стрелами. Из оборонительного вооружения дошли до нас панцирные пластины, части кольчуги. В каждом кургане — остатки конского снаряжения: удила, псалии, накладки, детали седел, стремена. Керамика разнообразна по форме, изготавливалась на гончарном круге.

Обнаружено значительное количество монет, что предполагает внутреннее денежное обращение.

Носители аскизской культуры занимались скотоводством и земледелием, о чем свидетельствуют пахотные орудия. Существовали активные торговые связи с населением Средней Азии, Восточного Туркестана, Урала и Восточной Европы.

Экспансия кыргызского (древнехакасского) населения происходит на следующем этапе, который получил название «аскизская культура Южной Сибири» (X–XIV вв.) Иногда период с X по XII век в истории енисейских кыргызов называют эпохой Сууктэр.

Наиболее обширный свод археологических памятников аскизской культуры был составлен И. Л. Кызласовым [193], который впервые описал наиболее западный аскизский комплекс из разрушенного кургана в урочище Ак-Полак (Акмолинская область). Материалы были собраны А. Н. Чудиновым и переданы в Эрмитаж в 1936 году.

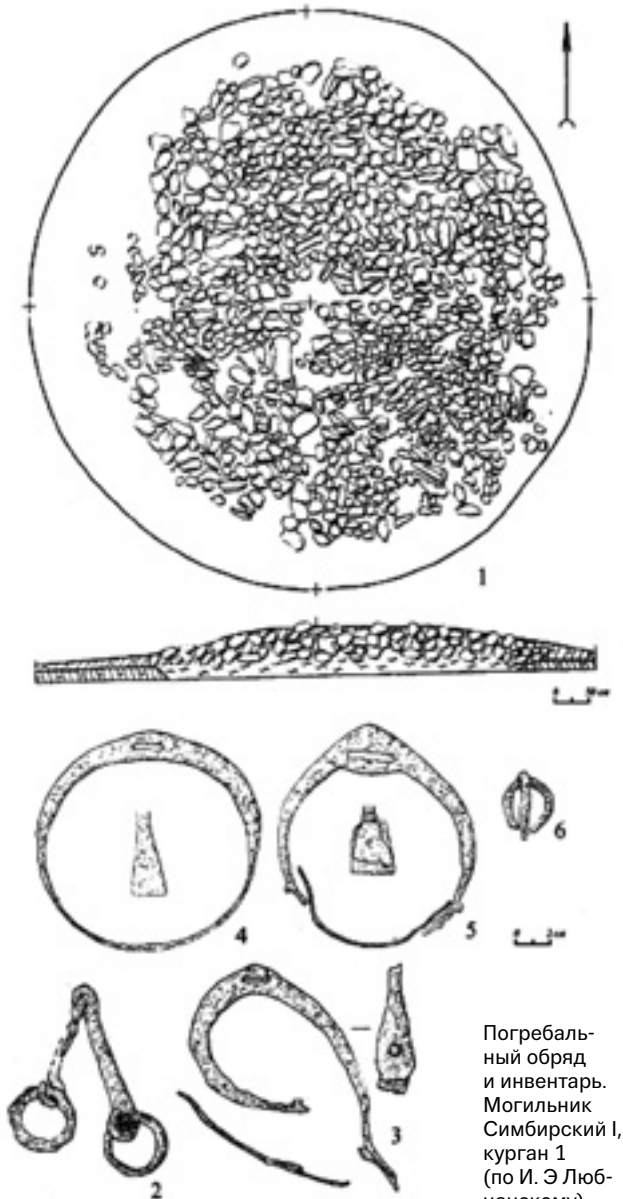
Комплекс включает конскую узду: удила с псалием, низ которого оформлен в виде сапожка, подпружную пряжку и накладки-подвески, два стремени грушевидной формы, султан, а также навершие нагайки и железную цилиндрическую пронизку с многочисленными перехватами. Характерной чертой двух накладок с подвесками является апплицирование серебром по железу в виде линии из выпуклых точек, ограниченной с двух сторон. И. Л. Кызласов относит этот комплекс к черновскому периоду малиновского этапа (середина XII — начало XIII в.). С определенной долей уверенности к этому типу памятников можно отнести и комплекс из кургана 1 Симбирского могильника.

Курган 1 Симбирского могильника, исследованного на юге Челябинской области И. Э. Любчанским в 1991 году, имел каменную насыпь с многоугольной крепидой в основании. Под камнем располагался мощный (0,2 м) слой зольника, лежащий прямо на материке. В северной части кургана имелся провал (2,5×1,1 м) мощностью 0,25 м. Инвентарь состоял из трех стремян, кольчатых удил, железной пряжки и кольца.

Погребальный обряд и категории вещевого инвентаря Симбирского кургана абсолютно идентичны погребальному обряду и инвентарю не только кургана Ак-Полак, но и другим комплексам каменного этапа аскизской культуры [193, с. 23, рис. 2, 4, 24, рис. 6].

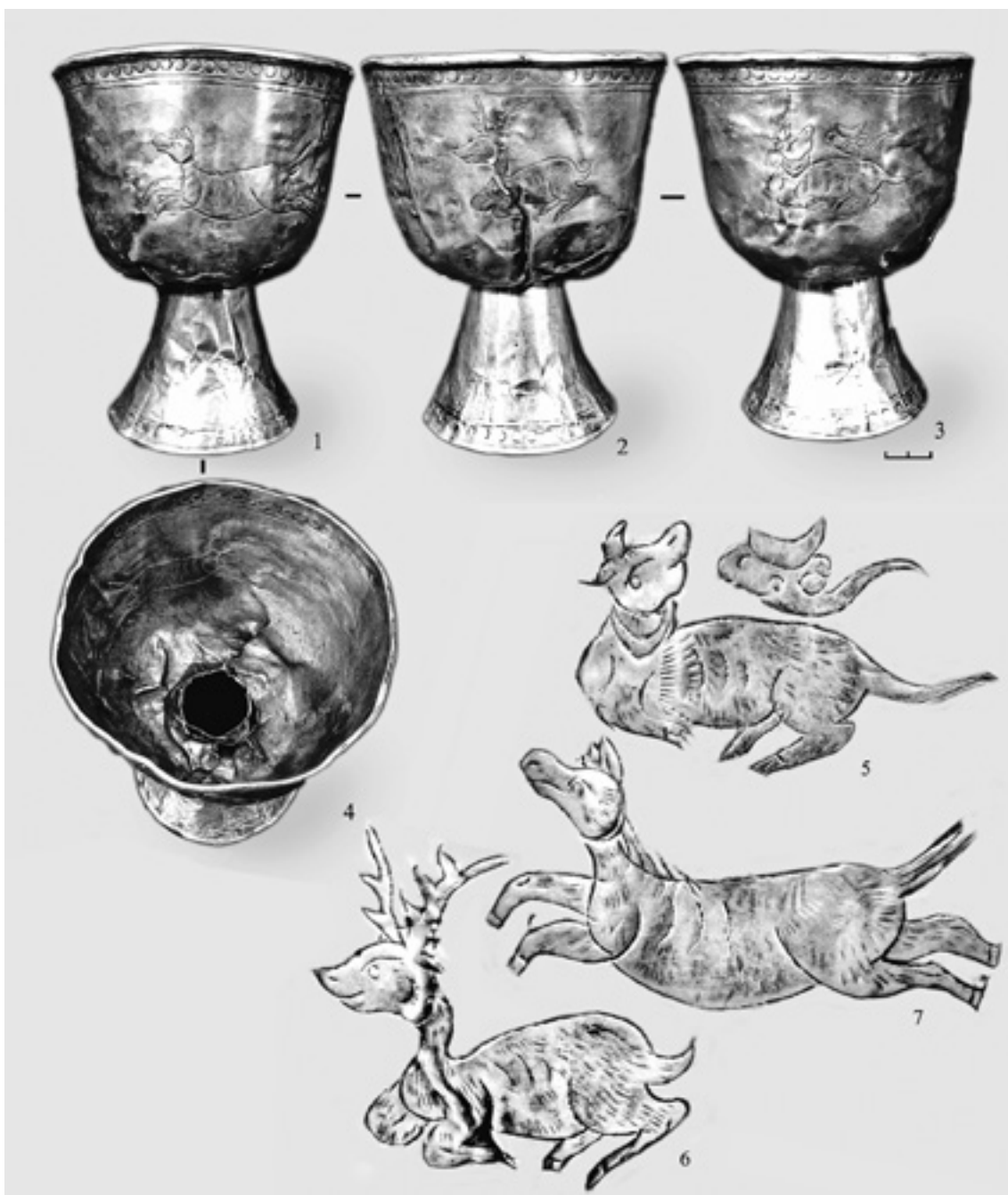
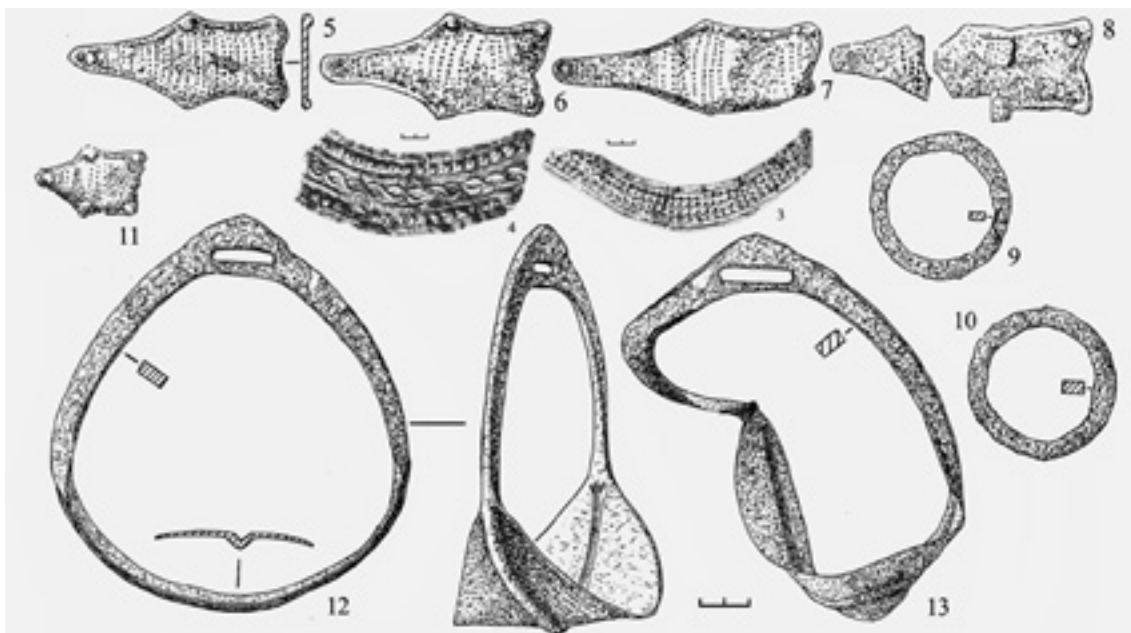
Особым памятником является курган Кула-Айгыр, расположенный в седловине коренного берега реки Шерубай-Нура (Карагандинская область). Насыпь кургана сооружена из земли и камня (диаметр 5–6 м, высота 0,3 м), яма подпрямоугольной формы. Скелет лежал головой на северо-восток. Инвентарь составили серебряный сосуд с оторванной подставкой, стоявший в головах погребенного, серебряные декоративные пластины и два железных стремени, лежащие у его ног. В заполнении ямы были найдены серебряные пластинки, поясные накладки и железные кольца, на поверхности — бронзовое зеркало. Предметы были выброшены из ямы барсуком.

Данный инвентарь имеет яркие аналоги среди материалов памятников аскизской культуры. Так, аналогичные стремени найдены в могиле 2

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Симбирский I, курган 1 (по И. Э. Любчанскому)

Погребальный
инвентарь.
Могильник
Кула-Айгыр

Погребальный инвентарь.
Могильник Кула-Айгыр

Часовенной Горы, нашивки с чеканными углублениями, весьма схожие по форме с аскизскими накладками (но изготовленны из бронзы), обнаружены в курганах 2 и 3 группы Берег Енисея [193, табл. XXXVIII, рис. 5; табл. XXVII, рис. 18, 21, 22]. Почти идентичные железные накладки, инкрустированные серебром, встречаются также среди аскизских древностей Минусы [там же, рис. 26, 120; табл. XXXVIII, рис. 18, 20].

Кубки с конусовидной ножкой, аналогичные кула-айгырскому, происходят из памятников Среднего Енисея; здесь они обнаружены в большом количестве. Погребальный инвентарь характерен для комплексов каменного этапа аскизской культуры, датированного И. Л. Кызласовым XIII–XIV вв. Этому периоду не противоречит датировка стремян таких типов в Восточной Европе (тип ДП по Г. А. Федорову-Давыдову [387, с. 13; 116, рис. 1]; тип IXA по А. Н. Кирпичникову [156, с. 360, табл. 146, 23]) и Приуралье [112, рис. 16, 4, 6, 5; табл. 1, 137]. Что касается серебряных нашивных пластин, то их прямые аналоги нам пока неизвестны, хотя орнаментальные мотивы чеканного узора встречаются на серебряных амулетах и китайских зеркалах [там же, рис. 13, 20, 7; с. 234, рис. 5, 2], колчаных накладках [134, рис. 2, 1], «бокках» [12, табл. 156] и других предметах кыпчакских погребальных комплексов XII–XIV вв.

Курганная группа Бутак III располагается на правом берегу реки Бутак, примерно в 8,5 км к юго-востоку от села Черкасы Кизильского района Челябинской области. Занимает вершину холма, находящегося на расстоянии 0,5 км к северу от русла и возвышающегося над уровнем реки на 30 м., была исследована И. Э. Любчанским в 1997 году.

Курган 2 до раскопок фиксировался как хорошо задернованная округлая в плане насыпь диаметром около 6 м и высотой до 0,35 м. В процессе раскопок в центральной части насыпи была расчищена куполообразная каменная конструкция, устроенная на древней дневной поверхности.

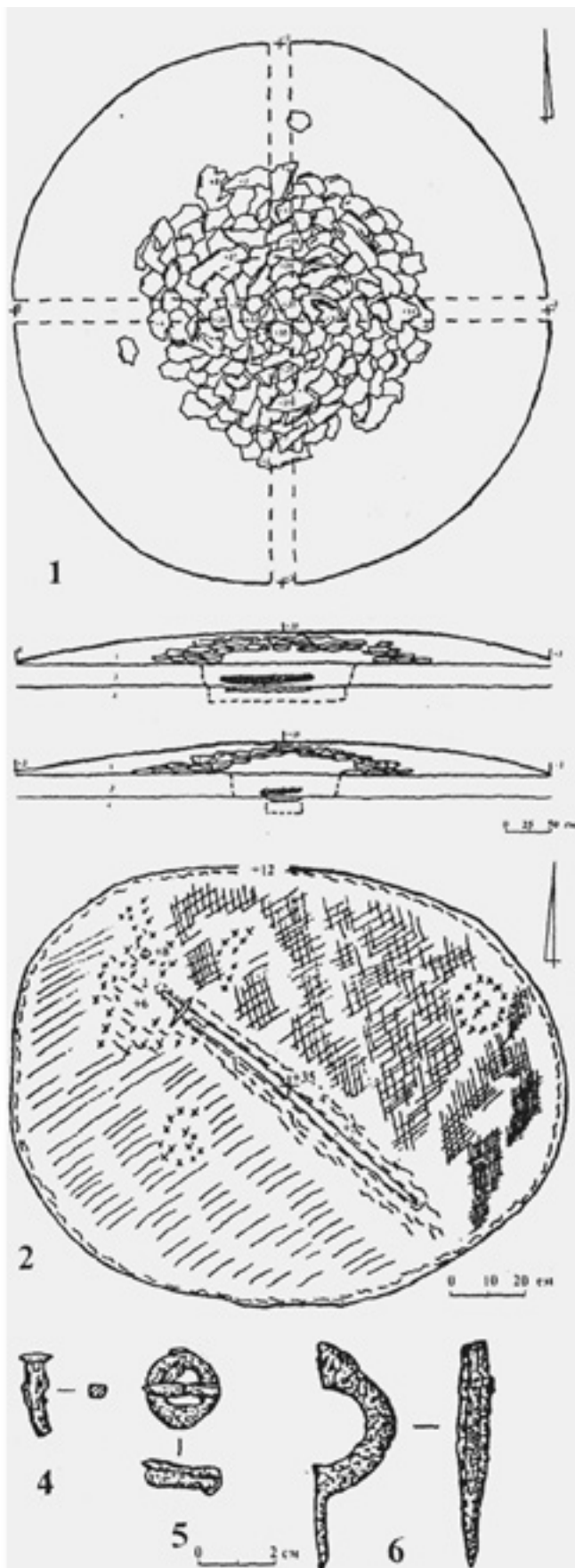
Первоначально здесь была возведена ограда округлой или даже подквадратной в плане формы со сторонами длиной 3 м. Во втором варианте, который кажется нам более предпочтительным, углы сооружения были ориентированы по сторо-

нам света. Стенки шириной 0,5–0,8 м и средней высотой 0,15 м были сооружены из гранитных плит, уложенных в два-три слоя. Средний размер плит в поперечнике — около 0,4 м (у отдельных камней до 0,6 м), толщина подавляющего большинства плит не превышала 5 см. По окончании огненного ритуала, совершенного в пределах ограды, она была целиком перекрыта «панцирем» — двумя-тремя слоями плитняка, в основном тех же размеров, что и при сооружении ограды. Учитывая значительность объема гумусного компонента кургана, можно предположить, что происхождение его, скорее всего, искусственное. После удаления «панциря» внутри ограды были зафиксированы остатки кострища мощностью около 5 см — золистый слой с включениями древесного угля, наибольшая концентрация которого отмечалась близ северо-западной и северо-восточной стенок ограды. Почва под остатками кострища повсеместно прокалена, особенно сильно — в восточной половине площадки сооружения, где мощность прокала достигала 8 см.

Непосредственно в центре ограды на погребенной почве были расчищены превосходно сохранившиеся железная сабля, ориентированная острием клинка на юго-восток, фрагменты ножен и портупейная пряжка. Все это, судя по остаткам берестяных ножен, было оставлено на уже остывшем кострище.

Общая длина сабли 92 см, рукоять черешковая, прямая, перекрестье напускное, вытянуто-ромбическое. Чуть изогнутый клинок имеет длину 81,5 см и ширину в среднем около 3 см. Верхняя его часть окована железной полосой шириной 2 см, переходящей в накладку длиной 6,5 см, закрывающую рубящий край. Нижняя часть клинка длиной около 20 см обоюдоострая. Возле рукояти найден железный гвоздь длиной чуть более 2 см, квадратный в сечении, с широкой плоской шляпкой, очевидно, служившей для фиксации несохранившегося навершия.

Примерно в 4 см от перекрестья, у обушковой части клинка, обнаружена железная скоба в виде накладной петли — деталь берестяных ножен, предназначенная для крепления портупейного ремня. Маленькая портупейная пряжка, изготовленная

Погребальный обряд и инвентарь. Курганная группа Бутак III, курган 2

из железного дрота, была найдена в 11 см от рукояти сабли. Пряжка бесщитковая, круглая (диаметр 2 см), с подвижным хоботковидным язычком.

Средневековые комплексы с аскизскими вещами, весьма удаленные от государства хакасов, единичны. Сегодня известны два комплекса в Европе: на реке Дон (погребение у поселка Петровского [194]) и в Венгрии (у села Ракамаз [243]). Их культурная принадлежность определяется, прежде всего, по типам накладок и предметам конского снаряжения. Накладки датируются концом XIII в., а элементы конского снаряжения — началом XIII в. При определении хронологической позиции этих предметов авторы раскопок опирались на письменные источники. Отвечая на вопрос, каким образом могли попасть на столь отдаленное расстояние аскизские вещи, И. Л. Кызласов и К. Мештерхази высказали мнение, что на Дону и в Венгрии они оказались в качестве дорогих трофеев в период монгольских завоеваний воинов-кыпчаков. По мнению И. Л. Кызласова, армия полководца Тутухи, разгромившая в 1293 году средневековых хакасов, была сформирована в основном из восточных кыпчаков, кочевья которых простирались от Урала до Иртыша. Однако, отнести комплекс Кула-Айгыр к кругу восточнокыпчакских памятников не представляется возможным, так как существенные черты его погребального обряда, и прежде всего северо-восточная ориентировка могильной ямы и погребенного, являются слагающими особого культурно-исторического комплекса кочевников развитого Средневековья.

Как уже отмечалось, в степных памятниках этого времени крайне редко встречаются восточные ориентировки (два случая). То же наблюдается и по всему Дешт-и-Кыпчаку. Традиции восточной ориентировки, свойственной погребальным памятникам кочевников развитого Средневековья, выявлены на западе, в тюркских и раннеполовецких погребениях южнорусских степей, и на востоке, где такая ориентировка свойственна памятникам, расположенным на территориях от предгорий Алтая до Забайкалья. На западном краю ареала значительный процент ориентировки погребенных на восток фиксируется в сроткинских памятниках (юг, барнаульско-бийская группа) [267, с. 16]. Неко-

торые погребения аскизской культуры также имеют восточную ориентировку, в основном это погребения с конем. По мнению Л. Р. Кызласова, они не являются хакасскими [194, с. 174]. Фактически все погребения X и XIII вв. Прибайкалья и Забайкалья ориентированы на восток. В джурчжэньских могильниках, примыкающих к Забайкалью с востока, большинство ям имеет восточную ориентировку. Вероятно, данная традиция появилась здесь вместе с пришедшим с Енисея кочевым населением [238, с. 179].

Традиция ориентирования покойников головой в определенную сторону света является одной из устойчивых черт, слагающих систему этнокультурных ареалов. Следовательно, совмещение границ распространения погребений с восточным ориентационным сектором в пределах байкальского этнокультурного ареала, выявленное Д. Г. Савиновым, вполне правомерно [344, с. 51].

Все вышесказанное не может служить поводом для построения каких-либо прямых параллелей. Очевидно, что положение погребенного головой на восток — особая черта погребального обряда в комплексе Кула-Айгыр, резко выделяющая его среди единовременных кыпчакских комплексов. Размещение в головах погребенного серебряного кубка с преднамеренно отломанной ножкой — тоже характерная особенность аскизского погребального обряда [193, с. 174]. А наличие в могильной яме предметов явно аскизского происхождения наводит на мысль, что погребенный — представитель одного из племен хакасов.

Такова сравнительно небольшая коллекция аскизских материалов из памятников в пределах урало-казахстанских степей и единичных комплексов в степях Восточной Европы. В целом, по мнению исследователей, среди кочевнических древностей XI–XIII вв., принадлежавших половцам, печенегам, гузи, торкам и др., материалы аскизского круга крайне редки. При этом анализ болгарских материалов из городищ и могильников Волго-Камья X–XIV вв., проведенный казанским исследователем К. А. Руденко, показал, что в XI–XII веках предметы аскизского облика получили чрезвычайно широкое распространение, хотя универсальные вещи, такие как колчаные крюки, детали сбруйного на-

бора, продолжали бытовать и в золотоордынский период (XIII–XIV вв.).

При этом удивительно, что непосредственных предшественников «аскизский стиль» в древности волжских булгар не имеет. Отдельные его элементы едва угадываются в материалах региона, различных по культурной принадлежности и времени. Исходный импульс также остается не выясненным. Охват значительной территории близкой по стилю продукцией при различии в функциональном использовании остается пока необъяснимым.

Специфические категории материала аскизской культуры (пряжки, накладки, удила, псалии и наконечники стрел) и особые приемы металлообработки, свидетельства которых находятся в огромном количестве в слоях городищ и селищ Волго-Камья, позволили исследователям (Г. Н. Белорыбкин) высказать предположение о присутствии древнекыргызского населения среди булгар, бургасов, мордвы, русских и кыпчаков. Однако эта интересная версия требует особой аргументации. Пока очевидно одно — наличие аскизских вещевых материалов в слоях городищ Предволжья, Закамья и Предкамья, в отличие от хотя и немногочисленных, но четко культурно обозначенных комплексов тюхтятского времени (памятники селеншташского типа, погребение с трупосожжением на могильнике Уелги), вынуждает предположить, что «аскизский феномен» Волжской Булгарии является особым историко-культурным явлением, которое требует своего осмысления.

Возможно, речь идет об установлении особой коммуникации в эпоху кыргызского великодержавия вдоль северной степи и южной лесостепи между Минусой и Булгаром. Вероятно, особый расцвет торгово-экономических контактов падает именно на относительно стабильный период существования Восточного Дешт-и-Кипчака (XI–XII вв.), что и получило отражение в особой популярности наиболее передовых образцов продукции аскизской металлообработки.

Хотя здесь следует сделать еще одно уточнение — происхождение изделий так называемого аскизского круга с серебряной и золотой плакировкой, таушировкой и гравировкой, соответствующих форм и типов не обязательно связывать

исключительно с Минусинской котловиной. Существование большого числа подобных вещей (деталей конской узда, оружия и серебряной посуды), выполненных по аналогичной технологии, а также в манере, схожей с изобразительными традициями аскизской культуры, в пределах Северного Китая и Внутренней Монголии наводит на мысль о существовании наряду с Енисейскими и иных ремесленных центров изготовления подобных образцов упряжи, вооружения и посуды.

Остается вопрос, когда и при каких обстоятельствах наиболее поздние памятники аскизской культуры появляются на западе, в Восточной Европе, и в урало-казахстанских степях? В период монгольского нашествия и Золотой Орды? По сообщению Абдул-Гази, завоевание киргизов монголами было бескровным: Урус-Инал — государь киргизов — выразил покорность Чингисхану и преподнес ему богатые дары. Особенно дорогим был «белый кречет с красными ногами» [118, с. 81]. Это произошло в год Зайца (1207). Государство хакасов, номинально находясь в составе владений Джучи-хана, не испытывало значительных внешне- и внутривосточных изменений. Но в 1218 году в связи с восстанием туматов, меркитов, найманов и отказом киргизов предоставить свою армию для их подавления Джучи и Субэдей предприняли жестокий карательный поход на эти народы [195, с. 134]. После чего меркиты и найманы, по сведениям Рашида ад-Дина, вынуждены были бежать в кыпчакскую степь [323, с. 189–190]. Подобные карательные акции против киргизов повторялись неоднократно и в 1250-е годы [195, с. 134–135]. В 1293 году предводитель кыпчакской армии монголов Тутуха вновь разгромил киргизов. С этого периода начинается кампания высылки отдельных «групп мятежного хакасского населения в далекие чужие земли», которая продолжается и при сыне Тутуха Чжуануре — до 1317 года [196, с. 63–65]. В источниках упоминаются районы их выселения — Амур и Шандун. После этого периода в результате междоусобиц, освободительной борьбы фактически начинается распад монгольской державы.

На основании вышесказанного можно условно выделить два этапа, в течение которых были наиболее вероятны миграции в Дешт-и-Кипчак

Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани (Рашид ад-Доулэ; Рашид ат-Табиб) (ок. 1247, Хамадан — 18.07.1318, Тебриз (государство Чингизидов в Малой Азии и на Ближнем Востоке)) — персидский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист. Считается, что он происходил из знатной семьи ученых евреев. Поступил на государственную службу в период правления Абака-хана (1265–1282). При Газане (1295–1304) выдвинулся на ведущие роли, фактически заняв пост визиря, и осуществил важнейшие экономические реформы. Министр государства Хулагуидов (1298–1317). При хане Олджейту (1304–1316) фактически был первым лицом в управлении государством. Абу Саид Бахадур-хан, сын Олджейту, вступил на престол в двенадцатилетнем возрасте в середине 1317 года.

Фактическим правителем при нем стал эмир Чобан, происходивший из монгольского племени суддус.

В 1317 году Рашида ад-Дина отстранили от власти, ему было предъявлено обвинение в растрате казенных средств и покушении на Великого хана Олджейту. Он и его сын были арестованы, признаны виновными и казнены (перерублены мечом пополам) 18 июля 1318 года. Рашид ад-Дином был составлен энциклопедический труд «Китаб-ал-ахья ва-л-асар», содержащий сведения по естествознанию, агротехнике и строительству. Его перу принадлежит комментарий к Корану Мифтаха ат-тафасира и еще три труда по шафиитскому богословию, переведенные на арабский язык и известные под общим заглавием «Маджму'а-и Рашидийя» («Собрание трудов Рашида»). Наибольшую ценность представляет исторический труд «Джами' ат-таварих».

из кыргызского государства: 1) начало XIII — вторая половина XIII века; 2) конец XIII — начало XIV века. Переселение, вероятно, осуществлялось с востока на запад вдоль торгового пути Енисей – Волга. Существование этой торговой коммуникации было обусловлено возникновением нового политико-административного центра монгольской державы — Золотой Орды. Данный путь призван был обеспечить связь между золотоордынскими столицами, Каракорумом и Китаем. Этот маршрут, вероятно, явился не только зоной военно-торговых факторий, но и своеобразным коридором для западных миграций населения из древнехакасского государства.

Естественная «священная чаша» в граните.
Озеро Аракуль

Мавзолей Кесене.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

ТОМ
глава

52

**ЮЖНЫЙ
УРАЛ
В ЭПОХУ
ЗОЛОТОЙ
ОРДЫ
(первая
треть XIII —
1420-е годы)**

Глава 2.

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (первая треть XIII — 1420-е годы)

История исследования памятников золотоордынского времени

В 2016 году И. В. Матюшко была издана работа, посвященная памятникам кочевников IX–XIV вв. Южного Приуралья. Автору удалось подготовить и проанализировать большую часть кочевнических памятников Южного Урала и Западного Казахстана, основную часть которых составляют золотоордынские комплексы [237]. В начальных главах исследователь помещает обстоятельный историографический анализ основных этапов изучения кочевнических памятников Южного Урала и Казахстана. В этой связи мы сочли рациональным включить часть этого раздела в качестве введения в настоящую главу.

Первый опыт изучения памятников золотоордынского времени связан с описанием мечетей и мавзолеев, а также отдельных могильников и каменных надгробий на них. Первые описания были получены в XVIII веке, это были заметки П.-С. Палласа и П. И. Рычкова. Впоследствии, в XIX — начале XX века появились труды историков-краеведов Р. Г. Игнатьева, А. В. Попова, И. А. Кастанье, Ф. Д. Нефедова и др.

Особого внимания заслуживают работы А. В. Попова и И. А. Кастанье. В них содержится богатый иллюстративный материал, редкие этно-

графические сведения о погребальных обрядах кочевников евразийских степей, а также о влиянии мусульманской культуры населения городов Средней Азии на мемориальную культуру Южного Урала [144, с. 3–197; 145, с. 178–187]. Материалы, собранные этими авторами, активно использовались современными исследователями [37, с. 191–192; 236, с. 153]. В 1899 году профессор Э. Ю. Петри осуществил первые раскопки мавзолея Кесене. В 1950-е годы мавзолеем повторно исследовал К. В. Сальников, описали в своих работах М. М. Мендикулов и А. П. Смирнов. А в 1960-е годы В. С. Стоколос произвел раскопки нескольких курганов вблизи мавзолея. Симптоматично, что в этот же период в обобщающем исследовании Г. А. Федорова-Давыдова [387], посвященном средневековым кочевникам Восточной Европы, несколько подкурганых захоронений на территории Южного Урала были включены в классификацию погребального обряда наряду с погребениями кочевников из других регионов восточноевропейской степи. В основу выделения типов по отделам Г. А. Федоровым-Давыдовым были положены такие признаки, как ориентировка умершего, наличие или отсутствие костей коня. В зависимости от формы могильной ямы внутри каждого отдела были выделены типы. Эта типология погребального обряда долгое время успешно использовалась для характеристики погребений средневековых кочевников степей Евразии.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (17.07.1931 — 23.04.2000) — советский и российский историк, археолог, кочевниковед, специалист по нумизматике Золотой Орды

и средневековой Восточной Европы. Родился в Москве. Окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1954), работал на этом факультете с 1960 года. Доктор исторических наук, профессор. Основоположник типологии кочевнических комплексов XI–XIV вв. южноуральских степей. Основные его методы статистического анализа активно используются современными исследователями. Один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Работы Г. А. Федорова-Давыдова по средневековой нумизматике Руси и Золотой Орды имеют всемирную известность.

Деятельность Г. А. Федорова-Давыдова оказала большое влияние на разработку методической базы исследований средневековых памятников Южного Урала.

В 1977 году была опубликована монография Н. А. Мажитова, в которой обобщены сведения о памятниках Южного Урала XII–XIV вв. Автор выделил погребения, раскопанные на территории Центрального Оренбуржья и Южной Башкирии, в отдельную группу погребений «башкир-беркутовского типа». Данный тип он связал с миграцией в золотоордынское время населения из Южной Сибири или монгольских степей [203, с. 112–114]. Впоследствии эта интерпретация золотоордынских материалов не была поддержана специалистами.

В 1980-е годы изучением средневековых материалов, обнаруженных именно в степях Южного Приуралья, активно занимался В. А. Кригер [185, с. 102–117; 186, с. 171–187]. Наиболее результативными стали его исследования в области изучения элементов материальной культуры и хронологизации комплексов. Так, В. А. Кригер выделил хронологические показатели трех периодов существования могильников. Первый период был определен как предмонгольский (XII — начало XIII в.). В по-

Владимир Адамович Кригер (род. 26.04.1951, пос. Нярий Чердынского района Пермской обл.) — кандидат исторических наук, археолог, известный исследователь кочевнических памятников Урало-Поволжья. Окончил историко-филологический факультет Уральского педагогического института. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.)» (1985). В ходе многолетних экспедиций в степи Южного Приуралья и Поволжья исследовал большое количество погребальных памятников, относящихся к IX–XIV вв.

гребениях этого времени находятся стремена восьмеркообразной формы, наконечники стрел с ромбическим пером, неискривленные лезвия мечей, двусторонние кресала [186, с. 176].

Для погребений золотоордынского языческого периода (вторая половина XIII — начало XIV в.) были характерны железные плоские наконечники стрел (срезни) различных форм, односторонние кресала с незамкнутыми концами, стремена с расплющенной частью верхней дужки и широкой подножкой, двусоставные удила с перегибом и большая кривизна сабли. Впервые автором был выделен золотоордынский мусульманский период, для которого характерны безывентарные погребения или же погребения, в которых содержались

В. А. Кригером были произведены типологическая группировка памятников и хронологическое распределение, анализ погребального обряда по характерным признакам, картографирование и сравнение локальных обрядовых показателей. Предложено также деление памятников из первой хронологической группы (конец IX — середина XI в.) на огузские и печенежские.

В 1988 году в соавторстве с В. А. Ивановым написана монография «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале». В основу работы положена концепция В. А. Кригера о двух группах памятников средневековых кочевников Южного Урала, которые двумя параллельными путями двигались с верховьев Иртыша через Южный Урал и Нижнее Поволжье в южнорусские степи. В работе дана типология вещевого комплекса кочевников Южного Урала IX–XIV вв. и изложена концепция двух групп погребального обряда. Эта концепция надолго утвердилась в отечественной археологии средневековых евразийских степей.

по одному–два предмета: обычно зеркала или серьги в виде знака вопроса, иногда монеты, датирующиеся второй половиной XIV — первым десятилетием XV в.

На основе взаимовстречаемости вещей в одном комплексе В. А. Кригер датировал вещевые комплексы погребений кочевников степей Заволжья и Приуралья. Полученные датировки позволили исследователю распределить все погребения по четырем хронологическим периодам: X–XI вв.; XII — начало XIII в.; начало XIII — первая половина XIV в.; вторая половина XIV — начало XV в. Однако другие исследователи в своих работах, посвященных средневековым кочевникам степей Приуралья, такое разделение золотоордынского периода не поддержали [114, с. 154–161; 174; 168, с. 440–454].

Заметным явлением в этой тематической области стал выход монографии В. А. Иванова и В. А. Кригера «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.)» [112], в которой продолжено исследование и сравнение курганов с земляными и каменными насыпями. В общей сложности исследователи изучили 207 погребений, а для проведения сравнительного анализа разработали список из 211 признаков, детально описывающих этапы погребального обряда [112, с. 81–84]. По результатам сравнения общих признаков (характерных для всего региона) исследователи выделили наиболее типичные черты курганов с земляными и каменными конструкциями. Затем внутри каждой группы перечислили признаки, связанные, по их мнению, с этнографическими различиями [111; 114, с. 154–161; 174; 418, с. 437–439].

Работа В. А. Иванова и В. А. Кригера явилась важным этапом в обобщении археологических и письменных источников по истории кочевников южноуральских степей в эпоху Золотой Орды. Поиск признаков погребального обряда, имеющих этническую нагрузку, продолжился. В работе В. А. Иванова и А. Ф. Яминова был осуществлен сравнительнотипологический анализ погребального обряда кочевников Южного Урала золотоордынского времени [114, с. 154–162]. Все учтенные погребения указанного периода (выборка включала 227 курганов) были изначально разделены иссле-

дователями на две группы по характеру насыпи — каменные и земляные. Для анализа погребального обряда в каждой группе использовались статистические методы. По мнению авторов, курганы из этих групп возводились в соответствии с разными этническими традициями [114, с. 160].

Проблемам этнического состава и культурного содержания населения золотоордынского времени степей Южного Урала были посвящены исследования В. П. Костюкова.

С помощью статистических методов В. П. Костюков проанализировал погребальный обряд и инвентарь 282 курганов XIII–XIV вв. В выборку им были включены памятники, расположенные в степной зоне Южного Урала (186 курганов), на территории Западного Казахстана (57), Северного Казахстана (18), Центрального Казахстана (8), Устюрта (13). При анализе памятников было использовано 172 признака погребального обряда, распределенных по семи фазам. Аналогии погребального обряда, зафиксированного в памятниках Южного Зауралья XIII–XIV вв., исследователь находит в погребальном обряде курганов восточной части степи (от Иртыша до Байкала), он также выделяет черты погребальных комплексов, связанных с распространением ислама.

В своей работе исследователь тоже сопоставил погребения под каменными и каменно-земляными курганами и пришел к выводу, что различия между ними заключаются преимущественно в тех чертах, которые обычно трактуются как знаки социальной или имущественной дифференциации. Это послужило основанием для вывода исследователя о том, что каменные и земляные курганы XIII–XIV вв. оставлены группами населения близкими между собой в культурном плане [174, с. 10]. Главным же отличием работы В. П. Костюкова от предыдущих исследований стало то, что в ней больше внимания уделяется отражению в погребальном обряде религиозных, социальных и имущественных факторов. Соответствующие идеи ученый развивал в своих последующих работах [168, с. 440–451].

Глубокие и интересные исследования провел в 1990-е — начале 2000-х годов уфимский исследователь Г. Н. Гарустович, который фактически ввел в научный оборот материалы о приуральских

Владимир Петрович Костюков (12.12.1949—15.12.2009) — кандидат исторических наук, археолог, востоковед, исследователь кочевых культур средневекового периода истории Южного Урала. Окончил Уральский государственный университет (1983). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об

этнокультурном составе Улуса Шибана)» (1997). С 1992 года руководил временным творческим коллективом «Археология» при археологической лаборатории ЧГПИ (паспортизация, инвентаризация и охранные раскопки памятников археологии в степных районах Челябинской области). С середины 1980-х годов изучал памятники средневековых южноуральских кочевых народов. Наиболее значительные из них обнаружены и изучены им в микрорайонах Каменный Амбар и Система (Карталинский район Челябинской области). Научные интересы В. П. Костюкова были связаны с историей Южного Зауралья в золотоордынскую эпоху. Он первым охарактеризовал Улус Шибана, в который входил в XIII–XIV веках наш край. Автор монографии и более сорока научных статей.

лесостепных комплексах золотоордынского периода, получивших название «памятники чияликского типа». Исследователь связывал их с наиболее поздними угорскими комплексами, которые подверглись культурному влиянию со стороны тюркоязычного степного населения. Кроме того, автору принадлежит фундаментальный труд, написанный им в соавторстве с В. А. Ивановым, по археологии огузо-печенежских памятников урало-поволжских степей и золотоордынским мавзолеям и раннему-сультманским памятникам урало-казахстанских степей. Последней работой Г. Н. Гарустовича стала монография, где автор собрал весь доступный материал по жертвенно-поминальным комплексам и изваяниям урало-казахстанских степей. Отдельная глава отсюда вошла в настоящее издание.

Анализ взаимосвязей между признаками погребального обряда с целью выяснения влияния ислама на погребальную обрядность был использован в работе А. А. Бисембаева [37]. В целом работа посвящена изучению средневековых археологических комплексов, раскопанных в пределах административных границ Западного Казахстана, северная

Айдар Факилович Яминов (24.06.1966 — 04.08.2012) — археолог, специалист по кочевникам золотоордынского времени Южного Урала. Родился в деревне Ново-Балтачево Чекмагушевского района Республики Башкортостан. В 1990 году окончил Башкирский государственный университет. Работал преподавателем в Стерлитамакском педагогическом институте, заместителем директора Научно-производственного центра по охране историко-культурного наследия Министерства культуры Республики Башкортостан. Основные научные интересы связаны со средневековыми кочевниками Южного Урала. В работах А. Ф. Яминова произведен глубокий анализ погребальной обрядности кочевников Золотой Орды в географическом и культурно-типологическом аспектах.

Геннадий Николаевич Гарустович (27.08.1957, Уфа — 24.05.2017) — российский и башкирский историк-археолог, кандидат исторических наук (1998). Выпускник исторического факультета Башкирского государственного университета (1984). До 1989 года — сотрудник археологической лаборатории Башкирского государственного педагогического института, после этого работал в Отделе археологии ИИЯЛ УНЦ РАН. Специалист в области средневековой археологии Волго-Уралья. Один из авторов монографий «Средневековые кочевники Поволжья (конец XI — начало XV в.)» (1998), «Огузы и печенеги в Евразийских степях» (2001); автор большого количества работ, посвященных погребальным памятникам кочевников Золотой Орды и раннесультманской мемориальной архитектуре урало-казахстанских степей.

часть которого географически принадлежит к степям Приуралья.

Археологический материал автор сгруппировал на основе датировок вещей по трем хронологическим периодам: огузо-печенежский (VIII–XI вв.), кыпчакский (XII–XIV вв.) и ногайлинско-казахский (XV–XVIII вв.). В рамках выделенных периодов был проанализирован погребальный обряд. Картографирование памятников каждого хронологического периода позволило исследователю выделить об-

Арман Ауганович Бисембаев (род. 04.12.1972, Алматы, Казахстан) — археолог, кандидат исторических наук, доцент. Окончил Актюбинский педагогический институт им. К. Жубанова, исторический факультет (1994). В 1994–1997 годах обучался в аспирантуре Института археологии им. А. Х. Маргулана. В 1997–2002 годах преподавал в Актюбинском университете им. К. Жубанова, в 2002–2005 годах был заместителем директора, затем директором Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии. С 2006 года возглавляет областной центр истории, этнографии и археологии. Основные научные интересы связаны с проблемами средневековых кочевников Казахстана.

щие и отличительные черты в их топографическом и планиграфическом расположении. Общим, как было отмечено, является то, что все памятники, как правило, находятся в районах, имеющих разветвленную гидросеть, то есть по берегам рек или озер, на возвышенностях. Также при эксплуатации старого могильного поля зачастую соблюдался порядок размещения насыпей. Именно в бассейне реки Урал находятся самые крупные могильники, использовавшиеся на протяжении длительного времени [37, с. 63–68].

Ирина Вячеславовна Матюшко — кандидат исторических наук (2008), доцент (2014), доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ). Родилась в г. Оренбурге. В 2001 году с отличием окончила исторический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. С 2002 по 2005 годы обучалась в очной аспирантуре Оренбургского государственного педагогического университета по специальности «Археология». В 2008 году защитила диссертацию по теме «Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX–XIV вв. н. э.». В настоящее время работает на кафедре истории России и в археологической лаборатории в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Важно отметить, что автор выделил новый хронологический период — ногайлинско-казахский (XV–XVIII вв.). В археологических комплексах, отнесенных к этому периоду, находились монеты, датированные временем Петра I [Там же, с. 192]. В целом эта группа памятников очень малочисленна: она представлена земляными курганами, под которыми содержались захоронения людей с западной ориентировкой, и земляными курганами, под насыпью которых, на уровне погребенной почвы были сооружены сырцовые выкладки из кирпича. Ранее эти памятники были отнесены к золотоордынскому мусульманскому периоду (вторая половина XIV — первая половина XV в.). А. А. Бисембаев считает, что они могли существовать у казахского народа вплоть до XVIII века.

Монгольское нашествие и его последствия для народов Средней Азии, Казахстана и Южного Урала

Монгольская империя («Великое Монгольское государство») — государство, сложившееся в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников и включавшее в себя самую большую в мировой истории смежную территорию от Восточной Европы до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии. Столицей государства стал Каракорум.

В период расцвета (1270-е гг.) государство включало обширные территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета. Во второй половине XIII века начался распад империи на улусы, во главе которых встали Чингизиды. Крупнейшими осколками Великой Монголии стали империя Юань, Улус Джучи (Золотая Орда), государство Хулагуидов и Чагатайский улус. Великий хан Хубилай, принявший в 1271 году титул императора Юань и перенесший столицу в Ханбалык, претендовал на главенство над всеми улусами. К началу XIV века было восстановлено формальное единство империи в виде федерации фактически независимых государств. В последней четверти XIV века Монгольская империя перестала существовать.

Возникновение в начале XIII века Великой кочевой империи в степях Монголии имело глобальные последствия для народов Евразии. Монгольское нашествие на запад, в урало-казахстанские степи привело в движение массы кочевников; потерпевшие поражение и ужасающий разгром, кыпчаки рассеялись, особенно в начальный период нашествия, по огромной территории евразийских степей и соседствующих с севера областей. Вот как рассказывает об этих событиях Абулгази: «Джучи с преданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков, те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (то есть башкирам). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков». Земли иштяков или башкир в XIII веке действительно наводнились племенами с Дешт-и-Кипчака.

Такую историческую картину монгольского нашествия и влияния его на судьбу народов Урала показывает в своей самой известной работе «Происхождение башкирского народа» академик Р. Г. Кузеев [189, с. 463].

Несколько подробней мы остановимся на основных фазах этнокультурных трансформаций, происходивших в урало-казахстанских степях после начала монгольской экспансии.

Как известно, развернутое наступление монголов на башкир и Волжскую Булгарию началось в 1236 году, после Курултая 1235 года, где была

Раиль Гумерович Кузеев (10.01.1929, деревня Аминево Сафаровской волости Уфимского кантона Башкирской АССР (ныне Чишминский район Республики Башкортостан) — 02.08.2005, Уфа) — этнолог, историк-востоковед, общественный деятель, доктор исторических наук (1971), профессор (1972), академик Академии наук Республики Башкортостан,

член-корреспондент РАН (1991), почетный гражданин города Уфы. Основные труды посвящены проблемам этногенеза и этнической истории башкирского народа, декоративно-прикладному искусству башкир, теории этноса и этнической истории, источниковедению, археографии, ономастике. Р. Г. Кузеев исследовал историю формирования этнического состава населения Волго-Уральской историко-этнографической области. Им выдвинута концепция взаимосвязанности и взаимообусловленности этносоциальных и этнокультурных процессов в Восточной Европе и Западной Сибири в I и II тысячелетиях н. э., приведших к образованию и развитию современных народов региона и формированию их культуры.

сформирована гигантская армия под главенством Бату-хана и туменов сыновей и внуков Чингисхана Чагатая, Угедея и Толуя. Соединившись в пределах Волжской Булгарии, по сведениям русских летописей, «оттуда хан Бату с Шибаном, Буралдаем выступили в поход против болгаров и башкиров... в короткое время, без лишних усилий обладали или провели там избиение и грабеж».

Монгольское становище.
Китайская миниатюра XIII века

Волжская Булгария

Волжская Булгария — историческое государство в Среднем Поволжье и бассейне Камы (X–XIII вв.).

Основные памятники булгарского времени находятся на территории современных Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской областей и Чувашии. Северная граница Булгарии проходила по правому берегу Камы, западная — в районе бассейна реки Свияги, восточная — по линии Чистополь — Билярск или реке Шишма, южная — в районе Самарской Луки.

Точные данные о численности населения Волжской Булгарии отсутствуют. Лишь ал-Балхи упоминает, что число жителей Булгара и Сувары составляло по десять тысяч человек. По приблизительным и, возможно, завышенным расчетам, численность населения Волжской Булгарии могла достигать 1,5–2 млн человек. Основу населения составляли тюркоязычные племена. Одна из орд, сформировавшаяся преимущественно из кутригурских племен, под началом Котрага двинулась с территории Великой Булгарии на север и обосновалась (в VII–VIII вв.) в районе средней Волги и Камы, рассеяв-

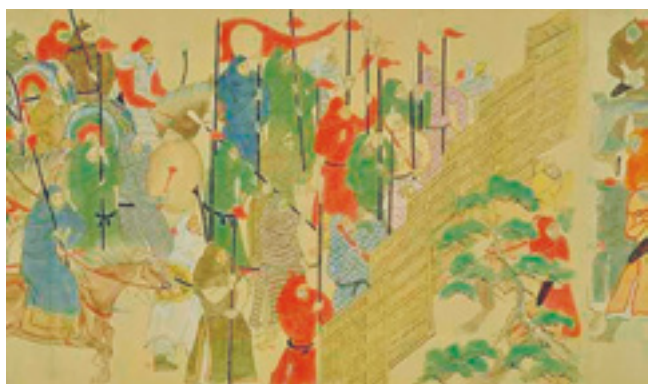
шись среди преимущественно финно-угорских племен. Там впоследствии образовалось государство Волжская Булгария.

В начале X века булгарский балтавар Алмуш принял ислам ханафитского толка под именем Джафар ибн Абдаллах, о чем свидетельствуют серебряные монеты, отчеканенные в Булгарии. Монеты выпускались в Булгаре и Суваре на протяжении всего X века, последняя из них датируется 387 годом по мусульманскому календарю (997/998 гг.). В 922 году балтавар в поисках военной поддержки против хазар, правители которых исповедовали иудаизм, пригласил посольство из Багдада, официально объявил ислам ханафитского толка государственной религией и принял титул эмира. В 986 году Киев посетило посольство из Волжской Булгарии с предложением о принятии киевлянами во главе с князем Владимиром мусульманской веры от булгар. В 1006 году между Русью и Волжской Булгарией был заключен торговый договор: булгарские купцы могли свободно торговать на Волге и Оке, а купцы Руси — в Булгарии.

Монгольская империя

В 1088 году камские булгары ненадолго захватили Муром. В 1107 году волжские булгары осадили и взяли Суздаль. В 1120 году Юрий Долгорукий с половцами по поручению отца организовал военный поход на Волжскую Булгарию. Летом 1164 года Андрей Боголюбский вместе с муромским князем Юрием Владимировичем ходил на Булгарию: был захвачен город Бряхимов. В 1172 году Боголюбский ходил на камских булгар. В 1184 году Всеволод Большое Гнездо и великий князь киевский Святослав Всеволодович воевали с волжскими булгарами. В 1186 году Всеволод Большое Гнездо вновь послал войска на камских булгар. В 1217–1219 годах булгары захватили Унжу и Устюг. В ответ ростовские, суздальские и муромские полки под командованием брата владимирского князя Святослава Всеволодовича взяли, разграбили и сожгли крупный город Ошель. В 1221 году в Городце между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией было подписано перемирие на шесть лет, в 1229 году в Кореневе — еще на шесть лет. В 1223 году, после битвы на Калке, монгольские войска ушли на восток через земли волжских булгар и были наголову разбиты булгарскими войсками. Это поражение, как и поражение при Перване в 1221 году, стало исключением на фоне успехов монгольской армии периода завоеваний вплоть до поражения при Айн-Джалуте в 1260 году. В 1229 году булгары и половцы были разбиты монголами у реки Яик (Урал). В 1232 году монголы дошли уже до места впадения в Каму реки Жукоть. Наконец в 1236 году монгольская армия во главе с Субэдэем razорила всю Волжско-Камскую Булгарию.

Монгольские воины.
Миниатюра из «Свитка
о монгольском нашествии»

Чингисхан (собственное имя — Тэмуджин, Темучин, Темучжин; ок. 1155 или 1162 — 25.08.1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские и тюркские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу. Основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи. После смерти в 1227 году наследниками империи стали его прямые потомки от первой жены Бортэ по мужской линии — так называемые Чингизиды.

Родился в урочище Делюн-Болдок на берегу реки Онон в семье Есугей-багатура из рода Борджигин и его жены Оэлун из рода олхонут, которую Есугей отбил у меркита Еке-Чиледу. Мальчик был назван в честь плененного Есугеем татарского вождя Тэмуджина-Уге, которого Есугей победил накануне рождения сына. После

смерти отца Тэмуджина его приверженцы покинули вдов (у Есугея было две жены) и детей Есугея (Тэмуджина и его братьев Хасара, Хачиуна, Тэмугэ и от второй его жены — Бектера и Бельгута): глава клана тайчиутов выгнал семью с насиженных мест, угнав весь принадлежавший ей скот. Несколько лет вдовы с детьми жили в полной нищете, скитались в степях, питаясь кореньями, дичью и рыбой. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму.

Вождь тайчиутов Таргутай-Кирилтух (дальний родственник Тэмуджина), объявивший себя властелином земель, когда-то занятых Есугеем, опасаясь мести подрастающего соперника, стал преследовать Тэмуджина. Однажды вооруженный отряд напал на стойбище семьи Есугея. Тэмуджину удалось бежать, но он был пленен и взят в плен. На него надели колодку — две деревянные доски с отверстием для шеи, которые

стягивались между собой. Колодка была мучительным наказанием: человек не имел возможности сам ни поесть, ни попить, ни даже согнать муху, севшую ему на лицо. Как-то ночью он нашел способ ускользнуть. Тайчиуты искали его, однако не смогли обнаружить. Его заметил батрак из племени сулдус Сорган-Ширы, который был среди них, но не выдал Тэмуджина. Он несколько раз проходил мимо сбежавшего пленника, успокаивая его и для других делая вид, что разыскивает его. Когда ночные поиски закончились, Тэмуджин пошел к жилищу Сорган-Ширы, надеясь на то, что тот, спасая раз, поможет и еще. Однако Сорган-Шира не захотел его укрывать и уже собирался прогнать прочь, но сыновья Соргана заступились за беглеца, которого потом спрятали в телеге с шерстью. Когда появилась возможность отправить Тэмуджина домой, Сорган-Шира посадил его на кобылицу, снабдил оружием и проводил в путь (впоследствии Чилаун, сын Сорган-Ширы, стал одним из четырех нукеров Чингисхана). Через некоторое время Тэмуджин нашел свою семью. Борджигины сразу же перекочевали на другое место, и тайчиуты не смогли их обнаружить. В возрасте 11 лет Тэмуджин подружился со своим ровесником знатного происхождения из племени джадаран (джаджират) — Джамухой, который позднее стал вождем этого племени. С ним в своем детстве Тэмуджин дважды становился побратимом (андой).

Несколькими годами позднее Тэмуджин женился на своей нареченной невесте Бортэ. Приданым Бортэ стала роскошная соболья шуба. Тэмуджин вскоре направился к самому могущественному из тогдашних степных

вождей — Тоорилу, хану племени керейтов. Тоорил был побратимом (андой) отца Тэмуджина, и ему удалось заручиться поддержкой вождя керейтов, напомнив об этой дружбе и поднеся соболью шубу Бортэ. По возвращении Тэмуджина от Тогорил-хана кузнец Джарчиудай отдал ему в услужение своего сына Джелме, ставшего впоследствии одним из его полководцев.

Первыми серьезными противниками Тэмуджина оказались меркиты, действовавшие в союзе с тайчиутами. В отсутствие Тэмуджина они напали на становище Борджигинов и угнали в плен Бортэ (по предположению, она была уже беременна и ждала первого сына Джучи) и вторую жену Есугея — Сочихэл, мать Бельгута. В 1184 году (по приблизительным подсчетам, исходя из даты рождения Угэдэя) Тэмуджин с помощью Тоорила-хана и его керейтов, а также Джамухи из рода джаджиратов (приглашенного Тэмуджином по настоянию Тоорил-хана) разгромил меркитов в первом в своей жизни сражении в месте между слиянием рек Чикой и Хилок и Селенгой, на территории нынешней Бурятии, и вернул Бортэ. Мать Бельгута, Сочихэл, отказалась вернуться назад.

В 1197–1198 годах Ван-хан без Тэмуджина совершил поход против меркитов, разгромил их, но ничего не уделил своему названному «сыну» и вассалу Тэмуджину. Это положило начало новому охлаждению. После 1198 года, когда Цзинь разорила кунгиратов и другие племена, влияние ее на Восточную Монголию стало ослабевать, что позволило Тэмуджину овладеть восточными районами Монголии. В это время умер Инанч-хан, и найманское государство распалось

на два улуса во главе с Байрук-ханом на Алтае и Таян-ханом на Черном Иртыше. В 1199 году Тэмуджин вместе с Ван-ханом и Джамухой общими силами напали на Буйрук-хана, тот был разбит. При возвращении домой путь им загородил найманский отряд. Бой было решено провести утром, но ночью Ван-хан и Джамуха скрылись, оставив Тэмуджина одного в надежде, что найманы покончат с ним.

Но к утру Тэмуджин узнал об этом и отступил, не вступая в бой. Найманы же стали преследовать не Тэмуджина, а Ван-хана. Керейты вступили в тяжелый бой с найманами, и, предвидя свою гибель, Ван-Хан направил гонцов к Тэмуджину с просьбой о помощи. Тэмуджин отправил своих нукеров, среди которых отличились в бою Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун. За свое спасение Ван-хан завещал после смерти свой улус Тэмуджину.

В 1200 году Ван-хан и Тэмуджин выступили в совместный поход против тайчиутов. На помощь к тайчиутам пришли меркиты. В этом бою Тэмуджин был ранен стрелой, всю последующую ночь его отхаживал Джелме. К утру тайчиуты скрылись, оставив многих людей. Среди них был Сорган-Шира, спасший когда-то Тэмуджина, и меткий стрелок Джиргоадай, который сознался, что именно он стрелял в Тэмуджина. Он был принят в войско Тэмуджина и получил прозвище Джебе («наконец-ник стрелы»). За тайчиутами была организована погоня. Многих перебили, некоторые сдались в услужение. Это была первая крупная победа, одержанная именно Тэмуджином.

В 1202 году Тэмуджин самостоятельно выступил против татар. Перед этим походом он отдал приказ,

согласно которому под угрозой смертной казни запрещалось захватывать добычу во время боя и преследовать неприятеля без приказа: начальники должны были делить захваченное имущество между воинами только по окончании боя. Жестокое сражение было выиграно, и на совете, собранном Тэмуджином после битвы, было решено уничтожить всех татар, кроме детей ниже тележного колеса, в качестве мести за убитых ими предков монголов (в частности за отца Тэмуджина).

Весной 1203 года при Халахалджин-Элэте произошло сражение войск Тэмуджина с объединенными силами Джамухи и Ван-хана (последний не хотел войны с Тэмуджином, но его уговорили сын Нилха-Сангум, ненавидевший Тэмуджина за то, что Ван-хан отдавал ему предпочтение и думал передать керейтский престол, а Джамуха утверждал, что Тэмуджин объединяется с найманским Таян-ханом).

В этом сражении Улус Тэмуджина понес большие потери. Но был ранен сын Ван-хана, из-за чего керейты покинули поле боя.

С падением керейтов в 1204 году Джамуха с оставшимся войском примкнул к найманам в надежде на гибель Тэмуджина от рук Таян-хана. В начале лета 1204 года войско Тэмуджина — около 45 000 всадников — выступило в поход на найманов. Войско Таян-хана поначалу отступило с целью заманить войско Тэмуджина в ловушку, но потом по настоянию сына Таян-Хана, Кучлука, вступило в бой. Найманы были разбиты, лишь Кучлуку с небольшим отрядом удалось уйти на Алтай к своему дяде Буюрку. Таян-хан погиб, а Джамуха скрылся еще до начала ожесточенного боя, поняв, что найманам не победить.

Тэмуджин, развивая успех, выступил против меркитов, и меркитский народ пал. Тохтоа-беки, правитель меркитов, сбежал на Алтай, где объединился с Кучлуком. Весной 1205 года войско Тэмуджина напало на Тохтоа-беки и Кучлука в районе реки Бухтармы. Тохтоа-беки погибли, а его войско и большая часть найманов Кучлука, преследуемых монголами, утонули при переправе через Иртыш. Кучлук со своими людьми сбежал к каракитаям (юго-западнее озера Балхаш). После поражения найманов, большинство монголов Джамухи перешло на сторону Тэмуджина. Самого же Джамуху в конце 1205 года выдали Тэмуджину живым его же нукеры, надеясь этим сохранить жизнь и выслужиться, за что были казнены Тэмуджином как предатели.

Весной 1206 года у истоков реки Онон на курултае Тэмуджин был провозглашен великим ханом над всеми племенами и получил титул «каган», приняв имя Чингиз (Чингиз — дословно «повелитель воды» или, что точнее, «повелитель бескрайнего как море»). С этого периода вступил в силу новый закон — Яса Чингисхана. В Ясе главное место занимали статьи о взаимопомощи в походе и запрещении обмана доверившегося. Нарушившего эти установления казнили, а врага монголов, оставшегося верным своему правителю, щадили и принимали в свое войско. Добром считались верность и храбрость, а злом — трусость и предательство. Все население Чингисхан поделил на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч). Отдельные сотни, тысячи и тумены вместе с территорией для кочевания отдавались во владение тому или иному нойону. При Чингисхане было узаконено закрепощение аратов, запрещен самовольный переход из одного

десятка, сотни, тысячи или тумена в другие. Этот запрет означал формальное прикрепление аратов к земле нойонов — заслушание арату грозила смертная казнь.

Вооруженный отряд личных телохранителей (кешик) пользовался исключительными привилегиями и предназначался для борьбы против внутренних врагов хана. Чингисхан создал сеть линий сообщений, курьерскую связь (ямская служба) в крупном масштабе для военных и административных целей, организовал разведку, в том числе и экономическую. Вся страна была разделена на два «крыла». Во главе правого крыла он поставил Боорчу, во главе левого — Мухали, двух своих наиболее верных и испытанных сподвижников. Должность и звания старших и высших военачальников — сотников, тысячников и темников — он сделал наследственными в роду тех, кто своей верной службой помог ему овладеть ханским престолом.

В 1207–1211 годах монголы завоевали землю лесных племен, то есть подчинили себе практически все основные племена и народы Сибири, обложив их данью. Они захватили крепость и проход к Великой Китайской стене и в 1213 году вторглись непосредственно в китайское государство Цзинь, пройдя до Нянси в провинции Ханьшу. Чингисхан провел свои войска вглубь континента и установил свою власть над провинцией Ляодун, центральной в империи. Утвердив свое положение вдоль всей Великой Китайской стены, осенью 1213 года Чингисхан послал три армии в разные концы Цзиньской империи. Одна из них, под командованием трех сыновей Чингисхана — Джучи, Чагатай и Угэдэя, направилась на юг. Другая, под предводительством братьев и полководцев Чингисхана, двинулась на восток,

к морю. Сам Чингисхан и его младший сын Толуй во главе основных сил выступили в юго-восточном направлении. Первая армия продвинулась до самого Хонана и, захватив двадцать восемь городов, присоединилась к Чингисхану на Великой Западной дороге. Армия под командованием братьев и полководцев Чингисхана захватила провинцию Ляоси, а сам Чингисхан закончил свой триумфальный поход лишь после того, как достиг морского скалистого мыса в провинции Шаньдун. Весной 1214 года он вернулся в Монголию и заключил с китайским императором мир, оставив ему Пекин.

В 1218 году отряды Джэбэ совместно с войсками правителей Койлыка и Алмалыка вторглись в земли каракиаев. Монголы завоевали Семиречье и Восточный Туркестан, которыми владел Кучлук. В первой же битве Джэбэ разгромил найманов. Весной 1220 года был взят Самарканд. Чингисхан отправил войска для захвата хорезмшаха Мухаммеда, бежавшего за Амударью. Тумены Джэбэ и Субэдэя прошли через Северный Иран и вторглись на Южный Кавказ, приводя города к покорности переговорами или силой и собирая дань. Узнав о смерти хорезмшаха, нойоны продолжили поход на запад. Через Дербентский проход они проникли на Северный Кавказ, разгромили аланов, а затем половцев. Весной 1223 года монголы разбили объединенные силы русских и половцев на Калке, но при отходе на восток потерпели поражение в Волжской Булгарии. Остатки монгольских войск в 1224 году вернулись к Чингисхану, который находился в Средней Азии. По возвращении из Центральной Азии Чингисхан еще раз провел свою армию по Западному Китаю. Осенью 1225 года, откочевав к границам Си-Ся, во

время охоты Чингисхан упал с лошади и сильно ушибся.

Весной 1226 года он вновь возглавил войско, и монголы перешли границу Си-Ся в низовьях реки Эдзин-Гол. Тангуты и некоторые союзные племена были разбиты и потеряли несколько десятков тысяч убитыми. Это было начало последней войны Чингисхана. В декабре монголы форсировали Хуанхэ и вышли в восточные районы Си-Ся. Под Линчжоу произошло столкновение сотысячной армии тангутов с монголами. Тангутская армия была полностью разгромлена. Путь на столицу Тангутского царства теперь был открыт.

Зимой 1226–1227 годов началась последняя осада Чжунсина. Весной и летом 1227 года тангутское государство было уничтожено, а столица обречена. Однако Чингисхан умер, когда жители столицы начали сдаваться. У него случилась внезапная болезнь из-за нездорового климата тангутского государства и последствий падения с лошади. С уверенностью устанавливается, что он умер в начале осени (или в конце лета) 1227 года на территории тангутского государства сразу после падения столицы Чжунсин (современный город Иньчуань) и уничтожения тангутского государства.

Где был захоронен Чингисхан, до сих пор точно не установлено, источники приводят разные места и способы погребения. По словам летописца XVII века Саган-Сэцэна, «подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтайхана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк».

Однако монгольское вторжение в регионы, непосредственно граничащие с Южным Уралом, фактически по всему пространственному периметру началось гораздо раньше этого периода — еще в эпоху Великого Темучина — Чингисхана. Несмотря на ранее установившуюся многовековую культурно-хозяйственную связь с Юго-Западной Сибирью, Семиречьем, Сырдарьинско-Аральским и Прикаспийским регионами, кардинальная ломка этнокультурных институтов и коммуникаций южноуральского Дешт-и-Кипчака происходила уже с первых годов XIII века. Так, в 1207 году Чингисхан направил своего старшего сына Джучи на завоевание племен, обитавших к северу от реки Селенги и в долине Иртыша, где возникла Иртышская ставка Чингисхана. В результате этих походов были покорены прииртышские и, вероятно, алтайские кыпчаки, а также уничтожено государство каракатаев в Семиречье (1211–1218). В этот период была разрушена культурно-торговая коммуникация кыпчакского, кыргызского населения Алтая и кочевников Южного Урала, которая действовала в предшествующий период.

Эти обстоятельства позволили Н. А. Мажитову и А. Н. Султановой высказать предположение, что уже в 1219–1220 годах, когда ставка Чингисхана находилась на Иртыше, часть башкирских племен вошла в состав государства монголо-татар.

В этой связи интересны наблюдения уфимского историка И. В. Антонова. Он опубликовал полевые записи Р. Г. Кузеева «Легенды о бурзянском хане Аксаке»: «У Сынгыз-хана было 12 биев. Ул аларга хужа булган. Среди них был и Бурзян. Говорят, что Чингизид в детстве потерялся: его нашли 12 биев и сделали ханом. Посадили на колесницу, сами запряглись и повезли. Аксак бурзян сделался кучером. Когда приехали, кучер Аксак стал старшим ханом; остальные бии вернулись в свой ырыу, став ырыу башы».

По мнению Р. Г. Кузеева, «в этой легенде может быть такая подоснова; когда монголы вторглись в Восточную Европу в 1236 году и покорили Башкирию, к нему явились 12 башкирских биев (или больше) и признали его сюзереном. Вероятно, все бии были равны, и отчетливой политической централизации еще не было. Чингисхан, точнее его на-

следник в Золотой Орде, подчинив Башкирию, приняв башкирских биев, им же поручили управлять страной, назначив по обычаю определенную сумму ясака. Возможно, что один из биев был признан старшим, или ему оказано особое покровительство и почести. Этим бием мог оказаться Бурзян бий, как глава наиболее воинственного, сильного племени. Но это возвышение Бурзян бия затем завершилось кровавым соперничеством бурзян и кипчяков».

И. В. Антонов помещает здесь же предание, которое было в 1899 году опубликовано оренбургским краеведом Биковым. У него схожая фабула, однако, главным героем является хромоногий Мьютенбий — предводитель и родоначальник усерганских башкир [11]. Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова цитируют выдержку из шежере башкирского племени усерган, где приводится подробная информация о поездке бия (верховного хана башкир) в Муйен в ставку Чингисхана и список его подношений.

Ярлык на правление. Выдается обычно на монгольском языке или на языке того народа, кому он выдавался

В целом же установленный порядок вещей, по мнению И. В. Антонова, позволил сделать правомерный вывод, что ситуация на территории южноуральской Башкирии в какой-то (пусть даже весьма отдаленной) степени напоминает ситуацию, сложившуюся на Руси. Как на Руси был великий князь Владимирский, который отвозил в Орду дань, собранную с удельных князей, так и здесь был глава сильнейшего племени, власть которого распространялась и на другие племена. Подобно тому как на Руси ярлык на великое княжение владимирское по воле хана переходил от одной княжеской династии к другой, так и на Южном Урале ярлык верховного бия мог переходить от одного племени

в другому. Монголы и сами не были заинтересованы в чрезмерном усилении какого-то одного из башкирских племен. Поэтому верховными биями в разное время могли быть предводители усергенского и бурзянского племен. В преданиях усерген подчеркивается, что именно их племя было сильнейшим, а в преданиях бурзян таким же статусом наделяется бурзянское племя.

Однако эта ситуация сохранялась до большой кыпчакской миграции, которая, по мнению Р. Г. Кузеева, происходила в основном в рамках XIII века и эпизодически продолжалась до начала XIV века. Это переселение, вызванное монгольским нашествием, привело к уничтожению этнополитиче-

В научной литературе существует дискуссия, в которой одни исследователи придерживаются мнения, что союз башкирских племен сложился задолго до монгольского нашествия (в X–XI веках). Другие утверждают, что единое этнообъединение башкир, как и башкирская идентификация различных племен, происходило гораздо позже (в XV–XVII веках). По нашему мнению, в целом этот временной

диапазон отражает весь период единого башкирского этногенеза, где в домонгольский период, после исхода мадьяр (конец IX века), местное население подвергалось длительной и активной тюркизации со стороны алтайского (сросткинско-го) кимако-кыпчакского населения. Это видно по материалам археологии (Каранаево, Лагерево, Синеглазово, Граултры). Параллельно этому в тот же период

шло активное влияние со стороны зауральского и западносибирского угорского (не путать с мадьярским) населения, что отразилось в петрогромско-юдинском (протомансийском) компоненте в Южном Зауралье и чияликском в Приуралье. Вероятнее всего, в этих условиях при существовании Восточного Дешт-и-Кипчака на Южном Урале сложился первичный костяк прото-башкирских племен, которые

сосуществовали автономно в рамках непрочного территориального союза, для которого уместно определение «башкирские племена». Это обусловлено единым ландшафтом и этнокультурным своеобразием, которое было абсолютно несхожим с предшествующим мадьярским и существенно отличавшимся от кимако-кыпчакского этнокультурного облика.

Кыпчакская группа (время миграции — в основном XIII в.; приток отдельных групп — конец XIII — начало XIV в.) наряду с собственно кыпчакскими (кыпчак, кара-кыпчак, елан, сары, бушман и др.) включала печенежские (канлы), огузские (туркмен) и тюркизированные монгольские (гэрэй, гэрэ) образования. К этой же группе отнесены потомки древнетюркских племен (киргиз и др.), увлеченных кыпчакским движением с Алтая и Прииртышья еще в конце I тысячелетия н. э. Этнонимия кыпчакской группы находит наибольшее число параллелей в названиях племен и родов

казахов и кочевых узбеков, хотя значительные экономические связи ведут также к каракалпакам и туркменам.

Катайская группа (время миграции — середина XIII в.) является сложным синтезом тюркских и монгольских компонентов — далеких потомков каракатаев и салджуитов. Этническая история катайской группы XII–XIII вв. развивалась в кыпчакской среде.

Основу **табынской родоплеменной группы** составляет восточно-тюркский этнический компонент (дулат, теле), смешавшийся с монгольским (барын,

дуван). Этническая история табынских образований протекала во взаимодействиях с усунями, каракитаями и, наконец, с племенами Дешт-и-Кипчака. Как и катайцы, табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центрально-азиатских черт культуры. Соответственно, в языке табынской и катайской групп башкир сохранились признаки, связывающие их с восточными тюрками и составляющие сейчас значительную часть специфических особенностей северо-восточного диалекта башкирского языка.

Минская группа (время миграции — XIV в.), тюркская в основе (мин, кырк, куль), включает монгольский компонент (миркит) и, возможно, некоторые вкрапления эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае. Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сырдарья, Двуречья и Дешт-и-Кипчака. Минские башкиры составляют треть и последнюю крупную миграционную волну в Башкирию из районов Сырдарья и Приаралья [189].

ского преобладания традиционных племен усерган и бурзян, так как вторжение кыпчаков на Урал носило насильственный характер, о чем упоминают многочисленные предания.

Среди башкирских объединений значительную роль начали играть несколько родоплеменных групп: кыпчакская, катаякская, табынская и минская.

Думается, что не столько собственно монгольское нашествие, сколько последствия, связанные с вынужденным переселением кочевников Восточного Дешт-и-Кипчак в пределы Урала, вызвали кардинальную перестройку этнического состава южноуральского населения и изменение ранее налаженной системы хозяйства. Лучшие земельные угодья отошли пришлым племенам, а оставшаяся часть была перераспределена между местными племенами. Кроме того, в ходе освободительной войны многие башкирские племена прекратили свое существование, а их население под принуждением влилось в состав новых родоплеменных образований под предводительством завоевателей. Потерю земельных угодий в степной зоне башкирские племена старались компенсировать расширением своих владений на севере. Тогда возникли маршруты их кочевий от устья реки Уфы до Камы, о чем есть упоминание в эпосе «Алдар и Зухра». Появление группы башкирских племен на Средней Каме (до широты современной Перми), видимо, следует относить именно к этому времени. Летние кочевья отдельных башкирских племен восточнее проходили по Кунгурскому краю и всему Среднему Уралу. Судя по материалам археологических памятников (курганов), здесь появились постоянные группы башкирских племен. Все это способствовало дальнейшему возрастанию роли южноуральского региона как самостоятельной культурно-хозяйственной зоны.

Остается вопрос: когда собственно начался этап кыпчакизации Уральской Башкирии? Установив это, мы сможем понять, с какого периода Южный Урал находился в составе Монгольской империи.

Как известно, с 1219 года началось завоевание центральной части государства Хорезмшахов — Мавераннахра (область, охватывающая среднее течение и верховья Сырдарьи и Амударьи).

Государство Хорезмшахов.
1190–1220 гг.

Хорезмшах со своей свитой.
Иллюстрация к «Джамиатаварих» Рашид ад-Дина

Государство Хорезмшахов — среднеазиатское государство в низовьях Амударьи, управлявшееся династией Ануштегинидов, происходившей из огузо-туркменского племенного бегдиди. Наивысшего расцвета достигло в начале XIII века при Ала ад-Дине Мухаммеде II. Правители Хорезма носили титул «шах» и назывались хорезмшахами. Хорезм пал от монголов Чингисхана.

В 1097 году хорезмский губернатор тюркского происхождения Экинчи ибн Кочкар объявил о независимости от сельджуков и объявил себя шахом Хорезма. В том же году он был убит. Сельджуки захватили Хорезм и назначили хорезмшахом тюрка из рода бегдиди Кутб ад-Дина Мухаммеда I. В течение всего своего правления он оставался вассалом сельджукского султана Санджара, сохраняя лояльность к нему. Его преемник Ала ад-Дин Атсыз в 1138 году восстал против своего сюзерена, но был разгромлен Санджаром и вынужден был бежать. В том же году в Среднюю Азию с востока пришли новые завоеватели — каракитаи. После этого, будучи под сельджукским владением, хорезмшах Атсыз продолжил политику собирания земель,

начатую его предшественниками, присоединил к Хорезму Дженд и Мангышлак. Многие кочевые племена оказались в зависимости от хорезмшаха. К концу своей жизни Атсыз подчинил Хорезму всю северо-западную часть Средней Азии и фактически добился его независимости от соседей. В 1156 году Атсыз умер, на престоле Хорезма его сменил сын Тадж ад-Дин Ил-Арслан. В 1160-е годы он присоединил к владениям Хорезма Дехистан с окрестностями. Ему удалось подчинить несколько городов Хорасана, он пытался подчинить себе и часть городов Иракского султаната, Мавераннахра. Однако до конца XII века Хорезм находился в вассальной зависимости от сельджуков и каракиданей; лишь с приходом шаха Текеша (1183) он стал одним из самых могущественных государств в Центральной Азии. Его владения простирались от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, от Памира на востоке до Иранского нагорья на западе. За свое правление он сумел увеличить территорию Хорезма вдвое. Кроме всего прочего, сохранились также сведения о библиотеке в Гургандже, основанной Текешем. После

Чекан хорезмшаха Мухаммада. Серебро (по К. М. Байпакову)

смерти хорезмшаха Текеша на престол вступил его младший сын Ала ад-Дин Мухаммед, который еще больше расширил владения Хорезма.

Хорезм к началу XIII века был на вершине своего могущества и объединял земли собственно Хорезма, Мавераннахра, Ирана, Хорасана, современного Южного Казахстана. Внутренняя нестабильность государства, засилье среди правящей элиты кочевых родов кыпчаков и канглов привело к тому, что при наступлении войск Чингисхана на Хорезм в 1219 году Мухаммед II не решился дать генеральное сражение, оставив свою армию разбросанной отдельными отрядами по городам и крепостям всего государства. Один за другим под натиском монголов пали

Отрар, Ходжент, Ташкент (Чач), Бухара, Самарканд, Балх, Мерв, Нишапур, Герат, Ургенч и остальные крупные хорезмские города. Монголы истребили миллионы горожан (в одном только Мерве — более 500 тысяч жителей), остальных продавали в рабство. Хорезмшах с остатками армии бежал в прикаспийскую область и скончался на острове Абескун в Каспийском море. Государство хорезмшахов прекратило существование, несмотря на то, что сын и наследник Мухаммеда Джелал ад-Дин Менгуберди еще около десяти лет продолжал оказывать сопротивление монголам, находясь при этом в Дели и Малой Азии.

Поливная кружка. Керамика X–XI вв. Отрар (по К. М. Байпакову)

Сыганак (Сыганак, Сугнак, Сунак) — город на востоке современной Кызылординской области Казахстана, в 20 километрах к северу от Сырдарьи. До наших дней здесь сохранились остатки мечетей, медресе, мавзолеев, жилых построек. Город впервые упоминается в записях арабского географа X века Махсида как город огузов. К середине XI века он стал столицей кыпчаков,

крупным торговым и ремесленным центром на караванном пути, проходившем от гор Тянь-Шаня вниз по Сырдарье и далее к северному побережью Каспия. В 1219 году город был разрушен монголами, но во второй половине XIII века возродился. Стал одним из монетных центров Золотой Орды. С середины XIV века — столица Синей Орды.

Вторжение в Хорезм было спровоцировано убийством посланцев, купцов и разорением второго каравана, посланного Чингисханом Мухаммеду. Это произошло в 1218 году в Отраре по указу эмира Иналчука (Кайр-хана). Было ли это самовольным решением или тайным указанием султана Мухаммеда, определенно сказать сложно, возможно, имели место оба фактора. С одной стороны, Мухаммед после череды победоносных завоеваний и расширения своего государства хорезмшахов-ануштегинидов (от Аральского моря и низовий Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, от Памира на востоке до Иранского нагорья на западе), бесспорно, обладал колоссальными амбициями, не позволившими ему правильно оценить внешнеполитическую ситуацию. С другой стороны, зыбкость крупного культурного и многоэтничного мусульманского государства обуславливалась тем, что ведущие посты в его административном и военном аппаратах занимала кочевая знать, представленная элитой из родов кыпчак и канглы.

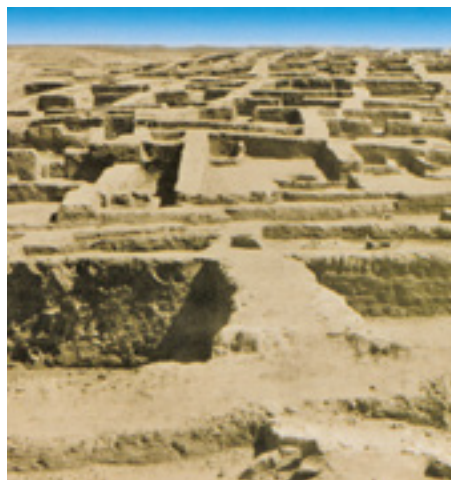
Мать хорезмшаха Теркен-хатум происходила из кыпчакского правящего рода (хотя существует версия о ее происхождении из канглы). Обладая огромным политическим влиянием при дворе, она назначала своих родственников на ключевые государственные посты. Так, эмиром Отрара оказался ее брат Хан. Пользуясь поддержкой своего родового клана, происходившего из Восточного Дешт-и-Кипчака, Теркен-хатум создала реальную оппозицию правлению ее сына.

Это было обусловлено тем, что весь предшествующий период шло непосредственное завоевание кыпчаков. Так, в 1195 году султан Текеш совершил поход на столицу кыпчаков Сыгнак и завоевал ее. Однако хан кыпчаков Кадыр Буки, вначале откочевав из своей столицы, а после, воспользовавшись сговором с другим кочевым объединением (уруни), входившим в состав войска хорезмшаха, дал решающее сражение, заставив Текеша бежать. Султан Мухаммед продолжил завоевание присырдарьинских городов кыпчаков. Однако предпочтение на этот раз отдавалось политике замирения и инкорпорирования кочевой элиты в состав Хорезма. Так, кыпчакский хан Алын Дерек (дядя Мухаммеда), став владетелем Сыгнака, сам попросился

Отрар — до монгольского нашествия один из крупнейших городов Средней Азии. Ныне городище в Отрарском районе Южно-Казахстанской области, расположенное в низовьях реки Арысь, при впадении ее в Сырдарью, в 10 км к западу от железнодорожной станции Тимур, рядом с селом Талапты. По историческим сведениям, после того как здесь были казнены послы Чингисхана, в 1219 году город был осажден монгольскими войсками под руководством сыновей Чингисхана. Осада продолжалась шесть месяцев. В городе начался голод, жители выказывали недоволь-

ство отказом идти на переговоры с монголами. Однажды ночью кто-то открыл ворота. Монголы, захватившие город, уничтожили значительную часть населения, оставшихся забрали в рабство, сам город сожгли. Предателя по имени Караджа, открывшего городские ворота, казнил лично Джучи.

В XV веке город был отстроен заново. В январе 1405 года в Отраре в начале своего похода на Китай умер Тамерлан. В 1465–1718 годах это был один из городов Казахского ханства, в числе других разрушен в 1723–1727 годах джунгарами, в начале XIX века окончательно заброшен.

Раскопки городища Отрар. Застройка XVI–XVII вв.

Панорама городища Отрар с высоты птичьего полета (по К. М. Байпакову)

в подданство к хорезмшаху, а в 1210 году перенес свою ставку в новую столицу, Отрар, и продолжил править в нем от имени хорезмшаха, приняв титул Кайр-хана.

Таким образом, с одной стороны, обращая в ислам кыпчакскую знать и тем самым втягивая ее в государственную инфраструктуру, хорезмский двор смог создать огромную армию наместников, расквартированную в городах Мавераннахра (Самарканде, Бухаре, Отраре и др.). С другой стороны, ввиду того что большинство кочевых воинов были язычниками («неверными»), создавался глубокий социокультурный антагонизм как в обществе, так и внутри правящей элиты. При этом следует заметить, что с исламизацией знати и оседанием в городских ставках ханских дворов кочевое сообщество Дешт-и-Кипчак оказалось глубоко расщепленным.

Известно, что войско Чингисхана двинулось на запад с берегов Иртыша осенью 1219 года. Хотя следует заметить, что первое столкновение с войсками хорезмшахов произошло в 1216 году. В момент пре-

следования мятежников кыпчаками Кадыр-хана (в некоторых интерпретациях — Кайыр-хан) Мухаммед столкнулся с войсками, вероятно, Джэбэ

Джэбэ-нойон и Субэдэй-багатур — наиболее прославленные полководцы-темники (командовавшие десятками тысячами) Чингисхана. Им доверялись наиболее сложные рейды вглубь новых территорий. Самыми грандиозными оказались походы 1220–1224 годов, совершенные этими темниками по приказу Чингисхана. На первом этапе это было длительное преследование хорезмшаха Мухаммеда в Хорасане (область Восточного Ирана) и городах Северного Ирана. После смерти хорезмшаха на островах Абескуна (Прикаспий) в 1220 году и покорения североиранских городов они завое-

вали часть Грузии и через Дербентский проход вышли на Северный Кавказ, где разбили вначале алан, затем половцев, вторглись в Крым, где взяли город Сурож (Судак). Весной 1223 года они столкнулись с объединенным русско-половецким войском на реке Калке (Приазовье). Несогласованность действий войска привела к полному его разгрому. Джэбэ и Субэдэй после короткого преследования остатков половцев повернули на восток и попытались разгромить булгар, но, потерпев поражение, ушли в Дешт-и-Кипчак на соединение с войском Джучи.

Монголы казнят пленных.
Средневековая персидская миниатюра

Субэдэй-багатур. С китайского средневекового рисунка. Субэдэй (1175?–1249? гг.) по подсчетам британского военного историка Б. Лиддела Харта, за свою долгую карьеру одержал победу в 65 битвах и завоевал 32 страны

Смерть хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II. 1220 г.
«Джамиат-таварих»
Рашид ад-Дина

и Субэдэй. Это произошло в Тургайских степях, на реке Ирғизе, куда они были посланы для уничтожения остатков миркитов. После кратковременного сражения монголы отступили в степь. По всей видимости, столкновение было случайным и произошло во время глубоких рейдов, которые совершали монголы накануне похода на Хорезм. Однако чрезвычайная близость места события к южноуральским степям в который раз подтверждает факт раннего монгольского присутствия в нашем регионе.

Несмотря на то, что гибель дипломатического каравана в Отраре от рук кыпчака Иналчука (Кайр-хана) была удачным поводом для начала хорезмского похода, это значительное событие имело весьма печальные последствия. Убийство дипломатических миссий считалось наиболее тягчайшей провинностью, по законам Великой Ясы Чингисхана: «За убийство посла ответит смертью все племя убийцы». Это и другие обстоятельства повлекли за собой чрезвычайно тяжелые карательные меры по отношению к населению Дешт-и-Кипчака со стороны монголов. Вот как эти события описывает В. П. Костюков в одном из своих сочинений, посвященных данному вопросу.

Роджер Бэкон, знавший положение дел на территории Монгольской империи из отчетов путешественников и из личных бесед с Рубруком, записал следующее: «...и эта земля вся принадлежала куманам, которые назывались капчаки; но тартары совершенно разорили ее и перебили куманов, кроме части их, бежавших в Венгерское королевство, и ставших его данниками» [235]. Далее автор приводит целый калейдоскоп данных, почерпнутых из свода европейских источников В. И. Матузовой: «...аланов же не существует, ибо тартары вторглись в эту землю и вынудили куманов бежать до самой Венгрии; а куманы — язычники, и такими же были аланы, но они истреблены»; «тартары же населяют землю аланов и куманов от Дуная и далее, почти до самых отдаленных областей востока»; «и в этой земле [между Танаисом и Этилией] жили куманы, но тартары всех уничтожили, как и с другой стороны Танаиса, до самого Дуная, как говорилось»; «а вся эта земля татарская от Танаиса до самой Этилии принадлежала куманам, которые назывались канглами, [но] они все были истреб-

Сцена переговоров монголов. «Я не убиваю, как ты — из-за спины. Я в честном бою сра-

жаюсь за своего господина». Иллюстрация к «Джамиат-таварих» Рашид ад-Дина

лены тартарами»; «далее, за Этилией, находится третье тартарское княжество; и ими уничтожены местные народы, а жили там куманы-канглы, как выше [говорилось]»; «на севере от Каспийского моря расположена пустынная страна, в которой живут татары»; «Кумания была величайшей из земель. Ведь куманы обитали от Дуная до той самой земли, в которой пребывает император, и все они перебиты тартарами, кроме тех, которые бежали в венгерское королевство» [171; 235, с. 212–215].

Все процитированные авторы описывают финал драмы, но, как можно судить по рассказам Рашид ад-Дина о разгроме государства хорезмшахов, ее начало было не менее кровавым. Захватив Бухару, «[монголы] из [тюрок]-канглыцев оставили в живых только по жребию; умертвили больше тридцати тысяч мужчин, а женщин и детей увели [с собою] рабами». После взятия Самарканда «остаток населения и гарнизона цитадели они выгнали в степь, отделили тюрок от тазиков и всех распределили на десятки и сотни. По монгольскому обычаю тюнкам они [приказали] собрать и закрутить волосы. Остаток [тюрок]-канглыцев [в числе] больше тридцати тысяч человек и предводителей их... они умертвили». Первым же в списке обреченных на уничтожение оказался Отрар, гарнизон которого, по-видимому, полностью состоял из кыпчаков. Защитники города понимали, что инцидент 1218 года оставил им мало надежды на снисхождение, и после того как монголы предали

немедленной казни сдавшихся десять тысяч воинов Караджа-хаджиба, двадцать тысяч кыпчаков продолжали сражаться, пока не погибли все до единого. Такая же участь постигла тюркские гарнизоны и других городов на южной окраине Дешт-и-Кипчака, в частности Бенакета, Сыгнака и Ашнаса.

За приведенными фактами отчетливо просматривается неуклонно осуществлявшееся избиение населения Дешт-и-Кипчака. Такая политика могла быть предопределена целым рядом причин. Первой из них, видимо, нужно считать отказ кыпчаков последовать примеру своих более благоразумных соседей, вроде уйгуров или карлуков, и добровольно подчиниться стремительно набиравшей силу монгольской державе. Оценка реальных возможностей кыпчакских ханов отстоять свои позиции в Восточном Дешт-и-Кипчаке и Средней Азии ввиду скудости источников представляется едва ли разрешимой задачей. Ясно лишь, что предоставление убежища меркитам, столкновение с корпусом Джучи на севере степи в 1216 году и, наконец, «отрарская трагедия» перевели отношения кыпчаков с монголами в жестко конфронтационное русло. А когда для монголов стала очевидной роль кыпчаков в обеспечении могущества государства Мохаммеда, помимо мести появилась еще одна причина их методичного преследования. По словам ан-Насави,

«кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, ибо в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингисхан и его сыновья сделали все для (их) полного уничтожения, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности войск» [171].

Еще одна побудительная причина, обусловившая направление и характер монгольских завоеваний, «заключалась в стремлении приобрести большие необитаемые пространства земли» [191, с. 65; 350, с. 93]. В случае с кыпчаками указанное стремление, возможно, подогревалось еще и тем, что, «когда Туши, старший сын Чингисхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [351, с. 14]. Трудно не согласиться с замечанием В. А. Гордина, что здесь «смертный приговор хозяевам земли написан почти что в стихах». Действительно, хотя Джучи, согласно рассказу Джузджани, и был противником тотального истребления населения завоеванных территорий, на кыпчаков его гуманность вряд ли распространялась, поскольку спор в семье Чингисхана шел, прежде всего, о судьбе оседлого населения. Более того, резонно предположить, что отказ от намерения превратить сельскохозяйственные области в пастбища должен был повлечь еще большую жесткость в практике обезлюдивания Дешт-и-Кипчака. По сведениям такого глубокого знатока летописей и степной историологии, как Абулгази, обретение монголами Восточного Дешт-и-Кипчака привело к фактической замене его населения: после окончания среднеазиатской кампании «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дашт-и-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков, те из них, которые спаслись, ушли к иштыкам. ...Джучи-хан, взяв в плен всю кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из монгольской страны он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт»

Чингисхан объявляет мусульманам в большой мечети в Бухаре, что он представляет собой Божью Кару. Средневековая миниатюра из сборника летописей Рашид ад-Дина

Угедэй хан. Средневековая миниатюра

[158, с. 44]. Точно так же Абулгази обрисовывает и судьбу канглы: «Чингисхан, во время нашествия на Телаш, всех живших там Канглиев захватил и истребил все юрты. Канглиев ныне уже нет, как и народа того, который составлял царство Хорезмское. Скитавшиеся в этом царстве Канглии, в последующее время, соединились между собою и представ-

ляют в себе остаток прежде бывшего поколения» [171, с. 16–19].

Таким образом, покорение Дешт-и-Кипчака и в период завоевания Хорезма, и в последующих европейских кампаниях носило тяжелый и кровопролитный характер с массовым истреблением не только кыпчакской и канглынской аристократии, но и рядового населения. За этим отчетливо видна целенаправленная политика, обусловленная целым рядом причин.

Кыпчаки явились для монголов одним из самых упорных и непримиримых противников: между первым столкновением и окончательным их разгромом прошло почти четверть века. Для того чтобы сломить сопротивление, бесспорно, свободолюбивого и мужественного народа, в конечном счете понадобилась общеимперская акция, значимость которой подчеркивалась намерением Угэдэя лично возглавить западный поход. Длительное ожесточенное противостояние оставляло кыпчакам мало надежды на примирение и, если бы не прагматизм монгольской военной доктрины да не первый крупный раскол в стане Чингизидов, последовавший за смертью Угэдэя, когда Бату пришлось обеспокоиться срочным укреплением своих сил, решение кыпчакской проблемы, вероятно, могло принять самые крайние формы.

Безусловно, многолетние усилия монголов, направленные на покорение кипчаков, более справедливо оценить, как этническую катастрофу.

Монголы ведут мусульманских пленников после взятия Багдада. Средневековая миниатюра из сборника летописей Рашид ад-Дина

Бату (в русской традиции — Батый; ок. 1209 — 1255/1256) — монгольский полководец и государственный деятель, сын Джучи, внук Чингисхана. После смерти отца в 1227 году стал правителем Улуса Джучи (Золотой Орды), после смерти деда в том же году был признан старшим среди Чингизидов второго поколения. Решением курултая

1235 года Бату было поручено завоевание территорий на северо-западе, и тот возглавил поход против половцев, Волжской Булгарии, русских княжеств, Польши, Венгрии и Далмации. В 1236–1243 годах Бату возглавил общемонгольский Западный поход, в результате которого вначале были завоеваны западная часть половецкой степи, Волжская Булгария,

поволжские и северокавказские народы. Монгольское нашествие на Русь заняло несколько лет, на Русь войска под формальным руководством Бату ходили несколько раз: при его личном участии в 1237–1238 годах — на Рязань и Владимир, в 1239 году (возможно) — на Чернигов и в 1240 году — на Киев. Хотя монголы встретили стойкое сопротивление (например, при обороне Рязани, Москвы, Владимира, Козельска), после осады Киева и разгрома Даниила Галицкого русские княжества попали под зависимость монголов, которым был открыт путь на запад. Перед Карпатами оставшиеся войска, прежде чем продолжить свой поход на запад, разделились на две группы: часть во главе с Байдаром и Орду выступила на завоевание Польши, Силезии и Моравии, разгромив польско-немецкое войско Генриха Благочести-

вого под Легнице (9 апреля 1241 года). Основные же силы (до 70 тысяч человек), которые возглавляли Бату, Кадан и сподвижник Чингисхана Субудей (сам Бату во главе немногочисленного отряда прошел через так называемые «Русские ворота» — Верецкий перевал в Карпатах), осуществляли монгольское завоевание Венгрии вплоть до Адриатики. Венгерский король Бела IV был наголову разбит Батыем в битве на реке Шайо (11 апреля 1241 года), и монголы прошли Венгрию, Хорватию, Далмацию, Боснию, Сербию и Болгарию. В связи с нашествием на Венгрию Батый упоминается с титулом «цезарис» в книге Людвиг Батаворума «Московия и Тартария». Крайним западным пунктом войск Батыем стал саксонский город Мейсен.

Однако это отнюдь не означает полного тотального уничтожения кочевого населения всего Дешт-и-Кипчака — канглов, башкир и др. Некоторые группы кыпчаков покорились без сопротивления

Битва при Легнице. Европейская средневековая миниатюра

и сумели уцелеть на данном опасном пути «к последнему морю», другие бежали, а после окончания «семилетнего похода» по тем или иным обстоятельствам предпочитали вернуться под начало Джучидов. Значительная часть кимаков откочевала на север, в лесостепные и лесные области Урала и Западной Сибири, где, как уже упоминалось, «кыпчакизация» стала прямым следствием миграции кочевников из Восточного Дешт-и-Кипчака. Кыпчакская, катаяская, табынская и минская вынужденная миграция на Южный Урал, скорее всего, продолжалась с первого десятилетия до середины XIII века и носила насильственный и, вероятно, местами кровопролитный характер, на что указывают предания и шежере.

Эти обстоятельства усиливали драматизм исторических событий, связанных с завоеванием монголами Дешт-и-Кипчака, последующим подавлением кыпчакских восстаний и введением Юж-

ноуральской Башкирии в состав улусной системы Золотой Орды. Когда ее территория была разделена между Улусом Бату и Улусом Шибана-хана (сына Джучи), граница между ними прошла по реке Урал.

В плане социальной структуры Башкирия XIII–XIV веков ничем не отличалась от других районов Золотой Орды. Если, например, члены семьи и родственники дома Шибана представляли центральную власть государства, то в управлении они опирались на местных ханов, темников, тысячников и представителей других социальных групп. Эту иерархическую особенность золотоордынского общества четко описал Плано Карпини: хан указывал, где пребывать вождям, вожди же указывали места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам. Отличия определял особый нагрудный знак — пайцца.

Все эти должности в сложной государственной системе на правах вассальной зависимости даровались монголами верным людям, в том числе из башкирской знати. Установление улусной системы и монгольской администрации, вероятнее всего, приостановило процессы инкультурных миграций и разноэтничной нестабильности. К этому

периоду у башкир окончательно сформировалось типичное сословие — иерархическое общество во главе с ордынским ханом. Фактически же на правах вассалов от его имени страной управляли башкирские ханы — би, — обладавшие наследственной

Разорение Рязанской земли. Миниатюра. Лицевой свод XVI века. Древний летописец. Т. II (Ленинград, БАН)

Пайцца — своего рода удостоверение личности, как современные погон, пропуск или билет на проезд (не путать

с ярлыком). Делалась из золота или серебра, ранжировалась по изображениям и функциям.

Взятие Владимира монголами. Миниатюра из русской летописи

властью. Они распределяли земли между племенами, в необходимых случаях определяли маршруты кочевков отдельных племен, собирали налоги с подвластного населения, следили за выставлением подчиненными им нукерами, тысячниками воинов ханскому войску и т. п. Аналогичные функции в пределах своих кочевий, улусов выполняли царевичи — представители правящего дома. Но правосудие осуществляли монгольские судьи. Об их проживании среди башкир нам известно из источников XIII века. Например, упомянутый выше Юлиан сообщает, что «и были там татары, судьи баскардов». В башкирском обществе в роли крупных феодалов выступали представители родоплеменной знати — вожди. Вся территория расселения башкир была разделена между улусными владениями и практически превратилась в кочевья ордынских царевичей и их ближайшего окружения. В результате башкирские племена лишились своих лучших земельных владений и были насильно переселены на новые, но худшие земли. Помимо непомерного налогового бремени и наложения различных повинностей монгольское иго сопровождалось массовым истреблением людских ресурсов, грабежом скота и других ценностей.

Монгольское нашествие и формирование Улуса Джучи

В начале XIII века в Монголии сформировалась коалиция племен, состоящая из найманов, меркитов, керейтов и ряда других, противостоящая стремлению Чингисхана сплотить степи. В результате союз был разгромлен в 1204 году [90, с. 233–234; 398, с. 113–116]. Рашид ад-Дин в связи с последствиями этих событий в «Сборнике летописей» пишет: «Государь меркитов Тухта-Буки укрылся в местности Ирдыш, на рубеже области найманов». Вслед за ним ушел и Кучлук, сын Таян-хана найманского, и его дядя Буюрук-хан. В 1205 году войска под руководством самого Чингисхана разгромили объединенные силы Тохтоа-беки и Кучлука на берегу Иртыша. После этого «меркитские, Тохтоаевы сыновья Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие меркиты, взяли направление в сторону канлинцев (т. е. канглов) и кипчаудов», а в погоню за ними через Иртыш был отправлен Субедей-баатур [323, с. 151; 356, с. 93–94; 398, с. 117]. По всей видимости, эти события впервые привели монголов на границы нашего региона.

Логичным продолжением политики присоединения сибирских территорий мог быть поход Джучи, старшего сына и наследника Чингисхана, на

Чингисхан.
Китайская гравюра

Провозглашение
Темуджина Чингисханом.
Миниатюра из сборника
летописей Рашид ад-Дина

«лесные народы» в 1207 году. «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство», — так Чингисхан встретил своего сына после возвращения из этого похода, когда Джучи «принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная отсюда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиан, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги» [356, с. 123–124]. Упоминание народа или территории «Шибир», схожее с более поздней «областью Сибирь и Ибирь» в составе Золотой Орды, позволяет предположить, что войска монголов могли дойти до Иртыша.

Наиболее раннее упоминание о пребывании монголов на Южном Урале относится к 1216 году, когда «в Южное Зауралье, в местность между реками Кумак и Джарлы, вышла армия хорезмшаха Мухаммеда, отправившаяся истреблять племена мятежного оттарского наместника Кадыр-хана Туркестанского, сына Йакафана Йемекского. Здесь она столкнулась с монгольским корпусом Джучи

и Субедея, с той же целью преследовавших непокорных меркитов, укрывшихся в глубине владений кыпчаков» [101, с. 250; 168, с. 445]. Подчинение непокорных меркитов под руководством Худу и поддерживавших их кыпчаков было продолжено Субедеем и в 1219–1220 годы [102, с. 227]. Впрочем, вплоть до конца завоевания государства Хорезмшахов монголы не могли отвлекаться на степной театр военных действий.

Анонимный автор «Сокровенного сказания» сообщает, что в 1220/1 году, после завоевания государства Хорезмшахов, Субедей-багатур был отправлен «в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат» и ряда других [154, с. 188–189]. В подчинении кыпчаков, в том числе на Южном Урале, мог участвовать в 1222–1224 годах и старший сын Чингисхана Джучи. Так, Плано Карпини указывает, что «одного из своих сыновей, по имени Тоссука (Джучи)... он послал с войском против команов, которых тот победил в продолжительной борьбе» [294, с. 45–46]. Наиболее подробно в этом

«Сокровенное сказание монголов» — наиболее древний монгольский литературный и историко-географический памятник, ценный источник по истории ранних монголов, их государства и его основателя — Чингисхана, а также по истории Центральной Азии XII–XIII вв. «Сокровенное сказание» было составлено в 1240 году неизвестным автором-монголом и дошло до нас

на монгольском языке в китайской иероглифической транскрипции, снабженной тезисным переводом на китайский язык. Такие транскрипции изготавливались в Пекине для обучения китайских дипломатов монгольскому языку. Буквальный перевод китайского названия — «Секретная (фамильная) история династии Юань (монгольской)».

Монгольская стенобитная машина. Миниатюра из сборника летописей Рашид ад-Дина

«Сокровенное сказание монголов». Документ XIII века

отношении информация далекого потомка Шибана ибн Джучи — Абулгази: «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил... попавших... в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштыкам. Большая часть иштыков теперь является потомками тех кыпчаков». Далее хивинский хан продолжает: «Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в Кыпчакском юрте», куда переселил всю свою родню [158, с. 44]. Фактически эта же мысль имеется и у автора XVI века Утемиш-хаджи: «Он [Чингизхан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: “Пусть будет пастбищем для твоих коней”. Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага...» [383, с. 92].

Несмотря на предпринятые репрессии против аристократии племен Дешт-и-Кипчак, в целом основной массив тюркоязычных кочевников устоял, откочевав на север казахской степи и в лесостепные зоны Южного Урала и Западной Сибири. Это в дальнейшем привело к размыванию существовавших родоплеменных структур и формирова-

нию на их базе новой клановой системы, которая включала в себя как монгольские, так и тюркские коллективы. По всей видимости, перераспределение племен могло произойти как благодаря их перемещению по улусам Чингизидов, так и за счет вливания в их состав собственно монгольских кланов, которые представляли степную элиту и формировали новую идентичность в подчиненных им племенах и кланах.

Выделение Чингисханом земель Восточного Дешт-и-Кипчака в Улус Джучи произошло в 1225 году. Под улусом здесь подразумевается «объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, нойона, бахадура и др. ...это народ, кочевники, данные во владение. Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и стал служить названием удела и в целом государства» [124, с. 140, 149]. По мнению М. Г. Крамаровского, территорию этого улуса можно примерно локализовать на основе находок парадной утвари, изготовленной в локальном ремесленном центре, который формировался в одно время с юртом, к востоку от Ишима на Иртыше, в местах перекочевок ставки Джучи и его жен.

Карта монголо-татарских завоеваний XIII века и установление первых улусов

«География ремесленного центра косвенно подтверждается ареалом находок, ограниченным на востоке бассейном сургутского Приобья, а на западе Средним Уралом и Пермским краем» [184, с. 17, 19, 31]. Понятно, что реально к 1225 году к Монгольской империи были присоединены лишь земли Восточного Дешт-и-Кипчака между Иртышом и Уралом, к западу от которого были независимые земли Волжской Булгарии и союзных ей мадыарских и башкирских племен.

После смерти Джучи в 1227 году его улус (юрт, владение), который частично включал Южный Урал и Зауралье, унаследовали его сыновья. Скорее всего, это могло произойти по прямому указанию самого Чингисхана, что в отношении Бату подтверждается данными Джузджани [101, с. 251]. Утемиш-хаджи, опираясь на степные легенды, так рассказывал об этом событии: «Когда они прибыли на службу к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Бату-хана; синюю юрту с серебряным порогом поставил для Орды-Ичена; серую юрту со стальным порогом поставил для Шибана. Далее от-

мечается, что Шибаниды до сих пор указывают на то, что для Тука-Тимура не поставили даже крытой телеги» [383, с. 93]. Несмотря на легендарность самого распределения юрт и связанных с ними владений, большинство авторов согласны с тем, что назначение Бату наместником удела своего отца на крайнем западе монгольских владений должно было произойти в последние месяцы правления Чингисхана, то есть поздней весной — летом 1227 года. Вопрос о том, как именно были распределены между многочисленными сыновьями земли Джучи, до сих пор не решен в исторической науке, поскольку соответствующее деление не нашло отражения в источниках. При этом два старших брата признавались в качестве владельцев независимых улусов в «Юань Ши», где указывается выделение им Угедеем в 1237 году доли Джучидов в провинции Шаньси [176, с. 174, прим. 15].

В 1229 году уже по приказу нового великого хана Угедая монгольский корпус Субедея и Кокошая начал действовать на территории к северу от Каспия против кыпчаков и булгар, которые были разбиты в битве на Яике. Дальнейшие войны с Цзинь при-

Поясной набор знатного монгола начала XIII века из Прииртышья

Монгольская чаша начала XIII века из Прииртышья

Монгольские лучники. Миниатюра из сборника летописей Рашид ад-Дина

Бату. Миниатюра XIII века

остановили активную политику в Деште, которая возобновилась после курултая 1235 года. По его решению и приказу каана Угедая во владениях Джучидов начинают собирать воинский контингент, который с 1236 по 1242 год будет участвовать в Западном походе монголов. Скорее всего, к этому времени племена Восточного Дешта и связанные с ними лесостепные группы Юго-Западной Сибири были полностью подчинены. По мнению М. Г. Крамаровского, именно «всадники сибирских корпусов Бату» были основой «костяка европейского похода 1237–1242 гг.» [184, с. 32].

После возвращения из Западного похода в степи и укрепления власти Бату в Поволжье было принято решение о распределении значительно увеличившихся земель бывшего Улуса Джучи между его сыновьями. Обратим внимание, что термин «улус» в тюркской и монгольской традиции использовался для одновременного обозначения как народа, так и государства. Для степных лидеров люди и территория, где эти люди кочевали, были неразделимы.

Великий хан Угедэй. Миниатюра из сборника летописей Рашид ад-Дина

Монгольские всадники XIII века. Реконструкции. 1 — военачальник;

2 — копейщик тяжелой конницы. Автор реконструкций 1, 2 И. Дзысь

Несмотря на сложившуюся традицию использовать слово «улус» применительно к внутреннему делению Монгольской империи и Золотой Орды, необходимо понимать, что вплоть до решений Таласского курултая весной 1269 года следует говорить о Монгольской империи как коллективном владении Чингизидов. После этого курултая термин «улус» использовался для обозначения пяти формально независимых государств, названных по именам сыновей Чингисхана (Джучи, Чагатай, Угедей, Толуй), а также его внука Хулагу. Внутри Улуса Джучи (Золотой Орды) отдельные представители правящего рода, скорее всего, владели юртами, к которым были привязаны маршруты кочевков ставки и связанные с этим династом племена и роды [388, с. 44, 111]. В источниках, например, у Рашид ад-Дина, в качестве отдельных частей Золотой Орды выделяются только улусы двух старших сыновей — Орды и Бату, которые «являются независимыми государями» [324, с. 66]. Применительно к владениям (юрту) Шибана и его потомков данное понятие («улус») в источниках не использовалось и является историографической условностью.

Как правило, выделения юртов в общем Улусе Чингизидов (Монгольской империи) должны

были быть устно согласованы во время ежегодных курултаев с Великим ханом (кааном). Однако конфликты после смерти Угедея 11 декабря 1241 года, невозможность собрать всех Чингизидов на курултай и затянувшееся с 1242 по 1246 год регентство жены умершего хана Туракины-хатун могли привести к принятию могущественным наместником Улуса Джучи Бату сепаратного решения по этому вопросу, которое позднее было утверждено новым ханом Гуюком. В результате были выделены юрты всем живым сыновьям Джучи, которые были распределены на правую (Бату) и левую (Орда) «руки». При этом общее название, которое позднее стало одним из имен государства, в форме «Улус Джучи» фиксируется, например, у придворного историка Шахруха Тимурида Шереф ад-Дина Йезди, создавшего «Книгу побед» в 1419–1425 годах [101, с. 334]. Выделение отдельных кочевий Джучидов, среди которых был и «улус» Шибана, произошло не ранее конца 1242 или начала 1243 года, после возвращения из Западного похода и окончательного подчинения местного населения. Данные кочевья, как и в целом Улус Джучи, оставались частью Монгольской империи, а местные правители не имели титула хана вплоть до внука Бату Менгу-Тимура (1266–1282). Ханам до событий Великой Замятни были только Батуиды и их родственники из потомков Орды-Ичена [374, с. 86– 87]. Иные Джучиды,

владевшие отдельными юртами на территории этого улуса, не могли быть ханами вплоть до событий Великой Замятни, хотя эти титулы и приписываются им в поздних источниках.

Наиболее полное описание владений Шибана было сделано еще в середине XVII века его потомком ханом Абулгази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Каракуме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуйсу и Сари-су». Кроме того, Шибану была отдана область Корел, для управления которой он отправил своего сына и «хороших беков и людей» [1, с. 104].

Монгольский воин XIII века. Реконструкция

подтверждение сырдарьинским владениям Шибана можно найти в рассказе Плано Карпини о подчинении этому оглану городов Янгикент, Барчкенд, Ургенч [294, с. 74–75; 341, с. 33]. В целом такая картина вполне возможна, поскольку монгольские правители для ликвидации внутреннего сепаратизма стремились обеспечить мозаичное расположение владений кююнов или огланов (принцев) одного рода. Сама система распределения юртов хорошо вписывалась и копировала общеимперскую, где Джучи и его потомки формально до 1368 года владели землям в Китае [404, с. 94]. Она отражала принцип

Шибан — по сведениям источников, в частности Рашид ад-Дина и Джувейни, — пятый или четвертый сын Джучи. Мать его в разных переводах Муизз ал-ансаб звали Несер или Канбар. Она, скорее всего, являлась христианкой несторианского толка, популярного среди различных кочевых племен, а имя ее сына, согласно этимологии Поля Пеллио, могло быть тюркской деформацией имени «Степан». Предположительно он родился между 1210 и 1214 годами. Во многих письменных источниках Шибан при перечислении Джучидов указывается на третьем месте после старших братьев Орды и Бату, что, скорее всего, говорит именно о его статусе. Атальком, то есть воспитателем этого Чингизида был кыяат Бор Алтай (Бурулдай-батыр в русских источниках), который сопровождал его в Западном походе. Впервые, если не считать легенды о распределении юрт между потомками Джучи в рассказе Утемиша-хаджи, Шибан упоминается в связи с участием вместе с другими братьями в курултае 1229 года, когда был утвержден в качестве великого хана Угэдей. Согласно Абулгази, в 1231–1234 годах он воевал в Китае, сопровождая каана в походе на Цзинь. Когда

начался Западный поход, Шибан был среди ведущих полководцев. В 1236 году он командовал правым крылом монгольской армии, которая осенью этого года выступила в поход против Волжской Булгарии и союзных им башкирдов (мадьяр). На этой же территории он будет находиться и в 1237 году, а в марте 1238 года примет участие в разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича на реке Сить. Осенью того же года вместе с Бучеком, Бури и Бурулдаем он выступит в поход на Крым, где проявит свои таланты при взятии хорошо укрепленных крепостей Кырк-Йер и Судак. Весной 1240 года он мог участвовать в походе на Дербент на Северном Кавказе. Особенно значительной была его роль в войне против Венгерского королевства. Во время вторжения в него он был одним из руководителей авангарда, а затем вместе с Бату и Субудеем возглавлял центральный корпус, который в марте 1240 года сломил оборону Верешского прохода в Венгрии. Во время преследования его защитников авангард монгольского войска во главе с Шибаном появился под Пештом. В последовавшей после подхода основных сил битве 11 апреля 1241 года на реке Шайо его тумены

родового владения империей и одновременно некоторое время не давала отдельным династам концентрировать свои силы.

Установить точные границы владений Шибана и Шибанидов в условиях степной зоны практически невозможно. Вероятно, они могли варьироваться в зависимости от ситуации в самой Золотой Орде и иногда доходить до среднего Прииртышья. Однако в большинстве случаев представители этой семьи, опиравшиеся на кочевые группы, все-таки были привязаны к степным регионам Северного, Центрального и Западного Казахстана, Южного

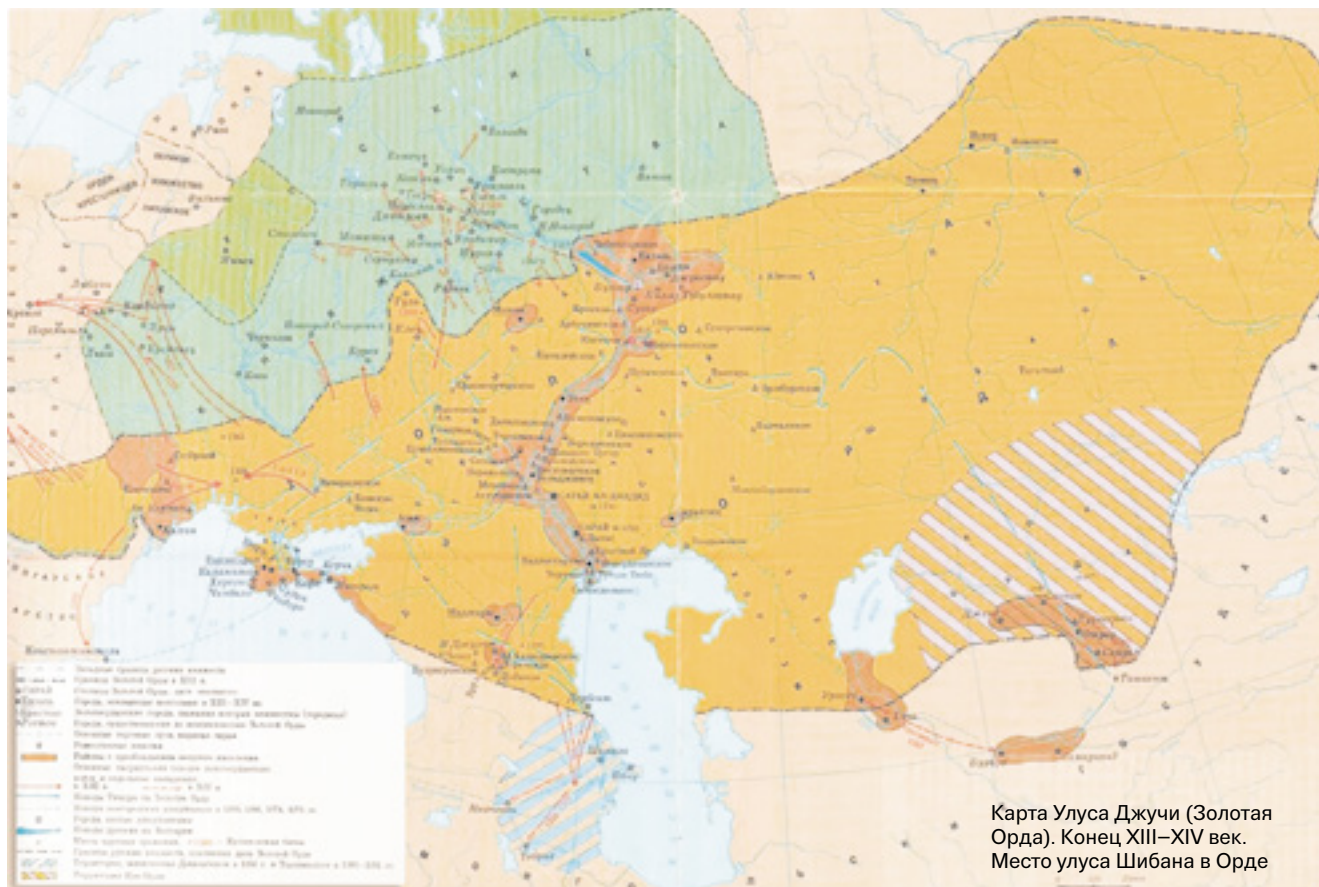
вместе с отрядами Бурулдая переломили ход битвы и первыми напали на ставку венгерского короля Бела IV.

После окончания похода он, видимо, участвовал в окончательном подчинении приуральских и зауральских угорских и тюркских племен, тем более что они располагались к северу от его владений, полученных в 1242–1243 годах. Ранней осенью 1246 года он должен был вместе с другими Джучидами присутствовать на курултае, на котором возглашен сын Угэдея Гуюк. Последний раз он упоминается в 1248 году, когда был отправлен по приказу Бату к Гуюку в преддверии возможного военного конфликта между этими

Чингизидами. Причем, по информации Гильома де Рубрука, во время пира Гуюк и Шибан убили друг друга (скорее всего, отравили), что позволило избежать открытого конфликта [164, с. 44–56; 176, с. 175–179; 177, с. 211–214]. Шибан стал основателем большого клана из 12 сыновей и их потомков, получившего в литературе название «Шибаниды». Из его разных семей во второй половине XIV века будут происходить ханы Золотой Орды, а в XV–XVI веках выйдут правители Тюменского и Сибирского, Бухарского и Ургенчского ханств; отдельные представители этих династий будут также претендовать на престолы Казани, Касимова и считаться «ногайскими царями».

Битва при Шайо.
Миниатюра XIII века

Карта Улуса Джучи (Золотая Орда). Конец XIII—XIV век.
Место улуса Шибана в Орде

Урала и Южного Зауралья и, возможно, в меньшей степени — к лесостепи юга Западной Сибири. То, насколько далеко к востоку или к северу контролировали сибирские территории собственно Шибаниды, по всей видимости, нам точно не известно. В. П. Костюков указывает, что «степные и лесостепные пространства Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной, в которой можно было укрыться в случае неудачи и накопить силы для продолжения борьбы» [177, с. 215–217].

Бату не просто обозначил, исходя из текста Абулгази, точные места летних и зимних кочевий, но и указал: «...юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего, Ичена» [1, с. 104]. Это могло быть связано с грядущим противостоянием Бату и Гуюка, потенциальным союзником которого был Орда [176, с. 177]. Кроме того, Шибан, а затем его потомки должны были обеспечивать функционирование проходившей через их владения части общемонгольского ямского пути, для чего население испол-

няло ямскую повинность [164, с. 215]. Рискну предположить, что расположение этого улуса позволяло также династам контролировать сбор пушного ясака на юге Западной Сибири, по крайней мере, вплоть до административной реформы Узбека, когда там появились отдельные «судьи» [10, с. 91]. При этом еще В. В. Бартольд отмечал, что кочевники владений Шибанидов были менее всего затронуты городской культурой и сохранили воинственные традиции [25, с. 135]. Возможно, владения Шибана были и своеобразным буфером между уделами двух старших братьев — Орды и Бату.

Владение кочевьями для степных лидеров было бессмысленно без управления соответствующими коллективами номадов. По данным Махмуда бен Вали и Абулгази, основу Улуса Шибана составляли четыре племени (кушчи, найман, карлык и буйрак), переданные ему в награду за проявленную доблесть во время Западного похода 1236–1242 годов [1, с. 104; 19, с. 163]. Большинство их были центральноазиатского происхождения [177, с. 218].

В последнее время при анализе изначального состава Улуса Шибана активно используются данные «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»: «Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Бурулдай-бек, затем предок (букв. “дед”) Али-бека из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей».

Таким образом, на протяжении золотоордынской эпохи в степях и лесостепях Юго-Западной Сибири в результате процессов тюркизации на основе всех этих племен формировались западносибирские и зауральские тюркские группы, которые были предками так называемых «зауральских башкир» и некоторых групп сибирских татар.

Шибаниды, или Шейбаниды. В исследовательской литературе за потомками Шибана закрепилось два разных названия — «Шибаниды» и «Шейбаниды». Исходя из написания имени в ранних источниках, резонно всех его потомков именовать Шибанидами (Сыбанидами). Альтернативное название — «Шейбаниды» — может быть связано лишь с деятельностью представителя этого рода Мухаммада Шейбани-хана, завоевателя Тимуридского государства в 1490–1500 годах. Однако, как это уже неоднократно отмечалось в литературе, его потомки никогда не правили на завоеванных территориях [164, с. 44; 265]. Большинство же ханов XV–XVI веков в Тюмени и Сибири, Бухаре и Хиве были из числа потомков Минг-Тимура по линии Хаджи-Мухаммада, Абул-Хайра и Едигера. На данный момент, несмотря на долгую историографическую традицию, нет резона разделять эти династии, а всех ханов необходимо именовать именно Шибанидами,

что соответствует и традиции источников, где их часто именовали «Шибанскими», а связанных с ними татар — «шибанцами (шибановцами, шибанитами)». Наименование «Шейбаниды» явно модернизирует ситуацию, апеллируя к поздней мусульманской традиции, в рамках которой существовала нисба «Шейбани» как часть арабо-мусульманского имени известного факиха ханифитского толка, созвучного имени основателя династии, или сближая с названием арабского племени Shaiban [164, с. 47, прим. 14]. Так называемые «сибирские Шибаниды», или «тюменские Шибаниды» являются историографическим конструктом, само это сочетание в источниках не встречается. Оно отражает стремление авторов выделить ту линию династии, которая правила на территории Западной Сибири, что призвано обеспечить удобство исследований региональной политической истории.

Хан Хулагу и царица Докуз. Миниатюра из труда персидского историка Рашид ад-Дина «История мира». XIV век

Менгу-Тимур

Портрет Мухаммеда Шейбани. Узбекский хан в Герате. Художник Кемаль ад-Дин Бехзад

Хулагу и его сын со своей армией. Миниатюра из «Джамиат-таварих» Рашид ад-Дина. XIV век

Штурм Багдада

Воины улуса Джучи. Середина XIII века. Реконструкция

Осада монголами Багдада в 1221 году. «Джамиат-таварих» Рашид ад-Дина

Источники позволяют восстановить последовательность передачи Улуса Шибана его потомкам, а также в некоторых случаях связать эти события с политической обстановкой и изменениями границ владений. Однако всю эту информацию

чрезвычайно сложно соотносить с хронологией. Известно, что после смерти Шибана его землями стал управлять второй из двенадцати или тринадцати его сыновей Бахадур [1, с. 104]. Он управлял ими при Бату, Берке и Менгу-Тимуре. В отношении

Хан Узбек.
Миниатюра
Лицевого лето-
писного свода

Золото-
ордынский
лучник
XIV века.
Реконструкция

владений Шибанидов некоторые изменения произошли в правление Берке, который вновь перебрал их на европейский театр военных действий [164, с. 77–78; 165, с. 87]. Однако уже при Менгу-Тимуре с активизацией угрозы с востока зауральские земли Улуса Шибана были восстановлены [164, с. 78; 376, с. 272]. Махмуд бен Вали пишет, что Бахадур-хан собрал родственников и близкие племена и «выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда» [232, с. 347]. Одновременно с этим по приказу золотоордынского хана в Крым из Прикаспия был перемещен сын Тука-Тимура Уран-Тимур [312, с. 39]. Исследователи предположили, что в это же время Шибаниды могли утратить и контроль над присырдарьинскими городами. Причем высказываются разные причины этого: увод кочевников из оседлых и городских центров по решению курултая на Таласе, передача этих земель потомкам Орда-Ичена [150, с. 197; 341, с. 33]. Хотя представляется, что этот вопрос недостаточно раскрыт в источниках и требует более подробной проработки.

После смерти Бахадура власть в улусе передавалась, как обычно, только его потомкам. По мнению Ю. Е. Варваровского, вплоть до 1360-х годов сарайские династии во всех случаях выносили формальный вердикт на утверждение правителей Улуса Шибана [54, с. 14]. На территории улуса последовательно правили потомки Бахадура: старший сын Джучи-Бука, его старший сын Бадагул-оглан, единственный сын последнего Минг-Тимур [217, с. 43–61; 232, с. 347–348].

Потомки братьев Бахадура чаще известны не по внутренней истории приуральских и казахстанских владений Шибана, а по своей деятельности на иных территориях. В 1254–1258 годах часть войск Улуса Джучи по приказу Бату приняла участие в походе Хулагу в Малую Азию. Со стороны Джучидов войсками командовали Балакан, четвертый сын Шибана, и Тутар, внук Бувала, седьмого сына Джучи. Войска прошли через Дербенд Кипчакский и участвовали во взятии Багдада, а Балакан даже руководил взятием неприступной крепости исмаилитов Аламута. Несмотря на эти заслуги Балакан был убит по приказу Хулагу [101, с. 420–421; 164, с. 61;]. Возможно, родичи Бахадура и Балакана

могли участвовать и в новых европейских походах, в частности в 1259–1260 годах, тем более что с 1245 года этим направлением руководил Бурулдай [164, с. 72–77].

О наследнике Бахадура Джучи-Буке Махмуд бен Вали пишет: «...ему было суждено вкусить некоторое количество плодов от древа жизни, так что после смерти Бахадур-оглана он стал главой племени (кабила) и присоединил к, богом хранимым, вилайетам много стран» [232, с. 347]. Еще при Берке он и его брат Кутлуг-Бука могли принять ислам [176, с. 187, прим. 64]. Скорее всего, начало правления Джучи-Буки следует связывать со временем правления Менгу-Тимура, в ходе похода которого в 1288 году на Ильханат в Азербайджан он командовал авангардом [19, с. 163], а также Токты. Руководство авангардом он осуществлял совместно с Бурулдаем и Тама-Токтаем ибн Балаканом, который позднее также руководил золотоордынским гарнизоном Дербенда [164, с. 80–88]. Постоянное присутствие на Кавказе воинских контингентов во главе с Шибанидами могло отражать как институты ордынской военной службы, так и защиту здесь собственных владений [341, с. 32]. Тама-Токтай на стороне сарайского хана Токты участвовал и в борьбе с Ногаем [349, с. 323]. В этой борьбе его вновь поддерживал Джучи-Бука [176, с. 188, прим. 69].

Активная поддержка Шибанидами ханов Золотой Орды также могла проявляться в периодических столкновениях с Ордуидами и Чагатаидами, с улусами которых непосредственно граничили владения потомков Шибана [164, с. 90–91]. Это привело к тому, что даже в период религиозной и административной реформ Узбека они, в отличие от огланов из других родов Джучидов, сумели сохранить свои владения. Утемиш-хаджи так описывает эти события: «Токтага-хан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга из омака уйгур. [А уйгур] был эль с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, и был он также аталыком хана. Шайтан попутал [его] — ведь был он черный человек — провозгласил себя он ханом». Пришедший к власти хан Узбек был недоволен позицией огланов в этом вопросе, «разгневавшись, проявил милость к Кыйату Исатаю и отдал [ему] в качестве кошуна всех своих огланов вместе с их родами и племенами», что вполне вписывалось в политику хана по централизации власти и установлению прямого управления территориями. При этом «он (Узбек), опять оказав нам (Шибанидам) почет и уважение, дал нам двусоставный эль, сказав: “[Они] — огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты”. Один из них — карлык, другой — буйрак. [Мы] взяли те два эля, [и он] предоставил нас самим себе в нашем

Хан Узбек.
Миниатюра
Лицевого лето-
писного свода

юрте, определенном [нам] Саин-ханом. Мы, когда [прочие огланы] укладывали камни [и] кирпичи в мавзолей того Джир-Кутлы и когда [они] стояли в кругу перед дверьми [юрты] его сына Тенгиз-Буги [и] преклоняли колена во время исполнения гимна в его честь, нас в тех делах не было» [383, с. 92]. Несомненно, это уменьшало силы потомков Шибана в сравнении с изначальным составом их улуса, а следовательно, устраняло их как возможных реальных претендентов на ханский престол, но, видимо, даже эта ситуация выгодно отличала Шибанидов от иных Джучидов. Объяснение такой «милости» может быть связано как с реальными заслугами Шибана перед Бату, о которых написано выше, так и с возможными связями Тама-Токтая с Исатаем (Иса-гургеном), который посадил Узбека на трон [176, с. 203–204, прим. 109].

Далее Махмуд бен Вали в своем сочинении отмечает следующее: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» [232, с. 348].

В. П. Костюков предполагает, что данную фразу можно считать свидетельством участия Бадагул-оглана в исламизации населения Улуса Джучи во время правления Узбек-хана [168, с. 453]. Возможно, в этих условиях в Улусе Шибана разгорелась смута, в результате которой оглан был убит.

После убийства Бадагула улусом управлял его сын Минг-Тимур, который в источниках указывается в качестве «хана». В «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали сообщается, что «когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута (взмахом) края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принял за управление важными делами людей. Благодаря помощи и счастливому содействию хана эпохи многие важные дела были им счастливо завершены, и он вступил на черту завоевания и овладения многими странами» [232, с. 348]. Возможно, он был назначен еще в правление Узбек-хана, но,

судя по собственному титулу, мог вполне дожить до начала Великой Замятни. В одном из источников отдельно указывается, что женой этого Шибанида была дочь Джаниди-бека, потомка Исмаила Самани [232, с. 34].

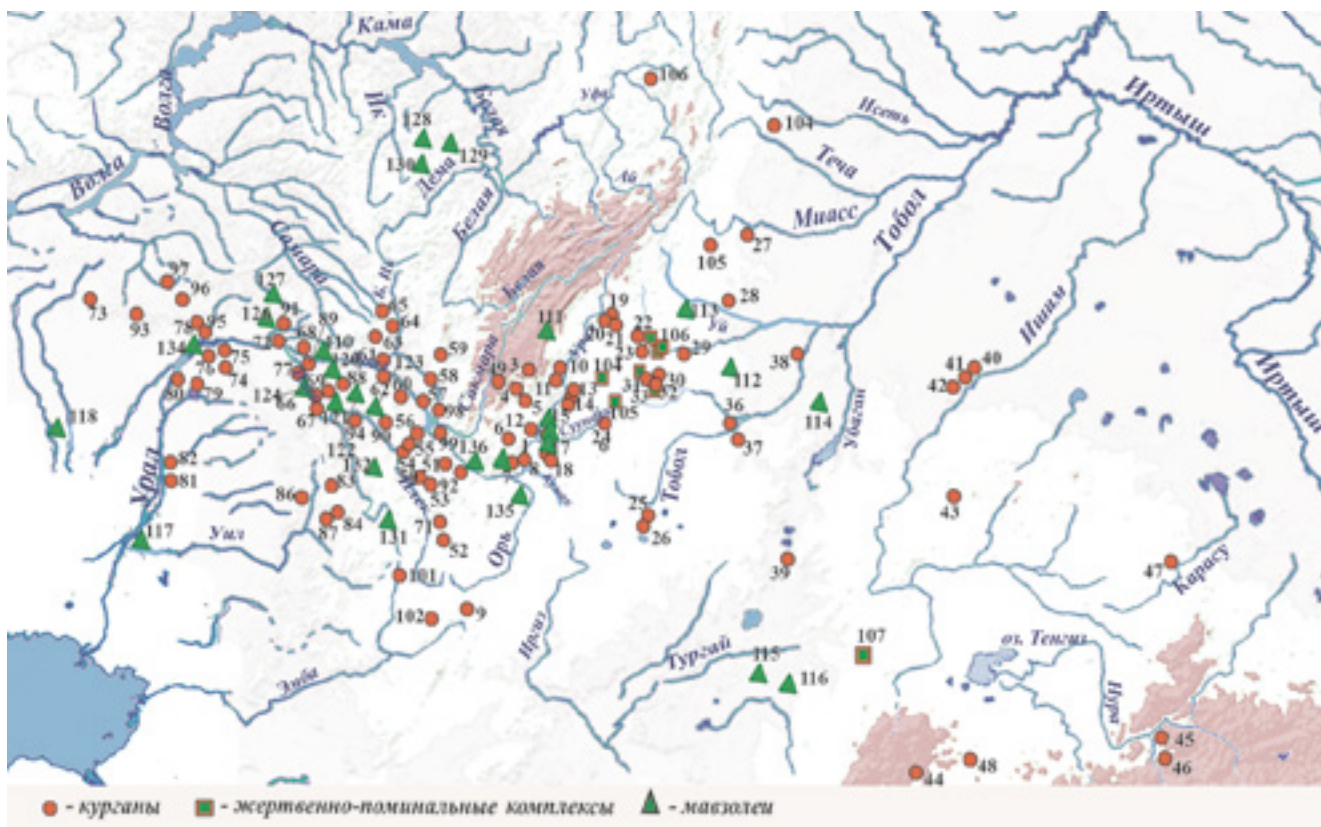
У Минг-Тимур-хана было шесть детей. Наследником считался третий сын Пулад, о котором в источнике говорится, что «он после кончины своего великого родителя поставил ногу на трон владычества и занялся разрешением важных дел рода человеческого» [232, с. 348]. Затем «Аба-оглан, имя которого было Ибрахим, после смерти своего отца, Пулада, поднял знамя религии и государства» [232, с. 348]. По данным Абулгази, наследники Пулада Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах «разделили отцовы владения, вместе в одной земле и кочевали, и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму — при устье Сыра» [1, с. 105]. Обратим внимание на то, что, согласно данному источнику, Шибаниды сохраняли зимовки в устье Сырдарьи, то есть в ее низовьях, которые были выделены еще при Бату. Это ставит вопрос о реалиях обсуждаемой в историографии проблемы передачи зимовок потомкам Орды-Ичена. Маршруты их кочевок с очевидностью относятся к периоду Великой Замятни, участником которой был в 1377–1380 годах Араб-шах. Резонно предположить, что к этому могла подтолкнуть активизация в присырдарьинском регионе деятельности Тамерлана и Тука-Тимурида Урус-хана.

Погребальная обрядность и этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды

В современной историографии существует достаточно сложная и пестрая картина этнокультурной истории Южного Урала XIII–XIV веков, а исследователи, имея на руках характеристики одних и тех же памятников, дают им порой диаметрально про-

тивоположную оценку. И поэтому реконструкция этнокультурных процессов по-прежнему остается одной из актуальных проблем региональной археологии.

Многолетние археологические исследования на территории Южного Урала позволили выявить различные памятники, датированные XIII–XIV вв.: курганные и грунтовые могильники, поселенческие памятники, мавзолеи, эпитафии и т. д. Все они

Карта памятников кочевников Золотой Орды и улуса Шибана XIII–XV вв. (по А. А. Шибанбаеву, С. Г. Боталову, В. П. Костюкову, И. В. Матюшко, Г. Н. Гарустовичу):

3 – Юлдыбаевский; 4 – Ивановские IV; 5 – Баигускаровский II; 6 – Хабарный I; 7 – Худай-Берген III; 8 – Худай-Берген IV; 9 – Родники; 10 – Березовский; 11 – Ураз-Бике; 12 – Колпаковские I; 13 – Большевик II; 14 – Большевик III; 15 – Покровский IV; 18 – Орский; 19 – Агаповский I; 20 – Агаповский II; 21 – Агаповские горы; 22 – Система 1; 23 – Система 5; 24 – Урус-Кискен; 25 – Озерские I; 26 – Озерские III; 27 – Федоровский;

28 – Белоключевка 6; 30 – Каменный Амбар 3; 31 – Каменный Амбар 14; 32 – Сарбулат 2; 33 – Кайнсай; 36 – Халвай; 37 – Кеныш 3; 38 – Надеждинка; 39 – Большой Аксуат; 40 – Петровка; 41 – Кенес; 42 – Берлик; 43 – Якши-Янгистау; 44 – Домбаул; 45 – Жартас; 46 – Кула-Айгыр; 47 – Тасмола IV; 49 – у пос. Комсомол; 51 – у пос. Урал; 52 – Шпаки II; 53 – Каратургайская; 54 – Карагац; 55 – Урта-Бурта; 56 – Жанаталып I, II; 57 – Тлягуловский; 58 – Андреевский; 59 – Башкир-Беркутовский; 60 – Каменноозерный; 61 – Башкирское стойло; 62 – Нежинский; 63 – Имангулово II; 64 – Октябрьские II; 65 – Аккулаевский; 66 – Линевка;

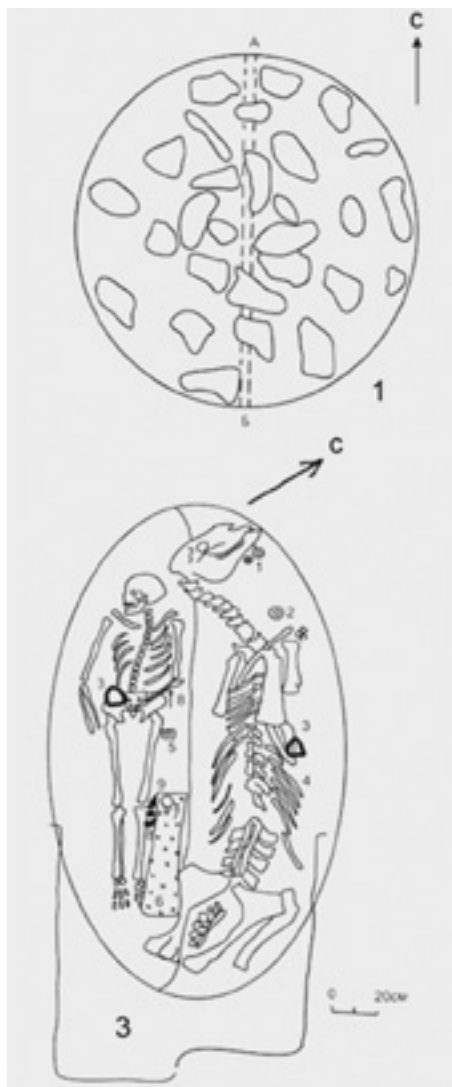
67 – Пчельник; 68 – Россыпная; 69 – Лиман; 71 – Жаксы-Каргала; 72 – Красный Яр (у с. Студеное); 74 – Жаман-Каргала; 75 – у пос. Федоровка; 76 – Барбастау; 77 – Яман; 78 – Мамбетбай; 79 – Зеленый; 81 – Челкар IV, V; 82 – Караултобе; 83 – Мамбеталы; 84 – Лебедевка II; 86 – Лебедевка VI; 92 – Салтак; 93 – Бубенцы II; 94 – Акбулак; 95 – Рубежка; 96 – Липовка (Шиханы); 97 – Бугурусланские; 98 – Воздвиженка; 99 – Чулпанские; 101 – Уркач I; 102 – Новая База I, II; 104 – Александровский; 105 – Солончанка; 106 – Анненское 12;

107 – Ашитасы; 109 – Новочеркасский; 110 – Рычковка; 111 – Мавзолей; 112 – Кесене (Варненский); 113 – Троицкий (на р. Увельке); 114 – Атчергат; 115 – Домолакер; 116 – Мазолей у метеостанции; 117 – Базар-тобе; 118 – Мокринский; 120 – Чкаловский; 121 – Мертвецовский I, II; 122 – Кривое Озеро; 123 – Тимашев колок; 124 – Изобильный; 126 – Мустаево; 127 – Свердловский (Тептарги) (по С. А. Попову); 128 – Мавзолей Хусейн бека; 129 – Мавзолей Тура-хана; 130 – Малый Кэшэнэ; 131 – Жатыз-Агаш, курганы 1, 2 (по А. Аниховскому); 132 – Целинный; 134 – Алебастрово II; 135 – Новотроицкий; 136 – Большое Озеро;

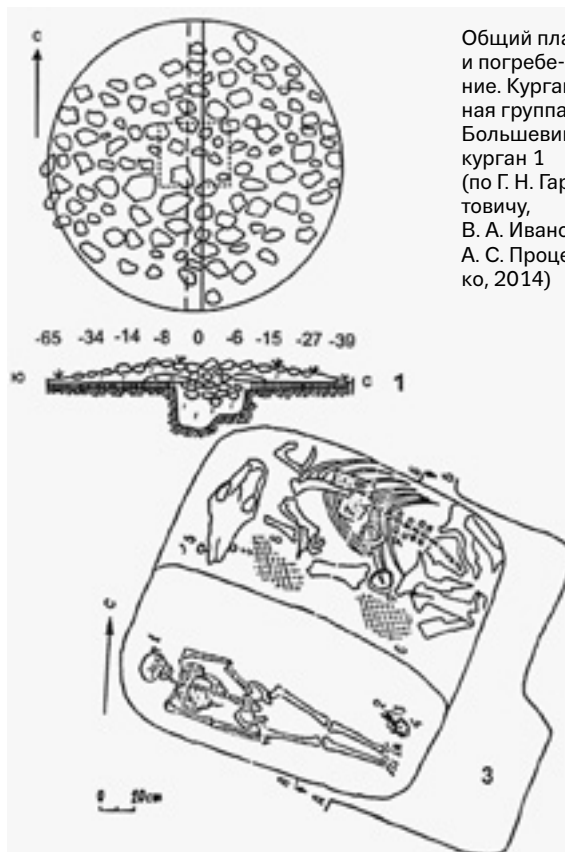
различаются как по степени изученности, так и по весу в общей массе известных памятников, по информационным возможностям и географической локализации. Система хронологической привязки золотоордынских комплексов в отечественной науке прошла уже столь длительный путь (с 1966 года) и выработала достаточно четкие критерии оценки, что не нуждается в дополнительной аргументации.

Общая характеристика погребального обряда большинства известных памятников нашла отражение в ряде статей и монографий. Еще в середине 1960-х годов Г. А. Федорову-Давыдову удалось проследить ряд типологических особенностей, выделяющих приуральские памятники из общей массы синхронных памятников степной Евразии: северную ориентировку погребенных, размещение захоронений в подбойной могиле, каменные или сырцовые кладки над могилой. Позднее, Н. А. Мажитов исследованные им курганы «башкир-беркутовской группы» охарактеризовал как состоящие «из небольших земляных насыпей и, как правило, глубоких могил с заплечиками вдоль длинных стенок и захоронений в колодах или двойных ящиках».

Оценке особенностей степных памятников XIII–XIV вв. было уделено достаточно места в работах Н. А. Мажитова, В. А. Иванова, В. А. Кригера, А. А. Бисембаева. Однако, наиболее классическим обобщением всех известных к середине 1980-х годов данных (работы Г. А. Федорова-Давыдова) явилась совместная книга В. А. Иванова и В. А. Кригера, где даны хронология и этнокультурная интерпретация 207 погребений XII–XIV вв. на территории Южного Приуралья. Основным итогом их работы мы до сих пор признаем реально существующее разделение памятников южноуральских степей на две локально-типологические группы — западную и восточную (земляные и каменные курганы), — что подтверждается и последними работами, содержащими разделы, посвященные анализу погребального обряда кочевников Южного Урала XIII–XIV вв. Фактически одновременно вышли в свет исследования А. Ф. Яминова и В. П. Костюкова, в которых произведен анализ до 300 погребальных комплексов XIII–XIV вв. из урало-казахстанских степей. Применяя примерно одинаковые методы статистико-комбинаторного

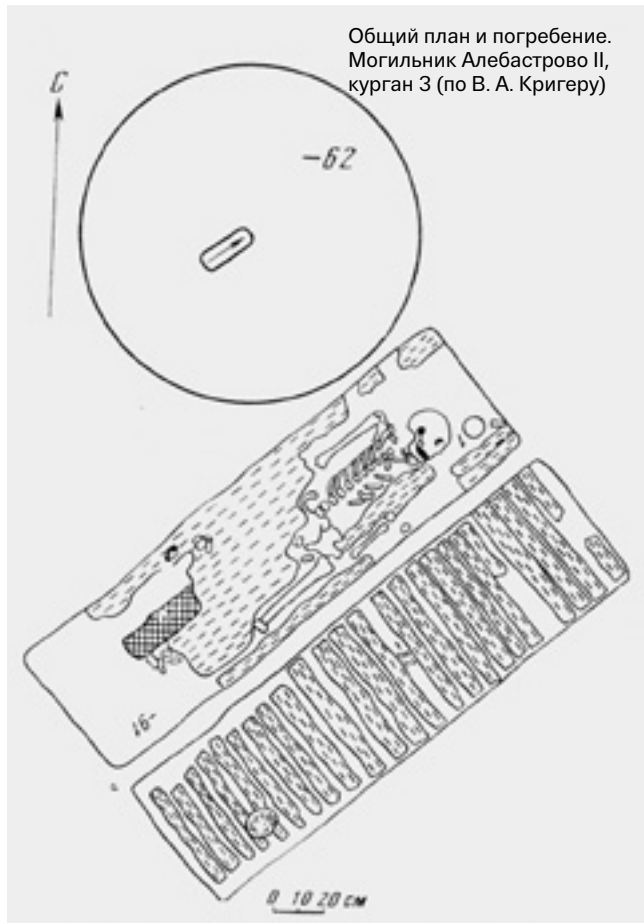

Общий план и погребение. Курганная группа Большевик-III, курган 1 (по Г. Н. Гарустовичу, В. А. Иванову, А. С. Проценко, 2014)

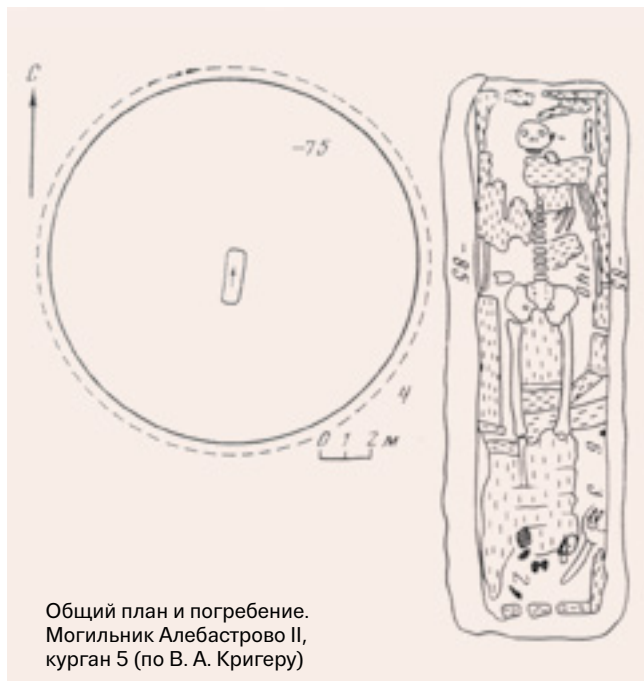

Общий план и погребение. Курганная группа Большевик-II, курган 1 (по Г. Н. Гарустовичу, В. А. Иванову, А. С. Проценко, 2014)

анализа с цифровыми итоговыми данными, авторы пришли к сравнительно близким результатам. Однако интерпретация их была различной.

Общий план и погребение.
Могильник Алебастрово II,
курган 3 (по В. А. Кригеру)

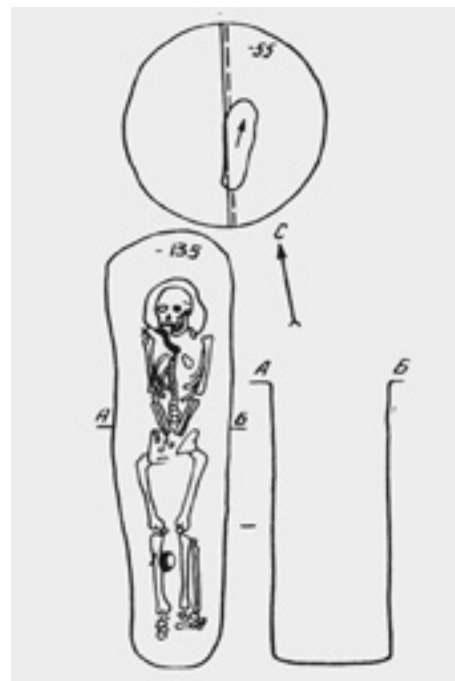
Общий план и погребение.
Могильник Алебастрово II,
курган 5 (по В. А. Кригеру)

Так, А. Ф. Яминов на начальном этапе сравнительно-типологического анализа произвел распределение всего материала на две группы — простые земляные насыпи и, сооруженные с применением камня. Погребения, совершенные под земляными курганами (в общей сложности 114 курганов, содержащих 118 погребений), характеризуются следующими признаками:

1. Около 3,5 % курганов содержат следы ритуальных костров, 9,7 % — кости животных, 2,6 % — ровик у основания, 1,8 % — деревянные конструкции в насыпи.

2. Абсолютное большинство курганов (96,5 %) содержат по одному захоронению, остальные — по два, 7,8 % рассматриваемых погребений — впускные погребения в более ранние насыпи.

3. Преобладающая форма могил — простая прямоугольная яма (56,4 %), намного меньше ям с уступами вдоль длинных стенок (10,2 %), со ступенькой слева от погребенного (5,1 %), узкими уступами вдоль всех четырех стенок (3,4 %), с подбоем без уступа (2,6 %) и с подбоем и ступенькой у входа в подбой (2,6 %); лишь в двух случаях (1,7 %) могильная яма имела сужающиеся ко дну стенки. Досками или деревянными плахами были перекрыты 46,2 % погребений, из них 33,3 % имели перекрытия на засыпи могилы, 9,4 % — на уступах-заплечиках,

Общий
план, разрез
и погребение.
Могильник
Лебедевка VII,
курган 3 (по
В. А. Кригеру)

0,9 % — на одной ступеньке, подбой перекрыт был в 2,6 % погребений. В 9,4 % погребений зафиксированы угли и зола в могиле, в 9,4 % — кости животных.

4. Захоронения коня сопровождали 7,8 % погребений, в 2,6 % могильных ям находился целый остов слева от погребенного, в 1,7 % — остов на ступеньке, в 1,7 % — череп и кости ног на деревянном перекрытии, а в одном случае (0,9 %) — череп и кости ног слева от человека. В 14 погребениях (11,1 %) присутствовала только конская сбруя.

5. Преобладает западная ориентировка погребенных (53,8 %) с отклонением к югу (17 %) или к северу (7,7 %); встречается и северо-восточная ориентировка (9,4 %). Ряд погребенных были ориентированы на север (4,2 %), восток (1,7 %), юг (0,9 %). Преобладающая поза — вытянуто на спине (89,7 %), руки вытянуты вдоль туловища (40,2 %). Но довольно часто руки согнуты в локтях, а кисти рук покоятся на тазовых костях (23,8 %). В 15 случаях череп лежал на правом виске (12,8 %).

6. Остатки гробовищ зафиксированы в 22,1 % погребений, преобладают дощатые гробы или ящики (12,8 %), остальные — колоды (9,5 %), рамы из досок (1,7 %). Довольно часто встречаются подстилки из коры или луба (10,2 %). Практически 11,2 % погребений содержали остатки заупокойной пищи (кости овцы или крупного рогатого скота). При этом в большинстве случаев кости животных

располагались у головы человека (7,7 %). В девяти погребениях (7,7 %) у ног погребенного найдены глиняные сосуды.

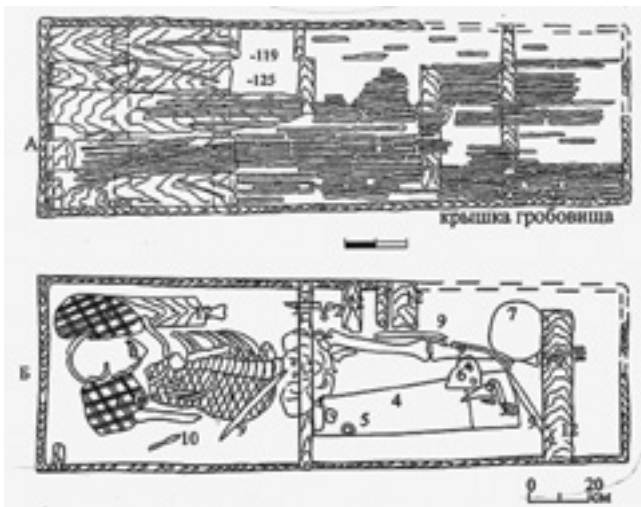
7. Почти 34,2 % погребений являются безынвентарными, в остальных погребениях присутствовал различный инвентарь.

Погребальный обряд в курганах с каменными конструкциями (160 курганов, содержащих 168 погребений) характеризуется следующими признаками:

1. Преобладают каменные выкладки различных форм, сооруженные над могилой на уровне древней поверхности (53,3 %), намного меньше насыпей с каменной наброской над могилой (20,6 %), насыпей, состоящих из земли вперемешку с крупными камнями (18 %), с каменной обкладкой в виде «панциря» (16,8 %), с каменным кольцом в насыпи (11,8 %). Еще реже встречаются сооружения в виде оградок или выкладок из камня (5 %), сырцового или жженого кирпича (5,6 % и 2,5 % соответственно). Насыпи, состоящие только из камня, встречены в десяти случаях (6,2 %). Нередко в насыпи курганов встречаются кости животных (6,8 %).

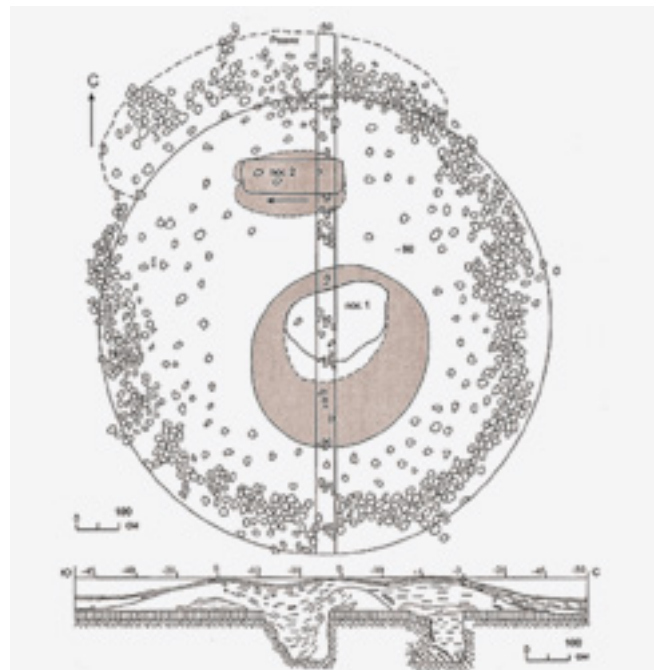
2. Практически все погребальные конструкции (95 %) содержат по одному погребению, остальные (5 %) — по два одновременных захоронения.

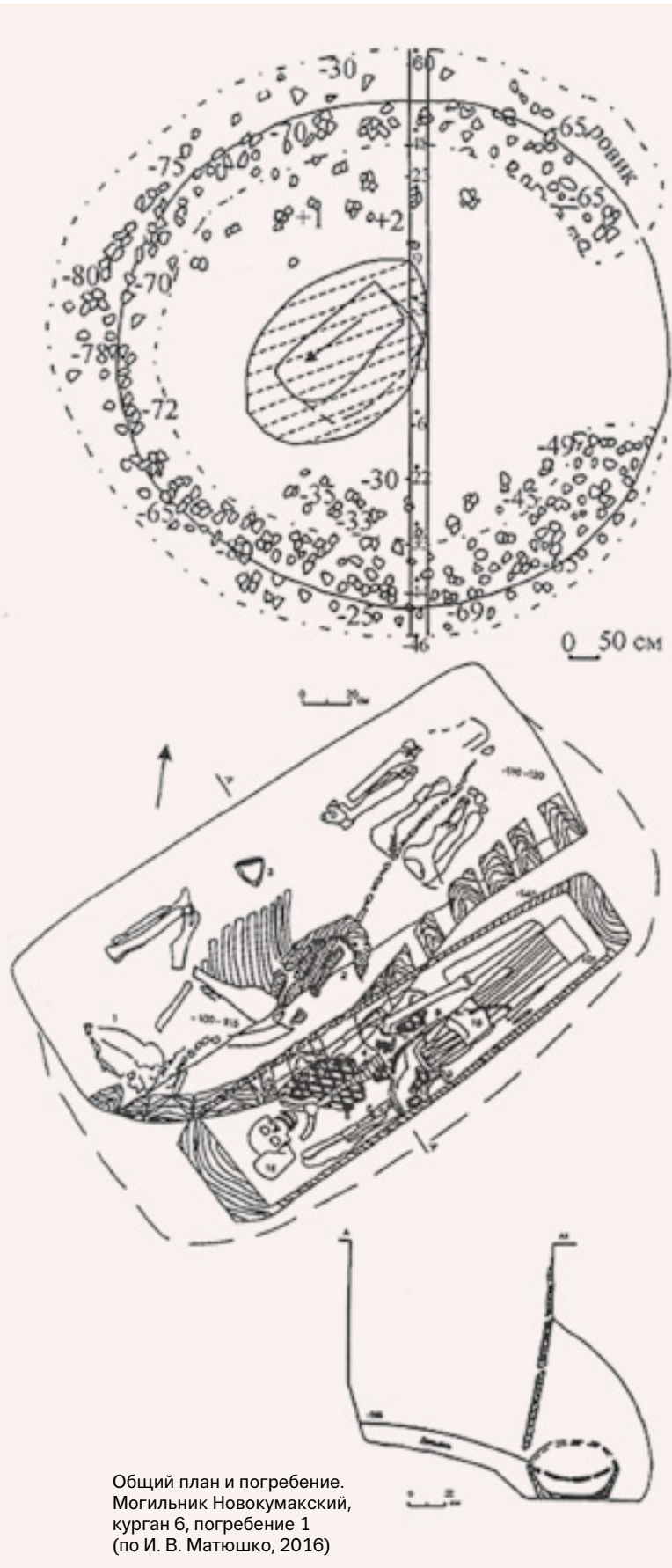
3. Абсолютно преобладают могильные ямы простой прямоугольной формы (65,5 %), затем по частоте встречаемости следуют ямы со ступенькой

Общий план и погребение. Могильник Новокумакский, курган 8, погребение 2 (по И. В. Матюшко, 2016)

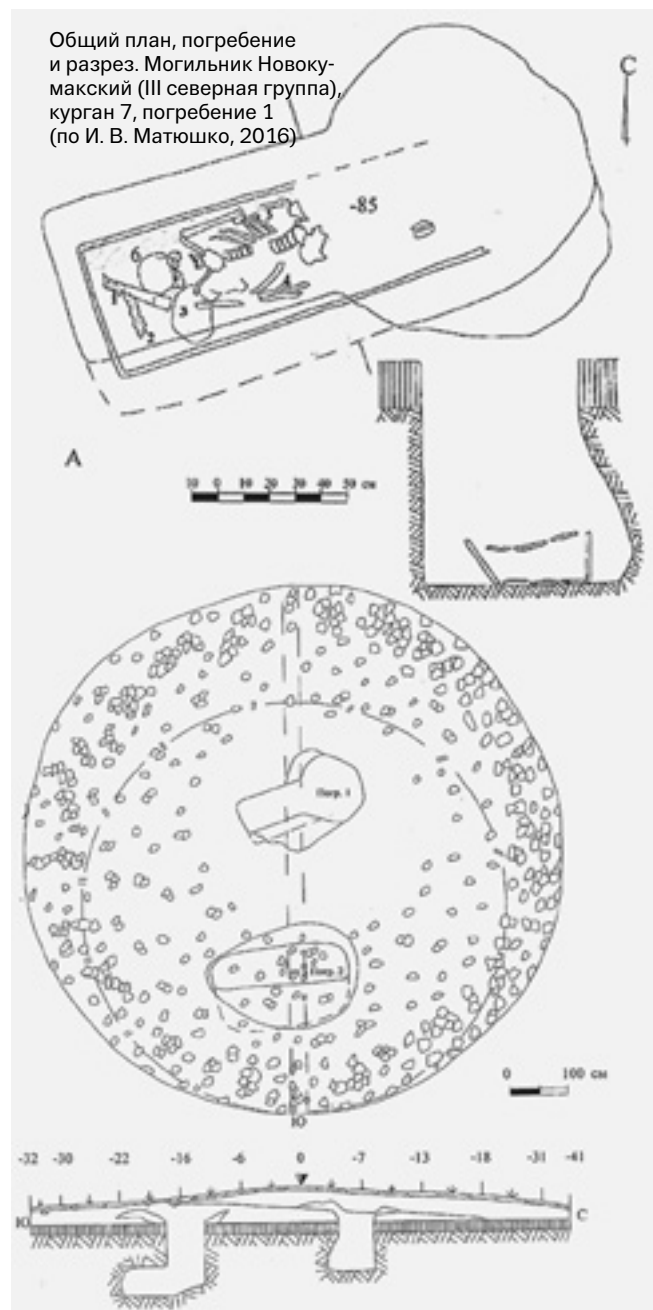
Общий план и погребение. Могильник Новокумакский, курган 8 (по И. В. Матюшко, 2016)

Общий план и погребение.
Могильник Новокумакский,
курган 6, погребение 1
(по И. В. Матюшко, 2016)

слева от человека (9,5 %), могилы с подбоем и ступенькой у входа в подбой (5,9 %). Реже встречаются могильные ямы с подбоем без уступа (2,9 %), со ступеньками вдоль длинных стенок (2,9 %) или же вдоль четырех стенок (2,4 %). В трех случаях отмечены могилы со ступенькой справа от погребенного (1,8 %), в двух (1,2 %) — с суживающимися к дну стенками. Около 28 % захоронений имеют перекрытия на засыпи могилы, 2,9 % — на одной ступеньке, в трех погребениях (1,8 %) перекрытие опиралось на заплечики, в двух случаях (1,2 %) был перекрыт

Общий план, погребение
и разрез. Могильник Новокумакский (III северная группа),
курган 7, погребение 1
(по И. В. Матюшко, 2016)

подбой. В 25 погребениях (14,9 %) найдены остатки заупокойной пищи в виде костей животных, в шести (3,6 %) — угли и зола в могильной яме.

4. Захоронения коня сопровождают 17,2 % всех погребений. Наиболее часто встречаются остова коня слева от человека (6,5 %), остова коня на ступеньке (6,5 %). В единичных случаях череп и кости ног коня обнаружены слева от человека (0,6 %), на деревянном перекрытии (0,6 %), остова коня — справа от погребенного (0,6 %). Довольно часто (8,3 %) в погребениях нет захоронений коня, но присутствует сбруя.

5. Преобладает западная ориентировка погребенных (35,7 %), далее следует северо-западная (13 %), юго-западная (11,3 %); на северо-восток ориентированы 7,5 % погребенных, на север —

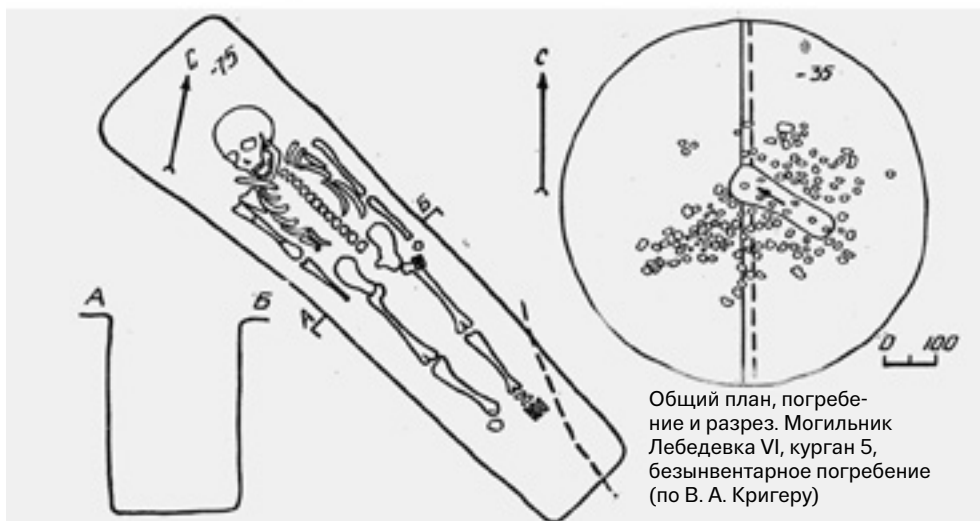
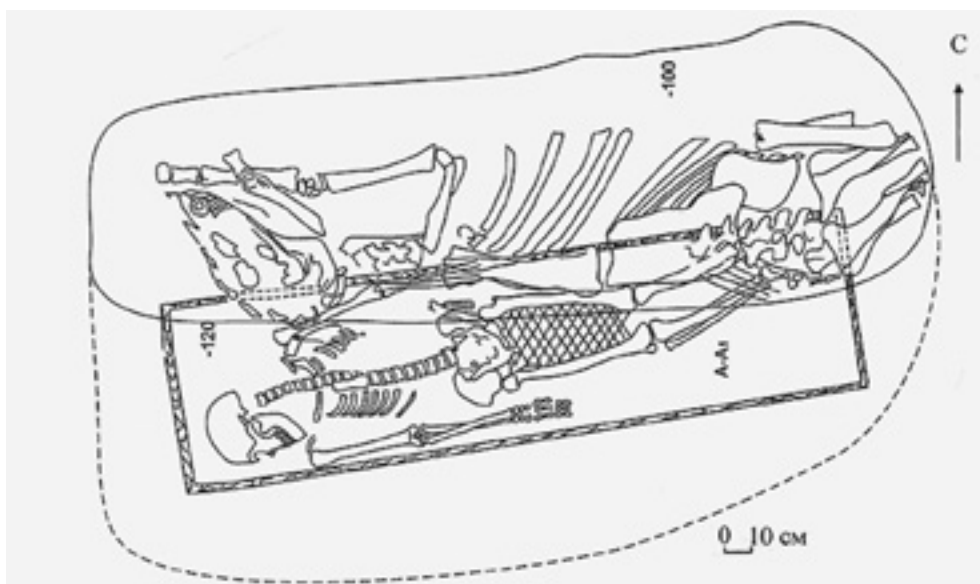
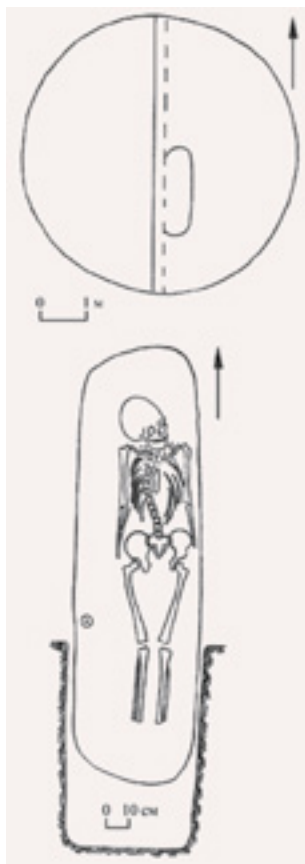
5,9 %. Всего в трех погребениях (1,8 %) зафиксирована северная ориентировка, в одном (0,6 %) — юго-восточная. В тех случаях, когда расположение погребенного фиксируется достоверно, преобладает поза вытянуто на спине (73,8 %); руки вдоль туловища (42,3 %) или обе руки согнуты, а кисти рук — на тазе (6,5 %); иногда только левая рука на тазе (4,7 %) или же только правая рука на тазе (5,4 %).

6. Остатки гробов зафиксированы в 8,9 % погребений, колоды — 2,9 %, рамы из досок — 1,2 %. Часто встречаются в могильных ямах подстилки из коры или луба (7,1 %).

7. Почти 52,4 % погребений являются безынвентарными, в остальных случаях в погребениях присутствовал какой-либо инвентарь.

Общий план погребения.
Могильник Новокумакский (III северная группа),
курган 7, погребение 2
(по И. В. Матюшко, 2016)

План и разрез погребения.
Могильник Линевский I,
курган 11 (по В. А. Иванову)

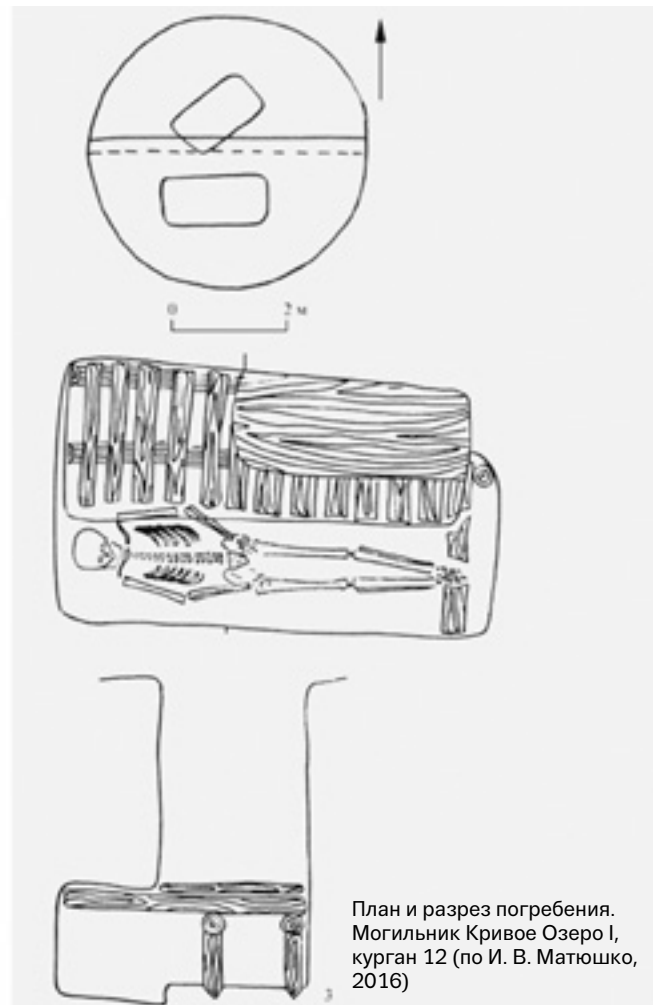
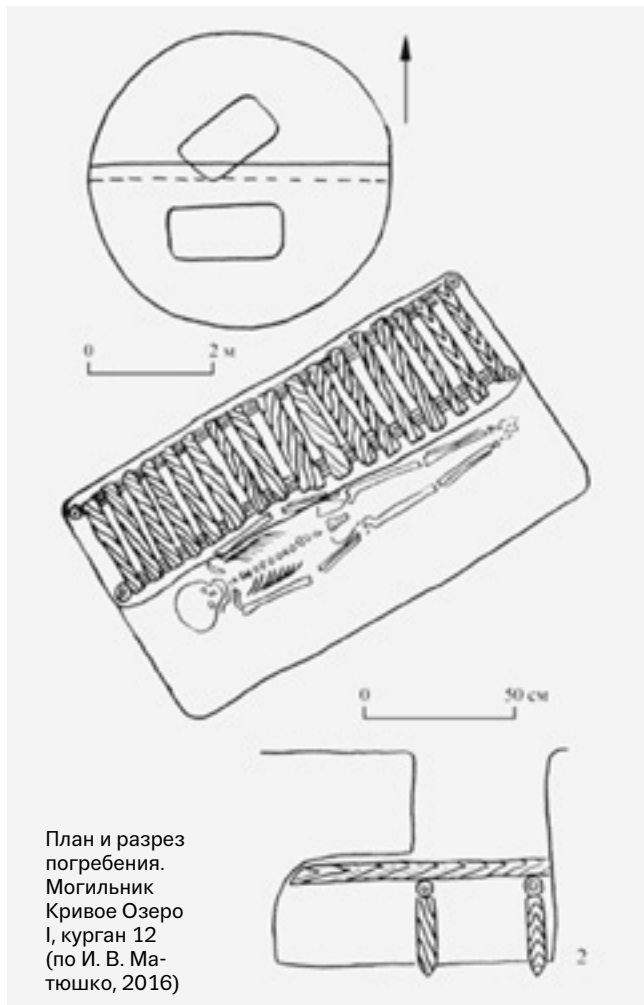
Общий план, погребение и разрез. Могильник Лебедевка VI, курган 5, безынвентарное погребение (по В. А. Кригеру)

Как известно, подобная суммарная характеристика погребального обряда дает лишь представление о распределении и удельном весе признаков внутри определенной совокупности памятников (группы могильников), хотя набор этих признаков, характерный для каждой из групп, подвергается действию законов математической статистики и позволяет проводить сравнительный анализ различных групп памятников для определения их типологического сходства или различия.

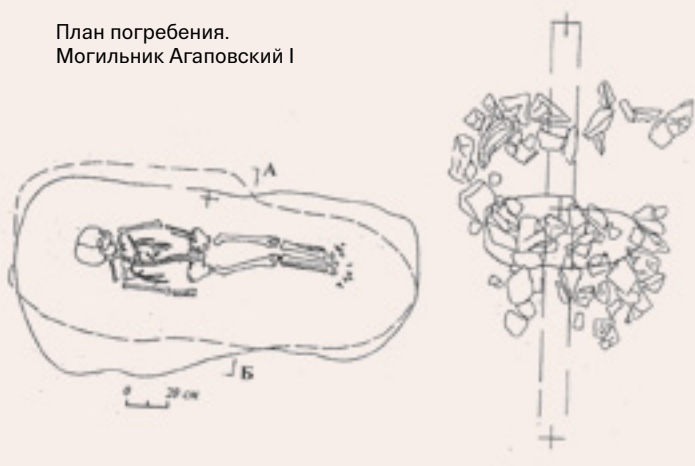
С учетом пестроты исследуемого материала различными исследователями применялась универсальная схема корреляции особенностей курганных конструкций типов могильных ям, ориентации погребенных и наличия или отсутствия костей лошади. А. Ф. Яминов пришел к следующим результатам. Основные характеристики насыпей образуют 10 отделов, включающих 57 типов погребений. Все типы имеют различную частоту встречаемости

(количество погребений соответствующих типов указано в скобках). Большинство типов единичны, особенно это отличает погребения отделов под простыми земляными насыпями и вперемешку с камнями. По всей видимости, столь большой набор типов связан с полиэтничностью населения региона, смешение которого и явилось причиной появления такой вариабельности захоронений. При этом выделяется целый ряд погребальных комплексов, образующих устойчивые (по комбинации признаков) и неоднократно встречающиеся типы погребений (БИ, ИИ, КИ):

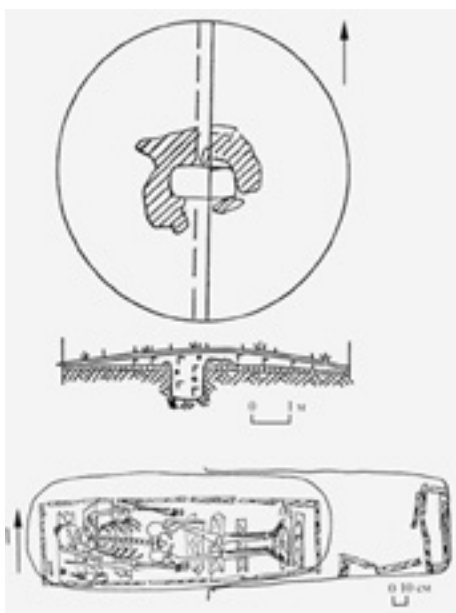
1. Под земляной насыпью в простой могильной яме с северной ориентировкой (13), западной ориентировкой (65) или в яме со ступенькой или уступом с западной ориентировкой (10); под земляной насыпью и каменным набросом над простой ямой с западной ориентировкой (15); под насыпью из земли и камня в простой могильной яме с северной

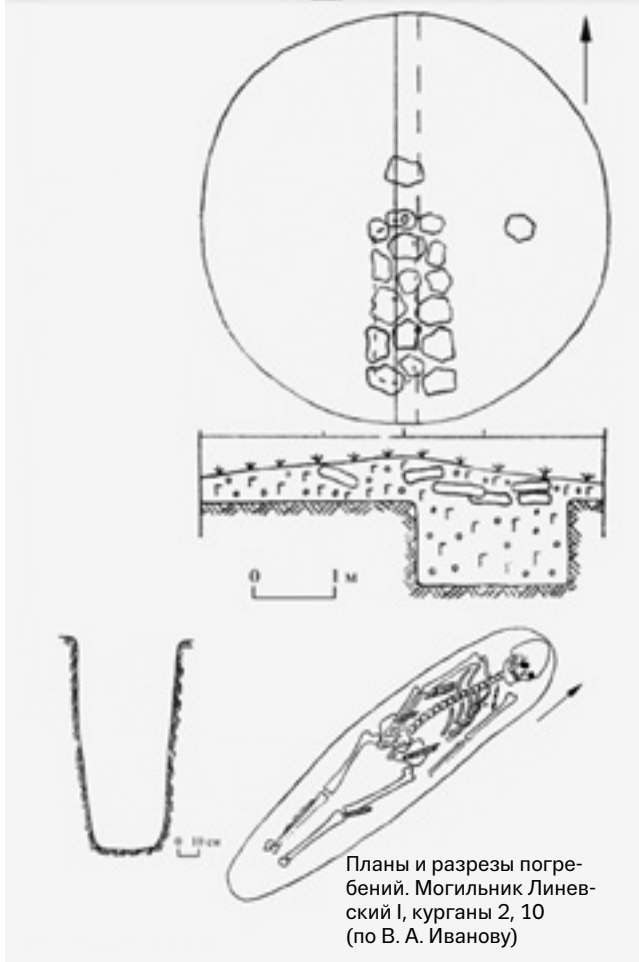
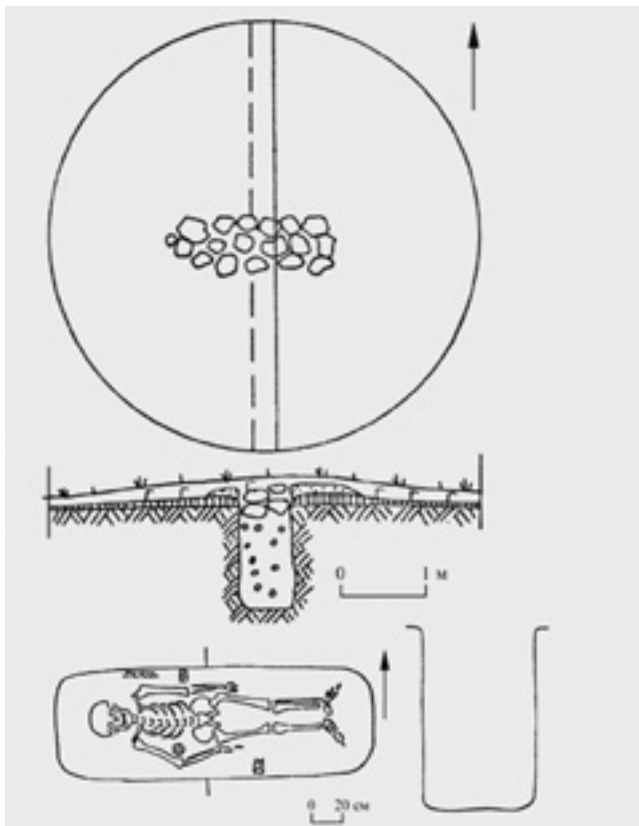
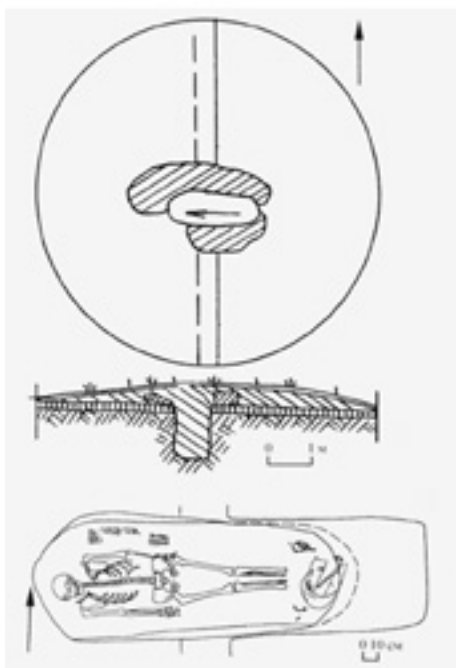
План погребения.
Могильник Агаповский I

План и разрез погребения.
Могильник
Линевский II,
одиночный
курган (по
В. А. Иванову)

План и разрез погребения.
Могильник
Линевский III,
одиночный
курган (по
В. А. Иванову)

Планы и разрезы погребений. Могильник Линевский I, курганы 2, 10 (по В. А. Иванову)

ориентировкой (5), западной ориентировкой (8), а также в яме с продольной ступенькой и западной ориентировкой (4); под курганом с каменным кольцом по основанию в простых могильных ямах с западной ориентировкой (9) или в ямах со ступенькой слева от покойника с аналогичной ориентировкой (7).

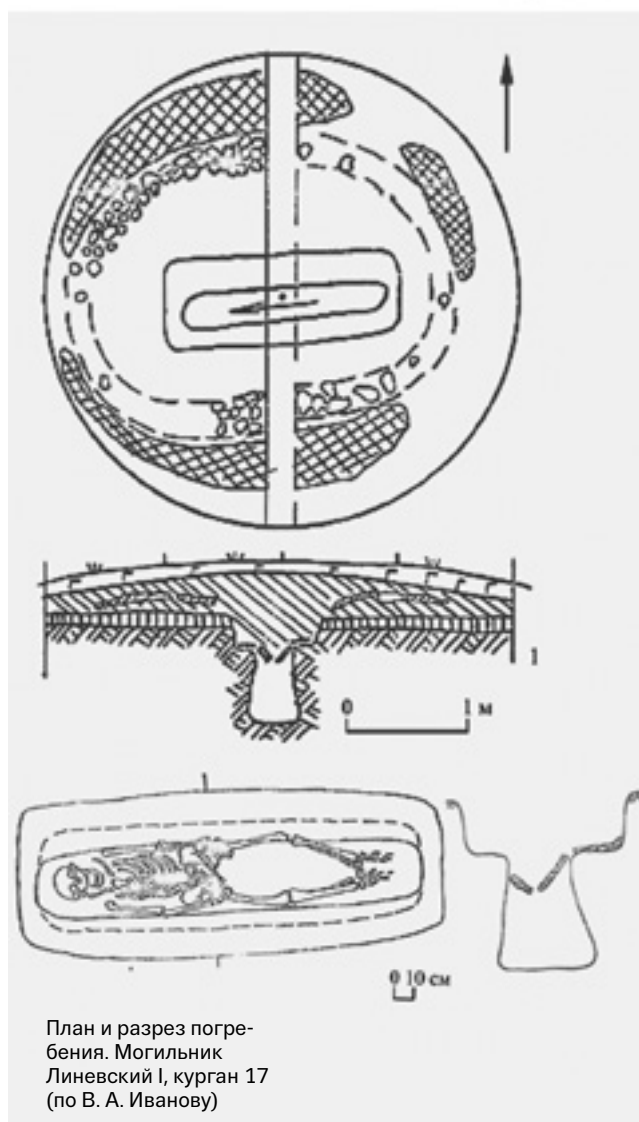
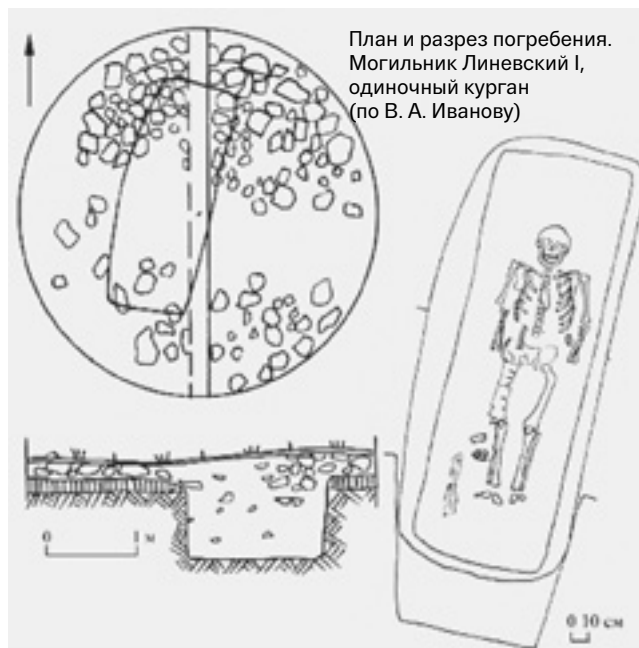
2. Под каменной насыпью в простых ямах с западной ориентировкой (11); внутри оградки подквадратной формы в простых ямах с западной ориентировкой (6); под каменной круглой выкладкой в простых ямах с западной ориентировкой (8) или выкладкой овальной или подпрямоугольной формы в простой яме с западной ориентировкой (20).

Вероятно, именно эти типы характеризуют погребальный обряд основного населения региона и в то же время служат основой для их этнической привязки и интерпретации. Но это в дальнейшем. А пока мы считаем преждевременным столь жесткую этническую привязку исследованных памятников Приуралья и Зауралья, как это было предложено нашими коллегами ранее (см. выше). Гораздо рациональнее, по нашему мнению, работать сейчас именно над выявлением, сбором и локализацией отдельных типов погребальных памятников.

К примеру, в отношении известных памятников Приуралья и Зауралья прослеживаются определенные закономерности в территориальной локализации различных типов погребений. Самую обширную территорию по обоим берегам рек Урал, Илек, Сакмара занимают наиболее многочисленные погребения под земляной насыпью с западной ориентировкой (Линевский II и др.). Только погребения Синтыштамакского и Бала-Чатырманского могильников достаточно сильно оторваны от основной массы захоронений данного типа и располагаются в лесостепной зоне.

Примерно в том же количестве, что и захоронения под земляной насыпью в простой яме с западной ориентировкой, встречаются погребения с северной ориентировкой (Линевский I и др.), а также в ямах со ступеньками и уступами (Лебедевка II и др.). При этом почти все они фиксируются только в Зауралье и на левобережье Урала.

Достаточно четкую локализацию имеют погребения под курганами из земли и камня в простых

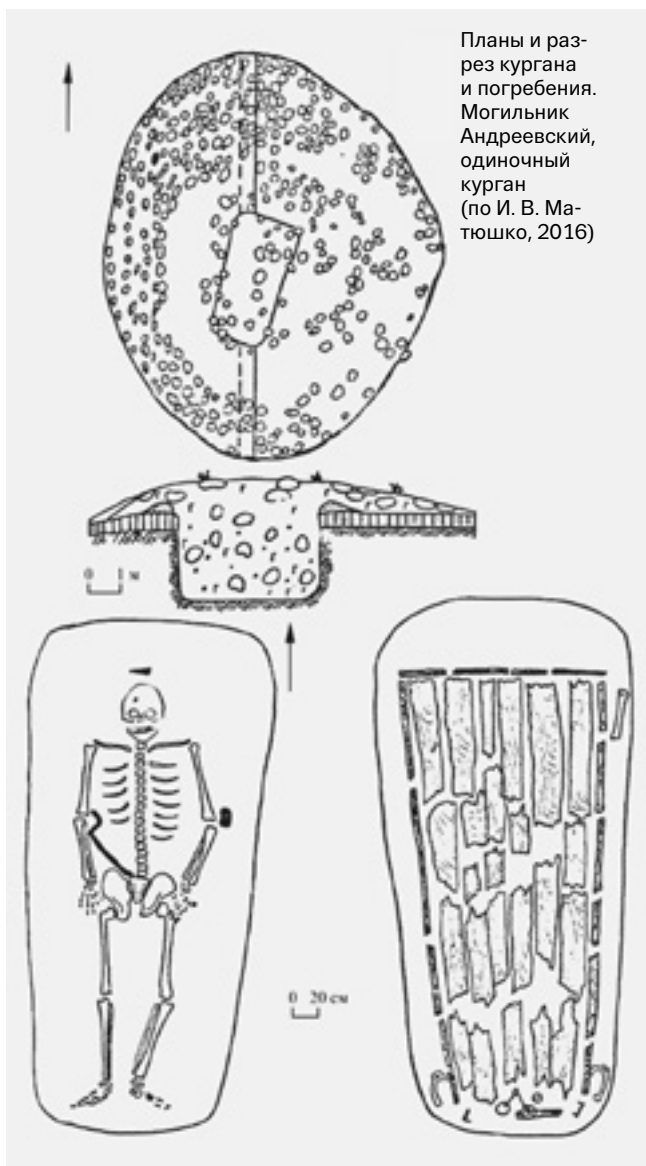
могильных ямах с северной ориентировкой (Новый Кумак, курган 1, и др.), внутри кольцевой каменной ограды в простых ямах с западной ориентировкой (Хабарный I, курган 7, и др.) и под каменными выкладками разной формы в простых ямах с западной ориентировкой (Новая База 1, курган 1, Хабарный I, курган 8, и др.). Их ареал занимает бассейн реки Эмба, Орь, верховья Урала.

Только по левобережью Урала также встречаются погребения под насыпью из земли и камня в простых ямах с западной ориентировкой (Жеман Карагала, курган 22, и др.), в ямах с продольной ступенькой и западной ориентировкой (Новый Кумак, курган 15, и др.), под каменным панцирем или в кольцевых оградках в могильных ямах с западной

ориентировкой (Уральские, курган 1, Лебедевка VIII, курган 1 и др.). А погребения под каменными насыпями в простых ямах с западной ориентировкой (Чулпанские, курган 2, и др.) локализуются на самой границе степи и лесостепи, как бы огибая южноуральский хребет в направлении из Зауралья в Приуралье. Что же касается погребений под земляной насыпью с каменным набросом над простой могилой с западной ориентировкой (Ишкульский II, курган 6, и др.), то они как бы растворены в массе курганов с каменными конструкциями в насыпи и земляных курганов. По всей видимости, это связано, прежде всего, с синкретичным характером насыпей памятников данного типа: земляная насыпь, но каменная наброска над могилой.

В целом же все эти устойчивые типы погребальных комплексов вновь, как мы видим, объединяются в два больших массива памятников, которые у В. А. Иванова и В. А. Кригера были обозначены как курганы западной и восточной групп. Однако картографирование памятников с различными конструктивными особенностями насыпей показывает, что подобное разделение на «западную» и «восточную» группы представляется излишне условным и абстрактным. Во многих случаях курганы с чисто земляной насыпью (признак западной группы) и с насыпью, сооруженной с применением камня (признак восточной группы), расположены вперемешку. Поэтому более целесообразным представляется называть рассматриваемые курганы (и их массивы) «земляными» и «каменными», что будет отражать реальную картину и соответствовать зрительному восприятию рассматриваемых групп памятников.

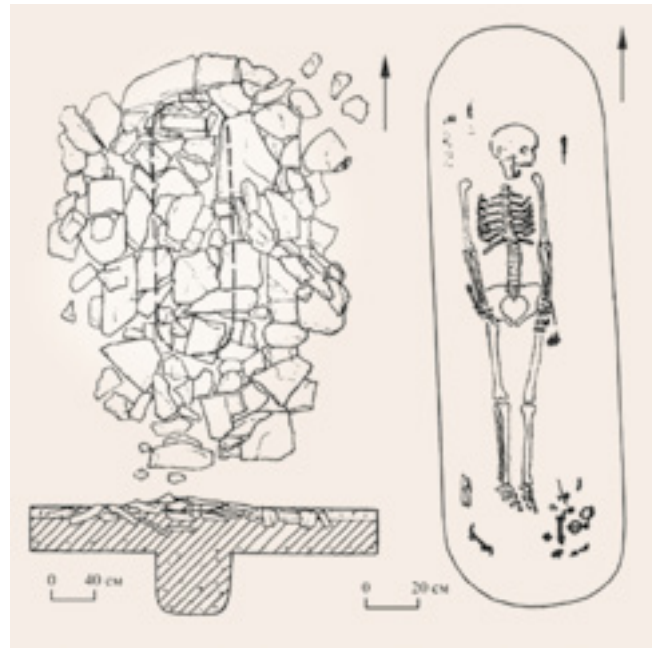
Но все же необходимо отметить, что курганы с земляной насыпью имеют общую тенденцию к расположению в западных пределах Южноуральского региона, по обоим берегам Урала, до его восточной излучины. Курганы же с каменными конструкциями в насыпи в основном сосредоточены восточнее. И основной территорией их концентрации являются степные пространства по рекам Эмба, Орь, по верховьям Илека и Урала в Башкирском Зауралье. Очень условную границу между двумя массивами курганов можно провести от низовьев реки Уил, по среднему течению Илека, Урала

и далее — по реке Сакмара. Но отдельные курганы с каменными конструкциями в насыпях известны и западнее этих пределов. В то же время земляные курганы восточнее указанной границы практически не встречаются.

Внутри массивов «земляных» и «каменных» курганов, как было показано выше, существует второй уровень дифференциации памятников: и тут, и там выделяются устойчивые типы погребений с определенной локализацией в пространстве. И в основе подобного разделения лежат, прежде всего, наборы типобразующих признаков, в то время как датировочные предметы и комплексы связанных признаков аналогичны для различных типов погребений под земляными и каменными курганами.

Особое значение в работах В. П. Костюкова придавалось ориентировке покойников. По мнению автора, на территории улуса ориентировка в западный сектор горизонта (достигает, вместе с отклонениями к северо-западу и юго-востоку, более 60 %), которую мы определяем как маркер тюркоязычных групп, доминирует и под каменными, и под земляными курганами. Тюркоязычное население, с начала существования улуса составлявшее большинство, в социальном отношении не было исключительно рядовым. Этот вывод вытекает не только из того факта, что западную ориентировку имеют почти все погребения с конем. Последние, на наш взгляд, свидетельствуют только о достатке умерших и их сородичей, но не о социальном (тем более этнокультурном) статусе. Как раз наоборот, абсолютно равное соотношение в группе погребений с конем мужчин и женщин, и полное отсутствие в этих погребениях луков, сабель, металлических сосудов (кроме позднего погребения в Глявгуловском могильнике) говорят против отождествления именно этой группы с социальными верхами. Но вещи, способные маркировать нерядовой статус умершего, в инвентарных наборах индивидов, положенных головой на запад, но без коня, встречаются достаточно часто. К примеру, к таким погребениям относятся все найденные остатки луков и большинство сабель, часть панцирей, шлем, почти все поясные накладки. Неординарный статус отдельных представителей тюркоязычного населе-

План и разрез кургана и погребения. Могильник Каменный Амбар III, курган 3 (по В. П. Костюкову, 2010)

ния нашел выражение в сооружении в их честь мемориальных объектов.

Сохранение западной ориентировки в период утверждения ислама, несомненно, обуславливалось удачной возможностью соединить старую традицию с необходимостью соблюдения кыблы. Именно поэтому погребения с западной ориентировкой в нашей выборке, будучи сквозными, характеризуются: а) многочисленностью, б) повсеместной встречаемостью, в) очень большой долей безынвентарных погребений (41,73 %), г) доминированием практически во всех крупных могильниках. Например, из 16 погребений могильников Жаксы-Каргала и Жаман-Каргала I (по наблюдениям С. Ю. Гуцалова, это один и тот же могильник) 10 погребений (в том числе 5 безынвентарных) имеют западную ориентировку, из 29 погребений могильника Новый Кумак — 13 (3 безынвентарных). Полностью преобладают западные ориентировки в могильниках Ишкуловский II, Линевский, Мамбеталы-1, Петровка и многих других.

Северо-западная и юго-западная ориентировки иногда воспринимаются как сезонные отклонения от господствующей западной. Это, естественно,

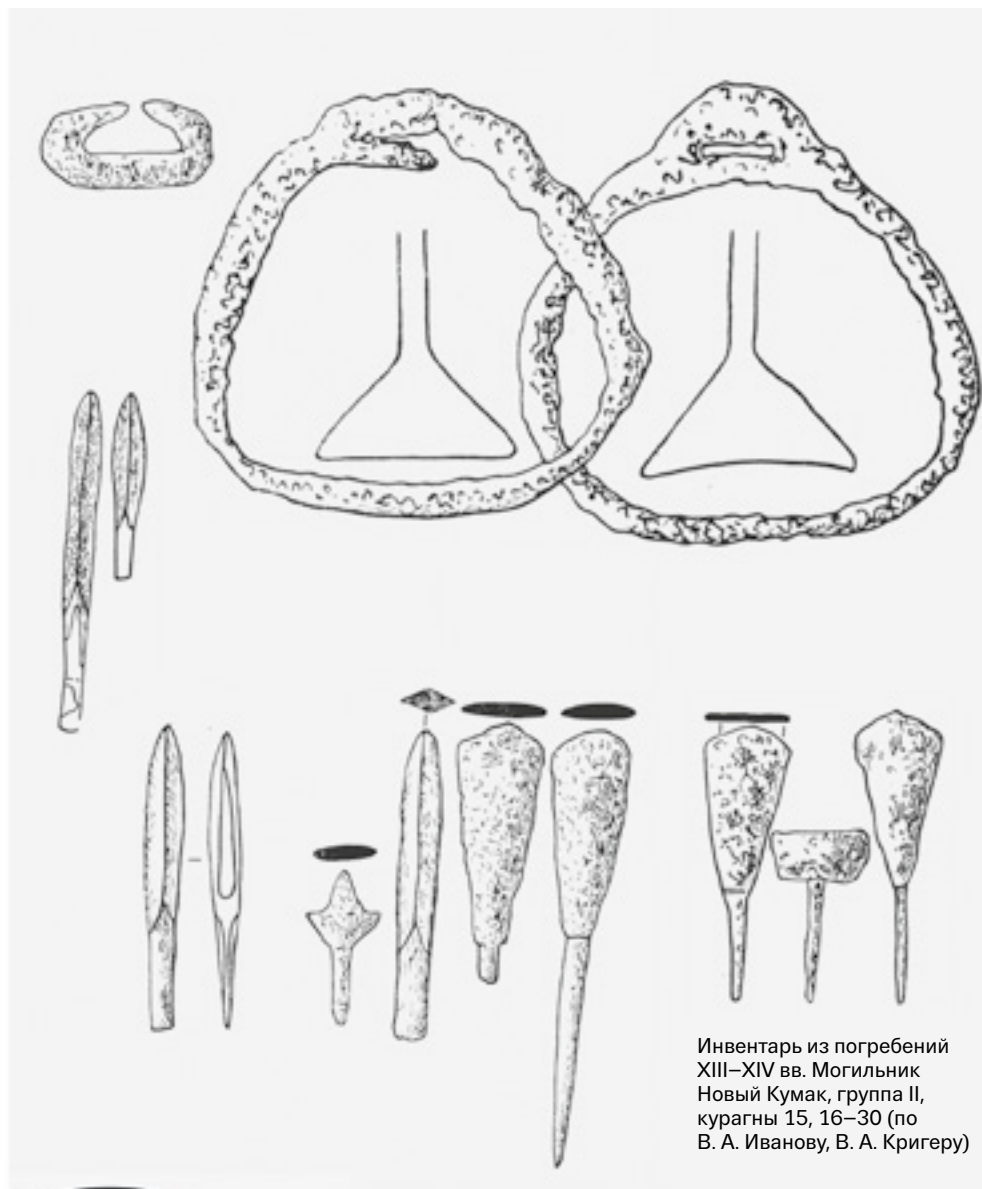
подразумевает круглогодичное пребывание населения на одном месте и потому расходится с представлением об упорядоченно кочевом образе жизни обитателей региона. Подавляющее большинство погребений с северо-западной ориентировкой, на наш взгляд, оставлено населением, воспринявшим ислам. Северо-западная ориентировка в полной мере отвечала канону, поскольку позволяла с большей точностью соблюсти кыблу. По этой причине среди погребений, в которых умершие уложены головой на северо-запад, преобладают безынвентарные. Они нигде (кроме могильника Покровский IV) не составляют большинства и практически всегда располагаются на площадках тех некрополей, где есть и погребения с западной ориентировкой, яв-

ля собой как бы итоговую модификацию последней, финальный этап утверждения норм ислама в погребальном ритуале.

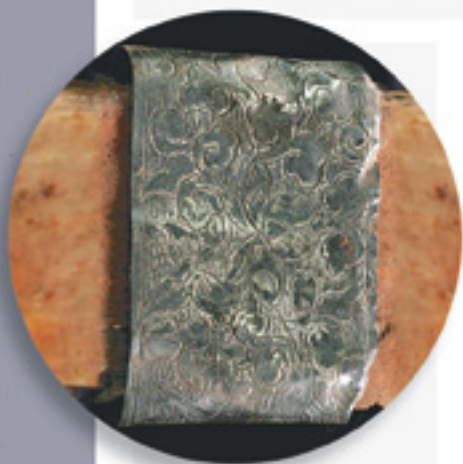
Погребения, в которых умершие ориентированы головой на юго-запад, видимо, в массе относятся к языческому этапу истории региона. Совместить эту традицию с ориентировкой на кыблу было невозможно. Наверное, именно поэтому в группе всего 18,5 % безынвентарных комплексов. Происхождение группы не вполне ясно. Лишь в двух могильниках погребения с юго-западной ориентировкой доминируют — в Агаповском I и Мертвецовском. Курганы в этих могильниках каменно-земляные, с «панцирным» покрытием или его имитацией. И в целом погребения с юго-

Железный шлем.
Могильник
Лебедевка

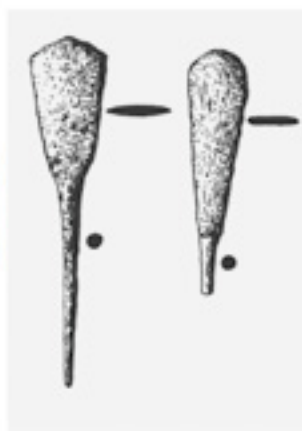

Инвентарь из погребений XIII–XIV вв. Могильник Новый Кумак, группа II, курагны 15, 16–30 (по В. А. Иванову, В. А. Кригеру)

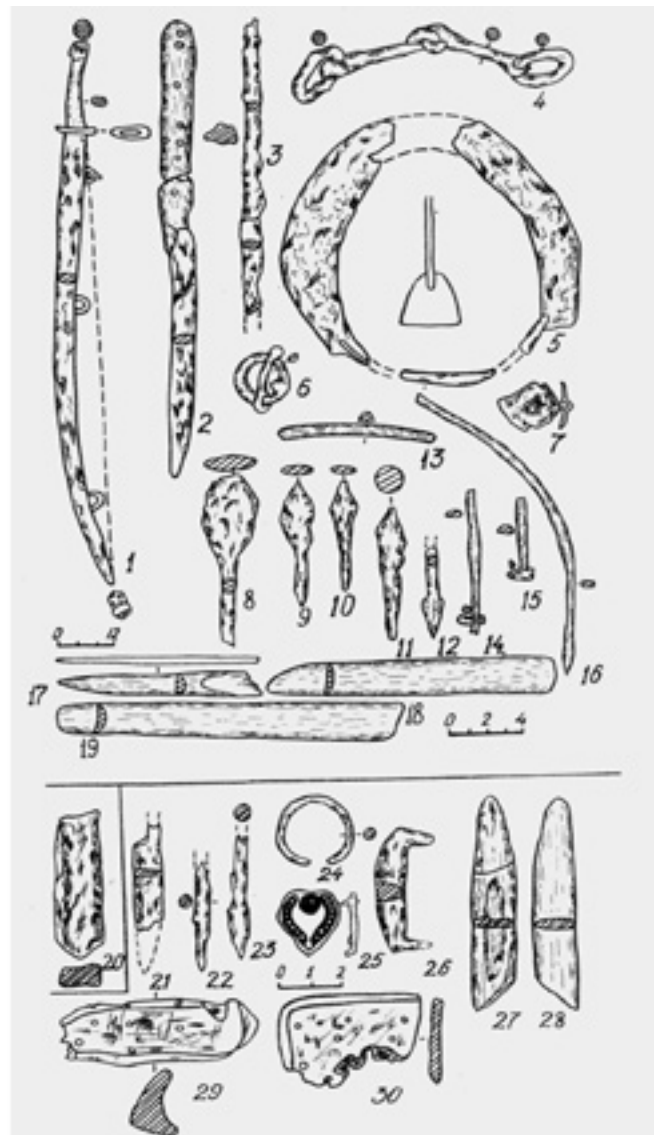
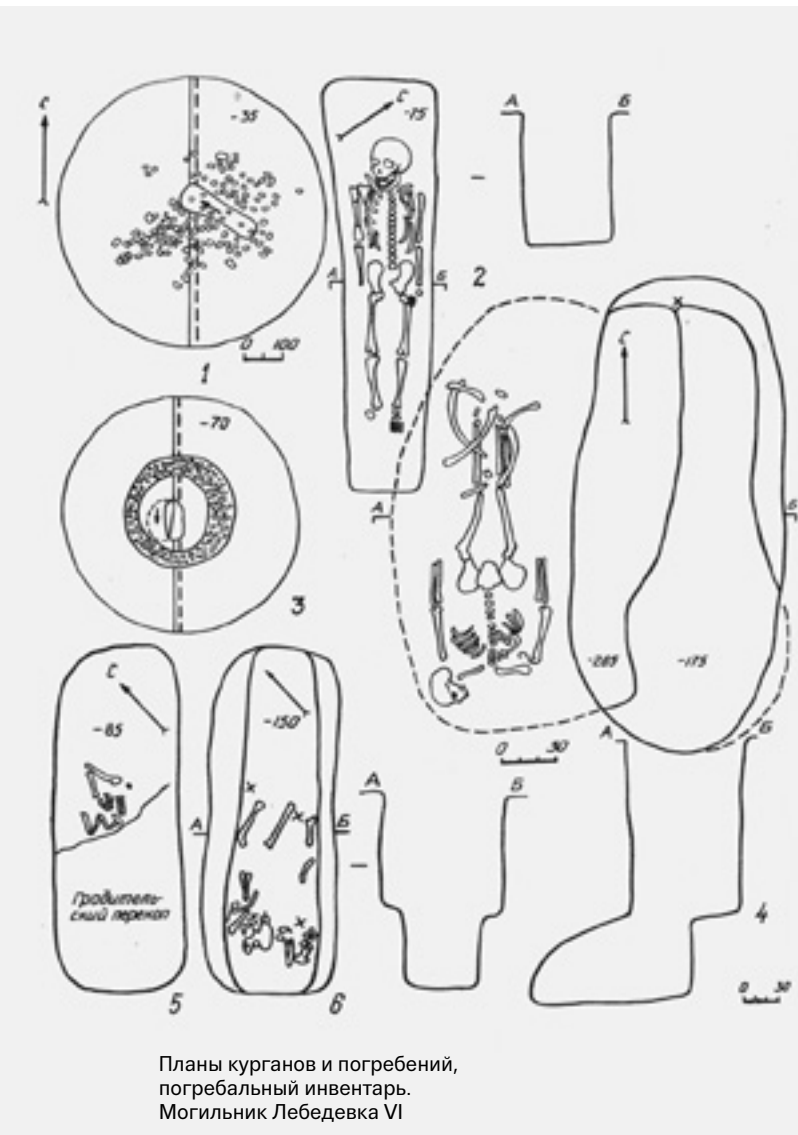
Железный меч и серебряная обкладка ножен меча. Могильник Лебедев-ка (по А. Бисембаеву)

Железные наконечники стрел. VII Новочеркасский могильник, курган 2

Железные наконечники стрел. Курганная группа Большевик II, курган 3

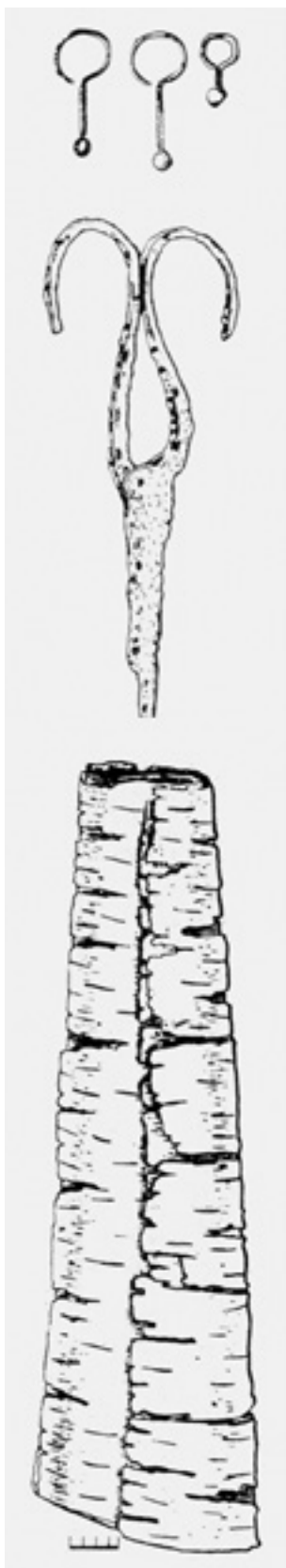

западной ориентировкой более характерны для каменно-земляных курганов, под чисто земляными насыпями их только 23,8 %. Между тем ориентировка на юго-запад в предмонгольское время в значительных масштабах фиксируется в земляных курганах Среднего Прииртышья (где она понимается как отклонение от западной).

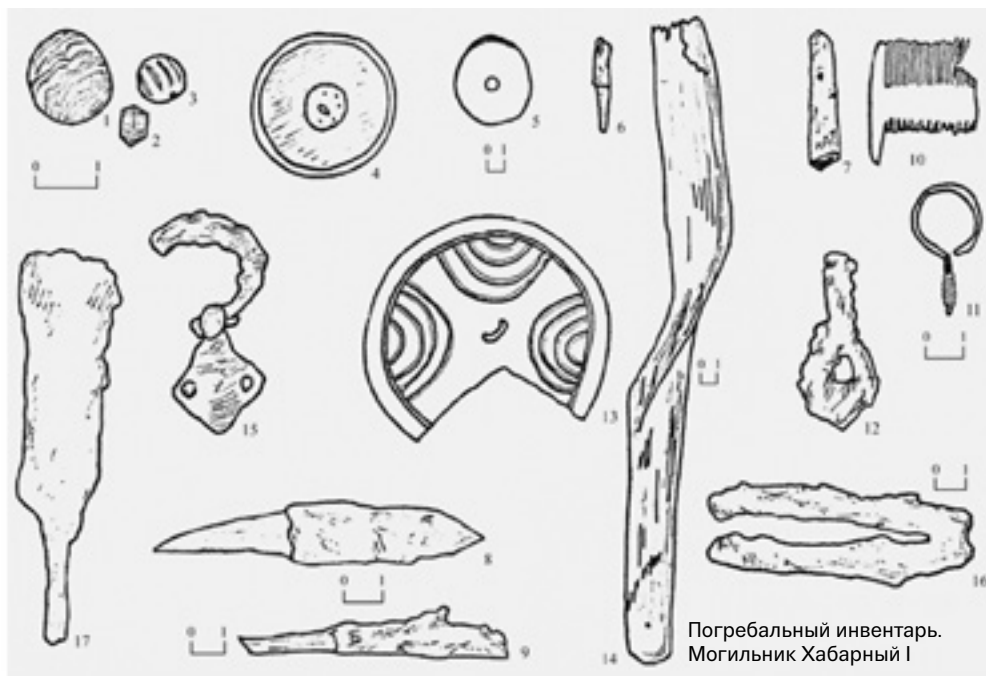
Северная и северо-восточная ориентировки (достигают 20 %) являются в известном смысле альтернативными широтным и связаны с почитанием юга, считающимся одной из отличительных черт монгольской культурной традиции (представление о севере как направлении в страну мертвых, воспринятое, как полагают, у монголов, существовало и в тюркской среде). От начала II тысячелетия до

XIII века и в последующее время эти ориентировки в наибольшей степени были характерны для районов расселения монгольских племен (Монголия, Прибайкалье) [15, с. 65–66; 117; 401, с. 125]. Такие же ориентировки бытовали (наряду с восточными и западными) в Верхнем Прииртышье, где они, по-видимому, маркировали присутствие племен, генетически связанных с монголоязычным миром.

Все особенности погребений с северной и северо-восточной ориентировками, по нашему мнению, естественны именно для монгольского элемента в составе улуса, ибо в совокупности демонстрируют, во-первых, сравнительно высокий социальный статус умерших, во-вторых, как это свидетельствует серия погребений, относящихся

Инвентарь из погребений XIII–XIV веков. Могильник Хабарный 1, курган 10

Погребальный инвентарь. Могильник Хабарный I

Конские удила

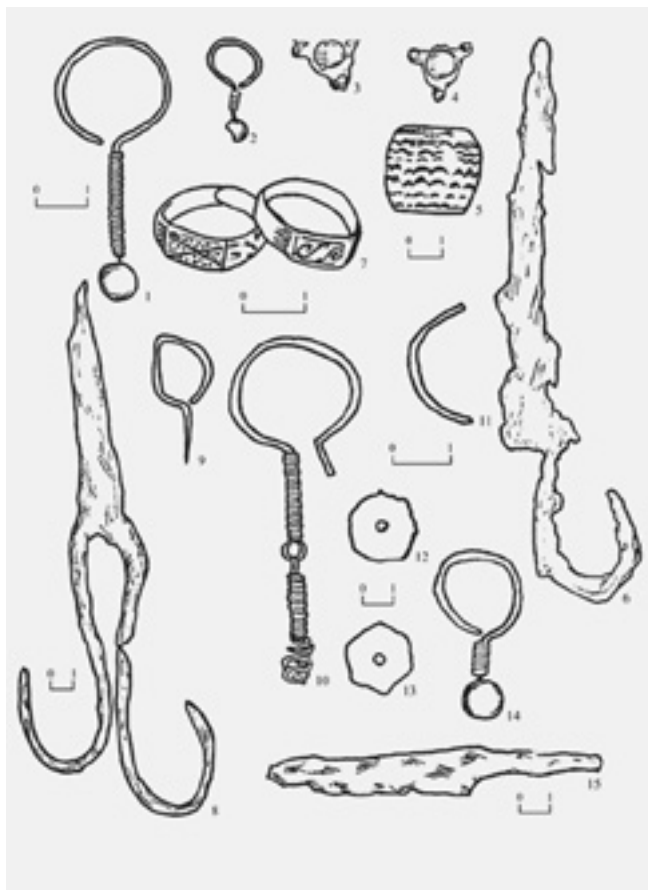
Украшения конской узды XIII–XIV веков. Случайная находка. Челябинская область, Брединский район

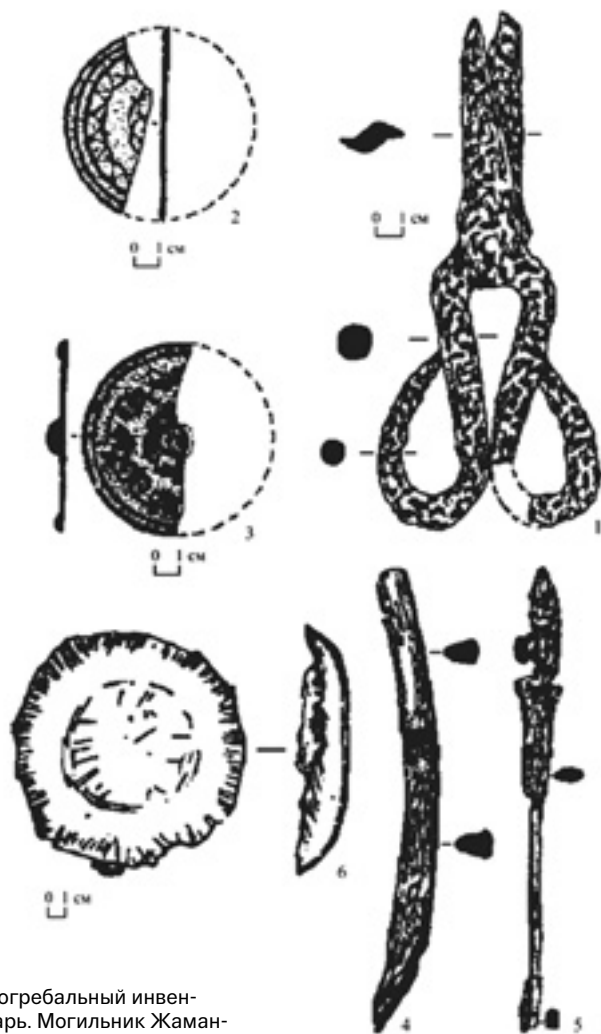
Бронзовый сосуд.
Могильник Лебедевка

Железные ножницы.
Могильник у поселка Урал,
курган 5

Погребальный инвентарь.
Могильник Ишкуловский II

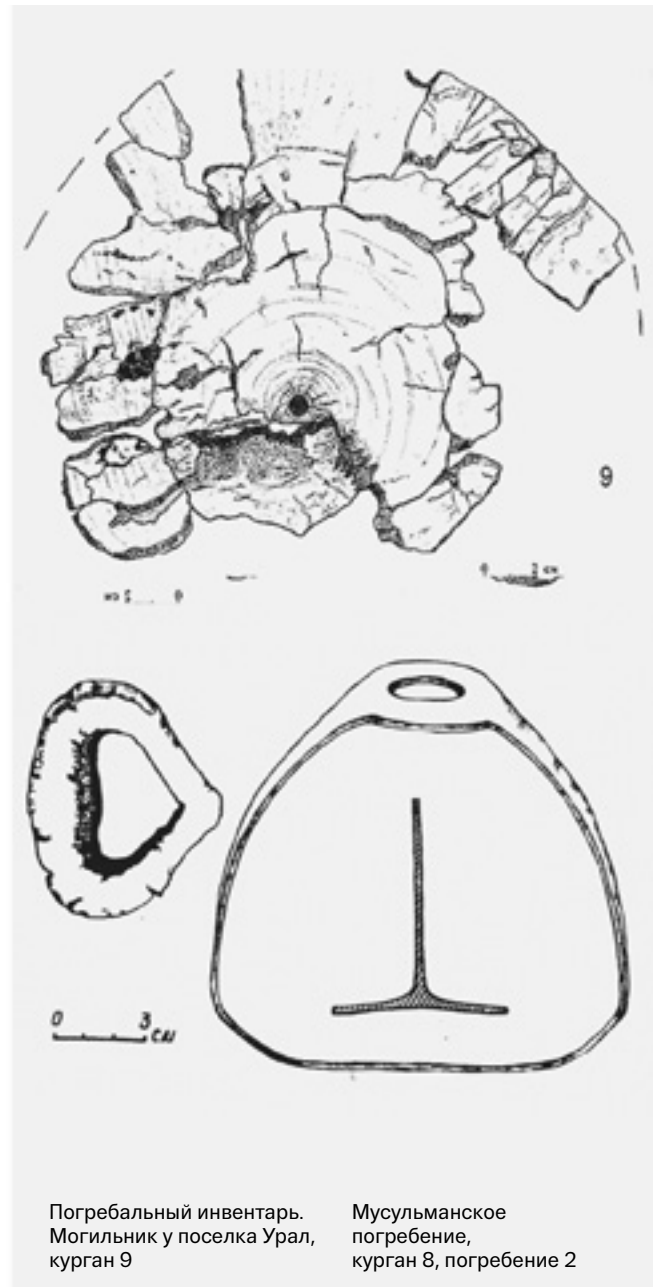
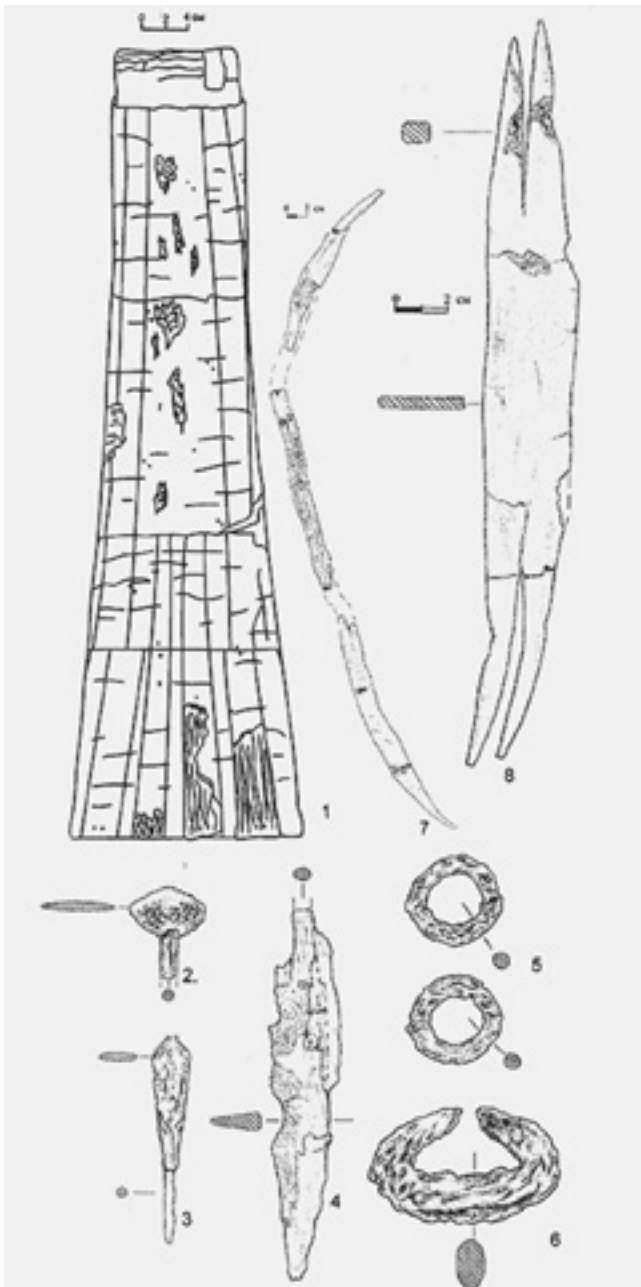

Погребальный инвентарь. Могильник Жаман-Каргала-I, курганы 22, 30 (по А. Бисембаеву)

к XIV веку, длительное сохранение традиции, что в историческом контексте (давление ислама, с одной стороны, и древние установления, воплощенные в чингизизме, с другой) должно было быть в большей степени свойственно менталитету монголов.

Наборы вещей в степных погребениях и скромны, и стандартны, «богатый» инвентарь или высокохудожественные изделия крайне редки. Самые многочисленные категории вещей составляют оружие, элементы конской сбруи, украшения, бытовая утварь.

Оружие представлено почти исключительно стрелами. Из 189 содержавших вещи погребений наконечники стрел, в подавляющем большинстве железные, встречаются в 76 (40,21 %) захоронениях, в том числе в одном детском и пяти женских. Количество стрел в одной могиле редко больше 3–4. Остатки берестяных колчанов найдены в 49 (25,93 %) могилах, а остатки луков — только в четырех (2,17 %). Сабли найдены в семи погребениях (3,7 %). Инвентарь шести из этих могил помимо сабли включал также детали сбруи, а в одной могиле расчищена шкура коня. Половая принадлежность

Погребальный инвентарь.
Могильник у поселка Урал,
курган 9

Мусульманское
погребение,
курган 8, погребение 2

определена только у пяти покойных из погребений с саблей — все мужчины. Несколько найденных сравнительно крупных ножей интерпретированы как кинжалы. Копье обнаружено в трех погребениях (1,59 %), причем два из них, по всей видимости, женские. Фрагменты панциря или кольчуги содержали девять могил (4,76 %), а в одном погребении (0,53 %) найден шлем. Только в двух могилах (1,06 %) были зафиксированы навершия нагаек.

Таким образом, вооруженческий комплекс южноуральских кочевников в подавляющем большинстве представлял собой комплект легковооруженного конного лучника. При этом наличие колчана и лука могло указывать и на охотничий набор кочевника, о чем будет сказано ниже.

Удила являлись частью инвентарных наборов в 61 могиле (32,28 %), стремена — в 57 (30,16 %), причем в 12 могилах (6,35 %) находилось только одно стремя. Остатки седел зарегистрированы в 16 погребениях (8,47 %).

Из украшений чаще всего в могилу клались серьги: они найдены в 38 погребениях (20,11 %), в том числе в четырех детских и шести мужских. Видимо, в той же степени общеупотребительным украшением были бусы: они найдены в 34 погребениях (17,99 %), из которых пять были детскими и три — мужскими. Браслеты обнаружены всего в двух погребениях (1,06 %), известны также единичные находки гривны, лазуритовых подвесок, амулетов. Из украшений отметим также медные бубенчики, они были найдены при девяти умерших (4,76 %), восемь из которых определены как женщины. Отметим, что к вещам, встречающимся только в женских погребениях, по всей видимости, следует также отнести бронзовые зеркала (45 находок, или 23,81 %), ножницы (25, или 13,23 %), шилья (6, или 3,17 %), раковины каури (4, или 2,12 %). В восьми погребениях (4,23 %), из которых шесть женских, одно мужское, одно не определено, найдены гребни. Характерной принадлежностью дамского костюма был головной убор «бокка», берестяная основа которого зафиксирована в 19 погребениях (10,05 %). Поясные пряжки отмечены в 30 погребениях (15,88 %), в том числе трех женских. Поясные наборы найдены в шести погребениях (3,17 %), из них одно женское.

Из всех вещей самым необходимым для покойного, видимо, считался нож. Находки ножей зафиксированы в 97 погребениях (51,32 %) — 94 взрослых (38 мужских, 24 женских, 32 не определены) и трех детских. Кресала содержали 44 могилы (23,28 %), все исключительно с останками взрослых (в том числе 24 мужчин, 4 женщин; в шести случаях пол не был определен). В четырех погребениях (2,12 %) найдены пряслица (одно детское погребение, два женских, одно не определено), в одном (0,53 %) — оселок, еще в одном (0,53 %) — крюк для развязывания ремней. Как уже упоминалось, в состав 20 инвентарных наборов (10,58 %) в могилах взрослых входили металлические сосуды разных форм и размеров. Девять обладателей инвентаря с сосудами — мужчины, восемь — женщины. Наконец, упомянем о том, что в семи подкурганых погребениях (3,7 %) обнаружены монеты.

Они происходят из всех районов региона — от западных его пределов до восточных и от северных до южных (за исключением Устюрта), что является весьма удачным обстоятельством, поскольку позволяет расценивать признаки этих памятников как, в известной степени, общие для всей территории улуса.

Характеристика серии сводится к следующему. Из восьми комплексов семь — погребения в курганах, один — в мавзолее-мазаре (могильник Барбастау I). Четыре кургана — земляные (один с ровиком), три — каменные (каменная наброска, каменно-земляная насыпь, каменно-земляная насыпь с «панцирем»); все, за исключением одного, имели диаметр больше 6 м. Все погребения совершены в простых ямах; три ямы были перекрыты деревом, в мазаре — кирпичный склеп, перекрытый кирпичом. В трех могилах умершие лежали в гробах, в одной — в дощатой раме. В пяти могилах находились кости животных (в трех — кости овцы, в одной — крупного рогатого скота). Одно погребение сопровождалось целой тушей коня, уложенной слева от человека на дне ямы. Погребения исключительно мужские (в одном ограбленном кургане пол погребенного остался неизвестным). Ориентировки: на запад — четыре погребения, на север — два, на северо-запад — одно. Положение рук и черепа разнообразно, но у всех умерших,

Бронзовое зеркало XIV века.
Нижний Яр, Курганская
область, Далматовский район

Юаньские
зеркала и их
подражания.
Курганская
область

Бронзовое
зеркало пер-
вой половины
XIV века.
Подражание
иранскому
сюжету с ми-
фическими
существами
и арабско-
иранской благо-
желательной
надписью по
кругу. Курган-
ская область,
село Белый
Яр Далматов-
ского района

Бронзовое
зеркало
с драконами.
Династия Сун
или Юань.
Курганская
область,
Звериноголов-
ский район

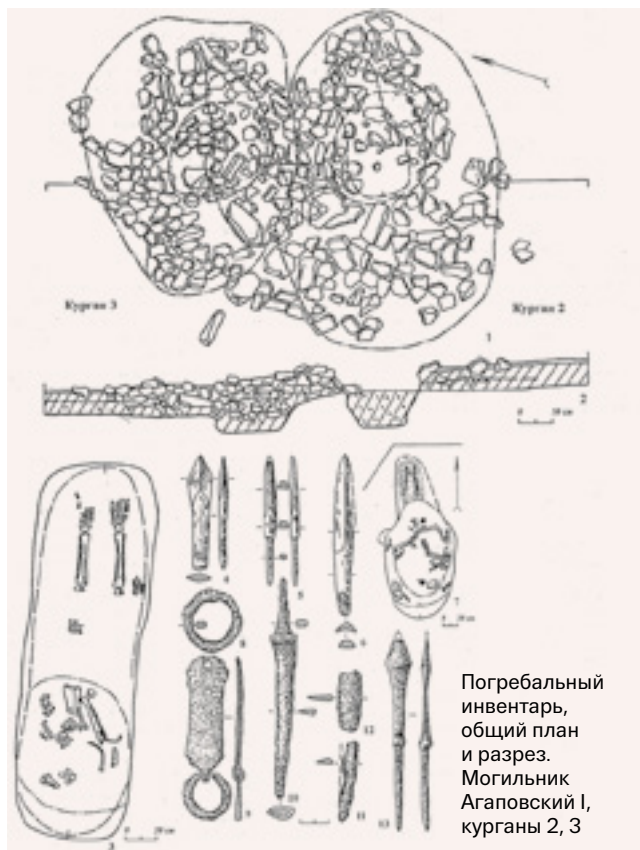
ориентированных головой на запад, лицо обращено к югу, то есть череп покоится на правом виске. Рискованно делать выводы по столь малой выборке, но все же можно предположить, что это свидетельствует о стремлении отразить принадлежность умерших к мусульманской конфессии. Инвентарь только в двух погребениях (оба с западной ориентировкой) ограничивался монетами, остальные характеризовались «богатыми» наборами вещей. В четырех могилах, не считая погребения с конем, зафиксирована конская сбруя, еще в четырех — металлические сосуды. Любопытная деталь: в двух погребениях монеты находились во рту умерших.

По монетам все описанные погребения датируются временем не ранее середины XIV в. Принадлежат они определенно не рядовому населению. Точно такие же захоронения мужчин, ориентированных головой на север, с монетами XIV в. и неординарным инвентарем, включавшим сбрую и металлические сосуды, открыты в Халчаяне и Пскенте [100; 318]. Наличие значительной доли погребений с северной ориентировкой в группе комплексов, надежно датированных серединой — второй половиной XIV в., находится в противоречии с представлениями о быстрой и тотальной ассимиляции монгольского элемента тюрками.

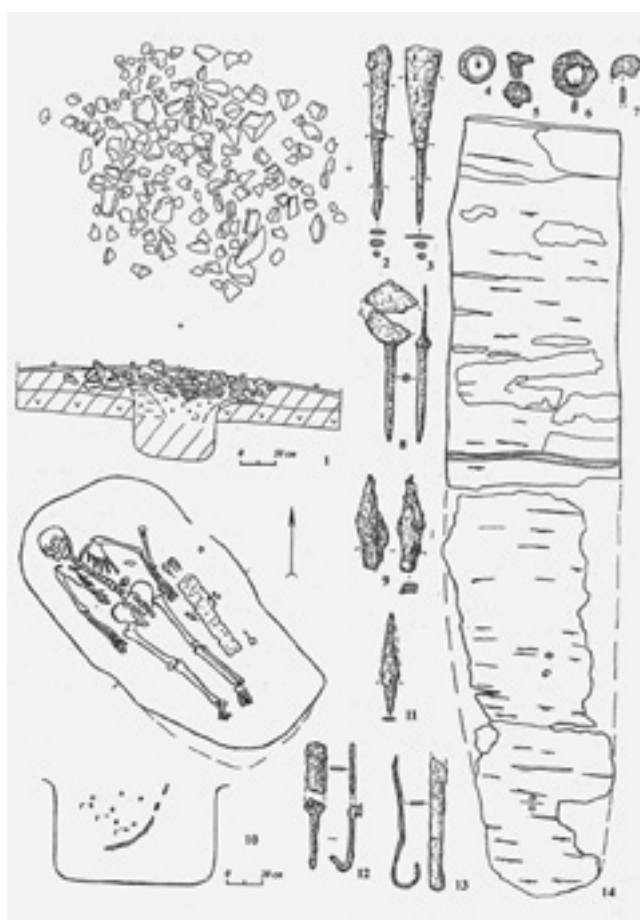
Вещевой инвентарь, и без того не слишком богатый в погребениях золотоордынского периода, постепенно с исламизацией кочевого населения урало-казахстанских степей исчезает из их погребений.

Сокращение ассортимента погребального инвентаря свидетельствует о наступлении нового хронологического периода, основным содержанием которого явилось принятие населением урало-казахстанских степей ислама. Сопровождался этот процесс постепенным отмиранием языческих традиций в погребальном обряде — исчезновением в могилах предметов конской сбруи, вооружения и бытовых предметов.

Этот процесс происходил повсеместно, он фиксируется в курганах и погребениях разных типов в разных вышеобозначенных микрорайонах урало-

Погребальный инвентарь, общий план и разрез. Могильник Агаповский 1, курганы 2, 3

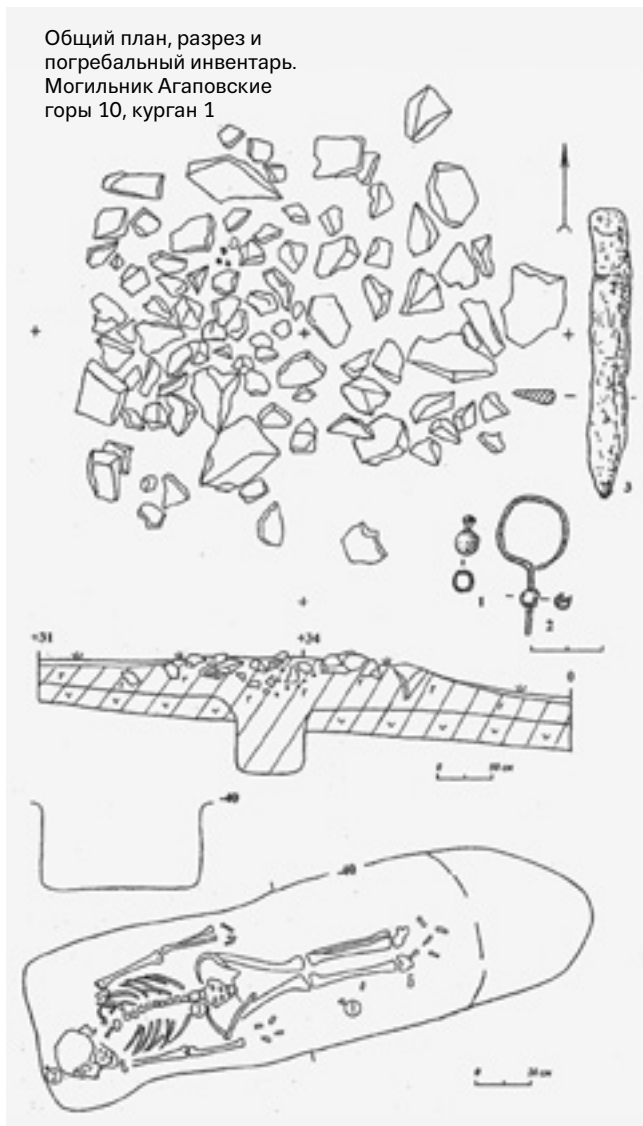

Погребальный инвентарь, общий план и разрез. Могильник Агаповские горы 10, курган 2

казахстанских степей (Мамбетбай, курган 2; Базар Тюбе I, курган 2; Алебастрова I, курган 6; Карагач, курган 1; Жамонталан, курган 2; Хабарный I, курганы 8, 11; Ишкуловский II, курганы 7, 8, 10; Покровский, курган 11; Жаман-Карагала, курган 22; Худай-Берген IV, курган 10; Новая База I, курган 1; Ибрагимово III, курган 6; Чулпанские, курган 2; Уральские, курган 4; Покровский, курган 1; Саралжин I, курган 1; Лебедевка 8, курган 1; Родники 1, курган 1; Озерновский, курган 1).

К тому же при соблюдении ряда основных особенностей мусульманской погребальной обрядности (отсутствие инвентаря, соблюдение кыблы — поворот лица в сторону Мекки, хотя и не всегда) по остальным признакам все они мало чем отличаются

от инвентарных погребений золотоордынского языческого периода. Практически все безынвентарные захоронения совершены под курганными насыпями (за исключением погребений с использованием различных кирпичных сооружений), довольно часто — в гробах или колодах, в могильных ямах таких же форм, как правило, вытянуто на спине, с преобладанием западной ориентировки. Все это позволяет отнести данные погребения к числу памятников золотоордынской мусульманской группы и датировать в хронологических рамках середины XIV — начала XV в. На правочерность такой датировки указывает и ряд погребений, абсолютно идентичных по погребальному обряду безынвентарным комплексам, но содержащих монеты

Общие планы и разрез, погребальный инвентарь. Могильник Агаповский I, курганы 4, 12

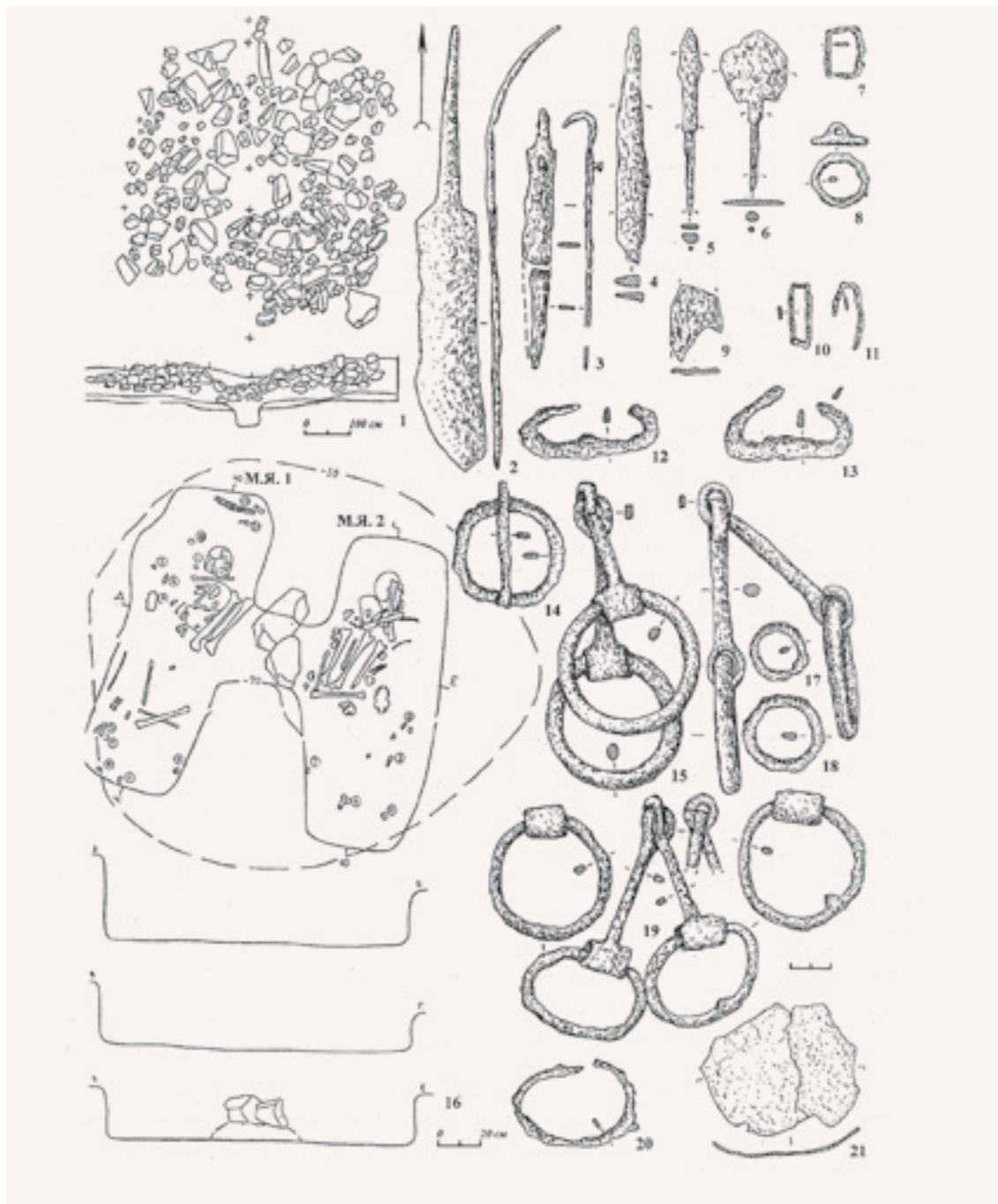

золотоордынского времени (Байгускарово II и др.), подвески в виде знака вопроса (Баишево, курган 5, и др.) и т. д.

Что касается типологического и территориального сопоставления языческих и раннемусульманских погребений, то зачастую и те и другие располагаются на одних и тех же могильниках (Линевский I, Ишкуловский II, Покровский и др.), что предполагает хронологическую и этнокультурную близость и преемственность населения, оставившего эти памятники и также указывает на стабильность его пребывания здесь в XIII–XIV веках.

Эти данные, безусловно, указывают на массовое переселение кочевого населения из Восточного Дешт-и-Кипчака. Как уже упоминалось, этот

процесс и был назван Р. Г. Кузеевым «кыпчакской миграцией». Это отнюдь не означало исключительно кыпчакским заселением региона. Помимо собственно кыпчаков в эту переселенческую волну вошли катаяские, табынские, минские и, вероятно, другие объединения тюркских народов Туркестана и Средней Азии. В археологическом материале это отразилось следующим образом. Если систематизировать данные нескольких десятков погребений предшествующего этапа (XI — начало XIII в.), то кыпчакский ИКК суммарно будет выглядеть следующим образом. Памятниками этого периода являются как земляные курганы, так и насыпи из земли и камня, а также каменные ограды. Большинство могильных ям имеют подбой или ступеньку, где

Общие планы и разрезы, погребальный инвентарь. Могильник Агаповские горы 19, курган 1

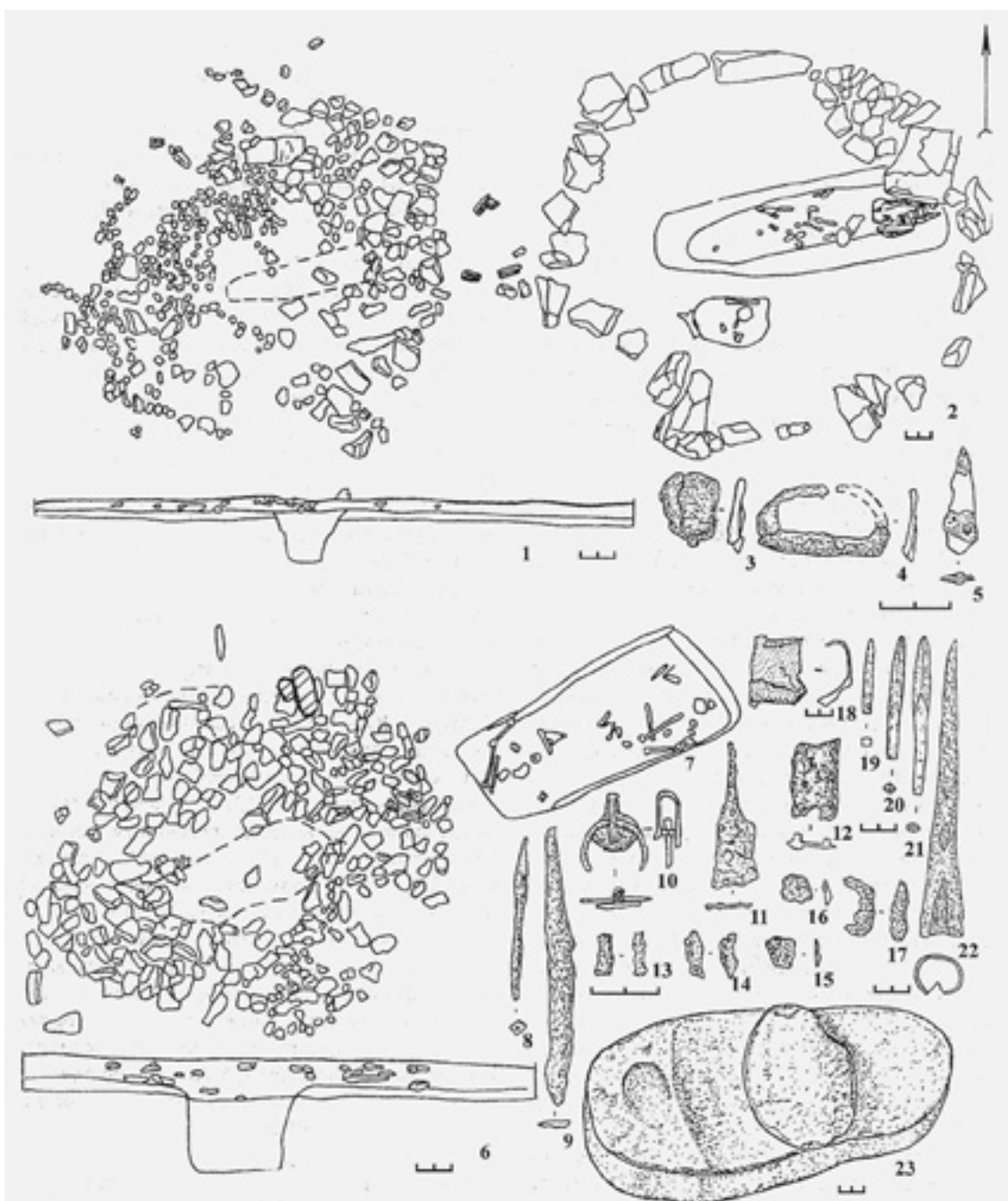
располагаются кости черепа и ног лошади, либо в погребениях присутствует конская упряжь (удила, стремяна, седла). Преобладающая ориентировка погребений — западная с отклонением на юг и север.

Насколько позволяют судить данные погребальной обрядности последующего периода (XII–XIV вв.), этот комплекс сохранялся, причем в курганах разной конструкции. Однако здесь следует заметить, что при сохранении ориентировки покойника в западный сектор наиболее частым становится захоронение цельного остова лошади; погребение со шкурой (голова и кости ног) единичны.

Остается высоким процент захоронений с западной ориентировкой с предметами узды (до 9 %).

Таким образом, при анализе материалов памятников данного этапа наблюдается чрезвычайная пестрота археологических типов материальной культуры. Сегодня сложно выявить устойчивые этнодиагностирующие признаки погребального обряда, позволяющие с высокой долей вероятности соотнести те или иные типы археологических комплексов с конкретными этноплеменными объединениями. Исключением являются памятники аскизского типа, а также погребения с северной и северо-восточной ориентировкой, которые уве-

Общие планы и разрезы, погребальный инвентарь. Курганы у села Кирса, курганы 1, 2

ренно связываются с монгольской культурной традицией [174, с. 13]. Однако в целом южноуральские материалы золотоордынского круга обнаруживают определенную тенденцию. Интересным в этой связи является комплекс небольших родовых могильников, сосредоточенных на сравнительно малой территории Агаповских гор и Кирсы (окрестности Магнитогорска).

Несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных в этом микрорайоне комплексов (до двух десятков), в целом погребальный обряд этой выборки демонстрирует основные тенденции историко-культурного комплекса южноуральских кочевников и Золотой Орды.

Абсолютно господствующей ориентировкой погребений в составе агаповских и кирсинских могильников, равно как и всех погребений Южного Урала, является западная (северо-западная, юго-западная). Хотя при этом существуют погребения с северной и северо-восточной (монгольской) ориентировкой (в пределах все тех же 20 %), что, по мнению В. П. Костюкова, является признаком южно-сибирского влияния. Показательно наличие костей коня в Кирсинском кургане. Таким образом, и здесь продолжают сохраняться основные традиции, которые были заложены в предшествующее огузо-кыпчакское время. Кроме того, отдельные категории вещевого инвентаря (наконечники стрел, удила, накладки, кресала) испытывают явное влияние со стороны южносибирского кимако-кыпчакского и аскизского ареалов.

Все вышесказанное позволяет говорить, что основную часть золотоордынского общества составляло местное урало-казахстанское кочевое население, входившее накануне монгольского нашествия в Дешт-и-Кипчак. В этой связи мы разделяем точку зрения исследователей, которые говорят о кыпчакской составляющей южноуральского населения в период Золотой Орды. Хотя бесспорно, что собственно само название «кыпчак» теряет бывшее интегрирующее значение. Оно продолжает существовать среди многочисленных племенных наименований, которые вступают на арену в период глобальной этнокультурной деструкции.

По мнению В. П. Костюкова, опирающегося на письменные источники, основу населения Улуса

Монгольский лучник.
Персидская миниатюра

Шибана составляли такие родоплеменные объединения, как найманы, карлуки, кушчи, буйрак, согласно списку «омаков», переданные во владения Шибана [174, с. 16]. Думается, этим не исчерпывался весь перечень родовых объединений, расселявшихся в пределах улуса Шибан-хана. Вероятнее всего, список племен, населявших урало-казахстанские территории и входивших в состав Улуса Шибана, был более обширным. Немногим позже один из потомков Шибана, Абулхайр-хан, объединил многие роды Казахстана, которые в начале XIII века были переселены в Среднюю Азию. По данным Мухаммада Салиха, в составе переселенцев-шибанидов насчитывалось 19 родов, 13 из них были выходцами из Дешт-и-Кипчака, среди них — абгу, аблу-оглы, буркут, дурман, ички, карлук, конграт, кушчи, мангыт, найман, нукуз, тама, уйсун [364, с. 18]. Очевидно, что большинство этих племен ранее входили в кыпчакское этнополитическое объединение. Насколько нам известно, собственно кыпчакское родовое объединение сохранялось и в последующий период. Род «кыпчак» являлся одним из составляющих населения Среднего Жуза и занимал районы Северного Казахстана, непосредственно примыкающие к Южному Зауралью.

Таким образом, несмотря на то что в течение XIII–XIV веков на территории Улуса Шибана шла активная этнокультурная нивелировка, которая естественным образом была обусловлена высокой плотностью совместного проживания, политическим и идеологическим единством, тюркокультурной общностью автохтонных кочевых народов

урало-казахстанских степей, установление административной улусной системы и принятие единой религии завершили процесс этнокультурогенеза современных степных народов евразийского порубежья.

И еще одно важное наблюдение, касающееся социокультурных изменений, произошедших в среде урало-казахстанских кочевников в период господства Золотой Орды. Из приведенных характеристик материалов видно, что погребальная обрядность и сопровождающий инвентарь отражают весьма унифицированный комплекс вооружения легковооруженного воина-лучника (колчан, лук, реже сабля), весьма ограниченный набор бытовых предметов и украшений (нож, кресало, серьги, редко зеркала). Более чем в 40 % случаев встречаются безынвентарные погребения. Возможно, часть из них отражает процесс исламизации населения южноуральских и североказахстанских степей, однако наличие при этом бедных погребений, с одним или двумя случайными предметами, позволяет часть безынвентарных погребений (которых свыше 50 %) соотносить просто с беднейшими соплеменниками.

Значительная часть колчанов содержит, скорее всего, охотничий набор наконечников — широко-

лопастных и костяных. При этом заметим, что на предшествующем, кыпчакском этапе колчаный комплект включал стабильно большое количество стрел (5–7 экз.). Создается впечатление о слабой военной оснащённости кочевников урало-казахстанских степей вопреки историческим реалиям периода монгольских завоеваний и длительных степных междоусобиц и конфронтаций XIV–XV вв. Этот факт трудно объяснить однозначно. Возможно, в пределах Южного Урала и примыкающих с севера степей Казахстана мы имеем дело с невоенизированным в большинстве своем (около 80 %) автохтонным населением домонгольского

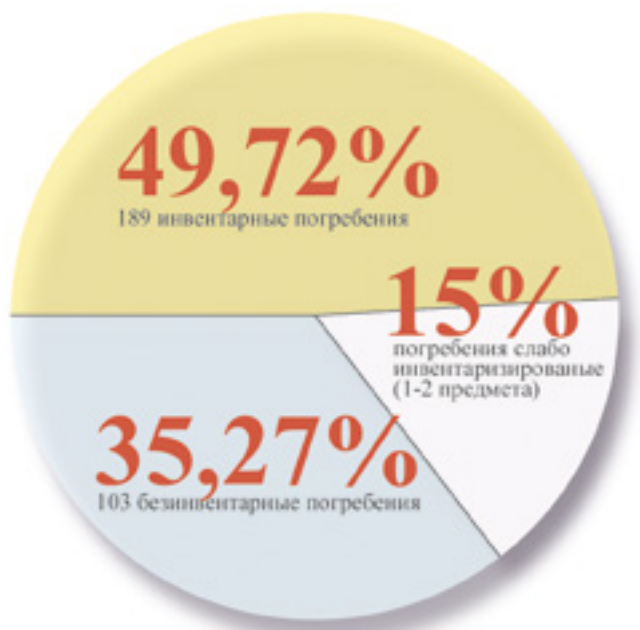

Схема распределения погребений с инвентарем и безынвентарных

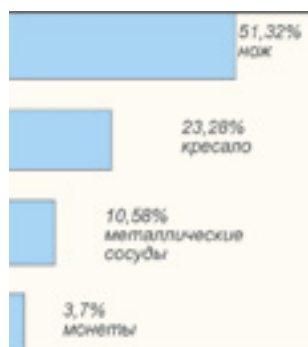

Схема распределения бытового и ритуального инвентаря в погребениях

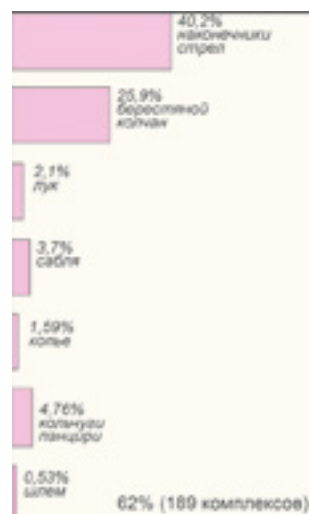

Схема распределения предметов вооружения в погребениях

Схема распределения украшений и предметов быта в погребениях

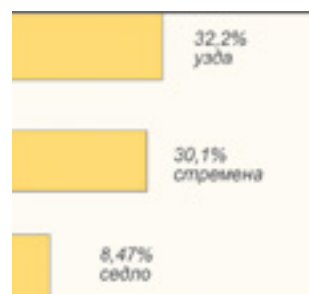

Схема распределения предметов конской сбруи в погребениях

Дешт-и-Кипчака, вытолкнутого из пределов Мавераннахара и Большой степи монгольским нашествием. Это были наиболее бедные роды, которые, в отличие от элит кыпчаков и канглов, избежали тотальных карательных мер. В этой среде хорошо маркируются погребения с северной и северо-восточной ориентировкой, в гробах, в ряде случаев с целыми тушами коней (Алебастрово II, Большевик, Лебедевка, Андреевский, Линевка I, Каменный Амбар III) и сравнительно богатым инвентарем, которые в целом не превышают 20 % и могут быть интерпретированы как монгольские или относящиеся к кочевникам Южной Сибири (по В. П. Костюкову). Они в определенной степени могут быть соотнесены с военизированным населением, по крайней мере, в сравнении со всеми остальными.

Вероятнее всего, это часть промонгольского населения, которая была призвана выполнять наиболее важные социально-административные функции: прежде всего, сбор податей или, скорее всего, содействие баскачьим разъездам (сборщики налогов), а также ямскую повинность. По мнению В. П. Костюкова, это была одна из главных общегосударственных функций населения Улуса Шибана, так как через Западный Казахстан и Южный Урал пролегал наиболее прямой маршрут из Волжских золотоордынских столиц в Каракорум.

В связи с вышесказанным, вероятно, будет интересным отдельно рассмотреть наиболее богатые элитные погребения, встреченные в границах Урало-Казахстанского региона. Их крайне мало.

Как нам представляется, это объясняется значительной удаленностью региона от среднеазиатских и поволжских столиц Золотой Орды, где сосредоточивалось наибольшее количество кочевой знати.

Так сложились исторические обстоятельства, что наиболее известные золотоордынские городские центры располагались на значительном удалении от Южного Урала. Так, северная столица Шибанидов — Чинги Тура — находилась в Западной Сибири (Тюмень), а Сарайчик, который находился в устье Урала, некоторое время (1242–1280) являлся южной столицей Улуса Шибана. Здесь же на реке Урал (выше по течению) располагался золотоордынский город Жайык (Чаган), исследования которого проводились в последние десятилетия.

Сарайчик.
Общие виды памятника
(по К. М. Байпакову)

Сарайчик, или **Сарай-Джук** (Малый дворец) — первоначально один из торговых центров Улуг Улуса (Золотой Орды). В 1242–1280 годах — столица Улуса Шибана. Территория в составе Казахского ханства. Древнее название нынешнего города Атырау (Усть-Яицкий городок, Гурьев). Город находился на торговом пути из Европы в Китай через Поволжье и Хорезм на реке Урал.

Сарай-Джук был одним из крупнейших городов Золотой Орды и центром городской агломерации (зафиксирован ряд городищ, разрушенных хозяйственной деятельностью в XX веке, на окраине Атырау расположено городище Актобе — Лаэти в генуэзских записях). Судя по археологическим находкам, в частности сосудам с надписями, Сарайчик был городом с развитой культурой. В нем функционировали уникальные сооруже-

ния — водопровод и канализация из керамических труб. Имелось металлургическое и гончарное производство, чеканились монеты. Жители также занимались ремеслами, бахчеводством, огородничеством и рыболовством. Стратегическое расположение, связывавшее Восток с Западом, сделало город крупным центром торговли.

Арабский путешественник и географ Ибн Баттуа, автор записок «Путешествие в Дешт-и-Кыпчак», описывая свое пребывание в 1334 году в Сарайчике, сообщает о пароме на протоке Улы-су, напомнивших ему Багдад. Окрестности города были своеобразным курортом, сюда приезжали поохотиться и порыбачить знатные люди со всей Орды.

В 1395 году Сарайчик был разрушен войсками Тамерлана. Нет точных данных о количестве сохранившихся жителей.

Городище Жайык (Чаган). Во время исследований 2001–2002 годов в пойме реки Урал близ города Уральска были обнаружены два средневековых городища, которые располагались друг напротив друга, по обоим берегам. Археологическая экспедиция Казахской академии наук (руководитель К. М. Байпаков) произвела раскопки городища на правом берегу Урала, у подножия Свистун-горы, в 8 км к югу от Уральска. Это городище археологи условно назвали Жайык, или Чаган. Оно не имело искусственных оборонительных сооружений: валов, стен, полов. Границами ему служили овраги

и берег. Приблизительная площадь города 7–9 га. При раскопках жилой усадьбы, бани, печи для обжига керамики в 1,5 км восточнее города обнаружен некрополь, где располагался богато украшенный мавзолей знатных граждан. Анализ архитектуры и находок, сделанных на городище, указывает на то, что этот центр и его материальная культура испытывали явное влияние со стороны Хорезма и Сырдарьинских оазисов. Основные приемы домостроения и предметы гончарного и изразцового искусства аналогичны тем, что были выявлены в Ургенче, Отраре Туркестана в слоях XIII–XIV веков.

Глазурированные кувшины XIV–XV вв. Сарайчик (по К. М. Байпакову)

Облицовочные плиты мавзолея. Жайык. XIV век

Чинги-Тура — столица Тюменского улуса Золотой Орды, впоследствии Сибирского ханства, Узбекского ханства и Большой Орды. Ныне памятник археологии «Царево (малое) городище» в Тюмени.

Город впервые появился на карте Каталонского атласа в 1375 году как Singiu, центр Тюменского вилайета. Использование формы «вилайет» натолкнуло ряд историков на мысль, что автор атласа черпал сведения из более ранних мусульманских источников. Часть историков считает, что первоначально Чинги-Тура был столицей Улуса Тайбуги — Тайбугинского юрта. Другие локализируют столицу юрта в Кашлыке или вообще относят его возникновение к более позднему времени. Более-менее общепринятой является точка зрения, что после образования в 1224 году Улуса Джучи, будущей Золотой Орды, в его составе появилась Тюменский улус со столицей в Чинги-Туре. Улус относился к той части Золо-

той Орды, которая управлялась родом Шибанидов. В 1359 году в Золотой Орде началась Великая Замятня, в ходе которой к власти в орде попытались прийти как раз Шибаниды. Благодаря этому значение Тюменского улуса возросло. Одно время (1396–1406) тюменским ханом был знаменитый Тохтамыш, бежавший сюда после поражения от Тамерлана. В 1428 году Чинги-Тура стала первой столицей Узбекского ханства, основанного Абу-л-хайром, и пробыла ею до 1446 года (18 лет), пока хан не перенес свою ставку в Сыгнак. После смерти Абу-л-хайра при поддержке ногайских мурз власть в Тюменском ханстве захватил Ибак (Сайид Ибрахимхан), с которым связано максимальное возвышение Чинги-Туры. В 1469 году Ибак на поле битвы разгромил войско Узбекского ханства и получил от него независимость. Для борьбы против Золотой Орды в 1480 году он заключил союз с Великим княжеством

Чинги-Тура (Tumen) на карте Сигизмунда фон Герберштейна, опубликованной в 1549 году

Московским, а в 1481 году лично убил хана Ахмата. После этого Ибак объявил себя ханом Большой Орды, а столицей его (ордубазаром) сделал Чинги-Туру. Город был столицей Большой Орды в 1481–1495 годах (с перерывами).

В 1495 году (предположительно) Ибак был убит представителем тайбугинской династии Мухаммедом, отец которого Мар ранее погиб от рук Ибака. Мухаммед Тайбуга перенес столицу

ханства в свою ставку в Кашлыке (около современного Тобольска). Вероятно, с этого момента в Сибирском ханстве наступило двоевластие: Тайбугины пытались управлять ханством из Кашлыка, а считавшие себя законной династией Шибаниды продолжали рассматривать в качестве своей столицы Чинги-Туру. Конец двоевластию положил внук Ибака шибанид хан Кучум, победивший тайбугина Едигера и окончательно перенесший столицу Сибирского ханства в Кашлык.

Кашлык (Сибирь, Ибер, Искер) — город, столица Сибирского ханства. Находился на правом берегу Иртыша при впадении реки Сибирки, в 17 км выше современного Тобольска. Ныне памятник археологии «Кучумово городище».

На карте Герхарда Меркатора, опубликованной в 1595 году, город (и регион) Sibier расположен на левом притоке Оби. Меркатор правильно разместил Сибирь около 58° северной широты, но намного западнее, чем в действительности.

Город Искер возник еще до монгольского нашествия.

Фрагмент карты Герхарда Меркатора

Территория города, как и вся земля Сибири, неоднократно была заселена разными племенами и народами, предположительно, начиная с эпохи бронзового века (I тыс. до н. э.). В свое время эта земля называлась «Кашлык», а также «Сибирь» — от названия древнего народа сабириков, некогда заселявших территорию Зауралья. К началу XIII века Искер был уже значительным поселением. По сообщениям историков, в 1224 году в числе прочих владений Чингисхан передал в улус Джучи также и «Ибирь-Сибирь». Искер являлся столицей Сибирского ханства (конец XV — начало XVI века). Ш. Марджани утверждал, что в XIII веке

«План столичного города Искера» из альбома М. С. Знаменского «Прогулка по историческим окрестностям

в Кашлыке находилась ставка Шибана, пятого сына Джучи и внука Чингисхана, основателя улуса Шибана и рода основателей Сибирского ханства Шибанидов. Впервые город упоминается в 1367 году на карте братьев Франциска и Доминика Пицигани, где изображен под названием Sebur. Спустя 8 лет под тем же названием указан в Каталонском атласе. 26 октября 1582 года, после поражения сибирского войска в битве при Чувашском мысу, город был занят Ермаком. Накануне занятия

города Тобольска» (копия 1880-х годов с плана 1820-х годов, хранившегося в Тобольском губернском музее)

его жители и сам хан Кучум спешно бежали в ишимские степи. По преданию, казаки нашли здесь богатую добычу. После гибели Ермака, в городе вновь пыталась утвердиться династия тайбугинов в лице Сейд Ахмеда (Сейд Ахмат, Сейтек, Сейдяк), нашедшая поддержку у Казахского ханства. Но после пленения в 1588 году в Тобольске Сейд Ахмеда и «царя Салтана» (казахского царевича Ураз-Мухаммеда) Кашлык запустел и стал разваливаться, отчасти подмываемый рекой Иртыш.

«План столичного города Искера» из брошюры М. С. Знаменского. 1891 год

Городище Искер. Общий вид

Городище Искер. Вид с западного края площадки городища на юго-запад. Октябрь 2011 года. Фото Л. Н. Сладковой

Все остальные столицы — Сарай, Булгар, Кашлык (Искер) — располагались на еще более значительном расстоянии и являлись городскими центрами соответственно Поволжского и Поиртышского регионов, то есть столицами Золотой Орды и Сибирского ханства. Хотя последний Кашлык или Искер стоит особняком в списке, также он являлся последней столицей шибанидов до падения Сибирского ханства (1582 г.).

Из числа статусно выделяющихся погребений наиболее близким является погребение из кургана Федоровка в окрестностях Челябинска, исследованное Н. Б. Виноградовым. Оно представляло собой, вероятно, небольшой грунтовый курган, под насыпью которого располагалась подовальная могильная яма, забутованная камнем. Погребенный лежал головой на северо-запад. В головах его располагались кости (барана). Кости ступней ног имели характерное разрушение, указывающее на то, что сверху на них было уложено седло, остатки которого фиксировались у торцевой стенки ямы.

План могильной ямы и погребальный инвентарь. Погребение у села Федоровка

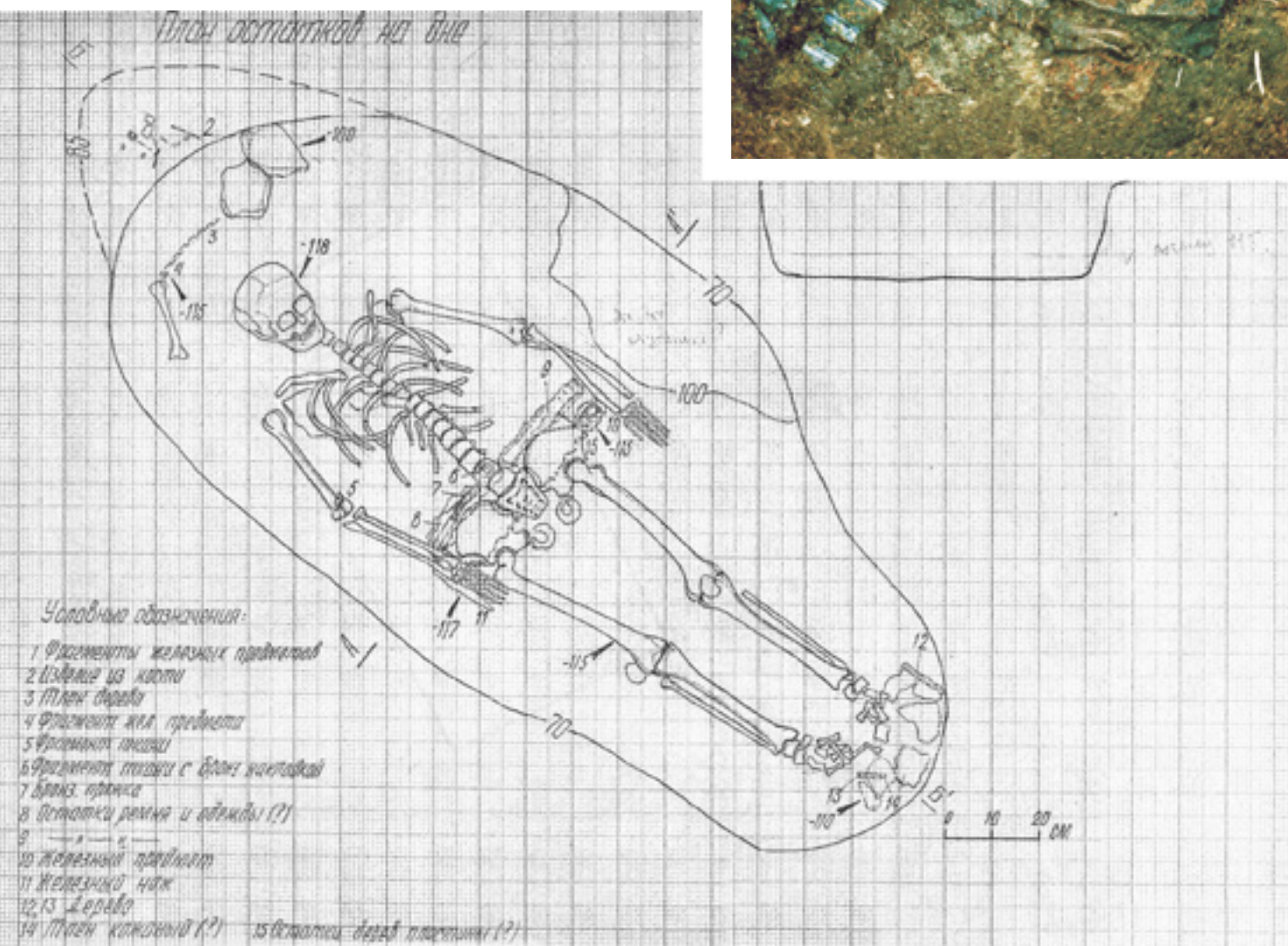

Общий вид. Погребальный инвентарь. Погребение у села Федоровка

План могильной ямы (левой чертёж), фото детали погребения и графическая реконструкция пояса с навесными элементами. Погребение у села Федоровка

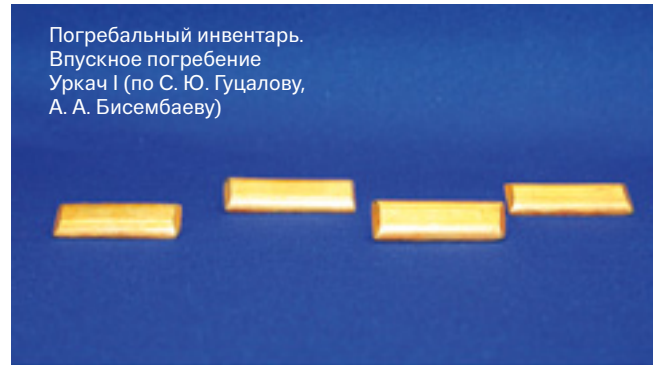
Покойник был одет в шелковый (синий?) кафтан, украшенный золотым шитьем и подбитый войлоком (сукном?). В области поясницы расчищен пояс, представляющий собой плетеную крупнотканую матерчатую (шелк?) ленту, украшенную 57 поперечными прямоугольными бронзовыми накладками с бордюром. Одна из накладок соединялась с подвесной бронзовой скобой, к которой, судя по остаткам кожаных изделий, подвешивался кожаный кошель, украшенный тисненым шахматным узором. В нем располагались деревянный (самшитовый?) двусторонний гребень и остатки кресала. Справа от правой кисти погребенного лежал железный нож с костяной рукоятью, обтянутой тисненой кожей.

Еще три выдающихся комплекса были исследованы на севере западноказахстанских степей С. Ю. Гуцаловым и А. А. Бисембаевым.

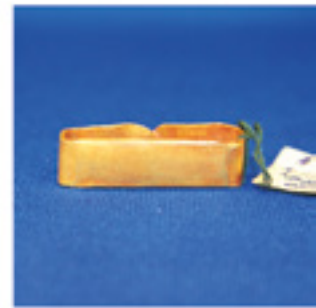
При исследовании могильника Уркач I, расположенного в Мугаджарском районе Актюбинской области, в кургане № 15 обнаружена впускная могильная подбойная яма. Вход подбоя был заложен каменными плитами, опиравшимися на вертикальные деревянные плахи. На дне подбоя под остатками белого покрывала находился скелет взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением к востоку. У восточной стенки, напротив бедер находились остатки заупокойной пищи — трубчатая кость овцы. Овечьи ребра и альчики лежали также у изголовья погребенного. Под костями животного справа от скелета располагались остатки берестяного трубчатого колчана с узкой горловиной и широким основанием, украшенного железными позолоченными бляшками. На щитке колчана в верхней части обнаружены железные черешковые наконечники стрел. На черешке одного из них имелись два костяных колечка. Рядом с колчаном находились обломки длинного железного ножа.

На стопах погребенного лежало деревянное седло с тонкой костяной накладкой на передней луке. На седло сверху были брошены остатки сбруи: железные односоставные удила с круглыми в сечении кольцами, подпружная круглая пряжка с прямоугольным приемником, детали уздечного набора с колечками, обломки пряжек. Рядом с сед-

лом обнаружено железное стремя. На поясе погребенного расчищены следы портупейных ремней с элементами поясного набора из золота: ременная пряжка с прямоугольным приемником и подвижным язычком, наконечник ремня, прямоугольные

Погребальный инвентарь.
Впускное погребение
Уркач I (по С. Ю. Гуцалову,
А. А. Бисембаеву)

обоймы и бляшки с проволочными скобами на тыльной стороне. Ниже поясного ремня находились бляшки-подвески в виде длинной скобы и замочков. На задней стороне бляшек имелись штифты с шайбой. Крепились бляшки посредством заклепок из стержня штифта. На тазе погребенного обнаружена оригинальная бляшка с растительным орнаментом и подвижно закрепленным кольцом, такая же найдена у основания колчана.

Возле ременной пряжки слева от скелета стояла опрокинутая вверх дном золотая чаша. Вторая чаша, немного больше по размерам, из электра находилась под колчаном. Ниже тазовых костей зафиксированы остатки двух тканевых многослойных мешочков-кошельков, один над другим. В каждом мешочке лежало по четыре бронзовых прямоугольных обломка. У нижнего мешочка имелись деревянные застежки-пуговицы. Вдоль скелета погребенного в два ряда, на плечевых костях, тазе, бедрах и колене лежали плоские диски-бляшки из золотой пластины — всего девять штук. Еще одна, восьмеркообразной формы, находилась у шейных позвонков. Под черепом погребенного обнаружена витая серьга из золотой проволоки. Скелет лежал на истлевшей войлочной подстилке.

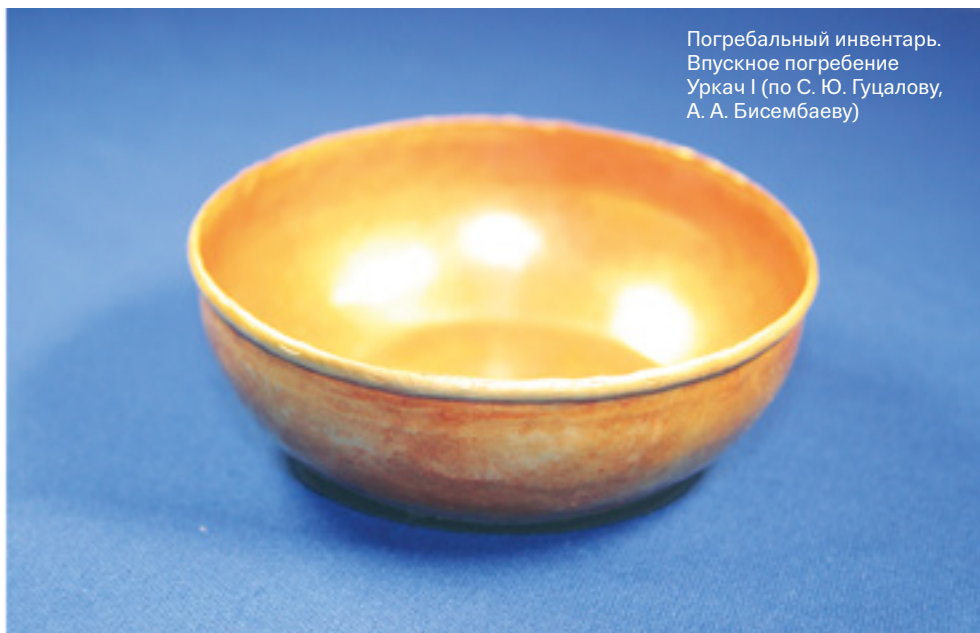
Еще одно погребение исследовано в кургане 1 могильника Салтак I, расположенного в этом же регионе на левом берегу Урала. После снятия насы-

пи до уровня погребенной почвы обозначилась каменная подквадратная конструкция в виде ограды, сложенная из крупных камней.

Могильная яма четких прямоугольных очертаний находилась в центре конструкции. В яме на глубине один метр от уровня погребенной почвы покоился скелет взрослого человека головой на В–СВ. Скелет располагался в гробовище, о чем говорят остатки деревянных плах и тлен у правой руки и на костях.

У восточной стенки за черепом обнаружено бронзовое посеребренное зеркало с небольшим изломом по краю. Под зеркалом найдены остатки шелковой материи, бронзовый умбончик и два кусочка дерева от футляра, скрепленные железным штырьком, а также кусочек железа, напоминающий цветок с обломанными лепестками. Рядом с зеркалом находились железные ножницы, по форме близкие современным.

На черепе и за ним были расчищены слоившиеся кусочки бересты от головного убора. У затылка находилась подвеска от шапочки, состоящая из деревянного стерженька с веслообразным расширением книзу и четырех бронзовых проволочных листовидных подвесок, прикрученных к деревянному стержню тонкой бронзовой нитью. Такая же нить внутри каждого лепестка образовывала кружевное плетение с небольшой бусинкой в центре.

Погребальный инвентарь.
Впускное погребение
Уркак I (по С. Ю. Гуцалову,
А. А. Бисембаеву)

Общий вид.
Могильник Булак III, курган 1
(по А. А. Бисембаеву)

Могильная яма.
Могильник Булак III, курган 1
(по А. А. Бисембаеву)

Края рамки-листка выгнуты, сделаны из витой проволоки. Между правой рукой и позвоночником, у локтевого сгиба покойного лежала перевернутая вверх дном бронзовая чаша с бортиком по верхнему краю.

Следующее элитное захоронение в этом регионе зафиксировано в кургане № 1 могильника Булак III. Могильная яма выявлена в южной половине кургана, практически у центра. К северной стенке ямы

Погребальный инвентарь.
Могильник Булак III, курган 1
(по А. А. Бисембаеву)

примыкала небольшая ступенька-уступ. На дне могильной ямы расчищен скелет взрослой женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на запад. Справа от скелета, у южной стенки на уровне плечевой кости находилась конская сбруя, представленная обрывками сыромятных ремней с большим количеством металлических блях, соединяющих перекрестья ремней или украшающие их. Здесь же найдено большое количество сильно корродированных железных предметов — остатков удил и железных соединительных колец. Узда была украшена растительным и зооморфным орнаментом, часть бляшек узды носили следы позолоты. К этому уздечному набору относится золотой колоколовидный предмет с деревянным вкладышем.

На правой бедренной кости лежала вверх дном небольшая золотая чаша с припаянным поддоном и плоской боковой ручкой на заклепках. На ноги погребенной было уложено деревянное седло с прослеживаемой передней лукой и остатками украшавшей ее металлической фольги. Седло сопровождали два стремена, одно — хорошей сохранности, с обрывками ремней, ожелезненных в результате коррозии. В средней части скелета обнаружены две халцедоновые пластины с просверленными отверстиями, каменный амулет, окаменелый зуб ископаемого животного.

Погребальный инвентарь.
Могильник Булак III, курган 1 (по А. А. Бисембаеву)

Общий вид погребальной конструкции. Могильник Карасуыр, курган 4 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Общий вид погребальной конструкции и погребения. Могильник Карасуыр, курган 3 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

У левой бедренной кости находились фрагменты железного предмета (вероятно, остатки ножа) в деревянных ножнах. Череп погребенной покрывали остатки многослойной шелковой ткани от головного убора, среди фрагментов ткани были обнаружены тонкие золотые пластины с растительным и зооморфным орнаментом, а также плоские неорнаментированные серебряные.

В комплект конской сбруи входили три концевые бляхи с одним скругленным краем и фигурной противоположной стороной, плоские, с тремя отверстиями под заклепки. Одна бляха покрыта четким растительным орнаментом, нанесенным чеканкой, на двух других орнамент едва заметен. Оригинально сделаны две пластины, которые также подходят под категорию концевых: узкие торцевые края их фигурные, на узких краях сделаны два отверстия, в середине отчеканены изображения зайцев — на одной пластине головой влево, на другой вправо.

В уздечный набор входят четыре трехлопастные соединительные бляхи от ремней конского оголовья, изготовленные из бронзы и посеребренные. По форме они схожи между собой, но не идентичны. На одной бляхе хорошо отчеканен растительный орнамент, на двух рисунок едва заметен, одна бляха не орнаментирована. Со стороны отсутствующей лопасти заметен небольшой куполовидный отросток, в центре — выдавленная выпуклость, по краям лопастей имеются три отверстия для заклепок.

Следующий памятник расположен в Центральном Казахстане. Погребения, исследованные в нем, не столь богаты, как западноказахстанские. Однако культурное своеобразие этих комплексов ярко выделяет их из общего числа курганов и погребений эпохи Золотой Орды. В этой связи приводим их сводное описание.

Могильник Карасуыр находится на территории Казахского мелкосопочника, в горах Улытау — одном из культовых центров Золотой Орды, Джучидов и потомков монголов вплоть до конца XVI века. Памятник расположен в бассейне реки Сарысу, в междуречье рек Буланты и Калмаккырган (современное название бывшей реки Белеуитты, Улытауский район, Карагандинская область, Республика Казахстан) и был исследован Э. Р. Усмановой

в 2011 году. Всего исследовано пять курганов, четыре из них расположены в ложбинах на склоне сопки. Надмогильные сооружения состоят из беспорядочно сложенных камней, образующих подовальные конструкции размерами 4×5 м и высотой до 0,5–0,7 м. Для простоты изложения далее будем обозначать их общим термином «курган». На двух из них имеются надгробные обелиски из кварцита (на кургане 1 — антропологическое изображение, на кургане 5 — два камня черного и зеленого цветов). Курган 4, в отличие от остальных, расположен не в ложбине, а на вершине сопки. В каждом кургане находилось по одному погребению, совершенному в грунтовой яме подпрямоугольной формы без облицовки внутри. На иллюстрациях

Общий вид захоронения.
Могильник Карасуыр, курган 1 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

изображены наиболее характерные находки, полный их перечень приведен в подписях к планам погребений. Размеры могил около 1×2 м, глубина 1,2–1,4 м. Все погребения выполнены по обряду трупоположения, умершие укладывались вытянуто на спине, с руками вдоль туловища, головой на

север (курганы 1, 2, 5), северо-восток (курган 3) и восток (курган 4). Инвентарь включал: кресала с кремнями для огнива, железные ножи, железные и костяные наконечники стрел; железные пластины от ламинарного доспеха; берестяные колчаны

Колчан. Могильник Карасуыр, курган 1 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Детали колчана. Могильник Карасуыр, курган 1 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Общий вид захоронения. Могильник Карасуыр (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Погребальный инвентарь. Изделия из кости и железа. Могильник Карасуыр, курган 1 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Погребальный инвентарь. Изделие из орнаментированной кости. Могильник Карасуыр (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

с костяными накладками, орнаментированными прочерченными параллельными линиями и геометрическим орнаментом; костяные накладки на лук в виде лопаточки и отдельной пластины; железные пряжки; колчаный крюк. В погребениях курганов 1, 2, 3 имелись кости мелкого рогатого скота: ноги, ребра, позвонки. В погребении кургана 1 находились баранья лопатка со срезанным краем и бараний астрагал с тремя насечками.

В могиле кургана 2 рядом с черепом погребенного лежали предметы, которые могли иметь ритуальное значение: составной колокольчик и же-

Погребальный инвентарь. Изделия из железа. Могильник Карасуыр, курган 1 (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

Остатки ламellarного доспеха. Могильник Карасуыр (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

лезный крюк. По всей видимости, колокольчик состоял из бронзовой тонкой полусогнутой пластины размером около 4 см с еле заметными отверстиями в двух нижних краях. Возможно, пластина играла роль футляра или чехла (?), в котором находилось тулово колокольчика в форме ворворки, свернутой из железной пластины. В тулово были помещены железный язычок серповидной формы с утолщением на конце и две железные заклепки. Ниже бронзовой пластины с железными деталями, параллельно ей, лежали рог со сквозным отверстием (по всей видимости, ручка) и плохо сохранившиеся фрагменты железного крюка длиной около 10 см.

Колокольчики встречаются в традиционных культурах — в шаманских и народных буддийских ритуалах на Алтае и в Тибете. В ритуальных комплексах они часто сочетаются с другими предметами. В ламаизме колокольчик обязательно сопровождается ваджрой, их держат в разных руках, но иногда ваджра может быть заменена крюком. По-видимому, в погребении кургана 2 крюк, находившийся вместе с колокольчиком, выполнял функцию ваджры.

На бронзовой пластине сохранился фрагмент двухслойной материи типа лампаса, где узор формируется дополнительными утками (в данном случае — золотными нитями). По способу ткачества и использованию золотных нитей можно предположить, что данная ткань произведена на территории, простирающейся от Ирана до Китая. По своей структуре ткань типична для текстиля XIII–XIV вв. С учетом данных радиоуглеродного анализа (курган 1) погребальный комплекс может датироваться концом XIII — началом XIV в. Антропологическое исследование четырех погребений показало, что захороненные мужчины из курганов 1, 2, 3 относятся к центральноазиатской монголоидной расе, представителями которой являются монголы, калмыки, буряты. Погребение из кургана 5 принадлежало европеоиду.

В случае погребений из могильника Карасуыр мы имеем редкое, если не уникальное исключение, когда монгольская и буддийская принадлежность погребенных определяется не только по отдельным признакам, но и по их совокупности.

В погребальном обряде сочетаются следующие монгольские и буддийские признаки:

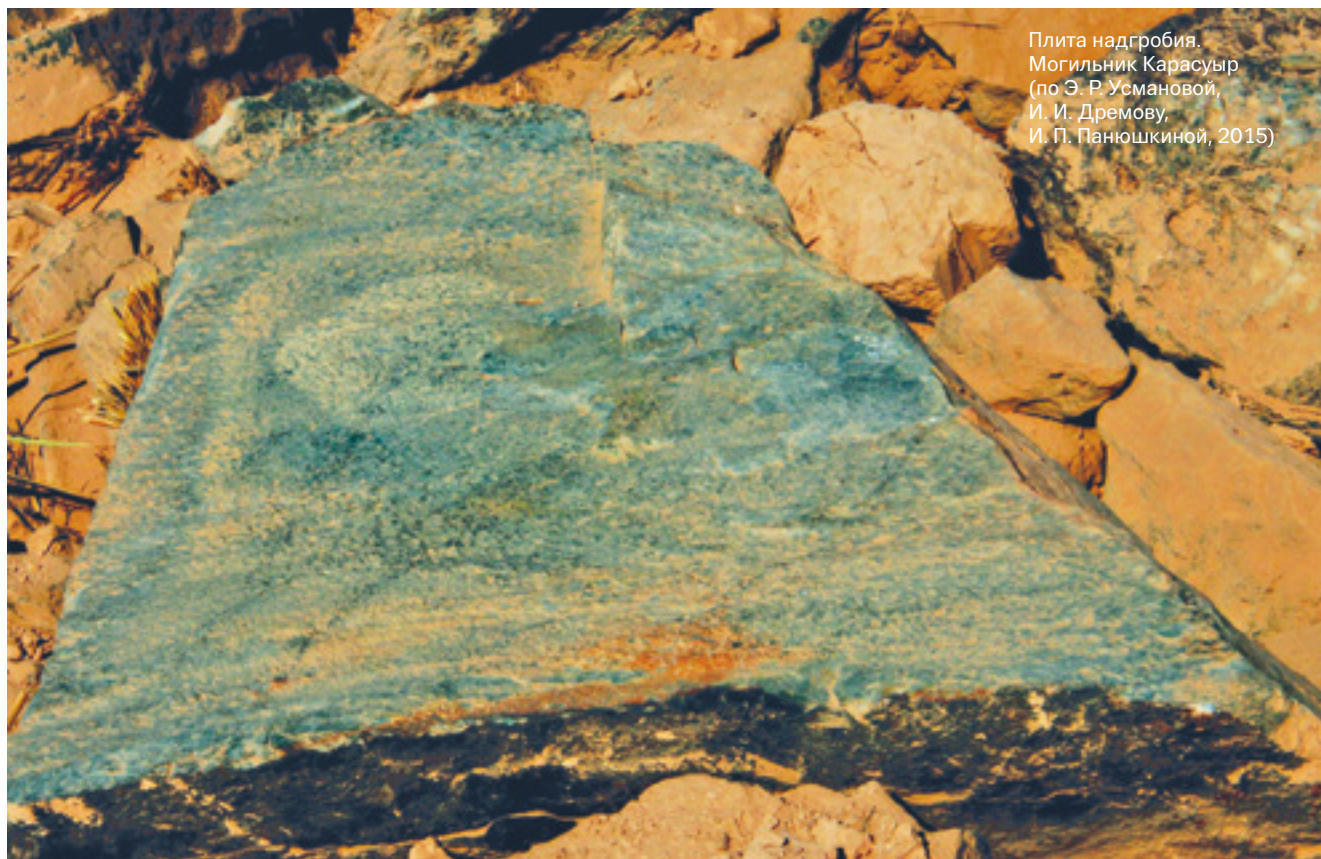
- 1) расположение могил в ложбинах на южном склоне горы;
- 2) наличие овальных каменных насыпей с вертикально установленными камнями-обелисками в надмогильной конструкции;
- 3) северная и северо-восточная ориентировки костяков;
- 4) наличие вертикально вкопанной кости ноги барана.

В инвентаре к культовым буддийским предметам мы относим плиту с образом буддийского бурхана (курган 1), комплекс из колокольчика и железного крюка (курган 2). К культовым обрядам имеют отношение бараний астрагал с тремя насечками и баранья лопатка со срезанным краем (курган 1). Подобные предметы использовались для гадания у многих кочевых народов, как монгольских, так и тюркских, что является пережитком шаманизма. Но для монголов, хазаро-монголов и калмыков этот вид гадания (Далны Мэргэ) наиболее характерен и сохранился до настоящего времени.

Жена Хубилая Чаби в головном уборе бока. Китайская миниатюра

Таким образом, учитывая приведенные сведения о наиболее социокультурно маркированных погребениях большого макрорегиона урало-казахстанских степей, можно предположить, что в подавляющем большинстве их составляют комплексы, несущие элементы новых — восточных

Плита надгробия. Могильник Карасуыр (по Э. Р. Усмановой, И. И. Дремову, И. П. Панюшкиной, 2015)

(монгольских) культурных традиций. Это отразилось в северной и северо-восточной ориентировке покойников, помещении мелкого рогатого скота в погребения и комплексе сопровождающего материала (шелк, предметы торевтики, китайские зеркала), который, помимо статусной характеристики, также находит аналоги в Туркестане и Монголии. Кроме того, влияние буддийских культурных традиций, которые особо ярко просматриваются на материалах могильника Карасуыр, наводят на мысль о сложении в период Золотой Орды в пределах Улуса Джучи и Улуса Шибана, в состав которых входили территории Южного Урала, новой пришлой, вероятно, в большинстве своем монголокультурной кочевой знати, что не противоречит и существующим историческим данным.

Жертвенно-поминальные традиции и святилища кочевников XIII–XIV веков

Целенаправленные и широкомасштабные раскопки курганов эпохи Средневековья, проводимые на Южном Урале в последние десятилетия, позволили выделить своеобразный вид памятников степных кочевников, названный жертвенно-поминальными комплексами (ЖПК), или святилищными комплексами. Уже само название этих оригинальных объектов свидетельствует об их принадлежности не к погребальным, а к мемориальным сооружениям языческой эпохи. Они, как правило, тесно связаны с мемориальными объектами и входят в состав могильников (например, курган 1 некрополя Азнаевский-2), но встречаются и отдельно расположенные насыпи или целые обособленные скопления ЖПК (называемые «святилищами»). Мы относим рассматриваемые памятники к группе «малых культовых объектов» региона, поскольку в степи можно обнаружить более крупные комплексы из камня, которые подпадают под понятие «мегалиты». Мы относим к мегалитическим объектам несколько памятников из нашего перечня (Ак-Булак и др.), которые еще не раскапывались, и к тому же их, скорее всего, следует относить к более раннему времени, нежели эпоха Средневековья. Ограничим наши классификационные построения малыми

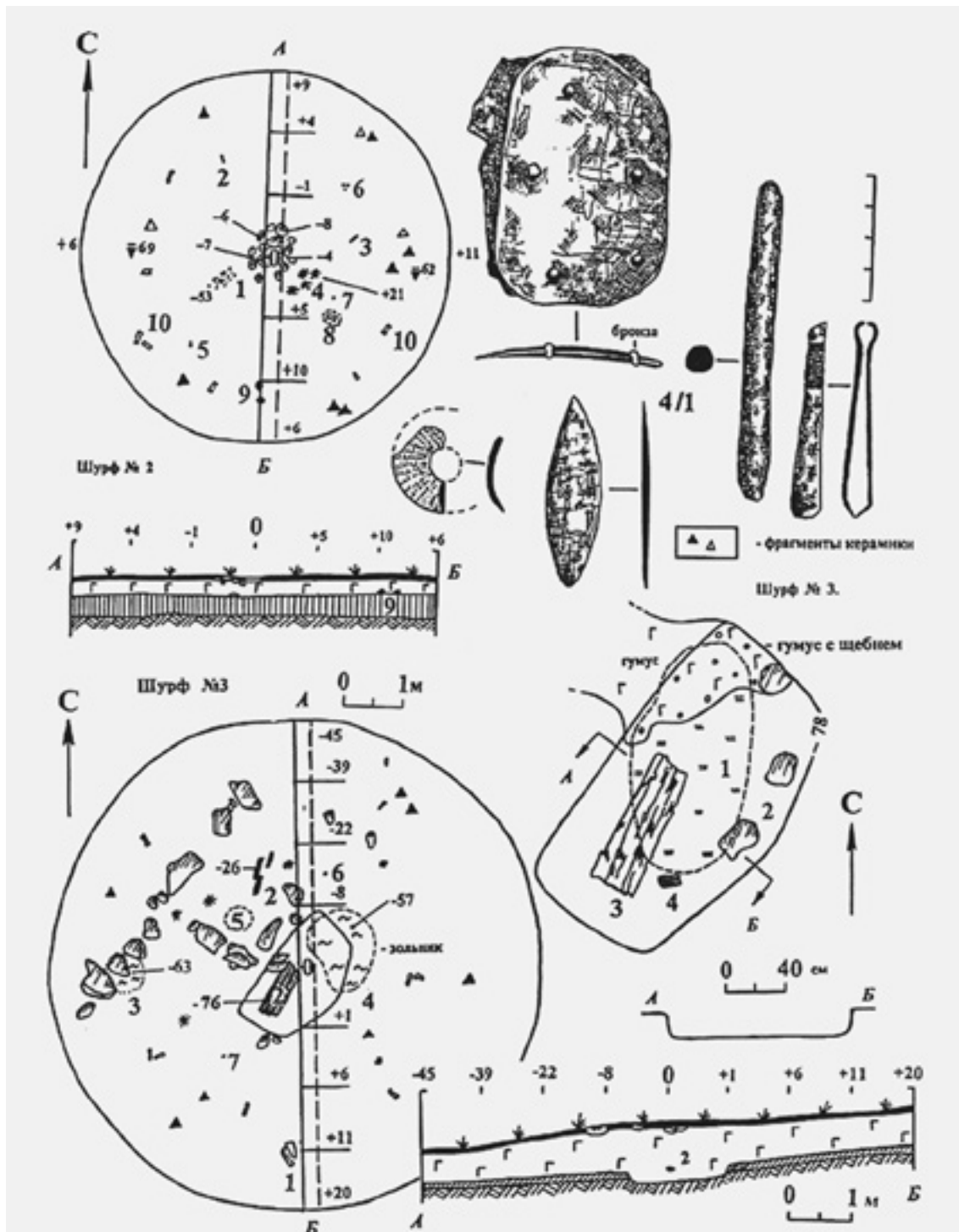
культовыми объектами и еще раз отметим значительные отличия уральских ЖПК от половецких (если не по функции, то по внешним признакам), а также их генетическую взаимосвязь с поминальниками Центральной Азии (Алтай, Тува, Монголия, Восточный Казахстан и др.).

Располагаются святилищные комплексы в местах, каким-то образом выделяющихся на местности (то есть в урочищах): на участках расчлененного рельефа, возвышенных плато, уплощенных вершинах крупных холмов и т. д. Предварительные данные показывают, что на вершинах гор в нашем регионе чаще встречаются оградки и курганы раннего железного века (обычно выявлялись погребения), а не Средневековья. Типичным местом локализации средневековых ЖПК являются подошвы гор (Акимбетово и др.). Примером необычного места расположения ЖПК является выступ склона на краю возвышенной горной террасы. На территории поселения Лаимберды-1 (Башкортостан) выявлено три поминальника, один из которых занимал «карниз» на склоне горы, развернутый в сторону полноводного ручья и реки Сакмары. В любом случае взаимосвязь возвышенных холмов, гор и поминальных объектов прослеживается четко, так же как и наличие близ святилищ чистой воды (пусть даже небольших речек). Иногда поминальники занимают невысокие террасы вдоль степных рек (курганы в таких местах не возводились). Еще одним ландшафтным нюансом может считаться присутствие поблизости березовых колков и иных малых лесных массивов. Если ЖПК входили в состав могильников, то они размещались на окраине некрополя, примыкая к курганам раннего железного века или Средневековья (курган 6 Бала-Четырман).

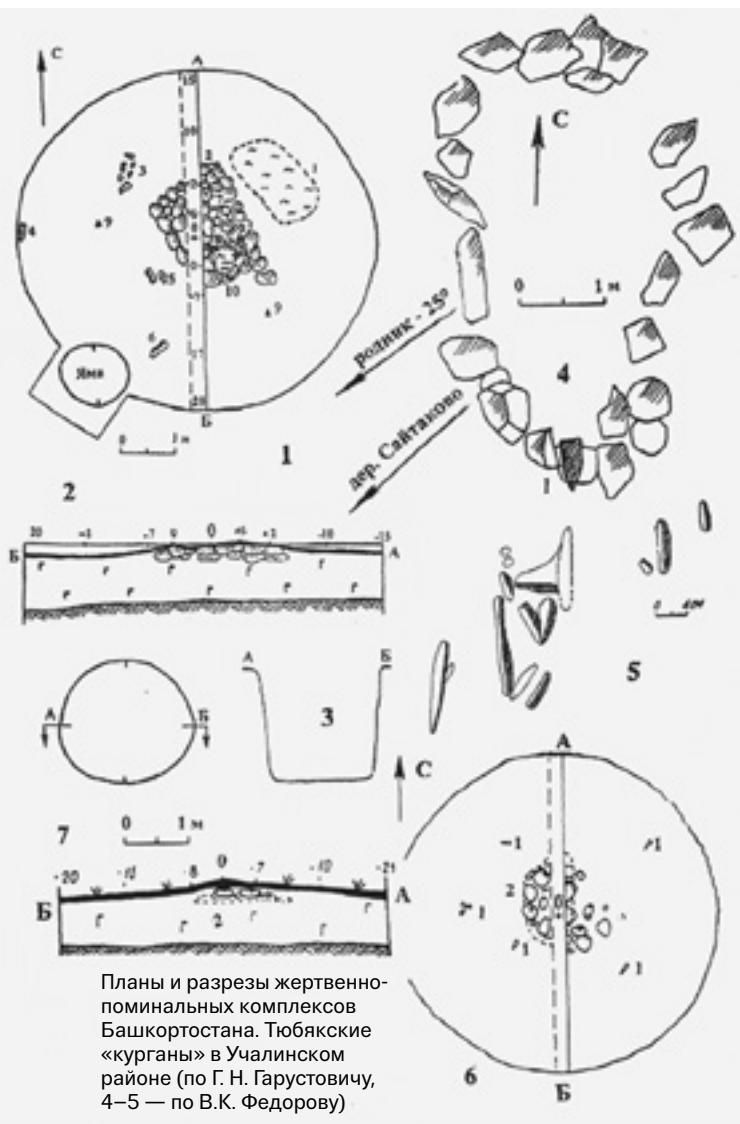
Святилища выявляются в открытых и хорошо просматриваемых местах (достаточно ровных). Круглые насыпи подобных капищ образуют цепочки (в Подольском-1 — по линии С–Ю), квадратные объекты близко примыкают друг к другу стенками и ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ или СВ–ЮЗ. Такие поминальные комплексы в литературе иногда называют поминальниками, и они не были закрытыми объектами. Видимо, любой член семьи (рода) мог посещать святилища. И все же они бытовали в течение определенного време-

ни, после чего, скорее всего, их просто разрушали и засыпали, а связанные с ними скульптуры подвергались целенаправленным повреждениям. Внутреннее пространство оградок забутовывалось камнями (иногда привозной речной галькой или песком). Материалы свидетельствуют о совершении достаточно трудоемких действий по окончанию поминальных обрядов, ведь выкладки не только разрушались, но и частично засыпались землей и привозным песком.

Наружные стены ЖПК второго типа (квадратных и прямоугольных) составлены из каменных плит, поставленных на ребро в специальных канавках. Реже камни стен лежали плашмя, без раствора. Лишь в кирпичных поминальниках использовался связующий раствор. Интересна конструкция сплошной прямоугольной выкладки Тюбяк (курган 1) в Башкортостане, имевшей вид площадки, сооруженной у подножия горы Кунгак. Она сложена из крупных окатанных валунов светло-серого

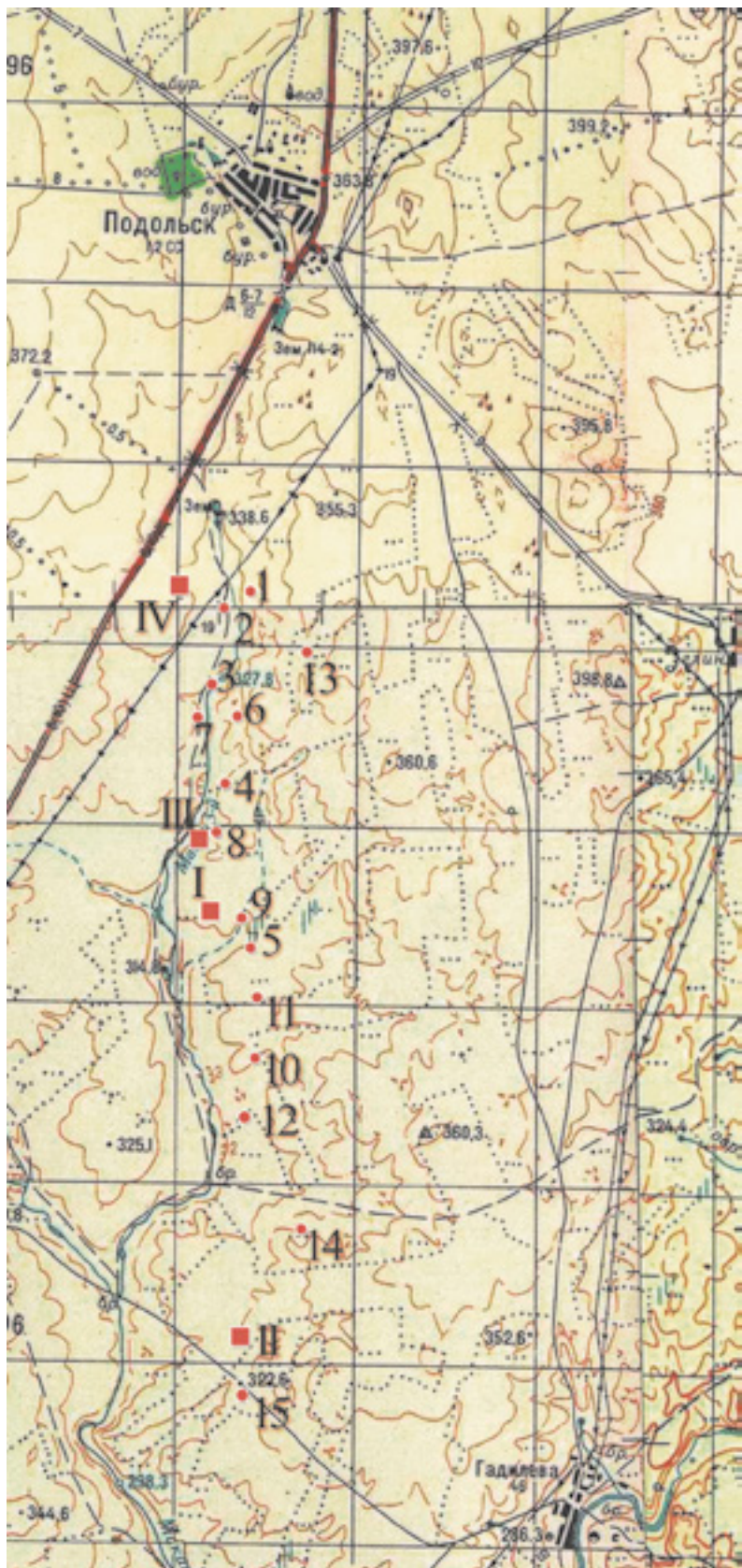
Планы и разрезы средневековых жертвенно-поминальных комплексов на поселении Лаимберды-1. Башкортостан (по Г. Н. Гарустовичу)

Планы и разрезы жертвенно-поминальных комплексов Башкортостана. Тюбяские «курганы» в Учалинском районе (по Г. Н. Гарустовичу, 4-5 — по В.К. Федорову)

цвета. Их еще нужно было найти по течению реки Белой (светлые булыжники здесь встречаются редко) и привезти на место совершения обрядов. Жертвенно-поминальные комплексы второго типа развернуты стенами или углами по сторонам света. Возможно, подобные различия вовсе не случайны; в Монголии оградки углами по частям света развертывали тюрки, а стенами жертвенники по сторонам света ориентировали монголы.

Насыпи округлых поминальничков возводились из рваного камня малых и средних размеров (обычно плитняка). Каменные площадки едва выделялись на поверхности, они имели вид бессистемной наброски в один-два слоя. Земляные насыпи напоминали обычные задернованные курганы, в

Карта расположения жертвенно-поминальных комплексов у села Подольского на реке Мекан-третий.

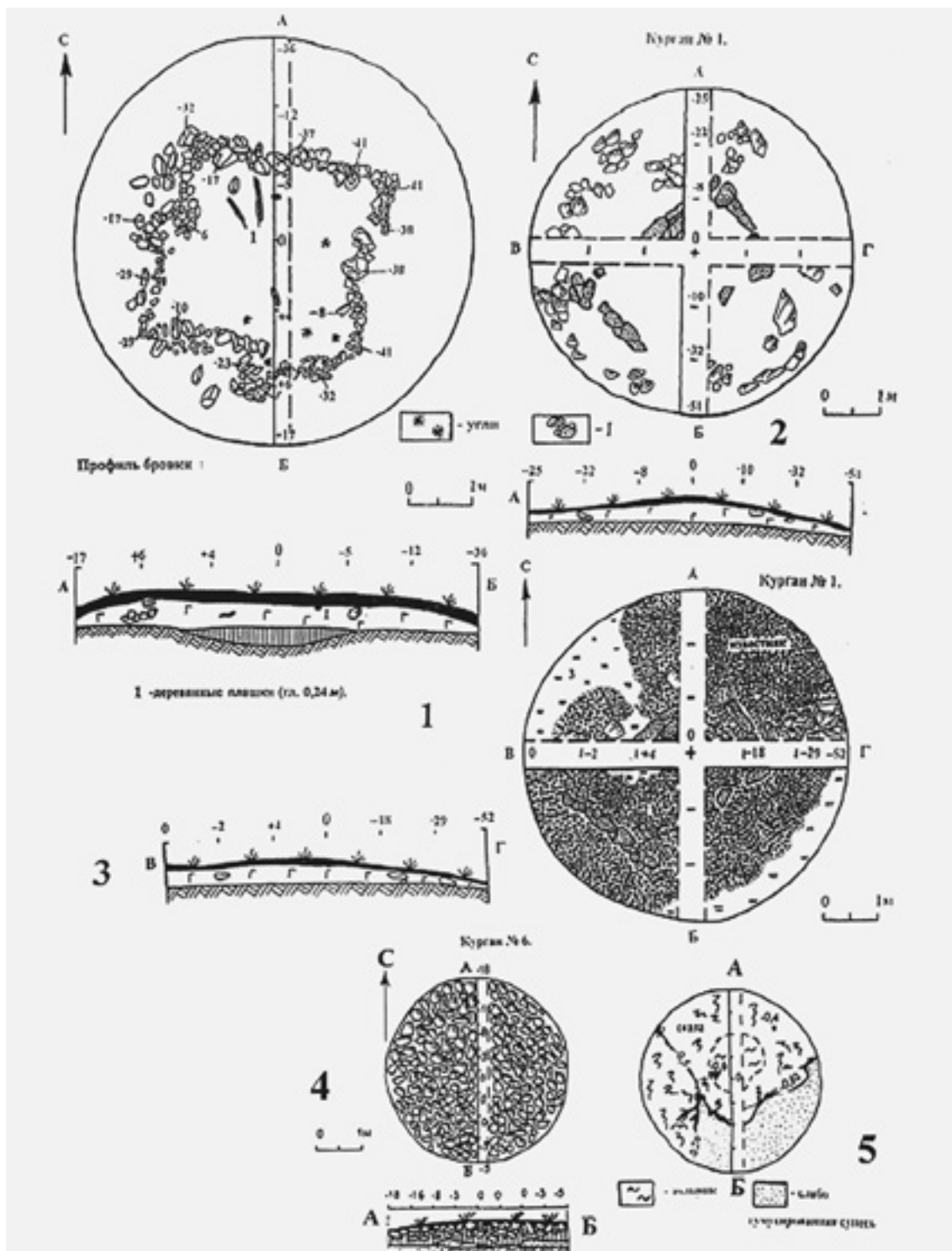
Хайбуллинский район, Республика Башкортостан (по Г. Н. Гарустовичу)

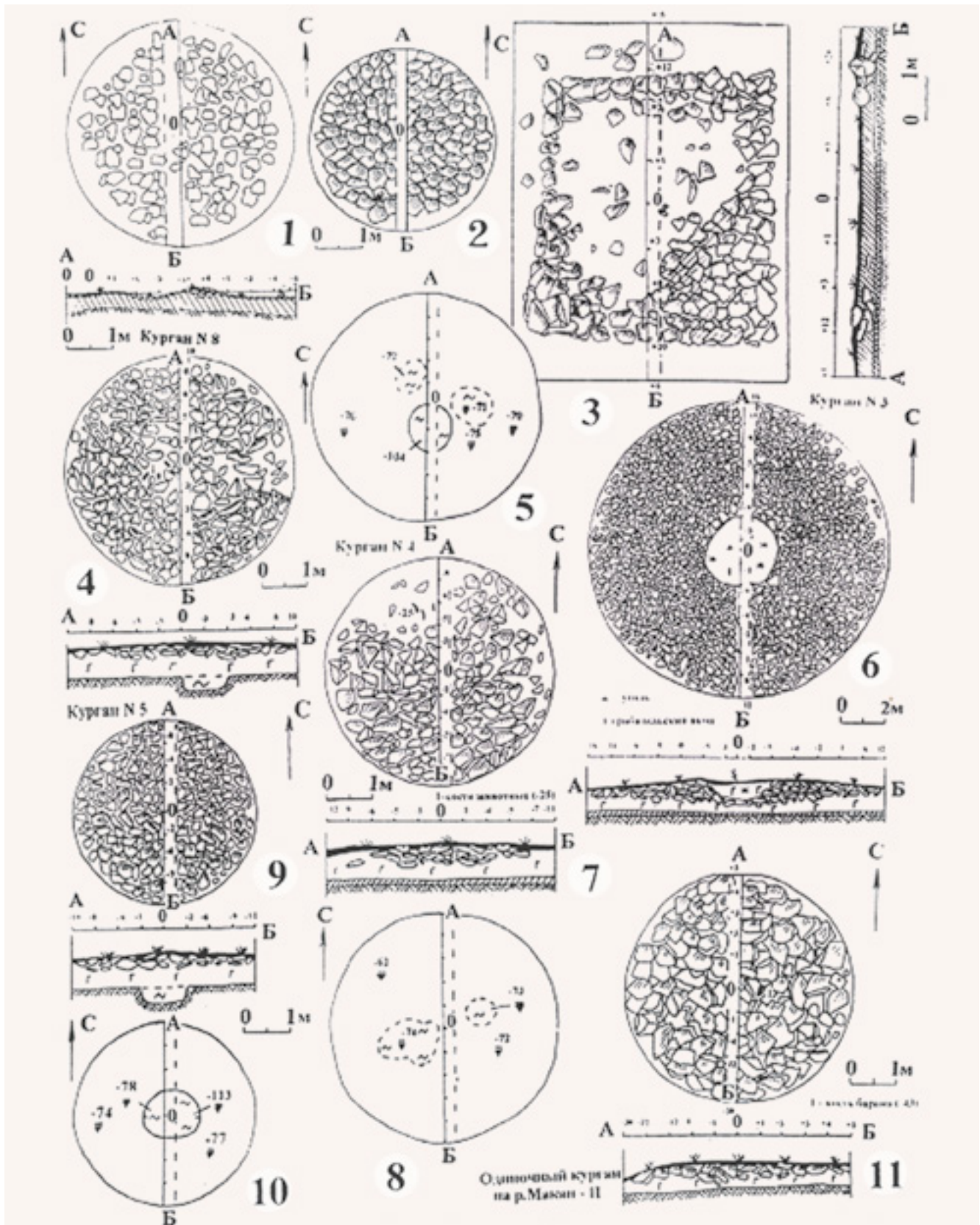
которых на уровне погребенной почвы встречались угли, зола, кости животных. Они, как правило, имели меньший диаметр насыпей в сравнении с погребальными объектами. Встречаются ЖПК, размещенные на земляных курганах более раннего времени (Солянка и др.).

Описание одиночного земляного кургана Анненское-12 (диаметром 8 м, высотой 0,3 м) свидетельствует о наличии под насыпью зольника площадью 4 кв. м и нескольких обугленных жер-

дей — остатков сожженной легкой каркасной постройки [178, с. 73–74]. Назовем еще два подобных памятника — одиночные курганы Олотау и Юмашевский (Баймакский район, Башкортостан). В обоих случаях это были квадратные каменные выкладки с сожженными деревянными конструкциями (из жердей с корой), засыпанные землей. Поминальник Карангы-елга (в том же районе, на реке Сакмаре) очень схож с указанными объектами, но следов каркасной сожженной постройки

Поминальные объекты Южного Урала. 1 — Юмашевский-3; 2-3 — Куспей, курган 1; 4 — Озерновский-3, план и профиль; 5-6 — могильник Бала-Четырман-2 (по Г. Н. Гарустовичу)

Культовые площадки в башкирском Зауралье и Оренбургской области.

1 — Самарский-2, курган 1 (по В. А. Иванову); 2 — Пласковский, курган 1 (Оренбургская область) (по В. А. Иванову);

3 — Таналыкская-3 оградка; 4–11 — Маканский могильник, группа IV

Одиночный курган на р.Максим - II

здесь не фиксировалось. Из находок в подобных сооружениях (помимо угля и золы) можно назвать лишь обломки костей животных (в основном зубы лошади).

Под насыпями поминальных комплексов, как правило, фиксировались неглубокие ямы с углем, золой, камнями и костями животных. Далеко не все эти ямы предназначались для установки столбов или стволов деревьев (как это было в Центральной Азии), хотя и такие примеры имеются (Монгол-2, Жилантау). Изредка ямы для центрального столба (или дерева) расчищены под круглыми каменными насыпями (Макан-4, курган 8). В поминальнике Олоутау, как показали исследования, использовались ольховые жерди. Но ям под насыпями могло и не быть, они встречаются не во всех случаях. До конца понять структуру ритуальной практики пока не удастся, в виду того что источниковая база пока фрагментарна.

Большое сходство по конструктивным признакам каменных святилищ имеют Макан-первый и «Аксак», с той лишь разницей, что в святилище из Башкортостана стояло не изваяние, а крупный массивный менгир. Обращаем внимание на святилище Макан-первый, к югу от которого обнаружены грунтовые впадины, расчистка которых показала, что здесь были захоронены туши животных. Видимо, ритуал подразумевал не только съедение жертвенных животных, но и захоронение в земле некоторых туш вблизи культового объекта. Мы предполагаем, что на святилище Макан-первый в границах жертвенника выливалась кровь, а туша жертвенного животного закапывалась поблизости. А самым крупным святилищем интересующего нас вида является Подольское-1 (Хайбуллинский район Башкортостана), которое мы считаем реперным памятником. Объект имеет сложную планиграфию и включает комплекс различных конструктивных форм (круглые оградки и квадратные выкладки, каменные изваяния и менгиры). Памятник нуждается в дальнейших раскопках и изучении.

Специфическими чертами меморативных памятников Урало-Поволжья могут считаться: малое число датирующих вещей; полное отсутствие следов коллективного пиршества (тризны) возле ЖПК; разнообразие типов и видов святилищ.

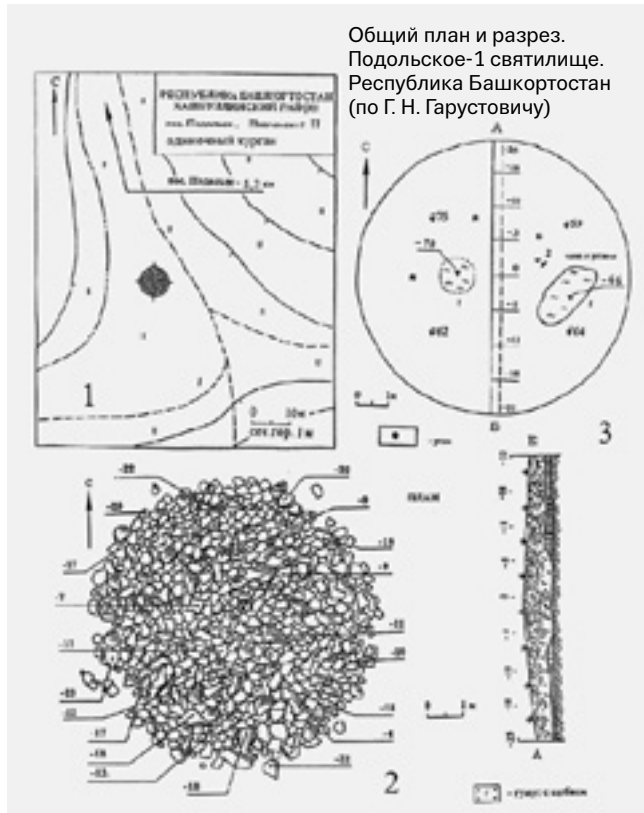
Немногочисленный вещевой инвентарь, найденный в святилищных комплексах, позволяет довольно надежно их датировать. Так, в Александровских курганах 7 и 6 были обнаружены железный однолезвийный нож, обломки чугунного котла и маленькое арочное стремя. Нож узкой даты не имеет. Стремя с неширокой тонкой подножкой напоминает тип IXa по А. Н. Кирпичникову, время бытования которого приходится на XII–XIII вв. [148, с. 53]. В аскизской культуре в Саянах подобные стремяна типичны для черновского периода (середина XII — начало XIII в.) [193, с. 54–55, табл. XVI, 1]. Схожие стремяна в курганах Челябинской области датируются XIII–XIV вв. (Большое Озеро-1 и др.) [113, с. 231, рис. 1, 5]. Все исследователи единодушно связывают их появление в нашем регионе с коллизиями монгольского нашествия.

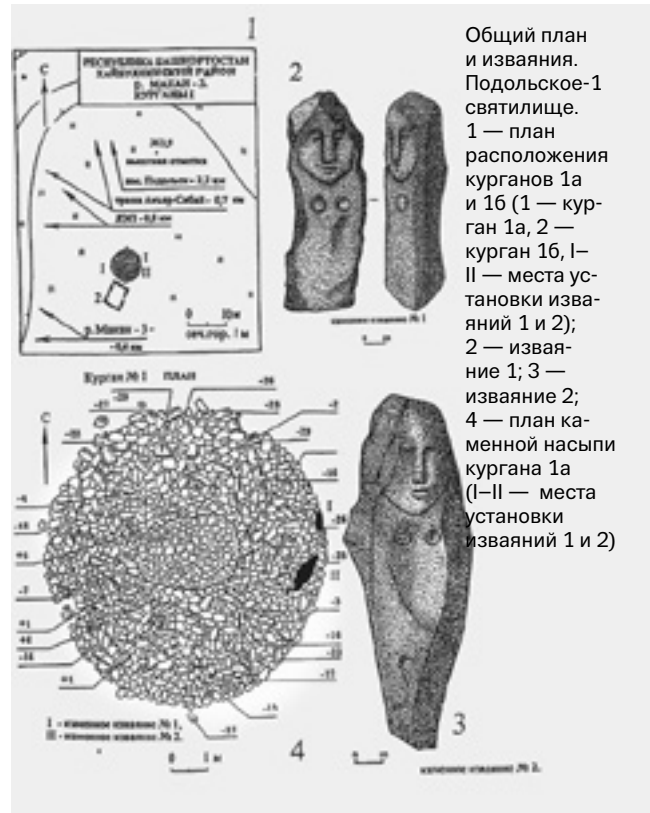
Реконструкция жертвенно-поминального комплекса «Аксак» (по К. Н. Бабенкову)

Каменные изваяния. Кыпчакские святилища. Аблай.
Карагандинская область.
Республика Казахстан

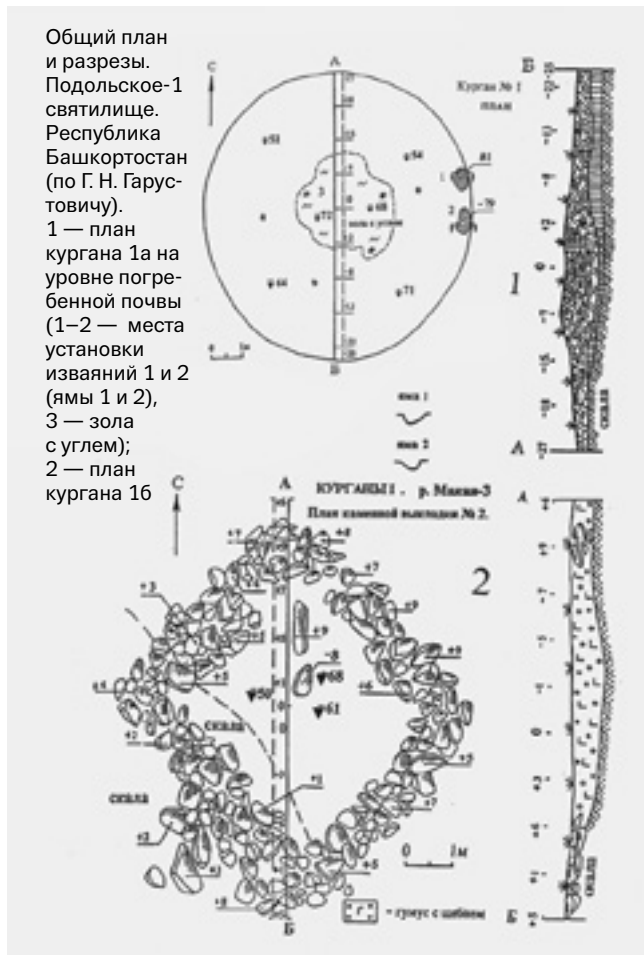

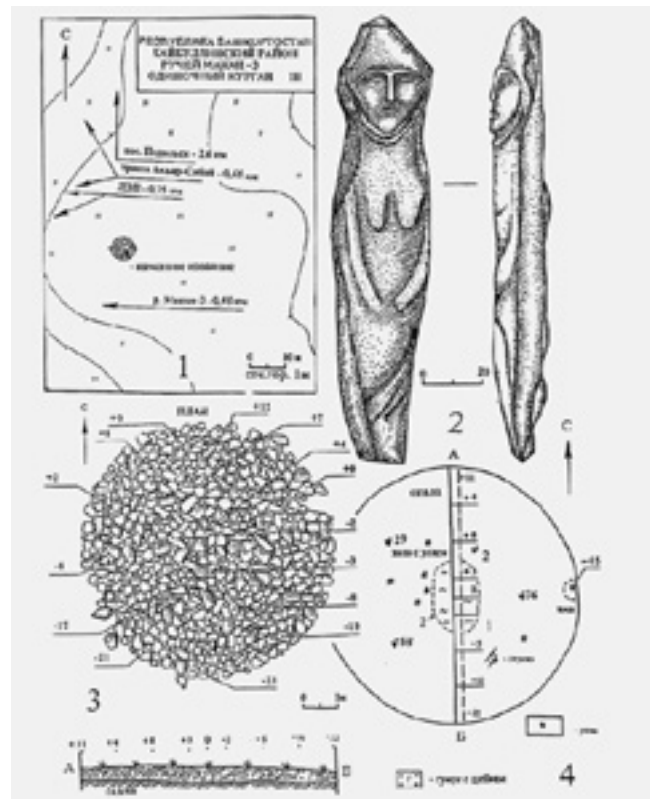
Общий план и разрез. Подольское-1 святилище. Республика Башкортостан (по Г. Н. Гарустовичу)

Общий план и изваяния. Подольское-1 святилище. 1 — план расположения курганов 1а и 16 (1 — курган 1а, 2 — курган 16, I-II — места установки изваяний 1 и 2); 2 — изваяние 1; 3 — изваяние 2; 4 — план каменной насыпи кургана 1а (I-II — места установки изваяний 1 и 2)

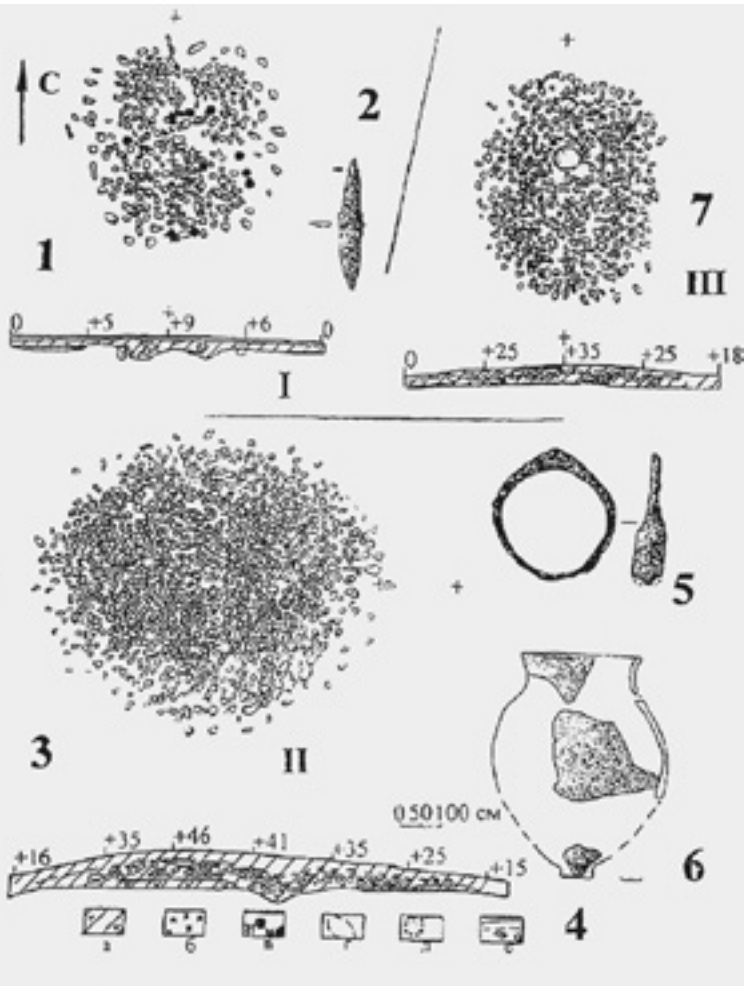

Общий план и разрезы. Подольское-1 святилище. Республика Башкортостан (по Г. Н. Гарустовичу). 1 — план кургана 1а на уровне погребенной почвы (1-2 — места установки изваяний 1 и 2 (ямы 1 и 2), 3 — зола с углем); 2 — план кургана 16

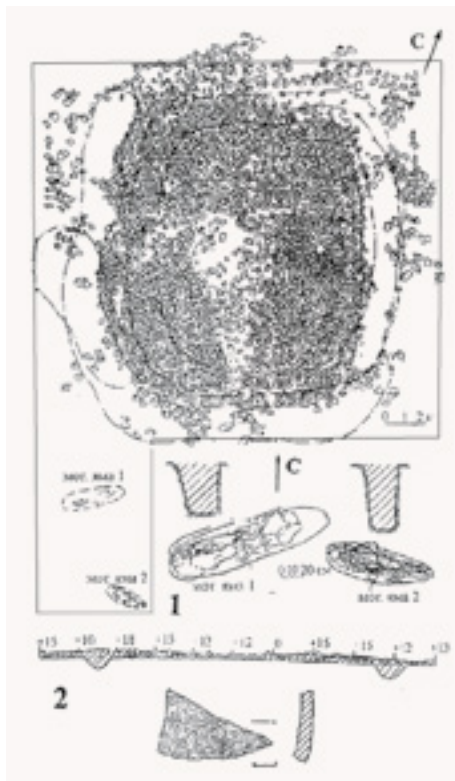
Общий план, разрез и изваяния. Подольское-1 святилище на реке Мекан-третий (по Г. Н. Гарустовичу) 1 — план расположения кургана 3; 2 — изваяние кургана 3;

3 — план насыпи кургана 3; 4 — план кургана на уровне погребенной почвы (1 — зола с углем, 2 — обломки костей животных, 3 — тлен деревянных плах)

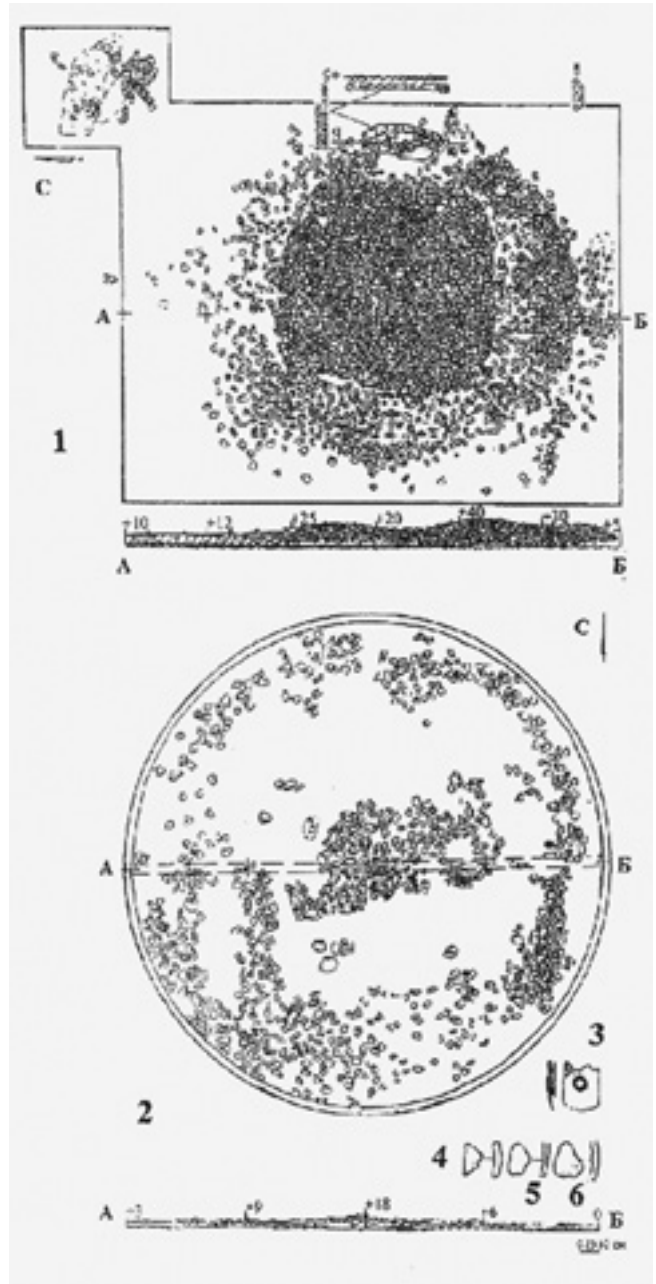

Общие планы, разрезы и инвентарь. Александровские курганы (по С. Г. Боталову)

Общие планы, разрезы и инвентарь. Могильник Кайнсай (по С. Г. Боталову). 1–2 — план и профиль кургана 10; 3 — могильная яма 1; 4 — могильная яма 2; 5 — обломок чугунного котла

Обломки чугунного котла позволяют говорить, что датируются подобные емкости XIV–XV вв. Чугунные котлы считаются хронологическим показателем XIV века (самого конца XIII — XIV в.), поскольку именно в это время литье чугуна было налажено в Волжско-Булгарском улусе Золотой Орды [125, с. 59; 331; 354, с. 211] и ремесленники сумели поставить его производство на поток.

Общие планы, разрезы и инвентарь. Каменные поминальнички степного Зауралья (по С. Г. Боталову).

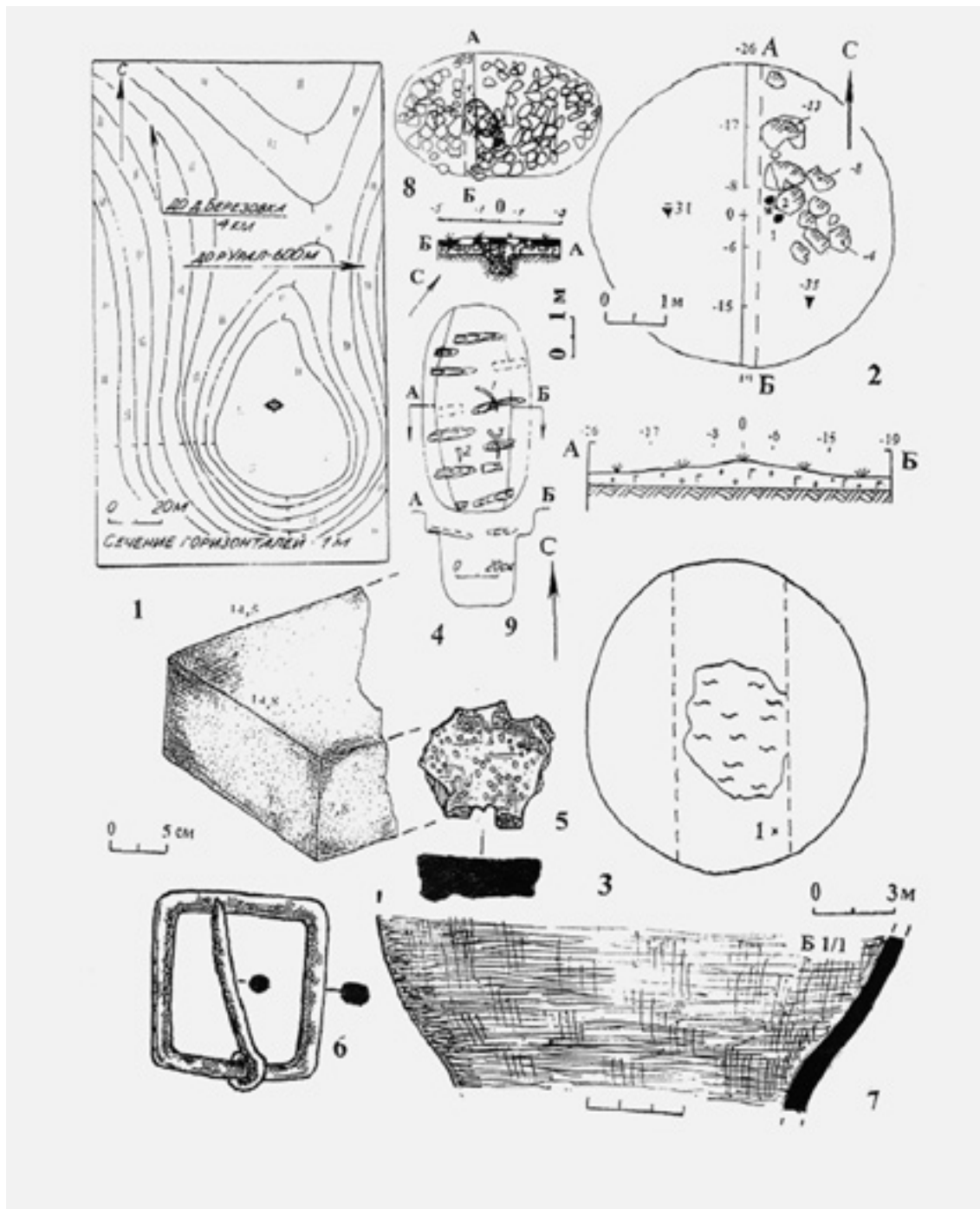
1 — Кайнсай, курган 6; 2–6 — Селенташ, курган 1 (2 — план «кургана», 3 — изделие из железа, 4–6 — фрагменты керамики)

В кургане 6 ЖПК Кайнсай найдены обломки красноглиняной чашки с зеленой поливой на внутренней поверхности. Плоскодонный круговой сосуд относится к типу тарной посуды и считается наиболее распространенным видом глазурованных горшков золотоордынского времени [48, с. 81]. Назовем хорошо датированный аналог данного сосуда. Среди вещей Брик-Алгинского местонахождения (Башкортостан), дата которого определена по найденным здесь несколькими сотням серебряных дирхемов XIV в., обнаружены обломки красноглиняного горшка с внутренней зеленой поливой [71, с. 94–95]. Косвенным подтверждением предложенной даты (XIII–XIV вв.) может служить

фрагмент стенки чугунного котла, обнаруженный в могильной яме 1 вблизи насыпи кургана 10 могильника Кайнсай. Благодаря этому предмету дату можно даже сузить до XIV в.

Аналогичный обломок стенки кругового красноглиняного сосуда со светло-зеленой глазурью на внутренней поверхности был обнаружен В. П. Костюковым в 1989 году при раскопках кургана 2 могильника Система-1 (Карталинский район Челябинской области) [178, с. 178–180] и датируется он также золотоордынским временем.

В кургане 1 могильника Селенташ (Челябинская область, Брединский район) обнаружены фрагменты красноглиняной керамики и склепанные вместе

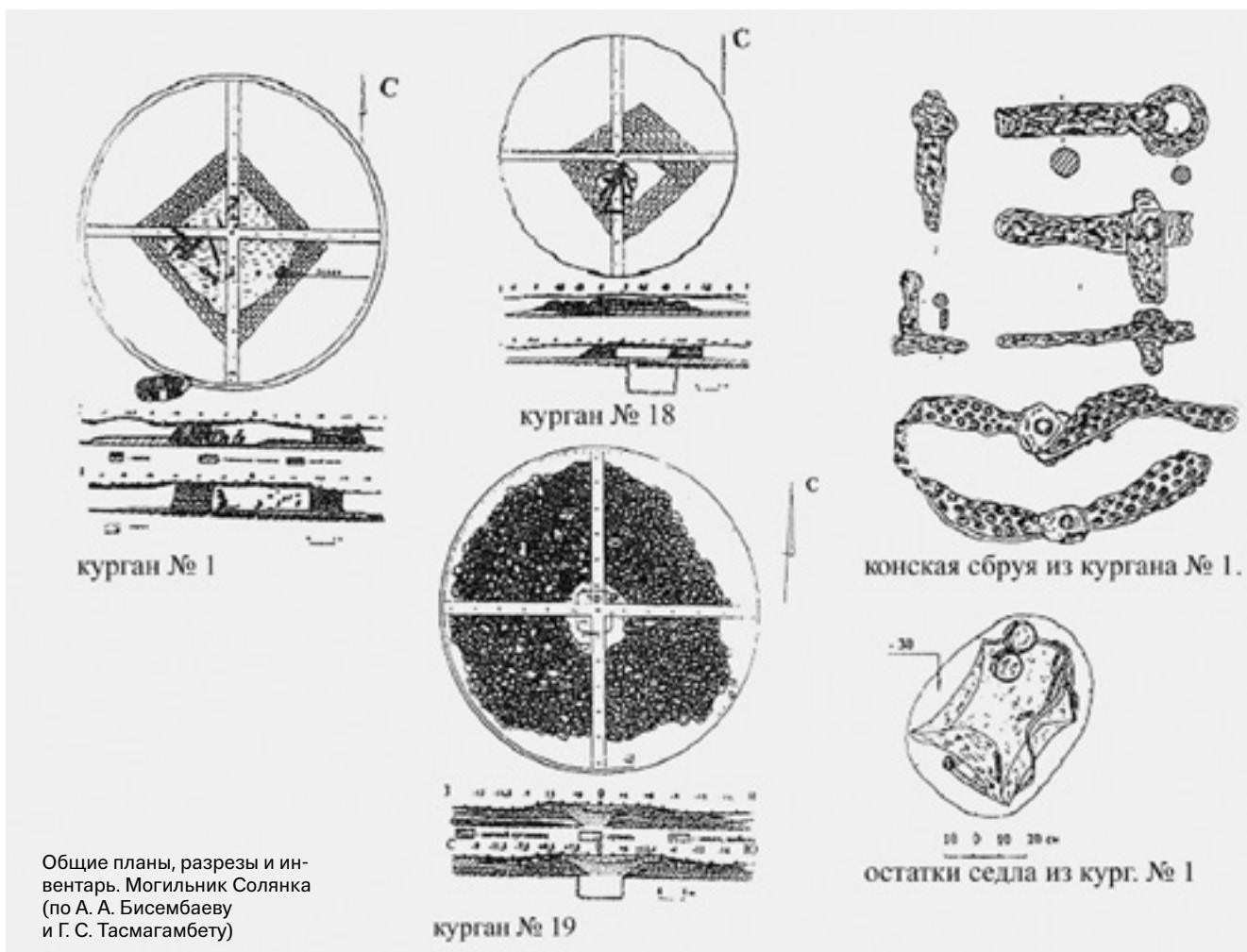
Общие планы, разрезы и инвентарь. Жертвенно-поминальные комплексы Южного Урала (3 — по К. В. Сальникову)

железные пластины. В процессе раскопок святилища Аксак найдены обломки крупного толстостенного станкового кувшина с одной ручкой и горизонтальным валиком на венчике. Схожие кувшины обнаружены на дюне Большой Шихан и Сухореченском поселении XIII–XIV вв. в Самарской области [56, с. 125–126. Рис. 7, 10]. Сосуды с ребристым валиком на венчике характерны для керамического комплекса Волжской Булгарии золотоордынского времени [155, с. 122 и др.]. Встречались они на территории Горновского селища (XIII–XIV вв.) в центре Башкортостана, а также в Брик-Алге (XIV век) [71, рис. 19–24]. По мнению И. Н. Васильевой, в болгарском гончарстве «в золотоордынский период наблюдается общее укрупнение сосудов и, прежде всего, кувшинов и корчаг; ...преобладает коричневый цвет посуды и появляется кирпично-красный цвет; ...видоизменяются отдельные типы категорий форм и распространяются новые типы катего-

рий и элементов, в частности... прикрепление плоскоовальных ручек кувшинов к краю сосуда» [56, с. 105]. Следовательно, по хронологии станковой посуды мы вновь получаем дату — XIII–XIV вв.

Обнаруженные в кургане 6 могильника Кайнсай сырцовые кирпичи широко использовались в степной части Улуса Джучи в XIV веке при возведении мусульманских саманных мавзолеев (Атчергат, Костанайская область; Тептяри, Оренбургская область; Бендебике (Бэндэбике), Башкортостан и др.) [45, с. 149]. На территории поселения Лаимберды-1 был обнаружен обломок слабообожженного кирпича, своими размерами напоминающего крупные сырцовые кирпичи XIV века.

Косвенным элементом датирования могут выступать впускные мусульманские захоронения, расчищенные археологами в пределах культовых объектов. Подобные случаи зафиксированы на святилище Аксак и кургане 6 могильника Кайнсай.

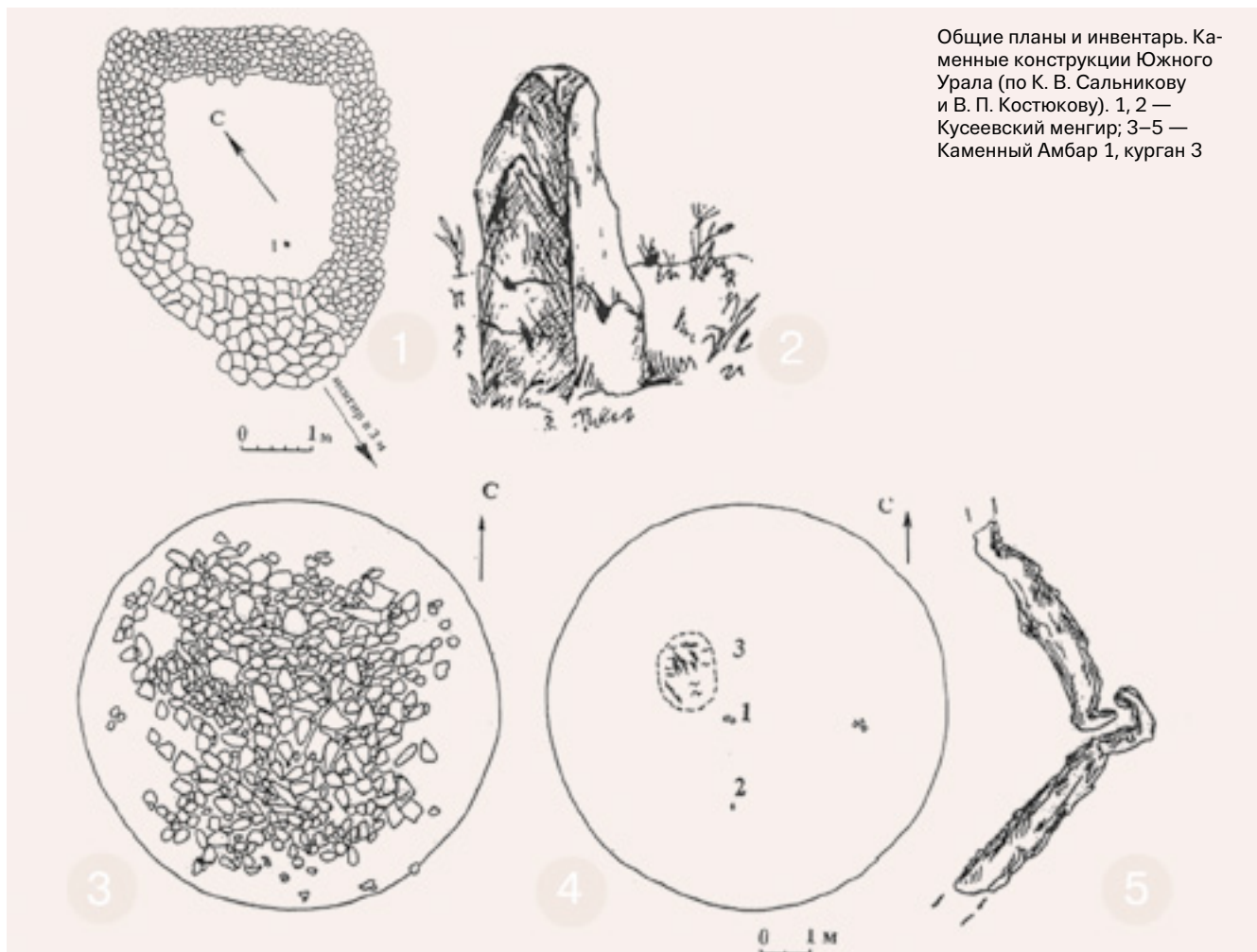

Поскольку, если впускное мусульманское захоронение обнаруживается в пределах мавзолея XIV в., как это зафиксировано в одной из усыпальниц Тептяри (Оренбургская область), здесь мавзолеи и мазары всегда становились местами поклонения правоверных (аулия). Крупные старые мусульманские кладбища окружают многие мавзолеи региона: Хусейн-бека и Тура-хана (оба — Башкортостан), Кесене (Челябинская область), Домолакер (Тургайская область) и др. Но хоронить мусульманина на территории языческого объекта могли себе позволить лишь неофиты. Как известно, ислам в степном регионе получил распространение в результате реформ хана Узбека (то есть в XIV веке). Следовательно, мы вновь получаем искомую дату, не противоречащую другим элементам датирования.

Материалы сырцовых поминальников могильника Солянка (курганы 1 и 18) дают дату — XIII–XIV вв. [38, с. 70], что подтверждается находками

вещей (седло, стремя, удила, уздечка). Близкое сходство с саманными сооружениями фиксируется в ЖПК Кайнсай (курган 6, XIV в.). Отметим наличие в составе комплекса каменного ЖПК (курган 19), который авторы безосновательно сопоставили с памятниками тугю и теле VI–VIII вв.

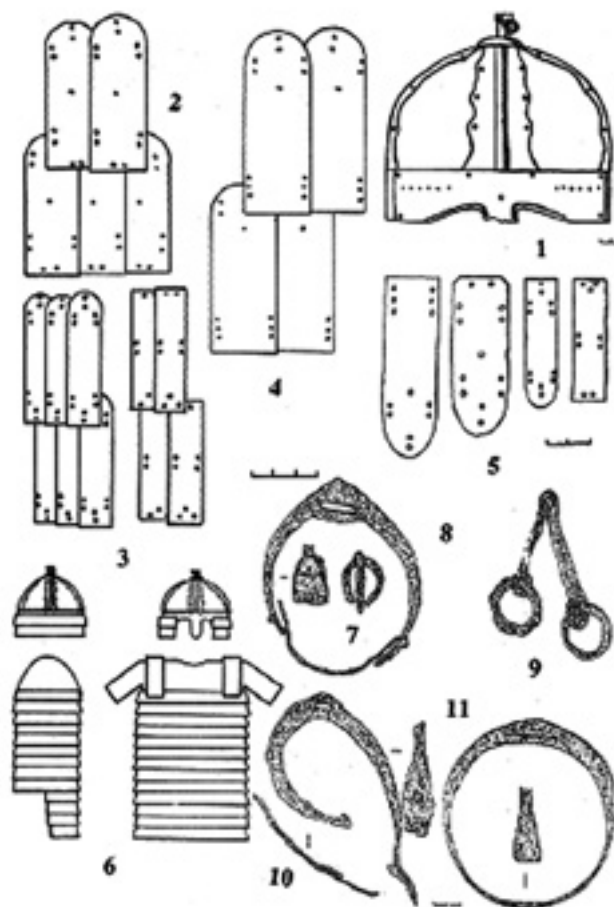
В регионе известна серия комплексов, до сих пор не введенных в научный оборот, но обладающих «датирующими признаками». Например, в пределах нескольких средневековых ЖПК на территории поселения бронзового века Лаимберды-1 обнаружены предметы из кости и железа, но для нас, естественно, наибольший интерес представляют обломки белого золотоордынского чугуна (XIV в.). Чашевидная форма котла хорошо видна на примере крупного обломка стенки с венцом. Квадратная пряжка с подвижным язычком, найденная здесь же, не имеет узкой даты, но время ее бытования не противоречит предложенной хронологии. В разных

Остатки защитного доспеха. Озерновский-3 могильник, курган 3. Оренбургская область. Фото В. А. Иванова, 1985 год

раскопах на территории поселения Лаимберды в верхних слоях попадались вещи эпохи Средневековья (железные шлаки, обломки кирпичей и др.), в том числе обломки чугунного котла XIV в. Отметим, что уже в конце XIII – XIV веке на основе богатств уральской рудной базы в Башкортостане формировались крупные ремесленные центры по выплавке черного металла (Ярук, Манеево, Асавбашево и др.), которые напоминают карخانه в городах Золотой Орды [334]. Объем чугунного литья в золотоордынский период явно свидетельствует о его широком вывозе в соседние области, массовом распространении за пределами Южного Урала.

Погребальный инвентарь. Жертвенно-поминальные комплексы Южного Урала.

7–11 — железные вещи из кургана Симбирка (по И. Э. Любчанскому)

Обломок венчика булгарского сероглиняного гончарного сосуда обнаружен в пределах святилища на реке Макан-первый. Этот фрагмент также датируется XIII–XIV вв. Бронзовый пинцет из шурфа № 3 на поселении Лаимберды полностью идентичен находке на местонахождении Брик-Алга (по монетам — XIV в.) [71, с. 72–73].

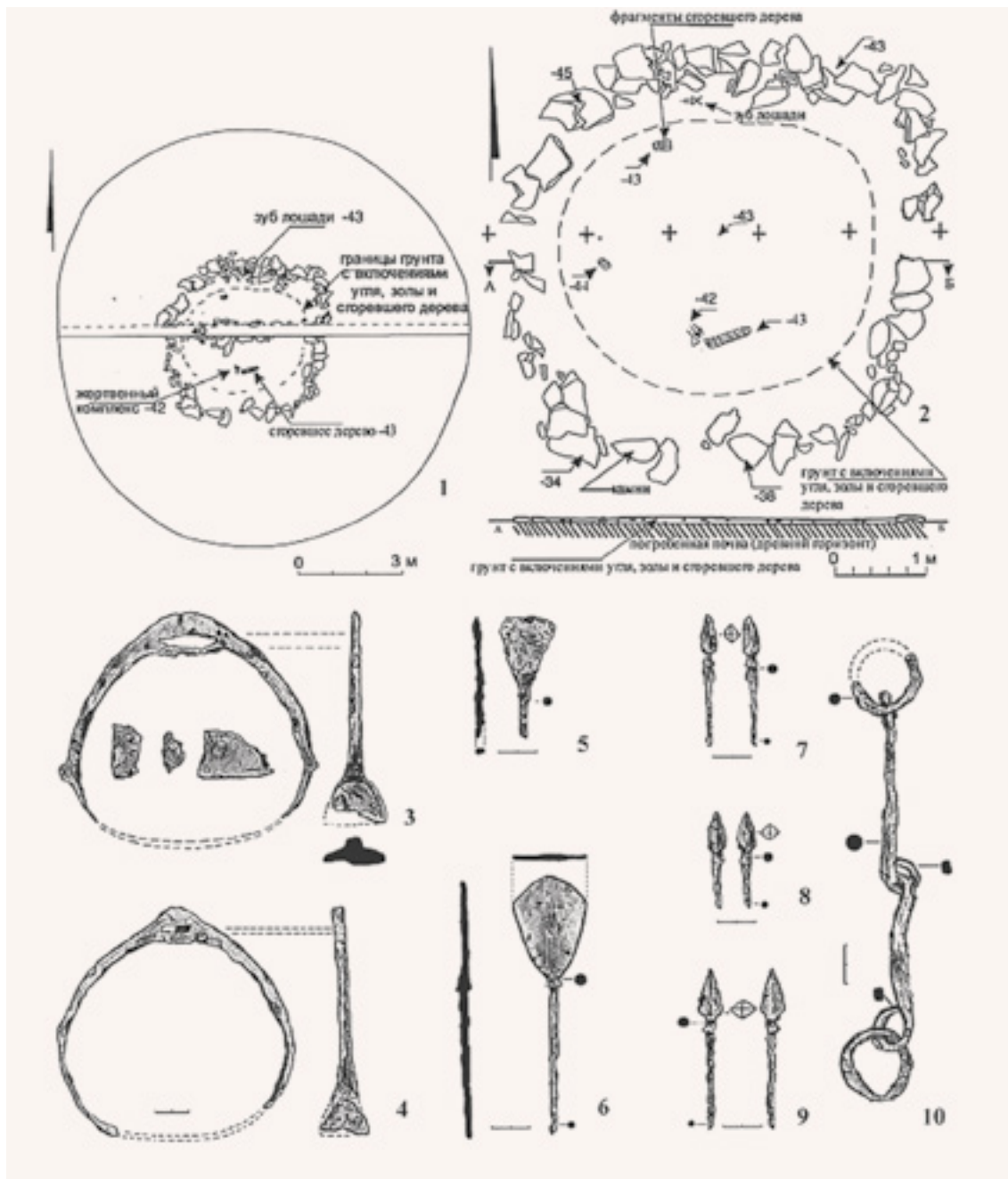
Датировать Кусеевский и Кизяташский менгиры несложно, так как помимо зольников и костей лошади там выявлены фрагменты булгарской керамики XIII–XIV вв. Отметим, что в Кусеево К. В. Сальников провел раскопки лишь перед самим менгиром (и там был обнаружен зольник с костями животных и фрагментами станковой посуды), но соседнюю каменную выкладку он не исследовал. По нашему мнению, менгир в Кусеево фактически

играл роль каменной статуи, и по функции данный ЖПК фактически был обычным поминальником.

При рассмотрении материалов двух курганов могильника Ямаши-Тау (Башкортостан) обратим внимание на то, что обнаруженные здесь каменные жертвенники были возведены на вершинах земляных курганов более раннего времени (аналогично Солянке).

Метод относительного датирования позволяет говорить, что каменные поминальники Ямаши-Тауских курганов явно возведены после X века. А если сопоставить материалы этих ЖПК с материалами близлежащего кургана Акимбетовский-2 (с каменными стеловидными изваяниями), то, по аналогии, вполне реальной становится датировка XIII–XIV вв.

Материалы раскопанного В. А. Ивановым в 1985 году «кенотафа» из курганного могильника Озерновский-3 (шлем, наборный панцирь) [277] показывают, что вещевой комплекс определенно датируется золотоордынским временем. В регионе известно уже несколько подобных меморативных памятников: Орл-Оба, Джасай [9, с. 56–57], Кутр-Тас [308] (Оренбургская область), а также Симбирка, Бутак-3 (оба — Челябинская область) [198], Солянка (Западно-Казахстанская область), а также Целинный 3 [38, с. 65–70]. В них найдены предметы вооружения, защитного снаряжения (железные шлемы, кольчуги, наборные ламелярные доспехи, наконечники копий, сабли) и «кочевнические аксессуары» (детали конского убранства: седла, уздечки, удила, стремена, подпружные пряжки).

Общие планы и инвентарь. Целинный-3 «могильник». Республика Башкортостан (по Г. Н. Гарустовичу)

Во всех этих сооружениях отсутствовали человеческие останки, и все они надежно датируются XIII–XIV вв.

Показательны способы придания жертвеннику сакральной значимости у монголов: «На избранном возвышении отмеряется круг известной величины; тут из земли и камней делают насыпь, в которую кладут вещи: панцирь, шлем, оружие и платье, всякие кушанья, посуду, шелковые ткани и лекарственные вещества; ...на насыпь сажают деревья... или, согласно с древними обычаями, втыкают в нее лук, стрелы, копье и меч». Что мы и наблюдаем в поминальной традиции южноуральских кочевников.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении датирующий вещевой материал на исследованных ЖПК, описанных выше, позволяет нам большинство из них датировать золотоордынским периодом. Среди них мы указали несколько памятников (Аксак, Карагайлы 12, Система, Песчанка-5, Аненское-12 и др.), где были установлены каменные изваяния. Они относились к изваяниям так называемого кыпчакского типа (по Л. Н. Ермоленко). В связи с отсутствием надежно датированного материала эти святилища могут быть соотнесены с поминальными памятниками кочевого населения Восточного Дешт-и-Кипчака, с одной стороны, домонгольского периода — с другой. Учитывая тот факт, что значительная часть этого населения с началом монгольского нашествия концентрировалась в пределах Южного Урала и севера казахстанских степей, они могли быть в равной степени возведены и в XIII — первой половине XIV века.

Думается, что описанные типы поминальных комплексов и языческих святилищ и их постепенная трансформация от простых кенотафов (с разрозненным положением вещей или их обломков) до сырцовых оградок (мазаров) указывает на постепенный уход языческих (тенгрианских) традиций и замещение их мусульманским каноном.

Раннемусульманская мемориальная архитектура

Мавзолей Кесене. Погребальный комплекс Кесене расположен в Варненском районе Челябинской области, на расстоянии 3,5 км к юго-востоку от станции Тамерлан. Он состоит из портално-шатрового мавзолея Кесене («Башня Тамерлана»), а также курганного и грунтового могильников.

В XVIII — начале XX века мавзолей был исследован И. И. Рычковым, Р. Г. Игнатьевым, П.-С. Палласом, И. А. Кастанье [115; 143 с. 47–50, рис. 3, 2; 283, с. 388; 333, с. 167–168], которые описали и за-

Кипчакская стела, близ Варненского поселка. № 27.
Древняя развалина была бы храма времени Тамерлана.

Мавзолей Кесене на фотографиях XIX и начала XX века

рисовали его. В 1889 году Э. Ю. Петри заложил раскоп внутри сооружения [281, с. 55]. В XX веке мавзолеем был исследован К. В. Сальниковым [346, с. 143–146], описан А. П. Смирновым [355, с. 92–94]. В. С. Стоколос произвел раскопки нескольких курганов и грунтовых погребений близ мавзолея [362, с. 21–25], а также заложил шурф 21,5 м глубиной 1,6 м, в котором были обнаружены обломки кирпичей и фрагмент ультрамаринового изразца [363, с. 26]. Описание мавзолея было дано в работах К. В. Сальникова, М. М. Мендикулова, А. П. Смирнова [240, с. 16; 346, с. 143–146; 355, с. 94].

В 1982–1983 годах Урало-Казахстанская археологическая экспедиция проводила здесь работы в связи с реконструкцией сооружения. В ходе расчистки камеры рядом с восточным оконным проемом отмечены остатки кирпичной вымостки пола. На сегодняшний день реконструкция усыпальницы завершена, воссоздан первоначальный вид мавзолея, но проблем в деле его изучения осталось еще множество.

Кесене представляет собой трехчастный портално-шатровый мавзолей: на квадратном в плане основании возведен 12-гранный барабан, увенчанный пирамидальным шатром. Общие размеры основания 9×12 м [143], высота сооружения (после реставрации) 18 м. Боковые стены основания переходят в портал, выдвинутый на 3 м вперед и вверх. В парадном портале (пиштаке) расположен сводчатый вход (айван), ориентированный на юг и оформленный по обеим сторонам вертикальными углублениями; в северной и восточной стенах сооружения — небольшие прямоугольные окна. Внутренний свод сферический.

Такой тип мавзолеев появился в Средней Азии в XIV веке и явился результатом развития местных мусульманских архитектурных традиций. Однако существует точка зрения о сходстве мавзолея Кесене с памятниками Кавказа (в качестве аналогов выступают средневековые башенные мавзолеи Азербайджана [378, с. 127–161]). Архитектурное влияние в этом случае могло осуществляться через

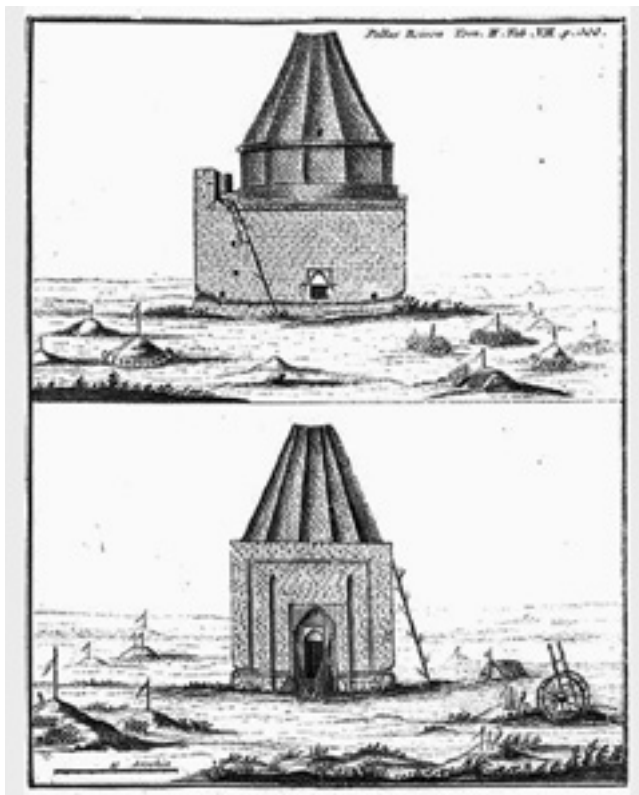

Мавзолей Кесене. 2009 год.
Фото С. Арканова

Мавзолей Кесене.
Фотография начала XX века

Вид мавзолея Кесене.
Рисунок И. А. Кастанье

Вид мавзолея Кесене.
Рисунок П. С. Палласа

Башня Тамерлана (Кесене).
Челябинская область,
Варненский район

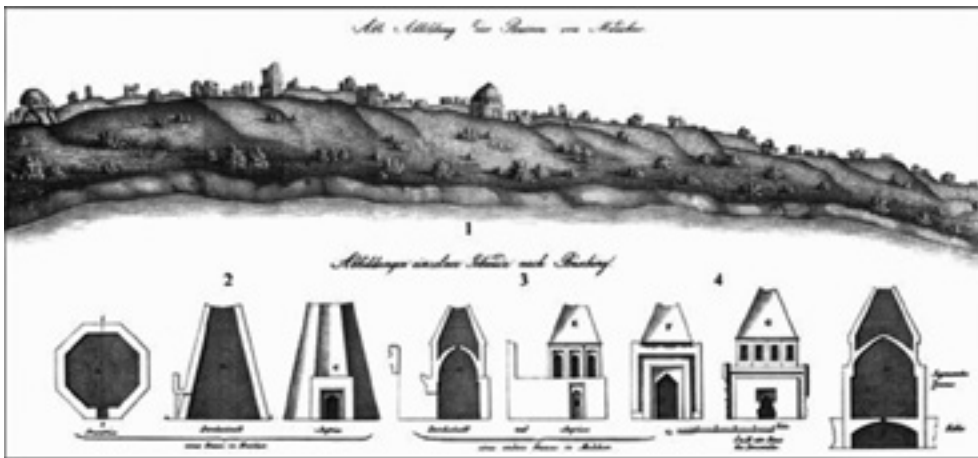

Волжскую Булгарию [355, с. 94]. На сегодняшний день вопрос преемственности золотоордынских мавзолеев с аналогичными памятниками Средней Азии не вызывает сомнений. Во-первых, для ранней мемориальной архитектуры Средней Азии наиболее характерны бисоставность (мавзолей Саманидов IX в., мавзолей Чугундор-баба XI–XII вв. и др.), а также трехсоставность (мавзолей султана Санджара XII в., Фахраддин Рази XII в., Текеша XII в.). Здесь существовали устойчивые традиции сочетания массивного четверика в основании (куб) с цилиндрическим или многогранным барабаном с куполом или шатром наверху [315, с. 65]. Во-вторых, типичная среднеазиатская деталь — выступающий портал, появившийся здесь вероятно на рубеже XI–XII веков [47, с. 87–88]. И, наконец, в-третьих, комбинация портала и шатра характерна только для архитектуры Средней Азии и нигде в других районах более не встречается. Что же касается конкретного вида шатровых мавзолеев, то

он типичен для архитектурных школ Хорезма и Хорасана [314, с. 110–111; 317, с. 72].

С XII по XIV век в северных районах Средней Азии порталные мавзолеи с граненым или гофрированным барабаном проходят долгий путь самостоятельного развития. И если они формально как-то перекликаются с современными им башенными мавзолеями Закавказья и Западного Ирана, то это ни в коей мере не дает основания искать там их прототип. На многих памятниках Киргизии, Хорезма, Казахстана хорошо видна эволюция местной архитектурной традиции [220, с. 93].

Наиболее точным аналогом мавзолея Кесене по архитектурным элементам и размеру является мавзолей Абаг-Байтак, датируемый XV в. Он расположен в Актюбинской области. Создается впечатление, что оба мавзолея созданы одной зодческой мастерской, хотя этот стандарт, утвердившийся в XIV веке, оставался очень популярным у кочевой знати Золотой Орды и в последующие периоды, на

Общий вид маджарских мавзолеев в XVIII веке

что указывают яркие аналоги — порталные мавзолеи в мемориальном комплексе Турбат (Чимкент) (XV–XVI вв.) и даже мавзолеей дочери Тохтамышша (XV в.) в Чуфут-Кале (Крым).

Таким образом, основные формы трехсоставных портално-шатровых мавзолеев сложились еще накануне монгольского нашествия и получили свое развитие в период Золотой Орды. Толчком для их бурного строительства послужило принятие ислама во время правления золотоордынских ханов Узбека и Джанибека — с начала до середины XIV века [97, с. 115–125]. Повсеместно монгольские ханы «уничтожали тайну», окружавшую могилы их языческих предшественников, и строили над ними мавзолеи мусульманского типа [26, с. 424]. Это способствовало распространению форм среднеазиатского мемо-

Мавзолей Абат-Байтак.
XV век. Актюбинская область

Мавзолей дочери хана Тохтамышша в Чуфут-Кале. XV век

Комплекс мазаров Исмаил-Ата. XIV–XVI века. Чимкент

Мавзолей Турабек Ханым, дочери хана Узбека. XIV век

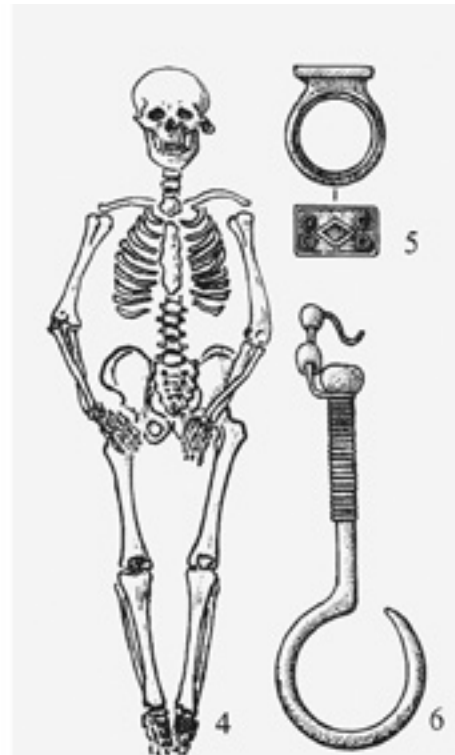
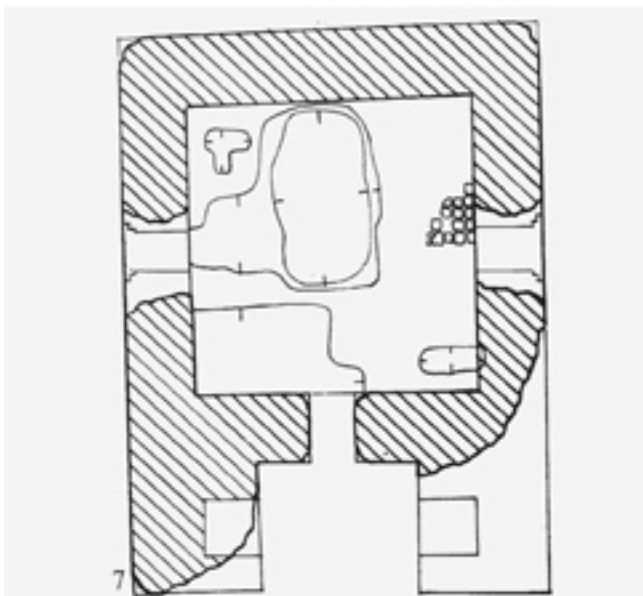
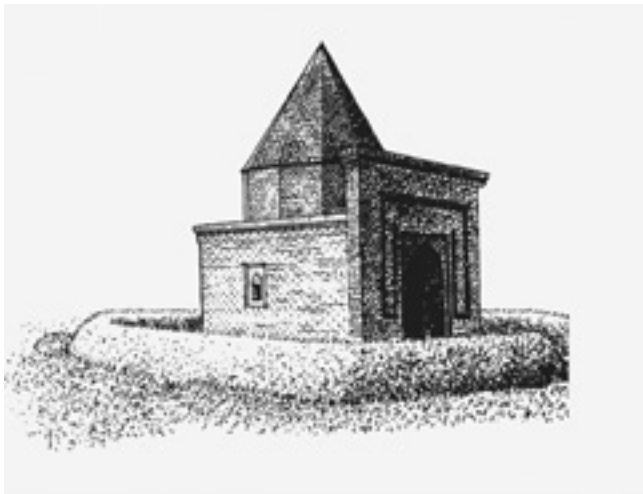
Мавзолей султана ал Муслима XII–XIII века. Ургенч

риального зодчества на значительные территории Северного Кавказа [282, с. 229–238; 328, с. 262–265; 329, с. 271–272], Поволжья [4, с. 136], Башкирии [355, с. 90–94] и Казахстана [14, табл. 144, 145, 146]. В данный круг входят и памятники Южного Зауралья — усыпальница близ Троицка, о которой упоминает П. И. Рычков [143, с. 50], и мавзолей Кесене. Что касается последнего, то на его принадлежность к золотоордынскому периоду указывает ряд фактов. Прежде всего, наличие прямых аналогов среди памятников этого времени: усыпальницы Маджара (Северный Кавказ) (тип I по [328, с. 271–275]), мавзолей в урочище Ирки-баба (Туркмения), Бэндэбике (Башкирия) [203, с. 200, табл. 1, 382]. Во-вторых, квадратные кирпичи, из которых сооружен памятник, по форме и размерам (25×25×6 и 24×24×6 см) типичны для всех золотоордынских памятников XIII–XIV вв. [245, с. 66, 79; 282, С. 265]. Обнаружен-

ные при раскопках вблизи мавзолея изразцы с голубой и темно-синей поливой на лицевой стороне, клиновидно сходящиеся к основанию, широко применялись в облицовке среднеазиатских памятников XIV в. [326].

Первые археологические исследования были осуществлены в 1889 году профессором Э. Ю. Петри [288]. Он расчистил и изучил три погребения во внутренней камере.

Погребение 1 располагалось вдоль северной стены, на месте современной ямы 2, в ее северном конце. На глубине 0,53 м от уровня пола фиксировались деревянные уголки и мелкие обожженные кости животных. На глубине 1,07 м обнаружены доски от перекрытия или гробовища. Ниже лежал женский костяк — вытянуто на спине, головой на запад, лицом вверх. Руки покойной были полусогнуты в локтях, кисти лежали на головках бедренных

Мавзолей Кесене. 3 — вид мавзолея, конец XX века. Рисунок А. М. Федорова; 4 — женское захоронение. Раскопки Э. Ю. Петри; 7 — план мавзолея. Раскопки С. Г. Боталова, Г. Я. Маламуда

костей. Ноги были вытянуты, сведены на уровне пяточных костей. Покойная была обернута в бересту, на лицевой части черепа в березовой обертке были прорезаны отверстия напротив глаз и рта. Вокруг шеи фиксировались остатки шелковой ткани. В погребении обнаружены вещи: возле височных костей — две золотые серьги в форме «знака вопроса» с двумя жемчужинами и яхонтовой подвеской на каждой; на пальцах рук — два золотых перстня с прямоугольным выделенным щитком «с арабесками и небольшими зеленовато-голубыми камнями» (по всей видимости, бирюзой). Э. Ю. Петри отмечает, что череп покойной имел выраженные монголоидные черты.

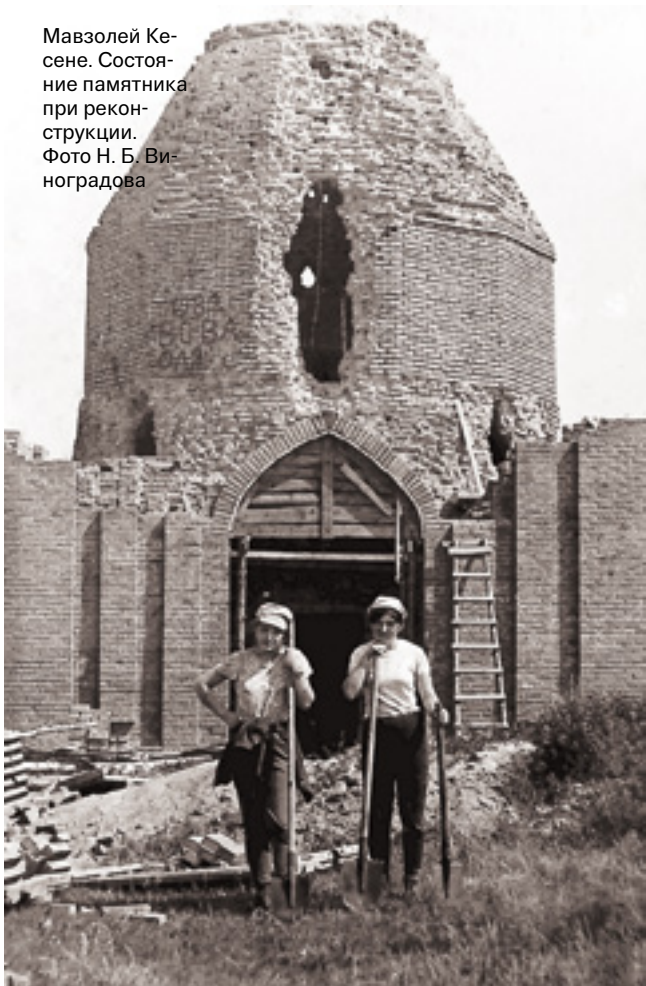
Погребение 2. Остатки разрушенного грабителями захоронения обнаружены вблизи западного окна мавзолея на месте современной ямы 4. Здесь найдены березовые колья, на глубине 0,35 м лежал череп монголоидного типа, ниже, на глубине 0,89 м, отмечены кости барана.

Погребение 3. Могильная яма полностью уничтожена грабителями, после их действий осталась воронка (–130) в центре современной ямы 2.

Э. Ю. Петри обнаружил здесь обломки черепа взрослого человека и фрагмент деревянной палицы, окрашенной в малиновый цвет. Теменная часть черепа из этого погребения найдена на поверхности, под слоем мусора. Уже в конце XIX века на месте захоронения была замечена овальная яма глубиной 1,07 м. Грабительские вкопы в то время имелись также рядом с входным проемом и вблизи восточного окна. Можно еще отметить, что при расчистке мусора был зафиксирован твердый слой известковой заливки и найдено множество костей барана и лошади, окрашенных красной краской.

В 1982–1983 годах Урало-Казахстанская археологическая экспедиция проводила охранные археологические работы на могильнике в связи с реставрацией мавзолея Кесене и прилегающей к нему площадки. Погребальный комплекс, в центре ко-

Мавзолей Кесене. Состояние памятника при реконструкции. Фото Н. Б. Виноградова

Погребальный комплекс Кесене. Раскопки большого кургана. 1983 год. Фото С. Феофилактова

того расположен мавзолей, занимает площадь 3900 кв. м и включает около 150 курганов эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья. Большинство насыпей земляные, но встречаются и каменные. Они имеют как круглую, так и овальную форму, причем овальные земляные насыпи сосредоточены в южной части комплекса.

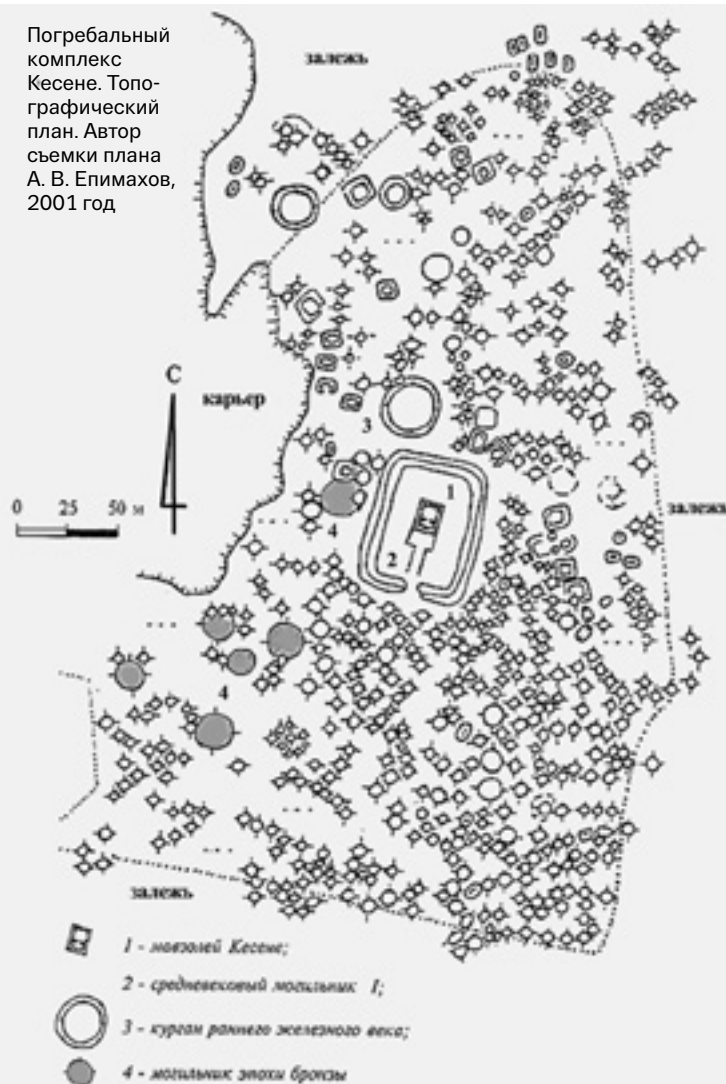
На могильнике Кесене исследовано 43 средневековых погребения. Выделяются следующие типы надмогильных сооружений:

- 1) земляные круглые и овальные насыпи;
- 2) земляные круглые насыпи, облицованные камнем и с выкладкой из камня над могильной ямой на уровне дневной поверхности;
- 3) овальные площадки, выложенные камнем;
- 4) кирпичные оградки вокруг могил.

На многих курганах, по сообщению Р. Г. Игнатьева, были установлены каменные надгробия с вырезанными арабскими надписями [115], до настоящего времени они не сохранились.

Подкурганым захоронениям, как правило, соответствуют деревянные перекрытия над могильной ямой и глиняная площадка на уровне древней

Погребальный комплекс Кесене. Топографический план. Автор съемки плана А. В. Епимахов, 2001 год

поверхности. Могильные ямы в плане имеют вытянуто-овальную форму, Стенки их наклонные, размеры ям у дна значительно меньше размеров на уровне древней поверхности.

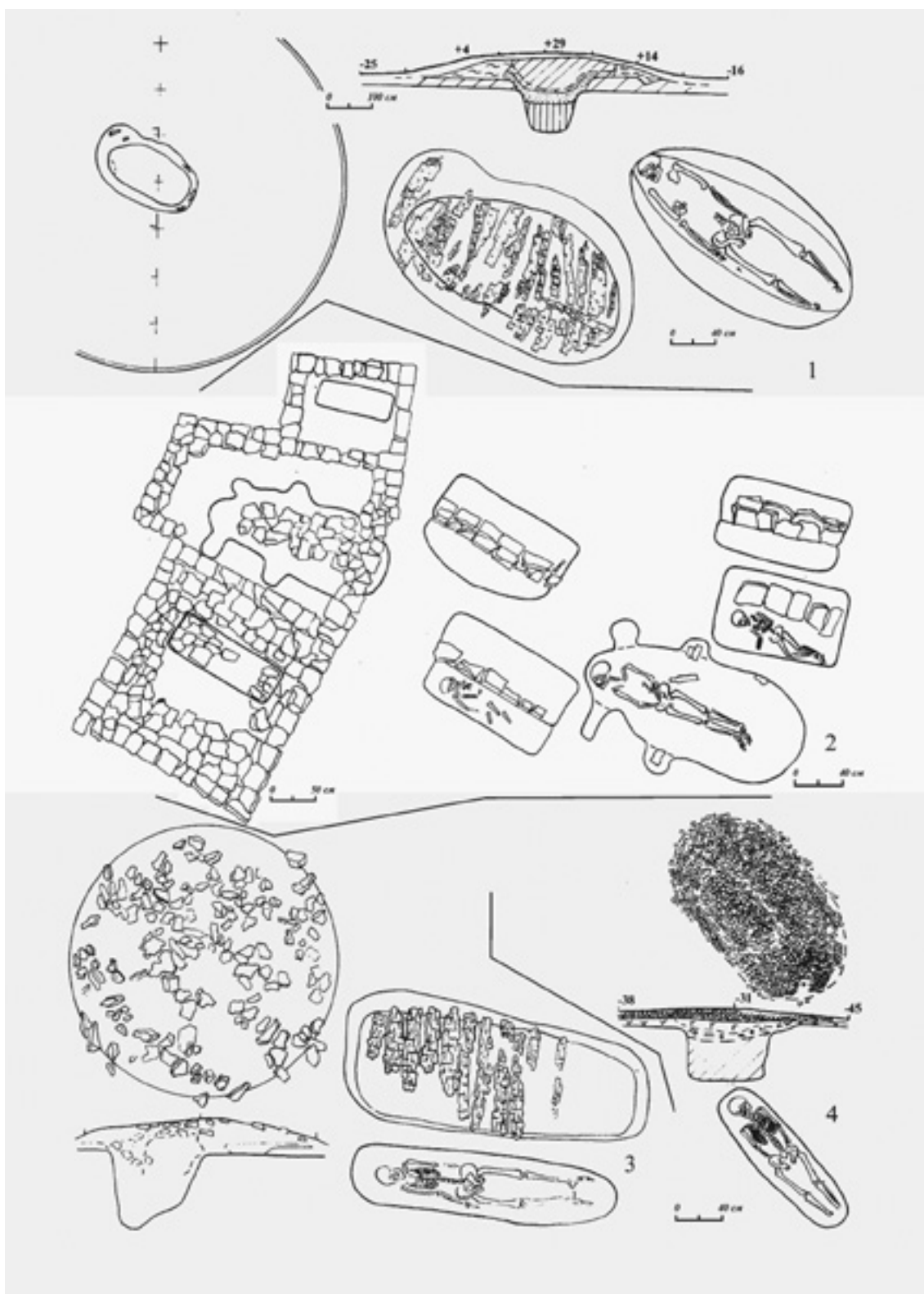
В трех случаях зафиксированы захоронения в подбоях, закрытых кирпичом или деревом (курган 4, погребения 1, 3; курган 8). Причем все три подбойных погребения — детские. В заполнении нескольких ям встречались следы огня.

Костяки ориентированы в основном по линии 3–СЗ, однако имеют место и отклонения на юго-запад.

В большинстве случаев умершие укладывались вытянуто на спине с лицом, повернутым на юг (в сторону Мекки), но у шести погребенных (раскоп 1, могильная яма 6; курган 2; курган 4, погребение 1; курган 7; курган 6, погребение 3; курган 13) лицо было повернуто к северу. В несколь-

Общие планы и разрезы. Погребальный комплекс Кесене.

- 1 — курган 3;
- 2 — курган 4;
- 3 — курган 5;
- 4 — курган 7

ких случаях погребенные лежали на правом боку (раскоп 1, могильная яма 4; курган 8).

Безусловно, все исследованные захоронения несут на себе влияние исламских традиций. Существенные различия в погребальном обряде могли быть обусловлены этнической перестройкой населения, оставившего могильник, местными языческими традициями (Р. Г. Игнатьев отмечал наличие язычества на данных территориях в начале XIX века) [115], а также определенными социальными и половозрастными особенностями. При дальнейшем накоплении материала и проведении антропологического анализа можно будет сделать выводы о соответствии определенных элементов погребального обряда этническим и социальным факторам.

Сегодня существуют значительные расхождения в датировке мавзолея Кесене. М. Г. Семенов, автор проекта реставрации, вслед за А. П. Смирновым считал, что Кесене возведен в XIV–XV веках [355, с. 94]. Иную точку зрения высказывал М. М. Мендикулов. По его мнению, усыпальница сооружена в начале или середине XVI века [241, с. 235; 242, с. 50–52]. Р. Г. Игнатьев, описавший могильник в 1868 году, сообщает, что «по словам киргиз, кладбище оставлено пятьдесят лет назад» [115], то есть на рубеже XVIII–XIX вв. Это время, видимо, можно считать верхней датой строительства могильника. При раскопках в погребении кургана 13 найдена русская монета — «денга» 1742 года, что подтверждает сведения Р. Г. Игнатьева. Кроме того, такие элементы погребального обряда, как подбой, закрытый кирпичом или деревом, деревянное перекрытие могильной ямы, глиняная надмогильная площадка, были широко распространены у населения Казахстана и Южного Урала в XVIII–XIX веках [143, с. 30–80].

Особо стоит отметить погребения в кирпичных оградках. Они могут датироваться тем же временем, что и мавзолей, так как такой тип погребальных сооружений характерен для золотоордынского периода [381, с. 120–131; 415, с. 75–83]. К тому же форма, размеры кирпичей и раствор, скрепляющий

их, аналогичны тем, которые применялись при строительстве мавзолея Кесене.

Обнаружение в усыпальнице Кесене вещей, начало бытования которых падает на XIII–XIV века, является важным аргументом в пользу того, что она сооружена в эпоху Золотой Орды. На территории Оренбургской области и в Южной Башкирии раскопаны мавзолеи Тептяри (совхоз им. Свердлова) и Бэндэбике, дающие аналогичные планы и вещи XIII–XIV вв. (Тептяри). Далее можно отметить, что в самом мавзолее и поблизости от него найдены остатки декора, клиновосходящие к основанию изразцы с голубой и темно-синей поливой. Подобными поливными кирпичиками был облицован купол мавзолея Болгасын в Актюбинской области Казахстана [234]. Еще в начале XX века А. Попов отмечал идентичность кирпичей Болгасын и Кесене [96, с. 21]. Схожие кирпичики украшали фасады ессентукских мавзолеев XIV в. на Северном Кавказе [282]. Все авторы, рассматривавшие вопрос о происхождении традиции использования глазурь в архитектурном декоре, сходятся в том, что на

Мазар. Расчищенный фундамент мазара. Погребальный комплекс Кесене

территорию Золотой Орды этот метод оформления зданий был занесен из Средней Азии. Именно в XIV веке там возводились мавзолеи Биби-Ханым, Шейх-Шереф и другие [326, с. 258; 377, с. 36], купола которых полностью покрыты кирпичами с бирюзовой поливой, как в мавзолее Болгасын. Идентичность строительных и поливных кирпичей мавзолеев Кесене, Домолакер и Болгасын позволяет, по нашему мнению, говорить об их одновременности и аналоги одного из них принять за аналоги всех этих сооружений. Во всяком случае, наша дата для мавзолея Кесене — XIV в. — не противоречит представлениям о датировке мавзолеев Средней Азии, привлекаемых в качестве аналогов.

Серьги в виде знака вопроса, подобные найденной в погребении 1, твердо датируются XIII–XIV вв. [387, с. 39, 114, 116], массовое распространение подобных украшений наблюдалось во второй половине XIV века, в золотоордынско-мусульманский период [112]. Серьги в виде знака вопроса встречаются на территории Казахстана и в Оренбуржье вместе с вещами и монетами XIV в. [134, с. 42–53; 186, с. 185, рис. 10], известны находки подобных украшений в погребениях поволжских мавзолеев, построенных в XIV веке [159, с. 118, 123–124]. Этим же временем датируется перстень, найденный в захоронении в мавзолее Кесене.

В мавзолее Домолакер (Тургайская область, Казахстан) также были обнаружены вещи, относящиеся к XIII–XIV вв. На основании этих данных действительно можно предположить, что наиболее ранней датой строительства мавзолея может быть XIV век, об этом косвенно свидетельствует и то, что в степной полосе Дешт-и-Кипчака выявлены исключительно языческие захоронения XIII — начала XIV века. Мусульманские погребения стали появляться в XIV веке, и возведение мавзолеев едва ли было возможным ранее этого срока. Именно во второй четверти — середине XIV века началось массовое строительство усыпальниц в городских центрах Золотой Орды. Аналогичные по формам мавзолеи в это время сооружались в степной полосе Улуса Джучи. Несомненно, мы здесь наблюдаем проявление целенаправленной политики золотоордынских ханов Узбека и Джанибека, имеющих своей целью исламизацию кочевой степи.

Действительно, мавзолеи подобного типа, характерные для мусульманской архитектурной традиции, строились в Средней Азии, начиная с XIV века. Мавзолеем может быть датирован XIV–XVI вв. Ранняя граница определена по прямым аналогам среди других памятников этого времени: мавзолею Маджары 1 типа (по классификации Э. В. Ртвеладзе) в Ставропольском крае, мавзолею в урочище Ирки-Баба (Туркмения); по форме и размерам квадратных кирпичей (25×25×6 и 24×24×6 см), типичных для золотоордынских памятников XIII–XIV вв.; по присутствию клиновидно сходящихся к основанию изразцов с голубой и темно-синей поливой на лицевой стороне, обнаруженных вблизи мавзолея, которые с XIV века широко применялись в облицовке среднеазиатских памятников; по датировке находок (перстня и серег), имеющих аналоги среди находок в Центральном Казахстане и Оренбуржье. Однако следует учитывать то обстоятельство, что обнаруженные при исследовании археологические артефакты (серьга в виде знака вопроса, перстень-печатка) типологически относятся к образцам, имевшим хождение в Урало-Поволжье и Казахстане вплоть до XVIII века. Это в равной мере относится и к глазурированной плитке (в этой связи остается лишь сожалеть о том, что, по сообщениям местных жителей, задолго до реставрации мавзолея в растворе в прифундаментной части была обнаружена серебряная монета, разыскать которую впоследствии не удалось).

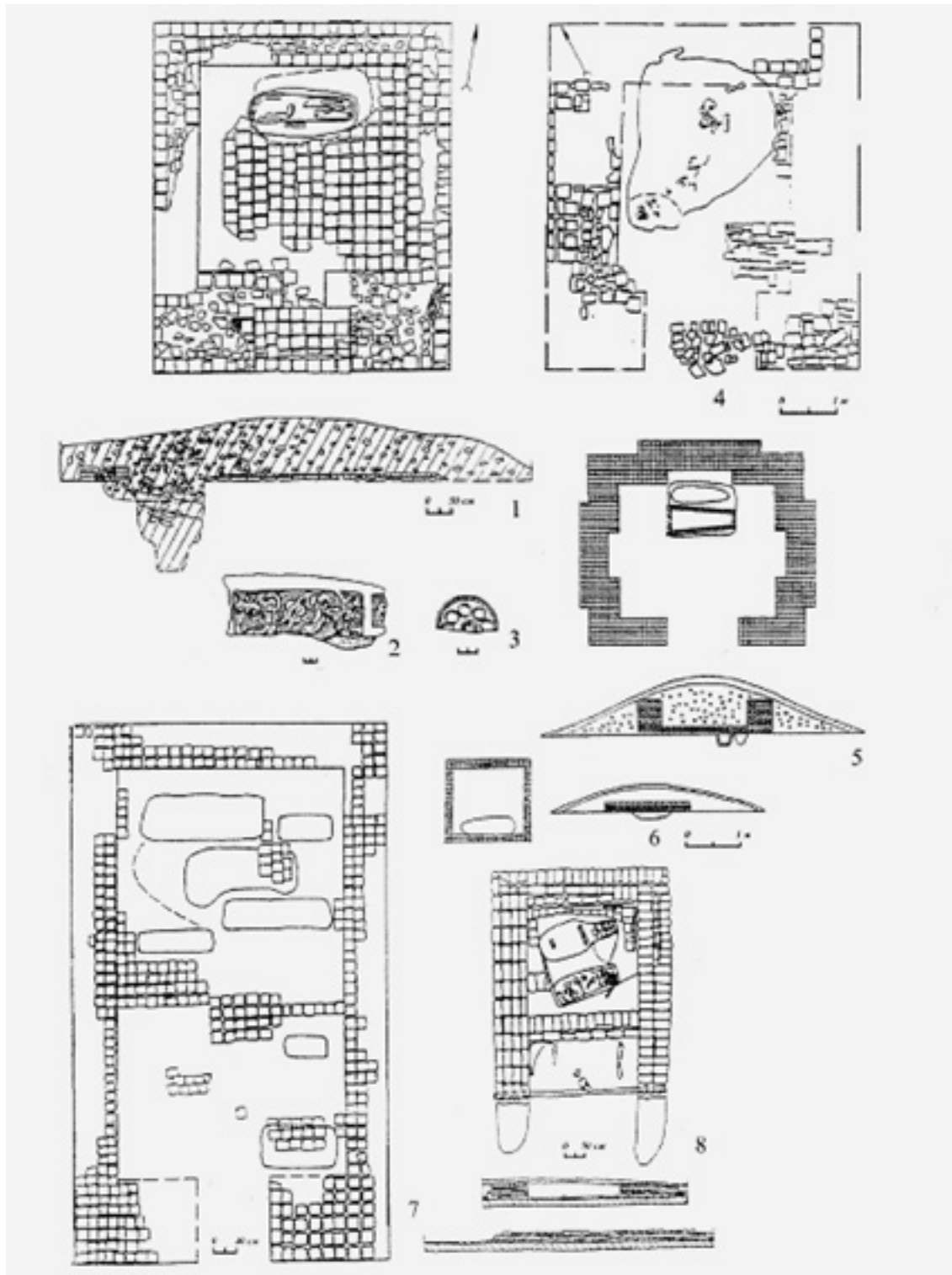
Вероятность отождествления мавзолея с поздней датой — XVI в. — весьма высока, так как этот период относится ко времени расцвета Сибирского ханства, связанного с переселением на его территорию значительного числа узбеков из улуса Шибанидов и ставшего периодом интенсивного строительства, когда полностью преобразилась столица Искер, или Кашлык (ныне Тюмень). В этой части мы вполне согласны с мнением М. М. Мендикулова, который предположил, что строительство Кесене относится к XVI веку.

В заключение следует признать, что не исключена возможность еще большего «умоложения» даты постройки мавзолея — вплоть до XVIII века — в связи с практически полным отсутствием археологически обоснованных аналогий этого време-

ни. Вероятнее всего, окончательный ответ на этот вопрос может быть получен с применением иных, вероятно, естественно-научных методов датирования объекта.

Мавзолеи Башкортостана. В первой половине XIV века на территории Золотой Орды происхо-

дили важнейшие идеологические, политические и социальные изменения. Развернувшаяся здесь мировоззренческая революция была вызвана целенаправленной деятельностью хана Узбека по утверждению в стране мировой религии — ислама. Нам известно, что, желая добиться реального

Мавзолеи урало-казахстанских степей. 1–3 — Домолаккер; 4 — Тептяри, курган 8 (по С. А. Попову); 5 — Жангыз-Агаш, курган 1 (по А. Т. Антиковскому); 7 — Тептяри, курган 6 (по С. А. Попову); 8 — Атчергат

Мавзолей Тура-хана. Фото
Г. Н. Гарустовича. 1985 год

Мавзолей Тура-хана. Фото
Г. Н. Гарустовича. 2009 год

Мавзолей Тура-хана. Фото
Е. В. Русланова. 2017 год

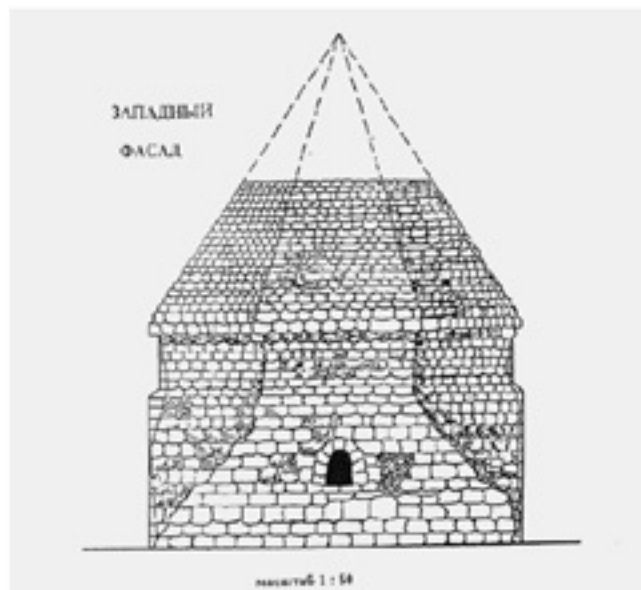
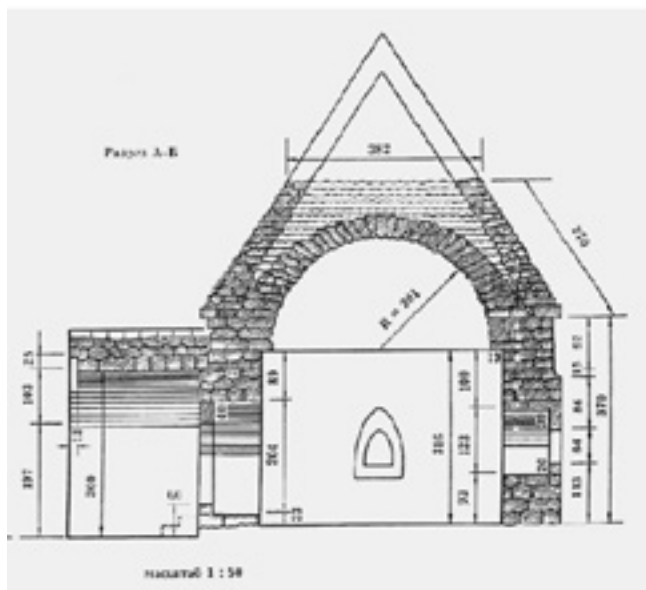
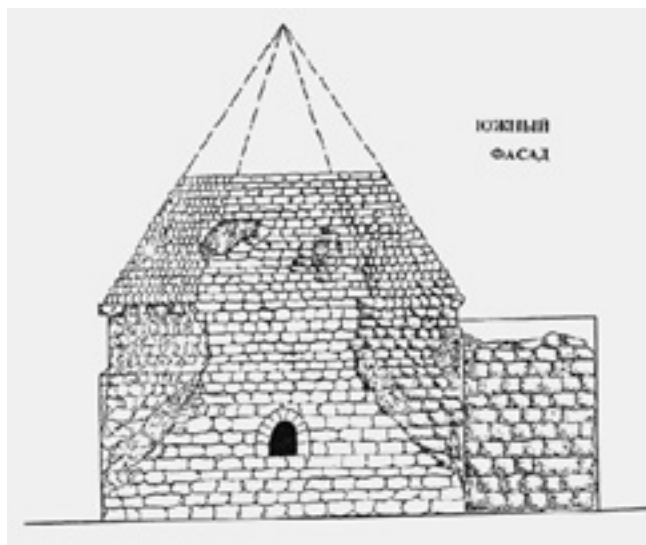

Мавзолей Тура-хана. Фото
Е. В. Русланова. 2017 год

результата, Узбек-хан жестко подавлял инакомыслие в государстве, не останавливаясь даже перед казнями родственников. Однако специалисты мало акцентируют внимание на мирных, широко применяемых им методах монументальной пропаганды. По нашему мнению, именно с проведением идеологических реформ хана Узбека связано появление в степном регионе такого интересного вида памятников, как кирпичные мавзолеи. Когда мы говорим о территориальной специфике кирпичных мавзолеев региона, это вовсе не исключает принадлежности культовых построек Урало-Поволжья к архитектурной школе всего Улуса Джучи. И для нашего региона характерны были черты, отличающие зодчество Золотой Орды как целостное явление. С этим связано строительство мавзолеев (кэшене), которые являются специфическими по-

гребальными памятниками и содержат захоронения, типичные для своего времени и определенного этнокультурного круга. Но, кроме того, это еще и архитектурные объекты, относящиеся к разряду культового мемориального зодчества. На территории Республики Башкортостан с кирпичным зодчеством связан мавзолей Бэндэбике — средневековая усыпальница, возведенная из обожженного квадратного кирпича, которая, как и другие кирпичные мавзолеи Волго-Уральского региона (Варнинский, Абат-Байтак, Домолакер, Мустанаевский и др.), отражает процесс распространения мусульманской религии.

Комплекс раннемусульманских мемориальных памятников у деревни Нижние Термы (Чишминский район) известен с XVIII века, в XIX веке его описывали исследователи В. С. Юматов, Р. Г. Иг-

Мавзолей Тура-хана.
Фасады и разрез

натъев, П. Юдин. В начале 1950-х годов обмеры сделал архитектор Б. Г. Калимуллин. В 1976 году Е. Л. Хворостова осуществила реставрацию кэшене Тура-хана и остатков Малого кэшене.

Мавзолей Тура-хана (кэшене Тура-хана) — лучше всего сохранившийся средневековый мусульманский монументальный памятник Башкортостана. Рассматривая данную постройку, можно представить, как изначально выглядел другой мавзолей — Хусейнбека (до его перестройки в 1911 году). А в случае с Малым кэшене — как он должен был смотреться по завершении строительства.

Мавзолей Тура-хана расположен в живописном месте на левом берегу реки Слак (левый приток Калмашки), на мысовидном выступе возвышенной коренной террасы, ограничивающей с севера широкую долину реки. Выступ возвышается в 2 км к западу от деревни Нижние Термы и в километре к северо-востоку от села Верхние Термы Чишминского района Республики Башкортостан. Комплекс древних памятников включает мавзолей Тура-хана, развалины Малого кэшене (расположен в 250 м к юго-западу от Тура-хана) и остатки древнего мусульманского кладбища вокруг них. Самым древним объектом комплекса является мавзолей Тура-хана.

В архитектурном плане здание имеет портално-купольную форму с граненым пирамидальным (шатровым) наружным перекрытием.

Структура архитектурных деталей мавзолеев проста: однокамерная постройка кубической формы органично переходит в восьмигранный барабан, увенчанный шатровым остроконечным куполом. Основной (главный) принцип художественной целостности и архитектурной симметрии формируется сочетанием четырех геометрических элементов: куб объема стен, граненый цилиндр барабана, восьмигранный пирамидальный купол

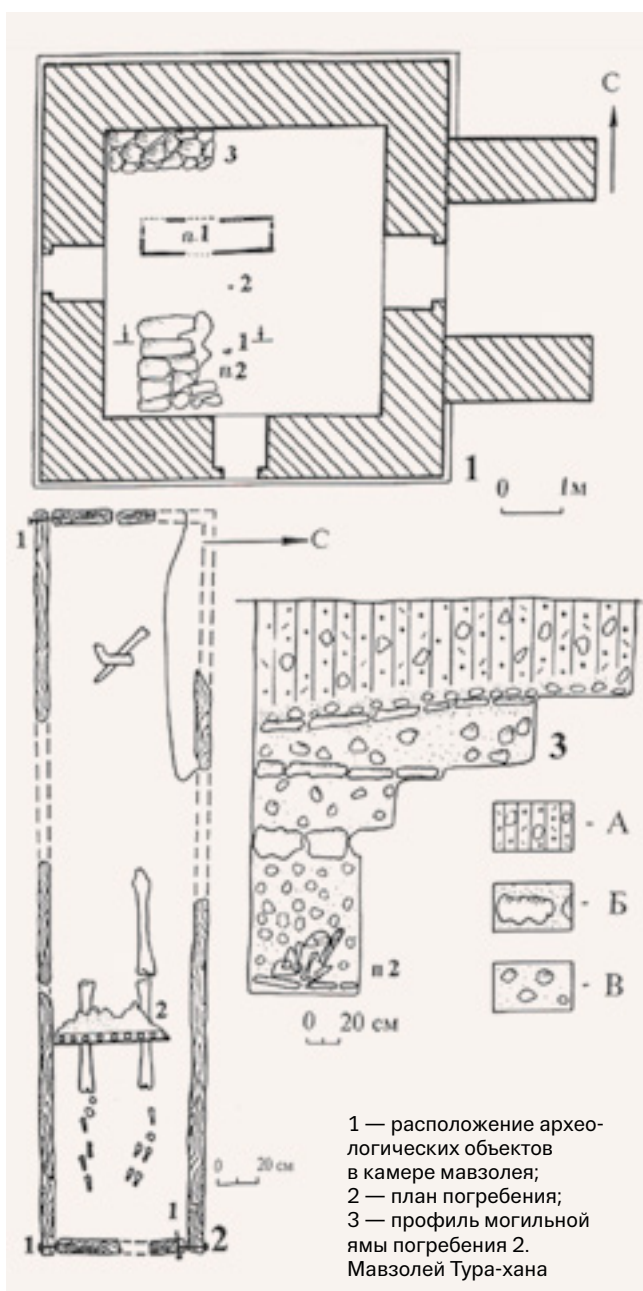
и пристроенный к основному объему стен небольшой параллелепипед входного портала.

Важнейшей конструктивной деталью кэшене Тура-хана являются два купольных покрытия погребальной камеры (внутреннее и наружное). Внутренний купол полушаровидный, диаметром около 4 м. На месте соединения внешнего и внутреннего куполов со стороны каждой из восьми граней наружного покрытия сделаны каналы для проветривания и стока воды, конденсата. Дело в том, что самая вершина шатрового купола изначально имела отверстие, в которое вставлялось металлическое декоративное навершие. В Волго-Уральском регионе подобные мусульманские архитектурные навершия не сохранились, но об их существовании ранее можно судить по обломкам бронзового предмета в форме полумесяца, найденных на руинах кирпичного мавзолея XIV века под Троицком (Челябинская область) [45, с. 151].

Интересной конструктивной особенностью является своеобразный портал, оформленный в виде выдвинутого за пределы массива стен крытого тамбура (или сводчатого вестибюля). Входной проем с арочным завершением размещается в восточном фасаде и отделен от внутренней камеры с помощью высокого порога и ступенек. Два небольших оконных проема (также с полуциркульными завершениями) устроены в западной и южной стенках. Кроме того, окна и дверь имеют небольшое наружное обрамление из камня — для крепления деревянных рам (?) и лучшего рассеивания света во внутренней камере усыпальницы. Стены внутри строений покрывались побелкой.

Мавзолей Тура-хана возведен на фундаменте мощностью 0,8–0,9 м, что несколько больше толщины стен. Дно котлована под фундамент посыпалось белым щебнем с добавкой извести, затем в основание фундамента помещались крупные известняковые камни, размеры которых уменьшались ближе к уровню современной дневной поверхности. Пространство между каменными блоками было заполнено бутом и залито известковым раствором (система полубутовой кладки).

Натурные обмеры усыпальницы производились неоднократно различными специалистами. Общая высота здания от уровня современной поверхно-

сти ранее составляла около 990 см, но после разрушения вершины купола постройка сохранилась до высоты 640 см. Высота четверика стен (вместе с барабаном) составила 370 см, без барабана — 278 см; при этом высота граненого барабана 92 см, максимальная его ширина 650 см. Высота шатрового купола (как бы заменяющего потолок) 640 см. Максимальная ширина наружного купола в основании 682 см. На месте перехода барабана в шатровый купол и небольшого уклона сделан карниз из маломерных камней, несколько выступающих за пределы стен. Стены ориентированы по сторонам света.

Портал высотой около 400 см в восточной оконечности выдвинут из массива плоскости восточной стены на 241 см. Ширина портала 416 см, ширина порталной ниши 203 см. Ширина пилонов портала 110 и 103 см. Высота айвана 300–315 см, глубина 241 см. Пол айвана углублен, а затем покрыт каменной вымосткой на связующем растворе.

Высота внутреннего помещения мавзолея 540 см от уровня земляного пола. Радиус внутреннего полушаровидного купола 201 см. На высоте 278–280 см (во внутренней камере — 290 см) в верхних гранях четверика кубических стен сделаны так называемые «скошенные тромпы» с целью удвоения количества граней (для последующей установки восьмигранного барабана). Ширина основания тромпов около 230–250 см (они опускаются треугольной вершиной вниз на 200–220 см), что позволило довести длину каждой из восьми сторон барабана до 285 см. Размеры внутреннего кубического помещения кэшене: высота 316 см, ширина в верхней части 410 см.

Входной проем с арочным завершением сделан в восточной стене (размеры его изнутри 204×108 см, снаружи 127×83 см). Его основание возвышается над уровнем пола погребальной камеры (на 23 см) и пола порталной ниши; он имеет уступ (предназначенный, видимо, для установки деревянной двери) и декоративно-крепежную окантовку из тесаного камня. Для преодоления достаточно крутого порога (высотой 60 см) с наружной стороны сделаны ступеньки. Верхняя часть порталной ниши также оформлена камнями в виде декоративно-крепежной полуциркулярной окантовки (созданной способом клинчатой кладки), выведенной при

строительстве на кружальных опалубках, с небольшим замковым камнем на вершине. Данному наличнику придан вид упрощенного варианта «утепленного» в стену архивольта. Оконные проемы с арочными завершениями «пробиты» в западной и южной стенах. Высота окон изнутри помещения 123 см, снаружи всего 64 см. Ширина их изнутри 80 см, снаружи — 48 и 49 см. Они также окантованы подтесанными камнями по всему контуру. Отметим, что помимо продуманной гармонии архитектурно-конструктивных деталей и рассчитанной пропорциональности (соразмерности) частей лишь названные окантовки, явно несущие декоративную нагрузку, оживляют монументальную массивность мемориального строения.

План мавзолея также предельно прост: квадратное основание (по наружному контуру 660×559 см (36,9 кв. м); размеры внутреннего помещения 440×440 см (19,4 кв. м). Толщина трех стен (северной, южной и восточной) 110 см, и лишь западная стена имеет толщину 112 см.

В 1975–1976 годах археологом Е. Л. Хворостовой в центре мавзолея было вскрыто погребение. Усопший находился в дубовом гробовище. Гроб имел вид прямоугольного ящика с дном и крышкой. Скелет взрослого человека был частично разрушен грабителями. Однако можно восстановить первоначальное положение погребенного: вытянуто на спине, головой на запад (череп не сохранился). Ноги вытянуты. Вещей нет. На уровне лодыжки расчищены остатки подола длинной рубахи из тонкой материи. Низ рубахи обшит каймой из более плотной ткани, украшенной полосой из кружочков-перлов диаметром 4–5 см.

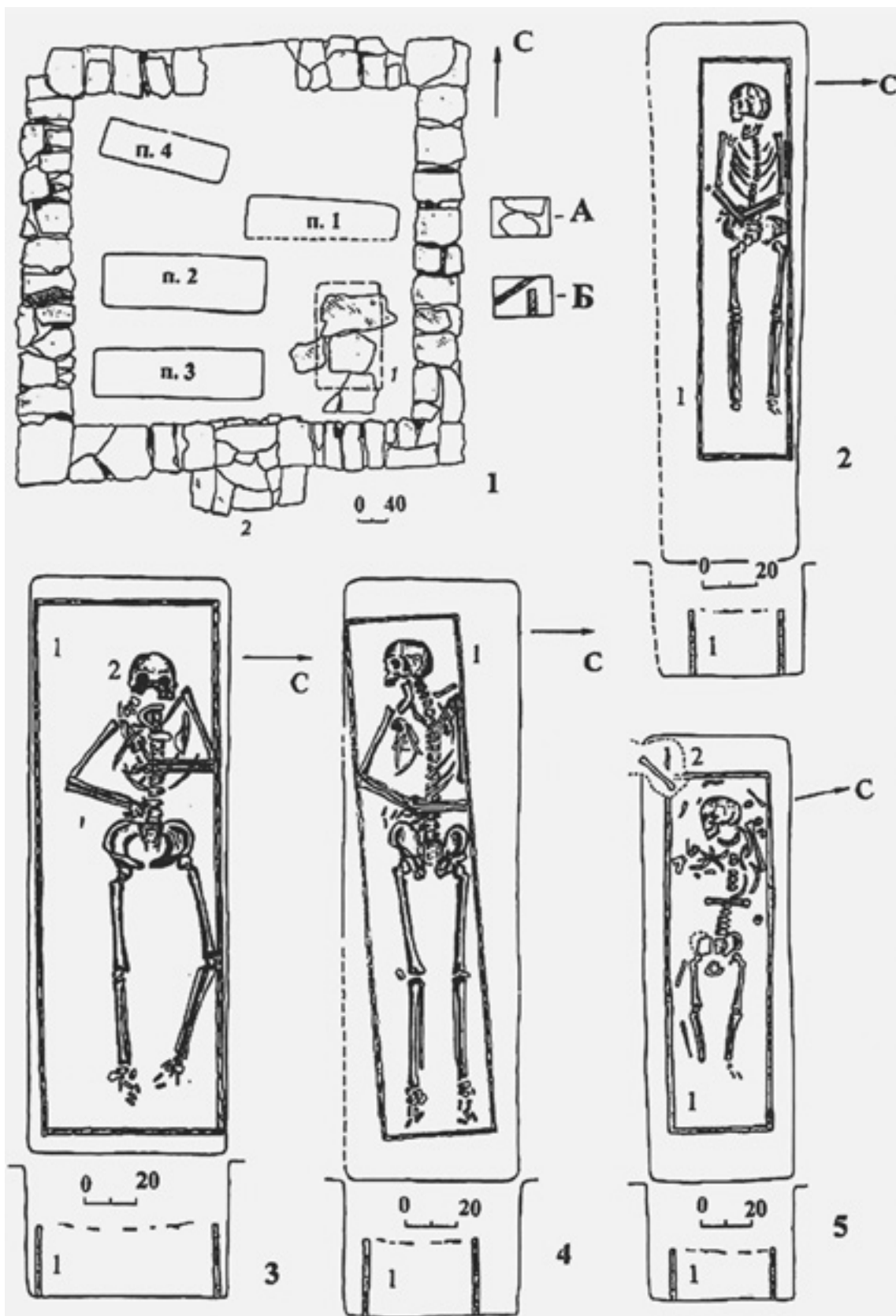
Второе захоронение выявлено в юго-западном углу. Судя по расположению потревоженных останков, покойный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Рядом с обломками черепа, с западной стороны, расчищена наклонно лежащая доска (от гроба?), среди камней, заполнявших могилу, и в грабительском вкопе обнаружены куски дерева от разрушенного гроба.

Малый кэшене — исторический архитектурный памятник. Расположен на расстоянии 1,5 км к северо-западу от деревни Нижние Термы на пологом склоне холма левого берега реки Слак, в 0,3 км

от мавзолея Тура-хана. Строительство кэшене не было завершено. Ныне усыпальница представляет собой квадратное сооружение из каменных плит на известковом растворе, высота стен достигает 0,4 м, ширина — 0,8 м. Вход сделан в южном фасаде. В 1985 году внутри усыпальницы Г. Н. Гарустович

вскрыл четыре погребения. Захоронения совершены в прямоугольных простых могильных ямах (2,4–1,8×0,8–0,4 м) глубиной 0,45–0,55 метра от современной поверхности. Костяки лежали в прямоугольных деревянных гробовищах, вытянуто на спине, головой на запад или северо-запад, черепа

Погребения, исследованные Г. Н. Гарустовичем внутри Малого Кэшене

были развернуты лицевой частью к югу [73, с. 159–161; 75, с. 166–185].

Погребальный инвентарь отсутствует. Раннему-мусульманский обряд захоронения и архитектурные аналоги позволяют отнести время сооружения памятника к эпохе Средневековья. Мечеть и кэшене Тура-хана видимо входили в единый ансамбль ритуально-архитектурных сооружений и принадлежали башкирским ханам.

Мавзолей Тура-хана имеет портално-купольную архитектурную форму. Недостроенная (?) усыпальница Малый кэшене возводилась в центральных очертаниях. Почему в рядом стоящих

каменных строениях входы развернуты в разных направлениях, ответить сложно. Но их единство в хронологии, строительных приемах и особенно в погребальной обрядности несомненно.

Мавзолей Хусейнбека находится в самом центре современного Башкортостана, на юго-восточной окраине поселка Чишмы (Чишминский район), в пределах древнего мусульманского кладбища Акзиарат.

К XVIII–XIX векам здание мавзолея было сильно разрушено (обвалились наружный и внутренний купола, а также верхние части стен, упавшие камни перекрытий раздавили алебастровые над-

Мавзолей Хусейн бека.
Фото С. М. Прокудина-
Горского, 1910 год

гробия в погребальной камере и каменную оградку над могилой Хусейнбека). Уже в эти столетия руины кэшене считались у местных жителей святыней периода ислама.

В 1911 году мавзолей XIV в. был реконструирован (перестроен) по распоряжению муфтия Мухамедьяра Мухаметшариповича Султанова (1837– 1915) на средства религиозной общины. После реставрационных работ мавзолей приобрел современный вид. Ныне это пропорциональное здание центрической формы, состоящее из двух архитектурных компонентов: кубического объема стен и полушаровидного купола над ними. Стыки стен и купола оформлены усечено-коническими наклонными скатами.

Общая высота центрического мавзолея 528 см от уровня современной поверхности, высота стен 238 см, купола — 290 см. Стены ориентированы строго по сторонам света. Размеры наружного контура 850×850 см, погребальной камеры — 596×596 см. Толщина стен 108 см (с цоколем — 128 см). Входной проем шириной 107 см устроен в южном фасаде, он имеет арочное завершение. Окна «пробиты» в западной, восточной и северной плоскостях (высота 137 и 129 см, ширина 72 см), они также имеют ввер-

ху полуциркульные окончатия. Эти арочные завершения окон и входного проема оформлены наличником из клинчатой каменной кладки. На входе (по его обеим сторонам) видны подтреугольные камни, исполняющие роль врезной пяты. В окна были вставлены железные полосы решетки в расщеп. Аккуратный цоколь окантовывал все четыре стены до высоты 50 см (его скос из тщательно подтесанных камней составил 18 см). Вымостки из камней вдоль наружных стен не зафиксировано. Стены изнутри ранее белились.

В процессе раскопок в 1985 году Г. Н. Гарустовичем было расчищено девять погребений. В трех простых могильных ямах были похоронены взрослые люди: сам Хусейнбек, женщина и мужчина. Все остальные погребения детские. В одном из них находился подросток. Расположение погребений внутри кэшене позволяет говорить о том, что костяки лежат в два ряда, вытянуто на спине, ориентированы по линии С–Ю. Для взрослых людей был отведен весь центр мавзолея (погребения 1, 2, 7), а во втором ряду покоились дети (погребения 4, 5, 8, 9). Захоронения детей не отмечались на поверхности какими-либо надмогильными сооружениями, а над могилами взрослых сохранились надгробия

Мавзолей Хусейн бека. Фото Г. Н. Гарустовича, 1985 год

различных видов. Погребенные лежали на спине в гробах-табутах, головами строго на запад. Лица, по мусульманскому обряду, были повернуты в сторону Мекки. Кроме зубов лошади, найденных в од-

ной детской могиле, никаких других вещей в захоронениях не было.

Вокруг могилы Хусейнбека, располагавшейся в центре усыпальницы, напротив входа, выявлены

Мавзолей Хусейн бека.
Фото Е. В. Русланова,
2017 год

Мавзолей Хусейн бека.
Фото Н. Б. Виноградова

следы оградки овальной формы, сложенной из каменных плиток без раствора.

Над могилой женщины обнаружены фрагменты ступенчатого гипсового надгробия, уложенного по всей длине могилы. Погребение женщины, отмеченное столь сложным, оригинальным надгробием, свидетельствует, вероятно, о ее высоком социальном статусе.

Могила мужчины отмечена простой гипсовой прямоугольной плитой. Останки погребенного находились в деревянном гробовище оригинальной формы. Прямоугольный ящик был сколочен железными коваными гвоздями и имел крышку в форме призмы. Гроб украшали железные пластинчатые оковки в форме трилистника.

Надгробный камень
в мавзолее Хусейн бека.
Фото С. М. Прокудина-
Горского, 1910 год

Внутри монументального здания усыпальницы сохранилась каменная надмогильная плита из серого известняка размерами 150×67×26 см тщательно обработанная и с полукруглым завершением в верхней части. Текст на арабском языке имеет рельефное (выпуклое) обрамление, а по краям сделана «окантовка» в виде врезанной линии. Первоначально эпитафия содержала около 15 строк, но сохранилось только шесть из них (приводятся в переводе Г. В. Юсупова):

1. «Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]-
2. [бек сын Омар-бека...] ...рсасского из Туркестана, [покойного]
3. боже мой, помилуй милостью [обширную], чти же его своим благодеянием.
4. Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца

5. [чет]вертого, года семьсот сорокового-.....
.....(?)

6.» [414,
табл. 8].

740 год хиджры соответствует 1339 году по современному летоисчислению (15 сентября, среда), и это был период правления в Золотой Орде хана Узбека.

Строительство мавзолея Хусейнбека закончилось в первой половине XIV века.

А. И. Нечвалодой выполнена антропологическая реконструкция облика молодого мужчины и женщины из погребения мавзолея.

Расположенный вокруг мавзолея комплекс некрополя Акзиарат начал формироваться в первой половине XIV века, когда вблизи озера был построен каменный мавзолей над могилой Хусейнбека, с этим же временем связано расположенное

в 0,3 км к юго-востоку селище Чишмы-1, открытое Е. В. Руслановым в 2017 году.

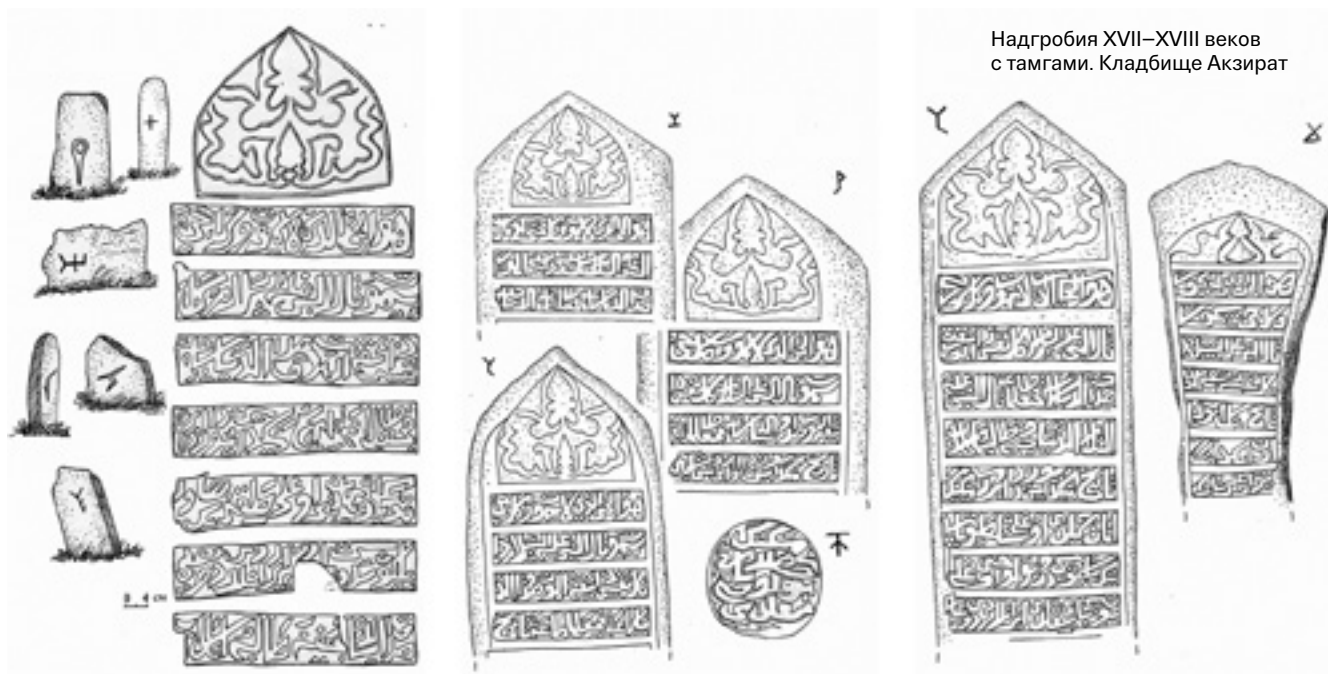
В XVI–XIX веках расширение кладбища продолжилось. В этот период здесь хоронили представителей элиты башкирского племени мин (минг) и приезжих мулл. Именно в XIV–XIX веках некрополь приобрел в народе статус исламской святыни (аулия).

Каменные мавзолеи Башкортостана (образующие особое, «восточное» территориальное скопление) входят в ряд подобных им каменных построек лесостепной зоны Волго-Уральского региона.

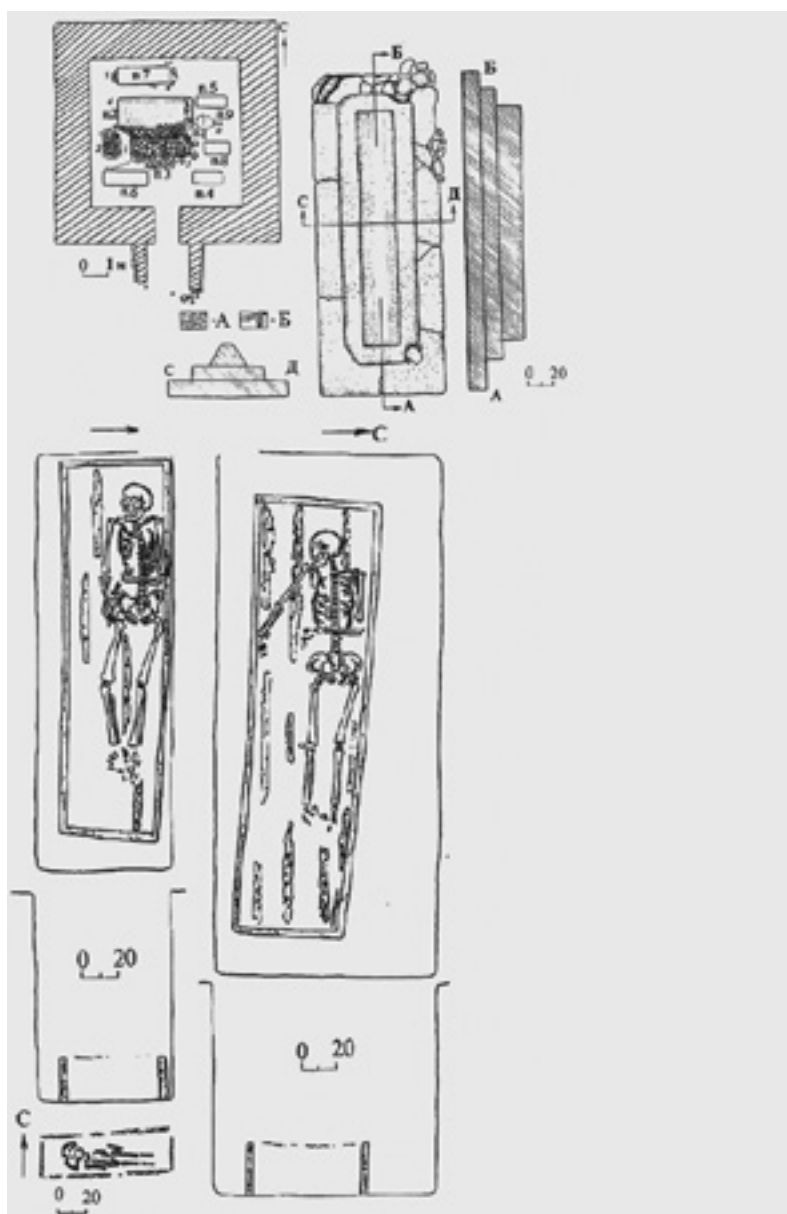
Генетическое сходство белокаменных мавзолеев Башкортостана (Тура-хана, Хусейн-бека, Малого кэшене) и группы усыпальниц Булгарского городища (Татарстан) не может вызывать сомнений. Петрографический анализ вулканического туфа из купола мавзолея Тура-хана показал, что он

Антропологические реконструкции (мужчина и женщина) из погребений в мавзолее Хусейн бека. Автор реконструкций А. И. Нечвалода

Надгробия XVII–XVIII веков. Кладбище Акзират

привезен с Волги, из каменоломни у города Булгара. Дата на плите в мавзолее Хусейнбека (1339) может считаться основой для датировки всех каменных усыпальниц Башкирии: первая половина — середина XIV в.

Именно мавзолеи Башкирии и городище Булгар образуют специфическую локальную архитектурную школу («булгарскую», по нашей терминологии) в рамках единого мемориального зодчества Золотой Орды XIV в.

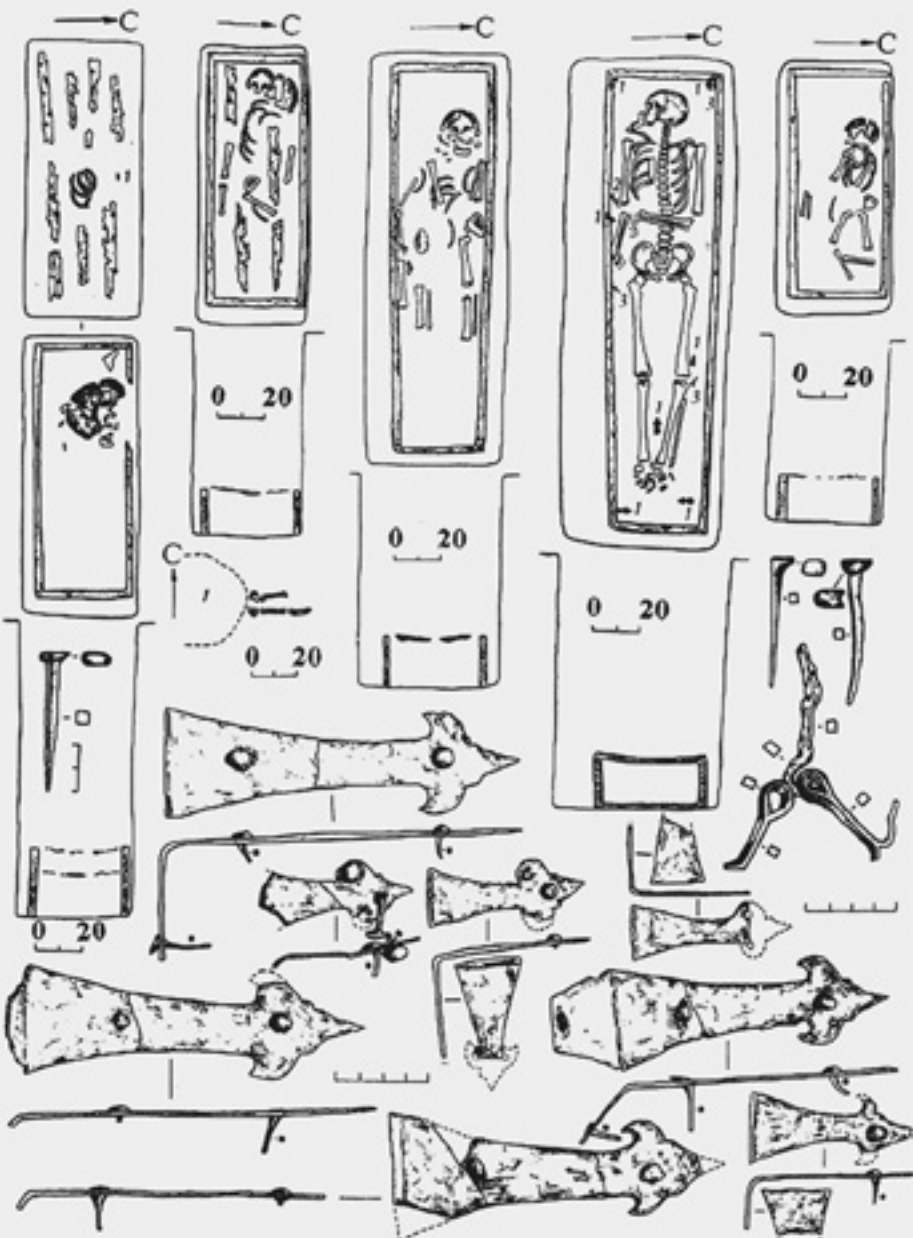
По нашему мнению, (вслед за аргументацией архитектора В. В. Егерёва), истоки зодчества булгарских мавзолеев основаны на творческой переработке достижений средневекового армянского зодчества, точно так же как строительные и конструктивные особенности мусульманских камен-

ных усыпальниц Азербайджана, Крыма и сельджукской Малой Азии.

Мавзолей Бэндэбике находится около села Максютново Кугарчинского района Республики Башкортостан, исследован в 1968–1969 годах археологической экспедицией под руководством Н. А. Мажитова [202, с. 176–179; 206; 204, с. 38; 209].

Основу сооружения составляет прямоугольник 8,7×7 м (толщина стен 1,10 м). Для кладки использовались обожженные кирпичи двух цветов. Они уложены на илистый или глиняный раствор и образуют елочно-пирамидальный узор. Четверик стен посредством парусных или ячеистых трюмов переходит в барабан, увенчанный шатровым, или пирамидальным куполом. Входной проем размещен с южной стороны и оформлен порталной аркой. Лицевая поверхность пещака (портала) имела

Материалы археологических раскопок Г. Н. Гарустовича. Мавзолей Хусейнбека

П-образное бордюрное украшение. Пол погребальной камеры вымощен плинфой. В центре помещения в каменном склепе была захоронена женщина головой на запад, без сопровождающего инвентаря.

Идентичность мавзолея Бэндэбикэ с уверенно датированными памятниками с ближайших территорий по архитектурным формам и обряду захо-

ронения позволяет отнести усыпальницу к XIV в. Портально-купольная форма памятника обычна для золотоордынских построек (мавзолей Кесене, Абат-Байтак, Джучи-хана и т. д.) [71; 72].

С мавзолеем связана башкирская легенда. Согласно ей, это усыпальница (кэшене) Бэндэ-Бикэ — очень умной и храброй женщины, жившей в

Погребение.
Вид с юго-запада. Мавзолей Бэндэбикэ

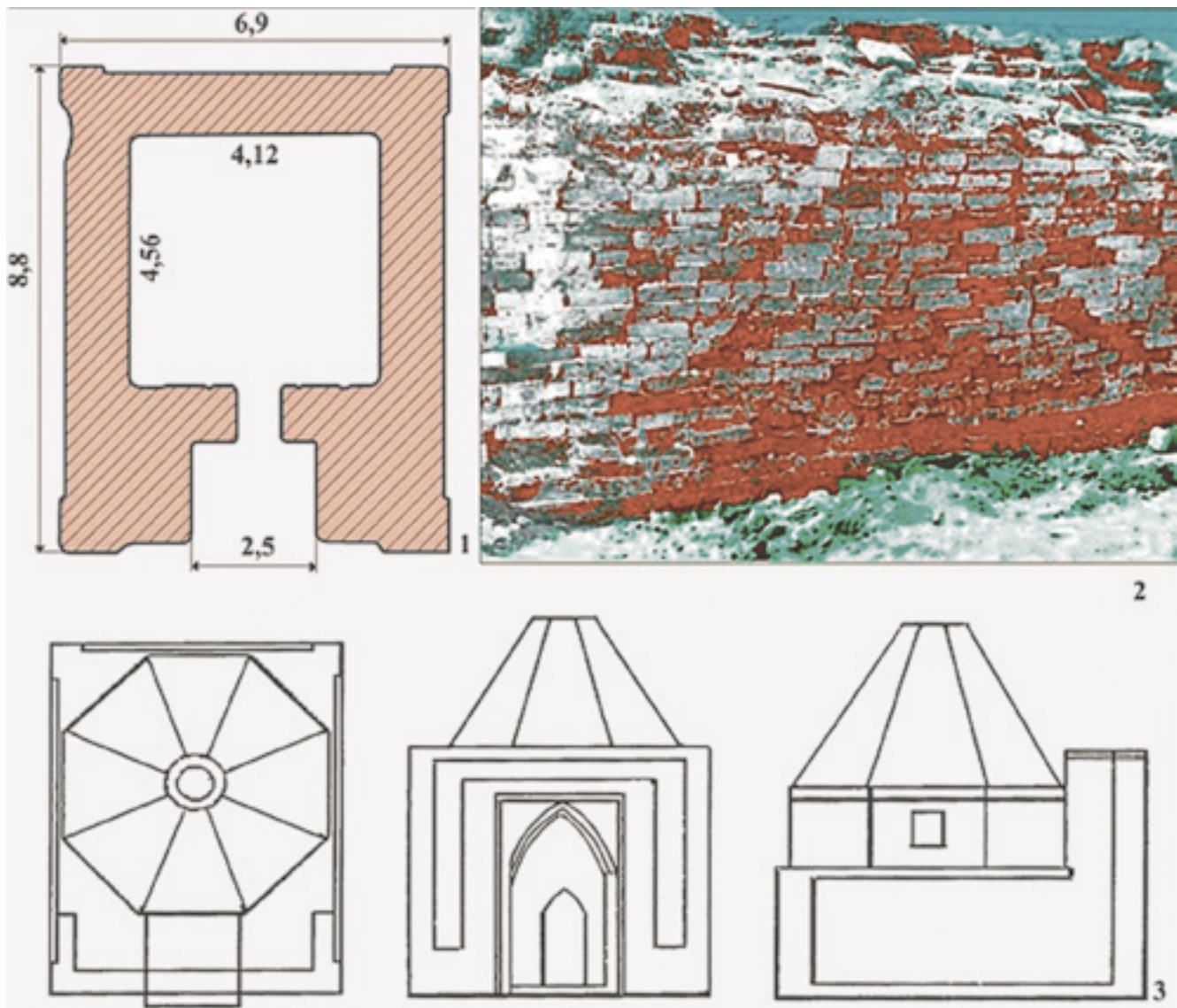
Конструктивные особенности кладки. Мавзолей Бэндэбикэ

этих местах семь столетий назад. В легенде говорится, что в давние времена башкиры страдали от междоусобных войн и взаимных набегов казахских и башкирских племен. Решительная Бэндэ-Бикэ сумела уговорить своих соплеменников жить с соседями в мире и согласии. Она пользовалась большим уважением и популярностью не только у соплеменников, но и у окружающих народов.

Бэндэ-Бикэ вышла замуж за молодого батыра Еренсэ-сэсэна. Но с течением времени Бэндэ-Бикэ постарела, а Еренсэ-сэсэн, будучи в расцвете сил, воодушевленный боевыми успехами, стал подумывать о набеге на казахов. Бэндэ-Бикэ решительно

возражала ему, предсказывая неудачу. Но, не послушав ее совета, Еренсэ-сэсэн отправился в поход. Огорченная Бэндэ-Бикэ умерла. Согласно легенде, башкиры исполнили ее просьбу. Бэндэ-Бикэ завещала: «Если умру, внесите меня в дом и завалите землей окна и двери. Пусть мой дом станет мне могилой». А Еренсэ-сэсэн потерпел поражение и сам попал к казахам в плен. Казахские старейшины, узнав от Еренсэ-сэсэна, что он является мужем всеми уважаемой святой Бэндэ-Бикэ, отпустили его домой. По дороге от встречных путников Еренсэ-сэсэн узнал о смерти жены. От позора и горя он, ударив кнутом своего коня, бросился с высокой

Мавзолей Бэндэбике.
1 — общий план памятника;
2 — фрагмент кладки стены;

3 — графическая прорисовка
внешнего вида памятника

скалы (жители деревни Ургин называют ее Камчат-
тау). Недалеко от этой скалы башкиры похоронили
Еренсэ-сэсэна вместе с принадлежностями воина-

батыра и конем, соорудив над могилой курган из
каменных глыб [29, с. 204–206].

Восточный
мавзолей. XIV–
XV вв. Булгар.
Татарстан

Северный
мавзолей. XIV–
XV вв. Булгар.
Татарстан

Источники и история изучения Улуса Шибана

Владения Шибана и Шибанидов в сочинениях авторов XIII–XIV веков. Исторические свидетельства об Улусе Шибана и его представителях нашли отражение в письменных источниках XIII–XVIII веков. Их изучение восточными и западными авторами напрямую зависело от понимания социокультурного и политического развития Чингизидских государств. К примеру, ранние авторы (Рашид ад-Дин, Джувейни, Джузджани) уделяли гораздо больше внимание династии Батуидов, на протяжении 130 лет правивших Золотой Ордой. Среди биографий Шибанидов наиболее изученным стал образ основателя династии, вторым по числу упоминаний в средневековых текстах стал сын Шибана Балакан.

Письменные источники XV–XVII веков коренным образом меняют представление о династии и тех владениях, которые они контролировали. Повышенное внимание напрямую можно увязать с политическим обособлением потомков Джучи, постепенным затуханием Золотой Орды и образованием в Средней Азии, а также в Сибири ряда независимых государств во главе с потомками Шибана. Впервые в сочинении «Муизз ал-ансаб» была представлена урезанная генеалогия Шибанидов, наиболее полно раскрытая в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и «Бахр ал-асрар». Усиление интереса к династии можно напрямую связать с желанием шибанидских ханов оформить свое правление на среднеазиатских территориях в идеологическом ключе.

Первая информация о личности Шибана и его деяниях была получена от западноевропейских дипломатических миссий, возглавляемых в 1245–1247 годах Иоанном де Плано Карпини и Бенедиктом Поляком, в 1253–1255 годах — Гильомом де Рубруком. Подробные путевые заметки с описанием различных аспектов жизни монголов и династической элиты Карпини осуществил в своих трудах «*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*» и «*Liber Tartarorum*», ставших весьма популярными

Гильом де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Любовика IX совершил путешествие к монголам, которых он называл моалами. Автор книги «Путешествие в восточные страны». Его вклад в средневековую географическую литературу сопоставим с вкладом Марко Поло. Главный герой поэмы Николая Заболоцкого «Рубрук в Монголии». К концу

1253 года он прибыл в столицу, где был удостоен приема у великого хана Мунке. Спустя полгода покинул монгольскую столицу и поехал обратно той же дорогой, но, достигнув Астрахани, расположенной близ устья Волги, на этот раз направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум и Малую Азию достиг порта Акка на берегу Средиземного моря. 16 июня 1255 года Рубрук прибыл в Фамагусту на Кипре, а в августе вернулся в свой монастырь. Путешествие Рубрука намного расширило знания о Центральной Азии, о которой Рубрук оставил превосходное сообщение. Его сочинение на латинском языке было впервые опубликовано в 1589 году. Труд Рубрука высоко оценили его современники и потомки. Видный немецкий географ конца XIX века О. Пешель назвал его «величайшим географическим шедевром Средневековья».

Карта путешествий Гильома де Рубрука (1253–1255 гг.)

Прием Рубрука Батыем

Плано Карпини Джованни (ок. 1182 — 01.04.1252) — итальянский францисканец, первым из европейцев (до Рубрука и Андре де Лонжюмо) посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия. Архиепископ Бара (Иван II) в 1248–1252 годах. По поручению папы Иннокентия IV совершил миссию в Восточную Европу и Азию для встречи с великим ханом и передачи ему письма папы. В сопровождении другого монаха, Бенедикта Поляка, который присоединился к нему во Вроцлаве, он через Чехию, Польшу, Киев, низовья Дона и Волги, Хорезм, Семиречье, впадину озера Алаколь добрался до района

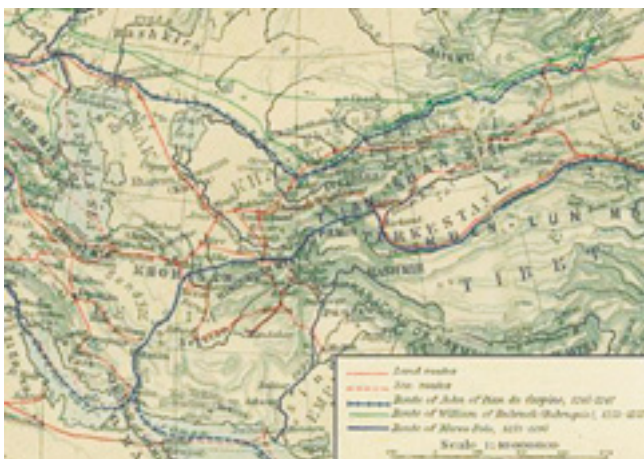
Маршруты путешествий Иоанна дель Плано Карпини и Гильома де Рубрука

расположения главной ставки монголов в верховье реки Орхон. В 1246 году Карпини посетил Сарай, где встречался с Батыем, затем — кочевую ставку близ Каракорума, где был на приеме у только что избранного великим ханом Гуюка. В 1247 году благополучно возвратился в Рим.

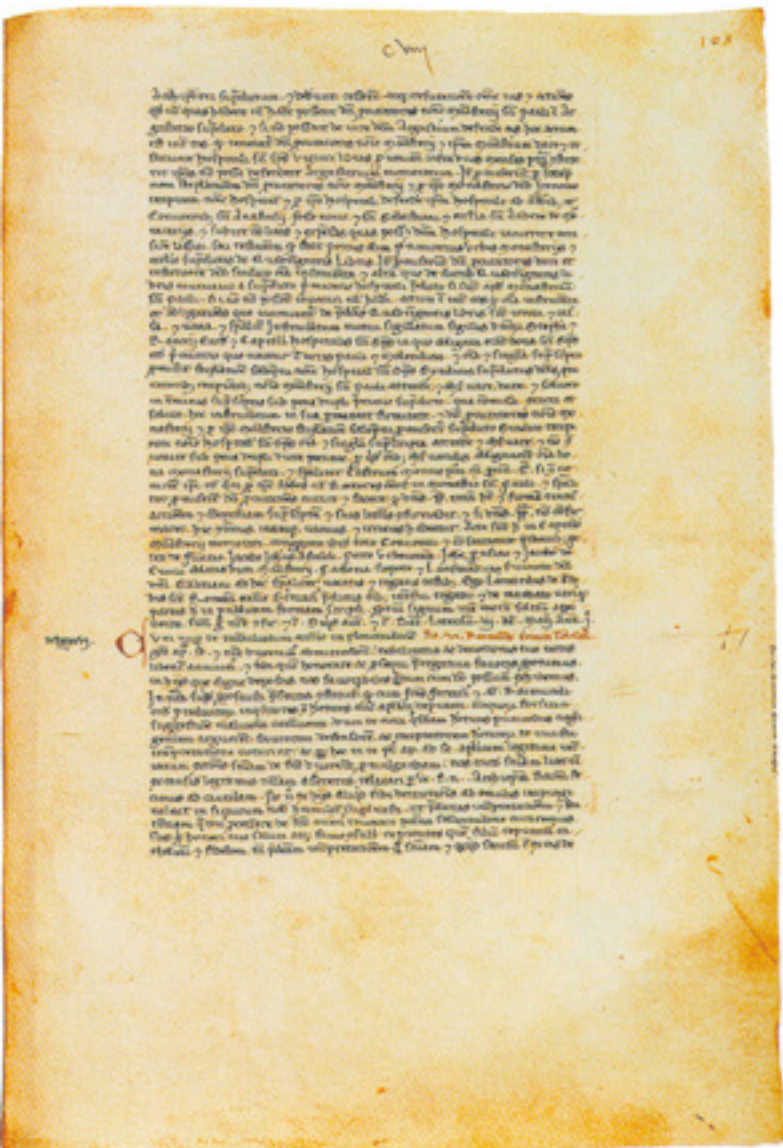
на Западе. Менее известна «История тартар» брата Ц. де Бридиа, составленная со слов спутника Карпини — Бенедикта Поляка. Она сохранилась в одном экземпляре и известна по рукописи XV века. В порядке изложения материала «История тартар» имеет множество пересечений с трудами Карпини, но содержит в себе и литературные мифы об империи Чингисхана.

Примечательно, что в записках Карпини упоминаются владения, принадлежащие Шибану: «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. <...> Там пребывает Сыбан, брат Бату» [319, с. 72–73]. Под упомянутыми городами комментаторы предлагают видеть Барчкенд, Янчикент и Ургенч [Там же, с. 209, прим. 92, 93, 94], расположенные в нижнем течении Сырдарьи. Было также высказано предположение о данных территориях как первоначальном улусе Шибана [341, с. 33]. Информация о Шибане была получена, скорее всего, от монголов-переводчиков, сопровождавших миссию.

Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк упоминают Шибана в числе детей Джучи после Бату

Карта маршрута Плано Карпини (1248–1252 гг.)

Письмо Иннокентия IV «правителю и народу татар»

Папа Иннокентий IV отправляет доминиканцев и францисканцев послами к монголам. Средневековая миниатюра

Иннокентий IV (в миру Синибальдо Фиески) (ок. 1195, Генуя — 07.12.1254, Неаполь) — папа Римский (25 июня 1243 — 7 декабря 1254). В 1245 году, озабоченный вторжением монголов, Иннокентий IV направил на Восток три дипломатические миссии. Францисканец Джованни Плато Карпини достиг Каракорума, столицы великого хана, а доминиканцы Асцелин и Андре де Лонжюмо побывали на Ближнем Востоке. Папа не оставлял планов подчинения

восточных церквей, так как Лонжюмо было поручено вести переговоры с яковитами и несторианами. В булле «Cum hora undecima» (1254) перечисляются народы, к которым должны идти монахи-миссионеры. Кроме мусульман и язычников это греки, сирийцы, армяне, грузины, копты, марониты, несториане и другие. Иннокентий IV оказывал поддержку восточным православным князьям, в 1253 году короновал князя Даниила Галицкого.

и Орду-Ичена, сообщая также, что он был в Венгрии [319, с. 44; 399, с. 110].

Гильом Рубрук дополняет биографические сведения о Шибане, сообщая о сложных отношениях Гуюк-хана и Бату: «Именно Кем (Гуюк-хан) сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана (Шибана), который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга. Вдова этого Стикана удержала нас на один день, прося войти в ее дом и благословить ее, то есть помолиться за нее» [319, с. 135]. Рассказу францисканца вполне можно доверять: информация о смерти Шибана могла быть получена из уст его вдовы, однако Рубрук приводит и иную версию смерти Гуюка, в частности, что он был отравлен Бату. Впрочем,

Передвижная татарская юрта. Гравюра XIX века

Абулхайр и государство кочевых узбеков

транслятором этой легенды был его спутник, а происхождение ее неизвестно. Также отметим, что данная версия все же содержит некоторые противоречия, о которых пойдет речь ниже.

Наиболее подробно династия описана в персоязычной историографии XIII–XIV веков. Первые биографические сведения о ее родоначальнике сообщены в труде Ата-Малика Джувейни «История завоевателя мира», составленном в 1253–1260 го-

дах. Джувейни, будучи чиновником при дворе Хулагу-хана в Иране, совершил многочисленные поездки по Монголии и Средней Азии; в его распоряжении были также документы правящего дома.

Шибан фигурирует прежде всего в связи с событиями Западного похода 1236–1242 годов, однако Джувейни упоминает его в числе царевичей, приехавших в Каракорум по случаю избрания нового правителя после смерти Чингисхана. В тексте он упомянут после Бату и Орды. В списке сыновей Джучи Шибан фигурирует четвертым [16].

Джувейни выделил отдельный эпизод в своей книге, посвященной военной доблести сына Джучи. В параграфе о войне против келар и башкир хронист отмечает, что после завоевания «русов, кифчаков и аланов» Бату с основной армией выступил против келар и башкир, а Шибана с десяти тысячным войском отправил вперед. Во время основного боя тумен Шибана ударил с тыла, чем и решил исход битвы [Там же, с. 185–186; 122, с. 59–60]. Примечательно, что в сочинении также фигурирует и один из сыновей: Менгу-хан при организации похода Хулагу в 1252 году выделил в качестве «представителей Бату Балагая (Балакана), сына Сибакана, Татар-Огула и Кули с войсками» [16, с. 441]. В генеалогиях Балакан фигурирует как четвертый сын Шибана. Интерес Джувейни к царевичу вызван, прежде всего, его участием в завоевательных походах Хулагу-хана [16, с. 443, 448, 454, 462].

Упомянется Балакан и в армянской историографии XIII века, посвященной завоевательным походам Хулагу в середине 1250-х годов в Армению. Григор Акнерци и Киракос Гандзакеци отметили участие царевича в походе на Кавказ [69, с. 227; 123, с. 24] и в последующем походе Хулагу на Багдад в 1258 году [69, с. 228]. Впоследствии оба автора сообщают о смерти Балакана от рук Хулагу: Акнерци пишет, что царевич воспротивился решению Хулагу не подчиняться Менгу-хану, а Гандзакеци связывает его гибель с начавшейся войной с Берке [69, с. 236; 123, с. 31–32].

Старший современник Джувейни, Джузджани, оставил после себя сочинение «Насировы разряды» (1259–1260), где Шибан фигурирует как третий сын Джучи [122, с. 40]. Джузджани писал свое сочинение в Индии, не обладая полной информации

Гюк на празднике.
Миниатюра из «Тарих-и
джехангуша» Джувейни

Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни (1226 — 06.03.1283) — персидский государственный деятель и историк эпохи Хулагуидов, автор исторического труда «Та'рих-и джахангушай» («История мирозавоевателя»). Происходил из семьи Джувейни, представители которой занимали при сельджуках, хорезмшахах и монгольских ханах высокие должности в финансовом управлении.

Ильхан Текудер и Шамс ад-Дин Джувейни. Миниатюра из Джами ат-таварих, рукопись XV века, Герат

Монголы Хулагу у стен Багдада. Миниатюра из Сборника летописей Рашид ад-Дина

ей, поэтому какие-либо подробности о Шибанидах у него отсутствуют.

В начале XIV века историография пополнилась масштабным трудом «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), составленным государственным деятелем при Хулагуидах Рашид ад-Дином. Труд представлял собой не только экскурс в раннюю историю монголов, отраженную лишь в «Сокровенном сказании», но и содержал подробный анализ жизни и деятельности потомков четырех сыновей Чингисхана, включая Шибанидов. Замечательным является и тот факт, что Рашид ад-Дину принадлежат первые генеалогические списки царевичей. Труд персидского историка можно оценить, как обладающий высокой достоверностью, поскольку, находясь при дворе Хулагуидов, автор пользовался большим количеством документов того времени.

Из всех ранних авторов Рашид ад-Дин раскрыл биографию Шибана наиболее полно. Впервые царевич отмечен третьим в числе сыновей Джучи во время поездки в Монголию на выборы нового хана [324, с. 18–19]. В дальнейшем царевич упоминается в качестве того, кто был «назначен на завоевание кипчакской степи»: осень 1236 года Шибан провёл «в пределах Булгара». Судя по всему, этим же временем датируется и совместный с Бату поход против башкир, уже упомянутый Джувейни [324, с. 37]. Источники разнятся лишь в хронологии событий: действия, описанные Джувейни, происходят уже по фактическому окончанию Западно-

го похода; у Рашид ад-Дина поход против башкир предваряет его.

Помимо Шибана в «Джами ат-таварих» наиболее подробно раскрыта личность упомянутого выше Балакана. Историк сообщает об отправке Балакана и Тутара на помощь Хулагу в 650 году хиджры (14.03.1252 — 02.03.1253). В 1255 году Балакан был казнен по обвинению в колдовстве [Там же, с. 81–82]. Сообщения о царевичах практически идентичны и у более ранних авторов, что может указывать на единый источник информации.

Образ Улуса Шибана и его место в политической структуре Золотой Орды на страницах среднеазиатских источников XVI–XVII веков. В отличие от ранних авторов источники XVI–XVII веков формируют цельное представление об Улусе

Шибана. Помимо изучения биографии основателя династии появляется информация о территории улуса, его границах начиная с результатов Западного похода 1236–1242 годов. К такого рода сочинениям относятся «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», «Чингиз-наме», «Бахр ал-асрар», «Родословие тюрков» Абул-Гази, «Шараф-нама-йи-шахи», «Тарих-и кипчаки». Отдельно стоит отметить «Та'рих-и Абул-Хайр-хани», автор которой Масуд Кухистани подробно изложил основные события в улусе шибанида Абу-л-Хайра в середине XV века. Опубликованный в 1969 году фрагмент книги позволяет предположить наличие в полной рукописи биографий других династов.

Особняком стоят сочинения ал-Джаннаби и «Списки устроителя мира» Гаффари. Хроники составлены во второй половине XVI века в Персии. Содержащаяся в них информация отрывочна и представляет иную линию историографической традиции.

Чингисхан у своего шатра.
Миниатюра из Сборника
летописей Рашид ад-Дина

Ал-Джаннаби приводит отрывки из летописи ат-Ташканди, в которой последний сообщает, что первоначально правили в Деште Шибаниды, «но не уладились дела их, пока не одержали верха над ними сыновья Саинхана» [121, с. 383–384]. Примечательно, что тот же автор излагает иную версию прихода шибанида Абу-л-Хайра к власти: он предательски убил хана Махмуда-Ходжу и занял его престол [Там же, с. 384]. Общая отрывочность и противоречивость приводимого В. Г. Тизенгаузеном отрывка наводит на мысль об использовании ат-Ташканди недостоверных источников информации.

Также о Шибанидах сообщает Гаффари, чье сочинение было составлено в 1560-е годы в Иране. Хронист упоминает о двух ветвях (мавераннахрской и хорезмской), однако эти эпизоды не были переведены В. Г. Тизенгаузеном и не включены в «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». В примечании к труду упомянуто, что изложение о Шибанидах у Гаффари начато с Абу-л-Хайра [122, с. 406, прим. 7].

Отдельным эпизодом для исследования является деятельность Шибанидов в эпоху золотоордынской междоусобицы 1360–70-х годов, отраженной в корпусе русских летописей, сочинениях ал-Калкашанди и ибн Халдуна, а также в «Чингиз-наме».

Наиболее ранним сочинением шибанидского круга считается «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», составленное в первом десятилетии XVI века [232, с. 12–13]. Коллективом казахстанских исследователей издана небольшая часть сочинения, где интересующий нас фрагмент содержит генеалогии джучидов. Однако еще в 1967 году в Ташкенте А. М. Акрамовым издан полный текст «Таварих» [368]. Отрывки, посвященные царевичам из родов детей Джучи, на русский язык переведены И. А. Мустакимовым [264, с. 231–234].

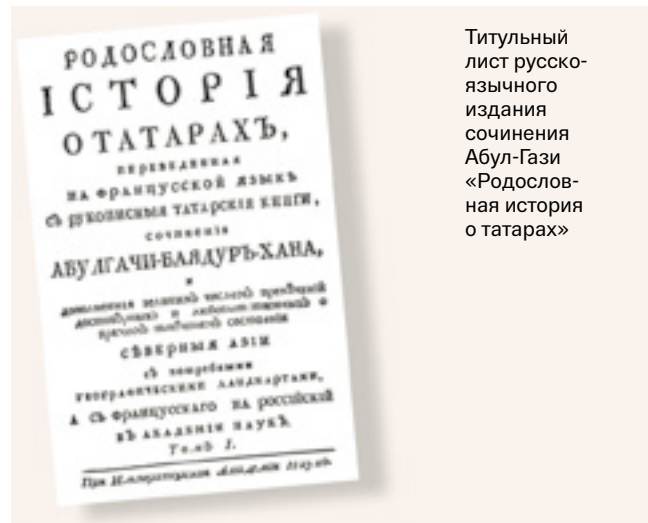
Автор «Таварих», помимо всего прочего, сообщает нам о ратных подвигах Шибана, передаче сорока тысяч человек в награду и четырех туменов, разбросанных территориально [Там же, с. 231]. Несмотря на имеющийся в нашем распоряжении перевод небольшого отрывка, следует допустить, что в Средней Азии в начале XVI века, во время рас-

цвета ханства Мухаммеда Шейбани, установилась системная историография на тему потомков Шибана. Как и в последующих сочинениях, внимание первоначально было уделено первоначально роду, затем повествование перешло на современные автору исторические события. Воинские доблести Шибана подробно описаны в трудах Джувейни и Рашид ад-Дина, и этот факт допускает заимствование автором «Таварих» сведений из упомянутых источников. Информация о предоставленных Шибану вилайетах могла быть почерпнута из не известных нам источников либо являлась продуктом устного исторического знания, формировавшегося с XV века в шибанидских ханствах. В пользу данного факта говорит вычурность диалога Бату и Шибана, приводимого автором «Таварих». Сконструированные хронистами разговоры предков представляют собой своего рода воспоминания о Золотой Орде XIII века, когда имевшаяся в распоряжении автора информация для красочности подвергалась литературной обработке.

Тему литературных исканий о Шибанидах продолжил Утемиш-Хаджи в сочинении «Чингизнаме», составленном в 1550-е годы [133, с. 48]. Автор вслед за «Таварих» повествует об участии Шибана в Западном походе, описывая военные действия в Крыму, но более подробно [383, с. 95–96]. Безусловно, здесь мы имеем дело с единым кор-

Утемиш-Хаджи ибн Маулан Мумаммед Дости (XVI в.) — придворный шибанидский историк, автор трактата «Тарих-и Дост-султана» («История Дост-султана»), написанного в 1550 году по указанию Иш-султана, убитого в 1558 году. Утемиш-Хаджи происходил из влиятельной семьи, служившей Ильбарс-хану. На службе у хана Ильбарса начиналась и карьера Утемиш-Хаджи. Предки же Утемиш-Хаджи служили хану Йадгару.

Махмуд бен Эмир-Вали (? — середина XVII в.) — ученый. Уроженец города Балха на территории современного Афганистана. В 1624–1630 годах жил в Индии, затем вернулся в Балх. Автор энциклопедического трактата «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»), созданного в 1634–1640 годах. Он состоит из семи томов, в каждом из которых четыре части, освещающих знания по космогонии, астрономии, географии, всеобщей истории. Труд посвящен наместнику Балха, который позднее стал правителем Бухары и Самарканда Аштарханиду Надир Мухаммеду.

Титульный лист русскоязычного издания сочинения Абул-Гази «Родословная история о татарах»

пусом легенд о сыне Джучи, начиная с сочинения Джувейни. В рамках создания литературного сочинения о Золотой Орде в сюжете нашлось место и его потомкам: во время притязаний «черного человека» Баджира Ток-Бути на ханство его поддержали и Шибаниды. Впоследствии Узбек-хан, разгневавшись на огланов, передал их Исатаю из клана кыйат в качестве наказания за попытку нарушения основ государственности [Там же, с. 105]. Сам по себе вышеупомянутый сюжет явно лишен исторических основ и содержит в себе назидательное начало. Реконструировать на его основе какие-либо отношения с сарайским правительством в начале XIV века невозможно.

Куда более историчным представляется сюжет о правлении шибанида Хызра [Там же, с. 112–113]. В сочинении образ Хызра представлен негативно: отказываясь жениться на Тайдуле, царевич не желает реанимировать установленный миропорядок. Кроме того, он ломает золотую юрту Узбека и делит ее «между своими казаками». Возникшая в результате междоусобица приводит к смуте, в результате которой «город Сарай порушился». Рассказ о Хызре представляется весьма символическим: он знаменует собой сформировавшиеся в историческом сознании потомков ужасы краха государственности, в результате которых описываемый автором «золотой век» Золотой Орды подходит к концу. Образы потомков Шибана в данном сочинении для нас интересны, прежде всего, представленными целями и задачами. Само по себе «Чингизнаме» является

историческим сочинением, однако в первых главах оно имеет четко выраженную литературную окраску с целью продемонстрировать современным правителям, как надлежит править, чтобы сохранить политические традиции и обеспечить мирную преемственность династии.

В середине XVII века шибанидская историография пополнилась многотомным трудом «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали, составленным в 1630-е годы [232, с. 322]. Помимо заимствованной у «Таварих» генеалогии Шибанидов сведения о самих царевичах изложены в форме хроники: их владения представлены как цельный улус, что противоречит сообщениям «Таварих» [232, с. 347–349]. В более краткой форме о Шибанидах сообщает Хафиз-и Таныш Бухари, чье сочинение было написано в 1550-е годы [397, с. 75–76]. Вероятно, этим трудом пользовался Махмуд бен Вали, располагавший и другими сведениями. Упоминание о выборе Бахдуром сыном Шибана «летовок и зимовок» в Ак-Орде, по мнению В. П. Юдина, свидетельствует об использовании автором информации из устной традиции того времени. В данном случае в жизнь воплотилась еще одна литературная традиция, бытовавшая в историографии с начала XV века, касающаяся символических государств Ак-Орда и Кок-Орда, географическая локализация которых является предметом многолетней оживленной дискуссии. Ее рассмотрение, а также отождествление одной из орд с Улусом Шибана не входит в круг наших задач и в целом может считаться непродуктивным.

Закономерным итогом формирования цельных исторических представлений о Шибанидах служит «Родословие тюрков» частично написанное в 1660-е годы хивинским ханом Абулгази и продолженное его сыном [158, с. 20]. Абулгази, потомок Арабшаха, уделил преимущественное внимание реконструкции жизнедеятельности как самого Шибана, так и его потомков. По сообщению автора, в его руках было «осмнадцать свитков, в которых заключаются исторические рассказы о потомках Чингиз-хановых, властвовавших в Иране и Туране» [1, с. 1–2].

В. П. Юдин данное сочинение, как и ряд вышеупомянутых трудов, причисляет к, так называе-

мой «устной степной историологии» [411, с. 122]. Утверждение исследователя представляется верным, но сочинение хана отнюдь не лишено заимствований и из трудов предшественников.

Описание Шибана в труде Абулгази выглядит традиционным, но в данном случае историк не повторяет труды своих предшественников, а приводит схожее описание, данное в персоязычной историографии, о засаде, позволившей разгромить «государей Корелы, Немцев и Руси» [1, с. 159]. По итогам похода Шибану был предоставлен юрт [Там же, с. 160] с подробным географическим описанием его границ. Фраза об улусе с течением времени стала хрестоматийной и постоянно фигурирует в трудах современных исследователей. Упоминания о последующих после Шибана правителях улуса имеет схожую основу с более ранними трудами Махмуда бен Вали и Хафиза-и Таныша Бухари.

Сочинение Абулгази содержит уникальную информацию о передаче юрта Корел одному из сыновей Шибана: якобы правление Шибанидов в этом улусе растянулось вплоть до XVII века: «...говорят, что и в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хана». Подробнее о топониме «Корел» высказался И. А. Мустакимов [261, с. 24–25].

Абулгази вслед за Утемишем-Хаджи сообщает об отношениях Шибанидов с правящим домом потомков Бату: «Менгу-Тимур-хан... действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владение в Белой Орде отдал он Багадур-хану, сыну Шибан-ханову; области Кафу и Крым отдал Уран-Тимуру» [1, с. 152]. На наш взгляд, в подобном сообщении происходит контаминация реальных фактов с бытовавшими на просторах Средней Азии легендами вокруг Ак-Орды и Кок-Орды, упоминавшимися выше. Таким образом, Абулгази раскрывает причины перекочевки Бахадура, представленные в «Бахр ал-асрар» как самостоятельный выбор царевича.

Потомки Шибана в сочинении Абулгази поделены на несколько крупных ветвей по территориальному принципу. Отдельно сообщается о Шибанидах в Туране (судя по контексту, речь идет о правителях сибирских территорий) и Хорезме — потомках Пулада.

В целом Абулгази подробно подошел к изложению истории династии Шибанидов, упомянув не только о генеалогии дома, но и о ряде важнейших исторических событий вокруг династии. Традиционным стало участие Шибана в Западном походе, и впервые в историографии владения хана были четко оконтурены географически. Помимо упоминания о ядре ханства Абулгази сообщает и о периферийных территориях (владение в Ак-Орде и вилайете Корел).

В 1720-е годы Кипчак-хан в труде «Тарих-и Кипчаки» сообщил компилятивные сведения о Шибанидах, уделив, прежде всего внимание изложению исторических событий со времени правления хана Абу-л-Хайра (1429/30–1468) [232, с. 389]. Сообщая о ранних династах, автор ограничивается перечислением их в порядке правления, чем воспроизводит упомянутую выше традицию, берущую свое начало от Хафиз-и Таныша Бухари. Данное сочинение является одним из наиболее поздних трудов и оригинальных сведений о династии не несет.

Для поздней шибанидской историографии (XVI–XVII вв.) характерно формирование представлений о Шибанидах как о самостоятельном политическом образовании с конкретными границами владений и порядком престолонаследия. При этом для XIII — первой половины XIV века подчеркивается явная зависимость дома Шибана от сарайских ханов; если «центр» улуса надежно закрепляется за Шибаном (обширные территории среднеазиатских степей), то «периферия» подвергается изменениям вследствие политики Сарая. Свидетельства о наличии владений династов в Ак-Орде наводят на мысль о внедрении подчиненных земель в сакральную географию, транслятором которой выступила бытовавшая среди местных интеллектуалов легенда о «цветных» ордах. Безусловно, на образ Улуса Шибана в поздних исторических сочинениях повлияла устная традиция, хранящая в себе воспоминания о Золотой Орде как некоей модели идеального государства и надежно передаваемая Утемишем-Хаджи. У более ранних исторических хроник (Рашид ад-Дин и Джувейни) подобных процессов не наблюдается.

Если ранняя история Улуса Шибана в поздних сочинениях несет в себе оттенок легендарности, то

участие царевичей в борьбе за сарайский престол в 1360–70-е годы представляет собой четко документированный факт. Свидетельства о ханах Хызре, Хаджи-Мурате (Мюриде), Каганбеке и Арабшахе обнаруживаются как в русских летописях, так и в восточных сочинениях.

Согласно русским летописям, Хизр правил в 1360–1361 годах и был убит собственным сыном Тимуром-Ходжой, также названным «царем Заволжским», правление которого продлилось чуть более месяца [297, с. 232–233]. В «Чингиз-наме» Хизр-хан также убит собственным сыном по имени Бурут [383, с. 113]. Правление хана и его сына Бурута (в хронике Марду) отмечено также и в «Тарих-и арба улус» [371, с. 102, прим. 30, 31].

Гораздо подробнее освещена деятельность младшего брата Хызра Хаджи Мурата (Мюрида) (Амурат в русских летописях), прежде всего, за счет того, что шибанид выступил против хана Абдулы, являвшегося креатурой Мамайя в 1362 году. Победа над темником укрепила политическую власть хана, в результате чего русские князья направили к нему своих послов [297, с. 233–234]. Обстоятельства гибели Хаджи-Мурата неизвестны: в 1365 году уже упоминается «царь Барамхозя» (Базарчи-хан) [298, с. 5; 371, с. 102–103].

Хизр (? — 1361) — хан Золотой Орды, сын Сасы Бути. Первый хан Золотой Орды, представлявший род Орда-Ежена, старшего сына хана Джучи. Выходец из Белой Орды. По данным «Анонима Искандера», был сыном ак-ордынского хана Сасы Бути. В 1359 году объявил себя ханом в Гюлистане. В 1360 году вторгся во владения хана Науруза и начал тайные переговоры с ордынской знатью, в результате которых Науруз был выдан Хизру. Хизр убил хана Науруза, его жену Тайдулу и верных Наурузу ордынских вельмож. По сообщению «Анонима Искандера», Хизр правил в течение одного года. Активно вмешиваясь в дела Руси, Хизр отпра-

влял туда послов, а также вызывал к себе московского князя Дмитрия Ивановича. Помимо Дмитрия при дворе Хизра побывали также Андрей Константинович Суздальский с братом, Константин Васильевич (князь Ростовский) и Михаил Ярославский. Хизр управлял огромной территорией (об этом свидетельствуют монеты, выпущенные им в Гюлистане, Новом Сарае, Хорезме и Азаке). В управлении ханством стремился поддерживать твердый порядок. Несмотря на ряд предпринятых мер, не сумел сдержать смуту и был убит со своим младшим сыном в результате заговора, организованного старшим сыном Тимуром-Ходжой.

Во второй половине 1370-х годов в восточных и русских источниках отмечены потомки Бадагула — Арабшах, Каан-бай и Эльбек. Арабшах (царевич Арапша в русских летописях) совершил несколько набегов на пограничные территории русских княжеств в 1377–1378 годах [298, с. 27–28]; сам же он в летописи не фигурирует под царским титулом (отечественный эквивалент титулу хана), а назван царевичем. Отсутствует Арабшах и в списке правителей у ал-Калкашанди, где упомянуты Айбекхан и «сын его Карибекхан» (предположи-

Тимур-Ходжа — хан Золотой Орды в 1361 году. Представитель рода Орда-Ежена, старшего сына хана Джучи. Был старшим сыном хана Хизра. Организовал заговор против отца, в результате которого Хизр и его младший сын были убиты, а Тимур-Ходжа вступил на золотоордынский престол. Правил в течение пяти недель. Успел начать чеканку монет в Новом Сарая. Ордынская знать была настро-

на враждебно по отношению к Тимур-Ходже с первых же дней его царствования, чем сумел воспользоваться беклярбек Мамай, восставший против власти нового хана. В это время Мамай объявил ханом своего ставленника Абдаллаха (потомка Узбек-хана). В стране начались междоусобицы. Не имея сил для противостояния Мамаю, Тимур-Ходжа бежал за Волгу, где и был убит.

Тимур Ходжа на золотоордынском престоле (август 1361–сентябрь 1361 гг.). Страница Лицевого летописного свода

тельно Эльбек и Каанбай) [121, с. 289]. В таком же порядке Шибаниды приведены у Ибн Халдуна [Там же, с. 277]. Об отсутствии ханского титула у Арабшаха Утемиш-Хаджи сообщает, говоря о главенстве Каан-бая над улусом во время прихода к нему беглого Токтамыша. Каан-бай отказался помогать царевичу, в отличие от Арабшаха. Токтамыш, став ханом, сделал царевича главой Улуса Шибана [383, с. 117–118]. Так, по версии хивинского писателя, закончилась самая кровопролитная золотоордынская междоусобица.

Несмотря на то что сообщения ряда источников о Шибанидах в эпоху Замятни были систематическими, их основной целью было отметить их нахождение в статусе золотоордынского хана и осветить те действия, которые они в данном статусе совершали. В качестве исключения можно привести «Чингиз-наме», в котором был заявлен Улус Шибана как самостоятельный эль, правители которого, однако, не претендовали на золотоордынский престол. В пользу этого факта говорит и то, что Токтамыш при помощи Арабшаха, «воспользовавшись случаем», когда «в городе Сарая не было ни хана, ни султана», «стал ханом». Таким образом, по версии Утемиша-Хаджи, шибанидские царевичи стремились к возвращению старого миропорядка, поддерживая единственного «легитимного» претендента.

Подытоживая все вышесказанное, отметим значительную эволюцию как во взглядах на историю формирования улуса, так и при описании биографий его отдельных представителей. Наиболее цельно как в ранних, так и в поздних сочинениях воплотился образ основателя династии. Источники XIII–XIV веков помимо Шибана уделяют также внимание его сыну Балакану как активному участнику боевых действий в составе войска Хулагу. Причем о самом улусе или о каких-либо иных владениях речи не идет.

Поздние авторы, чьи сочинения создавались уже в самостоятельных среднеазиатских государствах под руководством потомков Шибана, пытались сформулировать свое видение истории династии. Если анонимный автор «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» уделит внимание наиболее ярким персонажам (Шибану и Абу-л-Хайру), то Утемиш-

Хаджи, Махмуд бен Вали и Абулгази прослеживали историю улуса и взаимодействие его царевичей с ханами Золотой Орды, причем каждый из них предложил авторскую трактовку истории династии, зачастую основанную на устных сказаниях.

История Улуса Шибана в трудах современных исследователей. Исследовательская традиция вокруг истории Улуса Шибана насчитывает всего несколько десятилетий и связана, прежде всего, с трудами З. Я. Бояршиновой, Б. А. Ахмедова, В. П. Юдина, А. Г. Нестерова и В. П. Костюкова. К настоящему времени история улуса и его правителей отражена также в работах Т. И. Султанова, Д. М. Исхакова, Д. Н. Маслюженко. Ряд частных аспектов (прежде всего участие Шибанидов в золотоордынских междоусобицах) изучены Б. Д. Грековым и А. Ю. Якубовским, М. Г. Сафаргалиевым, Г. А. Федоровым-Давыдовым, В. Л. Егоровым, А. П. Григорьевым, В. В. Трепавловым, Р. Ю. Почакаевым, Ж. М. Сабитовым и др.

Начало систематического изучения Улуса Шибана в советской исторической науке было положено кандидатской диссертацией Б. А. Ахмедова, успешно защищенной в Москве в 1960 году [20]. Несмотря на то что основной темой диссертационного исследования являлось государство кочевых узбеков при хане Абу-л-Хайре (1429/30–1468), немалое внимание было также уделено и предкам упомянутого хана. В том же году З. Я. Бояршиновой был подготовлен курс по истории Сибири для студентов, в рамках которого кратко описывалась история Улуса Шибана в Западной Сибири, преемником которого названо Тюменское ханство [46, с. 102]. Таким образом, практически одновременно сведения о политических образованиях Шибанидов трактовались на основе восточных источников и русских летописей.

В 1962 году Б. А. Ахмедовым была подготовлена на узбекском языке монография на основе диссертации, получившая положительные отзывы исследователей [18; 275, с. 69–70]. Через три года монография была выпущена на русском языке [19]. Безусловной новизной работы стала тщательная работа с источниками, многие из которых до сих пор не опубликованы, а также впервые представленная реконструкция истории владений Шибанидов со

В. П. Юдин

Б. А. Ахмедов

второй половины XIV века до конца 1420-х годов. Примечательно, что, несмотря на отдельную критику [338, с. 166–167; 412, с. 261–270], основные положения монографии не утратили своей научной ценности по сей день.

С середины 1960-х годов изучаются и публикуются основные источники шибанидского круга XVI–XVII вв. [5, с. 48–51; 6, с. 54–59; 368; 21, с. 51–55].

Изучением и систематизацией среднеазиатских источников XVI–XVII вв. с середины 1950-х годов занимался крупнейший советский исследователь В. П. Юдин, чья деятельность была связана с Академией наук Казахской ССР.

Еще в 1950-е годы коллективом казахских специалистов был задуман проект по публикации важнейших первоисточников, отражающих историю средневекового Казахстана и ряда сопредельных территорий. С 1960 года коллектив авторов возглавлял В. П. Юдин. Этому исследователю, помимо участия в переводах, принадлежит авторство в справочных статьях, а также комментариях к переведенным текстам. В 1969 году вышел сборник «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.», который является важнейшей подборкой источников вплоть до настоящего времени. Значение его для современного исследователя равнозначно «Сборнику материалов по истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена. Закономерным итогом работы над сборником стала обширная статья о персидских и тюркских источниках XV–XVII вв., где были выявлены, описаны по хронологическому

и географическому принципу источники, относящиеся к шибанидскому кругу, установлены взаимосвязи и взаимовлияния между ними [412, с. 17–72].

В. П. Юдиным осуществлен также перевод и написан обширный комментарий к сочинению XVI века «Чингиз-наме», изданному уже после его смерти, в 1992 году его ученицей М. Х. Абусеитовой [383]. В опубликованной (также посмертно) обширной статье исследователя, посвященной семантике термина «Орда» в восточных источниках, была предложена оригинальная трактовка отождествления Улуса Шибана с Боз Ордой, а также оформлена концепция ряда шибанидских источников XVI–XVII вв. как «устной степной историологии», являющейся результатом так называемого феномена «чингизизма» [411, с. 106–165]. Чингизизм, по мнению исследователя, заключал в себе влияние членов Золотого рода не только на политическую историю чингизидских государств, но и на культурно-историческое мышление политической и интеллектуальной элиты. Проведенные В. П. Юдиным исследования позволяют не только очертить особенности мировоззрения населения Средней Азии XVI–XVII вв. при ханах Шибанидов, но и отобразить их видение как истории Золотой Орды в целом, так и владений Шибана и его потомков в частности.

В 1980-е годы к проблеме династии Шибанидов обратился специалист по позднесредневековой археологии и нумизматике А. Г. Нестеров. Основные положения исследователя были отображены в его кандидатской диссертации, успешно защищенной в Москве в 1998 году [269]. Несмотря на то что исследователь уделил преимущественное внимание поздним шибанидским политическим образованиям (Тюменскому и Сибирскому ханствам), им также озвучены и вопросы ранней истории. При реконструкции истории позднесредневековых политических образований в Западной Сибири исследователем также использовался археологический и нумизматический материал. Ряд положений диссертации изложен в последующих статьях [271; 270; 273]. Основные выводы по рассматриваемой тематике были озвучены в двух статьях, опубликованных в многотомной «Истории татар с древ-

А. Г. Нестеров

нейших времен» [272, с. 162–176; 274, с. 116–126] (рис. 8).

В первой половине 1980-х годов Шибаниды стали объектом исследований А. П. Григорьева. В двух статьях [88; 89] исследователь на основании обширного количества письменных и нумизматических источников проследил и уточнил даты правлений золотоордынских ханов в эпоху Замятни, включая и династов из Улуса Шибана. В статье 1985 года исследователь впервые в историографии привел результаты изучения дипломатической документации хана Ибрагима 1490-х годов как свидетельство отношений между поздними Шибанидами и Московским государством [89, с. 176–178].

В 1985 году В. Л. Егоров в своем историко-географическом труде описал самые крупные средневековые городища на территории Западной Сибири и Казахстана, возникновение и функционирование которых можно условно связать с территориями владений шибанидских царевичей [99, с. 127–131].

В середине 1990-х годов объектом научных интересов челябинского археолога В. П. Костюкова стала этнокультурная и политическая история Улуса Шибана XIII–XIV вв. Исследователь с конца 1970-х годов занимался преимущественно изучением бронзового века степей Южного Урала; с середины 1990-х и вплоть до 2009 года В. П. Костюковым осуществлялись систематические изыскания в степной полосе Южного Урала — поиск и дальнейшее картографирование средневековых археологических памятников. К 1994–1996 годам относятся его первые работы по истории Средне-

вековья Южного Урала [165; 166, с. 54–57; 180]. Помимо археологической составляющей исследователь уделил большое внимание изучению источников и определению территории Улуса Шибана в вышеуказанный период. Кандидатская диссертация автора была опубликована уже после его смерти в виде монографии [178].

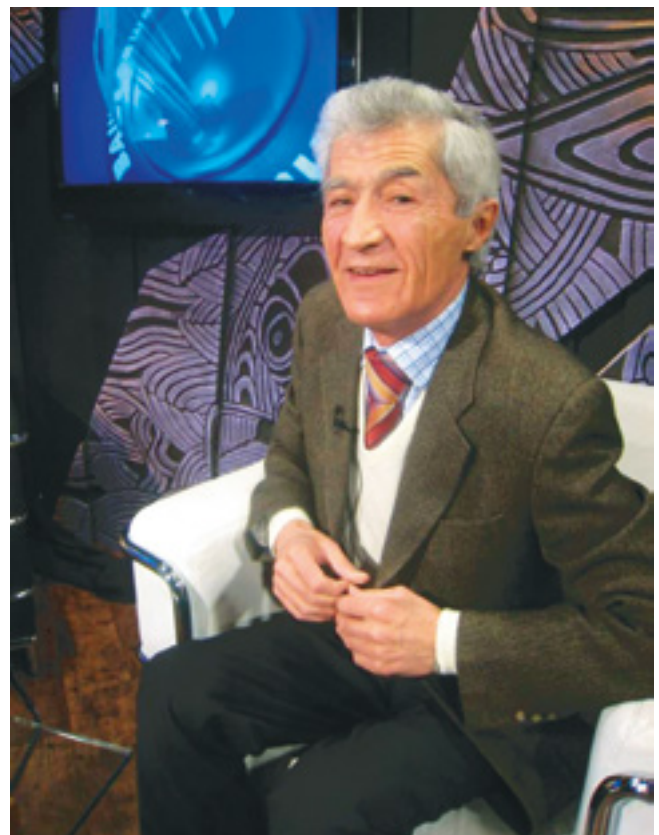
Позиции исследователя по археологии и политической истории Улуса Шибана уже в 2000-х годах подробно раскрыты в ряде статей [163; 164, с. 43–96; 168; 169; 173, с. 144–168; 175; 179 и др.]. Новаторством в трудах В. П. Костюкова стала скрупулезная реконструкция участия Шибанидов в политической и военной жизни Золотой Орды в XIII–XIV веках, а также процессы взаимодействия с правящим родом Тука-Тимуридов, захватившим власть в Сарае с конца 1370-х годов. Немаловажным в данном направлении был и археологический аспект проблемы: на основе исследования средневековых курганных захоронений и анализа синхронных памятников исследователь выявил особенности этнокультурной истории населения Южного Урала в монгольское время.

В начале 2000-х годов к проблеме политической и этнической истории Улуса Шибана обратился Д. Н. Маслюженко [218]. Несмотря на широкие хронологические рамки (V–XVI вв.) исследователю удалось проследить основные вехи этнокультурного развития региона вследствие влияния различных политических сил, причем формированию Улуса Шибана на северных территориях уделено преимущественное внимание. Также рассмотрены проблемы его политической эволюции в самостоятельные Тюменское и Сибирское ханства. Основные положения диссертации были опубликованы затем в виде монографии [217]. Впоследствии исследователь обращал преимущественное внимание на поздних членов династии, деятельность которых пришлась на XVI век. Среди работ, непосредственно касающихся заявленной тематики, можно отметить сочинения, рассматривающие проблемы престолонаследия среди Шибанидов [212].

Различного рода частные вопросы истории Улуса Шибана (например, участие царевичей в золото-

ордынской междоусобице 1360–70-х годов) рассматривались многими исследователями, начиная с 1950-х годов. В обобщающих трудах Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, а также М. Г. Сафаргалиева Шибаниды представлены как претенденты на власть в Сарае во время Великой Замятни [87, с. 273–275, 287–289; 350, с. 114–115, 120, 127–129]. Исследователи, использовавшие в основном летописный материал, представляли Шибанидов как выходцев из Синей Орды. К проблеме Ак-Орды и Кок-Орды, а также определению места в них Улуса Шибана обратился Г. А. Федоров-Давыдов [388, с. 141–144], одним из первых использовав практически все известные на тот момент источники по этой проблеме.

В 1990–2000-х годах С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов опубликовали ряд монографий и статей, в которых запечатлены общие социальные, этнические и политические процессы в Дешт-и-Кипчаке и на сопредельных территориях, обозначены особенности становления кочевых империй, в частности Монгольского государства, а также рассмотрены улусная система Золотой Орды и ее география.

Т. И. Султанов

Нашлось место в данных исследованиях и улусу Шибана [152, с. 188, 190–191, 194–196; 151, с. 351–353; 365, с. 11–27; 366, с. 217–218, 221]. Отметим и то, что исследователи в ряде трудов подытожили имеющиеся наработки предыдущих исследователей, а также рассмотрели вопрос о соотношении улуса с проблематикой Ак-Орды и Кок-Орды.

В настоящее время наметилась тенденция введения в научный оборот источников, некогда уже опубликованных, но до сих пор не переведенных на русский язык. Приоритет в данной области принадлежит И. А. Мустакимову, осуществившему переводы из полной рукописи «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», а также подготавливавшему обширные комментарии к отрывкам [261, с. 21–32; 262; 264]. На основе переводов, а также информации из поздних источников Д. М. Исхаковым была предложена авторская концепция кланового деления Улуса Шибана [128].

В исторической литературе последних лет исследователями также затронуты разнообразные частные вопросы как о владениях Шибанидов, так и об участии династов в различных исторических событиях, а также некоторые вопросы источниковедения [286; 313, с. 147–150, 167–168; 341, с. 31–38; 360, с. 38–40; 375, с. 97–98].

Исследовательская традиция в течение последних десятилетий охватила практически все аспекты изучения истории Улуса Шибана — от проблем становления и географического определения первых владений до политической эволюции улуса и процессов превращения в самостоятельные политические образования, существовавшие на территории Сибири и в Средней Азии. С недавнего времени получила развитие и средневековая археология горной и степной полосы Южного Урала, гипотетически отождествляемая с территорией Улуса Шибана. В настоящее время эти аспекты активно изучаются башкирскими и казахскими археологами.

Среди наиболее актуальных проблем настоящего времени стоит отметить практически полное отсутствие каких-либо исследований по источниковедению Улуса Шибана (за исключением работ И. А. Мустакимова), недостаточно разработаны вопросы активности представителей династии в общих политических процессах Золотой Орды XIII–

XIV веков, существования каких-либо владений Шибанидов в упомянутое время и т. д.

Улус Шибана: основные проблемы истории

Улус Шибана — одно из наиболее крупных и, пожалуй, самых долговечных владений потомков Джучи — не обойден вниманием историков. Многие вопросы его истории уже неоднократно освещались в литературе. И хотя практически все такого рода опыты были инициированы общей проблематикой Золотой Орды, их результатом стало формирование представительного корпуса гипотез, оценок, мнений и исследовательских приемов, то есть того, что является историографией. Чаще всего предметом обсуждения становились такие темы, как локализация улуса (географическая и в системе цветовой символики отдельных частей державы Джучидов), время его образования, степень самостоятельности потомков Шибана, их участие в борьбе за престол в Сарае.

Большинство трудностей, возникающих при обращении к истории Улуса Шибана, обусловлено состоянием источников. Письменные источники весьма немногочисленны, кратки и разрозненны, хотя, с другой стороны, утешительно, что информации об Улусе Шибана сохранилось-таки существенно больше, чем об улусах всех других братьев

Монгол на китайской картине
времени династии Цзинь
(1115–1234 гг.)

Бату вместе взятых. В этом есть несомненная заслуга самих Шибанидов, в начале XVI века сумевших прочно утвердиться в Средней Азии. Успех обусловил появление нескольких обстоятельных произведений о деяниях победителей. Правда, историографы Абу-л-Хайра и Шейбани добавили к раннему фонду данных — полудюжине отрывочных упоминаний в сочинениях персидских, арабских и европейских авторов — не слишком много новых сведений о первых полутора веках истории улуса, но в совокупности известия ранних и поздних авторов создают некоторую почву для обсуждения и реконструкции ее наиболее важных сторон.

Сарай (Старый Сарай, Сарай Бату) — средневековый город, столица Золотой Орды. Располагался примерно в 130 км севернее современной Астрахани, в районе села Селитренного. Город основан Чингизидом Батыем в начале 1250-х годов. Первое упоминание в источниках относится к 1254 году, речь идет о книге францисканца Рубрука «Путешествие в восточные страны» («новый город, построенный Бату на Этилии»). Вначале это была ставка кочевья, со временем переросшая в город. Сарай-Бату был главным политическим центром Золотой Орды, но экономическим центром, вероятно, стал не сразу. Первые монеты были выпущены здесь примерно через тридцать лет после основания города, около 1282 года, при хане Туда-Менгу.

Монеты Сарая

Сарай-Бату располагался вдоль левого берега реки Ахтубы на 10–15 км. Площадь его составляла около 36 кв. км, что может быть достоверным, только если учитывать окружавшие город поместья и усадьбы; городские кварталы, по современным археологическим данным, занимали площадь примерно равную 10 кв. км.

В Сарай-Бату проживало около 75 тысяч человек. Население было многонациональным: здесь жили монголы, кыпчаки, аланы, черкесы, русские, болгары, византийцы. Каждая этническая группа селилась в своем квартале, где было все необходимое для жизни: школа, церковь, базар, кладбище.

В городе имелись кварталы ремесленников: гончаров, ювелиров, стеклодувов, косторезов, мастеров по выплавке и обработке металлов. Дворцы и общественные здания возводились из обожженного кирпича на известковом растворе, дома рядовых жителей — из сырцового кирпича и дерева. При хане Узбеке (правил в 1313–1341 годах) столица Золотой Орды была перенесена в Новый Сарай. Археологическое название — Селитренное городище, на котором проводятся многолетние раскопки.

В ранних письменных источниках наиболее пространственные сведения относятся к основателю династии. Шибан — пятый сын Джучи. Его (и Чилану) матерью, согласно «Муизз ал-ансаб», была Несер. Вероятно, она исповедовала христианство, ибо имя Шибан, как показал П. Пеллио, является тюркской деформацией христианского имени «Степан». В XIII веке оно бытовало у уйгуров и онгутов, часть которых принадлежала несторианской конфессии [428, р. 44–47]. О дате рождения Шибана точных сведений нет, но Джувейни называет его среди тех сыновей Джучи, которые к моменту смерти отца «уже достигли степени независимости» [56, с. 21].

Горн для обжига кирпича. Вид с юга. Сарай

Красноглиняный гончарный сосуд, найденный в толще стены горна

Если принять во внимание, что третий сын Джучи (Берке) родился около 1210 года, то Шибану в 1227 году, когда он, в соответствии с хронологическими таблицами, стал ханом, было не более 17 лет. По легенде, переданной Утемиш-хаджи, в 1227 году он вместе с Бату и Орда-Едженом был особо отличен Чингисханом. Приглашенным после смерти Джучи в ставку деда Бату, Орда-Еджену и Шибану якобы были поставлены, соответственно, белая с золотым порогом, синяя с серебряным порогом и серая со стальным порогом юрты; тем самым предопределялась субординация между старшими сыновьями Джучи (и их потомками) [384, с. 92].

На курултае, утвердившем в 1229 году великим ханом Угэдэя, Шибан вместе со старшими братьями представлял клан Джучидов [324, с. 19]. Любопытно, что в этом и других эпизодах, требующих упоминания сыновей Джучи, Рашид ад-Дин (равно как Джувеини и Джузджани) ставит имя Шибана непосредственно за именами Орда-Еджена и Бату, то есть впереди Берке и Беркечара [324, с. 37, 118, 130]. Между тем, во всех генеалогиях, в том числе и в приводимой Рашид ад-Дином, констатируется старшинство Берке и Беркечара перед Шибаном. Особенно примечательно, что в том же порядке выстраивает сыновей Джучи и Плано Карпини, называя первыми Бату, Орду, Шибана, а затем — «Бора» и «Берка» [295, с. 39]. Учитывая вполне обоснованное мнение, согласно которому главным источником сведений, сообщаемых Плано Карпини, являлись представители высшей административной элиты [413, с. 113], надо думать, что отмеченная иерархия имен не случайна. Она свидетельствует в пользу небеспопченности повествования Утемиш-хаджи о вхождении Шибана в джучидский «триумвират».

В 1231–1234 годах Шибан воевал в Китае [327, с. 150–151]. Затем участвовал в европейском походе, к началу которого, несомненно, стал уже вполне зрелым военачальником. В описаниях похода проявивший «превосходную старательность» Шибан упоминается несколько раз. Поздний источник называет его командующим правым крылом войска, соединившегося осенью 1236 года у Булгара [19, с. 163]. В 1237 году, к началу нападения на русские княжества, тумены Шибана все еще находились

Угэдэй (Огодай, Огодэй; ок. 1186 — 11.12.1241) — третий сын Чингисхана и Бортэ и преемник своего отца в качестве кагана (великого хана) Монгольской империи (1229–1241). Чингисхан еще задолго до смерти избрал Угэдэя в качестве преемника, а в сентябре 1229 года этот выбор был утвержден курултаем; до этого момента империей управлял в качестве регента его младший сын Толуй. Угэдэй-каан провел ряд успешных административных реформ и продолжил экспансионистскую политику Чингисхана. Подобно другим его сыновьям, участвовал в походах на Северный

Китай и Среднюю Азию. В его период произошли следующие завоевания:

1. Армия Чормагана, отправленная в 1229 году, разбила последнего хорезмшаха Джелал ад-Дина, а к 1236 году полностью покорила Закавказье.

2. К 1234 году завершено завоевание Цзиньской империи. В руках монголов оказался весь Северный Китай. Был совершен ряд походов в Корё, в результате которых в 1238 году король выразил покорность монгольскому хану.

3. В 1236–1242 годах состоялся масштабный поход на Запад (в Восточную и Центральную Европу) во главе с Чингизидами Батыем и Каданом и военачальником Субэдэем. Завоеваны Волжская Булгария, ряд русских княжеств, покорены кыпчаки, разорены Польша и Венгрия. Считается, что смерть Угэдэя в Каракоруме способствовала окончанию похода, так как Батый с войском стремились принять участие в избрании нового хана.

Монголы преследуют короля венгров Белу IV (из венгерской иллюстрированной хроники середины XIV века (Chronicon Pictum, 1358)). Изображение монголов довольно реалистично, много верных деталей (одежда и головные уборы, заплетенные в косы волосы, кривые сабли)

в Волжской Булгарии. В 1238 году Шибан был послан в восставший Крым, после чего водил свои тумены против половцев Подонья и Предкавказья. Джувейни находит необходимым обратить внимание на редкостный для Чингизидов факт вступления Шибана в сражение, когда тот «лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак» [373, с. 23]. Это произошло при завоевании «келаров и башгирдов» (по Рашид ад-Дину — «Булар и Башгирда»), что, как явствует из пояснений, относится к военным действиям на территории Польши, Венгрии или Дунайской Болгарии. Среди тех вождей, что воевали в Венгрии, называют Шибана [295, с. 40].

Еще дважды имя Шибана появляется на страницах летописей, касающихся событий после смерти Угедэя. Он входил в состав золотоордынской делегации на церемонии возведения в правители империи Гуюка в 1246 году и будто бы присутствовал на курултае 1250 года, на котором Бату принудил Менгу занять освободившийся великоханский престол. Последнему упоминанию (возможно, дежурному) противоречит рассказ Рубрука о золотоордынской миссии к Гуюку в 1248 году, главой которой резонно предполагается Шибан. По словам Рубрука, в ходе свидания между братом Бату «Стиканом» и Гуюком возникла ссора, закончившаяся смертью обоих. Информация, по-видимому, была получена Рубруком от вдовы Шибана, пожелавшей получить христианское благословение от путешествующих монахов [330, с. 118]. Однако Рубрук слышал также другие версии рассказов о кончине Гуюка и счел необходимым отметить, что не узнал о ней ничего достоверного. Тем не менее, именно эта полученная из первых рук версия кажется наиболее правдоподобной. Во-первых, она свидетельствует об известных из многих источников крайне неприязненных отношениях между кланами Гуюка и Бату. Во-вторых, делает понятным, почему не Шибан, бахадур и герой семилетнего похода, а Берке и Тука-Тимур (варианты: Берке и Сартак, Берке и Бука-Тимур) после смерти Гуюка были отправлены с огромным войском в Монголию, дабы утвердить Менгу в Каракоруме. В-третьих, она объясняет отсутствие сведений о Шибане после 1248 года (кроме отмеченного выше проходного

упоминания в «Сборнике летописей»), в то время как некоторые события золотоордынской истории, несомненно, должны были задевать интересы его рода. Кроме того, этот последний подвиг Шибана способен более удовлетворительно объяснить причину «уважения за отца их», оказанного Узбеком, провинившимся Шибанидам [383, с. 105]. Ведь если бы Джучидам не удалось устранить Гуюка, при продолжении конфликта и неблагоприятном его исходе им грозило истребление, аналогичное тому, которое по воле Бату и Мунке постигло родичей и сторонников Гуюка. Вместе с тем ясно, что не в интересах Джучидов и Толуидов было афиширование действительных обстоятельств смерти Гуюка, поэтому они и получили отражение только в сочинении стороннего наблюдателя, которому открылись случайным образом. Сомнения же Рубрука понятны, поскольку кроме несколько различающихся версий вдовы Шибана и Андре Лонжюмо, он наверняка знал еще и официальную версию смерти Гуюка — «от болезни, которой страдал» [324, с. 80].

Поздние источники не сообщают о смерти Шибана ничего конкретного. К примеру, трудно судить, какой срок имел ввиду Мухаммед Эльташкенди, сообщая, что Шибан «царствовал долгое время». К тому же, вероятно, речь идет не о Шибане: сомнение вызывает явно ошибочное высказывание летописца, будто Шибан был «первый из Чингизидов, воцарившийся в Деште» [372, с. 537]. Более ценны те известия, в которых указывается место упокоения Шибана, так как они дают ориентиры для решения очень непростого вопроса о локализации его улуса. Утемиш-хаджи рассказывает, что Шибан скончался в «вилайте Корал», завоеванном и превращенном им в свою столицу [383, с. 96]. По словам же Абулгази, Шибан умер в другой местности. Поскольку рассказ последнего небезынтересен для освещения и других аспектов рассматриваемой темы, уместно пространное цитирование.

Абулгази пишет: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте... младшему своему брату, Шибан-хану... отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: юрт, в котором ты будешь жить, будет между

моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичана: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-суук, Орь, Илек, до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сары-су. Шибан-хан послал в область Корел одного из своих сынов, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сынов Шибан-хана; говорят, что в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хана... Шибан-хан в показанных областях проводил лета и зимы, и по прошествии нескольких годов умер» [327, с. 160].

Сообщение Абулгази наполнено настолько точными географическими ориентирами, что невольно актуализирует вопрос о доверии к источнику. И действительно, исследователями уже высказывались подозрения, не описал ли Абулгази попросту кочевья, хорошо знакомые ему по казакванию в молодости, и не сделал ли он это с дальним политическим умыслом [290, с. 40; 411, с. 130]. С первым умозаключением трудно спорить, потому что Абулгази, несомненно, хорошо знал казахскую степь. Что касается второго, то в сочинении Абулгази не заметно стремления обосновать какие-либо исторические права Шибанидов на те или иные земли, и особенно трудно найти его в процитированном фрагменте, ибо, выдвигая такие обвинения в адрес престарелого (да к тому же смертельно больного) автора, одновременно нужно было бы подивиться необычайной скромности его территориальных притязаний. Думается, к рассказу Абулгази о владениях Шибана в урало-казахстанских степях уже в первые годы после окончания европейского похода следует относиться с доверием, тем более что оно счастливо подтверждено ранним источником. Имеется ввиду известие Плано Карпини о расположении Улуса Шибана относительно территории, прежде принадлежавшей Ануштегинидам: «...с севера же к ней прилегает часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату» [295, с. 64]. Как известно, зона кочевий кара-китаев находилась в пределах Южного Казахстана («в стране между Чу и Таласом»), поэтому западные сезонные ставки кара-китаев должны были бы быть поблизости или даже совпадать с теми территориями, которые описаны Абулгази как зимники Шибана.

Несомненно, любопытна та часть рассказа Абулгази, в которой упоминается «область Корел». В литературе утвердилось мнение, что под этим термином (варианты: «корол», «курал», «келар», «келет») надлежит понимать управляемую королями Венгрии [103, с. 77]. Но параллельно удерживается и иная интерпретация, восходящая к д'Авезаку. Сообразно с ней «корел» — это народ, соседствовавший с уральскими башкирами. М. Г. Сафаргалиев даже допускал, что областью Корел являются территории к востоку от Урала, населенные предками современных карелов [350, с. 30]. Контекст, в котором область с таким названием в подавляющем большинстве случаев упоминается в средневековых источниках, заставляет видеть в «области Корел» страну именно на западных границах Золотой

Кидани.
Китайская миниатюра

Киданьское бронзовое зеркало с надписью на малом письме. Национальный музей. Сеул, Корея

Орды, наиболее вероятно — Венгрию. При этом факт расположения владений одного рода в отдаленных частях государства не должен удивлять: для Чингизидской административной традиции это, видимо, достаточно заурядное явление. Так, Ногаю, по сообщению Рукнеддина Бейбарса, которое будет процитировано ниже, принадлежали земли на западе, в центральной части и на востоке Золотой Орды. Тукай-Тимуру, как передает Махмуд бен Вали, Бату предоставил Мангышлак и область асов, а также Хаджи-Тархан, области Кафа и Крым [365, с. 17]. Другое дело, что информация о владениях Шибана на западной окраине Золотой Орды содержится только в поздних сочинениях, куда она вошла, по выражению В. П. Юдина, из произведений «степной историологии». Но сетовать на отсутствие более надежных свидетельств на этот счет, помня о крайней гипотетичности реконструкций административного атласа Золотой Орды, было бы излишним. Показательна укоренелость предания о «стране Корел» в шибанидской историографии. Ему, надо думать, обязана точка зрения Шакарима Кудайберды-улы, согласно которой Ногай, чье родословие в самом деле весьма противоречиво дано в источниках, был никем иным как принявшим юрт отца вторым сыном Шибана — Бахадуром [188, с. 98].

С гипотезой Шакарима Кудайберды-улы согласиться крайне непросто, вместе с тем в отдельных летописных известиях заметны намеки на какие-то особые, но, увы, недоступные для однозначного толкования отношения между домами Ногая и Шибана. Они обнаруживаются в имеющей, по меньшей мере, четыре редакции истории Балакана, сына Шибана, и Тутара, двоюродного брата Ногая, посланных с войском на помощь Хулагу [372, с. 188–189; 373, с. 57, 67, 68]. В одной винновым в злочлечениях, постигших золотоордынцев в Иране, называется Тутар, якобы отравивший Балакана, в другой, наоборот, Балакан отравляет Тутара. Но в походе Менгу-Тимура на Азербайджан, в котором отличился Ногай, по словам Махмуда бен Вали, сын Бахадура, Джучи-Бука, командовал отрядами авангарда [19, с. 163]. В правление Тюля-Буки Ногай и сын Балакана, Муртад-Токтай, или, как чаще его называют источники, Тама-

Ногай (1235/1240 — 1300) — правитель самого западного улуса Золотой Орды (на территории от левого берега Дуная до Днестра, ставка на Дунае). С 1270-х годов и до своей смерти не подчинялся ханам Сарая и фактически контролировал их. Вассальную зависимость от него признали Второе Болгарское царство и Сербия, а также все южные и часть северо-восточных русских княжеств. Был женат на Ефросинье — внебрачной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога. Принял ислам после хана Берке. От имени Ногая берут свое название ногайцы.

Первое упоминание в источниках о Ногае относится к началу войн между Джучидами и Хулагуидами. В августе 1262 года он, в качестве командующего тридцатитысячным авангардом ордынцев, вторгся в Ширван через Дербентский проход и два месяца спустя разбил авангард хулагуидской армии под командованием Ширемун-нойона у Шемахы. Но 14 ноября он потерпел у Шаберана поражение от подошедших войск Абатай-нойона и, преследуемый в течение двенадцати дней, вынужден был отступить к Дербенту. Весь день 8 декабря войска Ногая удерживали крепость, но под напором Хулагуидов к вечеру оставили Дербент и отошли за Терек на соединение с основными силами

Берке. Ширемун и Абатай, соединившись с Абагой, сыном Хулагу, перешли Терек и захватили лагерь и обозы войск Ногая. Берке организовал контрнаступление, и 13 января 1263 года на берегу Терека хулагуидская армия потерпела поражение, множество воинов при отступлении провалилось сквозь тонкий лед реки.

В июле 1265 года джучидские силы во главе с Ногаем, форсировав Куру, вторглись в Закавказье. 19 июля войска Ногая было разбито Юшумутом, братом Абаги, при Аксу и отступило на север, в Ширван. По сведениям Рашид ад-Дина, в результате ранения копьем в этой битве Ногай потерял глаз; по Бадр ад-Дину аль-Айни, это произошло двумя годами ранее в сражении на Тереке.

Отложившись от Золотой Орды, Ногай около 1270 года перекочевал к северным берегам Черного моря, а потом в низовья Дуная, откуда, рассылая свои войска в разные стороны, наводил страх на Византию и Болгарию. Разбитый Ногаем, император Михаил Палеолог выдал за него свою внебрачную дочь Евфросинию (1273). Ногай руководил выборами князей болгарских и даже одно время пытался овладеть всей Болгарией.

В 1299 году Тохта соединился с сыновьями Ногая и разбил его на берегах Буга. Ногай, раненый, бежал и вскоре был убит (1300).

Битва на Тереке. Миниатюра из «Вертограда историй стран Востока» Хетума Патмича. Рукопись начала XV века. Франция

Менгу-Тимур (? — ок. 1282) — хан Улуса Джучи (1266–1282), ставшего при нем фактически независимым от Монгольской империи государством. Сын Тукана, внук Бату-хана, праправнук основателя Монгольской империи Чингис-хана. Во время его правления началось усиление власти темника Ногая. Тестем Ногая был византийский император Михаил VIII Палеолог, а сын Ногая Чака был женат на дочери происходившего из половцев правителя Болгарии Георгия I Тертера. Хан Менгу-Тимур уговорил темника Ногая держать свою ставку в Курске или Рыльске и занимать пост ордынского наместника (беклярбека) на Балканах.

В 1266 году Менгу-Тимур разрешил генуэзцам через своего наместника в Крыму, племянника Оран-Тимура, селиться в Кафе, вследствие чего оживилась крымская торговля, увеличилось значение полуострова и его столицы Солхата. Одновременно в 1268 году хан Менгу-Тимур развязал войну с иль-ханом Ирана Абакой за Азербайджан. В этой войне правителя Золотой Орды поддержал мамлюкский султан Египта и Сирии Бейбарс I. Год спустя между Менгу-Темиром и Абакой был заключен мирный договор. В 1269 году по просьбе новгородцев

Менгу-Тимур прислал в Великий Новгород войско для организации похода на ливонских рыцарей, причем одной военной демонстрации у Нарвы было достаточно для заключения мира «по всей воле новгородской».

Менгу-Тимур продолжал политику своих предшественников по укреплению самостоятельности и повышению влияния Улуса Джучи в составе Монгольской империи. По его указу была проведена перепись на Руси с целью упорядочения сбора дани. Правительство Менгу-Тимура предприняло меры, направленные на укрепление власти хана в Улусе Джучи: остальные ханы не получали основных средств. Аппарат имперских чиновников, созданный для сбора дани с подвластных территорий, потерял свое значение — теперь дань непосредственно поступала к самому хану. Русские, мордовские, марийские князья (и князья других народностей Золотой Орды) получили вместе с ярлыком финансовый реестр для сбора золотоордынской дани, которой облагались и жители Золотой Орды. Они делились на две категории: горожане (не участвующие в войнах), которые платили десять процентов от прибыли, и кочевники (пополнявшие войско), выплачивающие сотую часть прибыли. При Менгу-Тимуре татары вместе с русскими князьями совершили походы на Византийскую империю (около 1269–1271), в Литву (1274), на Кавказ (1277). В 1281 году войско Менгу-Тимура участвовало в сражении с мамлюками в Сирии (между Хамой и Хомсом). Битва закончилась без явного победителя; понеся большие потери, обе стороны отступили.

Токтай, вновь вместе предводительствовали войском, выступившим против Абага-хана [373, с. 68]. Позже, при хане Токтае, в финальной части его борьбы с Ногаем Тама-Токтай поддерживал центральную власть, причем, оказался, пожалуй, ключевой фигурой в развязке, закончившейся гибелью Ногая. Как известно, одним из поводов к разрыву между ханом Токтаем и Ногаем послужило требование могущественного темника выдать ему дядю Токтая — Салджидай-гургана. Потом последовали «соблазнение» и переправа через Итиль «нескольких тысяч, принадлежавших Токтаю», и, наконец, Ногай стал требовать выдачи не только Салджидай-гургана с сыном Яйлаком, но еще почему-то и Тама-Токтая [373, с. 70–71]. Положим, семья буддиста Салджидай-гургана разгневала Ногая оскорбительным отношением к его дочери, принявшей ислам, но в чем провинился перед ним Тама-Токтай?

Особенно занимательно, что Рукнеддин Бейбарс, излагая эти события, препровождает имя внука Шибана эпитетом «отступник». Что означает здесь эта характеристика? Если подразумевает отступничество Муртад-Токтая от ислама (имя Муртад, по всей вероятности, свидетельствует, что Токтай, подобно Ису-Ногаю, принял ислам), то почему он был известен Рашид ад-Дину под этим именем и много лет спустя? Если же имеется в виду нарушение каких-то связей или обязательств перед Ногаем, то какой силы должны были быть они, если из множества эмиров, перешедших на сторону Токтая, только Муртад-Токтай был охарактеризован столь нелестно?

Дальнейшее развитие событий, впрочем, тоже не лишено интриги. После ряда неудачных вооруженных столкновений с Ногаем Токтай потребовал к себе Тама-Токтая, стоявшего в то время (?) близ Дербенда, и только тогда сумел дать победоносное сражение, в котором Ногай был убит, а его войско разгромлено. Одолев вслед за тем и сыновей Ногая, Токтай, по словам Рукнеддина Бейбарса, «двух сыновей своих, Тукулбугу и Ильбасара, отправил во владения Ногая. Что касается Тукулбуги, то он утвердился в Исакичи, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным Воротам, где находились становища Ногая, а Ильбасар устроился на

реке Яик» [372, с. 117]. Эта цитата свидетельствует о том, что владения Ногая находились на Дунае, на Северном Кавказе и по реке Урал, то есть в тех же областях, которые, согласно разным источникам, связаны и с домом Шибана.

На фоне приведенных выше фактов утверждение Натанзи о закреплении восточных областей Улуса Джучидов за «потомками Ногая» не кажется безоговорочно ошибочным. Надо думать, за ним могла стоять некая историческая реальность со скрытыми в ней загадочными взаимоотношениями между родами Ногая и Шибана. Впрочем, это отдельная тема, здесь же достаточно констатировать, что информация Абулгази о владениях Шибана непротиворечива. Такой вариант был бы даже естественным для акта пожалования, последовавшего сразу же по окончании похода на Европу. Во-первых, хорошо потрудившийся в ратных делах воин одаривался удобными и спокойными кочевьями в джучидской глубинке, во-вторых, многочисленному семейству (у Шибана было 12 сыновей) выделялись земли в пограничной области, где оно должно было продолжать попытки расширения джучидского государства.

В литературе кроме той даты учреждения Улуса Шибана, которую сообщает Абулгази, бытуют и другие: 1226 год [246, с. 83], «до западного похода» [411, с. 127], 1235–1236 годы [103, с. 76], 1238 год [19, с. 41; 271, с. 235]. Н. Н. Мингулов в своей датировке ссылается на хронологические таблицы, В. П. Юдин следует рассказу Утемиш-хаджи о внимании, проявленном Чингисханом к Шибану; аргументация других датировок нам, к сожалению, неизвестна. По всей видимости, они как-то увязаны с включением во владения Джучидов зауральских областей Дешт-и-Кипчака, которое, как считают исследователи, последовало вслед за разгромом Хорезма и завершилось не позднее 1232 года [393, с. 31] или даже 1229 года [207, с. 248]. Но до начала «северного похода» Шибан воевал в Китае, в 1237 году его тумены пребывали на территории Волжской Булгарии, в 1238 году были посланы в восставший Крым, затем усмиряли половцев в Подонье и Предкавказье [393, с. 37, 39], наконец, в последней фазе европейской кампании сражались в Венгрии. Отход монголов из Европы завершился лишь к кон-

Тохта (ок. 1270 — 1312/13) — хан Золотой Орды (1291–1312), сын Менгу-Тимура. После смерти хана Тула-Буги при поддержке беклярбека Ногая (управляющего администрацией Золотой Орды) захватил власть в Золотой Орде и передал Ногаю в управление Крым. В 1293 году Тохта и Ногай организовали поход на Северо-Восточную Русь во главе с братьями хана. Тудан (Дюдень) разорил Муром, Владимир, Переяславль и другие города (всего 14), Тохта-Тимур напал на Тверь.

Тохта-хан проводил политику укрепления центральной власти и поддержки городов. При нем была проведена денежная унификационная реформа и упорядочена административная система. В 1299 году хан вступил в открытую борьбу с беклярбеком Ногаем, после ряда сражений нанес ему поражение. Возобновил дипломатические отношения с мамлюкским Египтом. С его смертью фактически окончилась история монгольской державы Бату. Далее Орда пошла по другому пути развития, став исламским государством.

цу 1242 года, но прежде чем окончательно обосноваться в Дешт-и-Кипчаке, они были принуждены вновь приводить к повиновению оставшиеся в тылу народы (мордву, болгар, башкир), покорять лесные племена Приуралья и Зауралья [295, с. 42]. Надо полагать, раздача владений в то время, когда все силы Джучидов были задействованы в колоссальном военном предприятии, и до того, как стал ясен его исход, была бы преждевременной. Закрепление внутренних границ Золотой Орды вряд ли могло случиться раньше выделения ханского домена в Поволжье, которое относится к рубежу 1242–1243 годов. Это прямо вытекает из сообщения Абулгази: места кочевий Шибану были указаны тогда, «когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте» [327, с. 160].

В период европейской кампании урало-казахстанские степи контролировал кто-то из Джучидов. В 1235 году в империи была создана ямская служба, и для ее эффективного использования в сношениях между Каракорумом и ставкой Бату наличие станций в будущих владениях Шибана было бы естественным. Путь через степи Центрального и Западного Казахстана являлся оптимальной коммуникацией между метрополией и центром Улуса Джучи.

Это вытекает из сопоставления времени, которое понадобилось Плано Карпини и Рубруку на путешествие от Волги до Каракорума. Р. Бэкон со слов

Ямская служба XVII века.
Рисунок неизвестного
художника

Ямская служба, ям
(от тат. «дзям» — «дорога», или от чагатайского «jam» — «почтовая станция», «почтовые лошади») — почтовая станция на Руси XIII–XVIII вв., где содержали разгонных ямских лошадей, с местом отдыха для ямщиков, постоянными

дворами и конюшнями. Ямом называли также селение, крестьяне которого отправляли на месте почтовую гоньбу и где для этого была устроена станция или стан (по-сибирски — станок). В XIII–XV веках слово «ям» обозначало название ямской повинности.

Рубрука знал, что к востоку от Волги находится «третье княжество татарское», которое «простирается... на расстояние четырех месяцев пути, если отправляться туда южной дорогой, если же через северные области, — то двух месяцев и десяти дней» [8, с. 25]. На наш взгляд, количество, расположение и некоторые черты погребальных памятников монгольского времени на этих территориях можно интерпретировать в том смысле, что одной из главных общегосударственных функций населения Улуса Шибана было исполнение ямской повинности. Но до окончания европейского похода организацией и содержанием ямов, по всей видимости, не мог заниматься ни Шибан, ни его еще малолетние сыновья. Таким образом, следует заключить, что Шибан вступил во владение предоставленными ему кочевьями лишь в 1242 или 1243 году.

По поводу границ зауральских кочевий Шибана и его потомков в XIII–XIV веках исследователями высказан весьма широкий спектр суждений — вплоть до отрицания существования такого улуса

на востоке Золотой Орды. В. В. Бартольд, сверяя данные Абулгази и Плано Карпини, предположил, что Шибану, по всей вероятности, принадлежала область между Сырдарьей и Или; летовки орды Шибана находились к востоку от Яика и Уральских гор [25, с. 134; 27, с. 60]. А. Ю. Якубовский как полное владение Шибана определил всю восточную часть Дешт-и-Кипчака [417, с. 81]. Сходного мнения придерживался М. Г. Сафаргалиев: юрт Шибана соприкасался у Иртыша с юртом Орды, а у восточных склонов Уральских гор — с доменом Бату [350, с. 40–41]. А. Х. Маргулан помещал Орду Шибана в районе Хорезма, Мангышлака и Эмбы [53, с. 562], а Л. Н. Гумилев — между Тюменью и Аральским морем [91, с. 535]. Г. А. Федоров-Давыдов, локализуя владения Шибана в области, ранее принадлежавшей восточным кыпчакам — между Уралом и Семиречьем, обратил внимание на согласие данных Абулгази с археологическими материалами. Границы между улусами Бату, Шибана и Орды, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, соответствовали прежним границам между половцами, восточными кыпчаками и гузами [387, с. 244–246; 388, с. 61]. Поскольку Г. А. Федоров-Давыдов включал в состав Золотой Орды и степную часть Западной Сибири [386, с. 7], надо думать, что и эта территория, в соответствии с реконструируемой им схемой распределения земель, должна была входить в Улус Шибана. Авторы «Истории Казахской ССР» полагают, что власть Шибанидов распространялась на районы, указанные Абулгази, только в XIII веке. Уже в XIV веке они уступили их потомкам Орда-Еджена; в Западной Сибири, номинально принадлежавшей Шибанидам, правила местная династия Тайбугидов.

Ю. А. Зуев, точно так же как и А. Ю. Якубовский, считал, что юрт Шибана включал все пространство Восточного Дешт-и-Кипчака. В обоснование своей точки зрения исследователь выставил начальствование Шибана над «правым корпусом» монгольских войск, который при его предшественнике Боорчу «прилегал к Алтаю» [103, с. 77]. По мнению В. Л. Егорова, Улус Шибана занимал крайнюю северо-восточную часть Золотой Орды, то есть территорию «современного Северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша и Чулыма». На юге

Улус Шибана граничил с Кок-Ордой, на юго-западе, в соответствии с реконструируемым В. П. Егоровым административным членением Ак-Орды, — с Улусом Хорезм, на западе — с безымянным улусом, обозначенным как номер 10. Кочевья этого последнего улуса пролегали по левому берегу Урала [89, с. 164]. Несколько иную границу улуса на западе наметил В. А. Иванов, называя в числе владений Шибана территории «степного Зауралья, современного Северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша и Чулыма» [108, с. 97]. На территории Южного Урала, Северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша локализует владения Шибана Н. А. Мажитов [207, с. 279].

Таким образом, большинство авторов, очерчивая территорию улуса, оперируют сравнительно крупными географическими единицами, что, очевидно, совершенно правильно. Действительно, трудно ожидать в динамичной истории Золотой Орды продолжительного сохранения строго фиксированных границ любого из улусов. Улусная карта государства перекраивалась не только при восшествии на престол нового хана или в период усобиц; и в сравнительно стабильные времена никто из вассальных владетелей не был защищен от посягательств на свои кочевья. Красноречивым примером тому может служить инцидент, свидетелем которого в 1254 году стал Рубрук. Тогда Бату отобрал у Берке область вблизи Дербенда и передал ее Сартаку [330, с. 102]. Берке же было приказано перекочевать к востоку от Волги, где он и оставался вплоть до того, как сам стал правителем Золотой Орды. Аналогичная акция в отношении Шибанидов могла быть предпринята со стороны центральной власти в правление Берке, ибо, как повествует Абулгази, Менгу-Тимур, вступив на золотоордынский престол, «действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владения в Белой Орде отдал он Бахадур-хану, сыну Шибан-ханову» [327, с. 152]. О преемнике Бахадуре, Джочи-Буке, в «Бахр ал-асрар» говорится, что он «присоединил к богом хранимым вилайетам много стран» [232, с. 346]. В 1360–1380 годах нескольким представителям дома Шибана удавалось ненадолго утвердиться в Сарае [19, с. 33–36; 89; 350, с. 106], но в период конфликта между Тимуром и Тохтамышем Шибаниды

должны были искать убежище у кыргызов [152, с. 196].

Поздние источники дают лишь слабую, пунктирную канву территориальных приобретений и утрат Шибанидов, в действительности они могли быть гораздо более скоротечными и радикальными. Указанные обстоятельства заставляют с большой осторожностью и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов. Кочевья, описанные Абу-л-Гази, видимо, можно считать их ядром: именно в этой части степи преимущественно сосредоточивались хозяйственная деятельность населения улуса и долговременные политические интересы «ханов земель Арала», как наречены Шибаниды в одной из средневековых хроник [246, с. 84]. Западную границу улуса первоначально маркировала, вероятно, река Урал, а на севере, в горнолесных и лесостепных районах Урала, кочевья Шибанидов выходили к кочевьям башкир [419, с. 189]. Степные и лесостепные пространства Зауралья и Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной, в которой можно было укрыться в случае неудачи и накопить силы для продолжения борьбы. Эта особенность расположения владений Шибана, в сравнении с долями других Чингизидов, может быть, не слишком богатых и завидных, надо полагать, сыграла свою роль в том, что, по замечанию В. В. Бартольда, «здесь в течение более 200 лет власть могла оставаться в руках членов одного и того же ханского рода — явление довольно редкое у кочевников. Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому смогли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингисхана почти везде находилось в полном упадке» [25, с. 135].

Касаюсь возможности очерчивания территории Улуса Шибана по археологическим источникам, следует сказать, что при нынешнем методическом и естественнонаучном обеспечении всего цикла археологических исследований получение надежных результатов маловероятно. Прежде всего, такого рода опыты имели бы смысл лишь при уверенности в этнокультурной однородности и одновременно обособленности населения улуса. Это условие

Берке (1209–1266) — пятый правитель Улуса Джучи (1257–1266), сын Джучи, внук Чингисхана. Первым из монгольских правителей принял ислам. Воевал против своего родича — Чингизида Хулагу, ильхана Ирана, вступив в союз против него с египетскими мамлюками. Продолжал политику своего брата Бату-хана по сохранению целостности и укреплению самостоятельности улуса, который к концу правления Берке стал фактически независимым от великого хана государством. Укрепил иго Золотой Орды над русскими княжествами.

Берке получил одну часть Улуса Джучи, охватывавшую северокавказские степи. Он пользовался выгодами от торговых путей, проходивших из Ирана и Малой Азии через Дербент. В 1254 году Бату, забрав эти владения себе, приказал Берке передвинуться к востоку от Волги. Видимо, к 1240-м годам относится обращение Берке в ислам.

В 1257 году Берке стал правителем Золотой Орды, после того как один за другим умерли Сартак и Улагчи, сын и внук Бату. Взойдя на престол, Берке, по словам Абулгази, «утвердил за всеми старшими и младшими

братьями те уделы, которые были даны им Бату». С другой стороны, у болгар и мордвы было введено центральное управление взамен местных администраций. Однако Башкирия сохранила автономию во главе с местной династией правителей: Иоганка Венгр пишет о «государе всей Баскардии, зараженном сарацинским заблуждением». В те же годы в других подвластных монголам странах по приказу великого хана Мунке была организована перепись населения для более эффективного рекрутирования воинов и сбора налогов, это же коснулось и Руси. В китайской хронике Юань-ши за 1257 год сообщается, что Мункэ «Китата, сына ханского зятя Ринциня, назначил в должность даругация в Русь».

В первые годы своего правления Берке должен был уделить особое внимание южнорусским делам. Король Руси Даниил Романович, стремившийся обрести независимость от ордынского правительства, достиг в этом направлении серьезных успехов. Еще около 1256 года он изгнал монгольские войска из Северной Подолии, Болоховской земли и Восточной Волыни. Ответные

действия военачальника Курумшиши, а именно попытки штурма Владимира-Волынского и Луцка, окончились неудачей. Однако в 1258 году Берке поставил в приднепровском улусе вместо Курумшиши темника Бурундая, снабдив того большим количеством войск.

В следующие пятнадцать лет после 1259 года в летописях не упоминается о монгольских походах на территорию Юго-Западной Руси. Это связано не только с начавшимися на Кавказе войнами Золотой Орды против Хулагуидов, но и в большей степени с полным утверждением монгольской власти в этом регионе. Даниил Романович вынужден был возвратиться на родину как покорный вассал Берке.

В военные округа Подолии, Галича и Волыни, организованные, вероятно, Бурундаем, были назначены представители ордын-

ской администрации для наблюдения за сбором налогов и рекрутированием. Западнорусские князья обязаны были получать ярлык при любой перемене на престоле в каждом княжестве. После этого произошло завоевание Джучидами владений Хулагуидов в Египте и Малой Азии. В 1258 году золотоордынские войска взяли Багдад. В 1262 году произошел конфликт с Хулагу-ханом. Начался поход в Закавказье, Иран и Константинополь. 13 января 1263 года в битве при Терекке Хулагу потерпел поражение. В 1265 году темник Ногай (Хулаганд) вторгся в Закавказье, однако в сражении с Юшумутом потерпел поражение. Навстречу ему подошло войско Берке. Затем Берке двинулся к Тифлису, однако в пути заболел и умер. После чего наступление Джучидов прекратилось.

невыполнимо, поскольку ему противоречат и данные письменных источников, и общий облик фонда археологических памятников. Но и, помимо того, ряд факторов, таких как высокие динамические характеристики кочевых сообществ, размытость хронологии, семантическая неясность многих археологических признаков, сделали бы такую задачу в настоящее время трудноразрешимой.

Было бы упущением не заметить предпринятых в последнее время попыток привлечения к решению вопроса о локализации Улуса Шибана одного из наиболее популярных тезисов казахской этнологии, согласно которому формирование жузов было во многом предопределено природным районированием казахских степей. К примеру, по мнению С. Г. Боталова, юрты Шибана и Орды (а также Бату) должны были занимать территории естественно сложившихся крупных пастбищно-кочевых систем. Исследователь полагает, что Улус Шибана существовал на базе Урало-Аральской пастбищно-кочевой системы, позже ставшей местом обитания киргиз-кайсаков, а Улус Орды

Взятие Багдада в 1258 году.
Свод летописей
Рашид ад-Дина

располагался в зоне Ишимско-Сырдарьинской пастбищно-кочевой системы, впоследствии занятой сибирскими киргизами [43, с. 23]. Ранее о необходимом соответствии территорий этнополитических образований Средневековья в Урало-Казахстанском регионе объективно существующим здесь естественно-географическим районам писал С. М. Ахинжанов [17, с. 286]. Впервые это положение было высказано В. В. Бартольдом в книге «История изучения Востока в Европе и в России», а впоследствии в той или иной мере поддерживалось многими исследователями истории казахского народа [64, с. 21–22; 65, с. 99; 68, с. 255; 211, с. 10; 411, с. 148]. В частности, постулируется формирование казахов Старшего жуза на базе кочевых племен Западного Могулистана [211, с. 12; 293, с. 238–239], казахов Среднего жуза — из племен Улуса Орда-Еджена [211, с. 16] или из племен Улуса Шибана, который был образован на основе «лингвистически и этнически органичного субстрата племен Восточного Дашта» [103, с. 76–78]; с большей определенностью говорится об участии в сложении Среднего жуза кочевых узбеков [211, с. 16]. Наиболее последовательно эти взгляды на происхождение казахских жузов высказаны К. А. Пищулиной: улусная система монголов «сыграла свою роль в расщеплении формирующейся казахской народности на три жуза». Сложение жузов шло через разделение населения Восточного Дешт-и-Кипчака на три этнополитические единицы — «могулы», «узбеки-казахи», «ногайцы» [292, с. 191–192].

Бесспорно, во все эпохи главной производственной задачей в области кочевого землепользования оставались подбор и распределение наиболее качественных пастбищных массивов, причем подбор оптимальной пастбищной базы кочевой общности был крайне сложной, многоступенчатой задачей, требовавшей усилий всех субъектов производственного процесса [402, с. 193]. Поэтому можно допустить, что на сравнительно крупном отрезке времени фактор пастбищных систем был способен сыграть более или менее действенную роль в становлении этнополитических объединений. Это как раз и случилось у казахов, имевших для освоения Восточного Дешт-и-Кипчака, по выражению В. В. Радлова, «на протяжении нескольких веков

стечение весьма счастливых обстоятельств» [321, с. 24]. Но эти века и обстоятельства — постзолотоордынские. Главным стимулом к более полному освоению пастбищ и формированию относительно регулярных кочевых маршрутов явилось появление на границах степи значительно более сильных соседей. Но и в этой ситуации территориальные связи долго оставались в зачаточном состоянии, а кочевья жузов даже в XVIII веке были далеки от «классической» схемы. Что же касается предмонгольского времени, то стабильное и масштабное хозяйственное использование казахских степей для него весьма проблематично. Письменные источники заставляют думать, что зона кочевий племен, находившихся на службе у правителей Мавераннахра и Хорезма, ограничивалась присырдарьинским районом. Данные археологии, со своей стороны, свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь приметных следов обживания степи в XI–XII веках. Поэтому следует ожидать, что доказательство исторической преемственности домонгольских кочевых объединений, золотоордынских улусов и казахских жузов, а также соответствия их территорий крупным пастбищно-кочевым системам, зафиксированным в XIX веке, неизбежно встретит большие, если не сказать непреодолимые трудности [174; 181].

Достаточно обратиться к этнографическим работам, в которых описываются маршруты перекочевков и ареалы расселения родов, племен и племенных объединений Казахстана в XVII–XVIII веках, чтобы увидеть, насколько радикально, быстро и непредсказуемо под влиянием самых разных причин они изменялись и как мало совершившиеся изменения отвечали абстрактным оптимумам использования пастбищных угодий (см., например, [197, с. 159, 298–300]).

Можно привести и другие аргументы. Абулгази передает, что общая численность народа, составившего Улус Шибана, равнялась 15 тысячам семейств. Это примерно столько же, сколько, по словам того же автора, было только тех канглы, которые перешли на службу к хорезмшаху Мухаммеду [327, с. 34]. При этом последние не оставили практически никаких следов своего пребывания на северной периферии степи, в то время как археологические

памятники монгольского времени там встречаются повсеместно, что, как уже сказано выше, видимо, соотносится с государственной потребностью содержания ямов.

Тезис о решающем влиянии пастбищных систем на административное членение Золотой Орды, дополненный убежденностью в том, что монгольское завоевание практически не изменило этническую картину Дешт-и-Кипчака, лежит в основе представления о тождестве не только территорий улусов, но и их населения с домонгольскими этнополитическими образованиями [388, с. 61]. Нет нужды напоминать, что общим местом подавляющего большинства работ по золотоордынской проблематике является положение о численном и культурном преобладании кыпчаков в государстве Джучидов и о быстром растворении в их среде монгольского элемента. Но в процитированном выше сообщении Абулгази перечисляются народы («омаки») Улуса Шибана — кушчи, найман, карлук и буйрак, никогда не входившие в кыпчакские объединения. Более того, в «Родословии туркмен» Абулгази в полном соответствии с множеством свидетельств ранних авторов говорит об истреблении населения Дешт-и-Кипчака в ходе монгольского завоевания: «Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков, те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. ...Джучи-хан, взяв в плен [всю] кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из монгольской [страны] он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт» [Там же, с. 43].

Достоверность списка «омаков», отданных под власть Шибана, отчасти подтверждается еще и тем, что в нем указаны именно четыре этнонима. Государственным образованиям монголов XIII–XIV веков, а также государствам-преемникам Золотой Орды, как известно, была свойственна такая система управления, в которой четыре улусных не Чингизидских эмира составляли подобие «государственного совета». Причем каждый из них являлся как бы официальным выразителем интересов одной из четырех «земель» или одного из четырех крупных этнических массивов населения [405]. Эта структурная особенность Улуса Шибана

вовсе не означает, что ему изначально была предоставлена самостоятельность по отношению к центру. О зависимости *de facto* даже такого крупного и, казалось бы, наделенного экстраординарными правами владения, как Улус Орда-Еджена, можно судить по тому, что переговоры с Хайду и Бораком велись Менгу-Тимуром и Беркечаром без всякого участия представителей этого улуса, а в результате переговоров не только Мавераннахр был поделен без учета каких-либо прав и интересов Кок-Орды, но и Или-Иртышское междуречье, первоначально входившее в ее состав, было передано Хайду.

Вместе с тем некая особость статуса улусов Орда-Еджена и Шибана проступает в назначении командующими джучидским корпусом, посланным в Иран, Кули, Балакана и Тутара. По словам Рашид ад-Дина, приказ об организации помощи Хулагу требовал, «чтобы ему в помощь присоединилось от каждого улуса по одному царевичу с войском» [324, с. 69]. Как уже отмечалось, упоминание владений Шибана в записках Плано Карпини (в то время как из остальных братьев Бату он называет только Орду и Берке, причем последнего — среди тех, кто не участвовал в походе 1236–1242 гг.) тоже косвенно свидетельствует об их нерядовом статусе.

Улус Орда-Ежена — восточное крыло Улуса Джучи, управлявшееся потомками старшего сына Джучи — Орда-Ежена. В подавляющем числе научных трудов носит название «Синяя Орда» (тюрк. — Кок Орда). В 1309 году Улус Орда-Ежена стал Ак Ордой при хане Сасы Буга. С 1361 года был независимым государством при Урус-хане. После смерти Шибана в 1280 году к Улусу Орда-Ежена был присоединен Улус Шибана. Территория улуса занимала на западе горы Мугоджары, на севере — сибирские леса, на востоке границей был Иртыш, а на юге — Сырдарья и озеро Балхаш.

После объединения Улуса Шибана границей на западе стала река Урал. В Западной Сибири, которая относилась к Улусу Шибана, было создано керейтское государство — Тайбугинский Йурт. Столица улуса — Сыгнак. Улус делился на районы: Сыгнакский находился на юге улуса (центр — Сыгнак); Улытауский — в центре улуса (Орда-Базар); Восточный (Иртышский) — на востоке улуса; Сарайшыкский — на западе (центр — Сарайчик). После объединения с Улусом Шибана был включен Сарайшыкский аудан (район). Орда-Ежена являлась ядром восточного крыла Улуса Джучи.

Борак (? — 1271) — седьмой правитель Чагатайского улуса (1265–1271); праправнук Чингисхана, правнук Чагатая, внук погибшего под Бамианом в 1221 году Мутугэна. Его отец Есун-Тува (Йисун-Дува) участвовал в событиях 1251 года и разделил судьбу остальных мятежных царевичей. Борак и его два брата, как и другие младшие потомки Чагатая и Угэдэя, воспитывались в Монголии. Через несколько лет после вступления на престол великого хана Хубилая (1260–1294) им было разрешено отправиться на свою родину и получить во владение Чагатаиан, наследственную землю их отца.

В Средней Азии незадолго до этого главой рода Чагатая был признан двоюродный брат Борака Мубарек-шах (первый государь из этого рода, принявший ислам). Боракхан, как и Мубарек-шах, был мусульманином. Борак получил от великого хана ярлык, в котором он назна-

чался соправителем своего Мубарек-шаха. Борак, не предъявляя этого ярлыка и вообще не предпринимая ничего против своего предшественника, путем интриг из Чаганиана вскоре достиг своей цели. Все царевичи из рода Чагатая отложились от Мубарек-шаха и примкнули к новому претенденту; Мубарек-шах сам был вынужден признать власть Борака и поступить к нему на службу в качестве начальника барсчиев (придворных охотников).

Данные о хронологии этих событий очень ненадежны и противоречивы. Согласно Джемалю Карши, автору единственного источника среднеазиатского происхождения, Мубарек-шах был возведен на престол в Ахангаране в марте–апреле 1266 года, а в сентябре–октябре был взят в плен Бораком у Ходженда. Согласно Вассафу, вступление на престол Борака произошло уже в начале 663 года хиджры (на-

чался 24 октября 1264 года). В последующие годы Бораку пришлось защищаться как против великого хана Хубилая, так и против среднеазиатского претендента Хайду, внука великого хана Угэдэя. Моголтай, которого великий хан назначил наместником китайского Туркестана, был изгнан Бораком и заменен другим наместником. Хубилай послал 6000 всадников, чтобы вновь водворить изгнанного наместника, однако войско, посланное Бораком, было гораздо многочисленнее (30 000 человек), так что конница великого хана вынуждена была отступить без сражения. Войсками Борака был разграблен город Хотан, входивший в империю великого хана.

В 1270 году Борак начал враждебные действия и захватил некоторые местности в Хорасане и Афганистане, однако был плохо поддержан вспомогательными войсками Хайду (во главе их стоял царевич Кипчак) и вскоре

был полностью оставлен ими. Как сообщает Рашид ад-Дин, Хайду позднее объявил, что это было сделано по его приказу. С тех пор Хайду и Абака считали себя друзьями. 22 июля 1270 года Абака нанес своему противнику сокрушительное поражение; тот вынужден был всего лишь с 5000 человек отойти за Амударью к Бухаре. Во время битвы Борак упал с лошади, остался с тех пор хромым, и его повсюду носили на носилках.

Известия о последнем годе его жизни противоречивы. Согласно Вассафу, он провел зиму в Бухаре, где принял ислам и имя Султан Гийас ад-Дин. В следующем году он предпринял поход на Сеистан, однако его планы были и на этот раз сорваны изменой некоторых царевичей. Ему самому пришлось вместе с женой отправиться к Хайду, по приказу которого он был отравлен.

Впрочем, рамки суверенитета улусов были столь же текучей субстанцией, как и их пространственные позиции. Другое дело, что улусным начальникам вменялось руководство исполнением государственных повинностей, которое осуществлялось через традиционные административные органы и структуры.

Все указанные выше этнонимы фигурируют среди названий двенадцати племен, составлявших, как говорит Махмуд бен Вали, войско Бату [19, с. 163]. Впоследствии их присутствие в той особо сплоченной группе узбеков, которая в тюркских текстах именуется «шибанлиг», а в персидских — «шибаниан», отмечается практически всеми хрониками. Кроме того, выходцы из них (по преимуществу найманы и кушчи) гораздо чаще, чем кто бы то ни было, упоминаются и в ближайшем окружении Шибанидов. Так, в списке участников избрания Абу-л-Хайра ханом (примерно семьдесят имен султанов, огланов, сейидов и предводителей

более двух десятков различных племен) каждый пятый — найман или кушчи [232, с. 143–144]; во всех славословиях бекам, усердно «рубившим саблями» в больших и малых войнах Шибанидов в XV–XVI веках, обязательно присутствуют имена найманских предводителей, а в «Нусрат-наме», автором которого считают Шейбани-хана, особо отмечаются многие заслуги кушчи, бывших у Шибанидов со времен основателя династии атеке и культашами [Там же, с. 19–20].

Племена, вошедшие в Улус Шибана, нельзя даже в собирательном значении назвать кыпчакскими, причем относительно найманов, кушчи и буйраков вообще трудно заключить с полной определенностью, были они тюркоязычными или монголоязычными. Их жизнь до монгольской экспансии была целиком связана с Центральноазиатским регионом и смежными с ним областями. В начале XIII века они одними из первых стали подвластными монголам и в дальнейшем со множеством других покоренных

народов были принуждены участвовать в монгольских завоеваниях. По окончании европейского похода эти «древние роды», как можно предположить, составлявшие войско Шибана, были оставлены под его началом и расселены на выделенных ему землях.

Еще один вопрос, который хотелось бы здесь затронуть, — название, под каким удел Шибана был известен современникам. На этот счет в литературе есть несколько мнений. Согласно изысканиям М. Г. Сафаргалиева, правое крыло Улуса Джучидов называлось Ак-Орда, левое — Кок-Орда. Улус Шибана принадлежал к правому крылу и, следовательно, входил в состав Ак-Орды, был ее частью [350, с. 14–15]. Дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения были приведены Г. А. Федоровым-Давыдовым; впрочем, имея в виду ремарку Махмуда бен Вали о равнозначности терминов «Ак-Орда» и «Йуз-Орда», Г. А. Федоров-Давыдов не исключил вероятности того, что Ак-Орда — это и есть собственно Улус Шибана [388, с. 144]. По Т. И. Султанову, «термин Ак-Орда прилагался к области, составлявшей основную часть владений потомков Шибана» [152, с. 195]. Эта формулировка, как кажется, означает, что исследователь тоже считает «Ак-Орду» и «Улус Шибана» понятиями тождественными. Согласно выводам В. П. Юдина, владения Бату, Орда-Еджена и Шибана назывались соответственно: Ак-Орда (Белая), Кок-Орда (Синяя) и Боз-Орда (Серая). В. П. Юдин предположил, что отсутствующее в источниках название «Боз-Орда» зафиксировалось в форме «Йуз-Орда», так как слова «боз» и «йуз» в скорописном арабском тексте графически очень похожи [411, с. 128]. Особое мнение имеет Н. Н. Мингулов, который видит в государстве Джучидов по меньшей мере три основных владения. Название первого, принадлежавшего Бату, — Орда, Большая Орда, Волжская Орда; второе, хозяином которого был Орда-Еджен, именовалось Ак-Ордой; третье — Улус Шибана, находившийся между владениями старших братьев, или Кок-Орда, известная в русских источниках как Синяя, или Заяицкая Орда [246]. Последняя точка зрения очень убедительно критикуется, однако все-таки имеет приверженцев, апеллирующих, правда, не к источниковедческой аргументации,

а к давней литературной традиции именования казахстанских владений Орда-Еджена и его потомков в Ак-Орду [293, с. 38]. В. П. Юдина интересны, но несколько искусственны. Более предпочтительным в этом вопросе мне кажется вывод М. Г. Сафаргалиева.

Особенности происхождения и культурных связей населения Улуса Шибана, его периферийное положение и абсолютное господство кочевых форм хозяйства и быта обусловили своеобразное развитие конфессиональной ситуации. Кратко излагая его основные черты, в первую очередь следует сказать, что ислам на территории, на которых расположился Улус Шибана, проникал задолго до монгольской экспансии. С образованием улуса религиозный пейзаж урало-казахстанской степи существенно усложнился. Сведение данных письменных и археологических источников позволяет зафиксировать в нем, помимо тенгрианства и ислама, буддизм и несторианство, пользовавшиеся определенной популярностью и до, и после реформы Узбека [170]. Хотя ислам, как и в других степных регионах Золотой Орды, по-видимому, являлся главным вектором изменений религиозного сознания, судя по довольно туманному известию Махмуда бен Вали, насильственная исламизация во владениях Шибанидов, вероятно, вызвала открытое сопротивление. По словам Шейбани-хана, (в передаче Рузбихана), «наш предок в пятом поколении от Чингисхана сподобился принять ислам, поспешив приобщиться к красе превосходства истинной веры. В тот день, когда его высочество, [предок Шейбани-хана], принял ислам, весь улус Ючи-хана, состоявший из разных родов узбеков, обратился в мусульманство» [384, с. 105]. Этим приобщившимся к исламу предком Шейбани-хана, как позволяют заключить имеющиеся в литературе примеры счета поколений, был Бадакул бен Джучи-Бука. Со своей стороны, Махмуд бен Вали находит необходимым сказать о Бадакуле следующее: «Когда круг вращения жизни Джучи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего

Ак-Орда (Белая Орда) — одна из двух частей Золотой Орды (Улуса Джучи) в XIII–XV веках. Ак-Орда делилась на две части: западную (Северное Причерноморье, Крым, Подонье), ставшую владением

Куремсы, Ногая, и восточную (Поволжье, Северный Кавказ), ставшую владением Батые, Берке и других Джучидов. Улусы Батые и Берке были в правление Берке объединены в единый улус.

меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, стусившийся в той области. На небосводе государства у него находилась сверкающая звезда, именуемая Минг-Тимурханом. Когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута [взмахом] края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принял за управление важными делами людей» [232, с. 346]. В цветистых оборотах известия Махмуда бен Вали можно увидеть обстановку начала царствования Узбека, борьба за власть которого имела оттенок религиозного конфликта: гонениям были подвергнуты в первую очередь буддисты, перед тем, в правление своего единоверца Токты, сильно потеснившие соперников. Надо думать, Бадакул в традиционной лояльности Шибанидов наследникам Бату проявил усердие, достойное примера, данного своим потомкам Шибаном. Трудно решить, действительно ли Бадакул погиб за веру, но усиление позиций ислама в клане Шибанидов становится заметным уже в 1370-е годы, проявляясь в нарастании популярности мусульманских имен. Впрочем, до превращения ислама в господствующее мировоззрение их подданных, несмотря на усилия всех крупных лидеров Восточного Дешт-и-Кипчака вплоть до Кучума, было далеко.

Великая Замятня — период 1360–70-е годы, когда Золотая Орда погрузилась в жесточайший комплексный кризис, в результате которого политические процессы

в сочетании с социологическими процессами и экологической обстановкой привели фактически к разрушению этого степного государства.

Шибаниды в Великой Замятне

Великая Замятня: комплексный кризис кочевого общества. «Великая Замятня» — термин, обозначающий в историографии события в Золотой Орде в 1360–70-х годах XIV века. Само понятие «Великая Замятня» впервые встречается в русских летописях, и не ассоциируется исключительно с этим периодом («замятня», «замяте» в целом обозначает междоусобицу). В советской историографии в условиях акцентуализации внимания на политических процессах, происходивших в Золотой Орде, Великая Замятня воспринималась как политический кризис, связанный с прекращением династии Батуидов.

На современном этапе развития исторической науки Великая Замятня уже не воспринимается исследователями как чисто политический кризис. Золотая Орда в середине XIV века представляла собой полноценное государство со столицей в городе Новый Сарай, аппаратом управления, созданным в результате реформ Узбека, иррегулярной армией, зависимыми территориями (в том числе русскими княжествами), единым торгово-экономическим и культурным пространством. В данной структуре длительный политический кризис не мог коснуться только «элитарной» части общества, а неизбежно затрагивал все стороны жизни государства. Кроме того, помимо субъективных причин внутренних деструктивных процессов, происходивших в этот период в самой Золотой Орде, можно отметить наличие внешних объективных факторов, которые также способствовали длительности кризиса и его многокомпонентности. Сочетание данных объективных факторов и субъективных причин способствовали тому, что выход из кризиса путем направления (перераспределения) ресурсов верховным правителем оказывался неэффективным. По сути, все ресурсные источники Золотой Орды (кочевое хозяйство, демография, торговля, внешняя политика), начиная с 1340-х годов, оказались под воздействием неблагоприятных факторов, что и привело к комплексному кризису кочевого общества, вошедшего в историю под названием «Великая Замятня».

Если рассмотреть подробнее данную ситуацию, то Улус Джучи (Золотая Орда) обладал определенными ресурсными источниками, которые условно можно разделить на три группы: экономические, военно-демографические, внешнеполитические.

К экономическим ресурсам относится внутреннее производство. В Золотой Орде это было связано с явным ростом городской экономики, в результате которой города стали не только торговыми и политическими центрами, но и центрами производства. При этом в степной зоне огромное значение сохраняло кочевое скотоводство, а на ряде вассальных территорий — земледелие. Большое значение могли играть различные налоги с зависимых областей и их населения.

К военно-демографическим ресурсам относится численность традиционных кочевых хозяйств, которые составляли основу военной силы Золотой Орды. Они могли быть дополнены ополчениями зависимых территорий, но в условиях политического кризиса это явно не всегда выполнялось.

К внешнеполитическим ресурсам относятся доходы от международной транзитной торговли и военная добыча.

Деятельность хана во время Великой Замятни во многом зависела от успешного выполнения реди-стрибутивной функции, игравшей ключевую роль еще на стадии зарождения кочевого общества [182, с. 329–330], то есть умения распределять престижные товары среди подчиненных, так и перераспределять ресурсы в зависимости от задач, стоящих перед государством. При грамотной реди-стрибуции кризис одного из ресурсных источников компенсировался за счет других. Например, при хане Узбеке при относительном снижении военных походов и объемов поступления военной добычи торговый оборот увеличился, и «престижные» товары начали поступать в результате торговли. Ситуация, сложившаяся в годы Великой Замятни, была уникальна из-за того, что ханы не имели возможности перераспределять ресурсы.

Основу экономического благосостояния рядового населения составляло кочевое скотоводство. По расчетам ряда исследователей, «количество скота у средневековых монголов превышало минимальный индекс обеспеченности продуктов»

[183, с. 73]. В условиях сурового, но стабильного климата экстенсивная экономика кочевников давала достаточное количество продуктов для обеспечения нужд общества, более того, обеспечивала постоянный прирост населения и возможность пополнения военно-демографических ресурсов. Период создания и расцвета Золотой Орды (середина XIII — середина XIV в.) сопровождался повышением влажности в степи. «Начиная с XII века природные условия начали меняться в сторону гумидизации. Пик атмосферной увлажненности приходился, скорее всего, на XIII век. Об этом можно судить по исследованным почвам того времени, которые отличались от почв предшествующих эпох и современности большей мощностью гумусового горизонта и гумусированностью, остаточной солонцеватостью, меньшей засоленностью и загниванностью. На всей территории Нижнего Поволжья в эпоху развитого средневековья условия природной среды были более благоприятными, чем в раннее и более позднее время» [416, с. 195–196]. Но уже в середине XIV века ситуация изменилась. Исследования почв показали, что на фоне гумидизации климата в начале XIV века и увеличения численности стада в середине и конце XIV века происходил процесс аридизации, вызванный как климатическими изменениями, так и увеличением антропогенного воздействия на почвы [95, с. 223; 192, с. 67–71; 332, с. 241–242].

К сожалению, пока нет данных по палеодемографии Золотой Орды, но можно предположить, что реформы Узбека и снижение количества военных походов привели к тому, что шел стабильный рост численности кочевых хозяйств и, как следствие, увеличивалось воздействие антропогенного фактора на землю. В результате антропогенного воздействия и аридизации климата возникали мощнейшие засухи. Если в период с 1340 по 1361 год было всего шесть засушливых лет (из них три пришлось на 1340, 1341, 1342 годы), то в период Великой Замятни (1361–1380) случилось 14 засушливых лет, причем с 1361 по 1368 год засуха была постоянно [42, с. 178; 49, с. 101]. В условиях экстенсивного кочевого хозяйства, когда рядовые кочевники не имели возможности создавать запасы пищи, засуха приводила к гораздо более страшным последствиям,

Страница Лицевого летописного свода. Начало Замятни в Орде

чем в земледельческом обществе. Таким образом, из-за неблагоприятной экологической обстановки кочевое скотоводство оказалось в глубочайшем кризисе.

По сути, для ханов этого времени именно дань, получаемая с русских княжеств, оставалась единственным серьезным и в той или иной степени стабильным источником доходов. Однако и русские князья ориентировались в выплате дани то на хана, находившегося в Сарае, то на ханов «Мамаевой орды».

Военно-демографические ресурсы Золотой Орды в своем развитии зависели от нескольких факторов, в том числе от экологии и количества скота,

эпидемий и эпизоотий, внутривосточной ситуации. При этом мы можем лишь частично реконструировать ситуацию с военно-демографическими ресурсами.

Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов оценивают численность населения Улуса Джучи при Тохте как 1,5–2 млн [132, с. 166]. За вычетом восточных улусов, подчиненных Шибанидам и Орда-Ичеидам, численность населения улусов Батуидов составляла, по мнению Ж. М. Сабитова, 900 тысяч человек, при этом мобилизации подлежали примерно 20 % человек [335]. Таким образом, в стабильной демографической обстановке хан Золотой Орды мог мобилизовать на военный поход порядка 180 000 воинов, то есть примерно 18 туменов.

В 1346 году в Золотой Орде разразилась чума. Только в Крыму от чумы умерли 85 тысяч человек, а в Сарае, Астрахани и Ургенче вымерло столько населения, что покойных некому было хоронить [349, с. 372]. Традиционно считается, что от чумы были большие потери и среди рядовых кочевников,

Т. Ф. Хайдаров оценивает общую убыль населения в улусе Джучи более чем в 50 % [391, с. 649; 429, с. 113]. Однако уже в 1357 году Джанибек-хан для похода в Азербайджан, по самым скромным оценкам, мобилизовал от 15 до 30 туменов [142, с. 83] (рис. 3). При этом поход на Тебриз происходил всего через 11 лет после эпидемии чумы 1346 года, то есть в рамках одного поколения.

Можно предположить, что потери от чумы 1346 года в Золотой Орде были значительными только среди городского населения, что и нашло отражение в источниках. Рядовые кочевые хозяйства вряд ли в результате чумы понесли столь серьезные потери, и к началу Великой Замятни ханы, очевидно, имели возможность в полной мере задействовать военно-демографический ресурс. Но особенностью военно-демографического ресурса является то, что эффективное использование его возможно лишь при сильной централизованной власти. В то же время после 1359 года и смерти Бердибека разразился жесточайший политический кризис. В 1361 году он привел к расколу Золотой Орды, и военно-демографические ресурсы начали поглощаться в результате внутренних конфликтов. При этом данный процесс происходил на фоне

негативной экологической обстановки. Соответственно военно-демографические ресурсы также начали сокращаться. Объем их потерь представить сложно, но можно предположить, что за период Великой Замятни Золотая Орда потеряла приблизительно 50 % своих военно-демографических ресурсов. Данное предположение делается на том основании, что в 1385 году Тохтамыш для похода на Тавриз со всей территории Золотой Орды собрал около 90 тысяч войска, то есть половину армии докризисного периода [3, с. 111].

В части внешнеполитических ресурсов стоит отметить, что вся территория бывшей Монгольской империи в этот период испытывала трудности. Сложные внутривнутриполитические процессы в этот период шли как у династии Юань в Китае, так и в Средней Азии. В результате объемы торговли по Великому шелковому пути неуклонно снижались. При Джанибеке была попытка захватить город Тебриз на Кавказе. А. И. Грачев считает, что одной из главных экономических причин этого похода была попытка поставить под контроль южный маршрут Великого шелкового пути и компенсировать потери, которые Джучиды понесли сначала в результате чумы, а затем и генуэзско-венетинских войнах 1350-х годов, в ходе которых торговля с Северным Причерноморьем была фактически парализована [86, с. 50]. В Великую Замятню, когда единое экономическое пространство Золотой Орды было разрушено, говорить о транзитной международной торговле как серьезном источнике дохода не приходилось. Ввиду невозможности концентрации военных ресурсов в одних руках проведение централизованных успешных внешнеполитических акций в это время было практически невозможно, что показало поражение при Синих водах.

Таким образом, можно отметить, что Великая Замятня в истории Золотой Орды стала периодом кризиса во всех сферах кочевого общества, когда все ресурсные источники оказались в состоянии нестабильности или упадка. При этом кризис ресурсов сопровождался политическим кризисом, связанным со смертью последнего Батуида.

Династический кризис. В 1357 году в Золотой Орде после смерти хана Джанибека пришел к власти Бердибек. Обстоятельства этого в источниках

описываются по-разному. Хайдер Рази, Гаффари и «Аноним Искандера» утверждают, что Джанибек-хан был убит своим сыном Бердибеком во время болезни [351, с. 128, 211, 214], шейх Увейс сообщает, что Джанибек умер в дороге [Там же, с. 103].

Основным событием в период правления Бердибека, отраженным практически во всех нарративных источниках, стало массовое истребление правящим ханом братьев из династии Батуидов, которые могли претендовать на власть. Русская

Конный латник Золотой Орды. Реконструкция М. В. Горелика

Ордынские воины XIV века. Реконструкция

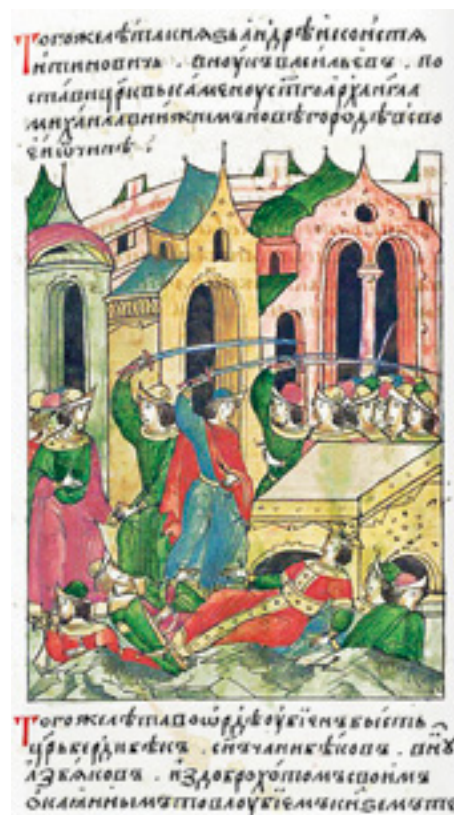
летопись так пишет об этом: «Сынъ же его Бердибекъ по немъ сяде на царстве, и уби братовъ своихъ 12; окааннымъ княземъ, и учитилемъ своимъ и доброхотом Товлубіемъ наставляемъ отца своего уби и братю свою поби, и помале паки самъ погибе з думци своими» [305, с. 229]. Утемиш-хаджи в своем сочинении также отмечает роль аталыка Толубая (Товлубия), который, мстя за смерть своего сына от рук Джанибека, говорил Бердибек-хану: «Ты сейчас — молодой человек. Сыновья, народившиеся у тебя в эту пору, будут расти [с тобой] наравне. Ты будешь стареть ото дня ко дню, они [же] — мужать. Оспорят они и отберут у тебя ханство завтра, когда состаришься ты. [Так] убивай [же] их сейчас. Как начнешь стареть, тогда и оставишь [их в покое]» И тот злосчастный слушался его и убивал [своих сыновей]» [383, с. 108]. Хайдер Рази писал: «Бердибек, сын Джанибека, после убиения отца стал обладателем трона и короны и правил три года. За это время он предал смерти многих из своих родичей и когда (сам) отправился в иной мир, никто из этого поколения не достиг царства» [351, с. 214]. Турецкие рукописи подводят этим событиям итог: «Со смертью Бердибека род Саина пресекся, между потомками Джуджи произошли раздоры...» [119, с. 75].

Таким образом, самые разные источники единодушно отмечают, что Бердибеком была проведена акция по уничтожению всех лиц, кто мог претендовать на престол из числа прямых потомков Бату. Убийство потомков Бату (Саин-хана) породило беспрецедентный династический кризис в Золотой Орде. С самого основания Золотой Орды, за исключением периода правления Берке, брата Бату, власть принадлежала Батуидам. Несмотря на то, что приход ряда ханов сопровождался борьбой за власть и физическим устранением конкурентов, это происходило исключительно в рамках династии. Даже Ногай в период наивысшего могущества не мог претендовать на высшую власть в Сарае, хотя и оказал влияние на гибель хана Туда-Менгу и на приход к власти хана Тохты. Узбек-хан во время прихода к власти убил брата Ильбасмыша, сына Тохты [7, с.100]. Сын Узбек-хана Джанибек, прежде чем стать ханом, также истребил двух старших братьев — сыновей Узбек-хана Тинибек и Хызыра.

Мухаммед Бердибек-хан (? — 1359) — Чингизид, восьмой хан Золотой Орды (1357–1359). Сын и преемник Джанибека. Сразу же после обряда вступления в должность приказал физически уничтожить всех представителей рода Бату-хана, которые могли быть его реальными или потенциальными конкурентами. Всего были убиты 12 его родственников, в том числе восьмимесячный брат (по данным арабского автора Муин ад-Дин Натанзи, новый хан убил его, ударив о землю). Бердибек дал русскому митрополиту Алексею ярлык (жалованную грамоту), подтверждающий освобождение Русской церкви от даней и поборов. В 1358 году дал венецианским послан Джованни Квирини и Франческо Бону ярлык, подтверждающий право купцов из Венеции на проживание и торговлю

в Азове и Провато (бухта Двужорная) и разрешающий этим купцам торговать в крымских портах Калитре, или Калиере (Коктебель), и Солдае (Судак). По данным арабского автора Ибн Хальдуна, одну из высоких административных должностей, беклярбек, при дворе Бердибека занимал Мамай.

Мухаммед Бердибек-хан правил до конца лета или начала осени 1359 года, когда был убит в результате переворота, приведшего к власти нового хана — Кулпу (Кульпу). Вместе с Бердибеком погиб его ближайший соратник Туглу-бай (в русских летописях его именовали Товлубием), сыгравший ключевую роль в его приходе к власти. Гибель Бердибека положила начало многолетней смуте в Орде, которую русские летописцы называли Великой Замятней.

Убийство Бердибека. Страница Лицевого летописного свода

Истребление родственников Батуидов как потенциальных претендентов на престол не было в Золотой Орде событием из ряда вон выходящим. Но если Узбек-хан и Джанибек-хан истребляли только тех, кто по праву старшинства мог оспорить их права на престол, то Бердибек физически истребил всех братьев. В результате после его смерти возник серьезный династический кризис.

С точки зрения традиционного права, западный улус Монгольской империи был отдан Чингисханом во владение Джучи и его потомкам, которые в результате и стали обладать здесь правом на высшую власть. Всего у Джучи было 14 сыновей: Орда-Ичен, Бату, Берке, Беркечар, Шибан, Тангут, Бувал, Чилакун, Шингкур, Чимтай, Мухаммед, Удур, Тука-Тимур, Сингкум.

По исследованиям Ж. М. Сабитова, Берке, Чилакун, Мухаммед, Сингкум не имели прямых потомков, и их линии пресеклись сразу. Также к началу Великой Замятни пресеклись линии Беркечара, Бувала, Удура и собственно Бату. Таким образом, юридически к началу Великой Замятни претендовать на престол могли только потомки Орды-Ичена, Шибана, Тангута, Шингура, Чимтая и Тука-Тимура. Линии Чимтая, Тангута были малочисленны и не обладали реальным авторитетом среди Джучидов [336, с. 18–20]. Фактически после прерывания династии Батуидов претендовать на правление в Сарае могли на равных основаниях представители только Орда-Иченидов, Шибанидов и Тука-Тимуридов.

В источниках и в работах исследователей выделяются от 7 до 14 ханов Золотой Орды, правивших в период Великой Замятни (с 1359 по 1380 год), то есть от смерти Бердибека до воцарения Токтамыша. На основе анализа нумизматических и нарративных источников нами были определены следующие ханы, правившие в Сарае: Кульпа (1359–1360), Науруз (1360–1361), Хызр-хан (1361), Тимур-Ходжа (1361), Ордумелик (1361), Кильдебек (1362), Мюрид (1362–1363), Хайр-Пулад (1363), Азиз-шейх (1364–1367), Абдулла (1367–1369), Бюлек (1370–1371), Хаджи-Черкес (1375), Ильбек (1375), Каганбек (1375, 1377), Урус-хан (1375–1377), Арабшах (1377), Токтамыш (1378–1380). Из них к Шибанидам можно отнести Хызр-хана, Тимур-ходжу, Мю-

рида, Азиз-шейха, Ильбека, Каганбека, Арабшаха [359].

Ханы Великой Замятни из династии Шибанидов. Хызр-хан. Генеалогия этого хана уже более полвека служит предметом дискуссии среди исследователей. Спорным является даже его отнесение к потомкам Орда-Ичена, Шибана или Тука-Тимура. Несмотря на это, на данный момент наиболее резонно под этим ханом видеть Хызр-хана, сына Мангкутая, сына Тола-Буки, сына Кадак-оглана, сына Шибан-хана.

По данным Махмуда Бен Вали, «Хызр-хан имел сына по имени Тимур-Ходжа, которого после того, как он убил своего отца, стали называть Йузи-Карахан» [28, с. 350], что соответствует дальнейшей хронологии и событиям Великой Замятни. Данные этого автора подтверждаются и генеалогиями из «Таварих-и гузидаи Нусрат наме», где также указывается на то, что «Сын Хызр-хана — Тимур-ходжа, которого называют “чернолицым ханом, убившим своего отца”» [369, с. 37].

Период правления Хызр-хана довольно подробно освещается в источниках. Во многом это связа-

Хызр-хан на золотоордынском престоле (1350–1361 гг.). Страница Лицевого летописного свода

но с тем, что это был последний хан, при котором Золотая Орда еще представляла собой единую территорию, подчиненную центру.

Обстоятельства прихода к власти Хызр-хана трактуются по-разному. В русских летописях Хызр-хан выступает как захватчик престола: «Тое же весны приде на царство Волжское некий царь с востока Заядьскы, иненемъ Хидырь, прида взял Ордоу и царя Навроуса оубил и царицю Тайдулу, а князи ординскихъ Муалюоузиноу чадъ множество оубиль, а сам седе на царство. И бысть в Орде замятня велика» [306, л. 286].

Утемиш-хаджи дает иную трактовку событий, связанную с призыванием на престол: «Тай-Туглы-бегим (Тайдула), которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана — была жива

в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: “Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана”. Был в то время сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызр-оглан. Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под названием Ак-Куль. Мы упоминали уже выше, почему [Мангутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая» [383, с. 110].

На данный момент достоверно восстановить обстоятельства прихода к власти Хызр-хана не представляется возможным, мы лишь можем констатировать, что, придя к власти, Хызр-хан избавился

Алексий
московский
исцеляет
Тайдулу.
Фрагмент
иконы
XVI века

от Тайдулы, и ее имя в дальнейшем уже не упоминалось. Срок правления Хызра в источниках определяется от одного года («Аноним Искандера») до полутора лет («Чингиз-наме»). Монеты Хызра чеканились во всех крупных городах Золотой Орды, включая Сарай [88, табл. 1].

К Хызр-хану приехали все крупные русские князья, то есть Дмитрий Иванович Московский, Дмитрий Константинович Суздальский, Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, Константин Ростовский, Михаил Ярославский [305, с. 231]. Именно во время нахождения русских князей в Золотой Орде Хызр-хан был убит. Рогожский летописец так описывает эти события: «...убиен бысть царь Кидырь от своего си брата, от Мурута, и седе на царство Мурут. А Мамаи князь Ордынский и осилил другую сторону Волги, царь был у него именем Авдуля, а трети царь в то же время в Орде... сын царя Чанибека именем Кильдебек» [305, л. 288]. В Вологодско-Пермских летописях упомянуто: «Князи русские пошли в Орду к новому царю Ходырю... И при них убиен бысть царь Ходырь от своего сына Темир Ходжина, а на 4 день сесть на царство. А на 7 день царства его темник его Мамаи замыте всем царством его и бысть мятеж велик в Орде» [302, с. 117]. Данные русских источников подтверждает и текст «Чингиз-наме», в котором после убийства Хызр-хана отмечается: «После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился. Большая часть эля ушла в вилайет Крыма к Кыяту Мамаю. Повествование это здесь закончилось» [383, с. 113].

При этом кандидатура Хызр-хана, по-видимому, устраивала Мамаю и золотоордынскую аристократию, но его сын Тимур-ходжа или брат Мюрид «легитимными» в глазах Мамаю не были. Это привело к отделению темника и фактическому разделу Золотой Орды на «Мамаеву» Орду и «Мюридову» Орду.

Возможно, особенности приглашения Хызра свидетельствуют о том, что после смерти последнего Батуида золотоордынская знать во главе с Тайдулой вернулись к практике созыва курултаев и приглашения ханов. Однако устранение Тайдулы-хатун и затем убийство самого Хызра сделали невозможным дальнейшее продолжение подобной практики.

Тимур-ходжа. Тимур-ходжу и русские летописи, и восточные источники однозначно считают сыном Хызр-хана [302, с. 117; 306, л. 228; 383, с. 113], убившим своего отца.

Дальнейшая судьба Тимур-ходжи незавидна, царствовал он недолго (от двух до пяти недель), при этом монеты с его именем обнаружены только в Новом Сарае. Каких-то иных сведений о деятельности этого хана нет.

Мюрид. Если Мюрид действительно был братом Хызра, то в восточных источниках он упоминается под именем Хаджи-Мурут [28, с. 350; 369, с. 37]. Родословие его в этом случае совпадает с родословной Хызра: Хаджи-Мурут, сын Мангкутая, сына Тола-Буки, сына Кадак-оглана, сына Шейбан-хана.

Из деятельности Мюрида известно, что он в ходе борьбы на короткий срок смог подчинить себе правобережье Волги, включая Гюлистан. Под властью Мамаю и его хана Абдуллы оставались земли Золотой Орды к западу от Волги, включая Крым. Русские летописи так пишут об этом периоде: «Бысть в те времена на Волжском царстве два царя: Авдула царь Мамаевы Орды, его же князь Мамай темник устроил в своей Орде царя, а другой царь Амурат с Саранскими князи. И тако те два царя и те две Орде, мал мир имеюще, межю собой во враждах

Мюрид (? — 1364) — хан Золотой Орды (сентябрь 1362 — осень 1364 г.). По данным «Анонима Искандера», Мурад (Мурут, Амурат в Никоновской летописи) был сыном Орда-Шейха (ак-ордынская ветвь Джучидов). По данным Никоновской летописи, являлся сыном Хизр-хана. Разгромив Кильдибека в сражении на Волге в 1362 году, Мурад захватил Сарайский престол, став противником Мамаю и Абдаллаха в борьбе за власть в Золотой Орде. В правление Мурада смуты в Орде усилились и от государства отпали целые области (такие как Северный Хорезм), правители которых провозгласили независимость. Фактически в стране установилось двоевластие

(Абдаллах и Мамай правили в Мамаевой Орде, Мурад властвовал в Сарае). Между противниками имели место постоянные междоусобные войны. Судя по отношениям Мурада с русскими князьями (Мурад выдал ярлык на великое княжение сначала Дмитрию Ивановичу, затем Дмитрию Константиновичу). Мурад на первых порах представлял собой реальную политическую силу, с которой вынуждены были считаться правители других государств. Однако вскоре позиции хана пошатнулись. На короткое время столица даже была захвачена ханом Мир Пуладом. По данным «Анонима Искандера», Мурад царствовал три года. Вскоре он был убит Ильясом, его главным эмиром.

и бранех» [305, с. 233]; «а Мамаи привел съ собою царевича и бысть Мамаю съ Мурутом съче о Волзе» [306, л. 290]. Столица — Новый Сарай — как видно из анализа монетных источников, постоянно переходила из рук в руки. А. П. Григорьев указывал, что зимой 1362 года выступивший из Гюлистана Мюрид разгромил войска Мамаю и прогнал Абдуллу из Нового Сарая на правый берег Волги. В 764 году хиджры Мюрид чеканил монету в Новом Сарае, Гюлистане и Сарае. С 1363 года в русских летописях появляется термин «Муратова орда», обозначающий ордынские земли на восток от Волги. Территория Золотой Орды к западу от Волги получила наименование «Мамаева Орда» [88, с. 32].

В этот же период произошло ослабление влияния ханов Золотой Орды на русских князей в рамках системы даннических отношений.

Мюрид исчез со страниц русских летописей в 1363 году. Именно в это время закончилась и чеканка его монет в Новом Сарае, хотя в Гюлистане они чеканились еще год спустя. Скорее всего, Мюрид был изгнан из Нового Сарая и некоторое время продолжал править в Гюлистане.

Азиз-шейх. Династическая принадлежность Азиз-шейха исследователями также определяется по-разному, при этом, как и в прошлом случае, они относят его к потомкам Тука-Тимура, Орды-Ичена или Шибана [311, с. 375]. Анализ генеалогических списков в «Таварих-и гузидаи Нусрат наме» и у Махмуда Бен Вали показывает, что, скорее всего, это был Азиз Баба, сын Тун-ходжи по линии Шибан — Сайилкен — Кутлук-Тимур — Боралди — Балык-оглан — Тун-Ходжа-олан — Азиз-Баба [28, с. 351; 369, с. 37].

Азиз-шейх является довольно примечательной исторической личностью. Он первым в череде ханов Великой Замятни смог контролировать всю территорию «Мюридовой Орды» более года. Согласно монетным источникам, Азиз-шейх контролировал Новый Сарай и Гюлистан в 1364–1367 годах [345, с. 37–38]. Эти же сведения подтверждает и «Аноним Искандера», в котором сообщается: «После него сел на царство Азиз-хан, сын Тимур-ходжи, и установил скверные обычаи. Один из потомков султана... дожил до его времени и отговаривал его от этих скверных дел. Азиз-хан согласился, раскаялся от

Взаимоотношения русских князей и ханов Золотой Орды в период Великой Замятни.

К началу Великой Замятни русские князья находились под полным экономическим и политическим контролем Золотой Орды. Несмотря на отсутствие централизованных походов на Русь при правлении Ивана Калиты (так называемая «тишина великая»), влияние Золотой Орды оставалось очень сильным. Оно сохранялось весь период правления хана Джанибека.

В 1360–70-х годах статус ханского ярлыка снизился. Хронологически изменение статуса ярлыка в восприятии русских князей четко прослеживается по материалам русских летописей. После смерти Бердибека в 1359 году к власти пришел Кульпа. К Кульпе

русские князья за ярлыком, по-видимому, прийти не успели, так как правил он недолго и был убит собственным братом Наурузом. При этом Никоновская летопись отмечает: «Того же лета поидоша во Орду къ новому царю Наурузу вси князи Рустии, и биша челомъ царю о разделеніи княженей ихъ... И тако раздели ихъ коегождо вотчину его, и отпусти ихъ съ миромъ и съ честію» [305, с. 231]. Таким образом, можно сделать вывод, что в самом начале Великой Замятни сохранялась традиционная система взаимоотношений, при которой все русские князья ходили за ярлыками к новому хану. Науруз также выделил впоследствии Дмитрию Константиновичу Суздальскому великое княжение Владимирское [Там же].

Междоусобица. Великая Замятня. Персидская миниатюра

В 6869 (1361) году с приходом нового хана Хидыря (Хызра) русские князья — Дмитрий Иванович Московский, Дмитрий Константинович Суздальский, Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, Константин Ростовский, Михаил Ярославский — снова поехали в Орду [Там же, с. 232]. Хотя сразу после его убийства спешно уехали, причем, судя по летописям, на Андрея из Нижнего Новгорода напал один из татарских князей, а ростовских князей ограбили [307, с. 121].

С отделением Мамаю от центрального правительства русские князья по-прежнему ориентировались на Сарай, более того, некоторое время обращались за разрешением споров. Дмитрий Иванович Московский и Дмитрий Константинович Владимирский решали спор о княжении, «послаша киличеевъ своихъ во Орду ко царю Амурату, и вынесоша отъ царя Амурата великое княжение великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому» [305, с. 233]. Правда, при этом стоит отметить, что в череде ханов 1360-х годов Амурат (Мюрид) был одним из наиболее влиятельных [30, с. 32]. Но затем летопись сообщает о захвате Переяславля Дмитрием Константиновичем и изгнании его оттуда князем Дмитрием Ивановичем. Таким образом,

Дмитрий Константинович не признал сначала власть Дмитрия Ивановича Московского, в результате последнему пришлось подтверждать право на власть, помимо ярлыка, военной силой [305, с. 233; 307, с. 121].

Если раньше на нарушителя ханской воли татары могли отправить карательный отряд, то в условиях внутренней борьбы ситуация в русских княжествах отходила на второй план. Тем не менее, еще некоторое время русские князья обращались за ярлыками то к Мамаю, то к его противникам. В 6871 (1363) году Дмитрию Ивановичу привезли ярлык от «Мамаева царя» Абдулы [306, с. 290–291], а Дмитрий Константинович захватил Владимир вместе с Иваном Белозерским, который возвратился из «Мюридовой Орды» с тридцатью татарами [Там же]. Таким образом, произошло разделение русских князей: Дмитрий Иванович (будущий Донской) опирался на Абдуллу и Мамаю, а его противники — на сарайского хана (очевидно, Хайр-Пулада). Однако Дмитрий Иванович имел более мощную армию, и постепенно легитимность и авторитет ярлыка, выданного в Сарае, перестали иметь значение, особенно если не было достаточно сил для его подтверждения. Пример тому можно найти

в «Рогожском летописце»: «Тое же зимы [в 6872 (1364) году. — *Авт.*] прииде изъ Орды князь Василей Дмитреевичъ Суждальский отъ царя Азиза, а съ нимъ царевъ посолъ, а Ия ему Оурусьманды, и вынесе ярлыкы на княжение великое князю Дмитрию Костянтиновичю Суждальскому, онъ же ступися княжения великаго князю великому Дмитрию Иванович [у] Московскому, а испросиль и взялъ себе у него силу къ Новугороду къ Нижнему на брата своего князя Бориса» [Там же, с. 293].

Таким образом, несмотря на то, что Дмитрий Константинович Суздальский получил ярлык на великое княжение от Азиза (правителя «Мюридовой Орды» в 1364–1367 годах), он уступил великое княжение Дмитрию Ивановичу Московскому, и просил у него войска для борьбы с братом Борисом. После этого случая поездки русских князей в Сарай на некоторое время прекратились, так как авторитет Дмитрия Ивановича, подкрепленный ярлыком от Мамаю и мощной армией, был непоколебим. Более того, иногда русские князья действовали вместе с татарами, как это было в 1370 году при походе «на Българьскаго князя Осана» [Там же, с. 303–304]. Союз Мамаю и Дмитрия Ивановича был недолг.

В том же 1370 году ярлык у Мамаю на великое княжение получил Михаил Александрович из Твери. Однако Дмитрий Иванович не принял ярлыка. Когда прибывший с Михаилом посол Сарыходжа послал ярлык у Дмитрия во Владимир к ярлыку, тот велел передать ему: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пушу; а тебе, послу, путь чист». Михаил был вынужден бежать в Литву за помощью. Пережив Литовщину, Дмитрий Иванович снова пошел к Мамаю, и возвратил себе великое княжение [307, с. 223; 306, с. 306].

Борьба между Михаилом Тверским и Дмитрием Московским продолжилась. Фактически в этот период ярлык превратился в формальность, так как великим князем становился тот, кого больше поддержали на Руси и у кого было больше войск. В этой ситуации Дмитрий Иванович сначала разорвал связи с Мамаем. «Въ лето 6882 (1374), а князю великому Дмитрею Ивановичу Московскому бысть розмирие съ Татары и съ Мамаемъ, а у Мамаю тогда в Орде бысть мор великъ» [305, с. 3]. При поддержке большинства русских князей в 1375 году Дмитрий Иванович одержал победу над Михаилом Тверским. Тогда же началось открытое противостояние Мамаю и Дмитрия, которое закончилось лишь в 1380 году Куликовской битвой [349, с. 395–397].

Таким образом, мы можем отметить, что в ходе Великой Замятни, когда военный потенциал Золотой Орды сильно снизился, русские князья постепенно вышли из-под влияния ханов и начали самостоятельную политику.

Междоусобица в Золотой Орде. Средневековая миниатюра

руки этого Сейид-Ата и дал ему свою дочь. После трех лет правления он снова вернулся к прежним обычаям и был из-за этого убит» [351, с. 130].

Р. Ю. Почекаев считает, что Азиз-хан правил с 1363 по 1367 год [311, с. 376]. Данное предположение подтверждается и русской летописью, где упомянуто, что зимой 6872 (1365) года «приде изъ Орды князь Василеи Дмитревичъ Суждальски отъ царя Азиза» [306, л. 293].

Нет никаких упоминаний о боевых столкновениях между Азизом и Мамаем, более того, в 765 году хиджры (1364 году) монеты Азиза чеканились даже в Азове, который был подконтролен могущественному темнику. Конфликт произошел между русскими князьями, каждый из которых имел ярлык от Абдуллы или Азиза, Мамай и Азиз не вступили в схватку. При этом на своей территории Азиз жестко наводил порядок. Например, в 1367 году он убил Булат-Темира [305, с. 5; 306, с. 78–86], совершившего неудачный набег на Нижний Новгород. Этот город находился под властью Дмитрия Константиновича, который, как и его покровитель, московский князь Дмитрий Иванович, в этот период ориентировался на Мамаю. Таким образом, стоит отметить, что в период правления Азиза взаимоотношения между «Мюридовой Ордой» и «Мамаевой Ордой» как минимум не перетекали в фазу открытых боевых действий.

Интересна привязка имени Азиз-хана к известному проповеднику ислама в Золотой Орде — Сейид-ате. В «Анониме Искандера» упоминается, что Азиз-шейх установил скверные обычаи, но под влиянием потомка Сейид-аты отказался от них. Когда через три года он попытался вернуться к ним, то был убит. Ключевым фактором здесь является возвращение Азиз-шеиха к скверным обычаям.

Ю. Е. Варваровский предположил, что Азиз-шейх был ликвидирован в результате заговора ак-ордынской знати за то, что не проявил твердой ориентации в выборе между интересами военно-кочевой и городской аристократии [55, с. 84]. С учетом того, что фактор исламизации играл не последнюю роль во взаимоотношениях военно-кочевой и городской аристократии, данное предположение, безусловно, имеет право на жизнь.

Азиз-шейх — хан Золотой Орды с сентября 1365 по 1367 год. Правил в период напряженной междоусобной борьбы за власть в Орде. Одним из основных ее участников был Мамай, поддерживавший хана Абдуллаха (сам Мамай не был Чингизидом и не мог занять ханский трон). Мамай имел твердую опору в западных районах Орды. Претенденты, захватившие Сарай, обычно подвергались интенсивным атакам конкурентов и не могли удерживать его долго. В 1361 году хан Мюрид выбил Мамаю и Абдуллаха из столицы и закрепился в Поволжье. Он сохранил подчинение русских княжеств Орде, выдав ярлык на великое княжение юному московскому князю Дмитрию Ивановичу. Но осенью 1364 года Мюрид был убит в результате заговора, во главе которого стоял его беклярбек Ильяс.

В смуте, последовавшей за его гибелью, повторно пытался захватить столицу Пулад, но тут в схватку за престол вступили Азиз-Шейх и Пулад (Деулиулах) Ходжа, потомок Тука-Тимура, который захватил трон, но в свою очередь в начале сентября 1365 года был сменен Азиз-шейхом. Мамаю удалось организовать заговор против Азиз-Шейха, в 1367 году он был зарезан прямо в постели. Официально причиной убийства объявили установление «скверных обычаев», за которые его порицал влиятельный представитель мусульманского духовенства Сайид-Ата и которые хан пообещал отменить, но не сдержал обещания. Однако очевидно, что за заговорщиками стоял Мамай, так как хан Абдулах после убийства Азиз-Шейха без сопротивления вступил в Сарай и повторно был провозглашен ханом.

Азиз-Шейх убивает Булат-Темира. Страница Лицевого летописного свода

Ильбек-хан, Каганбек, Арабшах. Деятельность этих трех ханов следует рассматривать в комплексе, так как они являлись близкими родственниками. Генеалогически все трое являются потомками Бахадура, сына Шибана [28, с. 348; 351, с. 55; 369, с. 34]. Ильбек (Айбек) пришел к власти в 1375 году, затем его сменил его сын Каганбек (Каанбай), а в 1377 году в Новом Сарае воцарился Арапша, изгнав оттуда Каганбека [88, с. 45–46; 311, с. 377]. История этих ханов пришлась на период значительного усиления тукатимурида Урус-хана. Борьба в этот период между ханами шла особенно ожесточенно. Даже русская летопись за 6881 (1373) год пишет: «Того же лета в Орде заметня бысть, и мнози князи Ординския межи собою избиени быша, а Татар бесчисленно паде; тако убо гнев Божий прииде на них по беззаконию их» [305, с. 19].

Приход к власти Ильбека, Каганбека и Арабшаха был тесно связан с событиями, происходившими в Улусе Шибанидов. Согласно источникам, у Минг-Тимур-хана, потомка Бахадура, сына Шибана, было несколько сыновей, в том числе Эльбек (Ильбек) и Пулад [369, с. 34]. Махмуд бен Вали так описывает данные события: «На небосводе государства у него находилась сверкающая звезда,

именуемая Минг-Тимур-ханом. Когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута [взмахом] края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принял за управление важными делами людей. Благодаря помощи и счастливому содействию хана эпохи (то есть бога) многие важные дела были им счастливо завершены, и он вступил на черту завоевания и овладения многими странами. У него было шесть сыновей в таком порядке: Ибак, его мать была дочерью Джандибека из потомков Самана, а он происходит от Бахрам Чубина; пять других его сыновей — Джанта, Пулад, Суйунч-Тимур, Тутка, Бек-Хаванди — происходят от наложницы. Ибак имел четырех сыновей: Илйаса, Таваккул-ходжу, Уч-Куртку, Ка'ан-бая... Что касается Пулада, сына Минг-Тимур-хана, то он после кончины своего великого родителя поставил ногу на трон владычества [и] занялся разрешением важных дел рода человеческого. У него было два сына: один — Ибрахим, который известен [под именем] Аба-оглана, а другой — Арабшах. Аба-оглан, имя которого было Ибрахим, после смерти своего отца, Пулада, поднял знамя религии и государства; [в соблюдении] обычаев правосудия и справедливости он не пренебрег даже мелочью» [28, с. 349].

Таким образом, мы можем предположить, что после смерти Минг-Тимур-хана, власть в Улусе Шибана перешла не к Ибаку (Ильбеку), который был старшим сыном, имел знатное происхождение по линии как Чингизидов, так и Саманидов, а к сыну наложницы — Пуладу. Причины этого не совсем ясны, но в результате Ильбек принял активное участие в событиях в Улусе Батуидов. Однако власть у него, судя по нумизматическим источникам, перехватил его сын Каган-бек (Каан-бай), после чего Ильбек исчез с исторической арены. Каган-бека, в свою очередь, из столицы изгнал Урус-хан, потомок Тука-Тимуридов, чья деятельность довольно широко освещена в восточных источниках («Книга побед» Низам-ад-дина, «Аноним Искандера», «Чингиз-намэ»). В 1377 году Каган-бек снова сумел вернуть столицу.

Примерно в это же время умер Пулад, правитель Улуса Шибана, и улус возглавил один из его двух сыновей — Аба-оглан (Ибрахим). Второй сын, Арабшах (Арапша), вступил в борьбу за престол в Но-

Пулад или Булат Салтан (татарский хан 1407–1410 гг.). Страница Лицевого летописного свода

вом Сарае, возможно, изначально поддерживая своего двоюродного брата Каан-бая. Вполне допустимо, что к этому времени Шибаниды выработали единую родовую политику по вопросу власти в Орде.

В «Повести о побоище на реке Пьяне» указано: «В год 6885 (1377). В этом же году перешел из Синей Орды за Волгу некий царевич по имени Арапша, и захотел он пойти ратью на Нижний Новгород... А в то самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамаевой Орды на князей наших. В том же году пришел прежде названный царевич Арапша, и повоевал, и пожёт тогда Заурусье» [63, с. 152–153]. Таким образом, сам Арапшах только лишь собирался идти на Нижний

Новгород, в это время мамаевы отряды разгромили русских на реке Пьяне, а сразу за этим Арапшах совершил поход на Засурье [312, с. 321–322, прим. 419].

При этом по утверждению Утемиша-хаджи, Араб-оглан выступил в дальнейшем союзником Токтамышша [383, с. 118]. В 781 году хиджры (1378–1379) Арапшах, исходя из данных нумизматики, прекратил чеканку своих монет [88, с. 48], уступив власть новому хану. После смерти Мамая, когда власть Токтамышша была признана во всем Дешти-и-Кипчаке, именно Арапшах из всех Шибанидов получил кочевья на правом крыле, был посажен рядом с новым ханом, а затем получил «весь народ, принадлежавший Шайбан-хану» [383, с. 118].

Шибаниды и Токтамыш

Смута 1360–70-х годов в Золотой Орде, вызванная прекращением правящего рода Батуидов, вывела на политическую авансцену потомков других линий Джучидов, среди которых активными были и Шибаниды. Они, как и остальные Джучиды, имели полное право занять трон в Сарае, и в течение двадцатилетней смуты им удавалось заявить о себе не раз. Но победителем стал Токтамыш из рода Тука-Тимуридов. О причинах того, почему Шибаниды поддержали Токтамышша и не воспротивились Тука-Тимуридам, уже высказывалась версия [247]: по тюрко-монгольской традиции, младшие сыновья являются хранителями «семьи», и поэтому после прекращения старшего рода Багуидов среди Джучидов первыми по рангу стали потомки Тука-Тимура.

Скудость информации в источниках не позволяет рассмотреть многие аспекты, как смуты, так и прихода к власти Токтамышша, однако неизвестно, чтобы Шибаниды как-то противостояли Токтамышшу. В «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи рассказывается, что Токтамышш обратился за помощью к главе рода Шибанидов Каганбеку, который в это время объявил себя ханом. Однако, как сообщает Утемиш-хаджи, Каганбек не помог Токтамышшу, но и мешать не стал, хотя, как объявивший себя ханом должен был рассматривать Токтамышша своим

Битва на реке Пьяне. 1377 год. 2 августа на реке Пьяне русское войско было захвачено врасплох и разбито ордынцами под предводительством царевича Арапшаха Музаффара (Арапши). Победа помогла монголам разорить Нижегородское княжество и взять Рязань

Битва на реке Пьяне. Страница Лицевого летописного свода

Токтамыш. Источники, сообщающие о родословии Токтамыш-хана, единодушны в том, что он был сыном Туй-ходжи-оглана [373, с. 61, 131, 211, 214], который являлся эмиром улуса Тукай-Тимуридов. «Аноним Искандера» и Мухаммед Гаффари сообщают очень важную информацию о том, что мать Токтамыша была Куй-Кичик (по «Анониму Искандера» — Кутан-Кунчек) из племени кунграт [Там же, с. 132, 211]. Как известно, эмиры из племени кунграт были влиятельны в Золотой Орде. Династия Суфи, правившая во время смуты в Хорезме, также принадлежал этому роду. Кроме того, среди сарайских эмиров кунграты были самыми влиятельными. Безусловно, такое положение помогло Токтамышу в его борьбе за власть. Ни в представленных родословиях, ни в исторических сочинениях дата рождения Токтамыша

не указывается. На основе косвенных данных мы предположили, что примерным годом рождения Токтамыша был 1350-й. К 1380 году Токтамыш-хану должно было быть около 30 лет [249].

Муин ад-дин Натанзи говорит, что Токтамыш, после того как подчинил себе правителей пограничных областей, «тех из них, кого он нашел пригодным оставить при себе, удержал, тех, которых нашел пригодным для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил» [373, с. 132–133].

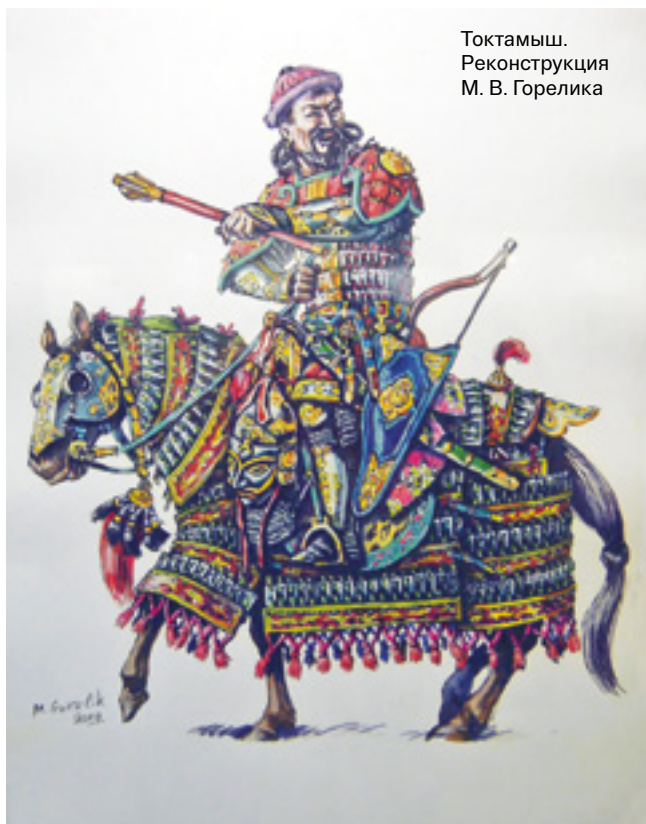
Ибн Арабшах говорит, что Токтамыш «был свирепого нрава» [372, с. 458], подразумевая под этим его как сильного самодержца. «Аноним Искандера» говорит, что Токтамыш «был очень храбр в сражениях» и что «он был царем способным, храбрым, с хорошим обращением, красивым. Справедливость и хороший характер его

общеизвестны» [373, с. 132, 135]. Клавихо отмечает, что Токтамыш «император

Тартали, могущественный и доблестный человек» [370, с. 340]. Татарская

Осада Токтамышем Москвы. Великая Замятня. 1382 год. Страница Лицевого летописного свода

Токтамыш. Реконструкция М. В. Горелика

Разорение Токтамышем Москвы. Великая Замятня. Страница Лицевого летописного свода

знать называла Токтамыша «великим и справедливым султаном» [349, с. 398].

Токтамыш выдвинул идею о возвращении Золотой Орды к временам Узбека и Джанибека, о возвышении правящего рода Чингисхана. Ему пришлось бороться и проигрывать, но его идея находила все новых и новых сторонников. В итоге он начал побеждать тогда, когда «весь улус Джучиев требовал Токтамыш хана» [373, с. 150].

Его противостояние против эмира Тимура привело к тому, что после двух крупных сражений Золотая Орда была разорена армией Тамерлана. В страну вернулся политический кризис, и он уже не мог удержать власть. Главным его соперником стал Идегей, представитель «черной кости», против которой он так безудержно боролся. Но мир менялся, все Чингизидские государства к тому времени прекратили свое существо-

вание. Идегей правил через подставных ханов. Одной из главных своих задач они видели именно ликвидацию Токтамыша, но, судя по дальнейшим событиям, продолжили его идеологию. Идегей и его ханы также старались покончить со смутой и возродить Улус Джучи, как во времена Узбека и Джанибека, великих ханов недавнего прошлого. Ибн Арабшах говорит о 15 сражениях между Идегеем и Токтамышем [373, с. 470]. Шадибек и Идегей контролировали основную территорию Улуса Джучи. Поэтому у них было больше людских ресурсов. Но все же победа над Токтамышем досталась нелегко. В сочинении Ахмеда Деде «Мунеджим-Баши» говорится, что в «807 г. х. (10.VII.1404 — 28.VI.1405) Токтамыш умер в окрестностях Тюменя» [94, л. 123]. Русские летописи отмечают, что зимой 1406 года Токтамыш был убит

в Сибири Шадибек-ханом [298, с. 94; 300, с. 425; 301, с. 276]. Скорее всего, это произошло в начале

1406 года. Токтамыш-хану должно было быть в конце 1405 года примерно 55 лет.

конкурентом. А вот другой Шибанид, Арабшах, как сообщает Утемиш-хаджи, поддержал Токтамыша [383, с. 117–118]. Все это указывает на то, что в среде Шибанидов уже тогда к Токтамышу и его призывам и идеологии относились с уважением, и поэтому Токтамыш, несмотря на свои неудачи и поражения, находил поддержку и мог начинать заново свою борьбу. Безусловно, если бы не было бы такой поддержки от сильных кланов и родов, вряд ли Токтамыш мог бы одержать победу, только опираясь на свой небольшой эль. И у нас есть все основания считать, что Шибаниды были основной опорой Токтамыша.

Судя по сообщению того же Утемиша-хаджи, после победы Токтамыш поставил во главе Шибанидов Арабшаха. Но и Каганбек не был уничтожен, он просто получил эль в не совсем удобном месте, показывающий, скорее, его ранг в политической иерархии Золотой Орды. Согласно Утемишу-

Токтамыш на престоле. Из Лицевого летописного свода

Хан Токтамыш дает ярлык. 1570-е годы. Лицевой летописный свод

Хаджи, Каганбек летоовал в местности Кокедей, предварительно отождествляемой с территорией Западной Сибири или Северным Казахстаном. Однако после победы Токтамыш дал этому правителю «место в устье Тана» (Тана — современный город Азов Ростовской области).

Таким образом, между Токтамышем и Шибанидами была какая-то явная и особая связь. Получается, что Каганбек не опасался Токтамыша, просто, насколько позволяет судить сообщение «Чингиз-наме», он не совсем верил в реализацию идей Токтамыша и был не готов выступить против «черного человека» Мамай. Но Токтамышу поверили другие Шибаниды и, более того, стали ему открыто помогать. То же самое можно сказать и про Токтамыша: когда он пришел к власти, то не стал убивать Каганбека, не опасаясь его, а просто пожаловал ему кочевья и оставил в покое. И Каганбек в будущем действительно не выступил против Токтамыша. Подобного нельзя сказать о взаимоотношениях

Токтамыша с теми же потомками Урус-хана, хотя они и были из рода Тука-Тимуридов.

Токтамыш был деятельным правителем и, борясь со смутой, понимал, что явных конкурентов из Джучидской линии он не может оставлять в живых. Однако источники фиксируют довольно странную ситуацию. Объявлявший себя ханом и чеканивший монеты от своего имени Каганбек не поддержал нового претендента, хотя Арабшах, также объявивший себя ханом, все же стал на сторону последнего. Сложилась весьма интересная ситуация: добившись власти, Шибаниды добровольно уступили ее другому претенденту.

Шибаниды контролировали огромные территории, однако потенциал этих территорий явно уступал остальным землям Улуса Джучи. Так, согласно Абулгази, шибаниды Арабшах и Ибрагим, «вместе в одной земле и кочевали, и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра, они с приятностью провели свой век». Мож-

Междоусобица – Великая Замятня. Иллюстрация из рукописи «Джами ат-таварих». XIV век. Берлин, государственная библиотека

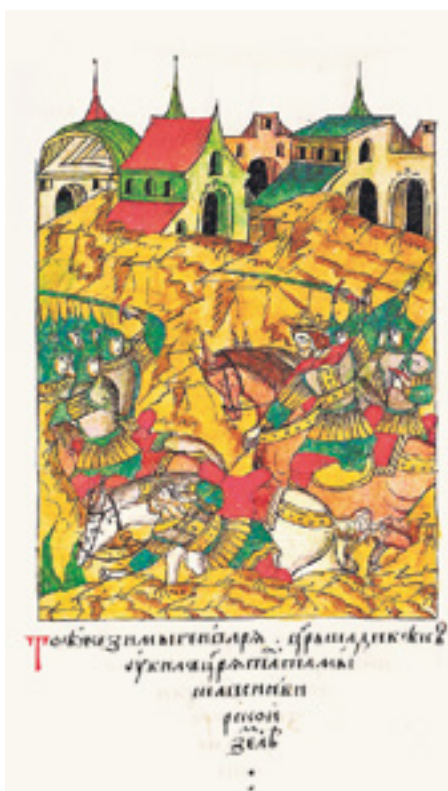
но полагать, что царевичи владели значительными территориями от Урала до Аральского моря. При этом на основной территории Улуса Шибанидов не было больших городов, более того, там не чеканились монеты, что указывает на то, что здесь обходились монетами, поступающими из других регионов государства. Население вело более традиционный образ жизни, заключающийся в добыче пушнины и разведении скота. Поэтому претендентов из Шибанидов на золотоордынский трон сложно вычленивать, так как в источниках мало информации. А монеты они могли чеканить, только если захватывали города, где до этого уже была традиция денежной эмиссии. Представители этой династии с первых дней были вовлечены в смуту. В частности, среди первых ханов смуты может быть назван Хызр. Из Шибанидов в смутное время были ханами Хызр (?), Мюрид (?), Тимур-ходжа (?), Ильбек (Алп-Ходжа), Каганбек (Каанбай), Арабшах [55, с. 77–93], некоторые из них претендовали и на сарайский престол, где печатали монеты. Достаточно интересным выглядит сообщение арабского летописца Мустафы ал-Дженнаби, который утверждает, что «после смерти великого царя Джанибека... стали усиливаться смуты и неурядицы между эмирами, и разделились голоса въ Дешть-Кипчаке. Одни были за Урусхана... другие за Токтамыш-хана, а некоторые за Абаварабоглана (Абу Араб оглана, Арабшаха)» [372, с. 537]. Возможной причиной передачи ими власти в пользу Токтамыша была идеологическая. В отличие от Урус-хана, который хотел объединить Улус Джучи, и Токтамыша, выдвинувшего величие династии Джучидов и желание вернуть Золотую Орду к временам правления великих ханов Узбека и Джанибека, у них не было своей идеологии.

Являясь главными поставщиками пушнины на международные рынки, Шибаниды были крайне заинтересованы в нормализации экономической жизни и понимали, что нужно прекращать смуту. Поэтому им была близка идеология Токтамыша, призывающего Джучидов выступить против представителей «черной кости», прежде всего Мамай, и, надо полагать, сарайских эмиров. Ведь практически в 1370-е годы Джучиды потеряли центральные территории, где фактическим правителем был беклярибек Мамай. Поэтому призыв Токтамыша

выступить единым фронтом против «черной кости» был поддержан Шибанидами, хотя и не сразу. Именно во время первого обращения Токтамыша к Шибанидам Каганбек провел совет, где представители этой династии отказались идти против Мамай [383, с. 117].

Куликовская битва.
Миниатюра

Битва Токтамыша с эмиром Едыгеем и ханом Женибеком. Смерть Токтамыша (под Тюменью). 1406 год. Архангелогородская летопись

Однако этот же призыв к Джучидам выступить «единым фронтом» позволил Токтамышу получить поддержку Шибанидов в лице Арабшаха. При этом Шибаниды сохраняли единство своего улуса и, более того, единство всего рода, что не фиксируется для других линий Джучидов. Как известно, Тука-Тимуриды не смогли сохранить единство своего рода, хотя Урус-хан и стремился к этому. Но не все родичи поддержали его.

Как утверждает Утемиш-хаджи, впоследствии за помощь Токтамыш пожаловал Арабшаху «народ, принадлежавший Шайбан-хану» [383, с. 118], то есть Улус Шибанидов. Все это показывает, что между Токтамышем и частью рода Шибанидов была договоренность, именно поэтому Токтамыш и не опасался отстраненного от власти Каганбека, так как низверг его с помощью самих же Шибанидов и был уверен, что Шибаниды будут на его стороне, а не станут бороться за власть, тем самым продолжая смутные года.

С воцарением Токтамыша все изменения в обществе, которые шли стихийно, должны были получить свою завершенность. Токтамышу нужны были верные слуги и большие финансовые средства. Поэтому, с одной стороны, Токтамыш поддерживал старых феодалов, которые имели иммунитетные права, а с другой — активно раздавал суюргалы новым феодалам. Вероятнее всего, подтвердительные ярлыки отличались от предшествующих тарханских ярлыков еще и предоставляемыми полномочиями.

Во главу улусов были назначены сторонники Токтамыша. Но большие изменения все же были характерны для центральных областей. Как мы видим, в последующие годы в поздней Золотой Орде и татарских ханствах главными правящими родами были многочисленные потомки родственников Токтамыша, а из кланов были те роды, которые выдвинулись при нем. При этом в Улусе Шибанидов все осталось по-прежнему. Их сплоченная семья в своем улусе никогда не теряла власти, сохраняя ее и при Токтамыше, и после него.

Программа государственного восстановления и возвращения к великим временам Узбека и Джанибека, объявленная Токтамышем, отвечала чаяниям Шибанидов. Они увидели в Токтамыше лидера. Писавший по заказу Шибанидов Средней

Азии Утемиш-хаджи в своем сочинении как раз и говорит об том, что у Токтамыша «был замечен царственный фарр» [383, с. 113–114]. В персидской традиции под этим понимали «божественное благословение, небесное избранничество, харизму правителей». Все это показывает, что потомки Арабшаха помнили Токтамыша и продолжали считать его одним из великих правителей Улуса Джучи. Когда к власти пришел Токтамыш и провел реформы, на некоторое время в стране установился порядок. Шибаниды возвратились к мирной жизни и могли поставлять на рынок пушнину.

Безусловно, после смуты нужно было возвращать Золотую Орду в международную жизнь, восстанавливать утраченные связи. Тем более и мир изменился. Прежде всего, были разрушены как политические, так и торговые связи в масштабах всей Евразии. За эти годы перестала существовать основанная Хубилаем, внуком Чингисхана, империя Юань, которая была поставщиком большого количества товаров и конечным пунктом трансконтинентальной торговли. Теперь новые правители Китая закрывали страну. Практически за этот период прекратили существование все Чингизидские государства. Именно благодаря установлению власти Чингизидов на огромной территории Евразии в течение двух веков успешно и безопасно функционировал Северный торговый путь в системе так называемого Шелкового пути, проходящий по территории Улуса Джучи. На первый план выходил Южный путь этой торговли, которая не затрагивала территорию Золотой Орды. Более того, ее хотел укрепить и объединить на большом ее протяжении самаркандский эмир Тимур.

Боровшийся в Золотой Орде против «черной кости» Токтамыш теперь часто напоминал, что он потомок Чингисхана, о чем красноречиво говорится в татарском эпосе «Идегей», где Токтамыш вопрошает у своего окружения: «Разве я сам — не Чингиз, разве не владыка владык?» [116, с. 12]. В мире теперь из потомков великого завоевателя только он был ханом. К этому времени уже не было монгольских хаганов, коими до конца своего существования считали себя правители империи Юань. Токтамыш, победивший представителей «черной кости» в Улусе Джучи, считал остальных правите-

Эмир Тимур (Тимур ибн Тарагай Барлас) известен по татарским и русским летописям как Аксак Тимур (Аксак Темир), по персидским источникам — как Тимурленг, по европейским — как Тамерлан (и тюркское «аксак», и персидское «ленг» означали «хромой» и употреблялись как оскорбительное прозвище). Родился в 1336 году в селении Ходжа-Ильгар (современный Шахрисабз в Узбекистане) и скончался во время похода в Китай в начале 1405 года в Отраре (современный Казахстан). Участвуя в политической смуте в Чагатайском улусе, который распался на два отдельных государства (Мавераннахр и Могулистан), вначале на стороне правителя Могулистана, а затем на

стороне Западного чагатайского улуса эмира Хусейна, возвысился и сумел основать так называемую империю Тимуридов. Столицей своего государства Тимур выбрал Самарканд, где в последующем и был похоронен в специально построенном мавзолее Гур-эмир. Тимур происходил из племени барлас, поэтому не мог носить ханский титул, а был лишь эмиром и гурганом, то есть «зятем» (в данном случае на Востоке гурганами называли тех, кто был женат на Чингизидке). Поэтому в источниках его часто называют Тимур-гурганом. Ханами при эмире Тимуре считались Чингизиды Суюргатмыш-хан (1370–1388), а затем его сын Махмуд-хан (1388–1402).

Его панегирики посвятили ему не одно историческое со-

чинение, где возвеличивали как его самого, так и его деяния, в том числе и оправдывая его жестокости во время

походов и усмирений восстаний. Безусловно, он был отважным и дальновидным полководцем. Его борьба за

Тамерлан и его двор.
Персидская миниатюра

Тамерлан.
Реконструкция
М. М. Герасимова

Тимур на пиру
в Самарканде.
Средневековая миниатюра

власть с юности воспитала в нем умение принимать верное решение в трудных ситуациях и быть, прежде всего, талантливым организатором.

Изучавший его останки М. М. Герасимов подтвердил, что Тимур на самом деле был хромым: кости его правой ноги в районе коленной чашечки имели дефект в результате полученного ранения.

После объединения Мавераннахра Тимур начал завоевательные войны против Могулистана, Золотой Орды, бывшей территории государства Ильханов в Иране, против Османской империи и мамлюкского Египта. В 1391 и 1395–1396 годах Тимур дважды совершил вторжение на территорию Золотой Орды против хана Токтамыша. Первый раз он

разбил Токтамыша в битве на реке Кондурче (1391), второй раз — на реке Терек (1395). В 1398–1399 годах он совершил грабительский поход в Индию, к концу

своих дней намеревался совершить поход в Китай с целью захвата оставшейся части Великого шелкового пути, однако в феврале 1405 года скончался.

Сражение армий Тимура и Токтамыша. Зафарнаме. Шерифетдин Али Иезеди. 1628 год

Поход Тимура. 1391 год

Поход Тимура. 1395 год

лей в постчингизидском мире «черной костью», а себя — хаганом всего Чингизидского мира, то есть ханом ханов. Теперь он был против «черной кости» в лице Аксак Тимура, многочисленных правителей развалившегося государства Ильханов. Поэтому его противостояние с эмиром Тимуром было неизбежно. Анализируя время правления Токтамыша и его противостояние с Тамерланом, понимаем, что Шибаниды не выступали против планов Токтамыша и, более того, активно поддерживали его. Во время войны Токтамыша с Тимуром, возможно, именно из-за Шибанидов Тимур решил напасть на Золотую Орду с востока. Его первый удар пришелся по территории владений Шибанидов, поскольку во время битвы на Кондурче в 1391 году, проходившей, вероятно, в западной части современной

Эмир Тимур побеждает Золотую Орду и его воинов во главе с Тохтамышем. Персидская миниатюра

Битва при Кондурче — крупное сражение, состоявшееся 18 июня 1391 года между войсками Тимура и золотоордынской армией хана Тохтамыша на берегу реки Кондурчи (территория современной Самарской области). Сражение завершилось полным разгромом Тохтамыша и его бегством за Волгу, а затем в Литву. В начале сражения многочисленные ордынские войска пытались охватить противника с флангов, однако все атаки ордынских воинов были отбиты, а затем армия Тамерлана перешла в контрнаступление, мощной фланговой атакой опрокинула ордынцев и преследовала их на протяжении 200 верст до берегов Волги. Ордынцы были прижаты к берегу. Битва была невероятно ожесточенной и сопровождалась невиданным кровопролитием. Ордынцы были наголову разбиты, однако Тохтамышу удалось спастись. Он бежал в неизвестном направлении. Некоторое время о Тохтамыше ничего не было слышно, видимо, он скрывался где-то в северных частях болгарского улуса. Некоторые историки считают, что поражение на Кондурче сильно подорвало могущество Золотой Орды и создало предпосылки для освобождения Руси от монголо-татарского ига. Однако в сражении была разгромлена лишь армия, но не Орда, чей людской потенциал был по-прежнему огромен. Вскоре Тохтамыш восстановил свою власть над ней и собрал еще одну огромную армию.

В 1395 году армии Орды и Тимура сошлись в еще более кровопролитной битве на Тереке. Поражение в ней и последовавшее уничтожение многих золотоордынских городов стало концом правления Тохтамыша. Закат Золотой Орды продолжился.

Битва на Тереке — крупное сражение, состоявшееся 15 апреля 1395 года между войсками эмира Тимура (Тамерлана) и золотоордынской армией хана Тохтамыша.

Грандиозное по масштабам сражение завершилось полным разгромом ордынцев.

Несмотря на катастрофическое поражение золотоордынских войск хана Тохтамыша на реке Кондурче в 1391 году, хан все еще располагал большими силами и ресурсами, что сделало возможным новое выступление против эмира Тамерлана. Специально для этого Тохтамыш даже установил союзнические отношения с мамлюкским Египтом, над которым также нависла угроза завоевания Тимуром, а также Литвой (в 1393 году ханские послы были в Кракове на приеме у великого князя литовского и польского короля Ягайло). Захватив Дербент, войско Тохтамыша двинулось навстречу войскам Тимура. Они встретились по обеим сторонам Терека.

В самом начале битвы, когда сражение кипело еще не на всех участках фронта, на левый фланг армии Тамерлана обрушился удар крупных сил золотоордынцев. Положение было спасено контрударом 27 отборных кошунов (подразделений численностью 50–1000 человек) резерва, которыми предводительствовал сам Тимур. Ордынцы отступили, и многие воины из тимуровских кошунов начали преследовать обратившегося в бегство противника. Вскоре ордынцы сумели собрать и сконцентрировать разрозненные силы, нанеся противнику мощный контрудар. Тимуровские воины, не выдержав напора ордынцев, начали отступление.

В это же время канбул левого фланга ордынской армии потеснил кошуны

правого фланга тимуровской армии под командованием Хаджи Сейф-ад-Дина, смог обойти их с фланга и окружить. Попав в окружение, войска Сейф-ад-Дина стойко оборонялись от ордынцев, героически отбивая многочисленные атаки врагов. Конные атаки подоспевших к месту боя Дженаншах-багатура, мирзы Рустема и Умар-шейха решили исход сражения на этом участке битвы. Ордынцы, не выдержав натиска противника, дрогнули и побежали. Тимуров-

ские войска, развивая успех, опрокинули левый фланг армии Тохтамыш-а. Одерживая победу на каждом участке боя, Тимур вскоре ценой больших усилий сумел добиться победы. Один из эмиров Тохтамыш-а, поспорившись с другим эмиром, покинул поле боя вместе со своим племенем, что ослабило армию Тохтамыш-а и способствовало победе Тимура. Вскоре войско Тохтамыш-а, находившееся в полной дезорганизации, обратилось в паническое бегство.

Битва армий Тимура и Тохтамыш-а.
Персидская миниатюра

Оренбургской области, на стороне Токтамыш-а участвовали Шибаниды Али и Ченте, о чем сообщает придворный историк Тимура Шараф ад-дин Йазди.

После сражения на Ворскле в 1399 году Токтамыш потерял всякую власть в Золотой Орде и скрылся в Западной Сибири, на северных окраинах Улуса Шибанидов, где нашел поддержку, а также установил, по сообщению Йезди, дипломатические отношения с Тимуром, обещавшим вернуть его на золотоордынский престол. Его дальнейшему преследованию помешала смерть нового ордынского хана Тимур-Кутлука, который был убит в ходе заговора могущественного Идегея (Эдигея, Эдигея), до этого приведшего данного хана к власти. На его место был возведен его младший брат Шадибек. Токтамыш был зажат в Западной Сибири и блокирован там. Хотя Токтамышу и удалось продержаться в Сибири до 1405 года, правители Улуса Шибанидов в дальнейшем, видимо, признали Идегея и его ханов.

То, что при этом Токтамыш также нашел убежище в Улусе Шибанидов, говорит о том, что здесь он продолжал получать какую-то существенную поддержку. Скорее всего, Шибанидам пришлось балансировать между борющимися за власть Токтамышем и его противниками. Учитывая тот факт, что оба лагеря на глазах распались на все большее и большее число групп, Шибанидам нужно было договариваться с теми, кто был в данный период сильнее. Тем самым Шибаниды прочно держали власть в своем улусе и старались активно не участвовать в междоусобной войне. Хотя в самом Улу-

Камень о победе Тимура над Тохтамышем

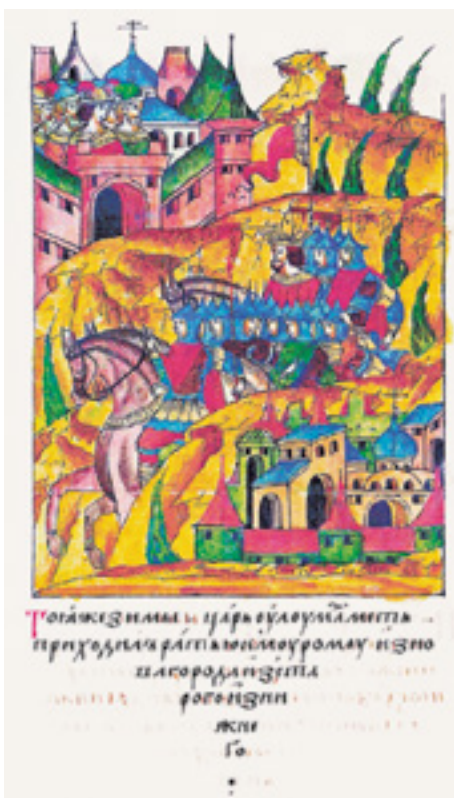
се Шибанидов в дальнейшем также будет происходить борьба за верховенство и своя, местная борьба против «черной кости» Тайбугидов, все же в период Токтамыша и его борьбы с Идегеем Шибаниды еще были едины. В дальнейшем беи Ногайской Орды признавали ханами, хотя и номинально, именно представителей этой династии. Все это показывает, что Шибаниды до последнего поддерживали Токтамыша, но вместе с тем они признали и ханов, поднятых на трон благодаря поддержке Идегея, и в последующем Шибаниды были тесно связаны с его

потомками. Вполне возможно, что именно после признания Шибанидами власти Шадибека Токтамыш остался без сильной поддержки и продержался только благодаря тому, что скрывался в труднодоступных землях Западной Сибири. Ко времени гибели Токтамыша Шибаниды уже явно были на стороне хана Шадибека. Впоследствии они сами возглавили Мангытский юрт, история которого началась практически после гибели Идегея, когда занявший его место Мансур возвел на трон шибанида Хаджи-Мухаммада.

Битва на Ворскле — крупное сражение, состоявшееся 12 августа 1399 года между объединенным войском Великого княжества Литовского и его русскими, польскими и немецкими союзниками под командованием князя Витовта, с одной стороны, и войсками Золотой Орды под командованием хана Тимур Кутлуга и эмира

Едигея — с другой. Одно из крупнейших сражений XIV века в Восточной Европе. Завершилось решительной победой татарской армии и полным разгромом литовского войска. Итогом битвы стало укрепление позиций Ягайло, вследствие чего в Великом княжестве Литовском усилилось польское влияние.

«В ту же зиму царь Улу-Махмет приходил с войском к Мурому из Старого Новгорода». Страница Лицевого летописного свода

Хаджи-Мухаммад (? — 1423 или 1427) — представитель династии Шибанидов, первый хан Узбекского ханства (1420–1423 или 1427). Стал последней кандидатурой могущественного темника Едигея, выбранной им в качестве марионеточного хана Золотой Орды при своей персоне. Союз был заключен накануне боев Едигея с Кадыр Бирди-ханом, сыном его заклятого врага Токтамыша. В ходе сражений на Яике в 1419–1420 годах погибли оба противника — как Едигей, так и Кадыр Бирди. Однако Хаджи-Мухаммад свою часть соглашения выполнил: он вместе с войском воевал на стороне Едигея. Поэтому возглавивший после гибели темника род мангытов князь Мансур реализовал обещание отца и провозгласил Хаджи-Мухаммада ханом. В ответ новоявленный хан сделал Мансура своим беклярбеком, то есть продолжилась начатая Едигеем традиция иметь при хане мангытского беклярбека. В западной части Улуса Джучи в это время (1421–1422) развернулась война между провозглашенным в Крыму ханом Улу-Мухаммедом, его двоюродным братом Худайдатом и внуком Урус-хана Бараком. Царевича Барака поддерживал султан Мавераннах

Улугбек, к которому Барак обратился в 1419 году. Улугбек хотел повторить комбинацию Тимура, поддержавшего в борьбе за престол Золотой Орды Токтамыша.

В 1423 году потерпевший поражение на западе Барак вернулся на земли Хаджи-Мухаммада. Известно, что беклярбек Мансур предал хана и перешел к своему родственнику по матери Бараку, Хаджи-Мухаммад был убит. Есть версия, что Мансур и Хаджи-Мухаммад вместе сражались против Барака и пали одновременно. По крайней мере, нет достоверных данных о гибели Хаджи-Мухаммада именно в 1423 году. В этом случае факт смерти Хаджи-Мухаммада надо датировать более поздним сроком — 1427 годом, когда был казнен Мансур.

Границы улуса Хаджи-Мухаммада можно определить очень приблизительно. Так, согласно А. З. Валиди, полная версия «Чингизнаме» сообщает о владениях Хаджи-Мухаммада следующее: «Шейбанид Хаджи-Мухаммед хан ибн Гали был великим падишахом во всех вилаятах, [завоевав] башкир, алатыр, мукши и город Болгар [с окрестностями], а также известностей под именем мангытских поселений город Туру».

Борьба Шибанидов за власть над улусом в начале XV века

Ногаи и Тукатимуриды во владениях Шибанидов. Первая четверть XV века является одним из самых «темных» времен в истории Шибанидов и их владений. Источники фиксируют лишь отдельные события этой эпохи, связь между которыми не всегда ясна. Например, одной из тенденций этого времени было постепенное продвижение представителей Шибанидов к северу. Оно могло быть спровоцировано как стремлением подчинить экономически выгодные, в том числе ясачные области Сибири, так и расположением в первой половине 1390-х годов в низовьях реки Урал и Эмбы Мангытского юрта Едыгей [375, с. 71]. Таким образом, Едыгей со своим многочисленным улусом занял часть степных владений династов, которые принадлежали им на протяжении двух столетий и были важной частью экономического обеспечения подвластного им кочевого населения. Потеря или уступка этих земель могла повлечь за собой обострение интереса к новым северным владениям.

К тому же после поражения литовского князя Витовта и ордынского хана Токтамыша на Ворскле в 1399 году последний утратил значительную часть своего авторитета и власти в Улусе Джучи. Спустя некоторое время он отступил во владения Шибанидов, которые оказывали ему длительную под-

Воины улуса Джучи периода Великой Замятни. Реконструкция М. В. Горелика

Едыгей (1352–1419) — темник Золотой Орды в конце XIV — начале XV века. Основатель династии, возглавившей Ногайскую Орду. Его прямыми потомками по мужской линии были князья Урусовы и Юсуповы. Едыгей, став улубеем мангытов, всячески способствовал занятию золотоордынского престола Тимур-Кутлугом, который, разбив Токтамыша, вслед за этим бежавшего в Литву, вскоре воцарился на золотоордынском престоле. Тем временем великий князь литовский Витовт начал готовить масштабный поход против татар с целью восстановить на золотоордынском престоле Токтамыша и тем самым подчинить Орду своему политическому влиянию. Выступив в поход, Витовт в 1399 году разбил лагерь на реке Ворскле, и Тимур-Кутлуг, испугавшись многочисленности противника, запросил мира. Тем временем со своими войсками к реке подошел Едыгей, который разорвал переговоры и убедил Тимур-Кутлуга продолжить борьбу. Возглавив ордынские войска, Едыгей нанес сокрушительное поражение Витовту.

Во второй раз Едыгей сумел распространить ложные донесения о якобы готовящемся вторжении его «союзника» Пулад-хана в Литву, а сам тем временем, сконцентрировав огромные силы, в 1408 году отправился в поход на Москву, желая восстановить политическое влияние Орды на Руси. В ордынском войске находились четыре царевича, исполнявших должности военачальников, и несколько видных ордынских эмиров.

Общее руководство осуществлял Едыгей. Во время осады Москвы Едыгей послал в Тверь великому князю тверскому Ивану Михайловичу требование «быть на Москву» с артиллерией, но

тот не подчинился. После трехнедельной безуспешной осады и получения выкупа в 3000 рублей Едыгей отошел от Москвы.

В 1411 году в самом начале борьбы в Золотую Орду вторгся сын Токтамыша Джелал ад-Дин с братьями и разграбил ордынские улусы.

Не имея сил для борьбы с Тимур-ханом, Едыгей бежал в Хорезм, по дороге в который он был разбит войсками Тимур-хана. Прибыв с остатками войск в Хорезм, Едыгей в течение полугода оборонялся от осаждавших его войск Тимур-хана. Однако вскоре, в 1412 году, военачальник Тимур-хана Газан предал своего хана и, убив его, перешел на сторону Джелал ад-Дина. В результате длительной борьбы с Джелал ад-Дином Едыгей удалось отстоять Хорезм, после чего он вновь вернулся в Орду.

Прибыв в Золотую Орду, Едыгей продолжал играть в ней политическую роль, находясь, тем не менее, во враждебных отношениях с враждовавшими друг с другом за престол сыновьями Токтамыша ханами Кепеком и Керим-Бердеем (на которых делали ставку Литва и Москва соответственно). Став беклярбеком потомка Чингисхана Чокре-оглана, Едыгей вместе с ним начали борьбу с Кепеком, которому удалось к тому времени занять трон в Сарае.

В результате Кепек под натиском Едыгея вскоре был побежден и был вынужден отступить. (Однако, еще в течение ряда лет в южнорусских землях, находившихся под контролем Литвы, Кепек считался ханом.) В 1416 году Едыгей разорил Киев и все правобережье Днепра.

В 1419 году он был убит одним из сыновей Токтамыша в районе города Сарайчика.

солдат Иоганн Шильтбергер не упоминает о военных столкновениях. Напротив, он указывает, что наместник Сибири (должность, возможно, аналогичная судьям более раннего или хакимам более позднего времени, сидевшим в Чимги-Туре) прислал подарки (мужчину и женщину из местных дикарей) [406, с. 34–35]. По всей видимости, этот поход был связан с интронизацией очередного династа и получением поддержки или лояльности от правителей отдельных улусов, среди которых определенную роль играли и хакимы Сибири. Этот пример показывает сохранение власти или претензий на нее со стороны Тука-Тимуридов в Юго-Западной Сибири на протяжении почти 40 лет при одновременном существовании здесь остатков ордынской администрации из числа местной аристократии.

Таким образом, в первые годы XV века информация о самостоятельной деятельности Шибанидов в источниках отсутствует. В их владениях активно действуют представители Тука-Тимуридов и мангытский бек Едыгей. По мнению И. А. Мустакимова, даже после его гибели в битве с Кадыр-Берди бен Токтамышем в 1419 году сыновья мангытского бия Кейкубад и Нур ад-Дин «ушли в вилайет Тура и поселились среди народа под названием башкурд» [120, с. 173].

Едыгей и Хаджи-Мухаммад: начало союза Шибанидов и ногаев. Только в самом конце своей жизни Едыгей решил опереться в борьбе против Токтамышевичей на Шибанидов. Условия нового союза хорошо описаны Кадыр Али-беком джалаиром, который долгое время, с точки зрения М. А. Усманова, считался известным сибирским карачей Кучума [380, с. 41 и далее].

Иоганн (Ганс, Иоганнес) **Шильтбергер** (09.05.1381, Фрайзинг — ок. 1440) — немецкий путешественник. После разгрома войск султана Баязида Тамерланом у Ангары в 1402 году был в плену у Тамерлана, затем у его сына Шахруха. Всего провел «среди язычников» более 30 лет. Вернулся в Германию, бежав из рабства в Мингрелии вместе с четьрьмя другими христианами в 1427 году. За годы своих

странствий посетил Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию, Золотую Орду, Урал, Сибирь, Крым, Армению, Среднюю Азию. После освобождения Шильтбергер написал свои воспоминания, которые впервые были изданы в Майнце в 1475 году. Составленные им описания своих походов и приключений пользовались большим успехом и в XV веке выдержали четыре издания.

В ходе столкновений Едыгея с Кадыр-Берди-ханом на реке Илек, притоке Яика, первый в 1419 году позвал к себе Хаджи-Мухаммад-оглана, сделав его предводителем войска. Судя по участию оглана в столкновениях, с ним должен был прийти и собственный военный отряд из шибанидских владений. Данное приглашение было связано с тем, что Едыгей постоянно имел при себе «марионеточных» ханов из Тука-Тимуридов, в частности Чекре. Только новый Чингизид мог легитимизировать борьбу мангытского бека с ханом из числа популярных потомков Токтамыша. Едыгей обещал провозгласить Хаджи-Мухаммада ханом, что показывает усиление степной аристократии, восстановление в Улусе Джучи курултаев и провозглашения на них ханов при поддержке крупнейших племенных вождей. Обращение именно к Хаджи-Мухаммаду могло быть связано с тем, что брат и сподвижник Идегея Иса, будучи беклярибеком при Токтамыше, участвовал в сражениях вместе с отцом этого оглана Али бен Бекконди. Бекконди был младшим из сыновей Минг-Тимура, от которого произошли все известные Шибаниды XV–XVI вв. Далее Кадыр Али-бек пишет, что после гибели Идегея в битве его сын Мансур, выполняя обещание отца, провозгласил Хаджи-Мухаммада ханом, а сам стал при нем беком [52, с. 231–232]. Данная схема распределения полномочий использовалась неоднократно наследниками этого хана в отношениях с Эдигеевичами Ногайской Орды.

Не до конца ясно, ханом чего был Хаджи-Мухаммад, тем более что источники не останавливаются на этом моменте. С учетом сохраняющейся ордынской традиции ханы этого времени боролись именно за престол Улуса Джучи (Золотой Орды), однако первая четверть XV века — это время постепенного распада ордынского пространства и выделения на его восточных территориях за рекой Урал населения, которое получило не до конца ясное по происхождению определение «узбеки». Лидеры местных Шибанидов при поддержке мангытских (ногайских) биев вполне могли быть узбекскими или ногайскими ханами. Отметим, что его внуки Ибак и Мамуд имели титул «шибанского царя» [299, с. 213, 242–243]. Вполне возможно, он более

Чимги-Тура. В период Великой Замятни под воздействием кризиса экономики центральных регионов начинают появляться или укрепляться города на периферии золотоордынского пространства. На территории Юго-Западной Сибири единственным известным центром власти была Чимги-Тура. Именно в 1375 году этот город впервые указывается на карте Каталонского атласа с названием «Singui» [32, с.152] (рис. 2). Татарское название этого города, как и его более поздний, возможно, русский аналог «Тюмень», до сих пор не имеют однозначной трактовки. Слово «тура» обозначает город или крепость. Приставка «Чимги», по мнению И. В. Белича, должна читаться как «Цыгми», то есть «дерн», а в целом название может быть переведено как «дерновый город» [Там же, с. 143–157], что связано с особенностями местного строительства и архитектуры. В то же время возможна и иная трактовка названия. По «Сибирским летописям», основателем этого города считался легендарный Тайбуга, основатель местного княжеского рода, который был отправлен на завоевание Сибири по приказу Чингисхана. В некоторых источниках город именуется «Чинги-Тура» или даже «Чингиден», а известного основателя Монгольской империи именовали Чингий, то есть город мог быть назван в честь монгольского Великого хана [304, с.32]. Трактовка названия «Тюмень» со времен Г. Ф. Миллера связывается с якобы стоявшим в этом городе десяти тысячным отрядом, то есть тьмой [244, с.268], но данное слово не было знакомо местным жителям и встречается с начала XV века в русских летописных источниках

(впервые в контексте убийства Токтамыша). Причем в некоторых случаях это слово обозначало не только город, но и землю, то есть государство в целом [219, с. 120–121]. Исследования И. А. Мустакимова выявили в сибирских владениях Шибанидов племя тюмен [264, с. 236–237], которое, судя по всему, проживало по Тоболу между Исетью и Турой.

Скорее всего, именно в этом городе находилась ставка ордынского наместника (даруги, хакима) и собирался ясак с сибирских племен. Чимги-тура была расположена в таежной зоне, на удалении от традиционных маршрутов кочевания степных династов и могла быть также местом торговли и ремесла. Значение этого города значительно вырастет в период укрепления государственности династии Шибанидов в Юго-Западной Сибири. Долгое время он будет считаться формальной столицей и местом расположения престола, а его указание, причем на первом месте, известно еще для хана Кучума в 1578 году [316, с. 268–269]. Благодаря этому в исследовательской литературе за местным государством закрепилось название «Тюменское ханство» (вилает Тура, Туран восточных источников).

В археологической литературе остатки этого города получили название «Царево городище», они находятся в центре Тюмени и активно исследуются местными археологами с 2005 года.

Судя по картографическим материалам, описаниям путешественников и краеведов XVIII–XIX веков, город был разделен на три части (Царево, Большое и Малое городища), укрепленные валом и рвом, которые в сумме и составляли общее эшелонированное укрепле-

Караван, идущий под изображением Чимги-Туры. Фрагмент карты Каталонского атласа

ние. Кроме того, к крепости примыкал неукрепленный посад. Обратим внимание, что площадь крепости была около 2,15 га [33, с.156], что превышало площадь второй (с 1563) столицы — Искера (Сибири). В центре укрепленной части были обнаружены остатки каркасно-столбовых многокамерных неуглубленных жилищ татарского времени, характерных для богатого населения. Находки свидетельствуют о занятиях населения скотоводством, охотой, рыболовством, гончарством (развивались бакальские керамические традиции домонгольского времени), кожевенным ремеслом, прядением и ткачеством, металлообработкой.

Судя по костным остаткам, население практиковало скотоводство, в том числе отгонное, сопровождение караванов, охоту на копытных и пушных зверей. По данным радиоуглеродного анализа, татарские слои города датируются в диапазоне от 1280 до 1530 г. [322, с. 11–15].

По данным «Сибирских летописей», город был разрушен («разорен») далеким потомком Тайбути князем Маметом в ходе восстания против тюменского хана Ибрахима в середине 1490-х годов, после чего бек увел своих людей и построил «град» Сибирь [304, с. 118]. Однако в русско-ногайской переписке, записках иностранных путешественни-

ков и на картах этот город продолжал указываться на протяжении всего XVI века, пока не был взят в 1582 году Ермаком [353, с. 322–323].

Кашлык (Сибир, Искер) — город, столица Сибирского ханства. Находился на правом берегу Иртыша при впадении в него реки Сибирки, в 17 километрах выше современного Тобольска. Ныне памятник археологии «Кучумово городище».

26 октября 1582 года после поражения сибирского войска в битве при Чувашском мысу город был занят Ермаком. Накануне занятия его жители и сам хан Кучум спешно бежали в ишимские степи. По преданию, казаки нашли здесь богатую добычу. После гибели Ермака в городе вновь пыталась утвердиться династия Тайбутинов в лице Сейд Ахмеда (Сейд Ахмат, Сейтек, Сейдяк), нашедшая поддержку у Казахского ханства. Но после пленения в 1588 году в Тобольске Сейд Ахмеда и «царя Салтана» (казахского царевича Ураз-Мухаммеда) Кашлык запустел и стал разваливаться, отчасти подмываемый водами Иртыша.

корректно отражает кочевую специфику владений Шибанидов.

Самое подробное описание владений этого хана имеется у продолжателя Утемиша-хаджи, жившего в начале XVII века. Он пишет, что Хаджи-Мухаммад был великим падишахом и «контролировал Башкорт, Алатырь, Мокшы», а также «захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитый названием Шехр-и Тура территории мангытов». Менее всего вызывает возражение то, что башкирские земли действительно периодически оказывались под контролем того или иного шибанидского династа, в том числе претендовавшего на ордынский престол [124, с. 250–255]. Однако о власти Шибанидов в период Золотой Орды или в постордынское время над иными землями из этого списка, тем более в Волго-Окском междуречье, в других источниках встречается лишь косвенная информация, в том числе связанная с подчинением этой территории Монгольской империи и ее вхождении затем в состав Улуса Джучи, в котором мог участвовать основатель династии Шибан. Кроме того, в 1377–1378 годах мордовские племена, которые находились на территории Мохши и Алатыря, были подчинены очередным претендентом на сарайский престол Араб-шахом бен Пуладом Шибанидом [312, с. 152–153]. Мог ли на эти же земли претендовать и Хаджи-Мухаммад, из других источников неизвестно.

В рассказе Кадыр Али-бека есть еще один интересный момент, связанный со встречей Идегея и Хаджи-Мухаммада. Первый спросил: «Откуда и куда идешь?», на что второй ответил: «Я иду в народ куральский». Данный ответ особенно обращает на себя внимание, поскольку до того среди областей, подчиненных Бату, упоминается «немецкий курал» [52, с. 230–231]. Возникает вопрос: где находился этот «народ куральский»? Как известно, сообщения о владениях Шибана и его наследников в области «Корел» имеются еще в трех поздних по времени источниках (Утемиш-хаджи, Абу-л-Гази, Кырыми). Интерпретация данного топонима (Корал, Келар, Курал) привела к значительной дискуссии среди исследователей [см. подробнее: 177, с. 213; 120, с. 171–172; 216, с. 104]. Большинство исследователей считают, что под ним следует по-

нимать территорию некоей европейской страны, чаще всего Венгрии или Польши, однако высказывается и альтернативная точка зрения о том, что это земли на Урале [70, с. 202]. На наш взгляд, в европейской интерпретации существует один недостаток: сомнительно, чтобы в условиях степных войн конца 1410-х годов оглан из Шибанидов мог добраться до неких европейских владений. В связи с этим интересна версия И. А. Мустакимова о том, что земля Корел может быть идентична Кореле, соседней с Югрой, в описании М. Меховского [120, с. 172]. С учетом того, что в Сибири это название неизвестно, скорее всего, речь идет об области в Приуралье, соседствующей с Югрой. По всей видимости, Хаджи-Мухаммад, чьи потомки будут править в Тюменском и Сибирском ханствах, заложил традицию вхождения в состав их владений значительных земель Приуралья.

Наиболее любопытно указание на захват Хаджи-Мухаммадом некоего «Шехр-и Тура территории магытов». А. Валиди Тоган и И. М. Миргалеев склонны искать этот ногайский город на территории Башкирии [51, с. 39; 248, с. 65]. Однако расположение «Шехр-и Тура» в «стороне Шехр-и Болгара» еще не является основанием для локализации этого центра именно в Приуралье. В источниках по истории Улуса Джучи, в частности у ал-Омари и ибн Баттуты, описание «страны Сибирской», или «страны мрака», всегда с позиции расположения и организации торговли увязывается с Булгаром [101, с. 107, 137]. В турецкой рукописи по истории крымских ханов указывается, что «в Деште-же и Булгаре остались властвовать из рода Шейбана ханы» [268, с. 581]. Таким образом, Булгар с очевидностью был связан с Дештом и Сибирью, но не в территориальном, а в политическом плане. В то же время в названиях некоторых населенных пунктов Кавказа, Передней и Средней Азии термин «шехр-и» обозначает просто «город» (Шехр-и Азим Таргу, Шехр-и Татар, Шехр-и Фирух и др.). На просторах сибирской периферии постордынского времени и в источниках шибанидской традиции таким городом была лишь Тура (Чимги-Тура, Тюмень в русских летописях) [215, с. 122]. Резонно предположить, что Хаджи-Мухаммад был одним из первых узбекских ханов из Шибанидов, кото-

рый, по имеющимся у нас источникам, продвинул их владения в таежную зону Юго-Западной Сибири, на территорию ранее формально независимого или находившегося под патронажем Едигея и его потомков «вилаята Тура».

Все это показывает значительность владений Хаджи-Мухаммада по обеим сторонам Уральских гор. Такие претензии этого династа свидетельствуют о его активном участии в войнах за наследие Золотой Орды с Чингизидами, в частности с ханом Бараком из Тука-Тимуридов. Об этой борьбе в землях Дештских и Сарае пишут ал-Айни и Самарканди, который наиболее детально, с точки зрения хронологии, описывает ее [101, с. 378–380]. О вражде между «Кучук-Мухаммадом» (вероятно, Хаджи-Мухаммадом) и Бараком, на сторону которого перешел Мансур, не одобрявший ханства Мухаммада, поскольку у того не было никаких достоинств, пишет и Кырыми [152, с. 210]. Ал-Айни указывает, что в период между 1421 и 1425 годами «была великая неурядица... одержало там верх несколько лиц из рода ханского... каждый из них правил своим краем» [101, с. 234]. Р. Ю. Рева в своей недавней работе предположил, что массовый чекан, который приписывается Улуг-Мухаммеду, на самом деле был сделан от имени Хаджи-Мухаммеда [325, с. 57]. Эта информация говорит о том, что Хаджи-Мухаммад на самом деле мог рассматриваться как золотоордынский хан, продолжавший традицию борьбы Шибанидов за сарайский престол. Причем заострим внимание на том факте, что, по данным ал-Айни, «Мухаммад» стал ханом именно после гибели Идигея [101, с. 234], что, с точки зрения последовательности событий, сближает эту информацию с приведенными выше данными Кадыр Али-бека.

Необходимо в связи с вышеописанными событиями сказать несколько слов о проблеме «Мухаммадов» в 1420-е годы. В современной исследовательской литературе появилась тенденция титуловать Хаджи-Мухаммада ханом Золотой Орды [291, с. 119–120; 341, с. 66]; сформулирована и противоположная точка зрения [35, с. 38–39, прим. 53]. В персоязычной литературе XV–XVI вв. (в частности, в «Муизз ал-ансаб» и у Хондемира) упоминается хан Хаджи-Мухаммад [122, с. 42; 422, р. 119]. При

этом Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме», а также его продолжатель ничего не говорят о связях Хаджи-Мухаммада с Сараем и, следовательно, престолом Улуса Джучи: если бы Шибанид действительно был ханом Золотой Орды, в таком статусе он был бы упомянут в апологетической литературе.

В «Муизз ал-ансаб» Улуг-Мухаммед фигурирует как «Мухаммад-хан» бен Хасан [122, с. 45]. О «государе Дештском, кане Мухаммадхане, сыне Хасана, сыне брата Токтамышхана» упоминается в египетско-сарайской дипломатической переписке [121, с. 297, прим. 7]. Еще в одном документе, составленном при египетском султানে Барсбае (1422–1438), идет перечисление имен сарайских правителей: «Так писано было при (ал-Малик) ал-Ашрафе Барсбае... кану Даулатбирди, который предшествовал Мухаммаду; Мухаммад же предшествовал Идики (Едигейу)...» [Там же, с. 298, прим. 7]. Интересна в этом отношении компиляция из нескольких поздних крымских источников, составленная французским ориенталистом П. Лангле. Согласно ей, Улуг-Мухаммеда, «сына Хасана Джефаи», крымские беки возвели на престол. Затем хан, сразившись с Эдиге, убил его, а уже упоминавшиеся выше сыновья бека «Кайкобад и Нур ад-Дин, сбежали в Туран; Гази Науруз и Мансур, два других сына, в Московию» [427, рр. 391–392].

Подчеркнем, что синхронные источники называют Улуг-Мухаммеда «Мухаммадом», в то время как Хаджи-Мухаммад фигурирует с соответствующей приставкой. Рассуждения подобного характера наталкивают нас на мысль о том, что путаницы с именами ханов в источниках не было. Таким образом, можно заключить, что новым золотоордынским ханом после гибели Дервиша в 1419/20 году стал Мухаммад (Улуг-Мухаммед в русских летописях), а примерно в то же время на восточной периферии ордынского пространства ханом стал шибанид Хаджи-Мухаммад. При этом в исследовательской литературе присутствует точка зрения о том, что последний стал ханом не сразу после смерти Эдиге, а во время противостояния Мансура и Барак-хана [35, с. 39].

В 1426–1427 годах Барак разбил у города Сыгнака ранее поддерживавшего его Улугбека и ограбил Мавераннахр [101, с. 396]. Его возвращение в Цен-

тральную Азию могло быть связано с поражениями от Улуг-Мухаммада и потерей Сарая. По мнению В. В. Трепавлова, в это же время Мансур снова ушел к Хаджи-Мухаммаду, что привело к их убийству Барак-ханом около 1426 или 1427 года [375, с. 94]. При этом убийство Хаджи-Мухаммада от рук Барак-хана отмечено лишь Кадыр Али-беком. М. Г. Сафаргалиев, воспользовавшийся иным списком «Джами ат-таварих» утверждает, что Барак убил лишь Мансура, и этот факт «более соответствует действительности» [350, с. 204]. Однако М. А. Усманов, комментируя дастан о Хаджи-Мухаммаде, сообщает следующее: «Ссылаясь на предания, распространенные среди узбеков (узбекии), автор сообщает, что их обоих убил Барак-хан» [380, с. 85].

В настоящее время можно выдвинуть предположение о том, что хан все-таки пережил Мансура

Улуг-Мухаммед (1405 — 1445, Казань) — средневековый государственный деятель, Чингизид, золотоордынский (до 1436), крымский (1437) и казанский (1438–1445) хан. Хан Улуг-Мухаммеда в 1419–1423, 1426–1426 и 1428 годах. В 1428–1432 годах вел упорную борьбу за владение Улусом Джучи с представителями младшей ветви династии Тукай-Тимуридов. Потерпев поражение, бежал (1423) в Волжско-Камскую Булгарию. С помощью

великого князя литовского Витовта вернул золотоордынский престол (1426). Распространив свою власть на Крым, установил дружественные отношения с турецким султаном Мурадом II. Отправил посольство в Египет (1428–1429). В 1431 году на суд к Улуг-Мухаммеду приезжали сын и внук Дмитрия Донского, претендовавшие на великокняжеское достоинство. Хан решил дело в пользу внука — Василия II Васильевича.

и даже участвовал в убийстве Барак-хана. После смерти Мансура лидерами Мангытского эля стали его братья Гази и Науруз [375, с. 94], которые и обратились за помощью к Хаджи-Мухаммаду. Мангыты на протяжении всего XV века, включая и деяния Эдиге, стремились любые внешнеполитические акции оформлять в союзнических отношениях с легитимным Чингизидом, поскольку их клан не имел никакого отношения к Золотому роду. Не является исключением и данный эпизод. Современник событий Фасих Хавафи, будучи придворным чиновником при Тимуридах, сочинил подробный труд, на страницах которого отобразились краткие сообщения о Барак-хане. В записях за 832 год хиджры (1428–1429) сказано «об убийстве Бурак оглана Махмуд султаном в Могол[истан]е» (хотя Гаффари датирует убийство Барака в результате сговора эмиров Дешта 831 годом [101, с. 396]) и последующей казни Махмуд-султана Махмудом Гази [385, с. 202– 203]. Самарканди уточнил, что смерть «Султан-Махмуд-оглана» произошла в Мавераннахре [233, с. 168].

Вероятно, способствуют реконструкции конфронтации Хаджи-Мухаммада и Барака и некоторые косвенные свидетельства. Хафиз-и Таныш Бухари упоминает «мученическую смерть» Хаджи-Мухаммада, причем Абу-л-Хайру после смерти хана «была передана власть над Дашт-и Кипчаком до пределов Туркестана и Сыгнака» [397, с. 75]. Небезынтересно отметить, что правление ханов из династии Шибанидов передано хронистом в исключительно хвалебных тонах, что неудивительно, поскольку сочинение составлялось как апология шибанидского султана Абдуллы. Понятие мученичества здесь может трактоваться и как смерть от простолюдина, то есть от мангыта Гази. Начало правления Абу-л-Хайра выражено здесь в мирных тонах, а передача огромных территорий идет вразрез с сообщениями более ранних хронистов.

Новый шибанский хан Махмуд-Ходжа. В этой связи и возникает вопрос о втором из шибанидских династов 1420-х годов — Махмуд-ходже бен Каган-беке (Каанбае) из числа старшего рода потомков Минг-Тимура. Именно отец этого хана в свое время отказал в поддержке Токтамышу.

Раскопки Сыгнака

Возникает вопрос: что нам известно об этом хане, кроме его происхождения? Единственной крупной внешнеполитической акцией, отмеченной в источниках, может считаться его поход на Галич зимой 1428/29 годов. Вероятно, эту акцию можно также обозначить и как попытку вмешательства в борьбу за Сарай, что и привело к его походу на русские земли и монетной эмиссии в Булгаре, о которых писал А. Г. Гаев [67, с. 28–30]. Возможно, помощь в этом ему оказали и ногаи. Нельзя не отметить, что его претензии на территории Булгара могли быть связаны и с некоей системой наследования внутри Шибанидов. А. Валиди Тоган на основании сообщения Утемиш-хаджи пишет о том, что сын Ильбека Али-бай правил в Булгаре и Казани [51, с. 39]. В данном случае Али-бай выступает братом Каан-бая, отца Махмуд-Ходжи. Следует признать, что это сообщение уникально, поскольку в известных нам источниках по генеалогии Шибанидов среди четырех сыновей Ильбека такого нет (например, [232, с. 348]). В целом, не затрагивая проблему идентификации данного легендарного правителя, чрезвычайно важного для казанской истории, отметим, что И. А. Мустакимов пришел на основании этого сообщения к выводу о наличии шибанидских правителей в XIV веке на территории Булгарского улуса [263, с. 186]. Вывод этот, конечно, не бесспорен, но имеет право на существование. Обратим внимание на мнение Ю. В. Селезнева, который считает, что нападения «Махмуд-Хози» на Галич в 1428/29 годах были совершены царевичем, бывшим владельцем Булгарского улуса [352, с. 142–143]. Предположение о возможном отождествлении этого Махмуд-Хози с шибанидом Махмуд-Ходжей было сделано Д. М. Исхаковым. При этом действовал данный царевич совместно с Али-Бабой, который интерпретируется как Али-бей [126, с. 84, 90].

Интересы этого хана, так же как у его предшественника, были чрезвычайно разбросаны в территориальном плане. Летовки его отца Каанбая находились в географически плохо идентифицируемой местности «Кокедей-Иисбуга» [383, с. 117], причем, по мнению И. А. Мустакимова, эти земли, по данным «Таварих-и гузида», относились к изначальным территориям Шибана [264, с. 230]. Неудачи в поволжской политике позволили Махмуду-

Ходже отступить на родовые земли. Впрочем, власть Шибанидов явно не была здесь стабильной. А. Валиди Тоган по данным Утемиша-хаджи указывает, что Махмуд-Ходжа совместно с родами Туринского вилайета воевал с туменами кунгратов и салджиутов [51, с. 40]. Речь идет о заключении союза с представителями Чимги-Туры. И. Мустакимов указывает, что «тумен Кюйдей, [состоящий из людей] племени салджавут» был в составе изначальных владений Шибана и его потомков [264, с. 231], хотя Махмуд-Ходже пришлось их подчинять заново в 1429–1430 годах. Любопытно, что И. А. Мустакимов связывает племя салдживутов с «туменом Кюйдей» (по «Таварих-и гузида») или «Кокедей-Йисбуга» (по Утемиш-хаджи). Эти земли относились к изначальным владениям Шибана. Данная территория интерпретируется как расположенная где-то в Западной Сибири или Северном Казахстане [264, с. 242]. По мнению Р. Г. Кузеева, до XVI века территория «сальюттов» располагалась между верховьями рек Пышма и Исеть [190, карта 9]. По данным Г. Х. Самигулова, Сальютская волость в конце XVII — начале XVIII века находилась в верховьях Исети и по Чусовой [348, с. 140], то есть на одном из путей из Зауралья в Приуралье и на севере — от изначальных зауральских летовок Шибанидов. После победы над кунгратами и салджиутами хан «объединил вокруг себя всю страну», то есть, скорее всего, владения Шибанидов.

Данный случай свидетельствует об увеличении племенного сепаратизма на севере владений Шибанидов и усилении роли именно клановой аристократии, которая будет оказывать большое влияние на историю позднесредневековых государств Джучидов. Большое значение для последующей истории Шибанидов имело заключение союза с представителями Туринского вилайета, которое прослеживается и по данным «Тарих-и Абу-л-хайрхани». Интересно, что ал-Дженнаби, кади города Алеппо, умерший в 1590–1591 годах, написал, перечисляя узбекских ханов, к которым он отнес Бату, Джанибека, Уруса, Токтамышша, Арабшаха: «...затем утвердилось ханство за одним из потомков Чингисхана, по имени Махмудходжахан» [101, с. 238]. Тем самым хан был поставлен в один ряд с признанными правителями Золотой Орды. Последние годы

его правления совпали с окончательным распадом владений Шибанидов на несколько независимых улусов, за объединение которых будут бороться все ханы, в том числе наиболее известный лидер той эпохи Абу-л-Хайр.

Приход к власти узбекского хана Абу-л-Хайра и судьба его конкурентов. В конце 1420 — начале 1430-х годов на территории юга Западной Сибири началось формирование ханства Абу-л-Хайра (в историографии принято не совсем удачное название — «Государство кочевых узбеков»), сумевшего на некоторое время подчинить своей власти большинство родственников из династии Шибанидов. Если до этого большинство представителей династии действовали в русле преемственности с традициями «Улуса Шибана» как части Золотой Орды в условиях ее раскола и междоусобных войн различных династий, то именно с приходом к власти Абу-л-Хайр-хана была заложена традиция оформления на территории юга Западной Сибири единого государства. Одновременно с этим статус столичного города окончательно закрепился за Чинги-Турой, что в будущем сказалось на особом положении этого города внутри Тюменского ханства.

Начальный этап существования этого государства, датируемый приблизительно 1429–1446 годами, наименее изучен, в том числе и по причине малого количества источников. Судя по анализу ссылочного аппарата тех работ (в которых он имеется), авторы чаще всего опираются на отдельные фразы из сочинения Самарканди «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», созданного между 1467 и 1476 годами по заказу Шейбани-хана (авторство спорно, между 1502 и 1504 годами), и близкого к нему «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Али Бинаи, а также наиболее часто — на достаточно тенденциозное «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани (около 1540–1551). Некоторая косвенная информация также содержится в произведении Махмуда бен Эмира Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (1634–1641) и ряде других источников, в том числе в «Тарих-и Кипчаки» Кипчак-хана (закончена в 1722). В значительной части этих произведений отсутствует хронологическая привязка большинства событий, что

усложняет проведение реконструкции и приводит в последнее время к появлению прямо противоречащих друг другу версий. Отметим, что этот список источников мало изменился с момента появления первых работ по этой теме.

Согласно Кухистани, будущий хан родился в 816 году хиджры (03.04.1413 — 22.03.1414), который соответствует году Дракона, то есть 29 году XIV цикла китайского календаря, начало которого приходится на 1384 год, а сам год — на 1413-й (очевидно, именно его надо считать датой рождения хана). Обстоятельства раннего периода его жизни практически неизвестны, кроме того, что он подчинился своему дяде Джумадуку, который был «из славных падишахов рода Шайбана» [232, с. 141]. При этом Джумадук контролировал земли к северу от Арала, между реками Сарысу и Эмба, непосредственно граничащие с Мангытским юртом [19, с. 39–40].

Отец Абу-л-Хайра, Даулат-Шайх-оглан, по мнению Б. А. Ахмедова и А. Г. Нестерова, был одним из лидеров Шибанидов и правил с конца XIV века до 1426 года. Его владения, судя по карте первого автора, находились в таежной зоне, на северных притоках Тобола и в среднем течении Иртыша, то есть к его территории относилась и Чинги-Тура [19, с. 41–43; 273, с. 110–111]. Исходя из этого, логичной видится версия о дальнейшем возведении на престол Абу-л-Хайра именно в Чинги-Туре. Однако следует признать, что данная реконструкция строится на достаточно слабом основании, в частности на генеалогических перечнях Шибанидов, которые зачастую сводятся только к указанию последовательности, но без четкой внешней хронологии и указания территории. Единственный известный нам автор, который описывает отца будущего хана подробнее, — это Махмуд бен Вали. Согласно ему, у Ибрахим-хана, который также известен как Аба-оглан, было два сына. Старшим был Хизр-хан, младшим — Даулат-Шейх-оглан. После смерти отца именно последний «стал соиздателем основ и тем, чьим приказам повинуются. С родственниками, племенами и со всеми войсками он стал обходиться мягко и приветливо. Он считал обязательным и необходимым воздерживаться и избегать объявления слова “восстание” по отношению к ханам

того времени» [232, с. 349]. Обращает на себя внимание то, что он, в отличие от старшего брата, даже не имел титула хана и в целом, видимо, был лоялен к лидерам Шибанидов, что в свою очередь могло привести его сына к Джумадук-хану. Как бы то ни было, данные источников не позволяют нам уточнить ни точное время правления, ни территорию, ни даже реальный статус отца Абу-л-Хайра. Скорее всего, личность Даулат-Шейх-оглана потребовала подробного описания в генеалогическом перечне не в силу его личного значения и особого статуса среди Шибанидов, а именно в качестве возможной предпосылки успешности и результативности деятельности его сына.

О личности Джумадук-хана известно немного. В «Муизз ал-ансаб» упоминается о том, что он был посажен на царство в 829 году хиджры (1425/6) при живом отце [101, с. 439; 122, с. 42]. Причем за несколько лет до этого он мог находиться при тука-тимуриде Барак-хане [19, с. 123]. Согласно «Бахр ал-асрар», известно, что Абу-л-Хайр объявил независимость своего улуса от тука-тимуридских царевичей [19, с. 48]. Махмуд бен Вали сообщает, что Джумадук хитростью захватил территории, принадлежавшие еще несовершеннолетнему Абу-л-Хайру [Там же, с. 164]. Вполне вероятно, недовольство этим событием отразил на страницах своей рукописи Масуд Кухистани. Размещение же Улуса Джумадука близ Аральского моря [19, с. 42] и отсутствие у его отца Суфи ханского статуса наводят на мысль, что последний мог быть зависимым от Тимуридов правителем.

В связи с этим видится необходимым вернуться к хорошо изученному в историографии моменту восстания степных племен против Джумадука. Наиболее ранняя и подробная версия этого события описана в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани (1540–1551), созданном по заказу одного из младших сыновей хана Абд ал-Латифа. На наш взгляд, подобный заказ мог привести к частичному искажению и возможному «обелению» ряда поступков основателя правящей династии.

Традиционная версия гласит, что в дни правления хана мангыт Гази-бий «утвердился на троне могущества и престоле правления» и «протянул руку

утнетения и насилия». В результате этого, а также возможного участия Гази в убийстве Чингизида эмиры и вожди Дешт-и-Кипчака вышли из повиновения и умертвили его, после чего направились ко двору Джумадук-хана, где удостоились чести занять место у него на службе. Однако дальнейший конфликт с ханом, который объясняется как его личными отрицательными качествами («крайней степени падишахского высокомерия и спеси верховного владыки»), так и тем, что он не обратил внимания на положение этих вождей, привел их к бегству в местность Джайтар-Джалкин. Здесь они соединились с другими «эмирами и предводителями войск», среди которых первое место занимали Кепек-ходжа-мангыт и Умар-бий-буркут, причем образованное войско исчислялось в семьдесят тысяч человек и, судя по племенной принадлежности лидеров, состояло в основном из мангытов, близких к ним нукузов и буркутов. При этом в источниках не фиксируется список тех племен, которые бежали от Гази к Джумадуку. В ответ Джумадук издал приказ о сборе войска, левое крыло которого возглавил Абу-л-Хайр, а правое — Ходжа-оглан и ряд других бахадуров. В последовавшей битве войско Джумадука было разбито, а сам хан погиб. По версии Кухистани, шестнадцатилетний Абу-л-Хайр попал в плен к Сарыг-Шиман-мангыту, еще одному из лидеров восставших. Битву можно датировать исходя из 16-летнего возраста Абу-л-Хайра в то время, то есть отнести к 832 году хиджры (11.10.1428 — 29.09.1429). Скорее всего, она произошла весной — летом 1429 года (832 год хиджры). Поздней осенью Абу-л-Хайра отпустили, и зиму 833 года хиджры (30.09.1429 — 18.09.1430) он провел в юрте Алаша-бахадур. После это Абу-л-Хайр вернулся в свой юрт и был провозглашен ханом [232, с. 140–142].

В связи с этим сюжетом возникает несколько вопросов, попытки ответить на которые в разной степени предпринимались в историографии. Прежде всего, какие властные полномочия позволили Гази-бию проводить репрессии против кочевой знати и почему после его убийства племенные лидеры обратились именно к Джумадуку? Как показал анализ историографии, проведенный В. В. Трепавловым, ранее авторы (М. Г. Сафаргалиев и В. Л. Егоров)

предполагали, что эти события могли быть связаны с противостоянием между Джумадуком и Гази. Однако анализ источников показывает, что ближе к решению этого вопроса находится В. В. Трепавлов, который предположил, что, в соответствии с ногайской традицией, Гази был беклярибеком Джумадука, и именно по этой причине данный хан мог выступить арбитром в решении спора [375, с. 96–97]. При этом остается не ясным, почему попытка арбитража была предпринята только после убийства. Можно предположить, что недовольство Гази могло быть связано с его участием в убийстве Барак-хана, которое произошло около 1428 года или в сентябре — октябре 1428 года, по К. З. Ускенбаю [122, с. 410; 152, с. 209; 379, с. 23;].

В то же время данная версия поднимает еще два вопроса: в какой местности произошла битва и кто был лидером из числа Чингизидов, необходимым для легитимизации восстания? Согласно Кухистани, недовольство Джумадуком привело к уходу от него той же группы недовольной знати в местность Джайтар-Джалкин, где они встретились с другими эмирами и предводителями войска, «которые опоясались поясом вражды и противления Джумадуку-хану». Среди них важную роль играли представители буркутов, мангытов и в меньшей степени нукусов [232, с. 141]. Из двух указанных вопросов, первый, насколько нам известно, никем не решался. Поскольку в самом источнике расположение этой местности не разъяснено, то остается лишь искать такую территорию, где могли быть смежные владения мангытов и буркутов. В первой половине XV века кочевья первых находились в районе Яика, Эмбы и Илека, то есть в Западном и отчасти Центральном Казахстане [375, с. 461]. Проживание ногаев в Западной Сибири, в частности на Ирты-

Джумадук (? — 1428) — Шибанид, один из сопративителей Узбекского ханства в период междоусобиц 1423–1430 годов. Союзник Барак-хана и воспитатель хана Абу-л-Хайра. После 1427 года на сторону Джумадука перешел от Кичи Мухаммеда ногайский бий Гази, сын Едигея. Гази стал

у него беклярибеком, но вскоре был убит приближенными хана, завидовавшими его быстрой карьере.

В битве с ногаями Джумадук был разбит, его вместе со многими сторонниками, взятыми в плен, ногаи казнили, но при этом пощадили, а позднее и оказали поддержку Абу-л-Хайру.

ше, фиксируется и Н. Ф. Катановым [146, с. 138]. Владения буркутов идентифицировать сложнее, хотя в последнее время в связи с интерпретацией искерской княжеской династией Тайбугидов как представителей этого племени появилась возможность сделать первые подходы к решению этого вопроса [127, с. 50; 214, с. 17; 284; 339, с. 32–35]. Прежде всего тот же Кухистани пишет о том, что именно буркуты на момент прихода Абу-л-Хайра правили в Чинги-Туре, а Кипчак-хан указывает «область Тара, которая была родиной буркутов» (имеется в виду Тура) [232, с. 144, 390]. По мнению Р. П. Храпачевского, это племя было среди покоренных Джучи в 1207 году лесных народов [398, с. 434, прим. VII; с. 524 прим. VI]. Очевидно, что совпадение территорий этих двух племен могло быть только на территории Южного Зауралья или Северного Казахстана, то есть приблизительно в местах кочевий Махмуд-Ходжи-хана.

Второй важный вопрос — это фигура лидера из Чингизидов, возглавившего восставших. Указанные ранее версии идентификации этого лидера строятся лишь на логике событий, но не находят прямого подтверждения в источниках. Казалось бы, локализация битвы на севере степной зоны увеличивает доказательную базу в пользу лидерства Махмуд-Ходжи. Однако в этой связи предлагаю вернуться к той версии, о которой писал в первой четверти XVIII века Кипчак-хан. Согласно ей, сам Абу-л-Хайр был в союзе еще с теми кочевыми лидерами, которые участвовали в убийстве Гази-бия. В результате Джумадук решил наказать его за измену, что привело к бегству Абу-л-Хайра с частью войска хана и дальнейшей битве, в которой Джумадук был убит [232, с. 390]. Очевидно, что Кипчак-хану не нужно было приукрашивать роль Абу-л-Хайра в этих событиях. Кстати, она объясняет наличие в ранних источниках среди соратников хана тех, кто был с ним «в годы казачества», то есть скитаний на окраинах государства. Появление таких людей крайне сомнительно, если Абу-л-Хайр все время находился на службе Джумадука, а потом был провозглашен ханом, ведь не могли все эти люди присоединиться к нему за полгода зимовки у Алаш-бахадур [Там же, с. 143]. В таком случае и его дальнейшее пребывание у Сарыг-Шимана

и Алаш-бахадур следует рассматривать как поездку после битвы по степным союзникам, которая завершилась вполне логичным провозглашением его ханом. В ином же случае не ясно, каким образом проигравший в битве Шибанид по возвращении смог получить столь значительную поддержку.

Провозглашение Абу-л-Хайра ханом, произошедшее в год его семнадцатилетия, в 833 году хиджры, или в год Обезьяны (1429), уже неоднократно рассматривалось в историографии. Прежде всего, с учетом зимовки и возвращения Абу-

л-Хайра в степи, когда «солнце... переместилось в дом Овна» [Там же], это событие могло произойти только весной 1430 года. В связи с этим обратим внимание на высказанное выше предположение о том, что разбитый в битве царевич вряд ли мог получить столь значительную поддержку сразу после возвращения в степи. Эта поддержка хорошо видна из списка пришедших к его двору представителей аристократии, который имеется у того же Кухистани.

Перечни соратников Абу-л-Хайра как источники.

Сравнительный анализ списка соратников по Кухистани с аналогичными перечнями более ранних источников («Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» и «Шейбани-наме») показывает не только наличие прямых заимствований между источниками, но и некоторые расхождения [Там же, с. 16–17, 96–97, 143–144; 213]. Эти два ранних произведения практически дословно повторяют списки соратников, подразделяя их на две части — тех, кто был с будущим ханом «во время казачества», и тех, кто пришел, «когда он достиг могущества». Среди первых людей, кто поддержал Абу-л-Хайра еще до его воцарения, были в основном представители омаков (племен) дурман, найман, тюмен, уйгур, тархан, тубай, уйшин, конграт, мангыт. Понятно, что все эти племена вышли из Монгольской империи и Золотой Орды, но при этом тюмен, тархан, уйшин, конграт, несомненно, были связаны с территорией Юго-Западной Сибири. В «Шейбани-наме» список расширяется за счет присоединения 11 имен представителей омаков кушчи, найманов, конгратов, уйгуров и курлаутов. Автор «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» не просто заимствует именно этот расширенный список, но

и частично корректирует его, совмещая два ранее отдельных списка в один. При этом Кухистани убирает восемь имен, в том числе Мухаммад-бека конграта, и добавляет 23 имени, в том числе фигуры важных для легитимизации хана в исламском мире Кул-Мухаммад-сейида и Кара-сейида. Сравнение с последующими перечнями участников различных походов хана показывает, что кроме пяти случаев все они были автоматически записаны в интересующий нас список именно из них, за счет чего было достигнуто его расширение [232, с. 143–144, 146, 149, 153–154, 156–157, 159, 164, 168].

По всей видимости, это допущение можно сделать и для сейидов, которые непосредственного участия в выборах и ряде последующих событий в Сибири не принимали, а присоединились к Абу-л-Хайру в ходе расширения его владений за счет городов на Сырдарье. За пределами этого перечня поддержавших избрание хана у Кухистани остается всего 14 имен, в том числе значимых для дальнейших событий представителей буркутов и конгратов, а также ряд огланов из числа Чингизидов, которые с очевидностью присоединились к хану именно в ходе последующих событий. Все это показывает значи-

тельную авторскую правку имеющегося списка степной аристократии, проведенную Кухистани, а не просто механическое заимствование. Кстати, любопытно то, что, если во время выборов Абу-л-Хайра ханом огланы стоят сразу за сейидами, Бузанджаром-кыйятом и Ваккасом-мангытом, подтверждая тем самым легитимность церемонии, то во время военных действий они (за исключением Бахтияра-султана как руководителя авангарда и сына хана Ахмада-султана) могут стоять и вслед за предводителями племен, силы которых, видимо, были больше. Явные исключения из этого общего правила наблюдаются в столкновениях Абу-л-Хайра с другими Чингизидами (Махмуд и Ахма, Мустафа), а также в таких значимых походах, как захват Сыгнака и битва с калмыками. В данном случае частый выход на первое место именно племенной аристократии показывает ее большее значение в поддержании ханской власти, что позволяло нарушить в перечнях своеобразный степной «табель о рангах».

Не менее интересен перечень тех племен, которые наиболее часто упоминаются на первом месте среди сподвижников Абу-л-Хайра. Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов неоднократно указыва-

ли, что в позднесредневековых государствах, в том числе в ханстве Абу-л-Хайра, существовала не только крыльевая структура, но и система карача-беев, которая «остается не раскрытой» [130, с. 120–121; 131; 129].

В восьми имеющихся перечнях военных соратников на первых четырех местах, если убрать сейидов и огланов, в пяти и более случаях стоят представители кыйятов, конгратов и кушчи. К ним в трех случаях добавляются буркуты и мангыты, в двух случаях — дурманы, найманы, уйшуны и уйгуры.

Не ясно, насколько это связано собственно с системой карача-беев, которая, несомненно, существовала к концу правления хана в виде их совета [232, с. 19]. Высокий статус или, по крайней мере, необходимость получения поддержки буркутов, мангытов и конгратов подчеркивались и выбором ханских жен именно из этих племен [Там же, с. 354]. Полученный список ведущих племен в окружении Абу-л-Хайра близок к аналогичному перечню, реконструированному Т. И. Султановым по сочинению Мухаммада Салиха: сихиут, кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурман, ушун (уйсун), кушчи [364, с. 10].

На наш взгляд, несмотря на попытки Ж. М. Сабитова пересмотреть хронологию и последовательность дальнейших событий [340], последовавший вслед за интронизацией поход на Чинги-Туру был вполне логичен. Этот город являлся крупнейшим оседлым центром на территории Шибанидов, и контроль над ним, ушедшим из рук династии в пользу буркутов, был принципиален, в том числе с точки зрения использования сибирских ресурсов. Скорее всего, поход должен был состояться летом — осенью 1430 года, то есть сразу после интронизации хана. С учетом предложенного нами участия Абу-л-Хайра в восстании против Джумадука и лидерства в нем из числа степной аристократии в лице Кепек-ходжи (в разных источниках он указывается как буркут или мангыт) и буркута Умар-бия видится логичным мирное присоединение этой территории к владениям хана.

Данный город, по информации А. Валиди Тога-на, был центром Туринского вилайета [51, с. 39–40], то есть особой административной единицы, руководство которой находилось в руках представителей племени буркут. Статус этого города в сибирских владениях Шибанидов предопределил выбор его в качестве «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи» [232, с. 143–144]. По всей видимости, буркуты уступили свою власть в городе отнюдь не безвозмездно. В частности, в последующие годы представители буркутов часто занимали первое место в перечнях, что показывает их высокий статус в ханстве. Кроме того, союз был скреплен брачным договором, поскольку первая жена Абу-л-Хайра, от которой родились Шах-Будаг-султан и Ходжа-Мухаммад, также была из буркутов [Там же, с. 354].

В литературе под влиянием Б. А. Ахмедова за образовавшимся государством закрепилось название «Государство кочевых узбеков», хотя оно является сугубо историографическим конструктом, причем дело не решает даже его замена на «Узбекское ханство». С учетом отсутствия в источниках точного названия, что характерно и для государств иных ханов из этой династии, резонным выходом из ситуации может быть просто «ханство Абу-л-Хайра». При этом резонно обратить внимание на то, что он был первым подтвержденным в источниках ханом

на престоле Чимги-Туры (Тюмени), то есть, исходя из этого, мог именоваться «тюменским (туранским) ханом». По крайней мере, в первые годы своего правления.

В качестве следующей вехи в установлении власти Абу-л-Хайра Кухистани указывает его победу над Махмуд-Ходжой-ханом, которого называет «одним из выдающихся государей своего времени» ([232, с. 146; см. аналогичное у Утемиш-Хаджи: «... он был сильным и надежным ханом» [51, с. 39]). Прежде всего нельзя забывать тот факт, что на конец 1420-х — начало 1430-х годов Махмуд-Ходжа был действительно одним из крупнейших ханов из династии Шибанидов, причем его владения, по всей видимости, граничили с землями Абу-л-Хайра, и было вполне логично начинать воплощение «желания завоевать другие земли и страны» именно с соседей. С точки зрения военной тактики и стратегии, это объясняло и необходимость подготовить «тыл» для дальнейших походов на юг.

Несмотря на лестные характеристики этого хана в источниках, о его деятельности мы имеем мало информации [216; 285]. Договор этого хана с племенами Туранского вилайета с центром в Чимги-Туре и подчинение значительных шибанидских владений показывают необходимость для Абу-л-Хайра ликвидации власти Махмуд-Ходжи не только как потенциального соперника, но и как бывшего союзника буркутов. Возможно, именно по последней причине Умар-бий был на первом месте во время этого похода как руководитель левого крыла. Возможная поддержка Махмудом-Ходжи Абу-л-Хайра во время борьбы против Джумадука могла быть воспринята ал-Дженнаби как предательство, что привело к появлению следующей версии: Абу-л-Хайр-оглан изменил Махмуд-Ходже-хану и убил его на охоте [101, с. 238]. Кстати, именно в это время в войсках хана появился сын Хызр-хана и двоюродный брат Абу-л-Хайра Бахтийар-султан, который с этого времени постоянно выступал предводителем авангарда. Дата этого события может быть установлена лишь весьма условно, но, скорее всего, оно должно датироваться 834 годом хиджры (19.09.1430 — 8.09.1431). Исходя из предыдущих событий, предпочтительными видятся весна — лето 1431 года, поскольку после похода на

Чинги-Туру хан распустил войска на зимовку [232, с. 145].

Поражение, убийство в бою сына хана Сузандж-оглана и последовавшая казнь Махмуд-Ходжи увеличили влияние Абу-л-Хайра в лесостепи Западной Сибири и на севере степей Казахстана. Ал-Дженнаби писал, что после этого убийства Абу-л-Хайр «воцарился... в Дешт-Кипчаке и женился на жене Махмудходжахана» [101, с. 238]. Позднее Ш. Марджани писал о том, что после убийства Махмуд-Ходжихана Абу-л-Хайр «стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака» [210, с. 131]. Как и после восшествия на престол в Чинги-Туре: «Богатство и военная добыча, которые достались воинам от войска противника, [начиная] от розовощеких невольниц, быстроногих лошадей, катаров верблюдов, шатров, кольчуг, оружия разного рода, панцирей — все собрали к порогу [шатра Абу-л-Хайр-хана]... Все это он соизволил пожаловать эмирам и воинам... Всех высокопоставленных султанов и славных эмиров он отличил и [возвысил] вещами, поясом и высокими должностями», «устроил большой той» [232, с. 39–40, 391]. После этого, «когда большая часть Дашт-и Кипчака... пришла под власть повелителя...» [Там же, с. 149], войска были вновь распущены. Скорее всего, под фразой «большая часть Дашт-и Кипчака» имеется в виду, прежде всего, территория Улуса Шибана, то есть Абу-л-Хайру удалось объединить владения Шибанидов.

Абу-л-Хайр (1412–1468) — хан Узбекского улуса (1429–1468) из династии Шибанидов, относящихся к джучидской ветви Чингизидов, сын Даулат-шейх-оглана. Пришел к власти в возрасте 16 лет, и перед ним стояла трудная задача — выживание в междоусобной борьбе Джучидов. В условиях междоусобной войны и смуты после распада Ак-Орды Абу-л-Хайру удалось не только выжить, но и создать самостоятельное централизованное государство и удерживать власть в течение сорока лет на обширной территории степных районов Казахстана с 1429 по 1468 год. Территория ханства Абу-л-Хайра простиралась от реки Урал на западе до озера Балхаш на востоке, от низовий Сырдарьи и Аральского моря на юге до среднего течения Тобола и Иртыша на севере. После смерти хана Абу-л-Хайра государство распалось. Основными причинами распада были распри, усобицы за раздел территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распад Западно-Тюркского, а вслед за ним и Тюркешского (704–756) каганатов. Военное противостояние танского Китая и арабов в пределах Средней Азии и Южного Казахстана, закончившееся победой последних (Таласская битва 751 года). Арабская экспансия Согда и Чача была быстротечной, вскоре арабы были вынуждены покинуть этот регион из-за бесконечной череды восстаний местного населения. Однако причины запустения и распада крупных государственных образований на юге Казахстана следует искать прежде всего в изменении ландшафтно-климатической ситуации. Вероятно, регрессия Арала и обмеление Сырдарьи и ее притоков привели, по мнению С. П. Толстого, А. М. Левиной и З. С. Галиевой, к повсеместному затуханию жизни и гибели городов и поселений Хорезма и Южного Казахстана к VIII веку.

Севернее в степной зоне также происходили необратимые процессы, которые привели к окончательному оттоку раннеболгарского населения огуров (род Дуло) на запад, в Поволжье, где возникли памятники новинкинского типа, и, вероятно, далее на запад. Аридизация и изменение этнокультурной ситуации в степях Казахстана (приход карлуков и кыпчаков-сеянто) привели к неизбежному сокращению протяженности меридиональных (с севера на юг) перекочевков огуурского (оногуурского) населения, в состав которого входили и протомадьярские (кушнаренковско-караякуповские) племена. Они вынужденно концентрировались в лесостепной полосе Южного Урала и Западной Сибири. Это привело, в свою очередь, к системным изменениям в среде оседлого лесостепного населения. В Зауралье и Западной Сибири, где происходил распад бакальского ИКГ, в слоях городищ и селищ превалировала гребенчато-шнуровая керамика, связанная с приходом местных угорских (петрогромско-юдинских) этнических групп. В Приуралье шло затухание и последующее (к IX веку) исчезновение памятников неволинской культуры, возникновение и поэтапное существование которых связано с Зауральем.

В лесостепных районах Южного Урала появлялись некрополи кочевников, пришедших из пределов большой степной Урало-Казахстанской пастбищно-кочевой провинции (Манянский могильник, ранние курганы Лагеревского, Уелгинского и Граултринского некрополей). Глубокими рейдами в пределы лесного и лесостепного пограничья можно объяснить и появление таких памятников, как Ингалинское святилище, с ярким степным обликом артефактов, оставленных в них.

Относительная стабилизация в рамках новых системообразующих хозяйственно-культурных условий произошла в IX–X веках, когда повсеместно в лесостепных и предгорных районах Южного Урала появлялись сравнительно многочисленные курганные некрополи кочевого населения. Их характеризует культурная многокомпонентность. Наряду с погребениями, условно обозначенными нами как памятники автохтонного башкирско-мадьярского (кушнаренковско-караякуповского) населения, нарастала значительная доля погребений, связанных с алтайскими кочевниками кыпчако-кимацкого и киргизского (сросткинского) облика, а также комплексов с артефактами местного петрогромско-юдинского угорского ареала. Эта ситуация сохранялась вплоть до XI века, когда в пределах Южного Зауралья и казахстанских степей сложилось кыпчакское объединение Дешт-и-Кипчак. С XII столетия Великая кыпчакская степь простиралась от Алтая до Дуная. Погребальные памятники этого периода (XII — начало XIII в.) немногочисленны. Они дисперсно разбросаны на значительной территории степей Южного Урала, Западной Сибири, Западного Казахстана и Сары-Арки. Однако их отличает определенное единство, которое выразилось в основных чертах погребального обряда (западная ориентировка, подбой и наличие шкуры коня) и особых категориях вещевого инвентаря (конская узда, колчан и лук, серебряные колты и лазуритовые подвески).

При этом среди кыпчакских материалов ярко выделяются инокультурные памятники, характеризующие особые историко-культурные обстоятельства формирования кыпчакской орды. К таковым прежде всего относятся аскизские комплексы кыргызского этнокультурного облика (Ак-Палак, Кула-Айгыр, Бутак III и др.), а также экзотическое погребальное сооружение с мумификацией, которое исследовано в Шумаевском могильнике. Они могут быть соотнесены с представителями кочевого Каракитайского государства, возникшего в Юго-Восточном Казахстане после падения киданьского государства Ляо на северо-западе Китая.

Монгольское нашествие кардинально изменило карту Урало-Казахстанского макрорегиона. Завоевание среднеазиатского государства хорезмшахов, разгром и дальнейшие преследования кыпчаков приводят к резкому притоку кочевников Дешт-и-Кипчака на север казахстанских степей и на Южный Урал. Миграция новых родов — кыпчакского, катаякского, табынского и минского — в Южное Приуралье существенно изменила этнокультурную диспозицию в среде южноуральского населения.

Многочисленные и более представительные (по количеству) по сравнению с предшествующими периодами степные некрополи, возникшие в степях Северного Казахстана и юга Урала, демонстрировали свой разнотипный облик. Характер погребальной обрядности и сопровождающего умерших инвентаря указывает на то, что население, оставившее данные некрополи, по большей части относилось к беднейшим родам и крайне мало — к среднесловному населению Золотой Орды. Возможно, это связано с тем обстоятельством, что регион Урала и североказахстанских степей являлся весьма отдаленной периферией Улуса Джучи с его волжскими столицами, южноказахстанскими городами и Улуса Шибана с его сибирскими столицами

(Чинги-Тура и Искер). Учитывая тот факт, что условно с монголокультурными можно соотнести лишь 15 % погребений с северной ориентировкой и характерными элементами буддийской культуры, основная часть золотоордынских кочевников, скорее всего, относилась к остаткам кочевников, ранее населявших этот регион Дешт-и-Кипчака.

Исламизация южноуральского населения, происходившая с середины XIV века, отразилась прежде всего в погребальной культуре кочевников. Повсеместно стали появляться сооружения типа мазаров, построенные из обожженного или сырцового кирпича. Погребальный обряд унифицировался в соответствии с канонами ислама (положение головой на запад, лицом на юг — на кыблу), произошел отказ от сопровождающего инвентаря. Ярким проявлением погребально-мемориальных традиций явилось строительство мавзолеев. В пределах Южного Урала сложились две самостоятельные строительные школы: болгарская в башкирском Приуралье, входившем в Улус Джучи, и хорезмско-мавераннахрская — в Южном Зауралье и Казахстане. Первую мемориально-архитектурную традицию характеризуют порталные мавзолеи, сложенные из камня и имеющие своеобразное оформление купола и основания, характерные для сооружений Булгара (Тура-хана, Бэндэбике, Хусаинбека). Вторую составляют шатрово-купольные с кирпичными порталами мавзолеи, имеющие фасады, украшенные разноцветными изразцовыми плитками (Кесене, Троицкая (Удос), Тептяри, Атбайтак).

История Улуса Шибана, который охватывал основную территорию Южного Урала, Юго-Западной Сибири и прилегающих степей Северного Казахстана, была весьма яркой, разноплановой и драматичной. Он сложился изначально как провинциальный улус, впоследствии его представители из династии Шибанидов сыграли решающую роль в ключевых событиях истории Золотой Орды и последующего за ней периода (государства кочевых Узбеков, Абу-л-Хайра, противоборство и победа над Тимуридами Шейбанхана, Тюменское ханство Кучума).

Существование улусной системы Золотой Орды в конечном счете привело к окончательному формированию урало-поволжских народов и казахских ханств.

Список литературы

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / пер. с перс. и предисл. Г. С. Саблукова // Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Агаджанов С. Г. Кочевники Южной Руси (по данным восточных и древнерусских источников) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995.
3. Ад-Дин Али Йазди Ш. Зафар-наме. Ташкент: Изд-во журн. «San'at», 2008. 486 с.
4. Айдаров С. С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Акад. наук. 1976. № 24.
5. Акрамов А. М. Сокращенная версия «Избранной истории книги побед» // Обществ. науки в Узбекистане. 1964. № 5. С. 48–51.
6. Акрамов А. М. «Таварих-и гузидэ, нусрат-намэ» как источник по истории Узбекистана XV — начала XVI века // Обществ. науки в Узбекистане. 1963. № 8. С. 54–59.
7. Ал-Ахари Абу Бакр ал-Кутби. Тарих-и шейх Увейс: (История шейха Увейса) / пер. с перс. и предисл. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984. 150 с.
8. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ : Иркут. обл. изд-во, 1941.
9. Аниховский А. Л. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 14. Оренбург, 1905. С. 52–65.
10. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 71–112.
11. Антонов И. В. Новый источник по истории Башкирии эпохи монгольского нашествия (легенда из архива Р. Г. Кузеева и ее интерпретация) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. История. № 25 (279). Вып. 52. С. 15–20.
12. Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
13. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
14. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
15. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука, 1984. 200 с.
16. Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М. : Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
17. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Гылым, 1995.
18. Ахмедов Б. Узбекларнинг келиб чиқиш тарихидан (XV асрда кучманчи узбеклар давлати). Тошкент : Узфанакад-нашр, 1962. 80 с.
19. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 181 с.
20. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайре : дис. ... канд. ист. наук. Л. : Ин-т востоковедения Акад. наук СССР, 1960.
21. Ахмедов Б. А. Неизвестная версия «Шайбани-намэ» Бинаи // Обществ. науки в Узбекистане. 1965. № 2. С. 51–55.
22. Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. Акад. наук Казах. ССР. 1968. Сер. Обществ. науки. № 2.
23. Байпаков К. Древние города Казахстана. Алматы : Аруна Ltd., 2005. 316 с.
24. Барта А. Истоки венгерской культуры // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
25. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // В. В. Бартольд. Сочинения : в 9 т. Т. 5. М. : Наука, 1968. С. 19–194.
26. Бартольд В. В. О погребении Тимура // В. В. Бартольд. Сочинения : в 9 т. Т. 2, ч. 2. М. : Наука, 1964.
27. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // В. В. Бартольд. Сочинения : в 9 т. Т. 2, ч. 1. М. : Наука, 1963.
28. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 320–368.
29. Башкирское народное творчество : в 2 т. Т. 2. Предания и легенды / сост. Ф. А. Надршина. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1987. 590 с.
30. Белавин А. М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие : материалы междунар. науч. конф. Казань : Мастер-Лайн, 2000. С. 122–126.
31. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 285 с.
32. Белич И. В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 143–157.
33. Белич И. В. Чертеж г. Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и топография «Царева городища» (Чимги/Цымги-туры) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 143–163.
34. Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Морозов В. М. Петрогром гора, петрогромский тип памятников // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
35. Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии, истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь ; Тюмень, 2013. С. 30–52.
36. Бисембаев А. А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе : ИП Жанадилов С. Т., 2010. 248 с.
37. Бисембаев А. А. Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 60–74.
38. Бисембаев А. А., Тасмагамбет Г. С. Исследования аварийного могильника Солянка // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2004. № 1. С. 65–70.
39. Борзунов В. А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Вопр. археологии Урала. Вып. 22 : Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 111–134.
40. Борзунов В. А. Исследования городища Серный Ключ на реке Уфе // Урал в прошлом и настоящем : материалы науч. конф. : в 2 ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 16–21.
41. Борзунов В. А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // Вопр. археологии Урала. Вып. 15. Свердловск, 1981. С. 112–118.
42. Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М. : Мысль, 1988. 576 с.

43. Боталов С. Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1994.
44. Боталов С. Г., Бабенков К. Н. Новые материалы из могильника Граултры и некоторые вопросы истории зауральских угров // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию круп. археолога-историка и обществ. деятеля, чл.-корр. Акад. наук Республики Башкортостан проф. Н. А. Мажитова. Уфа : РИО БашГУ, 2004. С. 136–155.
45. Боталов С. Г., Гарустович Г. Н., Яминов А. Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа : НПЦ ОПИК, 1995. С. 148–165.
46. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1960. 152 с.
47. Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1978.
48. Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М. : Наука, 1976. С. 73–107.
49. Бучинский И. Е. О климате прошлого русской равнины. Л. : Гидрометеозидат, 1957. 142 с.
50. Бытковский О. Ф., Заседателева С. Н., Матюшко И. В., Харламов П. В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) [Электронный ресурс] // Орский краеведческий музей : сайт. URL: <http://orskymuseum.ru/article/srednevekovye-zahoroneniya-novokumakskogo-mogilnika-iii-severo-zapadnaja-gruppa>
51. Валиди Тоған А. З. История башкир. Уфа : Китап, 2010. 352 с.
52. Валиханов Ч. Ч. Извлечения из Джами ат-таварих : сб. летописей // Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Алма-Ата : Гл. ред. Казах. совет. энцикл., 1984. С. 228–254.
53. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. Алма-Ата : Изд. АН КазССР, 1964.
54. Варваровский Ю. Е. Распад Улуса Джучи в 60–70-е годы XIV века (по данным письменных источников и нумизматики) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994. 22 с.
55. Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века // История и культура Золотой Орды. Вып. 6. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.
56. Васильева И. Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург : Наука, 1993. 248 с.
57. Век железный, век каменный... : очерки становления и развития археологических исследований в Тюменском университете. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2009.
58. Викторова В. Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры : материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск : Рифей, 2008. С. 81–93.
59. Викторова В. Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопр. археологии Урала. 1973. № 12.
60. Викторова В. Д. Погребальные комплексы памятника Палатки IV // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 84–97.
61. Викторова В. Д., Морозов В. М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей : сб. науч. тр. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 173–192.
62. Викторова В. Д., Чаиркин С. Е. Останец Старичный — новый памятник петрогромской культуры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
63. Воинские повести Древней Руси. Л. : Лениздат, 1985. 495 с.
64. Востров В. В., Муқанов М. С. Родоплеменной строй и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата : Наука, 1968.
65. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1870 г. М., 1941.
66. Гаврилова А. А. Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965.
67. Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4, т. 3. Нумизматический сборник. Н. Новгород, 2002. С. 9–55.
68. Галиев А. К вопросу о происхождении и сущности триальной организации у казахов // Маргулановские чтения : сб. материалов конф. Алма-Ата, 1989.
69. Гандзакеци К. История Армении. М. : Наука, 1976. 359 с.
70. Гарустович Г. Н. Башкирские земли в составе улуса Джучи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 (50). С. 195–205.
71. Гарустович Г. Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 126–136.
72. Гарустович Г. Н. К вопросу о хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестн. ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 108–113.
73. Гарустович Г. Н. Мавзолеи XIV века в степных районах Южного Урала и Западного Казахстана // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. всесоюз. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1987. С. 159–161.
74. Гарустович Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. С. 14–24.
75. Гарустович Г. Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Вып. 1. Уфа : Изд-во НМ РБ, 1995. С. 166–185.
76. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 17–31.
77. Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Проценко А. С. Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII–XIV вв.) в верховьях р. Урал // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16, № 3 (2). С. 626–633.
78. Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 2. Казань, 1959. С. 157–219.
79. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970.
80. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в II–VII вв. (Проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
81. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

82. Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. В Пермском Предуралье // *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 21. Ижевск, 2012. 472 с.
83. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. 176 с.
84. Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Бартымский комплекс памятников эпохи Средневековья в Сылвенском поречье // *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 13. Ижевск ; Пермь, 2011. 340 с.
85. Головчанский Г. П. Неволинская археологическая культура [Электронный ресурс] // *Энциклопедия Пермского края* : сайт. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803779070>
86. Грачев А. И. Поход хана Джанибека в Иран в 1356–1357 годах. Анализ и реконструкция хронологии событий // *Золотоордын. цивилизация*. 2011. № 4. С. 47–58.
87. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 500 с.
88. Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Вып. 7. Л., 1983. С. 9–54.
89. Григорьев А. П. Шейбаниды на золотоордынском престоле // *Востоковедение*. Вып. 27, № 11. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 160–182.
90. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан : в 2 ч. Ч. 1. Алматы : Санат, 2005. 286 с.
91. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1993. 839 с.
92. Данич А. В., Крыласова Н. Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 3 (59). С. 87–94.
93. Данченко Е. М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // *Проблемы бакальской культуры : материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакал. культуры*. Челябинск : Рифей, 2008. С. 45–60.
94. Деде А. Мунеджим-Баши : [рукоп.] / пер. В. Г. Тизенгаузена // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. Л. 115–126.
95. Демкин В. А., Алексеев А. О., Якимов А. С., Демкина Т. С. Палеоэкологические условия нижневожских степей в XIII–XIV вв. // *Город и степь в контактной евроазиатской зоне* : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.
96. Доклад А. Попова. Протокол № 8 заседания 29 мая 1904 г. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906.
97. Егоров В. А. География городов Золотой Орды // *Совет. археология*. 1973. № 1.
98. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М. : Наука, 1985. 75 с.
99. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М. : Красанд, 2010. 248 с.
100. Заднепровский Ю. А. К истории кочевников Средней Азии в кушанскую эпоху : в 2 т. Т. 2. М., 1975.
101. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / сост. Р. П. Храпачевский. М. : Наука, 2003. 448 с.
102. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / сост. Р. П. Храпачевский. М. : Наука, 2009. 336 с.
103. Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // *Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории)*. Алма-Ата : Наука, 1981.
104. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Изучение комплекса памятников Большая Умытъя 28 в Советском районе ХМАО // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Вып. 3. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 327–331.
105. Иванов В. А. Древние Угры вокруг Урала // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы I регион. науч.-практ. конф.* Челябинск, 2002.
106. Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа : Гилем, 1999. 124 с.
107. Иванов В. А. Линевский могильник. Отчет о полевых исследованиях в Оренбургской области в 1987 г. Уфа, 1988.
108. Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб. : Грань : УНЦ РАН, 1994.
109. Иванов В. А. Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье // *История татар с древнейших времен* : в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 204–209.
110. Иванов В. А. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа, 1993. С. 141–150.
111. Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991.
112. Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 103 с.
113. Иванов В. А., Любчанский И. Э. Новые памятники средневековых кочевников в степях Южного Зауралья // *Уфим. археолог. вестн.* 2003. № 4. С. 230–243.
114. Иванов В. А., Яминов А. Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье // *Кочевники урало-казахстанских степей*. Екатеринбург, 1993.
115. Игнатьев Р. Г. Древние здания в Троицком уезде Оренбургской губернии // *Оренбург. губерн. вед.* 1868. № 20, 22.
116. Идегей: татарский народный эпос. Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
117. Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // *Древнее Забайкалье и его культурные связи*. Новосибирск : Наука, 1983. С. 69–86.
118. История Абул-Гази хана // *Библиотека восточных историков, издаваемая Березиным И. Т.* 3. Казань, 1954.
119. История Золотой Орды : сб. материалов / сост.: В. Г. Воина, А. А. Кожанов, Т. В. Никулина. СПб. : Европ. дом, 2003. 224 с.
120. История и культура татар Западной Сибири : монография. Казань : Артифакт, 2015. 728 с.

121. История Казахстана в арабских источниках : сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
122. История Казахстана в персидских источниках : сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 4. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
123. История монголов инок Магакии, XIII века. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1871. 106 с.
124. История татар Западного Приуралья : монография. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 464 с.
125. История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань : Таткнигоиздат, 1968. 719 с.
126. Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань : Фэн, 2009. 164 с.
127. Исхаков Д. М. К вопросу о «Сибирской земле» и «Сибирском князе» в XV веке // XIV Сулеймановские чтения : сб. материалов Всерос. научн. конф. Тюмень : Альфа-принт, 2011. С. 48–51.
128. Исхаков Д. М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие : материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)», г. Казань, 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань : Фэн, 2009. С. 24–30.
129. Исхаков Д. М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы междунар. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 52–58.
130. Исхаков Д. М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX вв. // Татары. М. : Наука, 2001. С. 101–161.
131. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Клановая структура улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. Казань : Фэн, 2007. С. 108–143.
132. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань : Школа, 2007. 356 с.
133. Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-Хаджи в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010. С. 44–52.
134. Кадырбаев М. К., Бурнашева М. З. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1969.
135. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука, 1992.
136. Казаков Е. П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // Вопр. археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 136–140.
137. Казаков Е. П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань : Мастер-Лайн, 2001. 188 с.
138. Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. М. : Наука, 1972. С. 161–167.
139. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
140. Казаков Е. П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-пресс, 2004. С. 120–128.
141. Казакова Е. М. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
142. Камалов И. Х. Отношения Золотой Орды с Хулагидами / пер. с турец. яз. и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 108 с.
143. Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1910.
144. Кастанье И. А. Надгробные сооружения киргизских степей // Труды ОУАК. Вып. 26. Оренбург, 1911.
145. Кастанье И. А. Отчет об экспедиции в Актюбинский уезд летом 1904 года // Труды ОУАК. Вып. 14. Оренбург, 1905.
146. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Тобольский хронограф. Вып. 4. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2004. С. 137–144.
147. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Л. : Наука, 1971.
148. Кирпичников А. Н. снаряжение всадника и верховного коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Л. : Наука, 1973.
149. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
150. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей (древность и средневековье). СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. 320 с.
151. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей (древность и средневековье). 3-е изд. испр. и доп. СПб. : Петерб. востоковедение, 2009. 432 с.
152. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата : Рауан, 1992. 377 с.
153. Ковригин А. А. и др. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем, 2006. С. 187–203.
154. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
155. Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV веков (К проблеме преемственности болгарской и булгаро-татарской культур). Казань, 2002. 383 с.
156. Колчин В. А. Металлургия и металлообработка // Археология СССР : в 20 т. Т. 15. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М. : Наука, 1985.
157. Конилов Б. А., Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
158. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абул-Гази, хана хивинского : пер. с перс. А. Н. Кононова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 192 с.
159. Коротков А. А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Тр. Саратов. архив. комис. Вып. 32. Саратов, 1915.
160. Корякова Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993. 72 с.

161. Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
162. Корякова Л. Н. и др. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала : в 2 ч. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999.
163. Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюрколог. сб. 2009. Т. 2007–2008. С. 189–236.
164. Костюков В. П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 8, № 1. Уральск, 2008. С. 42–96.
165. Костюков В. П. К вопросу об улусе Шибана (XIII–XIV вв.) // XIII Уральское археологическое совещание : тез. докл. : в 2 ч. Ч. 2. Уфа, 1996. С. 86–87.
166. Костюков В. П. К этнической ситуации в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // II Берсовские чтения : материалы науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 54–57.
167. Костюков В. П. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002.
168. Костюков В. П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н. э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 444–457.
169. Костюков В. П. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в золотоордынское время // Уральский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа, 2007. С. 151–157.
170. Костюков В. П. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н. э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003.
171. Костюков В. П. О кыпчаках в Джучидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 226–249.
172. Костюков В. П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998.
173. Костюков В. П. Одиночный курган у «Третьего Плеса» (К проблеме конфессиональной идентификации погребальных памятников кочевников Золотой Орды) // История и культура улуса Джучи. Казань, 2007.
174. Костюков В. П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана) : автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 20 с.
175. Костюков В. П. Средневековое погребение шамана из Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 21. С. 550–571.
176. Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. Вып. 1. 2007. С. 169–207.
177. Костюков В. П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М. ; Магнитогорск, 1998. С. 210–224.
178. Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань : Фэн, 2010. 200 с.
179. Костюков В. П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV в. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 10, № 1. Уральск, 2009. С. 138–149.
180. Костюков В. П. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы 3-й междунар. науч. конф. Ч. 5, кн. 2. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. С. 40–43.
181. Костюков В. П., Гуцалов С. Ю. Замечания о роли «пастбищно-кочевых систем» в истории кочевников степей Казахстана // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.
182. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации : монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М. : Логос, 2000. С. 314–336.
183. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М. : Вост. лит., 2006. 557 с.
184. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб. : Евразия, 2012. 496 с.
185. Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
186. Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника // Совет. археология. 1983. № 3.
187. Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднекочевнические погребения у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области // Совет. археология, 1980. № 1.
188. Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата : Жазушы, 1990.
189. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М. : Наука, 1974.
190. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.
191. Кульпин Э. С. Взлет и падение Золотой Орды. Социально-естественная гипотеза // Генетические коды цивилизаций : материалы Третьей науч. конф. «Человек и природа — проблемы социоестественной истории», г. Феодосия, сент. 1994 г. М., 1995.
192. Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М. : КомКнига, 2007. 176 с.
193. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // Свод археол. источников. М. : Наука, 1983. 128 с.
194. Кызласов И. Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Совет. археология. 1980. № 2.
195. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
196. Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселении киргизов в XIII в. // Изв. Акад. наук Киргиз. ССР. 1963. Сер. обществ. наук. Т. 5, вып. 1.
197. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996.
198. Любчанский И. Э. Поминальный комплекс монгольского времени у с. Симбирка Челябинской области // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 181–185.
199. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968.
200. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
201. Мажитов Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XII вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 119–140.
202. Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.

203. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. 240 с.
204. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988.
205. Мажитов Н. А. и др. Городище Уфа-II. Т. 3. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, 2009.
206. Мажитов Н. А., Салихов Р. Т., Халиуллин Р. И. Отчет о раскопках средневекового мавзолея Бэндэбикэ в Кугарчинском районе БАССР в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 4009.
207. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа : Китап, 1994.
208. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Саттаров Т. Р., Султанова А. Н. Городище Уфа-II. Т. 2. Материалы раскопок 2007 года. Уфа, 2009.
209. Мажитов Н. А., Яминов А. Ф. Раннемусульманские надгробные памятники-мавзолеи Башкирии золотоордынского времени // Башкирский край и его народы. Уфа, 1990. С. 184–185.
210. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара : в 2 ч. Ч. 1. Казань : Иман, 2005.
211. Масанов Н. Э. Этнический состав, география расселения и численность казахского этноса // Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алма-Ата, 1995.
212. Маслюженко Д. Н. О механизмах и принципах наследования ханской власти среди Шибанидов // Вопр. истории и археологии Зап. Казахстана. 2011. № 1. С. 43–52.
213. Маслюженко Д. Н. Поименные списки соратников Абул-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник / под ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. Вып. 3. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 44–60.
214. Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации династии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : ИХЛАС, 2010. С. 9–21.
215. Маслюженко Д. Н. Сообщение продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордын. обозрение. 2015. № 4. С. 117–134.
216. Маслюженко Д. Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «Улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды : сб. науч. ст. памяти В. П. Костюкова. Астрахань : Астрахан. ун-т, 2011. С. 88–101.
217. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.
218. Маслюженко Д. Н. Южное Зауралье в средние века: этнополитический аспект : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2003. 219 с.
219. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
220. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950.
221. Матвеева Н. П. О происхождении саргатской культуры в Среднем Притоболье // Смена культур и миграции в Западной Сибири : тез. докл. Томск : Томск. гос. ун-т., 1987. С. 29–31.
222. Матвеева Н. П. Особенности погребальных памятников эпохи Великого переселения народов в западной части Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 4. С. 122–130.
223. Матвеева Н. П. Рафайловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // Рос. археология. 1993. № 1.
224. Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. 175 с.
225. Матвеева Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень : Вектор Бук, 2007. С. 63–75.
226. Матвеева Н. П. Хозяйственно-жилой комплекс Рафайловского городища // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тез. докл. обл. науч. конф. Омск, 1987.
227. Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н. Колдовское городище // Древности Ингальской долины : археол.-палеоэкол. исслед. : в 2 т. Т. 2. Новосибирск : Наука, 2008. 240 с.
228. Матвеева Н. П., Зайцева Е. А. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2004. Вып. 5. С. 51–63.
229. Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2005. 228 с.
230. Матвеева Н. П., Матвеев А. В., Зах В. А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень, 1994. 192 с.
231. Матвеева Н. П., Орлова Л. А., Рафикова Т. Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // Рос. археология. 2009. № 1. С. 140–151.
232. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Наука, 1969. 652 с.
233. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М. : Наука, 1973. 283 с.
234. Матов А. И. О развалине Балгасына // Тугайс. газ. 1897. № 24–25.
235. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
236. Матюшко И. В. Захоронение забальзамированного воина XIII–XIV вв. на левобережье Иртека // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 141–156.
237. Матюшко И. В. Памятники IX–XIV вв. Степного Приуралья. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 342 с.
238. Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск, 1989.
239. Мельников А. Военное дело таежных народов Западной Сибири [Электронный ресурс] // Мир тесен : сайт. URL: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43235416622/Voennoe-delo-tayezhnyih-narodov-Zapadnoy-Sibiri>
240. Мендикулов М. М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана // Изв. Акад. наук Казах. ССР. 1950. Сер. архитектур. Вып. 2, № 80.
241. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими пирамидальными куполами // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.
242. Мендикулов М. М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987.
243. Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.

244. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. Т. 1. М. : Вост. лит., 2005. 630 с.
245. Милорадович О. В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1963. № 114.
246. Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : Наука, 1981.
247. Миргалеев И. М. Приход к власти тукатимуридов: вопросы престолонаследия в Золотой Орде // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 164–172.
248. Миргалеев И. М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
249. Миргалеев И. М. Туктамыш ханның туган елы // Milli mədəniət. 2003. № 3. Qazan : Gumanitara. B. 108–110.
250. Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 69–83.
251. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
252. Могильников В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Вопр. археологии Урала. 1981. Вып. 15. С. 100–103.
253. Могильников В. А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
254. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
255. Молодин В. И. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.
256. Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
257. Моргунова Н. Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург : Оренбург. гос. пед. ун-т, 2003. 392 с.
258. Морозов В. М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. науч. конф. г. Пермь, 6–10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 166–167.
259. Морозов Ю. А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // Уфим. археолог. вестн., 2004. Вып. 5. С. 119–126.
260. Морозов Ю. А. Средневековые захоронения II Тавлыкаевского могильника // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.
261. Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабских источников // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Вып. 2. Казань : ИХЛС, 2010. С. 21–32.
262. Мустакимов И. А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» // Тюркологический сборник. 2013. Т. 2011–2012. С. 231–254.
263. Мустакимов И. А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 185–189.
264. Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2011. Т. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. С. 228–248.
265. Мухамедьяров Ш. Ф. Еще раз об установлении правильного названия династии Сибирские Шибаниды (Сыбаниды), а не Шейбаниды // Тюркские народы : материалы V Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 200–201.
266. Напольских В. В. Пермско-угорские взаимодействия по данным языка и проблемам границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопр. археологии Урала. 2008. Вып. 25.
267. Неверов С. В. История племен сrostкинской культуры VII–XII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
268. Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей : в 2 т. Т. 1. Одесса, 1844. С. 579–592.
269. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
270. Нестеров А. Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы : материалы V Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», г. Тобольск, 9–12 дек. 2002 г. Тобольск ; Омск, 2002. С. 205–214.
271. Нестеров А. Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке проблемы) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 234–236.
272. Нестеров А. Г. Тюменское и Сибирское ханства в XV веке // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 116–126.
273. Нестеров А. Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М. : ИСАА, 2003. С. 109–121.
274. Нестеров А. Г. Шибанидское (Шейбанидское) Узбекское ханство — государство кочевых узбеков // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 162–176.
275. Низамутдинов И. Полезная книга по истории узбекского народа // Обществ. науки в Узбекистане. 1962. № 12. С. 69–71.
276. Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1988.
277. Овсянников В. В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Сиб. отд-ние Акад. наук СССР, 1990. С. 141–149.
278. Овсянников В. В., Сунгатов Ф. А. Городище Каменная Гора в среднем течении р. Уфы // Уфим. археолог. вестн., 2004. Вып. 5.

279. Овчинникова Б. Б. Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
280. Овчинникова Б. Б. О зауральских памятниках сылвенской культурной общности конца I — начала II тысячелетий нашей эры // Ранний железный век и средневековье. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1987. С. 133–142.
281. Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год. СПб., 1892.
282. Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П. О эссендукских мавзолеях и ставке Узбекхана // Совет. археология. 1974. № 2.
283. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1769 гг. : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1908.
284. Парунин А. В. Клан баргут / бургут в политической истории Чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань : ИХЛАС, 2011. С. 94–111.
285. Парунин А. В. Участвовал ли Махмуд-Ходжа-хан в походе на Галич в 1428–1429 гг.? // Зыряновские чтения : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 113–115.
286. Парунин А. В. «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Курган : Курган. гос. ун-т, 2017. С. 3–9.
287. Пастушенко И. Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2004. С. 115–119.
288. Петри Э. Ю. Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // Отчеты археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 55.
289. Петрин В. Т. К вопросу о дате араслановской писаницы на р. Уфе // Сов. археология. 1977. № 2. С. 246–249.
290. Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск : Наука, 1989.
291. Пилипчук Я. В., Сабитов Ж. М. Борьба Токтамышевичей за власть в 10–20-х гг. XV в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 110–125.
292. Пищулина К. А. Этнополитические следствия установления монгольского господства на территории Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций : тез. докл. совет.-фр. симп. по археологии Центр. Азии и сосед. регионов. Алма-Ата : Наука, 1987.
293. Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата : Наука, 1977.
294. Плано Карпини Дж. дель. История Монгалов, именуемых ныне татарами // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 30–85.
295. Плано Карпини И. де. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы : Гылым, 1993.
296. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.
297. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885. 244 с.
298. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. 254 с.
299. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
300. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. 570 с.
301. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 464 с.
302. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 413 с.
303. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л. : Наука, 1977. 252 с.
304. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 383 с.
305. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 651 с.
306. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 576 с.
307. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М. : ЯСК, 2004. 367 с.
308. Попов А. О броне, хранящейся в музее архивной комиссии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 135–148.
309. Попов С. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ЛАИ ОГПИ. 1970. № 2-216/226.
310. Потемкина Т. М., Матвеева Н. П. Большое Бакальское городище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 39–50.
311. Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М. : АСТ ; СПб. : Евразия, 2006. 350 с.
312. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2010. 408 с.
313. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2012. 464 с.
314. Прибыткова А. М. Архитектурные школы Средней Азии // Архитектур. наследство. 1982. № 30. С. 103–119.
315. Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркестана // Архитектур. наследство. 1957. № 8. С. 143–164.
316. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 11. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1801. 315 с.
317. Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «Шатровых мавзолеев» Хорасана // Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1949. С. 57–77.
318. Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчаяне. // Совет. археология. 1967. № 2. С. 252–258.
319. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.
320. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южно-Урала. М., 1983.
321. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989.

322. Рафикова Т. Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф., г. Курган, 21–22 апр. 2011 г. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 11–15.
323. Рашид ад-Дин. Сборник летописей : в 4 т. Т. 1, кн. 2 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 281 с.
324. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей : в 4 т. Т. 2 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 253 с.
325. Рева Р. Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. М. : Триумф-Принт, 2013. С. 56–58.
326. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.
327. Родословное дерево тюрков. Сочинение Абу-л-Гази, хивинского хана / пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 21, вып. 6. Казань, 1906. 240 с.
328. Ртвеладзе Э. В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // Совет. археология. 1969. № 4.
329. Ртвеладзе Э. В. Мавзолеи Маджара // Совет. археология. 1973. № 1.
330. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы : Гылым, 1993.
331. Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья VIII–XIV вв. Казань : Репер, 2000. 158 с.
332. Рысков Я. Г. и др. Использование данных изотопного анализа костей из курганных захоронений для реконструкции антропогенной аридизации климата // Город и степь в контактной евроазиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М. : Нумизмат. лит., 2006.
333. Рычков И. И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах И. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева. М., 1949.
334. Рязанов С. В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII–XIV вв. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.
335. Сабитов Ж. М. Военное противостояние Ногай и Тохта-хана // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 246–253.
336. Сабитов Ж. М. Генеалогия Джучидов в 13–18 веках. Астана : Астана, 2007. 224 с.
337. Сабитов Ж. М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ : Ін-т історії України, 2014. С. 63–74.
338. Сабитов Ж. М. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань : Фолиант, 2011. С. 166–173.
339. Сабитов Ж. М. Тайбугиды в ханстве Абулхайр-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань : Ихлас, 2010. С. 32–36.
340. Сабитов Ж. М. Тарихи Абулхайр-хани как источник по истории ханства Абулхайр-хана // Вопр. истории и археологии Зап. Казахстана. 2009. № 2. С. 166–180.
341. Сабитов Ж. М. Улусы Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды в XIII–XIV веках // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 31–38.
342. Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск : Томс. ун-т, 1979. С. 63–72.
343. Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 94–104.
344. Савинов Д. Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.
345. Сагдеева Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды : кат.-определитель. М. : Горячая линия — Телеком, 2005. 78 с.
346. Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
347. Сальников К. В. Исетские древние поселения // Совет. археология. Вып. 25. М., 1956. С. 189–214.
348. Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
349. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М. : Инсан, 1996. С. 277–526.
350. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Ученые записки Мордовского госуниверситета. Вып. 11. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.
351. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 309 с.
352. Селезнев Ю. В. Особенности восприятия в русской письменной традиции русско-ордынских отношений в 1420–1460-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 142–151.
353. Сибирские летописи. Издание Имперской Археологической комиссии. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 462 с.
354. Смирнов А. П. Волжская Булгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М. : Наука, 1981. С. 208–212.
355. Смирнов А. П. Железный век Башкирии // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1957. № 58.
356. Сокровенное сказание монголов (Монгольский обыденный изборник) / пер. С. А. Козина. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2002. 156 с.
357. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
358. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.
359. Сорогин Е. И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой замяти» [Электронный ресурс] // Правители мира : сайт. URL: <http://pravitelimira.ru/portal/node/145>

360. Сорогин Е. И. Хан Азиз и его роль в «Великой замятне» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 38–40.
361. Спицын А. А. Зауральские древние городища // Записки отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества. Т. 8, вып. 1. СПб., 1906. 219 с.
362. Стоколос В. С. Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопр. археологии Урала. 1962. № 2.
363. Стоколос В. С. Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопр. археологии Урала. 1963. № 2.
364. Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М. : Наука, 1982. 133 с.
365. Султанов Т. И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник. 2001. Т. 2000–2001: Золотая Орда и ее наследие. М. : Вост. лит., 2002. С. 11–27.
366. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М. : АСТ, 2006. 445 с.
367. Сунгатов Ф. А. Научный отчет об охранных исследованиях Месягутовского III поселения в Дуванском районе РБ летом 2000 г. Уфа, 2001.
368. Таварих-и гузида Нусрат-наме. Ташкент : Фэн, 1967. 475 с.
369. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 9–43.
370. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / сост. Р. Рахманалиева. М. : Гураш, 1992. 544 с.
371. «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках : в 5 т. Т. 5. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. С. 88–112.
372. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : в 2 т. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб. : Тип. ИАН, 1884. 564 с.
373. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : в 2 т. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.
374. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи в XIII веке. Проблема исторической преемственности. М. : Вост. лит., 1993. 168 с.
375. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
376. Трепавлов В. В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Medii aevi. Vol. 7 (1987–1991). Wiesbaden, 1992. Pp. 249–278.
377. Туякбаева Б., Проскурин А. Декоративное убранство ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 2. Алма-Ата, 1986.
378. Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В. История архитектуры Азербайджана / науч. ред. Н. Бачинский. М. : Госстатиздат, 1963. 395 с.
379. Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кипчак в составе улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 33 с.
380. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань : Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
381. Усманова Э. Р., Дремов И. И., Панюшкина И. П. Погребения монгол-буддистов конца XIII — начала XIV в. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири : в 2 т. Т. 2. Хоххот, 2015. С. 515–528.
382. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / под ред. К. Н. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 128 с.
383. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / пер. В. П. Юдина. Алма-Ата : Гылым, 1992. 296 с.
384. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М. : Вост. лит., 1976.
385. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент : Фан, 1980. 346 с.
386. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М. : Изд-во МГУ, 1994.
387. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
388. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
389. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь, 2015.
390. Фодор И. Евразийская степь и карпатская котловина // Средневековая археология Евразийских степей : в 2 т. Т. 2. Казань, 2007.
391. Хайдаров Т. Ф. Природные и социально-экономические кризисы в Золотой Орде // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 639–657.
392. Халиков А. Х. Культура древних венгров в Приуралье и Придунавье в VIII–X вв. н. э. // Материалы симпозиума Nové vozokany, 3–7 окт. 1983 г. Nitra, 1984.
393. Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань : Фэн, 1994.
394. Халикова Е. А. Magna Hungaria // Вопр. истории. 1975. № 7.
395. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // Совет. археология. М., 1976. № 2. С. 158–178.
396. Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. М., 1972.
397. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) : в 2 ч. Ч. 1. М. : Наука, 1983. 298 с.
398. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ : Люкс, 2004. 557 с.
399. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб. : Евразия, 2002. 478 с.
400. Худяков Ю. С. Вооружение Енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980.
401. Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 240 с.

402. Цинман М. З. К вопросу о «тайне» социально-экономического строя кочевых обществ // Археологические памятники на Великом шелковом пути. Алматы : АГУ им. Абая, 1993.
403. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. М., 1957.
404. Чхао Чху-Ченг. Распад Монгольской империи. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2008. 108 с.
405. Шамильоглу Ю. «Карачи-беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой истории // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
406. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А. З. Буниятова. Баку : Элм, 1984. 88 с.
407. Шорин А. Ф. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век — Средневековье) из Игнатьевской пещеры // Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. С. 198–201.
408. Шпулер Б. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань : Фэн, 2007. С. 144–168.
409. Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX — начала X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. М., 1972.
410. Эрдели И. Извлечение из хроники венгерского Анонима // Вопр. археологии Урала. 1967. № 7.
411. Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата : Наука, 1983. С. 106–165.
412. Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы : Дайк-Пресс, 2001. 384 с.
413. Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М. : Вост. лит., 2002.
414. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М. ; Л., 1960. С. 153–155.
415. Яблонский Л. Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестн. Моск. ун-та. 1975. Сер. История. Вып. 9, № 2.
416. Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О. Природные условия степей Нижнего Поволжья (VIII–XIV вв. н. э.). М. : НИИ-Природа, 228 с.
417. Якубовский А. Золотая Орда // Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л. : ГСЭИ, 1937.
418. Яминов А. Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
419. Яминов А. Ф. Южный Урал в системе географических представлений XIII–XIV вв. (по материалам письменных источников) // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995.
- Литература на европейских языках
420. Комар А. В. Древние мадьяры Этелькеза: Перспективы исследования // Мадьяры в Средньому Подніпров'ї. Киев, 2011. С. 21–78.
421. Рашев Р. Прабългарите през V–VII. София, 2004.
422. Defremery M. Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans Inédits // Journ. Asiatique. Février-Mars 1851. Paris, 1851. Pp. 105–161.
423. Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1969.
424. Fodor I. Research on the Proto-Hungarians // The New Hungarian Quarterly, 1977.
425. Gening V. F. Magna Hungaria és a régészeti emlékananyag. Budapest : Különlenyoman az archeológiai Értesítő, 1978.
426. Gy L. A «kettős honfoglalás». Budapest : Magvető Kiadó, 1978.
427. Langles L. Notice chronologique des khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengalie a Petersbourg. Vol. 3. Paris, 1802. Pp. 325–482.
428. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or // Oeuvres posthumes. Vol. 2. Paris, 1949.
429. Shamiloglu U. The Black Death in the Golden Horde and the Later Golden Horde and its Consequences // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. 2. Казань : Яз, 2011. С. 98–117.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Геннадьевич Боталов (р. 02.06.1958, дер. Федорово Юсьвенского района Пермской области) — российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, действительный член Международной тюркской академии. Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, профессор Южно-Уральского государственного университета, директор Археологического научного центра.

С начала 1980-х годов организатор и руководитель многочисленных экспедиций по выявлению и исследованию археологических памятников кочевых сообществ урало-казахстанских степей и степной Евразии. Участвовал в раскопках курганов и городищ в Крыму, Херсонской области, Казахстане. После раскопок курганов Друженского и Большекараганского могильников С. Г. Боталовым впервые была аргументированно высказана идея об отнесении памятников позднесарматской культуры к погребальным и жертвенно-поминальным комплексам ранних гуннов.

С. Г. Боталовым в пределах урало-казахстанских степей были проведены полномасштабные исследования так называемых курганов «с усамы» (с каменными грядами), которые были аргументированно датированы эпохой раннего Средневековья и соотнесены с раннеболгарским населением [племя дуло в объединении он ок будум (оногур «10 стрел»)]. Данное население сформировалось здесь с постгуннского времени и позднее вошло в Западно-Тюркский каганат. С. Г. Боталовым впервые были открыты и интерпретированы урало-казахстанские памятники гуннской и тюркской эпох.

В 2009 году под руководством С. Г. Боталова был обнаружен и исследован уникальный погребальный комплекс Уелги (Кунашакский район Челябинской области), материалы которого получили всемирную известность. Раскопки этого поликультурного комплекса (VIII–IX века) позволили по-новому подойти к проблеме культурогенеза башкир, венгров, волжских и сибирских татар, кыпчаков, кыргызов и зауральских угров (манси). С. Г. Боталов автор более 500 научных публикаций.

botalovsglp@mail.ru

Список основных публикаций

Боталов С. Г. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.

Боталов С. Г. Волго-уральские и казахстанские степи в V–VIII вв. (некоторые вопросы тюркизации евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 194–209.

Боталов С. Г. Памятники урало-казахстанских кочевников XI–XIV вв. // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2 Ранний железный век и Средневековье : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 366–430.

Боталов С. Г. Номады. Челябинск : Рифей, 2003. 423 с.

Боталов С. Г. Этапы культурогенеза населения урало-казахстанских степей в эпоху раннего железа // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) : монография. Челябинск : Рифей, 2006. С. 299–312.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Боталов С. Г. Внешний вид и антропологический облик гуннов // История башкирского народа : в 7 т. Т. 1 / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М. : Наука, 2009. С. 273–280.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2009. 672 с.

Боталов С. Г. Погребальный комплекс могильника Уелги — новый средневековый памятник в Южном Зауралье // Челябин. гуманитарий. 2011. № 2 (15). С. 103–113.

Боталов. С. Г. Позднегоуннский и раннетюркский период в заволжских и южноуральских степях. Этнокультурные ареалы Центральной Евразии // Западный Тюркский каганат : атлас / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков и др. Астана : Service Press, 2013. С. 652–672.

Денис Николаевич Маслюженко (род. 24.10.1977, г. Курган).

По окончании Курганского государственного университета (КГУ) по специальности «История» (2000) работал учителем истории и краеведения в курганской гимназии № 57, обучался в аспирантуре КГУ. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Южное Зауралье в средние века» (2004). С 2003 года преподает в КГУ, с 2009 года доцент. В настоящее время декан исторического факультета, заведующий кафедрой «Культурология», научный руководитель учебно-исследовательской археологической лаборатории.

Основной круг научных интересов: история государственности династии Шибанидов; археология позднего Средневековья и нового времени Юго-Западной Сибири.

Автор 200 публикаций.
denmas13@yandex.ru

Список основных публикаций

Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Монография. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.

Маслюженко Д. Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Востлит, 2009. С. 237–257.

Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Вып.4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 76–88.

Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. 254 с.

История и культура татар Западной Сибири. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

Ильнур Мидхатович Миргалеев (род. 25.10.1976, дер. Якупово Кушнаренковского района Республики Башкортостан).

Окончил Башкирский государственный педагогический институт по специальности «История» (1998), затем обучался в аспирантуре Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Преподавал историю в казанском лицее № 2. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Политическая история Золотой Орды периода Токтамыш» (2002). Работал директором школы, затем возглавлял отдел в Министерстве образования и науки Республики Татарстан. С 2006 года является заведующим Центром исследований истории Золотой Орды и татарских ханств имени М. А. Усманова в Институте истории имени Ш. Марджани. Главный редактор журнала «Золотоордынское обозрение», член редакционных коллегий журналов *Studia et Documenta Turcologica* (Румыния), «Крымское историческое обозрение», ежегодника «Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона и Евразии».

Круг научных интересов: политическая история Золотой Орды и татарских государств, источниковедение, автор пяти монографий и более 130 научных статей.

dilnur1976@mail.ru

Список основных публикаций

Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

Миргалеев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

Миргалеев И. М. «Золотая Орда: библиографический указатель / Автор-составитель И.М.Миргалеев. Казань, 2013. –412 с.

Миргалеев И. М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В. В. Трепавлова, И. М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.

Алексей Владимирович Парунин (род. 07.02.1984, г. Шадринск Курганской области).

Выпускник Шадринского государственного педагогического института (2008). Окончил аспирантуру по специальности «Отечественная история» Курганского государственного университета. С 2003 года участвовал в археологическом изучении памятников на территории Южного Зауралья, Южного Урала, Ханты-Мансийского автономного округа. В 2006–2007 годах научный сотрудник Шадринского краеведческого музея, в 2013–2017 годах — главный специалист отдела археологии Государственного научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия (Челябинск). В настоящее время научный сотрудник общественного фонда «Южный Урал».

Область научных интересов: история Золотой Орды XIII–XV веков, история тюрко-татарских ханств XV–XVI веков. Автор 28 публикаций.

therion12399@gmail.com

Список основных публикаций

Парунин А. В. Клан баргут/буркут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань, 2012. С. 131–143.

Парунин А. В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 году // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 166–171

Парунин А. В. К вопросу о великодержавной политике шибанида Ибак-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2017. № 9. С. 142–148.

Евгений Владимирович Русланов (род. 21.02.1988).

В 2005–2010 годах обучался в Институте исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета (БГПУ) имени М. Акмуллы по специальности «учитель истории и права». Затем учился в аспирантуре на кафедре всеобщей истории и культурного наследия (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор В. С. Горбунов). С 2005 года участвует в раскопках в составе археологической экспедиции БГПУ (Мурадымовское поселение, Казбуруновские курганы). Принимал участие в инвентаризации памятников археологии на территории Федоровского и Таташлинского районов, в 2013 году — в археологической разведке в Мелеузовском районе.

В настоящее время является младшим научным сотрудником отдела археологии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. С 2014 года редактор научно-популярного альманаха «Известия Археологического общества Республики Башкортостан».

Область научных интересов: эпоха бронзы, палеодемография.

butleger@mail.ru

Список основных публикаций

Русланов Е. В. Поселенческие памятники эпохи поздней бронзы в системе старичных озер Береговского археологического микрорайона (Башкирское Приуралье) / Е. В. Русланов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. Т. 1, № 7 (160). С. 45–50.

Русланов Е. В. Роль месторождений и рудопоявлений меди в формировании Береговского археологического микрорайона эпохи бронзы (Башкирское Приуралье) / Е. В. Русланов = The Role of Copper Deposits and Copper Occurrences in the Formation of Beregovskii Archaeological Microdistrict of the Bronze Age (Bashkirian Urals) // Известия Иркутского государственного университета. Иркутск, 2016. Т. 15. С. 23–34.

Евгений Игоревич Сорогин (род. 06.07.1977, г. Курган).

С 2000 по 2005 год обучался в Курганском государственном университете (КГУ) по специальности «История». По окончании университета работал учителем истории в курганском профессиональном лицее № 6, одновременно учился в аспирантуре КГУ. С сентября 2007 года по декабрь 2017 года преподавал в университете. В настоящее время является начальником отдела по взаимодействию с вузами и научными организациями Департамента образования и науки Курганской области.

Область научных интересов — история Золотой Орды второй половины XIV века. Автор более 20 публикаций.

Список основных публикаций

Сорогин Е. И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой замятии» [Электронный ресурс] // Правители мира : сайт. URL: <http://pravitelimira.ru/portal/node/145>.

Сорогин Е. И. Хан Азиз и его роль в «Великой замятне» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 38–40.

Том **5**
История
Южного Урала

У ИСТОКОВ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ НАРОДОВ. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (IX — начало XV века)

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Сергей Геннадьевич Боталов, Владимир Петрович Костюков,
Денис Николаевич Маслюженко, Ильнур Мидхатович Миргалеев,
Алексей Владимирович Парунин, Евгений Владимирович Русланов,
Евгений Игоревич Сорогин, Айдар Факилович Яминов

У ИСТОКОВ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ НАРОДОВ. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (IX — начало XV века)

Научное иллюстрированное издание

Использованы фотографии и репродукции из фондов Челябинского государственного исторического музея Южного Урала, Государственного Эрмитажа, Магнитогорского историко-краеведческого музея, музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета, а также фотографии и графические изображения артефактов из музеев Уфы (Республика Башкортостан), Оренбурга, Кургана, Актюбинска, Лисаковска (Республика Казахстан), материалы частных коллекций, общедоступные ресурсы сети Интернет, авторские фотографии С. М. Арканова, Н. Б. Виноградова. Художественные реконструкции Н. Н. Бойко, С. Г. Боталова, С. Р. Газизовой, И. В. Горелика, И. В. Грудочко, Л. И. Загирной, А. В. Парунина, А. И. Соловьева, А. Д. Таирова, А. М. Федорова.

Научный редактор доктор исторических наук А. Д. Таиров
Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова
Научный консультант С. А. Ханов
Корректор И. Н. Козырева
Набор текстов М. Н. Загирной
Фотохудожник С. М. Арканов
Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л.
Печать офсетная. Бумага мелованная
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

